

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CU53261569

281.1;B2928

Zhizn Sviatago Vasil

V1563.

~~6.
6.
20.~~

**Columbia University
in the City of New York**

THE LIBRARIES

Инвентарь № 1573

Штафz 10

Полка 7

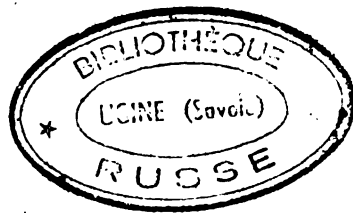
по книж на полкz 2

28

21
12

029

029

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПІСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ,

И

ЕГО ПАСТЫРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Оршанскихъ Покровскаго и Богоявленскаго монастырей Настоятеля,

Архимандрита Аванита.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

281.1
32728

7587

Дозволено цензурою. Февраля 17 дня 1873 года.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

190 MAY 3 1954

029

Величай душе моя
ко Иерарсѣхъ
Василіа Великаго.

Припѣвъ къ 9-й пѣсни.

Служба въ 4-й день Января.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Для чего, при описаніи жизни великихъ людей, упоминается о ихъ предкахъ, и достигается ли предполагаемая при этомъ цѣль? Почему не должно вспоминать о земномъ величій предковъ св. Василія? Христіанскія доблести предковъ его, ихъ мученичество, скитаніе по лѣсамъ и чудесное ихъ насыщеніе. Первоначальное воспитаніе родителей св. Василія, и ихъ христіанскія добродѣтели. Ихъ молитвы о дарованіи сына, его болѣзнь вскорѣ по рожденіи и чудесное излѣченіе отъ болѣзни по молитвамъ родителей. Обязанность родителей пещись предварительно о своемъ умственномъ и нравственномъ воспитаніи, чтобы передать дѣтямъ добрыя наклонности и расположеніе къ добру. Примѣры зависимости наклонностей дѣтей отъ характера и наклонностей ихъ родителей. Должно ли сообщать дѣтямъ понятіе о Богѣ и законѣ Божіемъ до полного раскрытія въ нихъ смысла и понятія окружающихъ предметовъ, и почему? Почему жизнь земная, назначенная первоначально для блаженства, преисполнена скорбей? Пребываніе св. Василія до семилѣтняго возраста у его бабки, св. Макрины, и его первоначальное воспитаніе. Послѣ семилѣтняго возраста его пребываніе въ домѣ родителей, и продолженіе его религіозно - нравственного воспитанія и развитія умственныхъ способностей подъ руководствомъ родителей. Вступленіе св. Василія въ Кесарійскую школу, и его отличные успѣхи въ наукахъ и примѣрное поведеніе, пріобрѣтшіе ему общее уваженіе отъ наставниковъ и жителей города. Причины, побудившія его отправиться въ Константинополь для дальнѣйшаго образованія. Что содѣйствовало къ охраненію его нравственности въ школахъ, гдѣ и учителя были язычники, и ученики были собраны изъ разныхъ

мѣстъ и съ разными воззрѣніями на предметы вѣры? Содержаніе его поученія къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться твореніями языческихъ писателей. Его прибытіе въ Аѳины, и причины, послужившія къ тѣснѣйшей дружбѣ съ Григоріемъ. Его успѣхи въ наукахъ, его благонравіе, и его отношенія къ товарищамъ. Почему не вредило ему общество и безнравственныхъ товарищей? Наставленіе юношамъ, какъ соблюсти непорочность сердца и чистоту вѣры, живя среди безпорядочныхъ совоспитанниковъ. Окончаніе ученія и разлука съ св. Григоріемъ.

Г л а в а II.

Возвращеніе на родину св. Василія. Опыты его краснорѣчія на должностяхъ адвоката и учителя краснорѣчія. Какое впечатлѣніе производили на душу св. Василія слышимыя похвалы его высокимъ талантамъ? Его путешествіе по пустынямъ Египетскимъ, Сирійскимъ и Месопотамскимъ, и разнымъ монастырямъ. Впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого путешествія, и причины, заставившія его отказаться отъ дальнѣйшаго сожителства съ великими подвижниками. Монастырь, имъ основанный на мѣстѣ родины. Причины, побудившія его избрать это, а не другое мѣсто, для иноческой жизни. Почему св. Григорій Б. не захотѣлъ жить вмѣстѣ съ св. Василиемъ, не смотря на свое обѣщаніе, данное въ Аѳинахъ, подвизаться съ нимъ въ одномъ мѣстѣ? Описаніе мѣстности, гдѣ былъ устроенъ св. Василиемъ монастырь. Устройство св. Василиемъ и другихъ мужскихъ и женскихъ монастырей. Заботливость св. Василія о духовномъ просвѣщеніи не только монашествующихъ, но и окрестныхъ жителей. Четыре его слова «о подвижничествѣ». Содержаніе каждаго слова. Посѣщеніе св. Григоріемъ св. Василія въ его монастырѣ, и занятіе вмѣстѣ съ нимъ св. Писаніемъ, отеческими писаніями, и составленіемъ правилъ для монашествующихъ. Содержаніе пространныхъ и краткихъ правилъ. Подвижническіе уставы и нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ.

Г л а в а III.

Состояніе Церкви Восточной при царѣ Констанціѣ. Покровительство съ его стороны аріанамъ и заточеніе православныхъ Епископовъ. Подпись не православнаго символа Григоріемъ, Назіанзскимъ

Епископомъ, и Діаніемъ, Кесарійскимъ Архіепископомъ, породившая много смуть въ Церкви, и причинившая много скорби св. Василию и его другу, св. Григорію. Удаленіе св. Василия по сему случаю изъ Кесаріи съ прекращеніемъ общенія съ Діаніемъ. Заботливость св. Василия объ утвержденіи иноковъ въ православномъ ученіи, и его заботливость объ огражденіи всѣхъ православныхъ христіанъ отъ увлеченія еретическимъ ученіемъ. Примиреніе св. Василия съ Діаніемъ, предъ его кончиною. Возведеніе на Архіепископскій престолъ Евсевія. Сдѣланное при этомъ насиліе Епископамъ со стороны народа. Покушеніе со стороны Юліана-богоотступника на ниспроверженіе его и овладѣніе Кесарійскими церквами. Противодѣйствіе его замысламъ со стороны Григорія, отца св. Григорія Богослова. Посвященіе св. Василия въ санъ Пресвитера. Его ревность въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, и его первое поученіе на начальные стихи Притчей Соломоновыхъ, написанное по порученію Евсевія, Архіепископа Кесарійскаго. Содержаніе этого поученія. Неудовольствіе со стороны Евсевія на св. Василия, побудившее его оставить Кесарію и возвратиться въ Понтъ къ своимъ инокамъ.

ГЛАВА IV.

Вступленіе на престолъ Валента, сильно покровительствовавшего аріанамъ. Его покушеніе овладѣть Кесарійскою Церковію, съ тѣмъ, чтобы передать въ управленіе аріанамъ. Примиреніе св. Василия съ Евсевіемъ, и его усиліе вмѣстѣ съ св. Григоріемъ къ отраженію всѣхъ нападеній Валента и аріанскихъ епископовъ. Безуспѣшность покушеній Валента и его удаленіе отъ Кесаріи. Попечительность св. Василия о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ и его ревность въ проповѣданіи слова Божія. Бесѣды его на шесть дней творенія міра, и извлеченіе изъ нихъ нѣкоторыхъ мыслей, особенно служащихъ къ опроверженію новѣйшихъ возраженій со стороны геологовъ и астрономовъ. Бесѣды на Псалмы, и извлеченіе изъ нихъ болѣе назидательныхъ мыслей и особенно служащихъ къ уясненію текста. Толкованіе на 16 главъ пророка Исаіи, и извлеченіе болѣе назидательныхъ мыслей. Бесѣда о томъ, что не Богъ виновникъ существующаго зла въ мірѣ, изъ которой сдѣланы нѣкоторыя извлеченія въ разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые доселѣ тревожатъ пытливые умы нѣкто-

*

рыхъ пзъ нашихъ современниковъ. Попечительность св. Василя о бѣдныхъ во время голода, постигшаго Каппадокійскую область, и его живое и поучительное слово къ богатымъ о вспомоствованіи бѣднымъ. Попечительность св. Василя объ освобожденіи Восточной Церкви отъ нападеній аріанъ, и его заботливость объ устройствѣ монастырей въ Кесаріи и другихъ мѣстахъ.

ГЛАВА V.

Смерть Евсевія, Архіепископа Кесарійскаго. Избраніе ему преемника. Заботливость многихъ избирателей о достиженіи при этомъ своихъ корыстныхъ и честолюбивыхъ цѣлей, и противодѣйствіе избранію св. Василя. Заботливость св. Григорія Богослова и его отца о возведеніи на архіепископскій престолъ св. Василя. Радость объ избраніи св. Василя всѣхъ читателей его святости и мудрости, и надежды на него въ защитѣ православной Церкви отъ нападеній аріанъ. Враждебное отношеніе къ нему многихъ Епископовъ, противодѣйствовавшихъ его избранію, и мудрыя мѣры, принятые св. Василемъ къ умиротворенію ихъ. Сколь обширна была власть Кесарійскаго Архіепископа? Неутомимость св. Василя въ устроеніи дѣлъ церковныхъ, въ проповѣданіи слова Божія и попечительности о всѣхъ, искавшихъ его помощи. Заботливость объ исправленіи разныхъ безпорядковъ, допущенныхъ хорепископами, и о возвышеніи нравственности духовенства. Его два слова: на гнѣвливыхъ и о зависти. Содержаніе этихъ словъ. Возведеніе кесарійскихъ пресвитеровъ на кафедры епископскія въ другихъ церквахъ, и личныя качества удостоиваемыхъ этой чести. Выясненіе св. Василемъ того, могутъ ли быть измѣняемы обряды церковные, и есть ли основаніе расторгать союзъ любви изъ-за обрядовъ. Приложение его мнѣній къ дѣйствіямъ русскихъ старообрядцевъ, для опредѣленія тяжести ихъ грѣха—отдѣленія отъ Церкви.

ГЛАВА VI.

Св. Василій, умиротворивъ враждовавшихъ противъ него, употребляетъ усилія къ умиротворенію и всей Восточной Церкви. Средства, употребленныя имъ для этого. Изображеніе страшныхъ бѣдствій, которыя испытывала Восточная Церковь вслѣдствіе гоненій со стороны аріанъ. Причины, породившія бѣдствія для всей

Церкви. Какую имѣли цѣль враги св. Василія, приходя слушать его поученія? Бесѣда о смиренномудріи. Позволительно ли искать славы, и какой? Можетъ ли дѣйствительно служить къ прославленію человека то, въ чемъ онъ, по внушенію врага, поставляетъ для себя славу? Какія средства къ приобрѣтенію неувядающей славы? Жизнь истинно святая и богоугодная, сопровождаемая особыми благодатными дарами, даетъ ли право превозноситься человѣку надъ ближнимъ? Чѣмъ можно отогнать гордость, внушаемую діаволомъ человѣку, истинно благочестивому? Какъ нужно расположить свою виѣшнюю жизнь, чтобы все окружающее насъ служило къ водворенію въ душѣ смиренномудрія?

Бесѣда на слова: *внемли себѣ*. Къ чему этими словами внушается внимательность, къ виѣшнимъ дѣйствіямъ, или и къ внутреннимъ расположеніямъ души? Грѣхъ, совершенный только въ сердцѣ, подвергаетъ ли такой же отвѣтственности, какъ и выраженный во виѣшнемъ дѣйствіи? Почему внутреннія расположенія души заслуживаютъ большей бдительности съ нашей стороны, нежели виѣшнія дѣйствія? Какимъ чувствомъ совершается наблюденіе надъ внутренними расположеніями души? Какую пользу приносятъ наблюденіе надъ внутреннимъ состояніемъ души? Утѣшеніе, какое можетъ извлекать бѣдный и униженный человѣкъ изъ разсматриванія самого себя и окружающей его природы. Внимательность къ себѣ, какъ причина къ уврачеванію разнообразныхъ страстей. Внимательность къ себѣ самому, какъ путь къ познанію Творца и Его невидимыхъ свойствъ.

Почуеніе о вѣрѣ. Причины, расположившія къ произнесенію этого поученія. Нообходимость вѣры, вытекающая изъ недоступности нашему пониманію самыхъ предметовъ вѣры. Эта недоступность предметовъ вѣры нашему пониманію не можетъ ли располагать къ самой невнимательности къ нимъ, какъ непостижимымъ для нашего ума? Если же позволительно нѣкоторое изслѣдованіе этихъ непостижимыхъ для ума предметовъ: то гдѣ предѣлъ этимъ изслѣдованіямъ? И не можетъ ли усиленное стремленіе понять непостижимое повредить самой мысли? Выясненіе нѣкоторыхъ словъ евангельскихъ, служащихъ повидимому къ униженію Божественнаго достоинства Сына Божія? Подробное изъясненіе благодатныхъ дѣйствій Духа Святаго по отношенію къ человѣку.

Бесѣда на слова: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога*. Въ этихъ словахъ Евангелиста св. Василій указываетъ вѣрное средство къ пораженію двухъ еретиковъ—Арія и Савелія. Что нужно разумѣть подъ словомъ *начало*? Слово *начало* даетъ ли право лишить Сына Божія одного изъ свойствъ божественныхъ—безначальности? Наименованіе Сына Божія—Словомъ, какъ доказательство Его совѣчности Богу Отцу. Слово *у Бога*, какъ доказательство неслитности Божескихъ Упостасей.

Бесѣда противъ Аріанъ и Савеліанъ. Какую цѣль имѣлъ діаволь, возбуждая къ пагубнымъ ученіямъ этихъ двухъ еретиковъ? Кто были слушатели св. Василія,—покорные ли ученики гласу своего Пастыря, или враги, отыскивающие въ его словахъ средство къ неспроверженію его самого? Ученіе о Духѣ Святомъ, не согласное съ ученіемъ православной Церкви, не служитъ ли признакомъ отчужденія такого учителя отъ благодатнаго озаренія Духомъ Святымъ?

Опредѣленіе еретиковъ о низведеніи св. Василія съ кафедры архіепископской и заточеніи его въ ссылку, если онъ назоветъ въ своихъ поученіяхъ Духа Святаго Богомъ. Мудрость св. Василія въ доказательствахъ Божественнаго достоинства Св. Духа безъ наименованія Его Богомъ. Побужденія къ такой осторожности въ словахъ. Недовольство нѣкоторыхъ неразумныхъ ревнителей православія осторожностію св. Василія, и обвиненіе его въ неправославіи. Защищеніе его непоколебимости въ православіи св. Григоріемъ Богословомъ и св. Аѳанасіемъ Александрійскимъ.

Г л а в а VII.

Слухъ о прибытіи въ Кесарію Императора Валента для низложенія съ кафедры св. Василія. Причины, заставлявшія кесарійскую паству вѣрить въ справедливость этого слуха. Способъ дѣйствованія аріанъ и царя-аріанина, какимъ пользовались они при низложеніи православныхъ Епископовъ, и обращеніе ихъ паствъ въ аріанство. Мѣры, предпринятыя св. Василиемъ къ отраженію аріанъ и покровительствовавшего имъ—царя. Прибытіе въ Кесарію Модеста—перваго царедворца съ полномочіемъ—или склонить св. Василія къ принятію аріанства, убѣжденіями и обѣщаніями, или—сослать въ заточеніе, подвергнувъ предварительно разнымъ мученіямъ. Разговоръ

св. Василия съ Модестомъ, въ которомъ св. Василий, своимъ мужествомъ и неустрашимостью, съумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и своему врагу. Прибытіе въ Кесарію самого Императора, и его желаніе лично поговорить съ св. Василиемъ. Прибытіе Императора въ церковь, гдѣ совершалъ литургію св. Василий, и поражение его благолѣпіемъ службы. Бесѣда царя съ св. Василиемъ, и вслѣдствіе оной благорасположеніе къ нему царя. Снова покушеніе на изгнаніе св. Василия, вслѣдствіе настоянія аріанъ. Внезапная болѣзнь царскаго сына, и исцѣленіе его по молитвамъ св. Василия. Опасная болѣзнь Модеста, и исцѣленіе его по молитвамъ св. Василия. Всегда благосклонное расположеніе къ нему, какъ царя, такъ и Модеста. Столкновеніе св. Василия съ областнымъ начальникомъ—родственникомъ Императрицы, принуждавшимъ одну знатную вдову выйти въ замужество за подчиненнаго себѣ чиновника.

Неустрашимость св. Василия и любовь народная къ нему, высказавшаяся по сему случаю. Раздѣленіе Кесарійской области въ гражданскомъ отношеніи на двѣ части, за симъ послѣдовавшее раздѣленіе оной и въ церковномъ отношеніи. Скорбь св. Василия, причиненная ему Епископомъ Тіанскимъ, вознамѣрившимся отдѣлиться отъ св. Василия и образовать отдѣльную архіепископію. Глубокое смиреніе св. Василия и его любовь къ миру, особенно высказавшіяся по сему случаю. Богадѣльня, устроенная св. Василиемъ, въ которой нашли для себя пріютъ множество прокаженныхъ, и страдавшихъ другими болѣзнями, въ которыхъ никто доселѣ не хотѣлъ принимать никакого участія. Устройство больницъ и въ другихъ мѣстахъ Кесарійской епархіи подъ управленіемъ хореепископовъ. Недостаточность усердія людей богатыхъ къ поддержанію этихъ благотѣльныхъ учрежденій. Пронзнесеніе св. Василиемъ трехъ, особенно сильныхъ по одушевленію и убѣдительности, бесѣдъ, въ которыхъ онъ раскрылъ, какъ злоупотребленія богатыхъ людей своими богатствами, такъ и преступность ихъ равнодушія къ больнымъ и нищимъ. Содержаніе этихъ бесѣдъ.

Г л а в а VIII.

Враждебныя отношенія къ св. Василию Евстафія, Епископа Севастійскаго и вредныя послѣдствія клеветъ, разносимыхъ имъ повсюду. Уклоненіе Евстафія въ ересь аріанскую. Непріязненныя

отношенія къ св. Василю приморскихъ Епископовъ и примиреніе съ ними. Непріязненные отношенія къ св. Василю Назіанзской паствы и ея Архіепископа, и вразумленіе ихъ св. Василиемъ. Пріенесеніе въ Кесарію разныхъ мощей св. мучениковъ, и слово св. Василя въ честь св. мученика. Назначеніе въ Каппадокіи новаго намѣстника, и изгнаніе св. Григорія Нисскаго, брата св. Василя. Заточеніе въ ссылку Евсевія Епископа Самосатскаго, и Мелетія Архіепископа Антіохійскаго. Заботливость св. Василя объ умиротвореніи Восточной Церкви при содѣйствіи Валентиніана, Императора Западной Имперіи. Переписка съ западными Епископами и убѣжденія св. Василя относительно ихъ главнаго Епископа, добытыя послѣдствіями этой переписки. Предсказаніе св. Василя о скоромъ окончаніи владычества аріанъ. Исполненіе этого предсказанія. Смерть Валента и возвращеніе изъ заточенія православныхъ Епископовъ на прежнія ихъ каѳедры. Кончина св. Василя и торжество его погребенія. Повѣсть объ особыхъ духовныхъ дарованіяхъ св. Василя, проявившихся еще при его жизни на землѣ.

ЖИЗНЬ

Святаго Василія Великаго, архієпископа Кесаріи
Каппадокійскія, и его пастырская дѣятельность.

ГЛАВА I.

При описаніи жизни людей, великихъ по понятіямъ земли, которыхъ дѣятельность ограничивалась возвышеніемъ благоденствія человѣка, въ какомъ бы то ни было отношеніи, только на землѣ, не рѣдко воспоминаютъ и ихъ предковъ. Воспоминаютъ или для того, чтобы возвысить блескъ ихъ дѣяній славными подвигами ихъ предковъ, или для того, чтобы недостатокъ славныхъ дѣяній въ описываемыхъ лицахъ восполнить отражательнымъ свѣтомъ отъ дѣяній ихъ прародителей, хотя въ семъ послѣднемъ случаѣ цѣль не достигается. О благородствѣ и величіи человѣка, говоритъ св. Григорій Богословъ, надобно судить по личнымъ достоинствамъ и изображать себя должно чертами, не отъ другихъ заимствованными, такъ какъ и красоту лица и доброту краски, и высокую или низкую породу коня оцѣниваютъ по свойству вещи, самой въ себѣ взятой ⁽¹⁾.

(1) Григорій Богословъ. Сл. 43, стр. 56.

Если бы мы о св. Василиѣ Великомъ имѣли понятіе такое же, какое имѣють о великихъ дѣателяхъ земли, слава дѣяній которыхъ не переносится съ ними въ загробную жизнь: то мы о немъ могли бы сказать, вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Б., въ похвалу ему, что его предки представляютъ много примѣровъ военачальства, народоправленія, могущества при царскихъ дворахъ, также богатства, высоты престоловъ, гражданскихъ почестей и блистательнаго краснорѣчія ⁽¹⁾.

Но, имѣя въ виду говорить о великомъ не на землѣ только, но и на небѣ, обо всемъ этомъ умолчимъ, такъ какъ и самъ св. Василий В. говоритъ: «въ разсужденіи праведниковъ, и того, что дѣйствительно сдѣлано ими, достаточно къ показанію превосходства ихъ добродѣтелей» ⁽²⁾.

Мы, впрочемъ, упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ предковъ св. Василия Великаго, но не о ихъ внѣшнихъ отличіяхъ, а о ихъ христіанскихъ доблестяхъ, и не для того, чтобы прибавить нѣчто къ Васильевой славѣ. «Море, говоритъ св. Григорій Богословъ, не имѣетъ нужды, чтобъ вливалась въ него рѣка, хотя и вливаются въ него множество самыхъ большихъ рѣкъ», не возвышая однакожъ уровня его поверхности. Мы упомянемъ о христіанскихъ доблестяхъ предковъ св. Василия В. для того, чтобы показать, «какіе примѣры имѣлъ онъ предъ собою съ самаго начала, на какіе взиралъ образцы, и сколько ихъ превзошелъ» ⁽³⁾.

«Въ царствованіе Римскаго Императора Максимина воздвигнуто было послѣднее, но самое жесточайшее изъ всѣхъ предшествовавшихъ, гоненіе на христіанъ. Въ это время

⁽¹⁾ Григорій Богословъ. Сл. 43, стр. 55, 56.

⁽²⁾ Василия Великаго бесѣд. 18, стр. 281.

⁽³⁾ Григорій Богословъ. Сл. 43, стр. 60.

многія тисячи христіанъ засвидѣтельствовали свою несокрушимую вѣру и непоколебимую преданность Христу мученическою смертію. Въ эту-то страшную годину испытанія христіанъ, дѣдъ св. Василия В. по матери лишень былъ имѣнія и жизни за имя Христово ⁽¹⁾.

Дѣдъ же св. Василия В. по отцѣ и его бабка Макрина, лишившись всего своего имѣнія, которое по повелѣнію Императора было отобрано въ казну, и сами горѣли желаніемъ пострадать за Христа, чтобы получить на небѣ неувядаемые вѣнцы и вѣчную блаженную жизнь; но не хотѣли — однакоже произвольно отдать себя мучителямъ, пока не были призваны къ этому подвигу невидимою десницею подвигоположника Христа, зная, что и самый подвигъ долженъ быть законнымъ. «Законъ же мученичества, говоритъ св. Григорій Б., таковъ, чтобы, какъ щадя мучителей и немощныхъ не выходить на подвигъ самовольно, такъ вышедши не отступать: потому что первое есть дерзость, а послѣднее — малодушіе» ⁽²⁾. Руководимые такимъ закономъ, они, съ небольшимъ числомъ преданныхъ слугъ и съ малымъ запасомъ средствъ къ пропитанію, скрылись въ густыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ горы и долины Понта, гдѣ и блуждали подъ открытымъ небомъ, въ продолженіи семи лѣтъ, пока не прекратилось гоненіе съ воцареніемъ другого Императора. Такая жизнь, полная лишеній и скорбей, вдали отъ общества, знакомыхъ, родныхъ и друзей, заставившая терпѣть попеременно и холодъ зимы, и палящій зной лѣта, и голодъ, и жажду, для людей, привыкшихъ жить въ покоѣ и полномъ довольствѣ, постигнѣ была мученичествомъ, отнимавшимъ жизнь не мгновенно, какъ то бываетъ подѣ

⁽¹⁾ Св. Гр. Нисс. Жизнь св. Макрины.

⁽²⁾ Григорій Б. Сл. 43, стр. 57.

ударомъ палача, но медленно и съ болѣе продолжительными страданіями. Но сила Божія въ немощи совершается, и что кажется невозможнымъ для естественныхъ силъ человѣка, то возможно для Бога. Дѣдъ и бабка св. Василія, не смотря на преклонность своихъ лѣтъ, хотя не безъ чувства скорби, но съ совершенною покорностію волѣ Божіей, провели многотрудную жизнь въ лѣсахъ. Промыслъ Божественный, невидимо хранившій ихъ и укрѣплявшій ихъ немощныя силы, соблюлъ ихъ жизнь, чтобы они, какъ говоритъ св. Григорій Б. «могли служить для другихъ побудителями къ добродѣтели, живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвною проповѣдью» (¹). И что многотрудная жизнь ихъ пріятна была Господу Богу, то Онъ засвидѣтельствовалъ особеннымъ чудомъ.

Однажды къ концу уже семилѣтняго странствованія по лѣсамъ, дѣдъ и бабка св. Василія, со всѣми раздѣлявшими ихъ эту, исполненную скорбей и лишеній, жизнь, возчувствовали ослабленіе силъ и потребность подкрѣпить ихъ болѣе питательною пищею, нежели та, которую могъ доставлять лѣсъ своими скудными произрастеніями, немогшими даже доставить удовлетворительнаго питанія и для животныхъ. Орудій къ ловлѣ лѣсныхъ животныхъ, годныхъ для питанія, они не имѣли, и потому для нихъ однимъ средствомъ къ достиженію этой цѣли оставалась молитва къ Богу, назначившему всѣхъ животныхъ на службу человѣку. Къ такому средству для пропитанія себя привело ихъ размышленіе о чудесахъ, явленныхъ Богомъ народу Израильскому, во время странствованія ихъ въ пустыни. «Что невѣроятнаго, говорили они, если Богъ чудесь, Который богато пропиталъ въ пустыни народъ странствующій и бѣдствующій

(¹) Тамъ же.

щій, дожидя хлѣбъ, посылалъ птицъ, подавалъ пищу, не только необходимую, но и роскошную, раздѣлялъ море, останавливалъ солнце, пресѣкъ теченіе рѣки, — что невѣроятнаго, говорили они, если сей Богъ и насъ, подвижниковъ благочестія, пропитаетъ нынѣ сладкими снѣдами? Ибо много звѣрей, которые, избѣжавъ трапезы богатыхъ, какая и у насъ бывала нѣкогда, скрываются въ сихъ горахъ, много птицъ, годныхъ въ снѣдь, летаетъ надъ нами. И уже ли они неуловимы, если Ты только, Господи, восхощешь?» Такъ они зывали къ Богу, говоритъ св. Григорій Б., явилась добыча, добровольно отдающаяся въ руки снѣдь, самоуготованное пиршество. Откуда вдругъ взялись на холмахъ олени? И какіе рослые, и какіе тучные, какъ охотно поспѣшающіе на закланіе! Можно было почти догадываться, что они негодуютъ, почему не прежде были вызваны. Одни манили къ себѣ ловцовъ, другіе слѣдовали за ловцами. . . . И какое чудо! ловцы сами были распорядителями ловли; нужно было только захотѣть имъ; и что нравилось, то взято, а лишнее отослано въ дебри до другаго времени» (¹).

Святые страдальцы за Христа, по прекращеніи гоненія на христіанъ, поселились въ Понтѣ, близъ Неокесаріи, въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Уединенная жизнь, проводимая ими здѣсь, давала имъ возможность безпрепятственно заниматься служеніемъ Богу. Дѣдъ св. Василія В. скоро отошелъ ко Господу для полученія заслуженнаго воздаянія за свою неизмѣнную преданность Ему до конца своей жизни. Св. Макрина, оставшись вдовою, обратила все свое вниманіе на юнаго еще своего сына Василія. Первою ея заботою было вдохнуть въ него крѣпкую вѣру въ Бога, живую любовь къ Нему и ревность къ благочестію. Когда эта цѣль

(¹) Григорій Б. Сл. 43, стр. 58 и 59.

была достигнута, св. Макрина, принимая во вниманіе прекрасныя способности своего сына, дала ему возможность развить ихъ въ лучшихъ училищахъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, особенно въ краснорѣчіи. По окончаніи ученія въ учебныхъ заведеніяхъ, Василій, сынъ св. Макрины, скоро снискалъ себѣ славу своимъ краснорѣчіемъ въ судебныхъ мѣстахъ и въ училищахъ Понтійской области, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцемъ богатыхъ имѣній въ Понтѣ, Каппадокіи и Малой Арменіи.

Св. Макрина, цѣня въ своемъ сынѣ болѣе всего живую вѣру и ревность о христіанскомъ благочестіи, и зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что добрая и благочестивая жена можетъ много содѣйствовать къ развитію въ мужѣ добрыхъ наклонностей, а зная—постребить и то, что уже и было добраго въ душѣ, искала для своего сына жены такой, которая бы, соединяя въ себѣ просвѣщенный умъ съ живою вѣрою, доброе сердце съ ревностію о христіанскомъ благочестіи, могла и въ мужѣ, по крайней мѣрѣ, поддерживать то, что уже насаждено было въ его душѣ добраго.

Еммелія, жившая въ Каппадокіи, какъ удовлетворявшая своими душевными качествами всѣмъ желаніямъ св. Макрины и ея сына Василя, обратила на себя ихъ вниманіе. Родители Еммелии, какъ мы уже выше сказали, кончили жизнь свою мученическою смертію за вѣру во Христа, и имѣніе ихъ отобрано было въ казну. Еммелія, оставшись такимъ образомъ еще въ юныхъ лѣтахъ сиротою, желала всю жизнь свою посвятить на служеніе Богу въ дѣвствѣ; но, по безпріютности своего положенія, а особенно по глубокому уваженію къ высокому благочестію св. Макрины, согласилась принять ея предложеніе, и отдала свою руку ея умному и благочестивому сыну, Василю. Но, вступивъ въ супружество съ Василемъ, не забывала впрочемъ блажен-

наго удѣла дѣвственницы—пещись безъ развлеченія о Господнихъ, како угодити Господеви (1 Кор. 4, 34)). Преданность Господу и внимательность къ Его святымъ внушеніямъ, готовность на всякія пожертвованія въ пользу св. Церкви и нуждающейся братіи, воспитаніе дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія, ясно свидѣтельствовали, что супружеская жизнь не мѣшала ей питать въ душѣ постоянно горячую любовь къ Господу и освящать всякое свое дѣло мыслію о Немъ.

Св. Григорій Б., съ восхищеніемъ взирая на высокую святость жизни св. Василя В. и чудное сочетаніе всѣхъ христіанскихъ доблестей въ его родителяхъ, Василій и Еммелин, говоритъ: «если надлежало, чтобы похвальный нами мужъ (св. Василій В.) дарованъ былъ людямъ: то всего приличнѣе было какъ ему произойти отъ сихъ, а не отъ другихъ родителей, такъ и имъ именоваться родителями сего, а не иного сына» (1).

Плодомъ супружеской любви Василя и Еммелин были четыре сына и шесть дочерей, изъ коихъ одна еще въ младенствѣ умерла. Старшая изъ всѣхъ дѣтей, оставшаяся въ живыхъ, была дочь, св. Макрина, старшій между сыновьями былъ св. Василій Великій. За нимъ родился Навкратій, который по несчастному случаю лишился жизни въ молодыхъ лѣтахъ. Послѣ Навкратія родился св. Григорій, Епископъ Нисскій, младшій изъ всѣхъ былъ св. Петръ, Епископъ Севастійскій. Нѣкоторыя изъ дочерей посвятили себя на служеніе Богу въ дѣвственной жизни, а нѣкоторыя вступили въ супружескую жизнь, «впрочемъ такъ, какъ говоритъ св. Григорій Б., что супружеская жизнь не препятствовала имъ наравнѣ съ первыми преуспѣвать въ добродѣтели, напротивъ

(1) Тамъ же, стр. 62.

сіе обратили онѣ только въ родъ, и на образъ жизни» (¹). Души и вступившихъ въ супружескую жизнь также были проникнуты чувствомъ благоговѣнія къ Господу, какъ и души дѣвственницъ, та же любовь къ Богу руководила всѣми ихъ дѣйствіями, тотъ же страхъ Божій ограждалъ ихъ отъ всего, что имѣетъ видъ грѣха, то же стремленіе къ подвигамъ благочестія выражали и онѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и дѣвственницы. На супружескія отношенія смотрѣли онѣ, не какъ на средство къ удовлетворенію чувственныхъ пожеланій, а какъ на указанный Богомъ путь къ благословенному рожденію чадъ; и потому каждое зачатіе младенца въ чревѣ предварялось молитвою къ Богу о благословеніи плода супружеской любви и заботливымъ очищеніемъ своихъ душъ отъ всего страстнаго и грѣховнаго, чтобы дѣтей сдѣлать естественными наслѣдниками добрыхъ расположеній своихъ душъ, такъ какъ дѣти всегда служатъ отраженіемъ наклонностей и характеровъ своихъ родителей. Каждое сѣмя даетъ плодъ по роду своему; какое сѣмя посеяно, такой и плодъ получится. Если мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторые примѣры изъ исторіи Церкви: то и тогда легко можемъ убѣдиться въ той истинѣ, что добрыя или худыя наклонности дѣтей въ большой зависимости находятся отъ душевныхъ расположеній ихъ родителей и первоначальнаго воспитанія, какое дается дѣтямъ.

Когда наши прародители—Адамъ и Ева согрѣшили противъ Бога нарушеніемъ данной имъ заповѣди, когда грѣхъ проникъ всѣ силы ихъ души и тѣла: они зачали и родили Каина. Когда же ихъ души, по изгнаніи ихъ изъ рая, очищены уже были въ нѣкоторой степени покаянiемъ: они рожаютъ Авеля, кроткаго и благоговѣйнаго предъ Богомъ, ко-

(¹) Тамъ же.

того жертвы уже благоугодны были Ему. Когда же душа Адама и Евы, пораженные скорбію о несчастной кончинѣ сына, еще болѣе прониклись духомъ покаянія и достигли еще большей чистоты: родился у нихъ еще съ высшими духовными совершенствами—Сифъ, сдѣлавшійся родоначальникомъ благочестиваго племени. Въ этихъ постоянно усовершеншавшихся душевныхъ качествахъ сыновей Адама и Евы нельзя не видѣть зависимости душевныхъ качествъ дѣтей отъ степени духовнаго совершенства ихъ родителей. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на рожденіе нѣкоторыхъ праведниковъ ветхозавѣтныхъ и нѣкоторыхъ святыхъ новозавѣтной Церкви. Праотецъ Исаакъ, пророкъ и первосвященникъ Самуилъ, пречистая Матерь Господа нашего І. Христа, св. Іоаннъ Креститель, св. Григорій Богословъ, св. Василій Великій, и, болѣе близкій къ намъ по времени, преподобный Сергій Радонежскій Чудотворецъ,—все они были плодомъ молитвъ ихъ родителей.

Отцы и Матери! Кто бы изъ васъ не желалъ имѣть такихъ дѣтей, какихъ имѣли праведные Василій и Еммелія? Въ одномъ семействѣ четверо дѣтей причислены Церковію къ лику прославленныхъ святыхъ, и все остальные ихъ дѣти отличались высокимъ благочестіемъ, засвидѣтельствованнымъ однимъ изъ великихъ прославленныхъ святыхъ, св. Григоріемъ Богословомъ. Какое дивное и умиленное зрѣлище представляетъ все семейство Василія и Еммеліи! По истинѣ святое семейство! Если вы, отцы и матери, хотите, чтобы ваши желанія имѣть благочестивыхъ дѣтей не остались безплодными: старайтесь возвести свои души на такую же степень умственнаго и нравственнаго совершенства, на какой находились души праведныхъ Василія и Еммеліи. Но если вы и достигнете такого же совершенства, а слѣд. приобретете способность рождать дѣтей съ предрасположеніемъ

къ добру: то и при этомъ помните, что дѣти въ младенческомъ своемъ состояніи—это еще только прекрасная почва, способная принести сторичный плодъ; но, чтобы плодъ, при своемъ обилии, былъ и доброкачественный, сѣйте на почвѣ душъ вашихъ дѣтей добрыя сѣмена. И посѣявъ добрыя сѣмена, не забывайте, что всѣ первоначальныя проявленія силъ душевныхъ развивающихся умственно и физически вашихъ дѣтей—это еще нѣжные ростки, которые легко можетъ и зной солнечный поглотить, и дуновеніе вѣтра—исказить, и падающій градъ—побить. Поэтому и вы, отцы и матери, подобно земледѣльцу, радующемуся появившейся зелени на поляхъ и вмѣстѣ томимому страхомъ неблагоприятныхъ погодъ во время лѣта, не довѣряя своимъ силамъ, молитесь Господа ежедневно и съ усердіемъ, дабы Онъ просвѣтилъ умы вашихъ дѣтей своею благодатію къ познанію истины спасительнаго ученія евангельскаго, согрѣлъ бы ихъ сердце любовью къ Нему—Творцу и Промыслителю, и ко всему доброму, направилъ бы ихъ волю къ неуклонному слѣдованію по пути заповѣдей Его, и отвратилъ бы ихъ отъ всего худаго. Но моля Бога, и сами старайтесь оградить ихъ отъ зноя пробуждающихся страстей, могущаго поглотить зародыши и предрасположенія къ добру, и чрезъ то замедлить ихъ развитіе, заботьтесь защитить ихъ отъ тлетворнаго дыханія вѣтровъ—ложныхъ мудрованій, могущихъ извратить ихъ понятія о добрѣ и истинѣ, употребляйте усилія—не допустить ихъ до пораженія и искаженія градомъ дурныхъ примѣровъ, невольно увлекающихъ за собою, подобно бурнымъ потокамъ. А главное, свою семейную жизнь старайтесь устроить такъ, чтобы она была для вашихъ дѣтей и училищемъ благочестія, и лечебницею отъ нравственныхъ ранъ, нанесенныхъ душамъ вашихъ дѣтей внѣ дома. При этомъ примите во вниманіе и то, что ваше слово останется бездѣй-

ственнымъ на дѣтей, если оно не будетъ сопровождаться назидательнымъ примѣромъ вашей собственной жизни.

Но возвратимся къ семейству благочестивыхъ Василия и Еммелии.

Старшею изъ всѣхъ ихъ дѣтей, какъ мы уже сказали, была св. Макрина. Всѣмъ дѣтямъ, конечно, дано было одинаковое воспитаніе, и потому, чтобы составить себѣ понятіе о домашнемъ воспитаніи всѣхъ дѣтей Василия и Еммелии, обратимъ вниманіе на первоначальное домашнее воспитаніе св. Макрины. «Мать сама заботилась, пишетъ св. Григорій Нисскій, объ образованіи дочери своей, но не о томъ внѣшнемъ образованіи, которое дѣти обыкновенныя почерпаютъ изъ стихотворческихъ произведеній. Она почитала постыднымъ и вовсе не приличнымъ для нѣжной и благовоспитанной души изучать женскія страсти въ трагедіяхъ, или знакомиться съ безстыдствомъ въ комедіяхъ, и нѣкоторымъ образомъ осквернять себя нескромными разсказами о женщинахъ. Юная дочь изучала то, что мать находила для нея удобопонятнымъ изъ богодухновеннаго Писанія, особенно премудрость Соломонову, и все то, что служитъ къ образованію нашей нравственной жизни. Она также знакома была и съ книгою Псалмовъ и въ свое время прочитывала изъ нихъ свою долю. Вставала ли съ ложа, принималась ли за ученіе, отдыхала ли предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, идучи ко сну, стоя на молитвѣ: вездѣ она имѣла при себѣ Псалтырь, какъ добрую спутницу, которая никогда не отлучалась отъ своей подруги ⁽¹⁾. При такомъ воспитаніи, семейство Василия и Еммелии сдѣлалось примѣрнымъ училищемъ благочестія, ученики котораго, бывши святыми и вѣрными служителями Церкви на землѣ, содѣлывались и блаженными наслѣдниками царства Христова на небеси.

(1) Григорій Нисскій, жизнь св. Макрины.

Послѣ св. Макрины Василій и Еммелія много лѣтъ не имѣли дѣтей. Но сильное желаніе имѣть сына, чтобы сдѣлать его естественнымъ наслѣдникомъ, такъ сказать, родовыхъ христіанскихъ добродѣтелей, мужественной вѣры въ Бога, готовой пострадать за Него даже до смерти, пламенной любви къ Нему, выражающейся въ ревностномъ исполненіи Его святой воли, и сыновней преданности Ему во всѣхъ даже скорбныхъ обстоятельствахъ жизни, преданности, основанной на непоколебимой вѣрѣ въ Его Божественный промыслъ, безъ воли котораго не можетъ не только родиться дитя на свѣтъ, но и волосъ упасть съ головы,—они молили Бога Жизнодавца о дарованіи имъ сына. И молитва ихъ была услышана Богомъ. Въ годъ молитвы ихъ, въ бытность ихъ въ Кесаріи Каппадокійской, у нихъ родился (въ концѣ 330 г.) сынъ, коему имя дано было Василій. Сердца родителей исполнились великою радостію. Но земля не есть страна невозмутимыхъ радостей, хотя и созданъ человѣкъ для блаженства. Причиною этому, впрочемъ, не Богъ, Который по безконечной благодати своей пострадалъ на Крестѣ, чтобы снова открыть путь человѣку къ блаженству, закрытый имъ произвольнымъ грѣхомъ,—но самъ человѣкъ, его неспособность пользоваться земными радостями безвредно для своей души. Рай, насажденный на землѣ, по недостойнству человѣка пользоваться имъ, перенесенъ на небо, а потому жизнь человѣка на землѣ сдѣлалась уже не мѣстомъ блаженства, а только путемъ, ведущимъ къ блаженству. Но какъ каждая дорога имѣетъ два направленія: одно, которое ведетъ къ цѣли путешествія, другое удаляетъ отъ этой цѣли, такъ и жизнь человѣческая есть путь, имѣющій два направленія. Идя по одному направленію человѣкъ приближается къ цѣли своего путешествія—къ вѣчному блаженству; идущіе по противоположному направленію, удаляются отъ цѣли

земной жизни человека. Милосердый Отецъ небесный, не-
престанно надзирающій за каждымъ движеніемъ путника,
употребляетъ разные способы, чтобъ дать ему должное на-
правленіе. Усталому путнику иногда на пути разстилаетъ
зеленый коверъ, испещренный разнообразными цвѣтами,
или манить его впередъ, раскрывая предъ мысленнымъ взо-
ромъ его чудную картину невыразимаго блаженства, ожи-
дающаго его въ концѣ путешествія; а иногда, для укрѣпле-
нія его силъ, даетъ даже ощутить въ душѣ сладость буду-
щаго блаженства. Путнику же, избравшему противополож-
ное направленіе, ведущее уже не къ блаженству, а къ ги-
бели и вѣчному мученію, Господь, по своей любвеобильной
попечительности о немъ, воздвигаетъ разнообразныя препят-
ствія, чтобы отвратить его отъ гибельнаго пути, и возвра-
тить на путь истинный.

Бываетъ, впрочемъ, что Господь посылаетъ скорби и та-
кимъ путникамъ, которые идутъ прямо къ предположенной
ими благой цѣли, и посылаетъ скорби для того, чтобы они,
уладившись пріятнымъ ночлегомъ, не замедлили въ пути.
По этой, можетъ быть, причинѣ Господь не далъ Василю и
Еммелин долго услаждаться радостію о рожденіи сына. Не
много прошло времени по рожденіи св. Василя, какъ онъ
заболѣлъ. Болѣзнь, быстро развиваясь, дошла до того, что,
по соображеніямъ врачей, не оставляла никакой надежды на
его возвращеніе къ жизни. Но родители св. Василя В. не
отчаивались. Зная то, что не возможное для человека воз-
можно для Бога, они обратились съ теплою молитвою къ
Богу, чудотворная сила Котораго и теперь также можетъ
проявляться, какъ она проявлялась въ прежнія времена. И
молитва ихъ, основанная на вѣрѣ во всемогущество и бла-
гость Божию, не осталась безплодною. Ночью въ сновидѣніи
Господь І. Христосъ сказалъ скорбящему отцу тоже, что нѣ-

когда царедворцу въ Капернаумѣ: *иди, сынъ твой живъ есть* (Іоан. 4, 50). И младенецъ выздоровѣлъ ⁽¹⁾.

Родители св. Василія В. жили въ Неокесаріи, главномъ городѣ Понтійской области. Но слабое здоровье чудесно исцѣленного младенца расположило ихъ отдать его для первоначальнаго воспитанія его бабкѣ, св. Макринѣ, жившей въ сельскомъ уединеніи, близъ Неокесаріи. Здѣсь младенецъ Василій, прожившій до семилѣтняго возраста, дыша чистымъ воздухомъ и питая душу благочестивыми наставленіями св. своей бабки, укрѣплялся и развивался не только тѣломъ, но и духомъ. Никакой разговоръ не касался его слуха, который ненапоминалъ бы емуо Богѣ, Его безконечной благости и Его любвеобильной заботливости о всемъ мірѣ и особенно о тѣхъ, которые, именуясь христіанами, связаны съ Нимъ искреннею любовію и ревностною заботливостію объ исполненіи Его святой воли. Отъ св. Макрины св. Василій В. научился не только разнымъ молитвамъ, но и Символу вѣры, составленному св. Григоріемъ, Епископомъ Неокесарійскимъ, для Неокесарійской Церкви. И этотъ Символь, въ то смутное время, волнуемое разными еретическими ученіями, имѣлъ весьма большое значеніе, какъ выраженіе истиннаго ученія Православной Церкви о догматахъ вѣры. Впечатлительная душа св. Василія вполнѣ соотвѣтствовала благочестивой ревности св. Макрины, и всѣ ея наставленія такъ глубоко впечатлѣвались на его мягкой, какъ воскъ, душѣ, что св. Василій В. даже тогда, какъ стоялъ уже на кафедрѣ Епископа, въ опроверженіе взводимой на него клеветы въ неправомъ его ученіи, указывалъ на символъ св. Григорія Неокесарійскаго, изученный имъ еще въ младенческомъ возрастѣ, какъ на доказательство правоты своихъ

(1) Григорій Нисскій.

убѣжденій и ученія. «О вѣрѣ же моей, писалъ св. Василій В. Неокесарійцамъ, какое доказательство можетъ быть яснѣе того, что воспитанъ я бабкою, блаженною женою, которая по происхожденію ваша? Говорю о знаменитой Макринѣ, отъ которой заучилъ и изреченія блаженнѣйшаго Григорія, сохранившіяся до нея по преемству памяти, и которыя и сама она соблюдала, и во мнѣ еще съ малолѣтства напечатлѣвала, образуя меня догматами благочестія (¹).

Есть люди (не знаю, какъ ихъ назвать правильнѣе, злонамѣренными или только не благомыслящими),—которые говорятъ, что не должно учить дѣтей закону Божію, какъ предмету недоступному еще ихъ пониманію, пока не разовьется въ нихъ вполне разумъ и самосознаніе. Но вы, отцы и матери, желающіе истиннаго блага своимъ дѣтямъ и не желающіе оплакивать горестныя послѣдствія для вашихъ дѣтей отъ дурнаго направленія ихъ ума и дѣйствій, отвращайте слухъ свой отъ столь зловредныхъ рѣчей, и примите себѣ за непремѣнное правило, при воспитаніи вашихъ дѣтей, образъ дѣйствій бабки св. Василія В., Макрины, и его родителей. Съ самаго ранняго дѣтства вашихъ сыновей и дочерей, слѣдя внимательно за каждымъ проявленіемъ ихъ ума и сердца, вы не могли не замѣтить, что зло, скрывающееся въ растлѣнной нашей природѣ, еще до раскрытія въ нихъ полного смысла и пониманія окружающихъ ихъ предметовъ, подобно годнымъ и негоднымъ травамъ, пробивающимся на поверхность земли еще до полного проявленія благотворной теплоты весенняго солнца,—проявляется въ нихъ въ различныхъ грѣховныхъ движеніяхъ: капризахъ, гнѣвѣ, раздражительности, злопомнѣніи, мщеніи, зависти и прочемъ подобномъ сему. Каждый земледѣлецъ, желающій, что-

(¹) Василія В. письмо 196, стр. 69.

бы хорошее сѣмя, которое онъ намѣренъ посеѣть на полѣ, не пропало безъ плода, прежде выпалываетъ сорныя травы, и потомъ уже густо засѣваетъ поле добрымъ сѣменемъ, дабы плевелы, если и прорастутъ снова впослѣдствіи, не имѣли силы заглушить развившихся уже ростковъ добраго сѣмени. Такъ и вы, добрые и попечительные родители, съ самаго ранняго возраста старайтесь подавлять въ вашихъ дѣтяхъ всѣ грѣховныя проявленія, и внушать имъ понятіе о Богѣ, любовь къ Нему и страхъ наказанія за грѣхъ. Привыкнувъ съ дѣтства ко всему доброму, они и въ послѣдующей жизни способны будутъ протівиться возникающимъ дурнымъ расположеніямъ и внушеніямъ, руководимые любовью къ Богу и ограждаемые страхомъ Божиимъ.

Когда св. Василій В. достигъ семилѣтняго возраста, родители взяли его къ себѣ въ домъ для дальнѣйшаго развитія его ума и сердца. Наставленія его благочестивой матери, Еммелин, были вполне согласны съ тѣмъ духомъ живой вѣры въ Бога и любви къ Нему, которымъ проникнуты были наставленія бабки его, св. Макрины. Она также упражняла св. Василія въ чтеніи слова Божія ⁽¹⁾, укрѣпляла въ немъ вѣру въ Бога, любовь къ Нему, ревность объ исполненіи Его Божественной воли, начертанной въ св. Писаніи, и всѣхъ установленій св. Церкви. И слово блаженной матери неотразимо дѣйствовало на сердце св. отрока, такъ какъ онъ во всѣхъ ея поступкахъ всегда видѣлъ осязательное подтвержденіе ея наставленій.—Василій, отецъ св. Василія В., подтверждая примѣромъ своей высокой благочестивой жизни то, что внушала св. отроку мать, старался развивать его умъ изученіемъ разныхъ наукъ. «Подъ симъ то руководствомъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, чудный Василій обучается

(1) Василій В. въ словѣ о судѣ Божіемъ.

дѣлу и слову, которыя вмѣстѣ въ немъ возрастаютъ и содѣйствуютъ другъ другу..... изучаетъ первоначальный кругъ наукъ и упражняется въ богочестіи, короче сказать, самыми первыми уроками ведется къ будущему совершенству. Ибо тѣ, которые преуспѣли или въ дѣлахъ, оставивъ слово, или въ словѣ, оставивъ дѣло, ничѣмъ, какъ мнѣ кажется, не отличаются отъ одноглазыхъ, которые терпятъ большой ущербъ, когда сами смотрятъ, и еще большій стыдъ, когда на нихъ смотрятъ. Но кто можетъ преуспѣть въ томъ и другомъ, тому возможно быть совершеннымъ, и въ сей жизни вкушать тамошнее блаженство. Итакъ, благодѣтельно было для Василія, что онъ дома имѣлъ образецъ добродѣтели, на который взирая, скоро сталъ совершеннымъ..... не отставалъ (отъ своихъ родителей) въ высокихъ порывахъ добродѣтели, но какъ бы въ рисунокѣ проявлялъ будущую красоту добродѣтели, и до наступленія времени строго (подвижнической) жизни предназначивалъ (своими поступками) то, что нужно для сей жизни» ⁽¹⁾. И сѣмена вѣры и благочестія, посѣянные въ душѣ св. Василія В. его св. бабкою и блаженными родителями, были такъ чисты и совершенны, что онъ и въ послѣдующей своей жизни, при дальнѣйшемъ своемъ умственномъ и религіозно-нравственномъ развитіи, не находилъ нужнымъ измѣнить или отмѣнить что либо изъ того, что воспринято было имъ въ дѣтствѣ. «Осмѣливаюсь, говорить св. Василій В., похвалиться о Господѣ тѣмъ однимъ, что никогда не держался погрѣшительныхъ мнѣній о Богѣ, и не перемѣнялъ въ послѣдствіи мыслей, какія прежде имѣлъ; но то понятіе о Богѣ, которое приобрьлъ съ дѣтства отъ блаженной матери моей и бабки Макрины, и возрастало во мнѣ; потому что съ раскрытіемъ разума не мѣнялъ я

⁽¹⁾ Григорій Богословъ. Сл. 43, стр. 63.

одного на другое, но усовершеншалъ ими преподанныя мнѣ начала. Какъ возрастающее сѣмя, хотя изъ малаго дѣлается большимъ, однакоже само въ себѣ остается тѣмъ же, не въ родѣ измѣняясь, но усовершаясь чрезъ возрастаніе: такъ, думаю, и во мнѣ тотъ же разумъ возрасталъ по мѣрѣ моего преспѣванія и не замѣненъ теперешнимъ бывшій въ началѣ ⁽¹⁾.

Существуютъ между людьми два одностороннихъ взгляда на религіозно-нравственное и умственное образованіе человека. Одни, смотря на земную жизнь человека, какъ на послѣднюю цѣль его появленія на свѣтъ, стремятся наполнить свою жизнь всевозможными удовольствіями, не разбирая нравственного достоинства этихъ удовольствій. Вслѣдствіе такого взгляда на жизнь и на самое ви́шнее-научное образованіе смотрять, какъ на самое надежное средство къ достиженію разныхъ благъ земныхъ; религіозно-нравственное же образованіе, какъ не входящее въ сферу ихъ понятій и стремленій, или оставляютъ безъ вниманія, или предоставляютъ желающимъ для увеличенія только объема знаній, а не какъ руководящее начало для всѣхъ дѣйствій человека. Гибельность такого взгляда на жизнь человѣческую понятна каждому, въ комъ не заглушенъ совершенно голосъ совѣсти, кто простираетъ свой взоръ за предѣлы гроба, и въ странѣ вѣчности ожидаетъ для себя упокоенія отъ своихъ земныхъ трудовъ.

Другіе, стремясь сохранить въ душѣ благочестіе и спасительную вѣру, видя въ то же время, что многіе изъ научно образованныхъ, увлекаясь духомъ вольномыслія, отпадаютъ отъ вѣры и утрачиваютъ духъ христіанскаго благочестія, и по неразвитости своего ума, полагая причину нравственна-

⁽¹⁾ Васи́лія В. письмо 213, стр. 126.

го зла въ наукахъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ христіанскому вѣроученію, съ пренебреженіемъ относятся, какъ ко всѣмъ научно образованнымъ людямъ, такъ и къ самой внѣшней учености, признавая ее, по худому разумѣнію, злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Но не должно, говоритъ св. Григорій Б., небо, землю, воздухъ и все, что въ нихъ, презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога, воздали имъ Божеское поклоненіе Не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые; а напротивъ того, надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ, и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ (¹).

Но родители св. Василія Великаго далеки были отъ этихъ одностороннихъ взглядовъ на вѣру и внѣшнюю ученость; они, мудро соединивъ въ себѣ высокое христіанское благочестіе съ многостороннею ученостью въ внѣшнихъ наукахъ, желали и сыну своему вполне передать это наслѣдство.—И потому, укрѣпивъ въ его душѣ вѣру во всѣ догматы православнаго христіанскаго вѣроученія, утвердивъ его волю въ неуклонномъ повиновеніи заповѣдямъ Божиимъ и всѣмъ устамъ св. Церкви, развивъ въ его сердцѣ пламенную любовь къ Богу, не допускавшую и малѣйшаго пристрастія къ чему либо земному и грѣховному, они старались и умъ его обогатить знакомствомъ со всѣми науками. Они понимали, что науки, какъ и капиталъ, сами по себѣ, не суть ни зло, ни добро, но могутъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ отъ способа употребленія ихъ самимъ человекомъ, владѣющимъ ими. И потому, хорошо понимая высокое настроеніе души своего сы-

(¹) Григорій Б. сл. 43 стр. 63—64.

на, они безбоязненно, изъ подъ крова родительскаго, отправили его для дальнѣйшаго образованія въ Кесарію, мѣсто его родины и будущаго служенія. И св. Василій не обманулъ ихъ надеждъ на него.

Кесарія, по свидѣтельству св. Григорія Б. и самаго Василія В., считалась столицею просвѣщенія, и могла хвалиться, какъ лучшимъ достояніемъ, богатствомъ ученыхъ людей ⁽¹⁾. Св. Василій В. не оставлялъ никакой науки безъ вниманія, но подобно пчелѣ, собирающей медъ со всякаго цвѣтка, старался извлечь полезное изъ всякой науки ⁽²⁾. Но болѣе всего обращалъ вниманіе на словесныя науки, дающія возможность ясно и краснорѣчиво выражать свою мысль. О краснорѣчїи же и силѣ въ словѣ заботился онъ не для того, чтобы блистать только словомъ, и чрезъ это снискивать себѣ суетную славу отъ людей, но для того, чтобы принести свое слово въ чистую жертву Божію Словоу. И слово въ устахъ пастыря Церкви, особенно въ то время, когда лжемудрые, но сильные въ словѣ, еретики старались уловлять въ свои пагубныя сѣти правомыслящихъ изъ православныхъ христіанъ, нужно было, чтобы распутывать хитросплетенныя софизмы лжеучителей и силою краснорѣчїя привлекать заблудшихъ къ истинѣ, которой внутренняго достоинства они не всегда могли оцѣнить.—Руководясь такою мыслію св. Василій вскорѣ достигъ такого совершенства въ знаніи всѣхъ наукъ, что не только превзошелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, но и сравнялся съ лучшими изъ своихъ учителей, такъ что, какъ свидѣтельствуемъ св. Григоріи Богословъ, «былъ риторомъ между риторамъ еще до каѡедры софиста,

⁽¹⁾ Григорій Б. сл. 43, ст. 66. Василія Великаго 72.

⁽²⁾ Григорій Б. сл. 43 стр. 66.

философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній» (¹).

Ученость, несопровождаемая благочестивою христіанскою жизнію, можетъ возбуждать въ другихъ удивленіе и вызывать со стороны пѣкаторыхъ лицъ похвалы, но не можетъ привлекать къ обладателю этимъ, блестящимъ по наружности, но малоцѣннымъ по содѣржанію, сокровищемъ искренняго уваженія. Но 20-ти-лѣтній юноша, св. Василій, обладавшій и наружною красотою, хотя и не придававшій ей никакого значенія (²), успѣлъ не только возбудить удивленіе своими необыкновенными дарованіями и обширными познаніями въ своихъ товарищахъ и наставникахъ, но и заслужилъ уваженіе отъ знатнѣйшихъ гражданъ и бывшаго въ то время Кесарійскаго Архіепископа Діанія (³). И уваженіе это онъ пріобрѣлъ не столько своею ученостію, сколько высокимъ благочестіемъ и отрѣшенностію отъ всякой суеты земной. «Науки словесныя, говоритъ св. Григорій Б., были для него постороннимъ дѣломъ, и онъ заимствовалъ изъ нихъ то одно, что могло споспѣшествовать нашему (христіанскому) любомудрію: потому что нужна сила и въ словѣ, чтобы ясно выразить умопредставляемое. Ибо мысль, не высказывающая себя словомъ, есть движеніе оцѣпенѣвшаго. А главнымъ его занятіемъ было любомудріе, т. е. отрѣшеніе отъ міра, пребываніе съ Богомъ, по мѣрѣ того, какъ чрезъ дольное восходилъ онъ къ горнему, и посредствомъ непостояннаго и скоропреходящаго пріобрѣталъ постоянно и вѣчно-пребывающее (⁴)». И примѣромъ своего благочестія и всѣми

(¹) Тамъ же, стр. 67.

(²) Тамъ же, ст. 63.

(³) Василій В. письмо 47.

(⁴) Григорій Б. сл. 43, стр. 67.

своими поступками, проникнутыми чувством благоговѣнія предъ повелѣніями Господа, столько вліялъ на нравы знавшихъ его, что справедливо его называетъ св. Григорій Б. «іереємъ для христіанъ еще до священства».

Св. Григорій Богословъ, бывшій почти однихъ лѣтъ съ св. Василиемъ Великимъ, вступивъ въ Кесарійское училище для образованія себя въ словесныхъ наукахъ, сблизился съ нимъ; и здѣсь положено было начало ихъ тѣсной дружбѣ, которая неразрывно связывала ихъ въ продолженіи всей ихъ жизни.

По окончаніи занятій въ Кесарійскомъ училищѣ, св. Василий В., увлекаемый желаніемъ овладѣть всѣмъ лучшимъ, что только могла произвести мудрость человѣческая, рѣшилъ отправиться для дальнѣйшаго своего образованія въ Константинополь, столицу Имперіи, гдѣ были собраны лучшіе наставники въ краснорѣчіи и философіи. Но здѣсь онъ долженъ былъ учиться у учителей-язычниковъ, которые, ревнуя о поддержаніи погибавшей славы язычества, всѣми мѣрами старались внушать юношамъ, что изученіе разныхъ твореній языческихъ писателей есть единственное средство для поддержанія просвѣщенія на землѣ, и, чтобы вдохнуть въ нихъ уваженіе къ языческой религіи, старались придать глубокое нравственное значеніе самымъ безнравственнымъ языческимъ обрядамъ ⁽¹⁾. Кромѣ сего, св. Василий неизбежно долженъ былъ имѣть въ числѣ своихъ товарищей и послѣдователей всѣхъ отщепенцевъ языческихъ вѣрованій, и зараженныхъ уже разными видами еретическихъ ученій. Имѣя все это въ виду, нельзя, по видимому, не удивляться тому; какъ могли родители св. Василия пустить его, еще юнаго и не утвержденного въ вѣрѣ таинствомъ Крещенія, въ такое

⁽¹⁾ Григорій Богословъ сл. 43 стр. 67.

мѣсто, которое, кромѣ величайшей опасности для вѣры и нравственности, ничего не могло представлять? И какъ могъ самъ Василій, столь ревностный объ охраненіи себя въ духѣ благочестія, рѣшиться вступить въ такое училище, и, вступивъ, остаться, подобно тремъ отрокамъ, невредленно пребывавшимъ въ вавилонской печи, не поврежденнымъ ни въ своихъ понятіяхъ относительно предметовъ вѣры христіанской, ни въ своихъ стремленіяхъ къ высшему благочестію христіанскому?

Къ рѣшенію этихъ вопросовъ располагаетъ еще и то, что многіе и изъ современныхъ благочестивыхъ родителей со страхомъ отпускаютъ своихъ дѣтей въ христіанскія школы, въ которыя, къ прискорбію, проникъ духъ вольномыслія, и потому для нихъ желательно знать то, что охраняло св. Василія отъ нравственнаго поврежденія въ языческихъ школахъ, чтобы воспользоваться тѣми же средствами къ охраненію своихъ дѣтей отъ современнаго зловреднаго вольномыслія.

Родители св. Василія В., отпуская его въ отдаленную страну для дальнѣйшаго образованія, не могли опасаться за него, потому что, наблюдая за нимъ до двадцатилѣтняго его возраста, видѣли, что въ немъ, по мѣрѣ усовершенствованія его понятій о добрѣ и истинѣ, возрастало и стремленіе къ благоугожденію Богу. Вѣра въ благость Божію, въ соединеніи съ теплою молитвою къ Нему о сохраненіи св. плода ихъ молитвъ первоначальныхъ, еще болѣе укрѣпила въ нихъ надежду, что сынъ ихъ и среди соблазновъ міра сохранится цѣлымъ, и возвратится къ нимъ, къ ихъ утѣшенію, съ большимъ запасомъ свѣдѣній и съ болѣе твердымъ расположеніемъ ко всему доброму, такъ какъ искушенія, встрѣчаемыя нами въ жизни, чрезъ побѣду надъ ними, служатъ только поводомъ къ укрѣпленію нашей воли въ добрѣ.

Чтобы понять, почему безвредными остались для души св. Васи́лія В. и его пребываніе въ Константинополѣ и Аѳинахъ, гдѣ наставниками, по большей части, были язычники, и его изученіе сочиненій языческихъ писателей: для этого нужно обратить вниманіе на то, каковъ былъ взглядъ его на настоящую жизнь, и какъ онъ смотрѣлъ на сочиненія языческихъ писателей? То и другое мы ясно можемъ усмотрѣть изъ его бесѣды къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями.

Обращаясь къ юношамъ, св. Васи́лій говоритъ: «вамъ, которые каждый день ходите къ учителямъ и съ уважаемыми мужами древности бесѣдуете посредствомъ оставленныхъ ими сочиненій, скажу, что самъ собою нашелъ я нѣчто болѣе полезнымъ. О семъ-то самомъ я хочу дать вамъ совѣтъ, и именно, что не должно, однажды навсегда предавъ симъ мужамъ кормило корабля, слѣдовать за ними, куда ни поведутъ, но, заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить».

А чтобы юноши умѣли отличать полезное отъ бесполезнаго, показываетъ имъ, что христіанинъ, въ продолженіи всей своей земной жизни, долженъ имѣть всегда, при всѣхъ своихъ занятіяхъ и стремленіяхъ, одну цѣль—достиженіе вѣчно блаженной жизни на небѣ, а потому изъ всѣхъ благъ земныхъ должно считать полезнымъ только то, что содѣйствуетъ къ достиженію этой цѣли; все же прочее, что не содѣйствуетъ къ этому, или противодѣйствуетъ, считать бесполезнымъ или вреднымъ. «Мы полагаемъ, говоритъ св. Васи́лій В. что настоящая жизнь человѣческая вовсе ничего не значить; совершенно не почитаемъ и не называемъ благомъ того, что доставляетъ намъ совершенство въ этой только жизни. Ни знаменитости предковъ, ни крѣпости, красоты и величія тѣла, ни почестей отъ всѣхъ людей, ни самаго цар-

ства, ни всего прочаго, что ни наименоуютъ изъ человѣческаго, не признаемъ великимъ, даже достойнымъ желанія, и не обращаемъ взора на тѣхъ, кто имѣетъ сіе, но простираемъ надежды далѣе, и все дѣлаемъ для приуготовленія себѣ другой жизни. По этому, что къ оной споспѣшествуетъ намъ, о томъ говоримъ, что должно любить сіе и домогаться сего всѣми силами, а что не переходитъ въ оную, то—презирать, какъ ничего не стоющее».—И жизнь вѣчная стоитъ того, чтобы пренебречь для нея все земное». Если кто объиметъ словомъ и совокупить во едино все счастье людей, со времени ихъ существованія: тотъ найдетъ, что это не равняется и малѣйшей части благъ той жизни, а напротивъ того, всѣ здѣшнія блага гораздо больше отстоятъ достоинствомъ отъ малѣйшаго изъ тѣхъ благъ, чѣмъ тѣнь и сновидѣніе скуднѣе дѣйствительности».

Показываетъ далѣе, что въ эту блаженную жизнь вводятъ священныя писанія, образующія насъ посредствомъ ученій таинственныхъ. Но пока юноши, по самому возрасту своему, не въ состояніи проникнуть въ глубину смысла ихъ, совѣтуетъ имъ «упражнять свое духовное око и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе далекихъ отъ нихъ, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ, подражая упражняющимся въ дѣлѣ ратномъ, которые, приобрѣвши опытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самыхъ битвахъ». И чтобы расположить ихъ къ предварительному упражненію своихъ силъ духовныхъ занятіями во вѣдѣніи наукъ, говорятъ: «намъ предлежитъ подвигъ, важнѣйшій всѣхъ подвиговъ,—подвигъ, для котораго все должны сдѣлать, для приуготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ, бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками, и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая либо польза къ попеченію о душѣ. Кра-

сильщики предназначенное къ окраскѣ приготавливаютъ сперва особыми способами, а потомъ наводятъ цвѣтъ, пурпуровый или другой какой: подобнымъ образомъ и мы, чтобъ добрая слава наша навсегда осталась неизгладимою, посвятимъ себя предварительному изученію сихъ вѣдѣнныхъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священныя и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ наконецъ взоры къ самому свѣту. Поэтому, ежели между ученіями есть какое взаимное сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Ежели же нѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не мало служитъ къ подтвержденію лучшаго ученія».

Желая далѣе показать превосходство христіанскаго ученія предъ вѣдѣнными науками, сравниваетъ первые съ плодомъ дерева, а послѣднія съ листьями. «Собственное превосходство дерева, говоритъ св. Василій В. изобиловать зрѣлыми плодами; но оно носитъ на себѣ и нѣкоторое украшеніе—листы, колеблющіеся на вѣтвяхъ: такъ и въ душѣ, истина есть преимущественный плодъ, но не лишено пріятности и то, если облечена душа вѣдѣнною мудростію, какъ листьями, которые служатъ покровомъ плоду и производятъ не неприличный видъ».

Показавъ возможность и пользу занятій вѣдѣнными науками, внушаетъ однако же юношамъ, чтобы они со строгою разборчивостію брали для чтенія книги, и изъ прочитаннаго въ книгахъ усвоили только то, что можетъ принести дѣйствительную пользу душѣ. «У стихотворцевъ,—начну съ нихъ, говоритъ св. Василій, поелику они въ сочиненіяхъ своихъ не одинаковы,—не на всемъ по порядку надобно останавливаться умомъ, но, когда пересказываютъ намъ дѣянія или изреченія мужей добрыхъ, надобно ихъ любить, соревновать имъ и, какъ можно, стараться быть такими же.

А если доходить у нихъ рѣчь до людей злонравныхъ, должно избѣгать подражанія сему, такъ же затыкая уши, какъ Одиссей, по словамъ ихъ, заградилъ слухъ отъ пѣсней сиренъ. Ибо привычка къ словамъ негоднымъ служить нѣкоторымъ путемъ и къ дѣламъ. Посему со всякимъ охраненіемъ надобно оберегать душу, чтобъ, находя удовольствіе въ словахъ, незамѣтно не принять чего нибудь худаго, какъ иныя съ медомъ глотають ядовитыя вещества. Посему не будемъ хвалить стихотворцевъ, когда злословятъ, насмѣхаются, представляютъ влюбленныхъ и упивающихся, или когда ограничиваютъ блаженство раздольнымъ столомъ и разгульными пѣснями Тоже самое могу сказать и объ историкахъ, особенно, когда пишутъ они исторію для развлечения слушателей. И ораторамъ не будемъ подражать въ искусствѣ лгать Напротивъ того, займемъ лучше у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они восхваляли добродѣтель и порицали порокъ. Ибо какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается благовоніемъ и пестротою красокъ, а пчелы собирають съ нихъ медъ: такъ и здѣсь, кто гонится не заединою сладостію и пріятностію сочиненій, тотъ можетъ изъ нихъ запастись въ душѣ нѣкоторою пользою. Поэтому, во всемъ уподобляясь пчеламъ, должны мы изучать сіи сочиненія. Ибо и пчелы не на всѣ цвѣты равно садятся, и съ тѣхъ, на кои нападутъ, не все стараются унести, но, взявъ что пригодно на ихъ долю, прочее оставляють не тронутымъ. И мы, если цѣломудренны, собравъ изъ сихъ произведеній, что намъ свойственно и сродно съ истинною, остальное будемъ проходить мимо. И какъ срывая цвѣты съ розоваго куста, избѣгаемъ шиповъ, такъ и въ сихъ сочиненіяхъ, воспользовавшись полезнымъ, будемъ остерегаться вреднаго».

Продолжая рѣчь въ томъ же духѣ св. Василій совѣтуетъ, чтобы не потерять бесполезно времени, съ самато начала

*

разсмотрѣть каждую изъ наукъ, и изъ всякой науки избирать только то, что ведетъ къ цѣли нашей жизни. «И поелику до такой жизни надобно достигать съ помощію добродѣтели, а въ похвалу ея много сказано стихотворцами, много историками, и еще болѣе мужами любомудрыми (философами): то на такія особенно сочиненія должно обратить вниманіе». Далѣе св. Василій указываетъ на нѣкоторые изреченія стихотворцевъ и философовъ, которыми или выхваляется добродѣтель, или указываются средства и побужденія къ приобрѣтенію оной.

Но такъ какъ нѣкоторые, увлекаемые духомъ тщеславія, любятъ только на словахъ выхвалять добродѣтель, повторяя заученныя изреченія стихотворцевъ или философовъ, а живутъ совершенно противоположно требованіямъ доброй нравственности: то св. Василій, предостерегая такихъ отъ двойнаго зла, — нерадѣнія о своемъ исправленіи, прикрываемаго лицемеріемъ, говоритъ: «съ жаромъ хвалитъ добродѣтель предъ людьми, вести о ней длинныя рѣчи, а наединѣ предпочитать цѣломудрію удовольствіе, и справедливости — прибытокъ, назвалъ бы я подражаніемъ тѣмъ, которые лицедействуютъ на зрѣлищѣ, и часто выходятъ представлять царей и владѣльцевъ, не будучи не только ни царями, ни владѣльцами, но даже, можетъ быть и свободными». Мы будемъ представлять собою непріятный хоръ пѣвцовъ, которые разногласятъ между собою, если наши слова и дѣла не только не будутъ между собою въ пріятной гармоніи, но и будутъ противорѣчить одно другому.

Показавъ возможность и пользу знакомства съ мнѣніями и нѣкоторыми разсужденіями стихотворцевъ и философовъ, показываетъ далѣе, что не бесполезно для тѣхъ, которые еще не научились соотвѣтствовать своею жизнію высокимъ требованіямъ евангельскаго ученія, подражать доблестнымъ

поступкамъ мужей давно минувшихъ временъ, свѣдѣнія о которыхъ сохранились или въ непрерывной памяти людей, или въ сочиненіяхъ стихотворцевъ и историковъ. Далѣе св. Василій В. указываетъ и самые примѣры доблестныхъ поступковъ языческихъ мудрецовъ.

Такъ какъ многіе и изъ современныхъ христіанъ, нерадя о своемъ духовномъ совершенствованіи, и оставляя свои духовныя силы безъ упражненія, считаютъ нѣкоторыя изъ заповѣдей евангельскихъ неисполнимыми, какова напр. заповѣдь о любви ко врагамъ и подобныя; поэтому находимъ не бесполезнымъ указать на нѣкоторые поступки языческихъ мудрецовъ, которые, при однихъ естественныхъ силахъ, проявляли иногда такое совершенство дѣйствій, какое требуется и отъ христіанъ. «Напримѣръ, говоритъ св. Василій В., нѣкто въ народномъ собраніи злословилъ Перикла, но онъ не обращалъ на то вниманія, и цѣлый день продолжалось, что одинъ осыпалъ другаго ругательствами, а другой ни мало о томъ не заботился. Потомъ вечеромъ уже, и когда смерклось, этого человѣка, едва прекратившаго брань, Периклъ проводилъ со свѣтильникомъ, чтобы не даромъ пропало у него упражненіе въ любомудріи. Еще кто-то, разсердившись грозилъ смертію Евклиду Мегарскому и клялся въ этомъ. Но Евклидъ самъ далъ клятву, что умилоствуетъ его и заставить прекратить свое къ нему нерасположеніе. Какъ хорошо, если приходятъ на память таковыя примѣры человѣку, когда онъ одержимъ уже гнѣвомъ!—Лучше вовсе не приходитъ въ раздраженіе. Если же это трудно, то по крайней мѣрѣ, удерживая раздражительность разсудкомъ, какъ уздою, надобно не позволять выходить ей за предѣлы».

«Нѣкто нещадно нападалъ на Сократа, билъ его въ самое лицо, и онъ не противился, но дозволилъ этому пьяному человѣку насытить свой гнѣвъ, такъ что лицо у Сократа отъ

ударовъ уже опухло и покрылось ранами. Когда же тотъ пересталъ бить, Сократъ, какъ сказываютъ, ничего другаго не сдѣлалъ, а только, какъ на статуѣ пишутъ нмѣ художника, написалъ на лбу: сдѣлалъ такой-то, — и тѣмъ отмстилъ. Поселику это указываетъ на одно почти съ нашими правилами: то утверждаю, что весьма хорошо подражать такимъ мужамъ. Ибо этотъ поступокъ Сократа сходенъ съ тою заповѣдію, по которой ударяющему по ланитѣ долженъ ты подставить и другую (Матѳ. 8, 39), — въ такой мѣрѣ надобно мстить за себя! А поступокъ Перикла или Евклида сходенъ съ заповѣдію: терпѣть гонителей и кротко переносить гнѣвъ ихъ, и съ заповѣдію: желать добра врагамъ и не проклинать ихъ (44). Посему, предварительно обученный сему не будетъ не вѣрить заповѣдямъ, какъ чему-то невозможному. Не умолчу и о поступкѣ Александровомъ. Александръ, взявъ въ плѣнъ дочерей Дарія, о которыхъ засвидѣтельствовано, что красота ихъ была удивительна, не удостоилъ и видѣть ихъ, считая постыднымъ — побѣдителю уступить надъ собою побѣду женщинамъ. Ибо это указываетъ на одно съ заповѣдію, что воззрѣвшій на женщину для услаждения, хотя и не совершить прелюбодѣянія самымъ дѣломъ, но за то, что допустилъ въ душу желаніе, не освобождается отъ вины (Матѳ. 5, 28).

Указавъ на доблестные поступки языческихъ мужей, снова напоминаетъ юношамъ, чтобы не все попорядку заимствовали изъ сочиненій языческихъ мудрецовъ, но только то, что сообразно съ главною цѣлію нашей жизни, и больше или меньше содѣйствуетъ къ достиженію оной. Ибо стыдно, говорить св. Василій В., вредное въ пищу отвергать, а въ наукахъ, которыя питаютъ нашу душу, не дѣлать никакого различія, но, подобно весеннему ручью, увлекая за собою все встрѣчающееся, нагружать тѣмъ душу. И какой въ этомъ расчетъ, если кормчій не безрасудно отдается вѣтрамъ, но

направляетъ ладью въ бозопасное мѣсто, и стрѣлокъ бросаетъ стрѣлу въ цѣль, и мѣдникъ и плотникъ стремятся къ концу, сообразному съ ихъ искусствомъ: а мы останемся ниже и этихъ рабочихъ, имѣя возможность разумѣть свое дѣло, и забывая предположенную для дѣла цѣль? И у ремесленниковъ работа ихъ имѣетъ какую то цѣль; а для жизни человѣческой развѣ нѣтъ цѣли, соображаясь съ которою нужно все дѣлать и говорить тому, кто не намѣренъ совершенно уподобиться безсловеснымъ? Если будемъ все говорить и дѣлать, не направляя своихъ словъ и дѣйствій къ предположенной цѣли: то, подобно неоснащенному кораблю, будемъ носиться по волнамъ житейскаго моря, и конецъ нашей жизни будетъ—неизбѣжная гибель нашей души. И въ состязаніяхъ тѣлесными силами, и если угодно, и въ музыкальныхъ орудіяхъ, упражняются въ тѣхъ именно подвигахъ, за которые предложены вѣнцы... но поелику упомянулъ я о вѣнцахъ и о подвижникахъ, то присовокупляю: они, претерпѣвъ тысячи трудностей въ тысячѣ случаевъ, всѣми мѣрами приумноживъ свою силу, проливъ много пота въ трудныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, принявъ много побоевъ въ училищахъ, избравъ не самый пріятный образъ жизни, но предписанный учителями, и во всемъ прочемъ ведя себя такъ, что жизнь ихъ до подвига была упражненіемъ въ подвигѣ, уже послѣ всего этого являются готовыми на поприще, переносятъ всѣ труды и опасности, чтобъ получить вѣнокъ изъ дикой маслины, или изъ гирчи, или изъ чего нибудь подобнаго, и побѣдивъ, заслужить провозглашеніе отъ глашатаевъ. Ужели же намъ, которымъ предлежатъ награды столь удивительныя по множеству и величію, что не возможно и словомъ ихъ выразить, дозволительно предаваться безпечности?... Нѣтъ, не должно намъ лѣниться, и на краткій покой промѣнивать великія надежды, если не хотимъ слышать укоризны, и тер-

пѣть наказанія... Невольно погрѣшившему противъ долга, можетъ быть и будетъ нѣкоторое помилованіе отъ Бога; но намѣренно избравшему худое нѣтъ и отговороки, почему бы не терпѣть сугубаго наказанія».

Вслѣдствіе такихъ внушеній предвидя естественный вопросъ со стороны юношей: что же намъ дѣлать? св. Василій В., отвѣчаетъ: «что иное, кромѣ того, чтобъ, освободившись отъ всѣхъ другихъ попеченій, имѣть попеченіе о душѣ?» Далѣе раскрывая предъ ихъ глазами то, что нужно дѣлать для охраненія чистоты въ душѣ своей, указываетъ преимущественно на тѣ недостатки, которыми легче всего увлекается юноша. «Не должно, говоритъ св. Василій, служить тѣлу, кромѣ крайней необходимости, а душѣ надобно доставлять все лучшее, любовіемъ, какъ отъ темницы, освобождая ее отъ общенія съ тѣлесными страстями, и вмѣстѣ и тѣло содѣлывая неодолимымъ для страстей. Чреву надобно доставлять необходимое, но не слишкомъ сладкое, какъ дѣлаютъ выдумывающіе какихъ-то приготовителей стола и поваровъ, обыскивающіе всю сушу и море, собирающіе дань чреву, какъ жестокому какому то властелину... А трудиться сверхъ нужды надъ волосами и одеждою, по выраженію Діогена, свойственно или злосчастнымъ, или обидчикамъ. Посему утверждаю, что быть и называться щеголемъ, должны мы почитать столько же срамнымъ дѣломъ, какъ и жить непотребно и злоумышлять на чужое брачное ложе. Ибо для имѣющаго умъ какая разность—надѣть ли на себя зрѣлищный нарядъ, или носить одежду простолюдина, если только она достаточно защищаетъ отъ холода и жара? Подобнымъ образомъ и прочее надобно заготовлять себѣ, не превышая нужды, и не больше заботиться о тѣлѣ, но сколько хорошо это для души. Мужу, по истинѣ достойному сего именованія, быть щеголемъ и заниматься своею наружностію, не менѣе укоризненно, какъ и

рабски предаваться другой какой либо страсти. Употреблять все стараніе на то, чтобъ тѣло было, какъ можно наряднѣе, свойственно человѣку, который не позналъ самъ себя и не понимаетъ того мудраго правила, что не одно видимое составляетъ человѣка, а потребна нѣкая высшая мудрость, посредствомъ которой каждый изъ насъ познаетъ себя, каковъ онъ. А сіе имѣющимъ не очищенный умъ болѣе не возможно, чѣмъ больному смотрѣть на солнце.» «Очищеніемъ же души служить—презирать чувственныя удовольствія, не насыщать глазъ нелѣпыми представленіями чудодѣевъ, или зрѣніемъ тѣлъ возбуждающихъ къ сластолюбію, и чрезъ слухъ не вливать въ душу поврежденнаго сладкопѣнія. Ибо отъ такого рода музыки, обыкновенно возникаютъ страсти—порожденія рабства и низости... Въ этомъ господствующемъ нынѣ сладкопѣніи должно вамъ участвовать менѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ срамныхъ дѣлъ. А растворять воздухъ различными испареніями, доставляющими удовольствіе обонянію, намазать себя благовонными мазями, стыжусь и запрещать вамъ. Что же сказалъ бы иной о томъ, что не надобно гоняться за удовольствіями осязанія и вкуса, развѣ то одно, что преданные уловленію сихъ удовольствій принуждены ими бываютъ жить подобно скотамъ по прихотямъ чрева и того, что ниже чрева. Однимъ словомъ все тѣлесное должно презирать тому, кто не хочетъ, какъ въ тинѣ, погрязнуть въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ. Столько надобно имѣть къ тѣлу привязанности, сколько, говоритъ Платонъ, участвуетъ оно въ служеніи любви, выражаясь нѣсколько подобно Павлу, который даетъ совѣтъ, что ни мало не должно тѣлу *угодія* творить въ поводъ похотямъ (Рим. 13, 14). Тѣ, которые заботятся, чтобы тѣло было, какъ можно наряднѣе, а душу, которая дѣйствуетъ чрезъ тѣло, презираютъ, какъ ничего не стоящую, чѣмъ отличаются отъ людей, принимающихъ попеченіе объ

орудіяхъ, но нерадящихъ объ искусствѣ, дѣйствующемъ чрезъ орудіе? Поэтому, совершенно напротивъ, должно сгнетать и удерживать тѣло, какъ порывы звѣря, и мятежи, производимые имъ въ душѣ, умирать, поражая разсудкомъ, какъ бичемъ, а не ослаблять вовсе узды сластолюбію и не пренебрегать тѣмъ, что умъ увлекается имъ, подобно возницѣ, котораго неудержимо несутъ необузданные кони... Итакъ, если излишнее попеченіе о тѣлѣ бесполезно для самаго тѣла и служить препятствіемъ душѣ: то покорствовать и услуживать тѣлу—явное безуміе. Но если бы мы научились презирать его, то едва ли бы стали удивляться чему нибудь другому изъ всего человѣческаго. Ибо на что понадобились бы еще богатство намъ, которые ни во что ставимъ тѣлесныя удовольствія?... Кто обучился въ разсужденіи подобныхъ вещей вести себя благоразумно: тотъ самую нужду будетъ опредѣлять естественными потребностями, а не удовольствіями. Ибо преступившіе предѣлы потребностей, подобно несущемуся внизъ по скату, не имѣя предъ собою ничего такого, на чемъ бы удержаться, нигдѣ не останавливаются въ своемъ стремленіи впередъ... Но я думаю, что когда нѣтъ богатства, не должно его желать; а когда оно есть, надобно много думать не о томъ, что обладаешь имъ, но о томъ, умѣешь ли располагать имъ».

Сдѣлавъ такого рода наставленія юношамъ, въ заключеніи говоритъ имъ: «вы, такъ какъ болѣзни бываютъ троякія, не окажитесь подобными неизлечимо больнымъ, и не обнаружьте въ себѣ недуга воли, похожаго на болѣзнь страждущихъ тѣломъ. Ибо страждущіе неважною болѣзнію сами приходятъ къ врачамъ; одержимые важнѣйшими недугами къ себѣ призываютъ врачующихъ; а впавшіе совершенно въ неизцѣльную болѣзнь черножелчія и приходящихъ къ нимъ врачей не допускаютъ до себя, чего да не будетъ нынѣ

съ вами; вы не убѣгайте отъ людей, которые разсуждаютъ право ⁽¹⁾.»

Отцы и матери! если вы устроите души вашихъ дѣтей, еще во время домашняго ихъ воспитанія, подобно душѣ св. Василя В., и если внушите имъ неуклонно слѣдовать вышеизложеннымъ его наставленіямъ: то безопасно можете отпустить ихъ во всѣ школы, имѣя увѣренность, что они живя и вдали отъ васъ подъ покровомъ вашихъ родительскихъ молитвъ, охраняемые невидимою благодатію божественною, возвратятся къ вамъ съ тою же чистотою сердца, но съ большимъ запасомъ полезныхъ знаній.

Но такъ какъ примѣръ сильнѣе дѣйствуетъ на душу, нежели слово: поэтому послѣдуемъ за св. Василиемъ В., въ Константинополь и Аѳины, чтобы видѣть, какъ онъ, собирая сокровища мудрости человѣческой, умѣлъ охранять и приумножать и сокровище божественное—вѣру и благочестіе, вдохнувшись въ его душу св. Макаріею и его благочествыми родителями.

Напутствованный благословеніемъ родителей, ихъ святыми молитвами и желаніемъ, чтобы онъ всегда и вездѣ блюлъ свое сердце чистымъ предъ лицомъ всевидящаго Бога, св. Василій В. отправился въ Константинополь, гдѣ собраны были лучшіе наставники въ словесности и философіи. Быстрыя способности и ревностное стремленіе овладѣть во всей полнотѣ всѣмъ, что могла произвести мудрость человѣческая, и здѣсь, какъ и въ Кесаріи, дали ему возможность скоро превзойти всѣхъ товарищей и сдѣлаться предметомъ удивленія для самыхъ наставниковъ. Столичный городъ много, конечно, представлялъ соблазновъ для вновь вступившаго въ него юноши; но св. Василій, руководясь тѣми правилами, которыя

⁽¹⁾ Твор. Вас. В. ч. IV стр. 345, 366.

впослѣдствіи преподавалъ другимъ юношамъ, ни на что не обращалъ вниманія, кромѣ уроковъ своихъ наставниковъ. Если же и ложилась на его впечатлительную душу какая либо тѣнь отъ предметовъ или рѣчей грѣховнаго міра: то онъ имѣлъ возможность скоро сгонять ее и снова освѣщать свою душу частымъ посѣщеніемъ храмовъ христіанскихъ и слушаніемъ слова Божія.

Для окончательнаго образованія себя въ наукахъ, послѣ Константинополя, с. Василій, влекомый Богомъ, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ, и прекрасною алчною познаніи, рѣшился посѣтить Аѳины—эту обитель наукъ, въ которую собирались юноши со всѣхъ концовъ Имперіи, и всѣхъ національностей и вѣрованій. Прибытіе св. Василия въ Аѳины нужно считать дѣйствительно дѣломъ Промысла божественнаго.—Аѳины давали ему возможность лучшимъ образомъ ознакомиться со вѣдѣніями науками, которыя, въ свое время, немало оказали ему помощи къ отраженію нападеній еретиковъ и другихъ лжемыслителей, нападавшихъ на божественную истину, сокрытую въ ученіи христіанскомъ, съ однимъ оружіемъ вѣдѣній учености, оружіемъ ничтожнымъ и безсильнымъ противъ крѣпкихъ вѣроу, но не мало наносившимъ вреда не крѣпкой вѣрѣ простыхъ и малопросвѣщенныхъ христіанъ.—Аѳины дали ему возможность, изъ примѣра самыхъ его наставниковъ, убѣдиться въ томъ, что одни вѣдѣнія науки, безъ руководства христіанскимъ вѣроученіемъ, не могутъ приблизить къ Богу, не давая силъ къ возвышенію нравственныхъ дѣйствій человека на ту степень чистоты, которая необходима, чтобъ дать человеку право на общеніе со всесвятѣйшимъ Богомъ. Аѳины самымъ множественнымъ идольскихъ капищъ, имѣвшихъ въ нихъ, и безспальной ревностію языческихъ ученыхъ защитить заблужденія языческихъ вѣрованій, дали св. Василию возможность яснѣе и

осязательнѣе убѣдиться въ недосызаемомъ превосходствѣ христіанскаго вѣроученія. Наконецъ Аѣины дали ему возможность тѣснѣе сблизиться съ будущимъ великимъ Іерархомъ и вселенскимъ учителемъ, св. Григоріемъ Богословомъ, который во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни былъ и мудрымъ совѣтникомъ, и ревностнымъ сотрудникомъ.

Св. Василій прибылъ въ Аѣины около 352 года. Но здѣсь, вмѣсто прежняго уваженія къ нему, которымъ онъ по праву пользовался и въ Кесаріи и въ Константинополѣ, его, на первыхъ же порахъ, ожидало оскорбленіе со стороны неразумныхъ обычаевъ школьныхъ товарищей, которымъ невольно подвергался каждый изъ вновь вступившихъ въ Аѣины учениковъ. Отъ этого оскорбленія спасло его только одно заступничество св. Григорія Богослова. Св. Григорій, ознакомившійся съ св. Васи́ліемъ еще въ Кесарійской школѣ, узнавъ о его прибытіи въ Аѣины, умѣлъ вдохнуть въ своихъ школьныхъ товарищей такое высокое мнѣніе о его учености и блистательномъ краснорѣчіи, что товарищи приняли св. Васи́лія уже не какъ новичка, ищущаго только мудрости, но съ уваженіемъ, какъ человека, пріобрѣтшаго право на вниманіе къ себѣ своею ученостію. «Аѣины, говоритъ св. Григорій Богословъ, пріняли насъ, какъ рѣчной потокъ,—насъ, которые, отдѣлясь отъ одного источника, то есть, отъ одного отечества, увлечены были въ разныя стороны любовью къ учености, и потомъ, какъ бы по взаимному соглашенію, въ самомъ же дѣлѣ по Божію мановенію, опять сошлись вмѣстѣ. Нѣсколько прежде приняли они меня, а потомъ и Васи́лія, котораго ожидали тамъ съ обширными и великими надеждами; потому что имя его, еще до прибытія, повторялось въ устахъ у многихъ, и для всякаго было важно предвосхитить то, что всѣмъ любезно» ⁽¹⁾. Въ Аѣнахъ между учениками былъ

⁽¹⁾ Григорій Б. сл. 43. Ст. 67—68.

обычай всякаго новоприбывшаго ученика, не смотря на его званіе и состояніе, подвергать насмѣшкамъ и разнаго рода оскорбительнымъ церемоніямъ. «А я, говоритъ св. Григорій Б., своего Великаго Василя не только самъ принялъ тогда съ уваженіемъ, потому что предвидѣлъ въ немъ твердость нрава и зрѣлость въ понятіяхъ, но такимъ же образомъ обходиться съ нимъ убѣдилъ и другихъ молодыхъ людей, которые не имѣли еще случая знать его. — И слѣдствіемъ сего было то, что почти онъ одинъ изъ прибывшихъ избѣжалъ общаго закона, и удостоенъ высшей чести, не какъ новопоступающій. И сіе было началомъ нашей дружбы, отсюда первая искра нашего союза (¹).»

Вотъ и другой случай, который доставилъ св. Григорію возможность высказать свое расположеніе и преданность св. Василю, а Василю—убѣдиться болѣе въ его дружественныхъ чувствахъ. Всѣ товарищи смотрѣли на Василя, за его необыкновенныя способности и обширныя познанія, хотя съ уваженіемъ, но вмѣстѣ и съ завистію, такъ какъ онъ, вступивъ еще только въ училище, уже восхищалъ у всѣхъ первенство, и потому всегда питали тайное желаніе побѣдить его въ спорныхъ предметахъ, и такимъ образомъ унижить его въ мнѣніи всѣхъ, знавшихъ и признававшихъ его превосходство. Съ этимъ-то намѣреніемъ нѣкоторые изъ учениковъ—армяне, болѣе хитрые и скрытные по характеру, стали предлагать ему вопросы болѣе спорные, нежели разумные. «Я, говоритъ св. Григорій, не понялъ сначала ихъ намѣренія, когда стали они ослабѣвать и обращаться уже въ бѣгство, возревновалъ о славѣ Аѳинъ, и чтобы не пала въ лицѣ ихъ и не подверглась скорѣ презрѣнію, возобновилъ бесѣду, подкрѣпилъ молодыхъ людей и придалъ имъ вѣсу своимъ вмѣшательствомъ, ввелъ,

(¹) Тамъ же, ст. 71.

какъ говорится, равныя силы въ битву. Но какъ скоро понялъ я тайную цѣль собесѣдованія, потому что не возможно стало скрывать ее далѣе, употребивъ нечаянный изворотъ, перевернулъ я корму и сталъ за одно съ Василиемъ, сдѣлавъ побѣду сомнительною. Василій же понялъ дѣло тотчасъ, потому что былъ проницателенъ, сколько едвали кто другой; и исполненный ревности, словомъ своимъ приводилъ въ замѣшательство ряды сихъ отважныхъ, и не прежде сталъ поражать силлогизмами, какъ принудивъ къ совершенному бѣгству, и рѣшительно взялъ надъ ними верхъ. Этотъ второй случай возжигаетъ въ насъ уже не искру, но свѣтлый и высокій пламенникъ дружбы» (*).

Эта побѣда въ спорѣ съ сотоварищами, повидимому, должна бы доставить пріятное ощущеніе, питая самолюбіе; но на св. Василія напротивъ подѣйствовала очень непріятно. Онъ стремился только къ тому, чтобы сколько возможно полнѣе объять и усвоить тѣ науки, которыя преподавались въ Аѳинахъ, чтобы потомъ посвятить ихъ на служеніе Господу І. Христу, а въ товарищахъ желалъ бы видѣть только одно благородное соревнованіе въ наукахъ, не исключющее возможности помогать въ развитіи болѣе слабымъ товарищамъ. Но увидавъ въ наставникахъ, при высокой ихъ учености, стремленіе къ одной пустой славѣ и пріобрѣтенію большаго количества денегъ, какъ должной дани за ихъ ученость, а въ товарищахъ неблагородное стремленіе унижить выше стоящаго по способностямъ и познаніямъ, св. Василій сдѣлался печаленъ, и, не окончивъ ученія, рѣшился оставить Аѳины, называя ихъ обманчивымъ блаженствомъ. «Въ такомъ онъ былъ положеніи; но я, говоритъ св. Григорій, разсѣялъ большую часть его скорби, то представляя доказательства,

(*) Тамъ же, ст. 72.

то къ доказательствамъ присоединяя ласки, разсуждая (конечно и справедливо), что нравъ человѣка можетъ быть извѣданъ не вдругъ, но только съ продолженіемъ времени и при обращеніи совершенно короткомъ; такъ и ученость ^{ко} поз етс^я не по немногимъ и не по маловажнымъ опытамъ. Симиъ привелъ я его въ спокойное расположеніе духа, и послѣ взаимныхъ опытовъ дружбы, болѣе привязалъ его къ себѣ» ⁽¹⁾.

Школьные друзья, по большей части, остаются друзьями только до тѣхъ поръ, пока живутъ въ однихъ стѣнахъ училища, а потомъ и забываютъ другъ друга, если интересы послѣдующей ихъ жизни расходятся въ разныя стороны. Такъ, можетъ быть, кончилась бы и дружба Григорія съ Василиемъ, если бы они, по выходѣ изъ училища, пошли по разнымъ житейскимъ путямъ. Когда же они открыли другъ другу свои желанія и высшія цѣли ихъ образованія всей жизни: то соединились тѣснѣйшими узами любви, и соединились уже навсегда. «Когда, говоритъ св. Григорій, мы открыли другъ другу желанія свои и предметъ оныхъ—любомудріе» ⁽²⁾, т. е. «желаніе дальше отринуть отъ себя міръ, и самимъ жить общею жизнію для Бога, успѣхи же въ словѣ принести въ даръ единому премудрому Слову» ⁽³⁾; «тогда уже стали мы другъ для друга все—и товарищи, и сотрапезники, и родные; одну имѣя цѣль, мы непрестанно возрастаемъ въ пламенной любви другъ ко другу» ⁽⁴⁾.

«Въ такомъ расположеніи другъ ко другу мы простирались впередъ, имѣя содѣйственниками Бога и любовь. Нами водили равныя надежды, и въ дѣлѣ самомъ завидномъ—въ ученіи. Но далека была отъ насъ зависть, усерднѣйшими же

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 73.

⁽²⁾ Тамъ же.

⁽³⁾ Григорій Б. стихотвор. о своей жизни, стих. 20.

⁽⁴⁾ Его же, ст. 43, стих. 173.

дѣлало соревнованіе. Оба мы домогались не того, чтобы кому-либо изъ насъ самому стать первымъ, но какимъ бы образомъ уступить первенство другъ другу, потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ собственною славою. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживала два тѣла»...

Обратите, юноши, на цѣль жизни и всѣхъ дѣйствій двухъ великихъ друзей—святыхъ Василія и Григорія, чтобы понять вамъ, почему не вредило имъ ни общество разлѣнныхъ товарищей, ни собесѣдованіе съ врагами даже христіанства». «У обоихъ насъ, говоритъ далѣе св. Григорій, одно было упражненіе—добродѣтель, и одно усиліе—до отшествія отсюда отрѣшиться отъ здѣшняго, жить для будущихъ надеждъ. Къ сей цѣли мы направили всю жизнь и дѣятельность, и заповѣдію къ тому руководимые, и поощрявшіе другъ друга къ добродѣтели. И если не много будетъ сказать такъ, мы служили другъ для друга правиломъ и отвѣсомъ, съ помощію которыхъ распознается, что прямо и что не прямо».

Такъ какъ общество товарищей большое имѣетъ вліяніе на характеръ и образъ дѣятельности особенно вновь вступающихъ въ каждую школу воспитанниковъ: поэтому мы советуемъ юношамъ поучиться у святыхъ Василія и Григорія въ выборѣ себѣ товарищей, съ которыми имѣютъ намѣреніе вступить въ болѣе близкія отношенія. «Мы, продолжаетъ св. Григорій, вели дружбу и съ товарищами, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойтись, ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе можно заразиться болѣзнію, нежели сообщить другому свое здоровье».

Образъ жизни святыхъ друзей заслуживаетъ полнаго вниманія современныхъ юношей и въ другихъ проявленіяхъ ихъ жизни и дѣятельности: потому не облѣнимся выслушать и

дальнѣйшее повѣствованіе св. Григорія о ихъ жизни въ Аѳинахъ.—«Что касается до уроковъ, говоритъ онъ, то мы любили не столько пріятнѣйшее, сколько совершеннѣйшее; потому что и сіе способствуетъ молодымъ людямъ къ образованію себя въ добродѣтели или пороки.—Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна—это первая и превосходнѣйшая вѣла къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ училищамъ (т. е. въ которыхъ обучали христіанскому вѣроученію), другая—это вторая и неравнаго съ первою достоинства, вѣла къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги—на праздники, на зрѣлища, въ народныя собранія, на пиршества, предоставляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитали того, что не ведетъ къ добродѣтели и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя... У насъ одно было великое дѣло и имя—быть и именоваться христіанами» ⁽¹⁾. И это-то постоянное стремленіе быть и именоваться христіанами сдѣлало то, что они, будучи окружены множествомъ идоловъ, которыми всѣ преклонялись, и которыхъ всѣ защищали, оставались всегда вѣрными Христу. «Живя въ Аѳинахъ, говоритъ св. Григорій, мы утвердились въ вѣрѣ... и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются.» ⁽²⁾.

Неутомимое прилежаніе и многообъемлющая ученость Григорія и Василія, неизмѣнная дружба, высокая нравственность, отражавшаяся во всѣхъ поступкахъ, благоразуміе и обдуманность во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ, сдѣлалъ то, что они пріобрѣли извѣстность не только у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ, особенно у знатнѣйшихъ мужей Эллады. «Ибо кто только зналъ Аѳины, говоритъ св. Григорій, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ на-

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 74—75.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 76.

ставникахъ; а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ объ насъ.» (¹).

Сколь велики успѣхи оказалъ св. Василій въ наукахъ, и въ какихъ именно наукахъ, объ этомъ также подробно говоритъ св. Григорій. «Кто еще до сѣдны столько былъ сѣдъ разумомъ? говоритъ онъ о св. Васи́лѣ. Ибо въ этомъ поставляетъ старость и Соломонъ (Притч. 4, 6). Кто не только изъ нашихъ современниковъ, но и изъ жившихъ задолго до насъ,—столько былъ уважаемъ и старыми и юными? Кому по причинѣ назидательной жизни, были менѣ нужны слова? И кто, при назидательной жизни, обладалъ въ большей мѣрѣ словомъ? Какого рода наукъ не проходилъ онъ? Лучше сказать: въ какомъ родѣ наукъ не успѣлъ съ избыткомъ, какъ бы занимающійся этой одной наукой? такъ изучалъ онъ, какъ другой не изучаетъ одного предмета; каждую науку изучилъ онъ до такого совершенства, какъ бы не учился ничему другому. У него не отставали другъ отъ друга и прилежаніе и даровитость, въ которыхъ знанія и искусства почерпають силу. Хотя при напряженіи своемъ всего менѣ имѣлъ онъ нужды въ естественной быстротѣ, а при быстротѣ своей, всего менѣ нуждался въ напряженіи; однако же до такой степени совокуплялъ и приводилъ къ единству то и другое, что неизвѣстно—прилежаніемъ или быстротою способностей онъ болѣе удивителенъ. Кто сравнится съ нимъ въ риторствѣ, дышащемъ силою огня, хотя нравами не походилъ онъ на раторовъ? Кто, подобно ему, приводитъ въ надлежащія правила грамматику или языкъ, изучаетъ исторію, владѣетъ мѣрами стиха, даетъ законы стихотворству? кто былъ такъ силенъ въ философіи—въ философіи дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, то есть, въ

(¹) Тамъ же, стр. 77.

дѣятельной и умозрительной, а равно и въ той ея части, которая занимается доводами и противоположеніями, а также состязаніями и называется діалектикою? Ибо легче было выйти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей его слова, когда находилъ онъ сіе нужнымъ. Изъ астрономіи же, геометріи и науки объ отношеніи чиселъ изучалъ столько, чтобы искусные въ этомъ не могли приводить въ замѣшательство, все же излишнее отринулъ, какъ бесполезное для желающихъ жить благочестиво. Врачебную же науку содѣлали для него необходимостью и собственные тѣлесные недуги и хожденіе за больными.... Это былъ карабль столько нагруженный ученостію, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы.... Но сколько сіе ни важно, значить ли что нибудь въ сравненіи съ нравственнымъ обученіемъ Василія»? ⁽¹⁾.

Св. Василию было уже около 27 лѣтъ, когда онъ окончилъ свое ученіе въ аѳинскомъ училищѣ. Наступило, наконецъ, время для святыхъ друзей возвращенія въ дома родительскіе. Радость скорого свиданія съ нѣжно-любимыми родителями удваивалась сознаніемъ возможности привести, наконецъ, въ исполненіе завѣтное желаніе— всю свою остальную жизнь, со всѣмъ богатымъ запасомъ знаній, посвятить на служеніе Богу. Они собрались уже въ путь и готовы были вмѣстѣ отправиться. Но, совершенно неожиданно для нихъ, любовь и глубокое уваженіе къ нимъ ихъ товарищей и наставниковъ разстроили ихъ планы. «Намъ должно уже было возвратиться домой, говорилъ св. Григорій, вступить въ жизнь болѣе совершенную, приняться за исполненіе своихъ надеждъ и общихъ предначертаній. Насталъ день отъѣзда,

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 78.—Мы не находимъ нужнымъ упоминать здѣсь имена учителей св. Василія, такъ какъ какою бы славою они ни пользовались въ свое время, ихъ слава не увеличитъ славы вселенскаго учителя св. Христовой Церкви.

и, какъ обыкновенно при отъѣздахъ, начались прощальныя рѣчи, проводы, упрашиванья остаться, рыданія, объятія, слезы. А никому и ничего не бываетъ такъ прискорбно, какъ аѳинскимъ совоспитанникамъ разставаться съ Аѳинами и другъ съ другомъ. Дѣйствительно, происходило тогда зрѣлище жалостное и достойное вниманія. Насъ окружала толпа друзей и сверстниковъ, были даже нѣкоторые изъ учителей: они увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ насъ, просили, убѣждали, удерживали силою. И какъ свойственно сѣтующимъ, чего не говорили они, чего не дѣлали? Обвиняю при этомъ нѣсколько самъ себя; обвиняю (хотя это и смѣло) и сію божественную и неукоризненную душу. Ибо Василій, объяснивъ причины, по которымъ непремѣнно хочетъ возвратиться на родину, превозмогъ удерживавшихъ, и они, хотя принужденно, однако же согласились на его отъѣздъ. А я остался въ Аѳинахъ, потому что отчасти самъ былъ тронутъ просьбами, а отчасти онъ меня предалъ и далъ себя уговорить, чтобъ оставить меня, не желавшаго съ нимъ разстаться, и уступить влекущимъ—дѣло до совершенія своего невѣроятное: ибо сіе было бы то же, что разсѣчь на двое одно тѣло» (¹).

Итакъ, св. друзья разстались, повидимому, случайно, вслѣдствіе неожиданно возникшихъ обстоятельствъ, но въ дѣйствительности по мановенію Промысла Божественнаго, предназначившаго имъ служеніе св. Церкви въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ обстоятельствахъ. Хотя духовная любовь между ними всегда сохранялась, и они, въ разные времена и при разныхъ обстоятельствахъ, помогали другъ другу въ достиженіи благихъ цѣлей того или другаго; но ихъ школьныя предположенія о совокупномъ служеніи Богу въ

(¹) Тамъ же, стр. 80.

какой либо уединенной пустыни никогда не осуществлялись. Два великихъ свѣтильника не могли быть скрыты подъ спудомъ. Промыслъ Божественный, не смотря на ихъ постоянное стремленіе жить въ уединеніи, поставилъ ихъ на свѣщники высшей іерархической ступени, чтобы они, озаряя свѣтомъ своего ученія и святой жизни омраченныя еретическими заблужденіями общества, вели всѣхъ непреткновеннымъ путемъ ко Христу и, чрезъ Него, къ вѣчному блаженству на небѣ.

ГЛАВА III.

Проведши около пяти лѣтъ въ Аѳинахъ, св. Василій, двадцати-семи-лѣтній юноша, въ 356 году, съ обширными познаніями во внѣшнихъ наукахъ, съ твердымъ расположеніемъ къ добру, возвратился на родину. Отца своего онъ не нашелъ уже въ живыхъ; мать Емемлія съ его сестрою, св. Макриною, проводили жизнь въ богоугодныхъ занятіяхъ въ монастырѣ, ими основанномъ, на берегу рѣки Изиса, на землѣ, принадлежавшей прежде бабѣ Василовой, св. Макринѣ. Братъ его Навкратій также проводилъ жизнь въ монашескихъ подвигахъ въ пустынномъ уединеніи. Такимъ образомъ, вся обстановка семейной жизни св. Василія была такова, что представляла ему сильныя побужденія немедленно, по прибытіи на родину, начать ту уединенную и подвижническую жизнь, о которой онъ помышлялъ вѣстѣ съ св. Григоріемъ, къ которой стремился еще живши въ Аѳинахъ. Но его высокая ученость, привлекавшая къ нему вниманіе и уваженіе всѣхъ знавшихъ его и слышавшихъ о немъ, положила на время преграду его желанію. Знатнѣйшіе изъ жи-

телей Кесаріи, мѣста его первоначальнаго обученія, Неокесаріи, мѣста жительства его родителей и его самого, отправили къ нему посольство изъ почетныхъ гражданъ, приглашая его занять должность адвоката въ Неокесаріи, обѣщая при этомъ и славу и богатство, т. е. такія блага, которыя льстятъ страстямъ тщеславія и корыстолюбія ⁽¹⁾. И эти занятія дѣйствительно могли доставить св. Василию и богатство и славу, такъ какъ краснорѣчіе въ то время цѣнилось выше всѣхъ талантовъ, и его нигдѣ нельзя было проявить съ такимъ блескомъ, какъ въ должности адвоката и на кафедрѣ учителя краснорѣчія. Но всѣ блага земныя получаютъ свою цѣну не отъ своего внутренняго достоинства, но отъ нашихъ желаній: чѣмъ мы болѣе желаемъ овладѣть ими, тѣмъ мы выше ихъ цѣнимъ; а кто не желаетъ ихъ имѣть, для того они не имѣютъ ни какой цѣны. Святый же Василій В. говорить о себѣ: «быть въ совершенной неизвѣстности для меня болѣе желательно, нежели для честолюбцевъ быть въ виду» ⁽²⁾. Потому блага, предлагавшіяся жителями Кесаріи и Неокесаріи, не могли отклонить его отъ желанія заключиться въ уединеніи, дабы чрезъ внутреннее усовершенствованіе себя достигъ нетлѣнной славы на небѣ.

Впрочемъ св. Василій, какъ говоритъ св. Григорій Б., «чтобы удовлетворить желанію многихъ, потому что самъ по себѣ не имѣлъ расположенія жить для зрѣлища и на показъ», а можетъ быть и для того, чтобы возстановить въ себѣ славу отца, которою онъ пользовался за свое краснорѣчіе, на краткое время принялъ предложеніе, какъ Кесарійцевъ, такъ и Неокесарійцевъ, и показалъ нѣсколько опытовъ своего краснорѣчія, какъ въ званіи адвоката, такъ и въ

⁽¹⁾ В. В. письмо 202. Гр. Б. Сл. 43, стр. 81.

⁽²⁾ В. В. письмо 202.

должности учителя краснорѣчія. Всеобщій восторгъ удивленія и одушевленные похвалы его обширной учености и блистательному краснорѣчію повсюду сопровождали его. Смотря на св. Василя съ точки зрѣнія человѣка, не освободившагося еще отъ духа тщеславія и не возвысившагося надъ суетою земныхъ удовольствій, естественно было предположить, что и самъ св. Василій не оставался совершенно равнодушнымъ къ похваламъ, которыми его осыпали повсюду. Сестра его, св. Макарина, съ заботливостію помышляя объ охраненіи чистоты его сердца, дала ему замѣтить, что онъ стоитъ на краю пропасти, и ему грозитъ большая опасность, если онъ не поспѣшитъ удалиться съ поприща, которое представляло такъ много случаевъ къ развитію гордости своею ученостію. Но св. Василій поспѣшилъ успокоить ее, показавъ словами и дѣломъ, что онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы придавать какое либо значеніе похваламъ, разсыпавшимся предъ нимъ повсюду. И вообще, какъ мало придавалъ онъ значенія внѣшней учености, это онъ высказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Много лѣтъ, пишетъ онъ, провелъ я въ суетѣ и погубилъ почти всю юность мою въ трудахъ суетныхъ, посѣщаль училища для пріобрѣтенія познаній въ той мудрости, которую Богъ призналъ буйствомъ. Но когда, наконецъ, какъ бы воставъ отъ глубокаго сна, воззрѣлъ я на чудный свѣтъ евангелія, и увидѣлъ бесполезность *мудрости князей вѣка сего престающихъ*: тогда пролилъ я много слезъ о своей жалкой жизни и пожелалъ найти руководителя, который бы ввелъ меня въ познаніе догматовъ благочестія. Первою заботою моею было исправить сколько нибудь мой нравъ, поврежденный долготѣннымъ обращеніемъ съ нечестивыми. Поэтому, когда, разгнувъ Евангеліе, я увидѣлъ въ немъ, что лучший путь къ совершенству—продать имѣніе и раздать нищей братіи, отрѣшиться отъ всѣхъ заботъ житейскихъ и

не увлекаться пристрастіемъ ни къ чему земному; тогда пожелалъ я найти человѣка изъ братіи, который бы самъ избралъ такой образъ жизни, дабы съ нимъ вмѣстѣ преплыть пучину кратковременнаго сего житія» ⁽¹⁾.

Послѣ внушенія св. Макария, св. Василій, сколько повлеченію собственнаго своего сердца къ уединенію, столько же и для успокоенія благочестивыхъ матери и сестры, заключился въ уединеніе. И чѣмъ болѣе вникалъ въ самого себя, чѣмъ болѣе внималъ божественнымъ внушеніямъ Господа Іисуса Христа при чтеніи Евангелія: тѣмъ болѣе находилъ въ себѣ недостатковъ и несообразностей съ высокими требованіями Евангельскаго ученія: Сознаніе въ себѣ недостатковъ есть главное основаніе совершенствованія человѣка. Пока человѣкъ, омрачаемый духомъ гордости, находится въ самообольщеніи касательно своихъ достоинствъ: до тѣхъ поръ онъ не можетъ двинуться впередъ относительно своего нравственнаго совершенствованія. Но говоря о недостаткахъ, которые находилъ въ себѣ св. Василій, не должно допускать той мысли, чтобы онъ имѣлъ въ себѣ какія либо дурныя наклонности, свойственныя его возрасту. Прослѣдивъ его жизнь съ дѣтства до лѣтъ, близкихъ къ мужескому возрасту, мы видѣли уже, что всѣ его внѣшнія дѣйствія и внутреннія расположенія души были таковы, что онъ могъ быть образцомъ нравственной жизни и для сѣдовласыхъ старцевъ. Какъ гениальный художникъ всегда остается не доволенъ своими произведеніями, сравнивая ихъ не съ произведеніями обыкновенныхъ, хотя и лучшихъ художниковъ, но съ тѣмъ идеаломъ совершенства, который носитя предъ внутреннимъ окомъ его пылкой фантазіи; такъ и св. Василій находилъ въ себѣ множество недостатковъ, пробуждавшихъ въ

⁽¹⁾ В. В. письмо 215.

немъ чувство сокрушенія, сравнивая свои поступки не съ дѣйствіями своихъ сверстниковъ или лучшихъ изъ гражданъ, но съ высшими требованіями евангельскаго ученія, стремящагося возвести человѣка, еще при жизни его на землѣ, на степень ангельской чистоты. Совершенство во всемъ — вотъ цѣль всей его жизни! Онъ учился вездѣ, гдѣ только можно было научиться чему либо хорошему и полезному, и учился всему, что только находилъ достойнымъ вниманія просвѣщеннаго человѣка. Но внѣшнія науки не дали ему того, къ чему стремилась его чистая душа, и онъ оставилъ ихъ, справедливо сожалѣя о времени, употребленномъ на изученіе ихъ, какъ о времени, потерянномъ безплодно для души. Ему хотѣлось имѣть ясное, сколько возможно для ограниченнаго ума человѣка, понятіе о верховномъ Существоѣ, онъ желалъ знать путь къ сближенію съ этимъ верховнымъ Существомъ: но о всемъ этомъ опредѣленные понятія могло дать только одно Евангеліе, а ни какая изъ внѣшнихъ наукъ. Поэтому онъ оставилъ всѣ науки, и занялся исключительно изученіемъ одного Евангелія.

Но чтобы ясно видѣть предметъ, для этого не достаточно имѣть здоровое зрѣніе, нуженъ еще солнечный свѣтъ; чтобы поднять какую либо тяжесть, не достаточно имѣть одно усердіе къ тому, нужно еще имѣть и силы для этого. Для пониманія же высшихъ предметовъ откровеннаго ученія нуженъ божественный свѣтъ, для выполненія всѣхъ требованій Евангельскаго ученія не достаточно однихъ естественныхъ силъ, нужна божественная помощь. Свѣтъ же божественный, озаряющій нашъ умъ и дѣлающій его способнымъ къ пониманію вышеестественныхъ предметовъ, и божественная помощь, дающая намъ силы къ исполненію и такихъ требованій Евангельскаго ученія, которыя кажутся превышающими естественныя силы человѣка, подаются намъ чрезъ Таинства.

Поэтому св. Василій В. поспѣшилъ омыться водами Крещенія, укрѣпить свои духовныя силы чрезъ таинства Муромазанія и вступить въ тѣснѣйшее общеніе съ Господомъ Іисусомъ Христомъ чрезъ таинство Причащенія. Всѣ эти таинства онъ принялъ отъ руки Кесарійскаго Архіепископа Діанія ⁽¹⁾.

Тройственная благодать Божественная, полученная св. Василиемъ чрезъ Таинства, такъ сильно воздѣйствовала на его, уже подготовленную къ высшему служенію, душу, что онъ съ перваго же начала вступленія въ св. Христову Церковь, рѣшился исполнить заповѣдь Христову, ведущую къ высшему совершенству: *если хочешь быть совершеннымъ; продай имѣніе твое, и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною* (Матѳ. 19, 21). Но иноческая жизнь, полная всевозможныхъ лишеній и разнаго рода искушеній со стороны плоти и діавола, не могла не представляться ему трудною, по его неопытности въ этомъ родѣ жизни: и потому онъ желалъ найти человека, который бы рѣшился съ нимъ вмѣстѣ прейти этотъ трудный путь жизни и быть, если не наставникомъ и руководителемъ, то, по крайней мѣрѣ, разумнымъ и благожелательнымъ собесѣдникомъ. Естественно, при такомъ желаніи первая мысль св. Василія обратилась къ св. Григорію Богослову, какъ выразившему уже желаніе вмѣстѣ съ нимъ посвятить себя на служеніе Богу въ званіи инока, съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ всего земнаго. Руководствуясь этою мыслию, св. Василій написалъ своему аѳинскому другу, приглашая его пріѣхать къ нему для осуществленія выраженнаго въ Аѳинахъ желанія. Но получилъ въ отвѣтъ отъ св. Григорія письмо, изъ котораго ясно было видно, что предположенія

⁽¹⁾ Св. Василій В. въ книгѣ о Св. Духѣ.

аѳинскія о совокупной жизни и любомудріи навсегда останутся безъ исполненія. Св. Григорій писалъ: «признаюсь, измѣнилъ я обѣщанію жить и любомудрствовать вмѣстѣ съ тобою, какъ далъ слово еще въ Аѳинахъ, во время тамошней дружбы и тамошняго сліянія сердецъ. Но измѣняю не добровольно, а потому, что одинъ законъ превозмогъ надъ другимъ; законъ, повелѣвающій прислуживать родителямъ надъ закономъ товарищества и дружбы. Впрочемъ, я въ этомъ не измѣню совершенно, если ты будешь согласенъ на то же самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты самъ благоволи посѣтить меня, чтобы все было у насъ общее, и права дружбы остались равночестными. Такъ можно мнѣ будетъ и родителей не оскорбить, и быть вмѣстѣ съ тобою» ⁽¹⁾.

Послѣ такого отвѣта со стороны своего друга, св. Василій рѣшился образовать свой монастырь. Но чтобы собрать въ свой монастырь все лучшее, что было выработано долготѣнными опытами святыхъ подвижниковъ, онъ рѣшился посѣтить великихъ подвижниковъ, жившихъ въ Александріи и другихъ мѣстахъ Египта, также въ Палестинѣ, Келесиріи и Месопотаміи. И увидѣвши ихъ, говорятъ св. Василій, «дивился воздержанію ихъ въ пищѣ, дивился терпѣнію въ трудахъ, изумлялся неослабности въ молитвахъ..... живя какъ бы въ чужой плоти, самымъ дѣломъ показывали, что значить быть здѣсь пришельцами (Ев. 11, 13), и что значить имѣть житіе на небесахъ (Филипп. 3, 20). Подивясь сему и ублаживъ жизнь сихъ мужей, которые на дѣлѣ показывают, что носятъ въ тѣлѣ своемъ мертвость Иисусову, пожелалъ и самъ я, сколько было мнѣ возможно, сдѣлаться подражателемъ оныхъ мужей» ⁽²⁾. И святые мужи, которыхъ случи-

⁽¹⁾ Гр. Б. письмо 1.

⁽²⁾ В. В. письмо 215.

лось видѣть св. Василю, были дѣйствительно таковы, что составляли предметъ удивленія и подражанія не только для современниковъ, но и для послѣдующихъ вѣковъ. Тогда было самое цвѣтущее состояніе иночества въ Египтѣ. Хотя Антоній Великій и отошелъ уже ко Господу: но пустыни Египетскія наполнены были тысячами учениковъ его и подражателей. Между ними были тогда Поплій Великій, два Макарія—Египетскій и Александрійскій, Пафнугій, Піоръ, Исидоръ пресвитеръ Скитскій и другіе. Всѣ они, соединяя съ удивительнымъ подвижничествомъ высокую мудрость въ совѣтахъ, обладали вмѣстѣ и разными особыми дарованіями духовными, которыя свидѣтельствовали о присутствіи въ ихъ душахъ Духа Божія. Въ Келесиріи были свои подвижники, которые были замѣчательны еще тѣмъ, что, кромѣ брани внутренней, вели другую непрерывную брань съ остатками прежняго язычества. Въ Месопотаміи, особенно въ горахъ Низибійскихъ, сотни иночествующихъ представляли зрѣлище, странное для міра, который, не имѣя силъ подняться до пониманія ихъ высокой, отрѣшенной отъ всѣхъ благъ земныхъ, жизни, называлъ ихъ не иначе, какъ пасущимися ⁽¹⁾. Къ этому названію подала поводъ самая жизнь подвижниковъ; такъ какъ они, чтобы поддержать въ себѣ мысль, что они только странники на землѣ, а отечество ихъ на небесахъ, не имѣли постоянного пребыванія на одномъ какомъ либо мѣстѣ, но постоянно перемѣняли мѣста своего пребыванія въ пустыни, питаясь однимъ быліемъ.

Путешествіе св. Василя по пустынямъ и монастырямъ продолжалось около года. Но усладившись достойными подражанія подвигами св. мужей, воспользовавшись ихъ мудрыми наставленіями, онъ не рѣшился остаться ни въ од-

⁽¹⁾ Созоменъ, Ц. И. кн. 6, гл. 33.

номъ изъ посѣщаемыхъ имъ монастырей или пустынь; какъ ни усладительна была для его души жизнь св. мужей, но онъ не могъ смотрѣть спокойно на раздоры и несогласія, возмущавшія тогда церковь, по причинѣ усиленія аrianъ; и потому спѣшилъ возвратиться въ свою отечественную страну, которая одна тогда между восточными областями сохранила миръ вмѣстѣ съ строгимъ православіемъ.

Возвратившись на родину, св. Василій, вѣроятно, руководясь тѣмъ же чувствомъ любви къ роднымъ, какимъ руководился и св. Григорій въ своихъ дѣйствіяхъ и въ опредѣленіи образа своей жизни, рѣшился остаться въ Понтѣ, и для устройства своего монастыря избралъ уединенное мѣсто на берегу рѣки Ириса, на противоположной сторонѣ которой жили его мать Еммелія и сестра Макрина. Избранное имъ мѣсто было богато и лѣсомъ, и водою, произращало всякаго рода плоды при небольшомъ усилии со стороны человѣка, и главное—было совершенно спокойно и никакой путникъ не нарушалъ безмолвія этого мѣста. Это-то удобство такъ пріятно было для Василія, что онъ предполагалъ здѣсь окончить и дни свои ⁽¹⁾. Здѣсь, отрѣшившись отъ всѣхъ заботъ житейскихъ, не увлекаясь пристрастіемъ ни къ чему земному, онъ проводилъ жизнь, подражая подвигамъ тѣхъ великихъ мужей, которыхъ видѣлъ въ Египтѣ и Сиріи. У него ничего не было, кромѣ одной нижней и другой верхней одежды; трапезу его составляли хлѣбъ съ солью, жажду его утоляла одна вода; сонъ его былъ весьма непродолжителенъ и на голой землѣ ⁽²⁾. Посвятивъ себя уединенію для достиженія высшаго нравственнаго совершенства, св. Василій въ то же время со всѣмъ усердіемъ занимался усовершеніемъ своего

⁽¹⁾ В. В. письмо 14.

⁽²⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 117—118:

богословскаго образованія. Изученіемъ св. Писанія, при пособіи древнихъ толкователей ⁽¹⁾, и изученіемъ писаній отеческихъ онъ занимался еще съ несравненно большимъ усердіемъ, нежели внѣшними науками. Совершенство во всемъ— это была цѣль его жизни, для достиженія которой онъ употребилъ все усердіе, не щадя своихъ силъ и здоровья.

Обогатившись, при содѣйствіи благодати Божественной, глубокимъ пониманіемъ слова Божія и разными духовными дарованіями, св. Василій, по любви къ Господу Іисусу Христу и ревности о распространеніи Его славы на землѣ, и по любви къ ближнему и заботливости о спасеніи его души, не могъ не чувствовать потребности употребить свои таланты во славу Божію и спасеніе ближнихъ. И первое вниманіе его обращено было на жившихъ не вдалекѣ отъ него пустынниковъ, которые продолжали свое служеніе Богу въ уединеніи, не имѣя общенія между собою. Но св. Василій, желая ихъ собрать въ свой монастырь, объяснилъ имъ, какъ невыгоды для нихъ самихъ въ отшельнической жизни, такъ и весьма большую пользу, какую можетъ принести общежитіе, какъ имъ самимъ, такъ и другимъ, имѣющимъ общеніе съ ними.

Прежде всего объяснилъ имъ, что жизнь отшельническая, хотя и имѣла своихъ знаменитыхъ представителей, но, какъ исключеніе, не можетъ быть общимъ правиломъ для всѣхъ вступающихъ на путь служенія Богу; такъ какъ такая жизнь должна идти вопреки общему строю жизни человѣческой и самому опредѣленію Божію, выраженному въ самомъ устройствѣ организма человѣческаго. Какъ разные члены въ тѣлѣ человѣка не могутъ жить одинъ безъ другаго, и для поддержанія общей жизни въ тѣлѣ нужно, чтобы они исполняли

(1) Руѣнъ. Ц. И. кн. 11, гл. 2.

каждый свое дѣло, помогали другъ другу; такъ и въ одинокой жизни человѣкъ, съ одной стороны, лишается возможности пріобрѣсть то, чего не имѣеть, съ другой стороны—сдѣлать добро другому тѣмъ благомъ, которымъ, по милости Божіей, самъ обладаетъ. «По этому-то, говоритъ св. Василій, Создатель Богъ опредѣлилъ, чтобы мы имѣли нужду другъ въ другѣ, и чрезъ то вступали другъ съ другомъ въ единеніе (Сир. 13, 20)».

«Но и безъ этого, продолжаетъ онъ, понятіе о любви Христовой не позволяетъ каждому имѣть въ виду собственное свое; ибо сказано: *любви не ищетъ своихъ си* (1 Кор. 13, 5)».

«А жизнь, со всѣми разобщенная, имѣетъ одну цѣль—служеніе собственнымъ каждыя потребамъ. Это же явнымъ образомъ противно закону любви, какой исполнялъ Апостолъ: *не искій своя пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. 10, 33)».

«А потомъ, въ удаленіи отъ всѣхъ не легко каждому узнавать свой недостатокъ, не имѣя человѣка, который бы обличалъ его и исправлялъ съ кротостію и сѣрдоболиемъ. Ибо отъ врага обличеніе не рѣдко въ благосознательномъ возбуждаетъ желаніе уврачеванія. Человѣка же, живущаго въ одиночествѣ, найти трудно, если кто прежде, не сблизился съ нимъ въ жизни; поэтому съ нимъ сбывается сказанное: горе единому, яко аще падеть, некому воздвигнуть его (Екл. 4, 10)».

«Раздѣльная жизнь не имѣетъ многихъ добродѣтелей, ведущихъ ко спасенію, ибо при раздѣльной жизни, не зная состоянія другаго, не можетъ «ни радоваться съ прославленнымъ, ни страдать съ страждущимъ».

«Сверхъ сего, поелику одинъ не въ состояніи вмѣстить всѣхъ духовныхъ дарованій, но каждому, по мѣрѣ вѣры, бываетъ подаваніе Духа: то въ общежитіи собственное даро-

ваніе каждого дѣлается общимъ для живущихъ вмѣстѣ: *овому бо дается слава премудрости; иному же слава разума; другому въра; иному пророчество; иному дарованія исцѣленій, и т. д.* (1 Кор. 12, 8—10). Каждое же изъ сихъ дарованій приѣмлющій имѣетъ не въ большей мѣрѣ для себя, чѣмъ для другихъ; почему въ общежитіи дѣйствию Св. Духа въ одномъ необходимо переходить на всѣхъ вмѣстѣ. Поэтому живущій особо, если и имѣетъ какое либо дарованіе, по причинѣ недѣятельности, заключаетъ его въ себѣ, и оное дѣлаетъ безполезнымъ; а сколько сіе опасно, знаете все вы, читавшіе Евангеліе. Въ сожительствѣ же многихъ, и своимъ дарованіемъ каждый наслаждается, приумнажая оное чрезъ подаваніе другимъ, и пользуется дарованіями другихъ, какъ своими».

«Совокупная жизнь имѣетъ и иныя многія блага, которыя не легко всѣ перечислить. Ибо она болѣе одинокой жизни способствуетъ къ соблюденію дарованныхъ намъ отъ Бога благъ, и къ охраненію отъ внѣшнихъ козней врага. Надежныѣ людьми бодрственными пробужденіе, еслибы одному и случилось вздремать тѣмъ смертельнымъ сномъ, объ избавленіи отъ котораго научилъ насъ молиться Давидъ, говоря: *просвѣти очи мои, да некогда усну въ смерть* (Псал. 12, 4). И согрѣшающему удобнѣе разстаться съ грѣхомъ, когда приводитъ его въ стыдъ согласное осужденіе многихъ.....

А жизнь одинокую, кромѣ показанныхъ опасностей, сопровождаютъ и другія. Первая и важнѣйшая изъ нихъ—опасность самоугодія. Ибо, не имѣя чловѣка, который бы могъ оцѣнить дѣло его, возмнить, что достигъ до совершенства заповѣди. А сверхъ того, заключивъ навсегда душевныя силы и не давая имъ упражненія, не знаетъ своихъ недостатковъ, не познаетъ и успѣха въ дѣлахъ, потому что отняты всѣ случаи къ достиженію требуемаго въ заповѣдяхъ. Въ чемъ по-

кажетъ смиренномудріе, не имѣя человѣка, предъ которымъ бы могъ доказать, что смиреннѣе его? Въ чемъ покажетъ сердолобіе, будучи отдѣленъ отъ общенія съ многими? Какъ будетъ упражнять себя въ долготерпѣніи, когда нѣтъ противящагося его мнѣніямъ? Если кто скажетъ, что въ усовершеніи нравовъ довольствуется онъ изученіемъ Божественныхъ Писаній: то поступитъ онъ подобно тому, кто учится строить, и никогда не строить, обучился искусству ковать, но не хочетъ приложить уроковъ къ дѣлу. Ему Апостолъ скажетъ: *не слышатели закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона оправдятся* (Рим. 2, 13). Вотъ и Господь, по избытку челоуколюбія, не удовольствовался только словеснымъ наученіемъ, но, чтобы во всей точности и ясности показать намъ примѣръ смиренномудрія въ совершенствѣ любви, Самъ, препоясавшись, умылъ ноги учениковъ. Кого же омоешь, кому послужишь, предъ кѣмъ будешь послѣднимъ, живя одинъ особо? А это доброе и красное житіе братіи вкупѣ, которое Духъ Святый уподобляетъ мѣру, благоухающему на главѣ архіерея, какъ будетъ имѣть мѣсто, когда живутъ по одиночкѣ (Псл. 132, 2)? Поэтому, совокупное житіе, братіе, есть поприще подвижничества, благонадежный путь къ преспѣянію, постоянное упражненіе и поученіе въ заповѣдяхъ Господнихъ. И оно цѣлю имѣетъ славу Божию, по заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, сказавшаго: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуками, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѹ. 5, 16), такъ сохраняетъ въ себѣ черты упоминаемыхъ въ книгѣ Дѣяній Святыхъ, о которыхъ написапо: *вси же въровавшии бляху вкупѣ, и имѣху вся обща* (Дѣян. 2, 44)» (1).

(1) В. В. простран. прав. вопросъ 7.

Столь разумное, столь доказательное и убѣдительное слово св. Василія сосредоточило въ вновь устроенномъ монастырѣ всѣхъ отшельниковъ, жившихъ въ недалекихъ мѣстахъ Понтийской и Каппадокійской области. Управление монастыремъ и руководство собравшейся братіи принялъ на себя самъ св. Василій. И эта обитель и собранная въ ней братія были предметомъ самыхъ нѣжныхъ попеченій со стороны св. Василія Великаго даже и тогда, когда онъ былъ уже въ санѣ Архіепископа. Слава о высокомъ подвижничествѣ св. Василія, равно какъ и о его мудрости въ совѣтахъ, скоро распространилась по всему Понту и Каппадокіи, вслѣдствіе чего къ нему стали стекаться люди для бесѣды духовной, а нѣкоторые, бывъ одушевлены его проникающею до глубины сердца рѣчью, оставались навсегда въ его обители съ совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ выгодъ и удовольствій, предлагаемыхъ міромъ. Сначала эти посѣщенія съ благочестивою цѣлію утомляли св. Василія и заставляли его скорбѣть о нарушенномъ уединеніи его пустынной жизни. Но потомъ, воодушевленный благочестивымъ настроеніемъ душъ приходившихъ и ихъ искреннею жаждою назиданія, онъ уже самъ почерпалъ утѣшеніе въ сознаніи того, что чрезъ его слово, при содѣйствіи благодати Божественной, распространялось и укрѣплялось царство Христово въ душахъ вѣрующихъ. Этимъ невольнымъ отрѣшеніемъ отъ глубокаго уединенія Промыслъ Божественный незамѣтно подготавливалъ св. Василія къ дальнѣйшему общественному служенію св. Церкви. Плодотворное дѣйствіе его слова на души приходившихъ къ нему на столько распалило въ его сердцѣ ревность о спасеніи душъ, искупленныхъ кровію Господа Іисуса Христа, что онъ не рѣдко надолго оставлялъ свое любимое уединеніе, обходя города и селенія съ словомъ назиданія и вразумленія. Всѣмъ говорилъ соотвѣтственно нуждамъ каждого. Однихъ

старался пробудить отъ грѣховнаго усыпленія, убѣждая ихъ обратить вниманіе на свою душу и прекратить пагубное угожденіе ненасытной плоти; другихъ наставлялъ въ истинахъ православной вѣры, или убѣждалъ отступить отъ лжевѣрія, всѣяннаго въ ихъ души еретиками. Иныхъ возбуждалъ къ молитвѣ, къ попеченію о бѣдныхъ; болѣе же созрѣвшихъ располагалъ къ монашеской жизни. Вслѣдствіе такой плодотворной бесѣды св. Василия, въ разныхъ мѣстахъ Понтійской области, основались многіе монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, которые также пользовались всегда его руководствомъ и попеченіемъ ⁽¹⁾.

Когда у св. Василия было братіи еще не такъ много, то онъ руководствовалъ ихъ своимъ примѣромъ и частными наставленіями. Но когда братія начала умножаться, то говорилъ имъ и общія поученія, въ которыхъ обнималъ со всѣхъ сторонъ монастырскую жизнь, и выяснялъ нравственное значеніе всѣхъ возможныхъ случайностей. Изъ поученій сего рода дошло до насъ четыре, и всѣ подъ названіемъ—слово о подвижничествѣ. Предоставляя прочитать эти слова съ должнымъ вниманіемъ монашествующимъ, мы обратимъ въ нихъ наше вниманіе только на тѣ мѣста и мысли, которыя могутъ быть общеназидательными и поучительными для всѣхъ христіанъ, какъ мірскихъ, такъ и монашествующихъ.

1 Слово. «Вознамѣрившійся повиноваться Христу и поспѣшающій къ нищелюбивой и неразвлеченной жизни истинно достоинъ удивленія и ублаженія», говоритъ св. Василій. Но желающему вступить на трудный путь иноческой жизни совѣтуетъ прежде испытать себя и предварительно пріучить себя терпѣнію скорбей тѣлесныхъ и духовныхъ, дабы, не

⁽¹⁾ Созомен. Ц. И. кн. 6, гл. 17. Григ. Нис. въ похв. сл. Василию.

имѣя силы противостоятъ встрѣтившимся испытаніямъ, опять со стыдомъ и посмѣяніемъ не возвратиться къ тому, отъ чего бѣжалъ, къ осужденію души, возвращаясь въ міръ и дѣлаясь для многихъ соблазномъ, подавая поводъ всѣмъ заключать о невозможности жить о Христѣ». «Таковой будетъ осужденъ не только, какъ измѣнникъ Христу, какъ оставившій свои ряды воинъ, но и какъ виновный въ погибели развращенныхъ имъ чрезъ соблазнъ его поступкомъ».

Но таковые бѣглецы, для успокоенія своей совѣсти, говорятъ, что они могутъ и живя въ мірѣ благоугождать Богу добрыми дѣлами. Святый же Василій мнимое благоугождение Богу добрыми поступками для такового бѣгльца находитъ невозможнымъ. «Кто въ жизни, говоритъ онъ, безгрѣшной по ея неразвлеченности, не имѣлъ силъ выдержать борьбы со врагомъ, тотъ въ жизни многогрѣшной и имъ самимъ управляемой—безъ всякаго руководства со стороны мудраго и опытнаго наставника—возможетъ ли преуспѣть въ какой либо добродѣтели?»

«Человѣколюбивый Богъ, пекущійся о спасеніи нашемъ, предвидя невѣстимость жизни подвижнической для всѣхъ, далъ жизни человѣческой двоякое направленіе, т. е. сунружество и дѣвство, чтобы тотъ, кто не въ состояніи вынести подвиговъ дѣвства, вступалъ въ сожитіе съ женою, зная, что потребуется отъ него отчетъ въ цѣломудріи, святости и уподобленіи тѣмъ, которые въ супружествѣ и при воспитаніи дѣтей жили свято», каковыхъ примѣровъ можно много найти и въ ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви.

Но нѣкоторые, увлекаясь грѣховными или ведущими ко грѣху обычаями мірскими, и желая дать себѣ возможно большій просторъ къ удовлетворенію страстей и порочныхъ привычекъ, въ утѣшеніе себѣ, или правильнѣе, къ обольщенію себя пагубными мечтами, говорятъ: мы не монахи, намъ нельзя не

слѣдовать обычаямъ міра, и намъ Богъ проститъ. Но не такъ разсуждалъ объ этомъ св. Василій Великій.

«Соглашаешься ли въ томъ, спрашиваетъ онъ, что Евангеліе дано и оживившимся? Вотъ тебѣ приведено въ ясность, что, въ послушаніи Евангелію потребуется отчетъ у всѣхъ людей,—монахи-ли они, или живутъ въ супружествѣ. Для вступившаго въ бракъ достаточно и того, что ему извиняется невоздержаніе, пожеланіе жены и сожитіе съ нею; прочія же заповѣди, какъ всѣмъ равно указанныя, не безопасны для нарушителей. И Христосъ, благовѣствуя заповѣди Отца, обращалъ рѣчь къ живущимъ въ мірѣ (а не къ монашествующимъ, которыхъ еще и не было тогда). А если и случилось, что вопрошенный наединѣ отвѣчалъ ученикамъ своимъ: то свидѣтельствовалъ, говоря: *а яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю* (Мар. 13, 37). Поэтому и ты, избравшій общежитіе съ женою, не опускай рукъ, какъ будто вправѣ ты отдаться міру. Тебѣ къ полученію спасенія потребно больше трудовъ и осторожности: потому что избралъ себѣ жилище среди сѣтей и подъ державою отступническихъ силъ, имѣешь побужденія ко грѣхамъ, и всѣ твои чувства день и ночь напряжены къ вожделенію ихъ. Поэтому знай, что не избѣжишь борьбы съ отступникомъ и не одержишь надъ нимъ побѣды безъ многихъ трудовъ на стражбѣ Евангельскихъ догматовъ. Ибо какъ можешь отказаться отъ ратоборства со врагомъ, ведя жизнь въ самомъ ратоборномъ поприщѣ? А это поприще—вся поднебесная земля, по которой кружить и которую обходить врагъ, какъ бѣшенный песъ, ища, кого поглотить, какъ узнаемъ изъ исторіи Іова (Іова 2, 2). И поэтому, если отрекаешься отъ брани съ противоборникомъ: то ступай въ другой міръ, въ которомъ его нѣтъ; тамъ дозволено будетъ тебѣ отреченіе отъ борьбы съ нимъ и безопасное небреженіе о догматахъ евангельскихъ. А если это

невозможно, спѣши обучиться ратоборству съ нимъ, въ Писаніи изучая ратоборное искусство, чтобы тебя, побѣжденнаго имъ по незнанію, не предали вѣчному огню. И это какъ бы мимоходомъ сказано тѣмъ, которые въ супружеской жизни безъ опасенія не радятъ о сохраненіи Христовыхъ заповѣдей».

Обращаясь опять къ монашествующимъ, совѣтуетъ при самомъ вступленіи въ иноческую жизнь, разорвать всякую связь съ родными по плоти, друзьями и близкими людьми, чтобы безпрепятственнѣе и тѣснѣе соединиться со Христомъ. Впрочемъ этимъ требованіемъ воспрещается только пристрастная любовь къ кому бы то ни было, препятствующая свободному служенію Христу, а не любовь о Господѣ, которую мы обязаны имѣть ко всѣмъ ближнимъ. Совѣтуетъ также предварительно распорядиться своимъ внѣшнимъ благосостояніемъ, употребивъ его на дѣла благоудобныя, такъ чтобы при себѣ ничего не оставлять; такъ какъ надежда на богатство, каково бы оно ни было и въ чемъ бы ни состояло, препятствуетъ утвержденію въ душѣ всецѣлаго упованія на Промыслъ Божественный.

«Когда же, далѣе говорить св. Василій, при Божіемъ содѣйствіи побѣдишь врага своего въ этой первой войнѣ..... съ великою заботливостію и внимательностію постарайся найти мужа, который бы непогрѣшительно предшествовалъ тебѣ въ образѣ жизни, хорошо умѣлъ руководить шествующихъ къ Богу, украшенъ былъ добродѣтелями въ собственныхъ дѣлахъ своихъ и имѣлъ свидѣтельство любви своей къ Богу, былъ свѣдущъ въ Божественныхъ писаніяхъ, не разсѣянъ, не сребролюбивъ, не озабоченъ многимъ, безмолвенъ, боголюбивъ, нищелюбивъ, не гнѣвливъ, не памятозlobенъ, силенъ въ назиданіи сближающихся съ нимъ, не тщеславенъ, не высокомѣренъ, не льстивъ, неизмѣнчивъ, ничего не предпочиталъ Богу. И если най-

дешь такого, предай ему себя, ни во что вѣннвъ, и отринувъ прочь всякую свою волю.

Нѣкоторые, придавая слишкомъ большое значеніе своему уму и привыкнувъ къ своеволію, смотря на монашескій обѣтъ безпрекословнаго послушанія, говорятъ, что этотъ обѣтъ не можетъ быть одобренъ, потому что онъ, какъ имъ кажется, уничтожаетъ свободу воли въ человѣкѣ—одинъ изъ величайшихъ даровъ Божіихъ. Но справедливо ли, что этотъ обѣтъ уничтожаетъ свободу въ человѣкѣ? Нѣчто подобное этому можно видѣть и въ обыкновенный жизни человѣческой. Одержимый какою либо тяжкою тѣлесною болѣзнію, не находя самъ въ себѣ силъ къ исцѣленію своей болѣзни, вручаетъ себя свободно какому либо врачу, извѣстному уже своею опытностію и знаніемъ, и безпрекословно, безъ всякаго размышленія, исполняетъ его совѣты и предписанія: и однако же никто не думаетъ, чтобы, чрезъ это свободное подчиненіе врачу, совершенно уничтожилась свобода дѣйствій въ больномъ. Не тоже ли самое бываетъ, когда нравственно больной, видя постоянное ослабленіе въ себѣ всѣхъ силъ духовныхъ, и не находя самъ въ себѣ никакой возможности къ ослабленію окрѣпшихъ уже дурныхъ своихъ привычекъ и грѣховныхъ наклонностей, свободно покоряетъ свой умъ и волю внушеніямъ и руководству другаго человѣка, извѣстнаго уже своимъ благочестіемъ и мудростію наставленій, подтверждаетъ ихъ многими нравственно-исцѣленными чрезъ него и получившими расположеніе и силы къ лучшей и полезнѣйшей дѣятельности? Гдѣ же тутъ уничтоженіе свободы, когда нравственно больной покорилъ себя другому по свободному убѣжденію въ превосходствѣ духовной мудрости своего руководителя? Никакой врачъ не позволитъ своему пациенту дѣйствовать не согласно съ своими указаніями и наставленіями;

въ противномъ случаѣ больной самъ на себя беретъ отвѣтственность за неуспѣхъ леченія или большее разстройство здоровья. Такъ духовный врачъ никакъ не можетъ позволить вольности въ дѣйствіяхъ ума и воли нравственно больному, если хочетъ онъ быть совершенно исцѣленнымъ; въ противномъ случаѣ неуспѣхъ врачеванія духовнаго остается на отвѣтственности больного.

Убѣждая посвящающаго себя жизни монашеской къ отреченію отъ своей воли, какъ единственно вѣрному пути ко спасенію, св. Василій говоритъ далѣе: «если по благодати Божіей найдешь (а поискавъ, непременно найдешь) учителя добрыхъ дѣлъ, наблюдай за собою, чтобы не дѣлать тебѣ ничего вопреки воли учителя. Ибо все, что дѣлается безъ него, есть нѣкое хищеніе и святотатство, ведущее къ смерти, а не къ пользѣ, хотя бы дѣло твое казалось тебѣ добрымъ». Совѣтуетъ также не позволять себѣ такихъ дѣйствій вопреки принятымъ обычаямъ въ обители иночествующихъ и, по отношенію къ братіи вести себя смиренно, какъ прилично послѣднему изъ рабовъ. «Положи въ сердцѣ своемъ, что ты безчестнѣе и грѣшнѣе всѣхъ людей, что ты странникъ и пришелецъ, и изъ жалости принять отрекшимися отъ міра прежде тебя, спѣши быть послѣднимъ изъ всѣхъ и всѣмъ рабомъ. Имѣй уши отверзтыя къ слушанію, и руки, готовыя исполнять слышанное, уста имѣй молчаливыя и сердце осмотрительное. Будь лѣнивъ къ празднословію, а благоразуменъ и свѣдуущъ въ спасительномъ слышаніи Божественныхъ Писаній. Да будетъ тебѣ горькимъ вкушеніемъ слышаніе мірскихъ разсказовъ, и сотами меда бесѣда мужей преподобныхъ». Совѣтуя подражать дѣламъ утвердившихся въ добрѣ, запрещаетъ осуждать падающихъ. «Не будь судьей, говоритъ св. Василій, чужихъ паденій. У нихъ есть Судія праведный, Иже воздастъ комуждо по дѣломъ его

(Рим. 2, 6). Ты самъ себя удерживай отъ паденія и, сколько есть силъ, облегчай свое бремя. Отягощающій бремя свое и понесетъ его. Въ покаяніи спасеніе, а неразумное осужденіе другихъ—смерть покаянія». Особенно совѣтуетъ не оставлять безъ крайней нужды своей келліи, дабы суетными разговорами съ мірскими людьми не разслабить своей ревности въ подвигъ и бдительности надъ своими помыслами и сердечными расположеніями, и чрезъ общеніе въ ихъ усладительной для вкуса трапезъ не ослабить своего подвига въ постѣ и не положить начала сластолюбію, этой матери многихъ страстей. Сколько возможно, говоритъ св. Василій, сколько отъ тебя зависитъ, уклоняйся отъ всякаго выхода въ общество..... хотя возвратишься въ келлію (избѣжавъ гнусныхъ пороковъ), но уже не такимъ, какимъ вышелъ, но разслабленнымъ и болѣзненнымъ, не расположеннымъ ни къ какому доброму дѣлу, и только по истеченіи длиннаго времени способнымъ сдѣлаешься къ свойственному тебѣ навыку..... Поэтому, если случится тебѣ, по какому нибудь обстоятельству, выйти изъ келліи, то, облекшись въ броню страха Божія, вооружившись любовію Христовою и воздержаніемъ во всемъ, оградивъ вторженіе сластолюбія, тотчасъ, по исправленіи нужды, иди назадъ, ни мало не замедляя, и убѣждая свои внутренніе помыслы, что на всякомъ другомъ мѣстѣ не доступно для тебя спасительное упокоеніе».

Зная, какъ много входитъ въ душу грѣховнаго чрезъ слухъ, и какъ сильно опустошается душа чрезъ многоглаголаніе, въ предостереженіе подвижникамъ говоритъ: «не представляй ушей всякому разглагольствующему; и не отвѣчай всякому говоруну въ бесѣдахъ, не соотвѣтственныхъ цѣли подвижничества. Будь слушателемъ добрыхъ поученій, и въ размышленіи о нихъ храни свое сердце. Береги свой слухъ

отъ мірскихъ разсказовъ, чтобы не замарать души брызгами грязи. Не старайся вслушиваться, что говорятъ другіе, и не вкладывай головы своей въ средину бесѣдующихъ, чтобы и самому тебѣ не быть осмѣяннымъ, и ихъ не сдѣлать злорѣчивыми. Не будь любопытенъ, и не все желай знать, чтобы не удержать тебѣ въ сердцѣ своемъ гноя страстей. Съ пользою смотри, съ пользою слушай, съ пользою говори, съ пользою отвѣчай».

2-е Слово. Въ этомъ словѣ въ краткихъ, но опредѣленныхъ выраженіяхъ разъясняется, каковъ долженъ быть монахъ въ келліи и внѣ оной, и бесѣда касается большею частию внутренняго состоянія души его.

3-е Слово. Въ этомъ словѣ св. Василій показываетъ сначала, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію и по подобію; а грѣхъ, увлекши душу въ страстные пожеланія, измѣнилъ красоту образа. Но Богъ есть истинная жизнь: потому, кто утратилъ въ себѣ подобіе Божіе, тотъ утратилъ и общеніе съ жизнію; а кто внѣ Бога, тому не возможно быть въ блаженной жизни. И такъ какъ мы утратили блаженное общеніе съ Богомъ порабощеніемъ страстямъ, поэтому и возвращеніе къ блаженной жизни въ Богѣ возможно только при достиженіи совершеннаго безстрастія. «Если безстрастіемъ снова возстановляемъ въ себѣ образъ Божій, говоритъ онъ, а уподобленіе Богу даруетъ намъ непрекращающуюся жизнь: то, вознерадѣвъ о всемъ другомъ, употребимъ попеченіе свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакою страстію; а напротивъ того, чтобы мысль наша, при нападеніи искушеній, оставалась не поколебимою и чтобы чрезъ то содѣлались мы причастниками Божіа блаженства».

Объясняя далѣе, что дѣйство болѣе всего споспѣшествуетъ къ таковому безстрастію, показываетъ однакоже, что дѣв-

ственная жизнь не въ томъ состоитъ только, чтобы воздерживаться отъ дѣторожденія, но весь образъ жизни, и самая жизнь и нравы должны быть дѣвственны. «Можно, говоритъ онъ, и словомъ соблюсти, и окомъ прелюбодѣйствовать, и слухомъ оскверниться, и въ сердце принять нечистоту, и немѣренностію въ пищѣ и питіи преступить законы цѣломудрія. Поэтому, если желаемъ, чтобы обликъ души нашей, по Божію подобію, украсился безстрастіемъ, а чрезъ сіе приобрѣли мы и вѣчную жизнь: то будемъ внимать себѣ, чтобы, поступая въ чемъ нибудь недостойно обѣта, не подпасть одному суду съ Ананіею», который, не общая Богу своего имѣнія, могъ удержать его при себѣ не согрѣшая, но общавъ и не исполнивъ своего обѣта, подвергся праведному гнѣву Божію.

Продолжая рѣчь о дѣвствѣ, св. Василій говоритъ, что онъ подъ именемъ чистоты дѣвства разумѣетъ не воздержание только отъ плотской страсти, но и отъ всякаго страстнаго расположенія къ какому бы то ни было виду грѣха. «Говорю же это, продолжаетъ онъ, имѣя въ виду не одинъ родъ страсти (какъ думаютъ нѣкоторые, поставляя заслугу дѣвства въ одномъ охраненіи тѣла), но страстные расположенія всякаго рода, чтобы намѣревающийся соблюдать себя для Бога не осквернилъ себя никакимъ мірскимъ пристрастіемъ. Гнѣва, зависти, памятозлобія, лжи, гордости, паренія мысли, разговоры не во время, лѣности въ молитвѣ, пожеланія имѣть, чего еще нѣтъ, нерадѣнія о заповѣдяхъ, нарядныхъ одеждъ, украшенія лицъ, собранія и бесѣды противныхъ приличію и ненужныхъ,—всего этого столько долженъ остерегаться посвятившій себя Богу обѣтомъ дѣвства, что ему равно почти опасно, какъ пребывать во грѣхѣ, отъ котораго онъ отрекся, такъ и предаваться чему либо одному изъ сказаннаго».

Внушая, далѣе, совершенную покорность волѣ настоятеля, когда приказываетъ что либо клонящееся къ благообразію и строгости жизни, совѣтуетъ убѣдиться братству, что не случайно, но по Божію повелѣнію дана настоятелю такая власть, чтобы преспѣваніе по Богу совершалось безпрепятственно, когда одинъ предлагаетъ все душѣ полезное и пригодное, а прочіе съ благопокорностію принимаютъ благіе совѣты.

Говоря о воздержаніи въ пищѣ, совѣтуетъ «и не нѣжить плоть и не поступать съ нею жестоко, но соблюдать умѣренность въ томъ и другомъ, чтобы плоть, утучнѣвъ, не мятежничала, и изнуренная до болѣзненнаго состоянія не лишилась силъ къ исполненію заповѣдей. Ибо равный вредъ душѣ въ обоихъ случаяхъ,—и когда плоть непокорна, отъ избытка здоровья предаваясь неистовымъ порывамъ, и когда отъ мучительныхъ болѣзней изнурена, разслаблена и неподвижна; потому что душа при такомъ состояніи тѣла, не имѣетъ времени возводить взоры горѣ, но по всей необходимости бываетъ занята ощущеніемъ боли, и ослабѣваетъ, подавляемая злостраданіемъ тѣла».

Любовь къ ближнему должна быть основана на любви къ Господу, такъ чтобы мы любили ближняго не по вниманію къ какимъ либо его личнымъ достоинствамъ, пріятнымъ для насъ, а потому, что онъ—твореніе Божіе, освященное чрезъ Таинства благодатію божественною и предназначенное къ вѣчному блаженству на небѣ. И потому св. Василиій воспрещаетъ пристрастную любовь къ какому либо брату монаху, а внушаетъ всѣмъ, чтобы всѣ смотрѣли другъ на друга съ равноумѣреннымъ расположеніемъ, и чтобы всѣмъ обществомъ владѣла одна мѣра любви.

4-е Слово. Въ этомъ словѣ, показавъ сначала цѣль подвижничества,—спасеніе души, совѣтуетъ преуспѣвать въ

отреченіи отъ имущества, «потому что забота и попеченіе о вещественномъ производитъ великое развлеченіе въ душѣ».

Вслѣдствіе сего и имущество монастырское должно распредѣляться соотвѣтственно нуждамъ каждого брата, а не его желанію. Но такъ какъ нравы у людей различны, и не всѣ одинаково разсуждаютъ о полезномъ: то, чтобы не произошло вслѣдствіе сего какого либо разстройства, св. Василій совѣтуетъ избрать для всѣхъ одного наставника, который долженъ сдѣлаться общимъ руководителемъ дѣйствій и помысловъ каждого.

«А истинное и совершенное послушаніе подчиненныхъ наставнику выражается въ томъ, чтобы не только, по совѣту настоятеля, удерживаться отъ несообразнаго, но чтобы безъ его воли не дѣлать даже и самаго похвальнаго... Если кто, слѣдуя собственнымъ стремленіямъ, дѣлаетъ себѣ угодное и не повинуется совѣту настоятеля; то прегрѣшеніе его будетъ важнѣе заслуги; потому что *противляйся власти, Божію повелѣнію противляется*, и награда за послушаніе важнѣе награды за преспѣваніе въ воздержаніи».

И въ этомъ словѣ, совѣтуя имѣть одинаковую любовь ко всѣмъ членамъ братства, какъ имѣемъ одинаковую любовь ко всѣмъ членамъ своего тѣла, внушаетъ однакоже имѣть преимущественное почтеніе къ тѣмъ, которые въ большей мѣрѣ приносятъ пользы всѣмъ и каждому, такъ какъ и въ собственномъ тѣлѣ мы не одинаковое имѣемъ попеченіе, какъ о глазѣ, такъ и о пальцѣ на ногѣ, хотя боль того и другаго одинаково чувствительна для насъ.

Внушивъ имѣть любовь къ братіи, предостерегаетъ особенно отъ чувства ненависти. «Какъ имѣющій, говоритъ онъ, любовь имѣетъ въ себѣ Бога, такъ имѣющій ненависть имѣетъ въ себѣ діавола».

Какъ ни много доставляло св. Василию утѣшенія собравшееся во вновь устроенномъ имъ монастырѣ довольно многочисленное братство, покорное его благимъ внушеніямъ, связанное между собою любовію и ревнующее о преуспѣяніи въ подвигахъ благочестія; но для полноты блаженства, которымъ онъ наслаждался въ своемъ вновь устроенномъ монастырѣ, ему недоставало сообщества его друга, св. Григорія, и потому онъ приглашалъ его къ себѣ. Св. Григорій Б., влекомый сколько его дружественными приглашеніями, столько же и своею любовію къ нему, много разъ обѣщалъ придти къ нему, но всегда былъ удерживаемъ обстоятельствами, и обѣщанія такимъ образомъ всегда оставались неисполненными.—Но крѣпкая любовь, подобно пламени, не угающему отъ дуновенія вѣтра, а еще болѣе развивающемуся, не ослабѣваетъ отъ препятствій, и возбуждается только сильнѣе къ достиженію своей цѣли. Такъ и св. Василий, не смотря на многократныя и тщетныя приглашенія къ себѣ св. Григорія, не оставлялъ однакоже намѣренія привлечь его къ себѣ. И на этотъ разъ хотѣлъ подѣйствовать на его воображеніе описаніемъ живописной мѣстности, среди которой расположенъ былъ его монастырь. Но св. Григорій, привыкши въ тиши глубокаго уединенія созерцать своимъ умомъ высшую красоту — Творца природы, не увлекся красотою тѣхъ горъ и долинъ съ текучею рѣкою, о которыхъ ему писалъ Василий. И потому написалъ св. Василию въ отвѣтъ, что положеніе мѣста не много значитъ и не можетъ въ душѣ его произвести сколько нибудь влеченія къ тому, чтобы жить съ нимъ въ кругу собравшихъ имъ въ монастырь подвижниковъ, пока не узнаетъ о самомъ образѣ ихъ жизни, и о томъ, въ какихъ занятіяхъ проводятъ время ⁽¹⁾.

(1) В. В. письмо 2.

«Подлинно, писалъ ему въ отвѣтъ св. Василій, это разсужденіе достойно твоей души, которая все здѣшнее ставитъ ни во что въ сравненіи съ блаженствомъ, которое уготовано намъ по обѣтованіямъ». ⁽¹⁾ Далѣе, въ томъ же письмѣ, показываетъ, что единственною цѣлію всей жизни собраннаго братства служить забота о томъ, чтобы неуклонно идти по слѣдамъ Вождя нашего спасенія, и раскрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое внутреннее состояніе и ихъ подвиги, которыми они стараются благоугождать Господу.

Послѣ сего письма св. Григорій уже рѣшился разстаться на время съ своими родителями и посѣтить своего друга Василія. Григорій, живя въ пустынѣ у Василія, вмѣстѣ съ нимъ занимался древними церковными писателями, руководствуясь ими при чтеніи священнаго Писанія, и вмѣстѣ съ нимъ извлекъ изъ писаній великаго по трудамъ своимъ учителя, но не всегда чистаго и твердаго въ ученіи, Оригена, изъясненіе на нѣкоторыя мѣста священнаго Писанія, которое извѣстно подъ именемъ Филокаліи или Добротолубія ⁽²⁾. Впрочемъ, пользуясь сочиненіями Оригена при изъясненіи св. Писанія ⁽³⁾ св. Василій избѣгалъ его излишней наклонности къ иносказательному объясненію. Вмѣстѣ же съ св. Василиемъ св. Григорій занимался составленіемъ пространныхъ правилъ для иноковъ ⁽⁴⁾, которыя потомъ были восполнены св. Василиемъ еще краткими правилами. Но какъ пространныя правила (числомъ 55), такъ и краткія (числомъ 313) изложены въ формѣ отвѣтовъ на предлагаемые вопросы. Разсмотримъ прежде пространныя правила и обратимъ въ

⁽¹⁾ Тамъ же.

⁽²⁾ Гр. Б. письмо 145.

⁽³⁾ Сократъ. Ц. И. 4, 26, Созоменъ Ц. И. 6, 17.

⁽⁴⁾ Гр. Б. письмо 5.

нихъ преимущественное вниманіе на тѣ правила и мысли, которыя могутъ быть общеназидательными и обязательными для всѣхъ христіанъ, какъ мірскихъ, такъ и монашествующихъ. Показавъ въ первомъ правилѣ, что первою и основаніемъ для всѣхъ прочихъ заповѣдей должна служить заповѣдь о любви къ Богу, во второмъ правилѣ раскрываетъ, что этой любви нельзя научить, даже и не должно учить, потому что она вложена въ нашу природу самимъ Богомъ. «Пороку, говоритъ онъ, можно дать слѣдующее опредѣленіе: это лукавое, противное Господней заповѣди, употребленіе того, что дано намъ Богомъ для доброй цѣли; равно какъ опредѣленіе добродѣтели, требуемой Богомъ, будетъ слѣдующее: это употребленіе Божіихъ даровъ съ доброю совѣстію, по заповѣди Господней». Тоже самое нужно сказать и о любви. Любовь есть естественное стремленіе души къ тому, кто служить для насъ источникомъ жизни, свѣта и блаженства. «Получивъ заповѣдь любить Бога, пріобрѣли мы также и силу любить, вложенную въ насъ при самомъ первоначальномъ нашемъ устройствѣ».... «Любовь къ Богу не есть что либо, ученіемъ пріобрѣтаемое. Не у другаго учились мы восхищаться свѣтомъ, быть привязанными къ жизни, не другой кто училъ насъ любить родителей или воспитателей». «Въ рожденныхъ есть природная любовь къ родившимъ, и это доказываетъ привязанность безсловесныхъ, и въ людяхъ съ перваго возраста открывающееся расположеніе къ матерямъ».... «О псѣ и другихъ подобныхъ животныхъ нужно ли говорить, какую привязанность они оказываютъ къ тѣмъ, которые кормятъ ихъ»? Поэтому недостаткомъ любви къ Сотворшему насъ и отчужденіемъ отъ Него, да не покажемъ себя неразумнѣе младенцевъ и свирѣпѣе звѣрей. Если бы мы и не знали, каковъ Онъ по благодати: то потому одному, что отъ Него получили бытіе, должны мы безмѣрно любить

Его со всею нѣжностію и непрестанно прилѣпляться къ памятованію о Немъ, какъ дѣти прилѣпляются къ матерямъ»....

Продолжая доказывать естественность любви къ Господу, св. Василій говоритъ: «отъ природы въ насъ есть вождельніе прекраснаго, хотя по большей части одному то, а другому другое кажется прекраснымъ. Что же досточуднѣе Божіей красоты? Какое представленіе пріятнѣе Божія великолѣпія? Какое желаніе душевное такъ живо и сильно, какъ желаніе, порождаемое Богомъ въ душѣ, которая очищена отъ всякаго порока и съ истиннымъ расположеніемъ говоритъ: *уязвлена есть любовію азъ* (Пѣс. Пѣс. 2,5)? Подлинно неизреченны и неописанны молніеносныя блистанія Божіей красоты; ни слово не можетъ выразить, ни слухъ вмѣстить.... Если красота сія, не зримая тѣлесными очами, а постигаемая только душою и мыслію, озаряла кого либо изъ святыхъ: то, возмущенные здѣшнею жизнію, говорили они: *увы мнѣ, яко пришествіе мое продолжися* (Пс. 119,5)! *когда прииду и явлюся лицу Божію* (Пс. 14,3), и: *разрѣшится и со Христомъ быти, мною паче лучше* (Фил. 1,23). Тяготясь сею жизнію, какъ узилищемъ, столько были неудержимы въ стремленіи тѣ, у кого коснулось души Божественное желаніе. По причинѣ ненасытнаго желанія созерцать Божественную доброту, они молились о томъ, чтобы зрѣніе красоты Божіей простиралось на всю вѣчную жизнь (Пс. 21,4)».

Доказавъ естественность нашей любви къ Господу изъ естественной потребности нашей природы любить родителей и все прекрасное, далѣе доказываетъ тотъ же предметъ потребностью нашей природы быть признательнымъ къ благодѣтелямъ. «Если по природѣ, говоритъ св. Василій, имѣемъ любовь и расположеніе къ благодѣтелямъ, и рѣшаемся на всякій трудъ, чтобы воздать за оказанное намъ благодѣяніе: то какое слово можетъ изобразить Божіи дары? Они таковы

по множеству, что превышаютъ всякое число, такъ велики и важны, что достаточно и одного, чтобы обязать насъ ко всякой благодарности Подателю». Указавъ за симъ на неисчислимыя дары Божіи, поданныя намъ благостію Божіею— въ устройствѣ вещественной природы, гдѣ все направлено къ тому, чтобы наше земное существованіе сдѣлать благоденственнымъ, въ сообщеніи нашей душѣ такихъ силъ естественныхъ и благодатныхъ, которыми мы можемъ уподобляться самому Богу и дѣлаться причастниками Его блаженства, въ Его любвеобильной заботливости о нашемъ спасеніи послѣ нашего отпаденія отъ Него; указавъ на всѣ эти дары благости Божіей, завершѣнные и запечатлѣнные крестными страданіями Господа І. Христа, говоритъ: «когда все это привожу себѣ на мысль, прихожу въ какой-то ужасъ и страшное изступленіе отъ боязни, чтобы, по невнимательности ума, или по причинѣ занятія суетнымъ, отпавъ отъ любви Божіей, не сдѣлаться мнѣ нѣкогда укоризною Христу. Ибо тотъ, кто нынѣ обольщаетъ насъ, и мірскими приманками всемірно старается произвести въ насъ забвеніе о Благодѣтелѣ, къ погибели душъ нашихъ, ругается и посмѣвается надъ нами, тогда пренебреженіе наше обратимъ въ укоризну Господу, и будетъ хвалиться нашею непокорностію и нашимъ отступничествомъ; потому что онъ не сотворилъ насъ и не умеръ за насъ, однакоже имѣлъ насъ своими послѣдователями въ непокорности и нерадѣніи о заповѣдяхъ Божіихъ».

Въ третьемъ правилѣ, говоря о любви къ ближнимъ, развиваетъ прежде выраженную мысль, что нѣтъ заповѣди, къ исполненію которой Господь не даровалъ бы силъ. «Законъ, говоритъ онъ, есть воздѣлыватель и воспитатель силъ, какія заключены въ насъ въ видѣ сѣмени». — Каждая сила въ нашей душѣ, оставаясь безъ упражненія, слабѣетъ по немногу, и

можетъ быть доведена чрезъ недѣтельность до совершенной неспособности проявить себя въ соотвѣтствующемъ ей дѣйствіи. Примѣръ эгоистовъ, которые на всѣхъ и на все смотрятъ, какъ на средства къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей, показываетъ, что въ нихъ естественная любовь къ ближнему чрезъ недѣтельность доведена почти до омертвѣнія. Но чѣмъ болѣе человѣкъ упражняетъ въ себѣ эту силу, вложенную въ насъ Богомъ, дѣятельнымъ участіемъ въ благосостояніи ближняго, тѣмъ болѣе въ немъ она крѣпнѣетъ. И чрезъ постоянную дѣятельность эта сила можетъ быть доведена до такой степени, что человѣкъ станетъ собственное свое счастье измѣрять степенью счастья своего ближняго, какъ нѣжно любящая мать не можетъ считать себя счастливою, если видитъ своего сына или дочь изнывающими отъ сильныхъ страданій. Господь потому и требуетъ отъ насъ плодовъ этой любви, что сѣмена ея предварительно уже вложилъ въ наше сердце. Господь говоритъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 13, 34). И желая возбудить нашу душу къ исполненію сей заповѣди, въ доказательство, кто Его ученики, потребовалъ не знаменій и чудесъ необычайныхъ, но что говоритъ? *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (35). И благотвореніе ближнему вмѣняетъ Ему самому. Ибо говоритъ: *взалакался и дасте Ми ясти*; потомъ присовокупляетъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мне сотвористе* (Матѣ. 25, 35. 40).

Нѣкоторые, любя изъ ближнихъ только тѣхъ, которые имъ нравятся, и своими внутренними качествами доставляютъ имъ утѣшеніе, слѣдовательно любя въ нихъ только себя самихъ, говорятъ: я люблю Господа, но не могу любить ближняго, который мнѣ дѣлаетъ зло и своимъ внутреннимъ или вѣшнимъ безобразіемъ отталкиваетъ отъ себя.—

Но ты, говорящій такъ, лжешь; ты не любишь Господа. *Аще кто речетъ*, говоритъ св. апостолъ Іоаннъ, *яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть* (4, 20). Говоришь, что любишь Бога;—докажи это на дѣлѣ. *Не любимъ словомъ, ниже языкомъ*, говоритъ тотъ же апостолъ, *но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3, 20). И самъ Господь признакомъ истинной любви къ Нему поставляетъ соблюденіе Его заповѣдей: *любай Мя*, говоритъ Господь, *заповѣди моя соблюдетъ* (Іоан. 14, 23). Заповѣдь же Его говоритъ тебѣ: *возлюбиши ближняго яко самъ себе и: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть*. Если истинно любишь Господа: все это соблюдешь; если же не соблюдаешь: то не любишь Господа. «Слѣдовательно, говоритъ св. Василій, чрезъ исполненіе первой заповѣди можно преуспѣвать и во второй, а чрезъ исполненіе второй опять возвратишься къ первой; и кто любитъ Господа, тотъ любитъ и ближняго.... И опять, кто любитъ ближняго, тотъ продолжаетъ свою любовь къ Богу; потому что Богъ милость Его къ ближнимъ пріемлетъ за милость къ Себѣ».

Въ пятомъ правилѣ св. Василій говоритъ о способѣ, при содѣйствіи котораго только достижиимо можетъ быть возможно точное и совершенное исполненіе заповѣдей о любви къ Богу и ближнимъ. «Надобно знать, говоритъ онъ, что не можемъ преуспѣвать ни въ соблюденіи всякой другой заповѣди, ни въ самой любви къ Богу и любви къ ближнему, блуждая мыслями туда и сюда», какъ невозможно достиженіе совершенства ни въ какомъ либо другомъ дѣлѣ или искусствѣ, если занимающійся ими, забывъ предположенную имъ въ дѣлѣ цѣль, переходитъ отъ одного дѣла къ другому, оставивъ безъ вниманія главный предметъ своихъ занятій. «Поэтому и упражненіе въ благоугожденіи Богу, по евангелію

Христову, бываетъ успѣшно при удаленіи отъ мірскихъ попеченій и при совершенномъ удаленіи себя отъ развлеченій... Намѣревающийся истинно послѣдовать Богу долженъ отрѣшиться отъ узъ житейскаго пристрастія; а сіе достигается совершеннымъ удаленіемъ отъ прежнихъ нравовъ и обычаевъ и забвеніемъ оныхъ.... Безъ этого невозможно намъ достигнуть цѣли—благоугожденія Богу.... А сдѣлавъ это, надобно *всяцѣмъ храненіемъ блюсти свое сердце* (Притч. 4, 23), чтобъ никакъ не терять мысли о Богѣ, и памятованія о чудесахъ Его не осквернять представленіями суетнаго, но святую мысль о Богѣ, постояннымъ и чистымъ памятованіемъ напечатлѣнную въ душахъ нашихъ, всюду носить съ собою, какъ неизгладимую печать. Ибо такимъ образомъ пріобрѣтается нами любовь къ Богу, которая и возбуждаетъ къ исполненію заповѣдей Господнихъ, и вмѣстѣ опять ими сама соблюдается, дѣлаясь продолжительною и непоколебимою». Непрестанное памятованіе о Богѣ, поддерживая въ насъ любовь къ Нему, вмѣстѣ служить лучшимъ пособіемъ къ точному исполненію заповѣди Божіей, согласно волѣ Давшаго оную, и къ огражденію себя отъ грѣха. Потому «надобно всякое дѣло совершать, какъ бы оно дѣлалось предъ очами Господа, и всякую мысль слагать, какъ бы Господь назиралъ ее. Ибо въ такомъ случаѣ будетъ и всегдашній страхъ, который по написанному, *не терпитъ неправды, досажденія же и юрдыни и пути лукавыхъ* (Притч. 8, 13), и любовь усовершится, исполняя сказанное Господомъ: *не ищу воли моея, но воли пославшаго Мя Отца* (Іоан. 5, 3); потому что душа сохранить всегдашнюю увѣренность, что какъ добрыя дѣла пріятны Судіи и Подвигоположнику нашей жизни, такъ дѣла противныя вскорѣ подвергнутся осужденію».

Нѣкоторые, привыкнувъ проводить большую часть жизни своею безъ мысли о Богѣ и о нравственномъ достоинствѣ

своихъ дѣйствій, въ извиненіе своей разсѣянности, говорятъ, какъ возможно непрестанно мыслить о Богѣ, когда, по самому закону мышленія, мы въ одно и то же время не можемъ мыслить о двухъ предметахъ?!—Св. Василій В. находитъ это возможнымъ. «Какъ коваць, говоритъ онъ, при обдѣлкѣ, на примѣръ, топора, помня того, кто далъ ему работу, и имѣя его въ умѣ, представляетъ тотъ видъ и ту величину, какіе назначены, соображаетъ работу съ волею заказавшаго (а если забудетъ, то сдѣлаетъ или что либо другое или иначе, нежели какъ сказано): такъ и христіанинъ, всякое дѣйствіе, маловажное и важное, соображая съ волею Божіею, и поступокъ свой распорядить со всею исправностію, и вмѣстѣ сохранить мысль о Томъ, кто повелѣлъ такъ поступать, такимъ образомъ выполнить сказанное: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да неподвижуся* (Пс. 15, 8), удовлетворимъ также и этой заповѣди: *аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (Корин. 10, 31)».

Сказавъ въ пятомъ правилѣ о необходимости собранности въ мысляхъ для утвержденія себя въ любви къ Богу и ближнимъ, въ шестомъ правилѣ показываетъ, что къ достиженію этой собранности весьма много содѣйствуетъ уединеніе. «Вредно, говоритъ онъ, вести жизнь въ обществѣ съ людьми, которые небоязненно и презрительно смотрятъ на обязанность въ точности исполнять заповѣди.... Поэтому, чтобы ни очами, ни ушами не принимать намъ ничего раздражающаго на грѣхъ, и нечувствительно не привыкнуть къ нему, чтобы въ душѣ, ко вреду и пагубѣ ея, не оставались какъ бы образы какихъ и отпечатковъ видимаго и слышимаго, и чтобы намъ придти въ возможность пребывать въ молитвѣ, для этого прежде всего уединимся по мѣсту жительства. Такимъ образомъ можемъ преодолѣть прежній обычай, по которому

жили мы вопреки заповѣдямъ Христовымъ, и также въ состояніи будемъ стереть съ себя грѣховныя пятна любомудренною молитвою и постояннымъ изученіемъ Божіей воли. А въ молитвѣ и въ семъ изученіи не возможно успѣть среди многихъ людей, развлекающихъ душу и занимающихъ ее дѣлами житейскими.... Сверхъ другихъ многихъ неудобствъ, душа, смотря на множество живущихъ беззаконно, во первыхъ, проводить время не въ томъ, чтобы очувствоваться въ собственныхъ своихъ грѣхахъ и сокрушаться покаяніемъ о прегрѣшеніяхъ, напротивъ же того, чрезъ сравненіе себя съ худшими пріобрѣтаетъ какое-то мечтательное понятіе о своихъ заслугахъ; а потомъ мятетями и недосугами, какіе обыкновенно производитъ мірская жизнь, будучи отвлекаема отъ драгоцѣннаго памятованія о Богѣ, не только лишается возможности радоваться и веселиться о Богѣ, чтобы пріяти въ состояніе сказать: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4), но и совсѣмъ привыкаетъ къ пренебреженію и забвенію судовъ Божіихъ. А больше и пагубнѣе сего зла и потерпѣть невозможно».

Въ 16-мъ правилѣ, доказывая необходимость воздержанія для намѣревающагося жить благочестиво, говоритъ: «умерщвление и порабощеніе плоти ничѣмъ не производится такъ успѣшно, какъ воздержаніемъ, потому что кипучесть юности и неукротимость въ стремленіяхъ, какъ бы нѣкоторою уздою, удерживаются воздержаніемъ». Впрочемъ, далѣе говоритъ онъ, воздержаніе не должно ограничиваться однимъ удержаніемъ себя отъ излишняго употребленія яствъ, улаждающихъ вкусъ, или утучняющихъ плоть; но должно простираться на всѣ страсти, порождаемыя сластолюбіемъ, или служащія орудіемъ къ ея удовлетворенію; какъ-то: гордость, превозношеніе, гнѣвъ, раздражительность, зависть, недоброжелательство, властолюбіе, честолюбіе, тщеславіе, излишняя

стяжательность и проч. «Строгий законъ воздержанія назначаетъ мѣру языку, предѣлы—очамъ, непытливое слышаніе ушамъ. Кто не остается въ сихъ границахъ, тотъ невоздерженъ и своеволенъ».

Въ 17-мъ правилѣ св. Василій показываетъ, что воздержаніе должно простираться на самый смѣхъ. «Ибо предаваться неукротимому и неумѣренному смѣху—знакъ невоздержности, необузданныхъ движеній, и несокращаемаго строгимъ разумомъ надмѣнія въ душѣ. Душевную радость изъяснить даже свѣтлою улыбкою непротивно приличію, по сказанному: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ* (Притч. 15, 13). Но смѣяться громко, всѣмъ тѣломъ приходитъ въ невольное сотрясеніе, свойственно человѣку необузданному, неискреннему, неумѣющему владѣть собою. И Екклесіастъ предотвращая такой родъ смѣха, которымъ болѣе всего сокращается душевная твердость, говоритъ: *смѣху рѣкохъ: погрѣшеніе* (2, 2), *яко власть терніа подъ котломъ, тако смѣхъ безумныхъ* (7, 7). И Господь, хотя понесъ на Себѣ необходимыя немощи плоти, и все, что служить свидѣтельствомъ добродѣтели, напримѣръ, утомленіе и жалость къ скорбящимъ, однакоже, сколько видно изъ евангельской исторіи, не смѣялся, а напротивъ того возвѣщалъ горе предающимся смѣху (Лук. 6, 25)».

Въ 22-мъ правилѣ, отвѣчая на вопросъ, какая одежда прилична христіанину?—говоритъ: «слово наше показало уже, что необходимы смиренномудріе, простота, во всемъ стараніе о малоцѣнности и небольшихъ издержкахъ, чтобы тѣлесныя потребности менѣе представляли намъ поводовъ къ развлеченію. Къ тѣмъ же цѣлямъ надобно стремиться и въ разсужденіи одежды.... Какъ люди славолубивые уловляютъ себѣ славу и облакающе ихъ одеждою, помогаясь того, чтобы смотрѣли на нихъ и величали ихъ за дорогое платье:

такъ, очевидно, тому, кто по смиренію поставилъ жизнь свою на послѣдней ступени, и въ этомъ надобно занять послѣднее между всѣми мѣсто». Указывая далѣе на первоначальную цѣль устройства одежды первыхъ человѣковъ — прикрытіе срамоты и защиту отъ разрушительныхъ для здоровья перемѣнъ погоды, совѣтуетъ и теперь при устройствѣ одежды руководствоваться только этою цѣлію. Щегольства же въ одеждѣ, введеннаго «изысканностію искусствъ, посвятившихъ себя суетѣ», совѣтуетъ отвращаться, такъ какъ щегольство въ одеждѣ, не только не закрываетъ срамоты тѣла, но напротивъ вскрываетъ наружу самую срамоту души, обличая въ человѣкѣ или духъ тщеславія, или растлѣніе души чувственностію.

Въ 55-мъ правилѣ, разрѣшая вопросъ: согласно ли съ цѣлію благочестія пользоваться медицинскими пособіями?—обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что первые люди, находясь въ состояніи невинности, не имѣли нужды ни въ какихъ искусствахъ для прикрытія своей наготы и для пропитанія своего, и имѣя тѣло безболѣзненное, не имѣли также нужды и во медицинскомъ пособіи. Но допущенный въ душу грѣхъ породилъ нужду, какъ въ трудѣ для пріобрѣтенія пищи и одежды, такъ въ усиліи къ снисканію средствъ для облегченія случающихся болѣзней. Богъ, по дѣйствію своего правосудія, отдаливъ падшаго человѣка отъ древа жизни, осудилъ его въ потѣ лица снискивать себѣ хлѣбъ, и по прошествіи опредѣленнаго времени странствованія по землѣ, возвратиться въ землю, отъ нея же взять былъ. Но движимый своимъ милосердіемъ къ падшему, но кающемуся человѣку, «въ облегченіе горестныхъ послѣдствій проклятія, Онъ даровалъ ему смышленость и способность облегчать свои нужды наукою земледѣлія и другими искусствами; и поелику сопряжены мы съ болѣзненною плотію, которая за грѣхъ осуждена

на истлѣніе, и чрезъ это подверглась разнымъ немощамъ; то дана намъ и помощь врачебнаго искусства, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ оказываемая страждущимъ болѣзнями. Ибо не сами собою прозябли травы, состоящія въ свойствѣ съ каждою изъ немощей, но, очевидно, по волѣ Создавшаго произведены съ цѣлю служить къ нашей пользѣ». Поэтому, въ случаѣ нужды, надобно пользоваться врачебнымъ искусствомъ, но такъ, чтобы «не въ немъ одномъ поставлять причину здоровья, но принимать предлагаемыя имъ пособія во славу Божию и въ образецъ попеченія о душѣ»..... «Скотское было бы несмысліе надѣяться себѣ здоровья единственно отъ рукъ врача, чему, какъ видимъ, подвергаются иные жалкіе люди, которые не стыдятся именовать врачей своими спасителями»..... Напротивъ того, какъ Езекія *перевясло смоквій* (1 Царс. 20, 7) не почелъ первою причиною своего здравія, и не сему приписалъ исцѣленіе своего тѣла, но къ прославленію Бога присовокупилъ благодареніе за созданіе смоквъ. Такъ и мы, пріемля удары (чрезъ болѣзни) отъ Бога, который съ благодію и премудростію устрояетъ жизнь нашу.... дарованную намъ благодать исцѣленія..... пріймемъ съ благодарностію, и не будемъ поставлять въ томъ разности, невидимымъ ли образомъ оказалось на насъ Божіе попеченіе, или чрезъ что либо тѣлесное, хотя послѣднее нерѣдко сильнѣе приводитъ насъ въ сознаніе милости Господней».

Но какъ въ началѣ первою причиною болѣзней и смерти былъ грѣхъ, такъ и теперь причиною болѣзней всегда бываетъ грѣхъ. Господь, по своему милосердію, болѣзнями, или предохраняетъ насъ отъ грѣха, въ который мы могли бы впасть, пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, или врачуетъ насъ отъ совершеннаго уже грѣха, призывая насъ чрезъ скорбь къ покаянію. И такъ какъ для полного исцѣленія отъ болѣзни необходимо устранить самую причину болѣзни; «поэтому

при началѣ самой болѣзни, св. Василій говорить: будемъ просить у Бога сперва познанія тѣхъ причинъ, по которымъ поражаетъ Онъ насъ, а потомъ избавленія отъ скорбей»..... «Часто болѣзни суть наказанія за грѣхи, посылаемыя на насъ, чтобы побудить къ обращенію. Сказано: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ*. (Притч. 3, 12); и сего ради въ васъ мнози немощны и недужливы, и усыпаютъ довольни. *Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были: судими же, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 30—32). Таковымъ надобно въ безмолвіи, оставивъ врачебныя попеченія, терпѣть насланную на нихъ болѣзнь, пока не познаютъ своихъ прегрѣшеній, по примѣру сказавшаго: *инѣвъ Господень стерплю, яко согрѣшихъ Ему* (Мих. 7, 9). Имъ должно показать свое исправленіе, принеся плоды, достойные покаянія, и помнить Господа, сказавшаго: *се здравъ еси, къ тому не согрѣшай, да не юрше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14)».

«Бываетъ же иногда и по настоящію лукаваго, что чело-вѣколюбивый Владыка инаго великаго подвижника отдаетъ ему для боренія, и низлагаетъ его высокоуиство высокими терпѣніемъ рабовъ своихъ, что, какъ знаешь, было съ Іовомъ. Или же въ примѣръ нетерпѣливымъ Богъ изводитъ людей, которые въ состояніи переносить скорби даже до смерти; таковъ былъ Лазарь, который былъ покрытъ многими струпами, и о которомъ не написано, чтобы просилъ чего либо у богатаго, или былъ недоволенъ своимъ положеніемъ; за что и сподобился упокоенія въ лонѣ Авраамовомъ, какъ *воспріявшій злая въ животъ своею* (Лук. 16, 25). Находимъ же, что у святыхъ бываетъ и другая причина недуговъ, какъ у Апостола: чтобы не подумали, что онъ преступаетъ предѣлы челоуѣческаго естества, и чтобы не заключилъ кто нибудь, что онъ въ естественномъ устройствѣ

имѣть нѣчто особенное (какъ и поступили жители Ликаоніи, принеся вѣнцы и приведа воловъ, Дѣян. 14, 13),—въ ознаменованіе человѣческаго естества имѣлъ онъ у себя продолжительный недугъ. Какая же была бы польза такимъ людямъ отъ врачебнаго искусства?».

Тѣмъ же, которые разстроили свое здоровье худымъ образомъ жизни, совѣтуетъ пользоваться тѣлеснымъ врачеваніемъ, имѣя при этомъ главную заботу о душѣ, и изъ способовъ леченія тѣла извлекая руководство для врачеванія души. «Тѣ, говоритъ онъ, которые худымъ образомъ жизни сами приобрѣли болѣзнь, должны, по сказанному прежде, пользоваться тѣлеснымъ врачеваніемъ, какъ нѣкоторымъ образомъ и примѣромъ для попеченія о душѣ. Ибо и для насъ полезно по врачебному закону воздержаніе отъ вреднаго, избраніе служащаго къ пользѣ и соблюденіе предписаній. И самый переходъ плоти изъ болѣзненнаго состоянія въ здоровое да служить для насъ утѣшеніемъ, чтобы не отчаяваться намъ и въ разсужденіи души, какъ будто бы она изъ грѣховнаго состоянія не можетъ чрезъ покаяніе возвратиться опять въ свойственное ей совершенство».

Но во всякомъ случаѣ больной долженъ возлагать свое упованіе на Бога, а не на человѣка, и, призывая врача, долженъ прежде призвать на помощь Бога, прося Его во-первыхъ вразумить врача, чтобы, онъ повялъ болѣзнь и назначилъ приличное болѣзни лекарство, а во-вторыхъ дать цѣлительную силу его лекарствамъ; такъ чтобы и болѣзнь, допущенная не безъ воли Божіей, и исцѣленіе, совершившееся не безъ помощи Божіей, тѣснѣе связывали насъ съ Богомъ чувствомъ любви и благодарности къ Нему.

«Какъ не должно, говоритъ св. Василиій, вовсе бѣгать врачебнаго искусства, такъ несообразно полагать въ немъ всю свою надежду. Но какъ пользуемся искусствомъ земле-

дѣлія, а плодовъ просимъ у Господа, или вѣдряемъ кормило кормчему, а молимъ Бога, чтобы спасъ насъ отъ потопленія: такъ, вводя къ себѣ врача, когда дозволяетъ сіе разумъ, не отступимся отъ упованія на Бога».

Врачебное искусство св. Василиій находитъ полезнымъ и въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ оно пріучаетъ къ воздержанію въ пищѣ, которое одобряется и христіанскимъ правоученіемъ, какъ пособіе къ достиженію высшихъ христіанскихъ добродѣтелей. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, врачебное искусство не мало способствуетъ и воздержанію. Ибо вижу, что оно отсѣкаетъ сластолюбіе, не одобряетъ пресыщенія, отвергаетъ, какъ нѣчто неполезное, разнообразіе въ снѣдахъ и излишнюю изобрѣтательность въ приправахъ, и вообще недостаточность именуетъ матерью здравія. Почему и въ этомъ отношеніи совѣтъ его для насъ не бесполезенъ».

Св. Василиій Великій не оставляетъ безъ вразумленія и тѣхъ, которые, при болѣзненномъ состояніи, по какимъ либо обстоятельствамъ лишены возможности пользоваться врачебнымъ пособіемъ. Такъ какъ при исцѣленіи отъ болѣзней всегда дѣйствуетъ Богъ, иногда при посредствѣ врачебныхъ пособій, а иногда и непосредственно своею всемошною благодатію: поэтому не должно унывать въ болѣзненномъ состояніи при отсутствіи врачебныхъ пособій, но, возлагая все упованіе на Бога, съ вѣрою и постоянствомъ должно просить Его о помощи. Господь, всегда дѣйствующій по своему милосердію, и въ самыхъ болѣзняхъ имѣющей всегда въ виду или очищеніе наше отъ грѣховъ, или возвышеніе нашей добродѣтели, принимая благовольтельнымъ вниманіемъ къ нашей живой вѣрѣ и неослабной молитвѣ, или не оставитъ насъ *искуситися паче, еже можемъ понести* (1 Кор. 10, 13), и съ усиленіемъ болѣзни укрѣпитъ наши духовныя силы къ безропотному и терпѣливому перенесенію временной

скорби, или исцѣлить, какъ нѣкогда прокаженного, словомъ *хощу, очистися* (Матѳ. 8, 3). Чудодѣйственная сила Божія во всѣ времена съ одинаковой силой можетъ проявляться, и проявляется, когда вѣра и дѣйствительная нужда представляютъ ей удобный случай къ проявленію себя. И въ настоящее время много можно встрѣтить опытовъ, когда врачебная наука, признавъ свое безсиліе, произноситъ смертный приговоръ надъ больнымъ, а благодатная сила, по совершеніи надъ больнымъ таинства Елеосвященія или Причащенія, могущественно проявляетъ себя возстановленіемъ силъ и здорovia болящаго.

Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Во вступленіи къ кратко изложеннымъ правиламъ св. Василій говоритъ: «намъ, которымъ ввѣрено служеніе слова, необходимо во всякое время быть усердными къ исправленію душъ, и объ иномъ засвидѣтельствовать всенародно предъ всею Церковію, а о другомъ, касается ли это правой вѣры, или истиннаго житія по евангелію Господа нашего Іисуса Христа, такъ какъ тѣмъ и другимъ надежно усовершеняется Божій человѣкъ, позволить каждому изъ приходящихъ по произволенію наединѣ спрашивать насъ».

Вслѣдствіе такого правила, обязательнаго для всѣхъ, которымъ ввѣрено служеніе слова и попеченіе о душахъ, къ св. Василию приходили и монашествующіе и мірскіе люди съ своими недоумѣніями относительно предметовъ вѣры и нравственности, и на всѣ тѣ недоумѣнія св. Василій давалъ отвѣты, руководясь или ясными указаніями слова Божія или мнѣніями прежде бывшихъ святыхъ Отцевъ и учителей Церкви. Таково было начало кратко изложенныхъ правилъ.

Такъ какъ въ настоящее время предметы вѣры ясно и определенно изложены богумудрыми Отцами Вселенскихъ Соборовъ, и всякій, кто желаетъ, безъ увлеченія духомъ сло-

вопренія, научиться право и спасительно вѣровать, можетъ легко узнать изъ одного православнаго Катихизиса или Догматическаго Богословія все, какъ и во что слѣдуетъ вѣровать христіанину: поэтому мы обратимъ въ краткихъ правилахъ вниманіе только на тѣ вопросы, которые будутъ относиться къ правиламъ христіанской нравственности по приложенію къ частнымъ обстоятельствамъ жизни общественной и семейной.

Нѣкоторые, увлекшись уже далеко на распутіяхъ грѣха, и не желая подчиниться всѣмъ требованіямъ заповѣдей Господнихъ, стараются успокоить свою мятущуюся совѣсть разными своевольными разсужденіями и ложными толкованіями слова Божія. Но такимъ лжемыслителямъ на пагубу своей души, св. Василій, въ 1-мъ правилѣ говоритъ: «кто же доидетъ до такого безумія, чтобъ осмѣлиться даже и на мысль что нибудь взять самому собою, когда для того, чтобы и умомъ, и словомъ и дѣломъ направить себя на путь истины, имѣетъ онъ нужду въ путеводствѣ Святаго и благаго Духа, а самъ слѣпъ и живетъ въ тмѣ безъ солнца правды,—самого Господа нашего Іисуса Христа, который своими заповѣдями просвѣщаетъ, какъ лучами; ибо сказано: *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (18, 9)? Поелику же изъ обыкновенныхъ у насъ дѣлъ и словъ одни опредѣлены Божіею заповѣдію въ святомъ Писаніи, а о другихъ умолчано: то въ разсужденіи сказаннаго въ Писаніи никому вообще нѣтъ ни малаго позволенія дѣлать что либо запрещенное, и оставлять безъ исполненія что либо заповѣданное; потому что Господь однажды навсегда повелѣлъ и сказалъ: *и снабди слово, еже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь: да не приложиши къ сему, ни отымени отъ него* (Втор. 12, 32)». Въ тѣхъ же случаяхъ, которые не опредѣлены ясною заповѣдію Божіею, совѣтуетъ руководствоваться не своимъ смы-

плениемъ, но совѣтомъ болѣе опытныхъ въ духовномъ разсужденіи людей.

Многіе, привыкнувъ къ небрежности въ словахъ и дѣйствіяхъ, стараются успокоить себя ложною оцѣнкою своихъ нравственныхъ дѣйствій, считая одни грѣхи важными, а другіе—неважными, и какъ бы неспособными нанести вредъ душѣ. Но св. Василій въ 4-мъ правилѣ говоритъ: «поелику Господь подтвердилъ, что *iota* *едина не пройдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ* (Матѳ. 5, 18), и рѣшительно сказалъ: *яко всяко слово праздное, еже аще рекуть человецы, воздадутъ о немъ слово въ день судный* (Матѳ. 12, 36): то ничего не должно презирать, какъ маловажнаго. При томъ, какой грѣхъ осмѣлится кто нибудь назвать маловажнымъ, когда Апостолъ утвердительно сказалъ, что *преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (Римл. 2, 23)? *Жало смерти—грѣхъ*, говоритъ тотъ же Апостолъ, и не тотъ или другой, но безъ разграниченія всякій грѣхъ». Потому оставлять безъ вниманія какой бы то ни было видъ грѣха значить тоже, что оставлять безъ вниманія уязвленнаго ядовитою змѣею, потому только, что ядъ пущенъ въ тѣло уязвленнаго не въ большомъ количествѣ, и можетъ умертвить человека не мгновенно, а чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени.

Бываютъ люди, которые совершаютъ грѣхъ съ соуслаженіемъ, и увеличеніемъ, но для очищенія его считаютъ достаточнымъ одно холодное повѣствованіе о немъ предъ духовникомъ, безъ всякой даже рѣшимости оставить его въ послѣдующее время. Но способна ли такая исповѣдь очистить душу отъ грѣха?—Нѣтъ. «Для очищенія души отъ грѣха, кающійся, говоритъ св. Василій въ 5-мъ правилѣ, долженъ прійти въ такое же расположеніе духа, въ какомъ былъ сказавшій: *неправду возненавидѣхъ и омерзихъ* (Пс. 118, 163)..... Наконецъ долженъ, подобно Закхею, совер-

пить въ большей мѣрѣ такое доброе дѣло, которое противоположно грѣху».

Въ 16-мъ правилѣ св. Василиїя объясняетъ причины того, отъ чего душа иногда сокрушается о грѣхѣ, и не употребляя о семъ старанія, и скорбь приходитъ въ нее почти какъ бы сама собою, а иногда до того безчувственна бываетъ, что и принуждаемая сознаниемъ грѣха и гибельныхъ послѣдствій его, не можетъ придти въ сокрушеніе?—Сокрушеніе, говоритъ онъ, которое само собою приходитъ, «есть даръ Божій, подаваемый или для возбужденія вожденія, чтобы душа, вкусивъ сладость подобной скорби, старалась полюбить сію скорбь, или въ доказательство того, что душа, при тщательномъ попеченіи, можетъ быть во всегдашнемъ сокрушеніи, и что ни мало не извинительны отвергіе его по нерадѣнію. А если кто и принуждаемый не можетъ прійти въ сокрушеніе, это служить обличеніемъ его небреженія въ предшествовавшее тому время (потому что безъ многого и непрерывнаго упражненія, не возможно приступить къ чему нибудь вдругъ), а вмѣстѣ показываетъ, что душа обладаетя другими страстями, которыя не позволяютъ ей свободно дѣйствовать въ томъ, чего она хочетъ, по началу, изложенному Апостоломъ, сказавшимъ: *азъ же плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ. Не еже бо хочу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣлываю* (Рим. 7, 14. 15). И еще: *нынѣ же не къ тому азъ сіе содѣлываю, но живой во мнѣ грѣхъ* (17); потому что Богъ, намъ же во благо, попускаетъ и сему быть, если душа тѣмъ, что терпитъ невольно, доводится до сознанія, кто ею обладаетъ, и познавъ о самой себѣ, въ чемъ она невольно служитъ грѣху, освобождается отъ діавольскихъ сѣтей, обрѣтая Божіе милосердіе готовымъ къ принятію истинно кающихся».

Случается даже и съ людьми, по видимому, благоговѣй-

ными, что, во время ихъ молитвы, домашней или церковной, умъ ихъ разсѣивается и душа наполняется такими помыслами, которыхъ бы и не желала имѣть. Такъ какъ разсѣянность и помыслы, развлекающіе молитву, приходятъ какъ бы вопреки ихъ воли, поэтому они, хотя и скорбятъ о такомъ состояніи души, но не считаютъ однако же себя виновными въ этомъ. Святый же Василій, глубже вникая въ причины разныхъ состояній духа, въ 21-мъ правилѣ указываетъ причины разсѣянности въ молитвѣ въ самомъ молящемся. «Разсѣянность, говоритъ онъ, происходитъ отъ праздности ума, не занимающагося необходимымъ (т. е. самымъ предметомъ молитвы). А умъ остается въ праздности и безпечности отъ невѣрія въ присутствіе Бога, испытующаго сердца и утробы. Ибо; если кто повѣритъ сему, то, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ сказанное: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). А кто достигъ сего и подобнаго сему, тотъ никогда не осмѣлится и не будетъ имѣть досуга помыслить что либо, не клонящееся къ созиданію вѣры, хотя бы казалось это и хорошимъ, а не только что нибудь запрещенное и не угодное Богу».

Бываютъ люди, которые, по грубости своего характера и своей невѣжественности, и по непониманію нравственного достоинства своихъ поступковъ, наносятъ другому непріятность своими грубыми и оскорбительными словами. Когда же разясняютъ такому настоящее значеніе его словъ, то онъ говоритъ въ свое оправданіе: у меня нѣтъ ничего худого на сердцахъ. Но св. Василій въ 28-мъ правилѣ обличаетъ лживость такихъ словъ. «Не всѣ душевные недуги, говоритъ онъ, также какъ и тѣлесные, явны не только всякому, но даже и самому страждущему. Посему, какъ въ разсужденіи тѣла, знающіе врачи замѣчаютъ нѣкоторые признаки сокровенныхъ недуговъ, незамѣтныхъ для самихъ страждущихъ:

*

такъ и въ разсужденіи души, хотя грѣшникъ не чувствуетъ собственнаго недуга, должно вѣрить Господу, который ему, и всѣмъ подобнымъ ему, утвердительно сказалъ, что *злой человекъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лук. 6, 45); потому что, хотя злой человекъ нерѣдко притворно говоритъ или дѣлаетъ нѣчто доброе, но доброму невозможно притворяться и показывать себя худымъ,» сознавая свою обязанность говорить и дѣлать все къ пользѣ и утѣшенію ближняго. Если же кто либо говоритъ или дѣлаетъ что либо оскорбительное или непріятное для ближняго, то это служитъ признакомъ того, что онъ, или не имѣетъ въ своемъ сердцѣ любви къ ближнему, или слишкомъ невѣжественъ въ своихъ понятіяхъ объ истинно добромъ и прекрасномъ.

Иные, не научившись сдерживать свои чувства, волнваемые каждымъ словомъ или поступкомъ, оскорбительнымъ для ихъ самолюбія, безъ сдержанности увлекаются чувствомъ гнѣва. Сознавъ же потомъ неприличіе и грѣховность своего поступка, для успокоенія своей совѣсти, говорятъ: не возможно человекъ не гнѣваться. Но св. Василій въ 127-мъ правилѣ обличаетъ такую неправду. «Если бы воину, говоритъ онъ, возможно было выражать гнѣвъ на кого либо предъ очами царя; то и въ такомъ случаѣ сказанное не имѣло бы основанія. А если и взоръ человека по природѣ съ нами равночестнаго, по преимуществу только его сана удерживаетъ отъ страсти; то не тѣмъ ли паче удержится тотъ, кто несомнѣнно увѣренъ, что Бога имѣетъ зрителемъ собственныхъ своихъ движеній; потому что Богъ, испытующій сердца и утробы, гораздо больше видитъ душевныя движенія, нежели человекъ—измѣненія въ лицѣ»? Другіе же, сами того не понимая, еще болѣе себя обвиняютъ мнимымъ себя оправданіемъ. Они говорятъ: я уже сказалъ слово—(раз-

умѣется оскорбительное), за то у меня въ сердцахъ не остается никакого чувства гнѣва на человѣка. Если принять такое оправданіе въ чувствѣ раздражительности: то въ такомъ случаѣ нужно будетъ оправдать всякую страсть; такъ какъ всякая страсть, послѣ удовлетворенія ей, на время утихаетъ. Но ты, выражающій свой гнѣвъ оскорбительнымъ словомъ, не хочешь понять того, что ты такимъ поступкомъ одновременно совершаешь два грѣха—грѣхъ противъ себя, удовлетвореніемъ страсти утверждая въ себѣ дурной навѣкъ, и грѣхъ противъ ближняго, нанося ему оскорбленіе. Къ сему еще присоединяется и третій грѣхъ. Наказывая грѣхъ твоего собрата грѣховнымъ съ своей стороны поступкомъ, ты восхщаешь у Бога право суда, принадлежащее Ему одному.

Много находится такихъ людей, которые, закоренѣвъ во злѣ и не выражая ни малѣйшаго желанія къ нравственному усовершенствованію себя, не имѣя однако же возможности совершенно заглушить голосъ обличающій ихъ совѣсти, стараются свалить вину своей испорченности, или на родителей, которые въ юности не удерживали ихъ отъ дурныхъ наклонностей, или на обстоятельства, лишившія ихъ возможности ознакомиться ранѣе съ своими христіанскими обязанностями. Иногда дерзость такихъ людей доходитъ до того, что они скорѣе соглашаются обвинить Бога, нежели себя; говорятъ, что не только они сами, но и многіе народы остаются чуждыми истиннаго служенія Богу; потому что не было еще общено имъ понятіе объ этомъ служеніи: *како увѣрують, аще не услышатъ* (Рим. 10, 14). Но такимъ лжемыслителямъ на пагубу своихъ душъ слѣдовало бы припомнить примѣръ нашихъ праотцевъ—Адама и Евы, чтобы понять, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ можетъ привести ихъ самооправданіе. Если кто гибнетъ нравственно, то всегда гибнетъ по своей волѣ и винѣ. Если человѣкъ и доходитъ

иногда до такого гибельнаго состоянія и извращенія нравственнаго вкуса, что свѣтъ называется тьмою и тьму свѣтомъ: то доходитъ вслѣдствіе долговременнаго и свободнаго подчиненія себя влеченію своихъ страстей. Но съ начала, если бы и не были сообщены человѣку точныя понятія объ истинномъ служеніи Богу на основаніи откровеннаго ученія, онъ имѣетъ у себя естественный законъ, который даетъ ему возможность отличить добро отъ зла. Если онъ, слѣдуя внушенію этого закона, не позволить себѣ дѣлать то, что считаетъ грѣхомъ, и понуждаетъ себя къ исполненію того, что почитаетъ добромъ: то въ немъ естественно разовьется стремленіе къ высшему совершенству, и Господь не замедлитъ прислать ему провозвѣстниковъ воли своей, какъ и Корнилию сотнику, упоминаемому въ Дѣяніяхъ апостольскихъ. «Если, говоритъ св. Василиій въ 224-мъ правилѣ, случится, что иныя, по примѣру Корнилия, не занимаются ничѣмъ худымъ, при желаніи же совершенства, искренно показываютъ въ себѣ добродѣтели, какія имъ возможны, и какія дошли до ихъ свѣдѣнія; то Господь даруетъ имъ тоже, что и Корнилию, не вѣняя имъ въ вину предшествовавшаго времени недѣятельности, какъ бывшее не по ихъ винѣ, но довольствуясь тѣмъ ихъ желаніемъ, какое явлено въ послѣдующемъ усердіи и дѣлахъ до конца тщательно совершаемыхъ». Обратимъ вниманіе на евреевъ, магометанъ и другихъ иновѣрцевъ, живущихъ среди народовъ христіанскихъ; что причиною ихъ невѣдѣнія и отчужденія отъ свѣта евангельскаго ученія? Отсутствіе ли провозвѣстниковъ этого свѣта? Конечно, въ комъ есть разумъ понимать что либо и чувство справедливости, не можетъ не признать, что причиною ихъ гибельнаго состоянія не недостатокъ провозвѣстниковъ свѣта евангельскаго ученія, а ихъ собственная неспособность и отчужденіе отъ этого свѣта. Ихъ можно уподобить человѣку съ полусо-

гнившими легкими, который отвсюду окруженъ живительнымъ воздухомъ, но не пользуется имъ по своей неспособности втянуть его въ себя. Нельзя не обратить вниманія и на ту поразительную разность, какая иногда существуетъ между добрымъ, хотя и необразованнымъ, крестьяниномъ и человекомъ обогащеннымъ разнообразными научными свѣдѣніями и ознакомившимся съ системами Богословскихъ наукъ, но развращеннымъ по волѣ и сердцу. Кто способенъ видѣть что либо, не можетъ не видѣть, что причиною гибельнаго состоянія послѣдняго не недостатокъ вѣдѣнія.

Кромѣ указанныхъ выше правилъ, св. Василиемъ написаны уставы подвизающимся въ общежитіи и отшельничествѣ. Эти уставы касаются болѣе внутренней жизни подвижниковъ, нежели внѣшней. Но такъ какъ многое, содержащееся въ нихъ, съ пользою можетъ быть приложено и къ жизни живущихъ въ мірѣ съ попечительностію о спасеніи своей души: поэтому укажемъ на нѣкоторые мѣста для назиданія читающихъ.

Не мало находится такихъ людей, которые, свободно поработивъ себя плотскимъ страстямъ, и не находя въ себѣ ни силъ, ни желанія освободиться отъ этого рабства, сознавая однако же несообразность своихъ дѣйствій съ волею всесвятѣйшаго Бога, вмѣсто покаянія въ своихъ грѣхахъ, стараются выставить виновникомъ грѣха свое тѣло и самого Бога, даровавшаго тѣло. Такимъ образомъ ко грѣху безпечности объ исправленіи своей жизни нечестивцы присоединяютъ хулу на Бога.

Св. Василий и другіе святыя, имѣвшіе подобострастную съ нами природу тѣла, своимъ примѣромъ показали и доказали, что тѣло не можетъ быть причиною грѣха для того, въ комъ постоянно бодрствуетъ душа. Св. Василий, во 2-й главѣ подвижническихъ уставовъ, сколько для вразумленія под-

визающихся, столько же и для обличенія нечестивыхъ, объясняетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ душа остается госпожею тѣла, содѣлывая ее служебнымъ орудіемъ своихъ благихъ стремленій, и когда сама дѣлается рабою грѣховныхъ влеченій плоти. «Когда душа, говоритъ онъ, приводя въ движеніе свою мыслящую силу, какая естественно вложена въ нее сотворившею ее Святою Троицею, желаетъ должнаго и надлежащаго: тогда избѣгаетъ она нападеній тѣла, предусматривая и обуздывая беспорядочныя его движенія, блюдетъ въ себѣ приличную ей тишину, и среди безмолвнаго досуга занимается свойственными ей созерцаніями; и сіе дѣлаетъ, по возможности, возводя внимательный взоръ къ достопоклоняемой Троицѣ, и умозаключая о неприступности Божіей славы по преизбытку ея сіянія, о свѣтлости блаженства, о безпредѣльной премудрости и т. п. А какъ скоро прекратить размышленіе и перестанетъ углубляться въ надлежащіа созерцанія: возставшіа тѣлесныя страсти, какъ безчинныя и наглыя псы, надъ которыми нѣтъ надсмотрщика, начинаютъ сильно лаять на душу, и каждая страсть усиливается всячески истерзать ее, отдѣляя себѣ часть ея жизненной силы. Какъ солнцу, возсіявъ, не возможно не освѣщать того, на что простерло лучи; такъ не возможно душѣ не оживлять тѣла, въ которомъ пребываетъ. А сила созерцательная приводится въ движеніе по произволенію. Поэтому, если душа содѣловаетъ свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственною, то усыпляетъ тѣлесныя страсти двоякимъ образомъ: то есть, и тѣмъ, что бываетъ занята созерцаніемъ лучшаго и сроднаго, и тѣмъ, что, надзирая за безмятежіемъ тѣла, уцѣломудриваетъ и утишаетъ его страсти. Если же, возлюбивъ лѣность, оставитъ созерцательную силу въ недѣятельности; то тѣлесныя страсти, нашедши жизненную силу праздною, и раздѣливъ ее между собою,

такъ какъ никто ими не правитъ и никто ихъ не останавливаетъ, увлекаютъ душу къ своимъ стремлѣнiямъ и дѣйствованiямъ. Посему тѣлесныя страсти въ насъ сильны, когда умъ бездѣйствуетъ, благопокорны же, когда умъ распоряжаетъ и управляетъ».

Продолжая далѣе уяснять отношенiя души къ тѣлу, св. Василiй сравниваетъ ее съ возницею (кучеромъ), а тѣло съ конемъ. «Прекрасная вещь—конь, говоритъ онъ, и чѣмъ онъ по природѣ рѣзвѣе и горячѣе, тѣмъ лучше; но нужно держать его въ уздѣ и править имъ, потому что не надѣленъ онъ разсудкомъ. Если же возница на немъ, то онъ попытается воспользоваться природными свойствами коня. Поэтому, если возница какъ должно распорядится стремлѣнiями подъяремнаго животного, употребить его съ пользою для себя и достигнетъ предположенной цѣли: то и самъ останется въ цѣлости, и животное окажется къ употребленiю очень хорошимъ. Если же возница худо правитъ молодымъ конемъ, то конь, или увлечетъ его съ надлежащаго пути, или вмѣстѣ съ ѣздокомъ низринется съ стремнины: и такимъ образомъ нерадѣнiе возницы подвергнетъ опасности обоихъ—и коня и его самага. Такъ разсуждай о душѣ и о тѣлѣ. Тѣло получило естественныя стремлѣнiя, которыя не вовсе не годны, но безъ сомнѣнiя на что нибудь хороши и полезны; но оно не получило на свою долю разсудка, чтобы преимуществомъ разума почтена была душа. Если душа какъ должно распоряжаетъ стремлѣнiями тѣла: то и тѣло спасено, и душа пребываетъ внѣ опасностей. Если же вознерадитъ объ управленiи, и, объята сномъ безпечности, перестаетъ держать тѣло въ уздѣ: то и само оно, какъ не имѣющее разсудка, совращается съ примаго пути, и душу ввергаетъ въ равныя съ своими паденiя, не по собственному поврежденiю, но по нерадѣнiю души. Ибо, если бы тѣлесныя страсти были таковы,

что не могла бы укрощать ихъ душа: то по справедливости было бы виновно тѣло. Но если онѣ стали покорны многимъ, потщившимся преодолѣть ихъ; то тѣло не можетъ быть обвинено тѣми, которые стараются очернить его, называя первымъ виновникомъ порока; достойна же укоризны за нерадѣніе душа, ослабившая власть свою надъ тѣломъ, но также не по своей природѣ имѣющая въ себѣ зло, а поставившая себя во злѣ, чрезъ оскудѣніе въ ней добра, потому что порокъ есть не что иное, какъ оскудѣніе добродѣтели».

Въ 6-й главѣ св. Василій совѣтуетъ вступившимъ на поприще подвижнической жизни наблюдать большую осторожность въ сношеніяхъ съ мірскими людьми, изъ которыхъ многіе, частію по неразумію и незнакомству съ трудностями подвижнической жизни, а частію по развращенности своихъ нравовъ, безъ всякаго стыда клеветуютъ на монашествующихъ, стараясь самыя невинныя дѣйствія представить въ мрачномъ и ужасающемъ видѣ, и всегда почти случайную немощь одного приписывая всему сословію.

«Не должно, говоритъ св. Василій безъ осторожности до-
вѣряться всякому, и предъ всякимъ себя обнаруживать и открывать. Ибо кто живетъ по Богу, у того много навѣтниковъ, и нерѣдко самыя близкіе къ нему подсматриваютъ за его жизнію. Поэтому, не безъ предварительнаго испытанія надобно имѣть свиданія съ посторонними. Ибо если Спаситель, какъ говоритъ Евангеліе, не всякому ввѣрялся; сказано: *самъ же Иисусъ не вдалъ Себе въ вѣру ихъ* (Іоан. 2, 24); если поступалъ такъ Онъ—чистый, непорочный, неукоризненный, праведный, Онъ, который весь—добродѣтель; то мы грѣшныя, поползновенныя, не всегда успѣшно достигающіе цѣли,—то по естественной своей немощи, то по ухищренію врага, который лукаво и неослабно съ нами борется,—мы, говоря, предаваясь людямъ любопытнымъ, не навле-

чемъ ли на себя злой клеветы, и не устроимъ ли сами соблазновъ? Ибо люди порочные часто и прекрасныя дѣла стараются оклеветать, а маловажныхъ погрѣшностей не потерпятъ оставить не осмѣянными. Поэтому нужно съ осторожностію вступать въ бесѣды съ посторонними».

Случается, замѣчаетъ св. Василій, что тѣхъ, которыхъ прежде со всѣмъ жаромъ хвалили, и которымъ удивлялись за ихъ нѣкоторую и по временамъ подчиненность уставамъ Церкви и уклоненіе отъ грубыхъ пороковъ, съ жестокостію обвиняють и хулятъ, лишь только они рѣшятся удалиться отъ міра. Въ этой ненависти къ отрекающимся отъ міра нельзя не видѣть одной изъ козней врага нашихъ душъ—дѣвола, который также съ ненавистію смотритъ на всякаго, объявляющаго ему войну во всѣхъ проявленіяхъ грѣха.—Когда отпускаютъ храбраго воина на войну, бываетъ такъ, что, скорбя о трудностяхъ, предстоящихъ ему, стараются утѣшить его надеждою наградъ и славы за побѣду надъ врагомъ, и, если храбро поражая врага, ему и самому случится получить раны, то не порицають его за это, а съ родственнымъ участіемъ стараются уврачевать ихъ, дабы содѣлать его скорѣе способнымъ дѣйствовать или на томъ же самомъ поприщѣ, или на другомъ, также могущимъ дать способъ приносить пользу и себѣ и отечеству. Такъ поступаютъ истинные сыны своего отечества, ревнующіе о благѣ своей родины вообще, и о каждомъ членѣ ея въ частности.—Такъ бы слѣдовало поступать и сынамъ отечества небеснаго, тѣмъ, которые призываются къ наслѣдію блаженнаго царства на небѣ. Они должны радоваться, когда кто либо выражаетъ желаніе отрѣшиться отъ всѣхъ грѣховныхъ обычаевъ міра, отринуть всякое внушеніе врага нашихъ душъ, и посвятить себя на особое и всецѣлое служеніе Богу. Они должны бы, видя временное и случайное пораженіе воина Христова отъ

врага нашихъ душъ, поспѣшить къ нему на помощь, отклонить отъ него разслабляющіи силы духъ унынія представленіемъ естественности и почти неизбѣжности временнаго пораженія отъ сильнаго и опытнаго во злѣ врага, какъ по грѣховности нашего естества, такъ и по недостатку еще опытности въ предпринятой борьбѣ, должны бы укрѣпить его разслабѣвшія силы, какъ указаніемъ на примѣры другихъ святыхъ подвижниковъ, которые, будучи уязвлены не одинъ разъ отъ врага, достигли наконецъ полного торжества надъ нимъ, такъ и утвержденіемъ упованія на всемогущаго подвижника Христа, который побѣдилъ уже міръ и діавола, и тѣмъ самымъ облегчилъ побѣду послѣдующихъ за Нимъ подвижниковъ. Такъ бы слѣдовало поступать; но къ прискорбію, опытъ не рѣдко указываетъ на противное. Многіе изъ именующихъ себя православными христіанами, прежде слишкомъ снисходительные къ своему собрату, пока онъ вращался въ средѣ ихъ и не выражалъ совершеннаго отреченія отъ ихъ обычаевъ и удовольствій мірскихъ, съ ожесточеніемъ порицають и малѣйшее его уклоненіе отъ того совершенства, которое проявили святые подвижники прежнихъ временъ, и случайное преткновеніе брата о Христѣ относятъ ко всему сословію монашествующихъ, стараясь представить временное преткновеніе новоначальнаго инока выраженіемъ общаго растлѣнія всего сословія. Такой образъ дѣйствій строгихъ судей невольно приводитъ въ недоумѣніе и заставляетъ спросить: сыны ли они отечества небеснаго? или скорѣе, не дезертиры ли они, перебѣгшіе на сторону врага нашихъ душъ, и въ каждомъ случайномъ преткновеніи инока, видя торжество діавола, обвиняють въ безсиліи все сословіе монашествующихъ, и потому осуждаютъ ихъ на уничтоженіе, какъ не способныхъ къ продолженію духовной борьбы?—Предоставивъ нашимъ строгимъ судіямъ торжествовать мнимую

побѣду діавола надъ иноками, сами посмотримъ, какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ св. Василій Великій.

«Имъ (т. е. строгимъ судіямъ монашествующихъ), говоритъ онъ, случается впадать и въ другой порокъ, когда разсуждаютъ объ удалившихся отъ міра, вовсе не зная ихъ жизни. Они думаютъ, что въ перемѣнившихъ образъ жизни не расположеніе одно перемѣнено, но перестроена самая человѣческая природа; не разсуждаютъ, что подвижники подвержены тѣмъ же страстямъ, преодолеваютъ же ихъ только душевною силою и тѣмъ, что чуждаются удовольствій; но полагаютъ, что страсти отъ тѣлеснаго естества ихъ совершенно стали далеки. А посему, если человѣкъ духовный, хотя нѣсколько уклоняется отъ совершенства, тотчасъ всѣ, даже прежде со всѣмъ жаромъ хвалившіе его и удивлявшіеся ему, дѣлаются жестокими обвинителями, и сами себя обличаютъ въ томъ, что прежде восписывали несправедливыя похвалы. Какъ на поприщѣ, если какой борецъ поскользается, противникъ наступаетъ на него немедленно, наноситъ ему удары и доводитъ его до совершеннаго паденія: такъ и они, какъ скоро увидятъ, что живущій въ подвигѣ добродѣтели уклонился нѣсколько отъ совершенства, нападаютъ на него, какъ стрѣлами поражая его укоризнами и клеветами, а не разсудятъ въ себѣ, что ихъ самихъ ежедневно уязвляютъ страсти тысячами стрѣлъ».

Тѣ, которые случайный проступокъ новоначальнаго монаха, а иногда даже не монаха, а находящагося еще на испытаніи послушника, переносятъ на все сословіе монашествующихъ, какъ люди не логичные и до очевидности не добросовѣстные, не заслуживаютъ и опроверженія. Но такъ какъ злорѣчіе и клеветы этихъ недобросовѣстныхъ людей иногда колеблютъ довѣріе къ монашествующимъ и въ людяхъ благонамѣренныхъ: поэтому, имѣя въ виду этихъ-то благонамѣрен-

ныхъ людей, постараемся по возможности установить правильную точку зрѣнія на монашествующихъ и, по возможности, опровергнуть клеветы недобросовѣстныхъ людей.

Часто многимъ строгимъ судіямъ изъ мірянъ, по большей части весьма невнимательнымъ къ своему собственному нравственному устроению, и обыкновенная жизнь монашествующихъ, чуждая всякихъ проступковъ, но не превышающая во многомъ жизнь истинно благочестивыхъ христіанъ изъ мірянъ, представляется большимъ преступленіемъ потому только, что они ихъ жизнь сравниваютъ съ жизнію величайшихъ подвижниковъ, и въ ту пору ихъ жизни, когда они достигли уже высшей степени духовнаго совершенства. Но вѣдь такіе подвижники, какъ: Антоній Великій, Пахомій Великій, преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ, и многіе другіе,—это такія свѣтила на горизонтѣ духовноподвижнической жизни, которыя были рѣдкостью для своего времени, останутся руководящими свѣтилами и для послѣдующихъ вѣковъ. И нѣтъ основанія думать, что блаженнымъ состояніемъ на небѣ могутъ воспользоваться только тѣ, которые достигнутъ той же степени святости и славы, на которой стояли указанные выше подвижники. Могутъ содѣлаться участниками въ блаженствѣ праведныхъ и тѣ, которые, хотя и не могутъ сравняться съ указанными святыми въ дѣлахъ подвижничества, но не менѣе однакоже смиренны, и съ духомъ покаянія о содѣянныхъ прегрѣшеніяхъ соединяють посильное устремленіе воли ко всякому добру. Невозможно требовать, чтобы вступившіе въ монастырь, хотя и съ искреннимъ желаніемъ служить Богу, но, можетъ быть, иногда послѣ непорядочно проведенной жизни до вступленія въ оный, сей же часъ проявили совершенства великихъ святыхъ, или прошли всю остальную жизнь безъ всякихъ колебаній на пути нравственнаго усовершенствованія себя, какъ невозможно требовать, чтобы въ

учебномъ заведеніи всѣ ученики были съ одинаковыми способностями и прилежаніемъ, или, чтобы вступившіе для излеченія своихъ болѣзней въ больницу, при самомъ появленіи въ оной, вдругъ страхнули съ себя долго тяготившую ихъ болѣзнь. — Нравственно немощные были всегда во всѣхъ монастыряхъ всѣхъ вѣковъ, какъ и всегда во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были плохіе ученики. Но это нисколько не мѣшало въ тѣхъ же самыхъ монастыряхъ быть и высоконравственнымъ подвижникамъ, какъ не мѣшало и не мѣшаетъ въ тѣхъ самыхъ школахъ, гдѣ есть плохіе ученики, быть и отлично хорошимъ. И какъ было бы слишкомъ неразумно изъ-за нѣсколькихъ плохихъ учениковъ требовать закрытія учебнаго заведенія, и тѣмъ самымъ отнимать возможность у лучшихъ учениковъ развитъ свои способности и достигнуть высшаго образованія; такъ было бы слишкомъ неразумно и нечестиво изъ-за нѣсколькихъ, временами претыкающихся о камни соблазновъ монашествующихъ, требовать закрытія самыхъ монастырей, и тѣмъ самымъ полагать препятствіе къ высшему развитію своихъ духовныхъ силъ тѣмъ, которые способны къ этому. — Высшія учебныя заведенія, въ юбилейные свои праздники, для показанія того, что они не бесполезно просуществовали столѣтіе или полстолѣтія, заявляютъ иногда, что изъ этихъ учебныхъ заведеній вышли такіе и такіе, или государственные мужи, или прославившіеся особенною своею ученостію, хотя всегда обрѣтается весьма немного такихъ мужей. Если бы монастыри вздумали отпраздновать полутора-тысячелѣтній свой юбилей, сколько бы они могли выставить величайшихъ святыхъ и знаменитѣйшихъ ученыхъ, принесшихъ и еще доселѣ приносящихъ величайшую пользу Церкви и отечеству!...

Но строгіе судьи монастырей и монашествующихъ забываютъ о всемъ этомъ, и подобно критику въ басняхъ Крылова,

отправляясь всегда на задній дворъ, видятъ только немощныхъ, и кричатъ: почему нравственно больныхъ и неподчиняющихся всѣмъ требованіямъ монастырскаго устава не изгоняютъ изъ монастыря, какъ бываетъ въ больницахъ, гдѣ тѣлесно больныхъ, неисполняющихъ предписаній врача, удаляютъ изъ больницы?—На это нужно сказать, что за своеволіемъ человѣка въ движеніяхъ воли и направленіяхъ ума, пока оно не обнаружится во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, не такъ-то удобно слѣдить, какъ за внѣшними дѣйствіями физически больныхъ. Когда же узнаютъ по внѣшнимъ дѣйствіямъ о разстройствѣ души кого либо изъ живущихъ, въ монастырѣ не оставляютъ безъ надлежащаго вразумленія; хотя, руководясь примѣромъ долготерпѣнія прежнихъ святыхъ отцевъ, не сей часъ же изгоняютъ изъ обители, но долготерпѣливо ожидаютъ покаянія и исправленія. Удаляютъ же изъ обители только тогда, когда теряютъ надежду на исправленіе, чтобы примѣръ неисцѣльно-больнаго не сдѣлался заразительнымъ для другихъ. Если же бы настоятели монастырей—за первый проступокъ изгоняли изъ обители своего собрата (что, можетъ быть, было бы и согласно съ убѣжденіями нѣкоторыхъ гордыхъ и невнимательныхъ къ своимъ немощамъ судей изъ мірянъ): то этимъ выразили бы только съ своей стороны жестокость и отсутствіе христіанской сострадательности къ нравственно больнымъ, и заслуживали бы полного осужденія, котораго, конечно, не могли бы избѣжать и тѣлесные врачи, еслибы изгоняли изъ больницы больного за первую ложку микстуры, въ незначенный часъ принятую имъ, и такимъ образомъ подвергали бы его явной опасности умереть.

Святой Василій Великій обращаетъ вниманіе и на то, что не одно и тоже значить, упасть ли не встрѣчая никакого сопротивленія, по собственному нерадѣнію и невнимательности,

или упасть, находясь въ борьбѣ съ сильнымъ противникомъ. Воинъ, если и падаетъ въ борьбѣ съ сильнымъ противникомъ: то ему дѣлается честь и то, что онъ усиливался отразить врага, хотя и долженъ былъ временно уступить ему поле сраженія, невольно подчиняясь превосходству силы противника. Когда придетъ къ нему подкрѣпленіе, по мановенію полководца: храбрый воинъ снова вступитъ въ борьбу и отразитъ и побѣдитъ врага. Кто же безъ борьбы отдается въ плѣнъ врагу: тотъ навсегда считается погибшимъ, и съ позоромъ долженъ нести иго рабства врагу. «Подвижники благочестія, говоритъ св. Василій, если и воюють противъ нихъ какія либо страсти, то нужно помнить, что онѣ имѣють сильнѣйшаго противника. Поелику подвижники вызвались на борьбу съ противникомъ: то для лукаваго весьма важно одержать надъ ними побѣду, а напротивъ остаться побѣжденнымъ значить получить смертельную рану, какъ потерпѣвшему совершенное пораженіе во всѣхъ частяхъ добродѣтели. Но брань съ тѣми, которые предали себя міру, врагъ презираетъ, частію потому, что весьма многіе изъ нихъ произвольно стремятся уступить надъ собою верхъ, будучи уловляемы въ грѣхъ различными удовольствіями и вожделѣніями, и доставляя противнику не трудную надъ собою побѣду, частію потому, что хотя, повидимому, и противятся нѣсколько грѣху, но разными развлеченіями легко бываютъ уклонены отъ борьбы, обращаютъ хребетъ, и, неослабно поражаемые, носятъ на себѣ позорные знаки одержанной надъ ними побѣды»....

Разсуждая далѣе о неблагонамѣренности мірскихъ людей и несправедливости ихъ въ сужденіяхъ о подвижникахъ, св. Василій говоритъ: «замѣть и другой порокъ, въ который обыкновенно впадаютъ привязанные къ настоящей жизни, когда судятъ о подвигахъ. Какъ скоро подвижникъ, послѣ долгаго невкусенія, призналъ необходимымъ подкрѣпить тѣло пи-

щею; они хотятъ, чтобы онъ, какъ безтѣлесный и невещественный, или вовсе не принималъ пищи, или принималъ, но какъ можно меньше. И если увидятъ подвижника, который не вовсе не падитъ тѣла, но хотя въ чемъ нибудь удовлетворяетъ настоящей своей потребности: всѣхъ злословятъ, на всѣхъ клеветуютъ, всѣхъ называютъ какими-то многоядцами и прожорливыми, слабое поведеніе и невоздержаніе въ винѣ одного распространяя на всѣхъ; а не рассуждаютъ того, что сами два раза, иные же изъ нихъ и три раза въ день ѣдятъ самыя грубыя и жирныя яства, нагружаютъ себя необъятною грудю мяса, и наливаютъ себя безмѣрнымъ количествомъ вина, и съ такою же жадностью кидаются за столъ, какъ и псы, послѣ продолжительнаго голода спущенные съ привязи».

И, о, если бы могли понять клеветники и люди злорѣчивые, какое зло они наносятъ своимъ душамъ и душамъ тѣхъ, которые слушаютъ ихъ съ довѣріемъ! и какую жалкую и достойную слезъ роль они разыгрываютъ! — Они явно дѣлаются покорными слугами діавола. Врагъ нашихъ душъ, при всемъ своемъ адскомъ желаніи, никогда не можетъ увлечь всѣхъ на путь грѣха: всегда находятся рабы Божіи, которые противостоятъ ему крѣпко, и, не смотря на множество скорбей, испытываемыхъ отъ него, остаются вѣрными Господу І. Христу. Примѣръ ихъ невольно дѣйствуетъ на многихъ заблуждавшихся благотворно, показывая имъ, что они отвратились отъ пути истиннаго и блуждаютъ на гибельныхъ распутіяхъ грѣха. Понявъ гибельность своего состоянія, такіе люди нерѣдко съ покаяннымъ сердцемъ обращаются къ Богу, и при Его благодатномъ содѣйствіи, снова возвращаются на спасительный путь добра. Діаволъ, не могши совратить съ пути истины и добра истинныхъ рабовъ Божіихъ, желая однако же заградить

хотя путь къ покаянію душамъ разслабленнымъ, чрезъ своихъ клеветовъ—клеветниковъ и людей злорѣчивыхъ, хочеть усыпить совѣсть разслабѣвшихъ людей представленіемъ того, что рабство страстямъ есть дѣло неизбежное для всѣхъ, какъ увѣряють люди злорѣчивые, и слѣдовательно не есть грѣхъ; что добродѣтель—невозможна даже и для самыхъ подвижниковъ, какъ стараются доказать клеветники: слѣдовательно стремленіе къ ней есть ничто иное, какъ бесполезная трата силъ и безцѣльное лишеніе себя возможныхъ наслажденій, предлагаемыхъ намъ чувственностію. Клеветники и люди злорѣчивые! поймите, кому вы служите, и, понявъ, сообразите, какую страшную участь вы готовите себѣ въ загробной жизни! А вы, люди, разслабѣшіе въ стремленіи къ добру, заградите свой слухъ, чтобъ не слышать смертоносныхъ словъ человѣка злорѣчиваго и клеветника, способныхъ заградить вамъ путь къ спасительному покаянію! Невѣріе въ судъ Божій—не уничтожить его, презрительное отношеніе къ закону Божественному—не сдѣласть васъ безотвѣтственными предъ нимъ. Помните, что Богъ поругаемъ не бываетъ. Не злоупотребляйте Его долготерпѣніемъ.

Но говорятъ еще: какая же разница между монастырскою жизнію и мірскою, когда и въ міру есть люди, поработанные страстямъ, и въ монастырѣ есть увлекающіеся ими? Думаемъ, такая же разница, какая находится между человѣкомъ опрятно одѣтымъ, по, по неосторожности, падающимъ въ грязную лужу, и свиньею, валяющеюся въ оной. Монахъ, подобно человѣку опрятно одѣтому, по неосторожности попавъ въ лужу, съ ужасомъ смотритъ на свое положеніе, спѣшитъ встать и вычистить запачканную одежду души своей, а мірянинъ (разумѣемъ здѣсь совершенно и безпечно предающагося влеченію своихъ страстей), подобно

*

свинѣ валяющейся въ лужѣ, находить для себя высшее наслажденіе въ частомъ погруженіи себя въ тину грѣховныхъ страстей; и выходитъ изъ этой тины только насытивши себя этимъ грязнымъ наслажденіемъ до пресыщенія, и то не надолго. Пробудившійся снова зной страсти побуждаетъ его снова погрузиться въ ту же тину.

Нѣкоторые, отложившіе всякое попеченіе о спасеніи своей души, подъ видомъ благочестивой ревности о благѣ монашествующихъ, совѣтуютъ ограничить удовлетвореніе нуждъ монашествующихъ насущнымъ хлѣбомъ и одною одеждою, необходимою для прикрытія наготы и защиты отъ зноя и непогоды. На это непризваннымъ попечителямъ находимъ нужнымъ сказать, что все зло въ мірѣ происходитъ по большей части отъ того, что всѣ стремятся учить другихъ, и никто не думаетъ о выполненіи собственныхъ обязанностей. Поэтому совѣтуемъ вамъ позаботиться лучше о выполненіи своихъ обязанностей, а попеченіе о монашествующихъ предоставьте настоятелямъ монастырей, которые лучше знаютъ, кому нужно предложить *млеко*, а кому *твердую пищу*. Нищета и изобиліе въ средствахъ къ жизни—сами по себѣ ни добро, ни зло; но могутъ сдѣлаться тѣмъ или другихъ отъ настроенія души человѣка, находящагося въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Если вы, безопасные попечители о монашествующихъ, хотите въ дѣйствительности быть полезными имъ: то сами вступите въ монастырь и своимъ примѣромъ получите, какъ нужно жить. А въ теперешнемъ вашемъ состояніи разсужденія ваши не могутъ быть признаны благовременными; такъ какъ святые Отцы говорятъ, что неприлично блудницѣ разсуждать о цѣломудріи, а человѣку пресыщенному поучать другихъ посту.

Другіе, по примѣру богоотступника Юліана, простираютъ

свою ревность о благѣ монашествующихъ далѣе. Богоотступникъ Юліанъ, Римскій Императоръ, предположивъ ограбить христіанскіе храмы и монастыри, и отнять частную собственность у благочестивыхъ христіанъ, желалъ однакоже свое святотатственное хищничество прикрыть благовиднымъ предлогомъ. Расхищая все, на что только его власть могла простираться, говорилъ, что онъ этимъ доставляетъ случай галилеянамъ (т. е. христіанамъ) осуществить въ своей жизни ученіе ихъ Учителя о блаженной нищетѣ. И нынѣ отъ подобныхъ ему личностей слышатся возгласы такіе же. Говорятъ: отъ монастырей нужно отнять всѣ богатства, какъ не соотвѣтствующія ихъ обѣтамъ нищеты, и возвратить обществу, которое дало ихъ. На это находимъ нужнымъ сказать, что разныя пожертвованія, сдѣланныя благочестивыми людьми въ монастыри, и сбереженные монастырскою экономіею до настоящаго времени, не могутъ быть названы приношеніями отъ общества, а потому и не должны быть возвращаемы обществу. Общественными приношеніями могутъ быть названы только такія приношенія, которыя дѣлаются всѣмъ вообще обществомъ, въ видѣ опредѣленныхъ податей или какого либо временнаго налога. Но то, что приносится въ монастыри, есть частная собственность каждаго благотворительнаго человѣка, которою онъ имѣетъ полное право распорядиться по своему усмотрѣнію. И благотворительный человѣкъ, или по чувству признательности къ Богу за какое либо благодѣяніе, оказанное ему Богомъ, можетъ быть, по молитвамъ какого либо благочестиваго инока, или по ревности о славѣ Божіей, жертвуетъ часть своего имѣнія въ монастыри для поддержки того общества благоговѣйныхъ людей, которые посвящаютъ себя на служеніе Богу. Кто же имѣетъ право отнять эту частную собственность, и дать ему назначеніе вопреки волѣ благочестиваго жертвователя? И кто же требуетъ—

то отнятія капиталовъ и имуществъ отъ монастырей? Конечно, только тѣ лица, которыя ни одной копѣйки не жертвуютъ въ монастыри. Тѣ, которые жертвуютъ что либо, никогда не пожелаютъ взять назадъ свою жертву, принесенную во имя Бога, и никогда не захотятъ дать своей жертвѣ другое какое либо назначеніе. Если бы имъ хотѣлось это сдѣлать, то никто, конечно, не могъ препятствовать имъ это сдѣлать прежде, нежели они принесли свою жертву. Обратите же вниманіе вы, претендующіе на право распоряжаться имуществомъ монастырскимъ, на слѣдующее обстоятельство. Въ государствѣ существуетъ нѣсколько десятковъ тысячъ развратныхъ женщинъ подъ разными наименованіями, которыя вносятъ въ государственную жизнь только растлѣніе нравовъ и ослабленіе силъ физическихъ. На поддержку существованія этихъ то женщинъ жертвуется всѣми классами народа ежегодно не одна сотня тысячъ руб. серебромъ. Если же общество не считаетъ себя въ правѣ отнимать у этихъ женщинъ добытою ими распутною жизнію достояніе, и давать ему лучшее назначеніе; если общество не считаетъ себя въ правѣ ограничивать свободу растлѣнныхъ мужчинъ, иждивающихъ свое состояніе по подобію евангельскаго блуднаго сына: то кто же почтетъ себя въ правѣ ограничить свободу дѣйствій благочестивыхъ людей, жертвующихъ свое достояніе на богоугодныя дѣла, какъ то: на благоуукрашеніе храмовъ Божіихъ, на благоустроеніе монастырей и на поддержку жизни лицъ, опредѣляющихъ себя на всегашнее служеніе Богу?

Въ отчетѣ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1870 годъ, сказано: «глубокое религіозное настроеніе православной паствы явственно сказывалось въ томъ благочестивомъ усердіи, съ какимъ русскіе люди приносятъ отъ своихъ достояній обильныя пожертвованія на св. обители и

храмы». Если же пожертвованіе въ пользу св. обителей и храмовъ считается признакомъ глубокаго религіознаго настроенія православной паствы: то чему же служить признакомъ стремленіе нѣкоторыхъ личностей отнять эти пожертвованія отъ св. обителей и храмовъ? Какъ противоположное дѣйствіе, безъ всякаго сомнѣнія, служить и признакомъ противоположнаго настроенія душъ этихъ личностей, именно: служить признакомъ ихъ глубокаго религіозно-правственнаго растлѣнія.

Но болѣе снисходительные судьи монастырей и монашествующихъ говорятъ: конечно, благотворительныя лица могутъ жертвовать въ монастыри, сколько имъ угодно; мы не въ правѣ разсуждать о ихъ дѣйствіяхъ. Но зачѣмъ Правительство даетъ пособіе монастырямъ, которые никакой пользы не приносятъ обществу, тогда какъ эти деньги могли бы быть употреблены съ большею пользою на другія благотворительныя учрежденія?

Приносятъ ли монастыри какую либо пользу обществу, объ этомъ поразсудимъ потомъ. А теперь скажемъ только о самомъ пособіи. Во первыхъ, если бы судьи захотѣли обратить вниманіе: то увидѣли бы, что пособіе къ содержанію монашествующихъ дается такое, какимъ не согласился бы довольствоваться и самый плохой работникъ. А во вторыхъ, просимъ судей обратить милостивое вниманіе на то, когда и какъ образовались штатные монастыри, и на то, изъ какихъ источниковъ берется пособіе для монастырей. Штатные монастыри образовались тогда, когда отобраны были отъ монастырей пожертвованныя благотворительными лицами, на вѣчное поминовеніе ихъ, имущества и капиталы. Штатное содержаніе для немногихъ, впрочемъ, монастырей назначено въ видѣ уплаты процентовъ съ отобранныхъ капиталовъ и имуществъ, и такимъ образомъ

это бѣдное содержаніе, выдаваемое Правительствомъ, извлекается не изъ общихъ государственныхъ доходовъ, а также изъ пожертвованій благотворительныхъ лицъ, а слѣдовательно, какъ частная собственность благотворительныхъ лицъ, пожертвованная съ опредѣленною цѣлію, не можетъ быть отчуждаема отъ монастырей, пока общество не откажется отъ всякой частной собственности въ пользу государства.

Притомъ нужно сказать вамъ, неразумно разсуждающіе судьи, что Правительство и сознавало и сознаетъ, какъ велико и благотворно вліяніе монастырей на нравственность народа. И признавая нравственность народную главною основою благосостоянія государства, не только не признаетъ нужнымъ лишить монастыри обычнаго пособія къ ихъ существованію, но напротивъ и другими способами содѣйствуетъ къ процвѣтанію ихъ. Оно также не можетъ не видѣть того, что послѣдняя цѣль вашей заботливости о сбереженіи капиталовъ—не благо государства, а разрушеніе всѣхъ основъ государственной жизни чрезъ потрясеніе нравственности народной. Сколько бы вы ни старались клеветать на монастыри и монашествующихъ, но никто изъ благонамѣренныхъ людей не можетъ не видѣть того, что никакая жизнь не представляетъ столько способовъ къ утвержденію жизни религіозно-нравственной, сколько жизнь монастырская.

Нѣкоторые, несамостоятельные впрочемъ мыслители, но болѣе подчиняющіеся вліянію неблагонамѣренныхъ толковъ другихъ лицъ, собственнымъ опытомъ познавъ благотворность бесѣды съ болѣе духовнопросвѣщенными лицами изъ монашествующихъ, говорятъ: положимъ, что жизнь монастырская приноситъ пользу живущимъ въ монастырѣ: но вы, монашествующіе, имѣя всегда цѣлію свое духовное разви-

тіе и усовершенствованіе, никакой пользы не приносите обществу.

Для насъ это слово кажется непонятнымъ: точно монашествующіе выкопаны изъ земли, или взяты съ неба, а не вышли изъ среды того же общества! Эта укоризна похожа на то, какъ если бы учителямъ какого либо учебнаго заведенія говорили: вы учите только своихъ учениковъ, а обществу никакой пользы не приносите. Монастыри, по самому своему устройству, каждому члену общества, вступившему въ монастырь, болѣе всего подають средствъ къ огражденію себя отъ пороковъ, къ развитію въ себѣ высшихъ духовныхъ потребностей, и никакое другое учрежденіе мірское не можетъ дать благоговѣйному христіанину, внимательному къ своему внутреннему устроению, столько способовъ къ достиженію евангельскаго совершенства, какъ монастырская жизнь. Это подтверждаетъ примѣръ всѣхъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ, которые, почувствовавъ въ себѣ призваніе къ высшему христіанскому любомудрію, никогда не оставались въ средѣ мірскаго общества, какъ неспособнаго, не только развить это стремленіе благочестивой души, но и поддержать его. Монастыри такимъ образомъ служатъ какъ бы высшимъ духовно-нравственнымъ училищемъ, въ которомъ одномъ только благоговѣйный христіанинъ можетъ найти удовлетвореніе своимъ высшимъ духовнымъ потребностямъ и развить ихъ до возможной степени совершенства. Благочестивый даже христіанинъ, вращающійся въ средѣ мірскаго общества, подобно ученику низшаго учебнаго заведенія, сравнивая себя только съ людьми, окружающими его, имѣетъ много случаевъ гордиться своимъ кажущимся благочиніемъ, и тѣмъ самымъ губить и то добро, какое есть въ немъ. Но при вступленіи въ монастырь, какъ ученикъ при вступленіи въ высшее учебное заведеніе, взглянувъ только

на программу тѣхъ совершенствъ, какія требуются словомъ Божиимъ и ученіемъ св. Отцевъ отъ всякаго христіанина, ищущаго совершенства, онъ приходитъ въ трепетъ и невольно признаетъ, что онъ и не начиналъ еще жизни истинно христіанской. Здѣсь только онъ узнаетъ, что и то добро, которымъ онъ повидимому обладалъ, живя среди мірскаго общества, всегда было омрачаемо примѣсью какой либо страсти. Отъ такого благодѣтельнаго учрежденія можетъ отказаться только то христіанское общество, которое совершенно отказалось осуществить, хотя въ избранныхъ изъ среды своей личностяхъ, тѣ совершенства, которыя требуются евангельскимъ ученіемъ. Не видя же среди себя примѣровъ высшаго христіанскаго благочестія, оно необходимо должно падать нравственно, и должно ограничиться только одиѣми такъ называемыми гражданскими добродѣтелями. А одиѣ гражданскія добродѣтели, поставляя его въ уровень съ цивилизованными языческими обществами, не только не приведутъ его къ тому блаженству на небѣ, къ которому призывается каждый христіанинъ, но приведутъ его, наконецъ, къ тому разслабленію нравственному, которое было причиною паденія всѣхъ, самыхъ могущественныхъ и самыхъ цивилизованныхъ языческихъ государствъ.

Всѣ твердятъ, нужно приносить пользу обществу, служа ближнему, мы служимъ Богу. Мы согласны съ этимъ, смотря на дѣло съ точки зрѣнія христіанской. Но всякая ли служба ближнему есть служба Богу? Вотъ вопросъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе ревнующимъ о службѣ ближнему. Напримѣръ: торговецъ модными нарядами, способными только питать страсти въ украшающихся ими и пробуждать ихъ во взирающихъ на нихъ, преслѣдуя одну цѣль—собрать поскорѣ капиталъ,—служитъ ли Богу, служа

ближнему? Содержатель какого либо роскошно убраннаго кафе-ресторана, предлагающій своимъ посѣтителемъ усладительныя для вкуса и обонянія заморскія вина, и удовлетворяющія утонченному вкусу гастронома кушанья, преслѣдуя ту же корыстную цѣль, служить ли Богу, служа ближнему? Удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы дать конечно всякій, кто не дошелъ до крайней степени безстыдства и не утратилъ совершенно смысла человѣческаго.

Но скажутъ, можетъ быть, что указанные примѣры составляютъ исключеніе изъ общаго правила; много есть дѣлъ, которыя безъукоризненно полезны ближнему, которыми слѣдственно можно служить Богу.

Пойщемъ такихъ примѣровъ. Храбрый офицеръ, которому, по счастью для государства, и пороха—то никогда не пришлось понюхать, проводящій свободное отъ службы время или за картами въ кругу веселыхъ товарищей, или на блистательномъ балу у добрыхъ знакомыхъ, а храмы Божіи посѣщающій только по приказу полковаго командира въ высокаторжественные дни, служить ли Богу, служа въ рядахъ полезнаго для государства воинства? Знаменитый адвокатъ, употребляющій всю силу своего краснорѣчія, чтобы освободить отъ заслуженнаго наказанія преступника, и тѣмъ дающій ему возможность еще долго наносить вредъ своимъ согражданамъ, служить ли Богу, служа ближнему? Вы находили, что и эти примѣры все не то, о чемъ вы хотѣли сказать.

Пойдемъ далѣе съ обыскомъ. Знатный и богатый вельможа или хотя простой смертный, но извѣстный капиталистъ, задающій богатый пиръ веселымъ гостямъ со всѣми принадлежностями роскоши и изящнаго вкуса, служить ли Богу, служа ближнему, и безъ него пресыщенному всѣми благами земными? Ученый натуралистъ, изучающій приро-

ду во всѣхъ ея проявленіяхъ и на все смотрящій, какъ на неизбѣжное слѣдствіе физическихъ силъ и химическаго средства, но нигдѣ не видящій всесозидающей творческой мысли Творца, создавшей и самыя силы природы, какъ служебныя орудія Себѣ, служить ли Богу, служа прогрессу науки, которой такъ дорожить современное человѣчество? Хитрый политикъ, поражающій своими коварными внушеніями истребительныя войны между другими государствами, чтобы только, хотя на время, задержать распаденіе разслабѣвшихъ силъ своего народа, служить ли Богу, Богу мира и любви, служа, по видимому, ближнему въ лицѣ своего народа? На всѣ эти вопросы не затруднится дать удовлетворительный отвѣтъ тотъ, кто понимаетъ, что безъ вѣры и дѣятельной любви къ Богу, не возможно благоугодить Ему.

Взглянемъ и на другія дѣла, которыя, по видимому, ничего не могутъ принести ближнему, кромѣ добра. Богатый человѣкъ, устрояющій напримѣръ для прѣстарѣлыхъ и увѣчныхъ людей домъ призрѣнія съ доставленіемъ имъ, хотя скуднаго, но удовлетворительнаго къ поддержанію ихъ существованія, содержанія, и имѣющій при этомъ въ виду одно полученіе какого либо знака вѣшняго отличія, служить ли Богу, принося дѣйствительную пользу ближнему, и имѣетъ ли право ожидать награды отъ Бога? Нѣтъ, говоритъ небесная Истина, такъ какъ получаетъ *мзду свою* (Матѣ. 6, 5), которую желалъ получить за свое благое дѣло. Состоящій на общественной службѣ и своими благоразумными распоряженіями дѣйствительно возвышающій вѣншее благосостояніе того общества, которому служить, служить ли Богу, если съ своимъ служеніемъ обществу никогда не соединяетъ мысли о Богѣ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ безпечно нарушаетъ повелѣнія Господни? Нѣтъ. Дѣятель, который не полагаетъ въ основу своего дѣла любви къ Богу, и не постав-

ляетъ цѣлю для своего дѣла—прославленія имени Божія,—суетный дѣятель земли и для земли. Если при такихъ своихъ дѣлахъ относится еще съ небреженіемъ ко всѣмъ другимъ повелѣніямъ Господнимъ, то онъ не избѣжитъ праведнаго осужденія отъ Бога.—Даровитый наставникъ какой либо науки, съ пользою для юношества исполняющій свое дѣло, но мыслію и сердцемъ отрицающій бытіе Божіе и свою зависимость отъ Него, служить ли Богу, если при своемъ дѣлѣ имѣетъ въ виду одно только обезпеченіе своего матеріальнаго существованія? Нѣтъ. Онъ—воль, работающій изъза насущнаго пропитанія; онъ покорный слуга естественныхъ силъ души и тѣла, но въ немъ нѣтъ жизни божественной, и потому онъ не будетъ причастникомъ блаженства всесвятѣйшаго Бога. И всѣ вы, возлагающіе упованіе на свои дѣла, внимайте слову небесной Истины: *еще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не увидите въ царствіи небесномъ* (Матѣ. 5, 20). Вамъ извѣстно, уповающіе на свои дѣла, что въ мірѣ языческомъ были и могущественные цари, и великіе полководцы, и мудрые правители, и многочеловѣчные мужи, были и достохвалныя представители искусствъ, художествъ, промышленности и торговли: но всѣ ихъ достохвалныя качества оказались недостаточными для оправданія ихъ предъ Богомъ.

Укоряютъ еще нѣкоторые монашествующихъ и всѣхъ заблуждающихся о преуспѣваніи въ христіанскомъ благочестіи за праздностваніе, считая самую молитву и частое пребываніе въ храмѣ Божіемъ празднымъ препровожденіемъ времени, и находятъ такую жизнь бесполезною для общества.—Для опроверженія такихъ обвиненій достаточно бы было указать на множество Святыхъ, которые, по удаленіи отъ вѣшнихъ заботъ, проводя все время своей жизни въ молитвѣ и попеченіи о своемъ духовномъ усовершенствованіи, тѣмъ са-

мымъ благоугодили Богу и удостоились отъ Него прославленія. Если Господь одобрилъ ихъ жизнь и духовную дѣятельность, называемую нѣкоторыми бесполезною праздностью: то сужденія человѣческія должны въ такомъ случаѣ умолкнуть. Когда Господь Иисусъ Христосъ посѣтилъ домъ двухъ сестеръ—Марѳы и Маріи, то Марѳа много хлопотала объ угощеніи дорогаго Посѣтителя и, повидимому, имѣла полезную для ближняго дѣятельность, и потому заслуживала большую похвалу, по мнѣнію современныхъ судей дѣйствій человѣческихъ, нежели Марія, которая только сидѣла у ногъ Спасителя и слушала слово Его, а потому какъ будто праздно время проводила; но отъ Господа, праведнаго Судии, заслужила похвалу не суетливая заботливость Марѳы, а благочестивая бездѣятельность Маріи.

И что такое значить имѣть полезную и благотворную дѣятельность? Если смотрѣть на цѣль жизни такъ, какъ учить слово Божіе, смотрѣть на земную жизнь, какъ на время приготовленія къ блаженной вѣчности: то имѣть полезную дѣятельность значить всемѣрно и постоянно заботиться объ исполненіи воли Божественной возможно въ большей полнотѣ, и постояннымъ возвышеніемъ духа надъ всѣмъ земнымъ и грѣховнымъ. А этого состоянія не возможно достигнуть, при нашей немощи и наклонности ко грѣху, безъ постоянной молитвы къ Богу. Молитва есть самая сильная помощь въ борьбѣ съ тяжкими испытаніями, и есть вмѣстѣ самая высокая награда за побѣду надъ грѣховными искушеніями. Конечно, тѣ, которые привыкли проводить время въ постоянномъ разсѣяніи и въ непрестанныхъ заботахъ о внѣшнемъ благосостояніи по побужденіямъ страстнымъ, не поймутъ этого состоянія: для нихъ молитва всегда есть тяжкій подвигъ, и имъ трудно объяснить и доказать то высокое наслажденіе, которое приноситъ молитва душамъ любящимъ

Господа. Но это состояніе можетъ быть уяснено отчасти нашими отношеніями къ нѣкоторымъ лицамъ. Вы имѣете у себя близкаго человѣка, котораго любите, какъ искреннѣйшаго друга, почитаете, какъ величайшаго вашего благодѣтеля. Вы никогда не скучаете его присутствіемъ, для васъ всегда усадительна его задушевная и умная бесѣда, вы не замѣчаете, какъ бѣжитъ время въ разговорѣ съ нимъ. Вотъ вамъ слабый образецъ сладостной молитвы христіанина къ Богу! Онъ всегда съ Нимъ бесѣдуетъ въ молитвѣ, какъ съ нѣжнымъ отцемъ, и искреннимъ другомъ, и сильнымъ покровителемъ.

Но скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые на это: не возможно постоянно молиться; служебныя обязанности по отношенію къ обществу, попеченіе о нуждахъ семейства, заботы по хозяйству и многія другія, могутъ служить достаточнымъ извиненіемъ къ уклоненію отъ непрестанной молитвы.

Вы не можете постоянно молиться: не осуждайте по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые, уклонившись отъ сказанныхъ заботъ, посвятили свою жизнь всецѣлому служенію Богу, и проводятъ все свое время въ молитвѣ, богомыслии и чтеніи божественныхъ писаній, удѣляя на внѣшнія заботы лишь самую малую часть дня, чтобы пріобрѣсть необходимыя средства къ обезпеченію своего тѣлеснаго бытія. Вы не можете посвятить большую часть своего времени молитвѣ и чтенію писанія и другихъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія: но что мѣшаетъ вамъ совершать, по крайней мѣрѣ, всѣ свои дѣла въ сознаніи вседѣйствующаго присутствія и всебѣдѣнія Божія, съ памятованіемъ о будущей жизни и судѣ Божіемъ, что могло бы дать вамъ и силу къ добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, и средства къ охраненію себя отъ грѣховныхъ увлеченій? Конечно, ничто, кромѣ безпечности и небреженія о спасеніи своей души.

Въ 19-й главѣ св. Василій разъясняетъ подвижникамъ, что воздержаніе отъ однихъ снѣдей, безъ воздержанія отъ дурныхъ помысловъ и пожеланій, не приноситъ пользы. «Воздержаніе, говоритъ онъ, думаемъ опредѣлить такъ, что оно есть не одно воздержаніе себя отъ снѣдей (ибо въ этомъ успѣвали многіе и изъ еллинскихъ философовъ), но преимущественно воздержаніе отъ скитанія очей. Ибо какая польза, если, воздерживаясь отъ яствъ, пожираешь глазами похоть любодѣянія, или ушами охотно выслушиваешь суетныя и діавольскія рѣчи? Нѣтъ пользы воздерживаться отъ снѣдей, но не воздерживаться отъ киченія, высокоумія, суетной славы и всякой страсти. Или, что пользы наблюдать воздержаніе въ снѣдяхъ, и не воздерживаться отъ лукавыхъ и суетныхъ помысловъ? Посему и Апостоль сказалъ: *боюся, да не како истлѣютъ разумы ваша* (2 Кор. 11, 3). Посему будемъ воздержными отъ всего этого, чтобы и на насъ не пала по справедливости укоризна Господня, какъ *на оцѣждающихъ комары, вельблуды же пожирающихъ* (Матѣ. 23, 24).

Всѣ вышеуказанныя правила и постановленія св. Василія Великаго были такъ важны и полезны, что ими пользовались не только монастыри, находившіеся въ Понтійской области, но и другихъ отдаленныхъ мѣстностей. Современникъ Василія Великаго, пресвитеръ Аквилейскій, Руфій сдѣлалъ извлеченіе изъ правилъ Василіевыхъ и перевелъ на латинскій языкъ для аббата Урсисія ⁽¹⁾. Въ 5-мъ столѣтіи на сѣи правила Василія ссылался въ своихъ наставленіяхъ инокамъ пр. Кассіанъ. Пр. Θεодосій, начальникъ общежитія въ Палестинѣ, часто читалъ ихъ, какъ видно изъ его жизнеописанія.

(1) Ц. Пст. 2, 9.

Но св. Василій, назидая своимъ мудрымъ словомъ иноковъ и мірскихъ людей, прибѣгавшихъ къ нему за наставленіями въ благочестивомъ житіи христіанскомъ, не оставлялъ безъ попеченія и тѣлесныхъ нуждъ окрестныхъ жителей. Въ то время, какъ онъ жилъ въ своемъ монастырѣ, произвольно лишая себя всѣхъ наслажденій земли и довольствуясь однимъ хлѣбомъ и водою для своего пропитанія, хотя и имѣлъ возможность окружить себя всѣми благами земли, какъ наслѣдникъ богатыхъ имѣній, оставшихся ему отъ отца,—въ сосѣднемъ городѣ съ окрестными селеніями развился голодъ и жители изнывали отъ скорби, не имѣя никакой возможности удовлетворить насущнымъ потребностямъ. Св. Василій, движимый чувствомъ состраданности къ нимъ, продалъ свое недвижимое имѣніе, и на деньги, полученные за него, пропитывалъ не только жителей сего города, но и многихъ другихъ, которые, по слуху о его щедрости, приходили къ нему съ просьбою о помощи. Онъ благотѣльствовалъ не только христіанамъ, но и ино-вѣрцамъ.

Мудрое слово его, подтверждаемое благочестивою строго-подвижническою жизнію и сопровождаемое дѣлами щедрой благотворительности, привлекли къ нему всеобщее уваженіе и любовь. Кесарійскій Архіепископъ Діаній, по вниманію къ его высокимъ личнымъ достоинствамъ, возвелъ его на степень чтеца Кесарійской Церкви, въ началѣ 369 года.

Г л а в а III.

Приступая къ выясненію общественной дѣятельности св. Василія В. въ пользу Церкви православной, находимъ нужнымъ дать хотя краткое понятіе о состояніи православія на Востокѣ въ то время.

Церковь Восточная, и Кесарійская въ частности, много страдала тогда отъ нападеній аріанъ. Аріане, привлекшіе на свою сторону Императора Констанція, обманомъ и насиліемъ занимали епископскіе престолы, и потомъ уже растлѣвали своимъ злочестивымъ ученіемъ и самую паству изгнанныхъ предварительно Архипастырей. Въ Александріи, вмѣсто изгнаннаго поборника православія, св. Аѳанасія, поставленъ былъ епископомъ аріанецъ Георгій; въ Антиохіи—также аріанинъ Евдоксій. Главными защитниками и учителями аріанства были Аетій и ученикъ его Евномій, которые открыто проповѣдывали, что Сынъ Божій по существу различенъ отъ Отца. Между православными и аріанами стояли по срединѣ, такъ называемые полуаріане, которые, частию по заблужденію, а частию для того только; чтобы избѣжать преслѣдованія со стороны аріанъ, хотя и не исповѣдывали вмѣстѣ съ православными, что Сынъ Божій едвѣносущенъ Отцу, но и не допускали съ аріанами различія существа Его отъ существа Отца, признавая Его подобосущнымъ Отцу. Во главѣ сего общества стояли Василій Анкирскій и Георгій Лаодикійскій. Тѣ и другіе, то-есть аріане и полуаріане, утвердили свое исповѣданіе символами, первые—на соборѣ Сирмійскомъ (357 г.), послѣдніе на соборѣ Анкирскомъ (358 г.) ⁽¹⁾.

Для прекращенія споровъ и для утвержденія единомыслія въ вѣрѣ, Констанцій въ 359 году положилъ составить вселенскій соборъ.—Но аріанскіе епископы, опасаясь, чтобы полуаріане, присоединившись къ православнымъ, не дали перевѣса дѣлу въ пользу православія, убѣдили Констанція,

⁽¹⁾ Символъ Сирійскій находится у Иларія de Synodis § 11, у св. Аѳанасія Александрійскаго de Synodis § 28, Символъ Анкирскій у св. Епифанія (Haeres LXXII § 2).

подъ видомъ облегченія пути для многихъ отдаленныхъ епископовъ, раздѣлить одинъ соборъ на два, такъ чтобы восточные епископы собрались въ Селевкіи Исаврійской, а западные—въ Римини, италійскомъ городѣ, и по окончаніи разсужденій, представили бы тѣ и другіе свои окончательныя мнѣнія Императору чрезъ довѣренныхъ епископовъ. Большинство православныхъ епископовъ, собравшихся въ Римини, постановлено было неизмѣнно держаться символа, изложеннаго вселенскимъ Никейскимъ соборомъ. Но такъ какъ между собравшимися въ Селевкіи епископами мало было православныхъ, полу-аріане, уступая настоятельному требованію православныхъ, хотя согласились принять символъ Никейскій, по сѣ исключеніемъ слова: единосущный. Аріане, упорно держась своего нечестиваго ученія, написали въ то же время свое исповѣданіе ⁽¹⁾.

Св. Василій, такъ глубоко изучившій слово Божіе и извѣстный уже православнымъ епископамъ по своей ревности о православіи, по ихъ приглашенію, былъ вмѣстѣ съ ними въ Селевкіи, и потомъ съ избранными отъ большинства присутствовавшихъ на Селевкійскомъ соборѣ прибылъ въ Константинополь (въ 360 году) ⁽²⁾. Здѣсь хотя онъ и не могъ оказать большаго вліянія на дѣла, какъ занимавшій еще низшую степень въ клирѣ, но, повинувшись духу ревности о соблюденіи правовѣрія между тѣми, которые еще не успѣли заразиться еретическимъ ученіемъ, препирался съ еретиками не только въ Константинополѣ, но и въ окрестностяхъ его—въ Халкидонѣ и Иракліи, никогда не измѣняя истинѣ ⁽³⁾. Но нечестіе однакоже, по попущенію Божію, временно восторжествовало

⁽¹⁾ Созоменъ Ц. II, 39—40.

⁽²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ Филосторгій, Ц. II, 4, 12.

⁽³⁾ В. В. письмо 215.

надъ истиною. Всѣ присланные отъ Селевкійскаго собора православные епископы, подъ разными предлогами объявлены низложенными. Отъ всѣхъ же прочихъ епископовъ, восточныхъ и западныхъ, Констанцій, по внушенію аріанъ и полу-аріанъ, требовалъ утвержденія того символа, въ которомъ Сынъ Божій названъ былъ только подобнымъ Отцу, но не единосущнымъ. И не много нашлось православныхъ епископовъ, которые остались непричастными нечестія,—только тѣ, которые или казались еретикамъ безопасными по своей незначительности, или оказались непреклонными по твердости духа и несокрушимости воли. «За исключеніемъ весьма немногихъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, которые или обойдены по своей малозначительности, или противостояли своими доблестями и должны были остаться для Израиля (т. е. для православной Церкви) сѣменемъ и корнемъ, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками Духа, всѣ покорились обстоятельствамъ времени, съ тѣмъ только различіемъ, что одни подверглись сему прежде, другіе послѣ. Одни стали поборниками и покровителями нечестія, другіе заняли второстепенныя мѣста, и были или поражены страхомъ, или порабощены нуждою, или уловлены ласкательствомъ, или вовлечены по невѣдѣнію» (1).

Къ числу по невѣдѣнію впавшихъ въ заблужденіе принадлежали Діаній, Архіепископъ Кесарійскій, и Григорій, епископъ Назіанскій, отецъ св. Григорія Богослова, хотя всегда остававшіеся вѣрными по уму и сердцу православному ученію, изложенному въ Никейскомъ символѣ. Но этотъ грѣхъ невѣдѣнія престарѣлыхъ Архипастырей причинилъ однакоже много скорби двумъ святымъ друзьямъ—св. Григорію Богослову и св. Василию Великому. Св. Григорій Богословъ дол-

(1) Гр. Б. Сл. 21 стр. 198.

женъ былъ много употребить труда, чтобы снова возстановить миръ въ Назіанской паствѣ и возвратить отпавшихъ своему Архипастырю. Св. Василій самъ говоритъ: «съ первыхъ лѣтъ жизни воспитался я въ любви къ Діанію, и взирая на сего мужа, видѣлъ только, какъ онъ почтенъ, какъ величественъ, сколько имѣетъ въ лицѣ священнолѣпія. А когда раскрылся уже во мнѣ разумъ, тогда узналъ я его и по душевнымъ совершенствамъ и радовался, если бывалъ съ нимъ вмѣстѣ, изучая простоту и благородство и свободу его нравовъ, а также и другія свойства, мягкость сердца, великость духа и вмѣстѣ крѣпость, чинность, негнѣвливость, привѣтливость соединенную съ сановитостью. Почему и причислилъ его къ мужамъ отличнѣйшимъ по добродѣтели» (¹). Но не смотря на столь искреннія чувства любви и уваженія къ своему Архипастырю, ревнуя о чистотѣ вѣры, онъ не могъ оставаться съ нимъ въ общеніи, какъ измѣнившимъ истинѣ, и потому оставилъ Кесарію.— Сердце его, исполненное скорби, искало утѣшенія. Кто же могъ болѣе его утѣшить, какъ другъ разумный, любящій, вѣрный всегда православной истинѣ, и въ тоже время скорбящій, и потому лучше другаго способный понять и утѣшить скорбящаго! По этой-то причинѣ св. Василій прямо изъ Кесаріи отправился къ своему другу, св. Григорію, который въ тоже время оплакивалъ ту же погрѣшность своего родителя.

Св. Василій однако же не принадлежалъ къ разряду тѣхъ слабодушныхъ личностей, которыя, бывъ поражены какою либо сильною и внезапною скорбію, впадаютъ въ уныніе, и, чувствуя въ себѣ совершенное разслабленіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, предаются безутѣшной скорби, не предприни-

(¹) В. В. письмо 47.

мая ничего къ освобожденію себя отъ непріятнаго положенія. Въ немъ, напротивъ, препятствія и неудачи сильнѣе возбуждали энергію, и напрягали дѣятельность духовныхъ силъ къ уничтоженію постигшаго несчастія, или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію его вредныхъ послѣдствій. Утѣшившись дружественною бесѣдою св. Григорія, онъ поспѣшилъ прежде всего на помощь къ монашествующимъ, руководившимся его совѣтами, и въ обширномъ посланіи къ нимъ, для огражденія ихъ отъ заразы нечестія, изложилъ истинное ученіе вѣры о Сынѣ Божіемъ. Въ этомъ посланіи, объяснивъ имъ причины временнаго удаленія отъ нихъ и медленности возвращенія къ нимъ, убѣждаетъ ихъ удаляться общенія съ еретиками и хранить чистоту ученія о Богѣ, преданнаго св. Отцами предшествовавшихъ вѣковъ, и основывать свои понятія о Богѣ не на умозрѣніяхъ человѣческихъ, а на словѣ Божіемъ, по изъясненію святыхъ Богопросвѣщенныхъ мужей. «Берегитесь, говоритъ онъ имъ, филистимскихъ пастырей (еретиковъ), чтобы кто изъ нихъ не заградилъ тайно вашихъ кладезей (т. е. слова Божія, изъ котораго обильно текутъ источники воды, утоляющей жажду души благочестивой) и не возмутилъ чистоты вѣдѣнія касательно вѣры. Ибо у нихъ всегда въ попеченіи—не изъ божественныхъ писаній научать души простыя, а подрывать истину виѣшнею мудростію» (¹).—Урокъ полезный и для современныхъ людей, которые, увлекшись новыми открытіями нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ, не выводы изъ открытыхъ явленій природы провѣряютъ ученіемъ слова Божія, а самое слово Божіе покушаются провѣрять этими выводами, по большей части поспѣшными и внемлющими достаточнаго основанія!

Раскрывъ далѣе инокамъ истину православнаго ученія о

(¹) В. В. письмо 8.

Святой Троицѣ, разоблачивъ ложь и нечестіе аріанскаго ученія, и выяснивъ надлежащимъ образомъ дѣйствительный смыслъ тѣхъ мѣстъ св. писанія, на извращенномъ пониманіи которыхъ еретики старались основать свое лжеученіе, въ заключеніе, убѣждаетъ ихъ заботиться объ очищеніи своего сердца, какъ необходимаго условія къ возможно ясному на землѣ созерцанію Бога. Ибо сказано: *блажени чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрятъ* (Матѹ. 5, 8). Теперь, говоритъ онъ, какъ въ зеркалѣ, видимъ тѣни вещей, а впослѣдствіи, освободившись отъ сего земнаго тѣла и облекшись въ тѣло нетлѣнное и безсмертное, увидимъ ихъ первообразы. Увидимъ же, если жизнь свою управимъ по прежнему пути, и будемъ заботиться о правой вѣрѣ, безъ чего никто не узритъ Господа. Ибо сказано: въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинниѣмъ грѣху (Притч. Соломона 1, 4). Но ревность св. Василія объ умиротвореніи Церкви и ослабленіи зла, произведеннаго смутами и насиліемъ со стороны аріанъ, не ограничилась однимъ посланіемъ къ Понтійскимъ инокамъ. Онъ написалъ еще два поученія для всеобщаго употребленія: одно о судѣ Божіемъ, а другое о вѣрѣ.

Въ поученіи о судѣ Божіемъ сначала обращаетъ вниманіе на бѣдственное состояніе Церкви, и потомъ указываетъ причины онаго, чтобы дать возможность чрезъ устраненіе причинъ устранить и самыя послѣдствія. «Съ самаго начала воспитанія христіанскими родителями, говоритъ св. Василій, отъ нихъ въ дѣтствѣ узналъ я и священныя писмена, ведущія меня къ познанію истины. Когда же сталъ я мужемъ: тогда, воспользовавшись многократными путешествіями, и, какъ естественно, принимая участіе во многихъ дѣлахъ, въ разсужденіи другихъ художествъ и знаній замѣтилъ великое согласіе у людей, тщательно занимающихся каждымъ изъ

нихъ; въ одной только Церкви Божіей, за которую Христосъ умеръ, и на которую обильно изліялъ Онъ и Духа Святаго, видѣлъ во многихъ всякое чрезвычайное разногласіе, какъ между собою, такъ и съ божественными писаніями; и, что всего ужаснѣе, самые предстоятели церквей такъ разнятся между собою и расположеніями и мнѣніями, такое имѣютъ противленіе заповѣдямъ Господа нашего Іисуса Христа, такъ безжалостно раздражаютъ Церковь Божию, такъ нещадно возмущаютъ стадо Христово, что, если когда, то надъ ними нынѣ, съ появленіемъ Аномеевъ, исполняется сказанное: *отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе, малолющіе развращеная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себѣ* (Дѣян. 20, 30)». Отыскивая причину столь печальному явленію, говоритъ: «пришла мнѣ на память книга Судей, которая—какъ повѣствуетъ, что *кійждо еже право предъ очами его творяше*, такъ и показываетъ причину сего говоря: *въ тыя дни не бѣше царя во Израили* (Суд. 17, 6). Припомнивъ же это, и о настоящемъ времени дѣлалъ я заключеніе, которое страшно, можетъ быть, и выговорить, однако же весьма справедливо будетъ замѣтить, а именно: не вслѣдствіе ли того, что отнешутся единого и великаго, истиннаго и единственнаго Царя всяческихъ и Бога, и нынѣ бываютъ такіа разногласія и распри между членами Церкви: потому что каждый отступаетъ отъ ученія Господа нашего Іисуса Христа, самовластно же защищаетъ нѣкоторыя разсужденія и собственныя опредѣленія, и хочетъ лучше начальствовать противъ Господа, нежели быть подъ начальствомъ у Господа? Сдѣлавъ такое заключеніе, приходя въ ужасъ отъ того, что нечестіе превосходитъ мѣру и продолжая свое изслѣдованіе, тѣмъ не менѣе и встрѣчающимся обыкновенно въ жизни убѣдился я въ истинѣ сказанной выше причины. Ибо увидѣлъ, что всякое благочиніе и всякое согласіе между многими до тѣхъ поръ

держится съ успѣхомъ, пока сохраняется общая всѣхъ благопокорность къ одному какому нибудь начальнику; а всякое разногласіе, всякій раздоръ, и даже многоначаліе бываютъ слѣдствіемъ безначалія. Даже видѣлъ я иногда, что и рой пчелъ, по закону природы, имѣетъ у себя вожда и чинно слѣдуетъ за собственнымъ своимъ царемъ. Подобно сему много и видѣлъ я, много и слышалъ, но еще болѣе моего знаютъ занимающіеся этимъ; такъ что всѣмъ этимъ доказывается истина сказаннаго. Ибо, если тѣмъ, которые внимаютъ одному мановенію и имѣютъ одного царя, свойственны благочиніе и согласіе; то слѣдуетъ, что всякое разногласіе и всякій раздоръ—признакъ безначалія. На томъ основаніи и встрѣчаемое у насъ такое разногласіе, какъ съ заповѣдями Господними, такъ и въ отношеніи другъ къ другу, можетъ быть обращено въ улику, или отступленія отъ истиннаго Царя, или отреченія отъ него, по сказанному: *рече безуменъ въ сердце своемъ: нѣсть Богъ*;—къ чему, какъ нѣкоторый признакъ, или доказательство, присовокуплено: *растлѣша и омерзѣша въ начинаніихъ* (Пс. 13, 1)». Продолжая доказывать необходимость повиновенія не въ чемъ либо одномъ, но во всемъ, Христу, который есть *единая и истинно единственная глава* Церкви, указываетъ въ примѣръ для подражанія на члены въ тѣлѣ человѣческомъ. Всѣ члены находятся въ совершенномъ повиновеніи каждому мановенію души, вслѣдствіе сего всѣ члены состраждутъ другъ другу и выражаютъ всегдашнюю готовность, въ случаѣ нужды, помочь одинъ другому. Членъ, оказавшійся неспособнымъ повиноваться требованіямъ души, считается мертвымъ членомъ. Переходя отъ сего уподобленія къ членамъ Церкви, которая вся есть одно тѣло, имѣющее одну главу Христа, св. Василій говоритъ: «если между членами нѣтъ единомыслія, не сохраняется союзъ мира, не соблюдается кротость въ духѣ,

находятся же раздѣленіе, распря и зависть: то очень дерзко было бы называть таковыхъ членами Христовыми, или сказать, что они подѣ управленіемъ Христовымъ; но въ простотѣ сердца смѣло можно утверждать, что тамъ владычествуетъ и царствуетъ мудрованіе плотское, по изреченію Апостола, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ опредѣленно: *ему же представите себе рабы въ послушаніе, рабы есте, еюже послушаете* (Рим. 6, 16); а въ другомъ ясно перечисляетъ свойства такого мудрованія, когда говоритъ: *идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстии ли есте* (1 Кор. 3, 3); и вмѣстѣ положительно учить, что конецъ ихъ бѣдственъ, и что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ богочестіемъ, именно же говоря: *мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божію не покоряется, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7)» (¹). Далѣе, доказывая разными мѣстами св. писанія изъ ветхаго и новаго завѣта, что никакой видъ грѣха не можетъ остаться не наказаннымъ со стороны правосуднаго Бога, убѣждаетъ всѣхъ, отвергнувъ лжеумствованія людскія, тщательно заботиться объ исполненіи воли божественной, храня миръ между собою и соблюдая благопокорность къ поставленнымъ отъ Господа пастырямъ и учителямъ.

Поученіе о вѣрѣ написано было св. Василиемъ по просьбѣ благоговѣйныхъ людей, которые желали получить отъ него письменное исповѣданіе благочестивой вѣры, какъ руководство къ огражденію себя отъ злочестія еретическихъ мудрованій. «По благодати Бога, пишетъ онъ въ началѣ сего ученія, узнавъ достойное любви къ Богу о Христѣ требованіе вашего благоговѣнія, которымъ помогались вы у меня письменнаго исповѣданія благочестивой вѣры, хотя сперва, сознавая свое смиреніе и немощь, медлилъ я отвѣ-

(¹) Стр. 12.

томъ, однакожъ, какъ скоро вспомнилъ Апостола, сказавшаго: *сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе* (Рим. 10, 10), почелъ не безопаснымъ, какъ отказать вамъ, такъ и предать молчанію спасительное исповѣданіе». Имѣя въ виду то, что будетъ говорить людямъ простымъ по сердцу, благоговѣйнымъ и пріемлющимъ слово истины съ полнымъ довѣріемъ, съ какимъ обыкновенно пріемлютъ слово отца добрыя и покорныя дѣти, говорить имъ, что онъ будетъ говорить имъ не тѣмъ языкомъ, которымъ по нуждѣ говорилъ съ еретиками. «Пока надлежало бороться съ возникавшими по временамъ ересями, говорить онъ, слѣдуя предшественникамъ, почиталъ я приличнымъ, смотря по различію посѣждаемаго діаволомъ нечестія, останавливать или низлагать распространяемыя хулы опроверженіями и употреблялъ, какъ вынуждала къ тому потребность недугующихъ, тѣ и другія изреченія, часто и такія, которыхъ нѣтъ въ писаніи, но которыя, впрочемъ, не чужды благочестивому смыслу писанія; потому что и Апостолъ не отказывался, для собственной своей цѣли, употреблять не рѣдко языческія изреченія. А теперь почелъ я сообразнымъ съ общею моею и вашею цѣлію требованіе вашей о Христѣ любви исполнить въ простотѣ здравой вѣры..... Посему рѣшился я, какъ теперь, такъ и всегда, избѣгать всякаго реченія и понятія, чуждаго ученію Господню; потому что, какъ выше замѣтилъ, цѣль, мнѣ и вамъ теперь предлагаемая, во многомъ различна отъ тѣхъ предметовъ разсужденія, которые заставляли меня писать или говорить иногда такъ, а иногда иначе. Ибо тогда занимало меня обличеніе ереси и разрушеніе діавольскихъ хитросплетеній; а теперь предполагается исповѣданіе и простое изъясненіе здравой вѣры. Поэтому не приличенъ мнѣ теперь и прежній образъ рѣчи. Какъ человѣкъ не одни и тѣже снаряды

взялъ бы въ руки, идя воевать, и воздѣлывать землю (ибо иныя снаряды у тѣхъ, которые въ безопасности трудятся для своего пропитанія, и иныя вооруженія у тѣхъ, которые готовятся къ битвѣ): такъ не одно и тоже могутъ говорить, и тотъ, кто увѣщаетъ здравымъ ученіемъ, и тотъ, кто обличаетъ противорѣчащихъ. Ибо иной родъ рѣчи обличительной, а иной родъ рѣчи увѣщательной. Инакова простота въ мирѣ исповѣдующихъ благочестіе, инаковы труды опровергающихъ возраженія лжеименнаго вѣдѣнія. По этому и я, такимъ же образомъ устроявая рѣчь съ разсужденіемъ, вездѣ буду сообразно съ цѣлію употреблять слова, служащія къ охраненію или назиданію вѣры, иногда мужественно противоборствуя тѣмъ, которые съ дьявольскимъ ухищреніемъ покушаются разорить вѣру, а иногда простѣе и ближе излагая ее для тѣхъ, которые желаютъ назидаться въ вѣрѣ, въ обоихъ же случаяхъ не иное что дѣлая, но сказанное Апостоломъ: *вѣдѣти, како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати* (Колос. 4, 6).

«Но прежде нежели приступлю къ самому исповѣданію вѣры, надобно дать замѣтить, что величія Божіяго и славы Божіей, которыя и словомъ необъемлемы и умомъ непостижимы, не возможно ни изобразить, ни представить однимъ реченіемъ или понятіемъ. Богодухновенное же писаніе, съ помощію многихъ реченій, обращающихся въ нашемъ употребленіи, едва приблизило ихъ къ понятію чистыхъ сердецъ и то представивъ какъ въ зеркалѣ. Ибо зрѣніе лицемъ къ лицу и совершенное познаніе, по обѣтованію, дано будетъ достойнымъ въ будущемъ вѣкѣ. А нынѣ, будь кто Павелъ или Петръ, хотя истинно видитъ то, что видитъ, и не обманывается и не мечтаетъ: однакоже *зеркаломъ* и *въ гаданіи*, и *еже отчасти* приѣмля нынѣ съ благодареніемъ,

совершеннаго познанія съ радостию ожидаетъ въ будущій вѣкъ» ⁽¹⁾.

Сдѣлавъ такое вступленіе въ свое поученіе о вѣрѣ, потомъ уже изложилъ самое исповѣданіе вѣры на основаніи слова Божія и ученія святыхъ Отецъ, такъ что желавшій оставаться на истинномъ пути православнаго ученія о лицахъ Святыя Троицы могъ пройти безпреткновенно о камни соблазна еретическихъ ученій.

Кромѣ сего, св. Василиемъ извлечены изъ св. Писанія нравственныя правила, числомъ 80, необходимыя для каждаго христіанина.

Ревность объ истинной вѣрѣ разъединила св. Василия съ Архіепископомъ Кесарійскимъ Діаніемъ, не измѣняя однако же его расположенія къ нему. И потому, какъ скоро устранилась причина разъединенія, св. Василий не замедлилъ вступить въ духовное общеніе съ своимъ Архипастыремъ. «Предъ кончиною его (Діанія) жизни, говоритъ св. Василий, со многими изъ боящихся Господа въ отечествѣ моемъ, скорбѣлъ я о немъ тяжкою скорбію за подпись подъ изложеніемъ вѣры, принесеннымъ изъ Константинополя Горгіемъ (епископомъ аріанскимъ). Потомъ по кротости нрава, и по скромности, желая всѣхъ несомнѣнно увѣрить въ отеческомъ сердоболіи, когда впалъ уже въ болѣзнь, отъ которой кончилъ и жизнь, призвавъ меня, сказалъ онъ: свидѣтельствуюсь Господомъ, что, хотя въ простотѣ сердца согласился я на принесенное изъ Константинополя писаніе, однако же нимало не имѣлъ мысли отвергать вѣру, изложенную никейскими святыми отцами, и не инаково содержу въ сердцѣ, но какъ принялъ въ началѣ; и молюсь не быть отлученнымъ отъ части блаженныхъ трехъ сотъ осьмнадцати епископовъ,

⁽¹⁾ Стр. 29—30.

которые объявили вселенной благочестивое правозвѣстіе. Почему, послѣ такого удостовѣренія, уничтоживъ всякое сомнѣніе въ сердцѣ, приступилъ я къ общенію съ нимъ, и прекратилъ свою скорбь» ⁽¹⁾.

По смерти Діанія областные епископы собрались въ Кесарію для избранія новаго Архіепископа. По обычаямъ тогдашняго времени, въ избраніи новаго архіерея принималъ участіе и народъ. Вслѣдствіе этого образовалось множество партій, изъ которыхъ одни желали одного, другія другаго, руководясь кто дружескими связями, кто ревностію о благѣ Церкви, хотя иногда и ревностію не по разуму. Перевѣсъ дѣлу иногда давала и матеріальная сила. Такъ случилось и при избраніи Евсевія, преемника Діанія. Онъ занималъ высшую гражданскую должность въ городѣ и отличался многими доблестями душевными, но не былъ еще запечатлѣнъ божественнымъ крещеніемъ, и потому не желалъ покориться избранію народному, сознавая трудность архипастырскаго служенія, особенно въ тогдашнее смутное время. Но народъ, взявъ его противъ его воли, при содѣйствіи военной силы, вступившей тогда въ городъ, представилъ епископамъ, убѣждая ихъ, и даже насильно требуя, чтобы избраннаго сподобили Таинства и нарекли архіереемъ. Вынужденные силою Епископы очистили избраннаго крещеніемъ, нарекли и возвели на престолъ. Но лишь только возвратились въ свои епархіи, стали совѣщаться между собою о томъ, чтобы признать какъ все совершенное ими не имѣющимъ силы, такъ и поставленіе Епископа незаконнымъ. Но отецъ Григорія Богослова, который также участвовалъ въ поставленіи кесарійскаго Епископа, не соглашался съ мнѣніемъ всѣхъ другихъ епископовъ, рассуждая такъ: «поелику принужденію

⁽¹⁾ В. В. письмо 47.

подверглись обѣ стороны, поэтому нужно признать столько же достойнымъ извиненія поставленнаго, сколько считаютъ себя достойными извиненія поставившіе. Если же первый не достоинъ, то ни подъ какимъ видомъ недостойны и послѣдніе. Гораздо было лучше тогда претерпѣть бѣдствіе и упорствовать до конца, нежели входить въ совѣщаніе послѣ, и притомъ въ такія времена, когда всего полезнѣе прекращать старыя вражды, а не заводить новыя» (¹).

Хотя, чрезъ такое мѹдрое разсужденіе епископа малаго города, какъ говорить св. Григорій Богословъ, занимавшаго второстепенную кафедру, Евсевій, новопоставленный Архіепископъ Кесарійскій, избѣжалъ несправедливаго низложенія, но его вскорѣ встрѣтила другая скорбь и опасеніе подвергнуться тому же удару по дѣйствию другой, болѣе сильной руки злобнаго и нечестиваго человѣка. Въ Ноябрь 361 года, по смерти Констанція, вступилъ на престолъ Юліанъ. Лишь только онъ получилъ въ свои руки власть императорскую, тотчасъ же отрекся отъ христіанской вѣры, которой доселѣ, хотя по наружности, казался исповѣдникомъ, открыто объявилъ себя врагомъ христіанства, и употреблялъ всѣ свои силы и всю свою власть къ тому, чтобы установить идолопоклонство и привести въ запустѣніе христіанскіе храмы (²). Предположивъ для себя такую нечестивую цѣль, онъ пылалъ гнѣвомъ на жителей Кесаріи за то, что они, во времена счастливыя для христіанства, разрушили храмъ богини счастья. Но это чувство злобы противъ жителей Кесаріи усилено было еще избраніемъ новаго Архіепископа. Для пораженія христіанства онъ находилъ необходимымъ отнять у христіанъ все, что только они имѣли у себя сильнаго

(¹) Гр. Б. Сл. 18 стр. 133—135.

(²) Болѣе подробное свѣдѣніе о его характерѣ и дѣйствіяхъ по отношенію къ Церкви,—см. Жизнь Григорія Богослова изд. 1869 г. стр. 50—66.

умомъ, краснорѣчіемъ или властію. И потому возведеніе главнаго начальника областного города въ санъ Архіепископа онъ почиталъ явнымъ противодѣйствіемъ его нечестивымъ стремленіямъ. Эти причины несправедливаго гнѣва онъ считалъ достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы сдѣлать всякое зло твердымъ въ вѣрѣ жителямъ Кесаріи, и для выполненія своего намѣренія самъ съ войскомъ двинулся къ городу. «Городъ былъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, какъ бы на остріѣ бритвы, и неизвѣстно было, не погибнетъ ли онъ чрезъ день, или найдетъ еще сколько нибудь челоуѣколюбія, и спасется.... Къ несчастію города, областной начальникъ, который и прежде не былъ друженъ съ новопоставленнымъ по разномыслію въ дѣлахъ гражданскихъ, старался сдѣлать ему какое нибудь зло, чтобы тѣмъ угодить царю. Посему писалъ онъ къ рукополагавшимъ, чтобы обвинили новопоставленнаго, и писалъ не просто, но даже съ угрозами, давая знать, что требуетъ сего самъ царь. Тогда пришло письмо и къ моему родителю. Но онъ, ни мало не устращась, немедленно отвѣчалъ со всею смѣлостію и полнымъ присутствіемъ духа, какъ видимъ изъ самага отвѣта. Ибо писалъ такъ: достопочтенный правитель! мы во всѣхъ дѣлахъ своихъ имѣемъ единаго Судію и Царя, противъ котораго нынѣ возстаютъ. Онъ и теперь будетъ судить насъ за рукоположеніе, которое нынѣ совершено нами законно и по его изволенію. Для васъ весьма удобно, если захотите, сдѣлать намъ насиліе въ чемъ либо другомъ; но никто не отниметъ у насъ права защищать такое дѣло, которое совершено нами законно и справедливо; развѣ издадите еще законъ, запрещающій намъ располагать и собственными нашими дѣлами» ⁽¹⁾. Такой мужественный от-

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 18, стр. 135—136

вѣтъ доблестнаго старца сохранилъ для Кесарійской церкви главу. Царь богоотступникъ, встрѣтивъ такой отпоръ своимъ стремленіямъ со стороны епископовъ и твердую рѣшимость со стороны кесарійской паствы защищаться, отступилъ отъ города, предположивъ привести въ исполненіе свои нечестивые планы по окончаніи похода противъ Персовъ. Бѣдствія, которыми угрожалъ нечестивый царь всей христіанской Церкви, прежде всего должны были коснуться будущихъ сильныхъ защитниковъ православія, св. Григорія Богослова и св. Василия Великаго. Юліанъ, узнавъ ихъ еще въ Аѳинахъ, и отдавая полную справедливость ихъ проницательному и просвѣщенному уму, не могъ не опасаться встрѣтить въ нихъ мужественныхъ противниковъ своимъ нечестивымъ намѣреніямъ, и потому предположилъ прежде ихъ истребить. Въ одномъ изъ своихъ словъ противъ Юліана, Св. Григорій Богословъ, обращая мыслію къ нему, говоритъ: «зная насъ еще въ Греціи, какъ людей пріобрѣтшихъ себѣ имя и извѣстность жизни краснорѣчіемъ и взаимнымъ единомудріемъ, ты почтилъ насъ честію Циклопа, то есть, послѣднихъ соблюдалъ на погибель, и, можетъ быть, умышлялъ привести въ послѣдній даръ демонамъ, какъ нѣчто великое и достойное твоего величія, если бы встрѣтили мы тебя возвращающагося изъ Персіи». ⁽¹⁾ Св. Василій, упова на Промыслъ божественный, всегда охраняющій св. Церковь Христову, не только самъ не унывалъ, видя страшную бурю, воздвигнутую нечестивымъ властелиномъ, но и другихъ утѣшалъ, предсказывая скорую гибель нечестію, представителемъ и защитникомъ котораго явился царь ⁽²⁾. И предсказаніе его не замедлило исполниться. 27 Іюня 363 года

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 5, стр. 213—214.

⁽²⁾ В. В., письмо 17.

стрѣла, пущенная персидскимъ воиномъ, окончила его, полную нечестія, жизнь.

Св. Василій, не тревожась личною ненавистію къ себѣ со стороны Юліана, беспокоился однако же за благо Церкви. Эту боязнь внушалъ ему не Юліанъ, но еретикъ Евномій, который хитрыми изворотами слова и злонамѣреннымъ толкованіемъ смысла словъ св. Писанія легко могъ колебать простые души и отвращать ихъ отъ истины православнаго ученія. Пользуясь уединеннымъ пребываніемъ въ своей Понтійской пустынѣ и свободою отъ внѣшнихъ занятій, онъ написалъ противъ Евномія пять книгъ. Поводомъ къ написанію этихъ книгъ послужила составленная Евноміемъ, главнымъ защитникомъ аріанскаго ученія, *защитительная рѣчь*, въ которой онъ во всей полнотѣ раскрывалъ нечестивое аріанское ученіе, усиливаясь доказать каждую мысль свою превратнымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ св. Писанія, или, по крайней мѣрѣ, затмить истину православнаго ученія хитросплетенными софизмами.—Хотя противъ него никѣмъ еще и ничего не было писано, и потому, повидимому, не было и нужды защищаться, когда не было нападающихъ; но Евномій придалъ такое названіе своему сочиненію для того только, чтобы легче привлечь вниманіе къ своимъ словамъ, и, внушивъ довѣріе къ тѣмъ ложнымъ началамъ, на которыхъ основывалъ свое нечестивое разсужденіе о догматическихъ предметахъ, подорвать авторитетъ прежнихъ св. Отцевъ, разсуждавшихъ о лицахъ Св. Троицы и утвердившихъ свое ученіе постановленіемъ Никейскаго Вселенскаго Собора.

Хотя естественнѣе, казалось бы, заняться дѣломъ опроверженія еретическаго ученія какому либо изъ Епископовъ, нежели человѣку, занимавшему въ Церкви только еще степень чтеца; но глубокое изученіе св. Василіемъ св. Писанія

и полное знакомство съ твореніями прежнихъ св. Отцевъ, расположило благоговѣйныхъ изъ православныхъ христіанъ предложить этотъ трудъ ему, а ревность его объ охраненіи православныхъ христіанъ отъ заразы еретическихъ ученій побудила его принять на себя этотъ трудъ. И принявъ на себя этотъ трудъ, св. Василиій останавливалъ вниманіе на каждомъ словѣ защитительной рѣчи злочестиваго Евномія, чтобы во всей полнотѣ раскрыть его ложь и нечестіе, и не оставить мѣста сомнѣнію православнымъ при случайномъ столкновеніи съ его мнѣніями. И слова св. Василия были столько сильны и такъ неопровержимо доказательны, что Евномій, по упорству во злѣ, хотя и рѣшился писать анти-критику на его творенія, не осмѣлился однако же говорить другимъ объ этомъ до кончины св. Василия, опасаясь потерпѣть въ другой разъ пораженіе, еще болѣе сильное.

Въ началѣ первой книги св. Василиій показываетъ, что въ въ апологетическихъ сочиненіяхъ не было бы и нужды, если бы всѣ въ простотѣ вѣры держались евангельской истины и довольствовались преданіемъ апостольскимъ. «Если бы всѣ, говоритъ онъ, на кого призвано имя Бога и Спасителя нашего І. Христа, пожелали ничего не искать, кромѣ евангельской истины, довольствоваться же апостольскимъ преданіемъ и простотою вѣры: то и отъ насъ, въ настоящее время, не потребовалось бы слова, а напротивъ того, и теперь, конечно, возлюбили бы мы то же молчаніе, какое предпочитали сначала. Но поелику врагъ истины, сверхъ плевелъ, сначала посѣянныхъ имъ въ Церкви Божіей, постоянно новыми приращеніями умножая зло, и нынѣ сыскавъ орудія, которыя вполнѣ вмѣщаютъ въ себѣ всю его злохитривость, внушаетъ мысль, подѣ личиною христіанства, отрицать Божество Единороднаго, этою мірскою и суетною мудростію возмущая чистоту и простоту ученія Духа Божія, и сладкорѣчіемъ вводя въ за-

*

блужденіе людей наиболѣе простодушныхъ: то и мы, по необходимости, ради вашей предписывающей это любви, и ради собственной своей безопасности, не обращая вниманія на немощь свою въ семь дѣлъ, хотя вовсе не упражнялись въ подобномъ родѣ слова, по сообщенной намъ отъ Господа мѣрѣ вѣдѣнія, рѣшились стать за истину и обличить ложь. Ибо рассуждаемъ, что непременно достигнемъ, по крайней мѣрѣ, одной изъ трехъ добрыхъ цѣлей: то есть, или своимъ обличеніемъ подадимъ зараженнымъ уже врачество отъ зла, или здоровымъ въ вѣрѣ доставимъ немалое предохраненіе, или, безъ сомнѣнія, сами сподобимся награды за то, что братіямъ своимъ желаемъ лучшаго» (1).

Показавъ далѣе, что первымъ нечестивымъ учителемъ еретическаго ученія о Сынѣ Божіемъ былъ Аетій, Сиріанинъ, а Евномій, какъ ученикъ его, по развращенности своего сердца, ища славы отъ людей, въ своемъ сочиненіи рѣшился помрачить славу Единороднаго, говорить: «его-то изобличить предстоитъ намъ теперь трудъ. Поелику же въ обоихъ зло одно: то явно, что въ лицѣ усовершенствовагося ученика посрамленъ будетъ и учитель, посѣявшій сѣмена нечестія, если только, по вашимъ молитвамъ, дано будетъ намъ пріять такую силу слова, чтобы, подобно ревнителю Финеесу, однимъ ударомъ обличенія поразить обоихъ, соединенныхъ между собою нечестіемъ» (2).

И обличенія свои начинаетъ св. Василій съ самаго заглавія сочиненія Евномія. «Первое его злоухищреніе—придумать этотъ родъ сочиненія, и предложить ученіе въ видѣ защитительной рѣчи, чтобы не подать мысли, что главное его намѣреніе—изложить догматы нечестія, но показать, что приве-

(1) Книга 1-я, стр. 3—4.

(2) Тамъ же, стр. 5.

день къ сочиненію 'необходимостію. Ему хотѣлось, чтобы, какимъ бы то ни было способомъ, сдѣлалось извѣстнымъ это лукавое и безбожное провозглашеніе, и чтобы произведена была на свѣтъ хула, которую давно онъ зачалъ, и которою давно болѣлъ. Но видѣлъ также, что, если открыто приметъ на себя званіе учителя, не только будетъ это крайне тяжело и непріятно слушателямъ, но и самъ себя сдѣлаетъ онъ для многихъ незаслуживающимъ вѣроятія и подозрительнымъ, какъ человѣкъ желаніемъ славы увлеченный въ новизны; а если предложить слово въ видѣ защитительной рѣчи, то избѣгнетъ подозрѣнія въ нововведеніи, и тѣмъ самымъ болѣе привлечетъ къ себѣ слушателей; потому что всѣ люди естественно привыкли съ благорасположеніемъ принимать сторону увижаемыхъ. Поэтому жалуется на обвинителей и клеветниковъ, и имъ приписываетъ вину своего сочиненія... А что слово *защитеніе* у него одинъ вымыселъ, обличается сіе тѣмъ, что, не зная, кого наименовать обвинителемъ своимъ, въ томъ, въ чемъ, повидимому, усиливается оправдать себя, выходитъ на защитеніе, не выводя на позоръ лицъ... опасаясь, что ложь сдѣлается очевидною, стыдится назначить извѣстныя лица своими обвинителями» ⁽¹⁾.

Это сочиненіе св. Василія было сколько грозно для еретиковъ, столько же утѣшительно для всѣхъ православныхъ христіанъ и поучительно для многихъ даже епископовъ, не столько сильныхъ въ знаніи слова Божія, чтобы всегда и на всѣ измышленія еретиковъ отвѣчать съ непобѣдимую силою несокрушимаго учителя истины. И для самаго св. Василія оно было не бесполезно тѣмъ, что доставило ему случай тщательнѣе ознакомиться съ тѣми мѣстами св. Писанія, на которыхъ еретики основывали свои лжеумствованія, и чрезъ то

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 6—7.

облегчило для него борьбу съ ними во время его пресвитерскаго и епископскаго служенія. Вторая польза отъ этого сочиненія была та, что, доставивъ ему извѣстность ученаго богослова, открывало ему путь быть, такъ сказать, учителемъ самыхъ епископовъ, чрезъ что онъ приобрѣталъ себѣ большее число сотрудниковъ къ достиженію общаго блага православной Церкви. Такъ обращаясь къ нему въ послѣдующее время за совѣтами св. Амфилохій, Епископъ Иконійскій, и св. Василій, въ отвѣтъ ему, написалъ 30 главъ о Св. Духѣ, которыя служили разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ возраженій со стороны еретиковъ.

По смерти отступника отъ спасительной вѣры—Юліана, православная Церковь не долго наслаждалась покоемъ. Взошедшій на престолъ Императоръ Ювиніанъ былъ кротокъ, добръ и готовъ былъ сдѣлать все, не только къ уврачеванію ранъ православной Церкви, нанесенныхъ ей слабодушнымъ Констанціемъ, подчинившимся вліянію аріанъ, и жестокимъ и хитрымъ отступникомъ отъ вѣры—Юліаномъ, но и къ доставленію ей полнаго торжества надъ еретиками, производившими страшныя смуты въ Христовой Церкви, удаляя истинныхъ пастырей отъ Христова стада, и приставляя къ нему наемниковъ, которые, растлѣвая души пасомыхъ нечестивымъ ученіемъ, расхищали и ихъ достояніе. Но, вѣроятно, время, назначенное Промысломъ Божественнымъ для испытанія православной Церкви, не кончилось. Благочестивый Ювиніанъ, пробывъ на царскомъ престолѣ около одного года, отшелъ къ Господу, не успѣвъ привести въ исполненіе своихъ благихъ предназначеній.

По смерти его вступилъ на престолъ Императорскій (29 Марта 364 года) Валентъ, сильно покровительствовавшій аріанамъ, и, въ угоду имъ, нанесшій величайшія оскорбленія православной Церкви въ лицѣ ея Епископовъ и ихъ пасомыхъ.

Аріане, пользуясь его покровительствомъ, усиленно стремились повсюду разносить и утверждать свои заблужденія; гдѣ встрѣчали себѣ сопротивленіе со стороны архипастырей Церкви, тамъ, при содѣйствіи военной силы, брали въ свое распоряженіе православные храмы, а православныхъ пастырей и особенно архипастырей изгоняли вонъ и ссылали въ заточеніе.

Евсевій, котораго избраніе совершенно было съ такимъ затрудненіемъ и съ такимъ смущеніемъ, хотя обладалъ всѣми качествами, чтобы называться добрымъ христіаниномъ; но занимая всегда только одни гражданскія должности, и будучи еще слишкомъ мало знакомъ съ вѣроученіемъ Церкви православной, занявъ высокую степень архіепископа Кесарійскаго, чувствовалъ себя слишкомъ безсильнымъ для того, чтобы противодѣйствовать и съ успѣхомъ отражать дерзкія и ухищренныя нападенія аріанъ, пользовавшихся сильнымъ покровительствомъ Императора. Тогда онъ созналъ нужду въ дѣятельномъ и многосвѣдущемъ помощникѣ. И въ этихъ-то обстоятельствахъ Евсевій обратилъ свой взоръ на св. Василия, который, будучи еще чтецомъ Кесарійской церкви, явилъ себя сильнымъ защитникомъ православія въ опроверженіи защитительной рѣчи злочестиваго Евномія.—Чтобы свѣтъ ученія Василиева, почерпнутаго имъ изъ глубокаго и всесторонняго изученія слова Божія, скорѣе могъ разливаться во всѣ стороны и удобнѣе озарять умы и сердца всѣхъ, имѣвшихъ очи видѣть, Евсевій рѣшился поставить его на свѣщникъ церковный (364 г.) чрезъ возведеніе его въ санъ пресвитера. Но святой Василий, любя уединеніе, не желалъ принять на себя санъ пресвитера, который навсегда уже долженъ былъ его отвлечь отъ пустыннаго уединенія и поставить его въ среду такой жизни, которая, волею или неволею, должна была нарушать его миръ душевный. Для выра-

женія только своего послушанія власти церковной покорился требованію своего Архіепископа и преклонилъ главу подъ руку святительскую для принятія посвященія въ санъ пресвитера ⁽¹⁾. Но сердце оказалось не такъ способнымъ къ покорности волѣ начальнической, какъ умъ и воля, и потому онъ нашелъ нужнымъ письменно высказать своему другу, св. Григорію, скорбь, постигшую его, и просить утѣшенія, какъ и тотъ обратился въ подобныхъ обстоятельствахъ къ Василию за утѣшеніемъ въ скорби душевной. Св. Григорій, хорошо сознавая ту пользу, какую онъ могъ принести Церкви, убѣждалъ его покориться опредѣленію Промысла Божественнаго, по вниманію къ тѣмъ затруднительнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась Церковь, смущаемая дерзкими нападеніями аріанъ ⁽²⁾.

Святой Василій, принявъ во вниманіе совѣтъ своего друга, и привыкнувъ всякое дѣло, за которое принимался во славу имени Божія и спасеніе душъ ближнихъ, доводить до возможной для силъ человѣческихъ полноты и совершенства, все свое время посвящалъ трудамъ новаго своего служенія, не переставая однако же упражняться въ подвигахъ пустынножителей. Ни частыя посѣщенія отъ другихъ, ни множество дѣлъ, не отвлекали его отъ прежняго поста и постоянной молитвы ⁽³⁾.

Вскорѣ по посвященіи въ санъ пресвитера, Евсевій, Архіепископъ Кесарійскій, назначилъ св. Василию составить и

⁽¹⁾ Филосторгій (Ц. И. 4, 12) и Сократъ (4, 26) говорятъ, что св. Василій проходилъ должность и діакона. Св. Гр. Б. хотя не упоминаетъ о степени діакона, говоритъ однако же, что Божіе человеколюбіе удостоиваетъ его чести по порядку и по закону духовнаго восхожденія (сл. 43, стр. 82). И потому можно предположить, что онъ, хотя предъ самымъ посвященіемъ въ пресвитера, возведенъ былъ и на степень діакона.

⁽²⁾ Гр. Б., письмо 11.

⁽³⁾ Гр. Нис. въ жизни св. Макария.

произнести въ храмѣ бесѣду изъ первыхъ стиховъ Соломоновыхъ притчей. Не смотря на трудность дѣла, св. Василій не отказался отъ послушанія волѣ своего Архипастыря, и исполнилъ дѣло съ совершеннымъ пониманіемъ предмета, и съ великимъ назиданіемъ для слушавшихъ его.

Обратимъ вниманіе хотя на нѣкоторыя мысли этой бесѣды св. Василія, чтобы его первый трудъ въ званіи пресвитера не остался безплоднымъ для нашихъ душъ. Въ началѣ этой бесѣды, обращая слово къ Архипастырю, указываетъ и цѣль, ради которой предложено было ему это дѣло, и трудность выполнения самаго дѣла. «Хороша награда за послушаніе, говоритъ онъ. Поэтому слушаюсь добраго отца, который изъ словесъ Духа предлагаетъ мнѣ нѣчто для упражненія, и, по примѣру опытныхъ ловцевъ, хочетъ у меня, какъ у молодаго пса, испытать скорость бѣга въ мѣстахъ непроходимыхъ. Предложилъ же онъ мнѣ для истолкованія вступленіе въ книгу притчей. Но сколько неудобопостижимъ смыслъ сего чтенія, извѣстно это всякому, даже малосвѣдущему. Впрочемъ не должно отказываться отъ порученія возложившему упованіе на Господа, который, по молитвамъ пастыря, *дастъ ми слово во отверженіе устъ моихъ* (Ефес. 6, 19)» ⁽¹⁾.

Показавъ, въ чемъ состоитъ возвышаемая и восхваляемая Соломономъ премудрость, и раскрывъ великую пользу этой премудрости для возобладавшихъ ею, указываетъ потомъ и средства къ приобрѣтенію ея. «*Начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7). А страхъ—очищеніе души по молитвѣ Пророка, который говоритъ: *привозди страху Твоему плоти моя* (Пс. 118, 120). Гдѣ обитаетъ страхъ, тамъ пребываетъ всякая душевная чистота; потому что оттуда бѣжитъ всякій порокъ и всякій нечестивый поступокъ; и тѣлесныя

⁽¹⁾ В. В. сл. 12, стр. 193.

члены, пригвожденные страхомъ, не могутъ порываться на дѣла неблагоприличныя. Какъ человѣкъ, въ котораго вонзены осязаемые гвозди, будучи удерживаемъ болью, остается бездѣйственнымъ, такъ и пригвожденный страхомъ Божиимъ, ожиданіемъ угрожающихъ наказаній пронзаемый какъ бы нѣкоторою болью, не можетъ и глазъ употреблять на что не должно, и рукъ простирать на дѣла непопозволенные, и вообще, ни въ маломъ ни въ великомъ, поступать вопреки своему долгу. Оскверненныхъ же и подлыхъ душею Соломонъ не допускаетъ къ слышанію Божественныхъ учений, говоря: *а безстрашные во вратахъ водворятся* (Притч. 19, 24). И: *взыщете премудрости у злыхъ, и не обрящете* (14, 6). И еще: *взыщутъ мене зли, и не обрящутъ* (1, 28); потому что не очищены Божиимъ страхомъ. Поэтому, кто намѣренъ приступить къ принятію премудрости, тотъ приходи, очистивъ срамоту грѣха спасительнымъ страхомъ».

Объясняя далѣе слова: *познати наказаніе*, показываетъ какъ пользу наказанія, такъ и то, что познаніе наказанія, т. е. пользы, происходящей отъ наказанія, служитъ признакомъ и вмѣстѣ наградою за мудрость. «Наказаніе есть нѣкоторое полезное для души образованіе, которое не безъ труда очищаетъ ее не рѣдко отъ пятенъ грѣха, и въ настоящее время *не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ наученнымъ тѣмъ воздастъ во спасеніе* (Евр. 12, 11). Поэтому *познати сіе наказаніе* не всякому уму возможно; потому что многіе, отказавшись отъ трудности настоящаго, по невѣжеству не ждутъ полезнаго окончанія дѣла, но, огорчаясь суровостію прилагаемаго о нихъ попеченія, остаются въ недугѣ невѣжества».

Пользу наказанія доказываетъ примѣромъ дѣтей, подвергаемыхъ за лѣность наказанію. «Какъ малыя дѣти, нерадивыя къ ученю, послѣ лозъ, которыми высѣчетъ ихъ учитель или

приставникъ, сдѣлавшись внимательнѣе, начинаютъ понимать уроки, и то же слово, котораго до побоевъ не слыхали, послѣ боли отъ лозъ какъ бы черезъ это отверзлись у дѣтей уши, и слухомъ пріемлется, и удерживается въ памяти; такъ бываетъ и съ тѣми, которые не внимаютъ Божію ученію, и презрительно выслушиваютъ заповѣди. Когда Богъ нашлетъ на нихъ наказаніе, тогда тѣ особенно Божескія повелѣнія, о которыхъ всегда имъ было говорено, и которыя всегда оставляли они безъ вниманія, пріемлются ими, какъ первый разъ коснувшіяся ихъ слуха. Поэтому сказано: *наказаніе Господне отверзаетъ уши мои.*

Указавъ на цѣль и пользу, какихъ достигъ апостолъ Павелъ чрезъ наказаніе безчиннаго (1 Тим. 1, 20), и Богъ чрезъ плѣнъ мятежнаго народа Израильскаго (Іер. 31, 19), св. Василій говоритъ: «наказаніе для разсуждающихъ здраво дороже множества денегъ. Потому Соломонъ говоритъ: *пріимите наказаніе, а не серебро* (Притч. 8, 10), чтобъ во время нужды, когда или тѣло больно, или домашнія дѣла въ разстройствѣ, не возымѣтъ тебѣ лукавой мысли о Богѣ, но со многими терпѣніемъ принимать его удары, вразумляясь, въ чемъ ты согрѣшилъ, и познавъ *наказаніе*, говоритъ, *иже Господень стерплю, яко согрѣшихъ Ему* (Мих. 7, 9). И *благодари мня, яко смирилъ мя еси* (Пс. 118, 71).

Такъ какъ подъ словомъ наказаніе разумѣется иногда обученіе наукамъ, какъ и о Моисеѣ сказано: *и наказанъ бысть всей премудрости египетскѣй* (Дѣян. 7, 21): то св. Василій совѣтуетъ останавливать вниманіе свое только на тѣхъ наукахъ, которыя могутъ принести дѣйствительную пользу душѣ чрезъ приближеніе къ Богу, а не удовлетворять только суетной любознательности. «Иные, упражнясь въ геометріи, которую изобрѣли Египтяне, или въ астрологіи, которая была въ уваженіи у Халдеевъ, или вообще вдаваясь

въ выпрєненїи умствованїа объ образахъ и тѣняхъ, презрѣли изученїе Божїа слова. А многихъ занимали пїитика, реторика и изобрѣтенїе софизмовъ, для которыхъ предметомъ служить ложь; потому что пїитика не можетъ обойтись безъ басни, реторика безъ искусства въ слововыраженїи, а софистика—безъ лжеумствованїй. Итакъ, поелику многіе, при тщательномъ изученїи всего этого, вознерадѣли о познанїи Бога, состарѣвшись въ изслѣдованїи предметовъ пустыхъ; то необходимо познанїе наказанїа, чтобъ избирать обученїе полезное, избѣгать же обученїа неразумнаго и вреднаго».

Разбирая слова притчей: *да дастъ отрочати юну чувство же и смыслъ*, переходитъ и къ различенїю возрастовъ души въ нравственномъ отношенїи. «Изъ многихъ мѣстъ Писанїа, говоритъ св. Василій, знаемъ и состоянїе души дѣтское, и состоянїе цвѣтущее, и состоянїе уже старческое. Напримѣръ, какъ узнаемъ отъ Павла, Коринѳяне были младенцы; почему и имѣли еще нужду въ молокѣ, предуготовительномъ и простомъ ученїи Евангелїа, а не были въ состоянїи преодолевать твердую пищу ученїй. А юноша душею тотъ, кто доведенъ до совершенства во всѣхъ частяхъ добродѣтели, духомъ горящъ, исполненъ ревности въ дѣлахъ благочестїа, имѣетъ силы со всѣмъ напряженїемъ дѣлать добрыя дѣла. Его и Евангелїе называетъ *мощникомъ*, могущимъ *восхитить небесное царство* (Матѣ. 11, 12). Его и Духъ Святый, какъ способнаго, употребляетъ въ пѣснопѣнїяхъ; ибо сказано: *юноши и дѣвы да восхваляютъ имя Господне* (Пс. 148, 12). И у Юлія обѣщано юношамъ, что *видѣнїа увидятъ* (Юліа. 2, 26). Старецъ же душею тотъ, кто совершенъ въ благоразумїи. Такимъ былъ Давїидъ, который въ юношескомъ тѣлѣ показывалъ степенную смышленость, внушавшую уваженїе болѣе всякой сѣдины; почему и гово-

рять ему старцы, исполненные дней лукавыхъ: *гряди, гряди посреди насъ и возвѣсти намъ, яко тебѣ даде Богъ старгѣишество* (Дан. 13, 50)».

Выясняя слова: *разумный же строительство* (управленіе) *стяжетъ*, вопрошаетъ: «что же такое управленіе? Не безъ всякаго ли сомнѣнія, оно есть сознаніе души о непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ и о томъ, какъ надобно преплыть непостоянную жизнь? Ибо во многихъ мѣстахъ Писанія находимъ, что настоящая жизнь называется водами и моремъ; напримѣръ, въ псалмѣ: *ниспосла съ высоты и пріятъ мя: воспріятъ мя отъ водъ мношхъ* (Пс. 17, 17). Ибо само собою видно, что псаломникъ водами называетъ житейскій мятежъ; потому что, какъ счастливое и вождѣваемое многими не имѣетъ твердости и постоянства; такъ несчастное и плачевное не устанавливается въ неподвижности, но все подвержено колебанію, волненію и неожиданнымъ перемѣнамъ. Поэтому, какъ море не можетъ оставаться надолго въ томъ же положеніи; если теперь оно гладко и незыблемо, то въ непродолжительномъ времени увидишь, что изрыто будетъ порывами вѣтровъ, а если теперь свирѣпѣетъ и кипитъ отъ бури, то вскорѣ возстановится въ немъ глубокая тишина: такъ и *житейскія дѣла* удобно принимаютъ тотъ и другой оборотъ. Для этого нуженъ правитель, который бы, и въ благоведріе жизни, когда все у него несется попутнымъ вѣтромъ, ждалъ перемѣны и не успокоивался настоящимъ какъ безмятежнымъ, и въ горестномъ состояніи дѣлъ не терялъ надежды и не утопалъ, поглощенный излишнею скорбію; потому что ни тѣлесное здравіе, ни цвѣтущая юность, ни домашнее обиліе, ни всякое другое благоденствіе жизни, не бываютъ продолжительны; а напротивъ того, и среди этого благоведрія жизни ожидай иногда непогоды. Прійдетъ болѣзнь, прійдетъ нищета; вѣтеръ не всегда дуетъ

въ корму; но и такого человѣка, который во всѣхъ отношеніяхъ обращаетъ на себя взоры и достоинъ соревнованія, постигаетъ иногда неожиданное безславіе: также и всякое благоденствіе жизни возмущаютъ непредвидимыя обстоятельства, подобно какимъ-то бурямъ. Самая непрерывность золь для тебя тоже, что волны, которыя одна за другой возвышаются, бороздятъ твою жизнь и воздвигаютъ страшное волненіе. Со временемъ увидишь, что и это минуется, жизнь переѣнится въ радость и истинно пріятную тишину. Посему, тотъ разумный правитель, кто, вникая въ дѣйствительную природу, управляетъ приключеніями жизни, остается всегда самъ себѣ равенъ, не превозносится въ благодушіи, не упадаетъ духомъ въ несчастіяхъ».

«Еще и въ другихъ случаяхъ полезно для насъ благо управленія. Ибо знаю другія волны и страшное обуреваніе, возстающее въ душѣ—обуреваніе плотскихъ страстей. Раздраженіе и страхъ, удовольствія и скорби, наносимыя намъ плотскимъ мудрованіемъ, какъ будто сильною какою-то бурей, нерѣдко потопляютъ неуправляемую душу. Посему должно, чтобы умъ, какъ кормчій, возсѣдая выше страстей, правя плотію, какъ кораблемъ, искусно направляя помыслы, какъ кормило, мужественно попираетъ волны, высоко держась надъ ними, не доступенъ будучи страстямъ, нисколько не принималъ въ себя ихъ горечи, подобной соленымъ морскимъ водамъ, но всегда говорилъ въ молитвѣ: *да избавлюся отъ ненавидящихъ мя и отъ глубокихъ водъ. Да не потопитъ мене буря водная, ниже да пожретъ мене глубина* (Пс. 68, 15—16)».

«Хочешь ли, опишу тебѣ и другое плаваніе, для котораго необходимъ намъ даръ управленія. *Подобно есть царствіе небесное чловѣку купцу* (Матѣ. 13, 45). Поэтому всѣ мы—купцы, всѣ, которые идемъ евангельскимъ путемъ, и чрезъ

исполненіе заповѣдей пріобрѣтаемъ себѣ обладаніе небеснымъ. Намъ должно собрать великое и разнообразное небесное богатство, чтобы при объявленіи прибыли на полученные таланты, не остаться постыжденными, и не услышать: *лукавый рабе и лѣнливый* (Матѳ. 25, 26), но, нагружившись товарами, отважиться безопасно переплыть жизнь сію. Многіе собравъ въ молодости многое, когда достигли они середины жизни, и духами злобы воздвигнуты были на нихъ искушенія, не перенесли тяготы сей непогоды, потому что не было у нихъ управленія, и они подверглись ущербу во всемъ ими собранномъ. Отъ этого одни потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ (1 Тим. 1, 19); другіе погубили цѣломудріе, пріобрѣтенное ими въ юности, какъ скоро, подобно какой-то неожиданной бурѣ, подуло на нихъ лукавое сластолюбіе. Подлинно, самое жалкое зрѣлище послѣ поста, послѣ суровой жизни, послѣ продолжительныхъ молитвъ, послѣ обильныхъ слезъ, послѣ двадцатилѣтняго, или даже тридцатилѣтняго воздержанія, по невнимательности и по нерадѣвію души оказаться вдругъ лишеннымъ всего. Жалкое зрѣлище—тому, кто обогатился исполненіемъ заповѣдей, уподобиться какому-то богатому купцу, который, восхитаясь множествомъ товаровъ, когда корабль его, носимый попутнымъ вѣтромъ, переплылъ уже страшное море, вдругъ остается безъ всего; потому что корабль разбивается у самой пристани,—уподобиться, если и онъ пріобрѣтенное многими трудами и потомъ губить при одномъ прираженіи бѣса, потопленный грѣхомъ, какъ нѣкою бурей. Такому человѣку, у котораго вся добродѣтель подвергается вдругъ кораблекрушенію, прилично сказать: *придохъ во глубины морскія, и буря потопи мя* (Пс. 68, 8)».

Поэтому надежно держись за кормило жизни. Управляй своимъ глазомъ, чтобъ когда нибудь чрезъ зрѣніе не втор-

глись въ тебя стремительныя волны вожделѣнія; управляй слухомъ и языкомъ, чтобъ однимъ не принять въ себя чего вреднаго, а другимъ не выговорить чего запрещеннаго. Смотри, чтобъ не опрокинула тебя буря раздражительности, чтобъ не обрушились на тебя ужасы страховъ, чтобъ не потопила тебя тягота скорби. Страсти суть волны; держась выше ихъ, будешь надежнымъ кормчимъ жизни. А если не уклоняешься каждой изъ нихъ благоразумно и постоянно: то, подобно кораблю безъ груза, увлекаясь всѣмъ, что ни приключится, погрязнешь въ морѣ грѣха. Поэтому выслушай, какъ можетъ прійти къ тебѣ знаніе управленія. У мореходцевъ въ обычаѣ смотрѣть на небо, и тамъ находить путеуказаніе кораблю, днемъ въ солнцѣ, а ночью въ медвѣдицѣ, или въ другой какой изъ постоянно видимыхъ звѣздъ, и по онымъ всегда угадывать прямизну пути. Посему и ты имѣй око, обращенное къ небу, по слову сказавшаго: *къ Тебѣ воздвюхъ очи мои, живущему на небеси* (Пс. 122, 1). Взирай на солнце правды, и какъ звѣздами, руководясь Господними заповѣдями, имѣй неусыпное око, *не давай сна очима и въждома дреманія* (Пс. 131, 4), чтобъ въ заповѣдяхъ имѣть тебѣ достаточное путеуказаніе. Ибо сказано: *свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. 118, 105). Если никогда не задремлешь у кормила, пока находишься въ сей жизни, въ этомъ непостоянствѣ мірскихъ дѣлъ: то получишь и содѣйствіе Духа, который поведетъ тебя впередъ, и безопасно понесетъ кроткими и мирными вѣяніями, пока не спасешься въ оную неволнуемую и тихую пристань Божіей воли» (¹).

Св. Василиій неохотно согласился принять на себя савъ

(¹) Тамъ же, стр. 219—223.

пресвитера, но, принявъ его, совершенно предался своимъ новымъ обязанностямъ, такъ что иногда отказывался отъ переписки съ друзьями ⁽¹⁾ за недостаткомъ свободного времени. Неутомимо занимаясь проповѣданіемъ слова Божія ввѣренной его попеченію паствѣ, и исполненіемъ особо возлагаемыхъ на него порученій отъ Евсевія, архіепископа Кесарійскаго, онъ въ тоже время не переставалъ назидать своими наставленіями и братію устроеннаго имъ монастыря въ Понтѣ. Сначала Евсевій не могъ не чувствовать блага, которое приносилъ ему св. Василій своими совѣтами и дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ управленіи церковными дѣлами; и пока онъ обращалъ вниманіе только на его благочестивую жизнь, на его мудрое слово и помощь, оказываемую ему имъ во всѣхъ дѣлахъ: питалъ къ нему заслуженное имъ довѣріе и расположеніе. Когда же свѣтъ благочестивой жизни и мудраго облагодатствованнаго слова Василія привлекъ къ нему взоры и сердца бѣльшей части паствы и иноковъ: то, по внушенію врага нашего спасенія, коснулась его сердца зависть, которая скоро высказалась въ охлажденіи и недовѣріи къ Василю. Такое отношеніе Евсевія къ Василю скоро сдѣлалось извѣстнымъ чтившимъ его, разныхъ сословій, особамъ. Въ слѣдствіе сего, говоритъ св. Григорій Богословъ, возстаютъ противъ Евсевія, Архіепископа Кесарійскаго, «избраннѣйшіе и болѣе мудрые въ Церкви, если только премудрѣ многихъ тѣ, которые отлучили себя отъ міра и посвятили жизнь Богу,—я разумѣю нашихъ назореевъ, особенно ревнующихъ о подобныхъ дѣлахъ. Для нихъ было тягостно, что презирается ихъ могущество, оскорбленное и отринутое, и они отваживаются на самое опасное дѣло, замышляютъ отступить и оттор-

(1) В. В. письмо 20.

гнувшись отъ великаго и безмятежнаго тѣла Церкви, отсѣкши и немалую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія. И сіе было весьма удобно сдѣлать по тремъ важнымъ причинамъ. Василій былъ мужъ уважаемый, и едва кто изъ нашихъ Любомудрцевъ пользовался такимъ уваженіемъ; если бы захотѣлъ, онъ имѣлъ столько силъ, что могъ бы придать смѣлости своимъ защитникамъ. А оскорбившій его находился въ подозрѣніи у народа за смятеніе, произведенное при возведеніи его на престолъ, такъ какъ и санъ предстоятеля полученъ имъ былъ не столько законно и согласно съ правилами, сколько насильственно. Явились также нѣкоторые изъ западныхъ архіереевъ, и они привлекали къ себѣ всѣхъ православныхъ въ Церкви. Что же предпріимлетъ сей доблестный ученикъ Миротворца? Не ему было противоборствовать и оскорбителямъ и ревнителямъ, не его было дѣло заводить прю и расторгать тѣло Церкви, которая была уже борима и находилась въ опасномъ положеніи отъ тогдашняго преобладанія еретиковъ. Употребивъ въ совѣщаніе объ этомъ меня, искренняго совѣтника, со мною же вмѣстѣ предается онъ бѣгству, удаляясь отсюда въ Понтъ, и настоятельствуетъ въ тамошнихъ обителяхъ, утверждаетъ же въ нихъ нѣчто достойное памятованія и лобызаетъ пустыню вмѣстѣ съ Ильею и Іоанномъ, великими хранителями Любомудрія, находя сіе болѣе для себя полезнымъ, нежели въ настоящемъ дѣлѣ замыслить что либо недостойное Любомудрія, и, во время тишины, научившись управлять помыслами, нарушить сіе среди бури» ⁽¹⁾. И дѣйствительно, въ такихъ обстоятельствахъ, которые угрожали расторженіемъ Кесарійской церкви, что могло доставить только торжество врагамъ Церкви, Василій ничего

(¹) Гр. Б. сл. 43, стр. 84—86.

лучшаго не могъ предпринять, и Григорій ничего лучшаго не могъ присовѣтовать своему другу, какъ спастись бѣгствомъ отъ враговъ и друзей. Но такъ какъ, съ одной стороны, несправедливость къ нему правителя церкви, съ другой бѣдствіе, угрожавшее Церкви со стороны враговъ православія, не могли не дѣйствовать скорбно на душу Василія; поэтому неизмѣнный другъ его, Григорій, чтобы утѣшить его своимъ присутствіемъ и бесѣдою, послѣдовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ пустыню.

ГЛАВА IV.

Св. Василій, вступивъ въ свою Понтійскую обитель, скоро почувствовалъ, что любящимъ Бога все споспѣшествуетъ во благое. Тишина уединенія монастырской жизни скоро показала ему, на сколько пустынная жизнь превосходитъ городскую въ удобствахъ для жизни подвижнической, и на сколько способіе водворить миръ душевный даже при обуреваніи самыми непріятными обстоятельствами жизни. Время впрочемъ скоро показало, что и самая скорбь послана св. Василю для того только, чтобы явить Евсеію и всей его Кесарійской паствѣ, на сколько его мудрое и благодатствованное слово полезіе для Церкви и могущество самой власти епископской.

Валентъ, крещенный Евдоксіемъ, предстоятелемъ аріанской церкви въ Константинополѣ ⁽¹⁾, вступилъ въ управле-

(1) Сократъ. Ц. И. 4, 1.

ніе Восточною Имперією, рѣшился доставить аріанамъ полное торжество надъ православіемъ, и въ слѣдствіе этого многихъ уже епископовъ православныхъ изгналъ и сослалъ въ заточеніе, а церкви ихъ предоставилъ въ управленіе аріанскимъ епископамъ. Такъ какъ доселѣ почти одна только Кесарійская церковь оставалась правовѣрною и не подчинялась насилію аріанъ, поэтому Валентъ (въ Іюлѣ 365 г.), взявъ съ собою аріанскихъ епископовъ, самъ предпринялъ походъ въ Кесарію, съ цѣлію непременно подчинить независимую доселѣ Кесарійскую церковь власти аріанъ. Полагаясь на неопытность Кесарійскаго Архіепископа, на отсутствіе св. Василія, могущественнаго противника аріанъ, и на то, что Кесарійская церковь, вслѣдствіе разногласія между Евсевіемъ и св. Василіемъ, раздѣлилась между тѣмъ и другимъ, Валентъ рѣшительно полагалъ, что личнымъ своимъ присутствіемъ непременно одержитъ побѣду и достигнетъ давно желанной цѣли ⁽¹⁾.

Слухъ о такомъ предпріятіи Императора сильно смутилъ всю Кесарійскую церковь, и самого Евсевія заставилъ вспомнить и поскорбѣть объ удаленіи св. Василія. Св. Григорій Богословъ, ревнуя о благѣ Кесарійской церкви, у которой отнять былъ въ лицѣ св. Василія дѣятельный и сильный защитникъ Церкви и великій свѣтильникъ, разливавшій свой свѣтъ повсюду, куда только начиналъ проникать мракъ ученія аріанскаго, не могъ также оставаться равнодушнымъ зрителемъ несправедливости Евсевія, непонимаваго, какой опасности онъ подвергалъ себя и паству свою чрезъ удаленіе отъ себя Великаго Василія. И потому, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ написалъ Евсевію письмо, въ которомъ, съ полною свободою христіанина, имѣющаго въ виду только

(1) Гр. Б. сл. 43, стр. 87.

славу Божию и пользу ближняго, напоминая объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ имъ его другу, Василию, убѣждалъ его возвратиться къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ питалъ къ нему при первомъ его вступленіи въ должность пресвитера. Евсевій, не умѣвши воспользоваться совѣтами и усердіемъ къ дѣлу св. Василія, вскорѣ послѣ его удаленія пригласилъ на духовныя совѣщанія Григорія. Св. Григорій, во имя его собственной правдивости, прося у него позволенія высказать ему все, что было у него на сердцѣ, писалъ ему: «снизойди къ моему дерзновенію; иначе обидишь, лишая меня свободы и принуждая скрывать въ себѣ болѣзненную скорбь, подобно какому-то гнойному и злокачественному вереду. Какъ радуюсь, что дѣлаешь мнѣ честь и приглашаешь меня на духовныя совѣщанія и собранія; такъ тяжело для меня оскорбленіе, какое терпѣлъ и доселѣ терпѣть отъ твоего благоговѣнія досточестнѣйшій братъ Василій, съ самаго начала мною избранный, и доселѣ остающійся для меня товарищемъ жизни, ученія и самаго высокаго любомудрія, и я за такое избраніе ни мало не охуждаю себя,—потому что скромнѣе будетъ сказать такъ, иначе подумаешь, что похваляя его совершенства, хвалю самъ себя. Но ты, унижая его и оказывая честь мнѣ, по моему мнѣнію, поступаешь почти такъ же, какъ если бы кто одного и тогоже человѣка сталъ одною рукою гладить по головѣ, а другою бить по щекѣ, или, подломавъ основаніе дома, началъ расписывать его стѣны и украшать наружность. Поэтому, если убѣдишься скольконибудь моимъ словомъ, то сдѣлаешь по моему. А я прошу убѣдиться; потому что это и справедливо. Если обойдешься съ нимъ, какъ должно—и онъ будетъ служить тебѣ. А мое дѣло слѣдовать за нимъ, какъ тѣни за тѣломъ» ⁽¹⁾. Но эта

⁽¹⁾ Гр. В. письмо 12.

свобода въ выраженіи своихъ чувствъ не понравилась Евсевію, и онъ написалъ Григорію, укоряя его за непочтительность къ его сану. Св. Григорій, отвѣчая съ прежнею твердостью, объяснилъ ему, что онъ искренно выражалъ свои чувства и мысли не по недостатку уваженія къ его сану, а потому, что почиталъ для него, какъ великодушнаго человека, болѣе свойственнымъ принимать свободныя рѣчи отъ друзей, нежели ласкательства отъ враговъ ⁽¹⁾. Имѣя въ виду опасность, угрожавшую Кесарійской церкви со стороны Валента и аріанскихъ епископовъ, сопровождавшихъ его, св. Григорій, чтобы скорѣе склонить Евсевія къ миру съ св. Василиемъ, безъ помощи котораго онъ не имѣлъ бы силы противиться аріанамъ, написалъ ему третье письмо, въ которомъ, извиняя свою свободу и смѣлость въ прежнихъ письмахъ чрезмѣрною скорбію за своего друга, выражалъ готовность вмѣстѣ съ св. Василиемъ придти къ нему, чтобы совокупными силами дѣйствовать противъ враговъ Церкви. «Если угодно тебѣ, писалъ онъ ему, прійдемъ соединить съ тобою свои молитвы, вмѣстѣ подвизаться и служить тебѣ» ⁽²⁾. И Григорій, дѣйствительно, вскорѣ прибылъ къ Евсевію и съ радостію увидѣлъ, что время и обстоятельства на столько смягчили его нерасположеніе къ Василию, что онъ готовъ былъ первый написать ему. Узнавъ о такомъ мирномъ настроеніи духа Архіепископа, св. Григорій поспѣшилъ написать св. Василию, убѣждая его предварить своимъ письмомъ и потомъ поспѣшно самому придти въ Кесарію, «чтобы въ послѣдствіи не остаться въ стыдѣ, какъ побѣжденнымъ, когда можно было самимъ побѣдить, прекрасно и любознательно уступивъ надъ собою побѣду». И чтобы скорѣе добу-

⁽¹⁾ Его же письмо 13.

⁽²⁾ Его же письмо 14.

дять его придти въ Кесарію, писалъ ему, что скопище еретиковъ уже нападаетъ на Церковь, и есть опасность, что ученіе истины можетъ быть извращено, если не подвигнется вскорѣ духъ Веселенна, мудраго архитектора православныхъ догматовъ и ученія. Въ заключеніе письма говорилъ: «если найдешь нужнымъ, чтобы пришелъ и я быть твоимъ споспѣшникомъ и сопутникомъ, то не уклоняюсь и отъ этого» ⁽¹⁾.

Вскорѣ за сими письмомъ св. Григорій и самъ отправился въ Понтъ къ своему другу, не по чувству только любви къ нему, но и въ качествѣ посла отъ Евсевія и всего клира церкви Кесарійской, чтобы побудить его скорѣе придти въ Кесарію, такъ какъ аріане, поддерживаемые Валентомъ, опустошили много уже провинціальныхъ церквей, и готовы были напасть на самую Кесарію, митрополию Кесарійской области. Что же Василиій, эта мужественная, исполненная высокихъ помысловъ и подлинно христолубивая душа? Немного нужно было убѣжденій Василию, говорить св. Григорій, чтобы онъ явился и сталъ поборникомъ. Напротивъ того, едва увидѣлъ умоляющимъ меня (обоимъ намъ предстоялъ общій подвигъ, какъ защитникамъ праваго ученія), какъ былъ побѣжденъ моленіемъ. Прекрасно и весьма любомудренно разсуждалъ онъ самъ въ себѣ по духовному разумѣнію, что, если уже и впасть когда въ малодушіе, то для сего есть другое время, именно время безопасности, а при нуждѣ — время великодушію. Посему тотчасъ отправился со мною изъ Понта, ревнуетъ объ истинѣ, которая была въ опасности, дѣлается произвольнымъ поборникомъ и самъ себя предаетъ на служеніе Матери-Церкви» ⁽²⁾. И лишь только св. Василиій прибылъ въ Ке-

⁽¹⁾ Его же письмо 15.

⁽²⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 88.

сарію, прежде всего поспѣшилъ искренно и совершенно примириться съ Евсевіемъ. Принявъ же въ свои руки власть къ распоряженію дѣлами атаки противъ враговъ Церкви, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу: «подаеть совѣты (Епископу), приводитъ, говоритъ св. Григорій, въ порядокъ воинство (духовное), уничтожаетъ встрѣчающіеся препятствія, преткновенія и все то, на что положившіеся противники воздвигли на насъ брань. Одно приѣмлетъ, другое удерживаетъ, а иное отвергаетъ. Для однихъ онъ твердая стѣна и оплотъ, для другихъ *млатъ, соотрыющій камень* (Іерем. 23, 29) *и оми въ терни* (Пс. 117, 12), какъ говоритъ божественное Писаніе, удобно истребляющій подобныхъ сухимъ вѣтвямъ и оскорбителей Божества. А-если съ Павломъ подвизался и Варнава, который о семъ говоритъ и пишетъ; то и за сіе благодареніе Павлу (т. е. св. Василию), который его избралъ и содѣлалъ сотрудникомъ въ подвигѣ! Такимъ образомъ противники остались безъ успѣха, и злые въ первый разъ тогда зломъ посрамлены и побѣждены: они узнали, что презирающимъ другихъ не безобидно презирать и каппадокіянъ, которымъ всего свойственнѣе не поколебимость въ вѣрѣ, вѣрность и преданность Троицѣ» ⁽¹⁾. Такъ замыслы Валента были уничтожены ⁽²⁾. Полученное же тогда извѣстіе о бунтѣ Прокопія и разрушеніи многихъ городовъ землетрясеніемъ и разливомъ моря ⁽³⁾, этихъ вѣстникахъ гнѣва Божія на нечестіе Императора, заставило его обратить вниманіе на другія дѣла, не пробудивъ однако же въ его совѣсти чувства сокрушенія о своемъ злочестіи.

Оградивъ Церковь отъ нападеній еретиковъ, св. Василій старался укрѣпить и ея внутреннія силы, чтобы сдѣлать ее

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 88—89.

⁽²⁾ Созоменъ. Ц. И. 6, 15.

⁽³⁾ Сократъ Ц. И. 4, 3.

недоступною нападеніямъ и въ другой разъ. Первою его заботою было не только утвердить искренній миръ между имъ и Архипастыремъ, но и другихъ увѣрить въ этомъ, чтобы ни враги, ни друзья не имѣли повода къ предосудительнымъ толкамъ о возникшемъ между ними недоразумѣніи. Вторымъ дѣломъ (послѣ изгнанія еретиковъ) и попеченіемъ для Василія,—говорить св. Григорій Богословъ,—было оказывать услуги предстоятелю, уничтожить подозрѣніе, увѣрить всѣхъ людей, что огорченіе произошло по искушенію лукаваго, что это было нападеніе завидующаго единоводшію въ добрѣ, а самъ онъ зналъ законы благопорядка и духовнаго порядка. Посему приходилъ, умудрялъ, повиновался, давалъ совѣты, былъ у предстоятеля всѣмъ—добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ Божія слова, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорой вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ вѣншихъ. Однимъ словомъ, онъ признанъ столько же благорасположеннымъ, сколько прежде почитаемъ былъ недоброжелательнымъ. Съ сего времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя по каедрѣ занималъ онъ второе мѣсто, ибо за оказываемую имъ благорасположенность получилъ въ замѣнъ власть. И было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти: одинъ управлялъ народомъ, а другой—управляющимъ..... и сотрудничество Василіево было ему пріятно, и въ Василіево правленіе почиталъ онъ правителемъ себя» (¹).

Кромѣ занятія дѣлами, касавшимися общаго управленія Кесарійскою церковію, св. Василій обращалъ особенное вниманіе на проповѣданіе слова Божія, чтобы отнять у всѣхъ

(¹) Гр. В. Сл. 43, стр. 89—90.

предлогъ къ неисполненію закона Божественнаго по невѣдѣнію онаго. Всѣ слова и бесѣды св. Василія заслуживаютъ полнаго вниманія каждаго христіанина, какъ по внутреннему своему содержанію, такъ и по внѣшней формѣ и изложенію. Какъ всѣ дѣйствія св. Василія отличались необыкновеннымъ величіемъ и важностію: такъ и всѣ сочиненія его запечатлѣны тѣмъ же характеромъ высоты и величія христіанскаго; это ихъ общее и отличительное свойство, которое принадлежитъ имъ болѣе, нежели сочиненіямъ какого либо другаго писателя церковнаго. Во всѣхъ словахъ св. Василій превосходенъ: онъ владѣетъ языкомъ чистымъ, изящнымъ, величественнымъ; въ порядкѣ и силѣ мыслей онъ не подражаемъ, убѣдительность соединяетъ съ пріятностію и ясностію. Въ своихъ поученіяхъ св. Василій занимался не столько умозрительными предметами христіанскаго ученія, сколько дѣятельными. Живо и убѣдительно для ума и сердца онъ раскрывалъ красоту добродѣтелей христіанскихъ и обличалъ гнусность пороковъ. Какъ проведеній всю жизнь въ подвигѣ и постоянномъ стремленіи къ высшему христіанскому совершенству, онъ съ увлекательною силою отторгалъ своихъ слушателей отъ порока, и указывалъ вѣрный путь къ добродѣтели. Но бесѣды его: *противъ ростовщиковъ, противъ пьянства и роскоши*,—по силѣ и одушевленію считаются лучшими между всѣми бесѣдами св. Василія. Самыя толкованія его на Псалмы и шестнадцать главъ пророка Исаіи направлены къ духовному назиданію его слушателей. Самый наружный видъ проповѣдника располагалъ къ вниманію его слову и внушалъ довѣріе къ его поученіямъ. Св. Василій, истощенный постояннымъ постомъ, усиленною дѣятельностію и болѣзнями, вступая на кафедру, являлся взору слушателей блѣднымъ, худымъ, истощеннымъ, и болѣе походилъ на призракъ, чѣмъ на живаго человѣка. Но

въ столь немощномъ тѣлѣ обиталъ духъ, не знавшій утомленія. Св. Василій, не смотря на крайнюю немощъ своихъ тѣлесныхъ силъ, не только каждодневно, но и по два раза въ день, утромъ и вечеромъ, говорилъ поученія ⁽¹⁾. Иногда послѣ проповѣди въ одной церкви, онъ приходилъ проповѣдывать въ другой ⁽²⁾. Для поученій столь частыхъ и нерѣдко очень обширныхъ, всегда исполненныхъ глубокой силы и назиданія, очевидно, недостаточно было одного естественнаго дара слова, образованнаго риторскимъ искусствомъ, но нужна была помощь Того, Кто даетъ Своимъ посланникамъ силу и премудрость. «Василіемъ, говоритъ св. Григорій, испытаны всѣ глубины Духа, и изъ сихъ-то глубинъ почерпалъ онъ нужное, чтобы образовать нравы, научать высокой рѣчи, отвлекать отъ настоящаго и преселять въ будущее» ⁽³⁾.

Чтобы не остаться безучастными въ тѣхъ благахъ духовныхъ, которыми пользовались современники св. Василия, воспользуемся хотя нѣкоторыми мыслями изъ его бесѣдъ.

Бесѣды на шестодневъ, говоренныя въ церкви при многочисленномъ собраніи народа.

1-я Бесѣда. Въ началѣ первой бесѣды св. Василій показываетъ, что для того, чтобы душа содѣлалась способною узрѣть Бога въ Его твореніи, для этого она должна быть чистою отъ плотскихъ страстей, неомраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, изъ чего только можно занять понятіе о Богѣ, достойное Бога. «Не изъ отсутствія ли этихъ качествъ происходитъ невѣріе современныхъ изслѣдователей природы въ Бога, му-

⁽¹⁾ На шестодневъ бесѣда 2 и 8.

⁽²⁾ Бесѣда на 114 Псаломъ.

⁽³⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 124.

дрость и благость Котораго усматриваютъ во всемъ, какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ, другіе изслѣдователи природы, но обладающіе болѣе чистымъ сердцемъ и болѣе свободные отъ житейскихъ заботъ и земныхъ привязанностей? Для того, чтобы видѣть предметъ въ надлежащемъ видѣ и свѣтѣ, нужно установить вѣрную точку зрѣнія на предметъ и имѣть здоровое око. Не отъ невѣрной ли точки воззрѣнія на міръ Божій и омраченности ока ума страстями происходитъ неумѣнье объяснить многое понятное вѣрующему, спутанность въ понятіяхъ, нестроение въ государственной жизни, разладъ въ семейномъ быту, необузданное стремленіе къ личной свободѣ, безъ уваженія свободы другаго человѣка?—Но говорятъ: наука идетъ впередъ и очищаетъ взоръ человѣка на міръ и неутомимую работу могучихъ силъ природы. Посмотримъ, далеко ли наука ушла впередъ, и особенно ученые изслѣдователи природы въ своихъ выводахъ относительно началъ всѣхъ видимыхъ явленій природы! «Еллинскіе мудрецы много разсуждали о природѣ, говоритъ св. Василій, и какъ незнавшіе Бога, не допускали, что происхожденіе всѣхъ вещей зависитъ отъ разумной причины; а сообразно съ симъ кореннымъ своимъ невѣдѣніемъ заключали и о прочемъ. Потому, одни прибѣгали къ вещественнымъ началамъ, и причину всѣхъ вещей приписывали стихіямъ міра; другіе же представляли себѣ, что природу видимыхъ вещей составляютъ атомы и недѣлимые тѣла, тяжесть и скважность; потому что рожденіе и разрушеніе происходятъ, когда недѣлимые тѣла, то взаимно сходятся, то разлучаются; а въ тѣлахъ, существующихъ долѣе другихъ, причина продолжительнаго пребыванія заключается въ крѣпчайшемъ сѣпленіи атомовъ». Не то же ли самое проповѣдуютъ и новѣйшіе изслѣдователи природы, что говорили двѣ тысячи лѣтъ назадъ? Они хвастаютъ своими мнѣніями, какъ послѣдними выводами, добытыми современной наукой; а въ дѣйстви-

тельности, разность между современными и давно отжившими взглядами на міръ состоитъ не въ понятіяхъ, а только въ словахъ. Но посмотримъ, какъ опровергаетъ эти ложныя мнѣнія св. Василій. Онъ говоритъ: «ни одно ихъ ученіе не осталось твердымъ и непоколебимымъ, потому что послѣдующимъ ученіемъ всегда ниспровергались предшествовавшія. Посему намъ вѣтъ и нужды обличать ихъ ученія; ихъ самихъ достаточно другъ для друга къ собственному низложенію». Вотъ, пятнадцать вѣковъ назадъ, какой судъ произнесенъ надъ мнѣніями ученыхъ, но невѣрующихъ, натуралистовъ, мужемъ равно глубоко изучившимъ, какъ слово Божіе, такъ и современныя науки! Мы не будемъ говорить о тѣхъ, которые берутъ на себя жалкую роль быть провозвѣстниками старыхъ, только въ новой одеждѣ, и давно отринутыхъ мнѣній о началахъ мірозданія. Ихъ ученая гордость не допустить ихъ сознаться въ своемъ заблужденіи; они скорѣе согласятся признать въ своей головѣ совершенное отсутствіе мозга, нежели преклониться предъ очевидною истиною. Примѣръ такой гордости и упорнаго невѣрія представляетъ Вольтеръ, который, положивъ себѣ однажды—отрицать возможность чудесъ, говорилъ: если бы чудо совершенно было на моихъ глазахъ, при двухъ тысячахъ очевидныхъ свидѣтелей, одаренныхъ здравымъ смысломъ и неповрежденнымъ зрѣніемъ, то и тогда я согласился бы скорѣе признать себя и всѣхъ очевидныхъ свидѣтелей слѣпыми, нежели допустить возможность чуда. Такихъ субъектовъ лучше предоставить ихъ собственной судьбѣ, нежели попусту тратить слова.

Но мы обращаемъ слово къ вамъ, немощные хрістіане, которые, не имѣя ни силъ, ни возможности прослѣдить во всей полнотѣ всѣ науки по части естествовѣдѣнія, по небрежности о вѣчномъ спасеніи своей души, или по увлеченію новизною идей, отринули вѣру въ несомнѣнную истину

Божественнаго Писанія, и съ непоколебимымъ довѣріемъ принимаете выводы ученыхъ натуралистовъ, не обращая вниманія ни на шаткость основанія ихъ выводовъ, ни на тѣ гибельныя послѣдствія, къ которымъ неизбѣжно должны будете придти вы, если сообразно съ ихъ міровоззрѣніемъ расположите всю свою земную жизнь. Вамъ случилось, вѣроятно, видѣть, какъ, въ слѣдствіе проливныхъ дождей, бурный потокъ несется съ горъ, и съ какою стремительностію сокрушаетъ и уноситъ все, что только попадаетъ ему на пути. И горе тому путнику, который, вмѣсто того, чтобы наблюдать за его клубящеюся пѣною со стороны, станетъ на его пути. Онъ сдѣлается неизбѣжною жертвою его бурныхъ водъ, и только по прошествіи многого времени, его измятый и обезображенный трупъ засвидѣтельствуетъ оставшимся въ живыхъ о его неблагоразуміи или неосторожности. Новыя ученія разныхъ мыслителей, слишкомъ довѣряющихъ авторитету своего ума, какъ бурный потокъ, быстро увлекаютъ современниковъ своею новизною. Но пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ—и этотъ потокъ иссохнетъ, о его существованіи напомнитъ только послѣдующему поколѣнію жалкое состояніе тѣхъ личностей, которыя, оставивъ незыблемый камень вѣры, увлеклись новизною ученія. Для кого дорога вѣчная жизнь духа,—не сходи съ твердаго камня вѣры Христовой, помня, что людскія мнѣнія смѣняются однѣ другими, оставивъ свидѣтельство о заблужденіи ума человѣческаго, а слово Божіе, какъ не сокрушимая истина, ведущая въ жизнь вѣчно-блаженную на небѣ, останется непреложнымъ во всѣ вѣка. Но возвратимся къ св. Василию.

Онъ, признавъ мнѣніе еллинскихъ мудрецовъ, какъ другъ друга уничтожающихъ, недостойными и отвѣта, говоритъ далѣе: «подлинно, ткуть паутинную ткань тѣ, которые пишутъ это, и предполагаютъ столько мелкія и слабыя начала неба, земли и моря. Они не умѣли сказать: *въ началѣ сово-*

ри Богъ небо и землю. Потому вселившееся въ нихъ безбожіе внушило имъ ложную мысль, будто бы все пребываетъ безъ управленія и устройства, и приводится въ движеніе какъ бы случаемо. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающій мірозданіе прямо, въ первыхъ словахъ, просвѣтилъ наше разумѣніе именемъ Божіимъ, сказавъ: «*въ началѣ сотвори Богъ*».

Сими тремя словами открыты три великія истины, которыхъ слѣпотствующій разумъ человѣка не могъ открыть истины, уничтожающія всѣ гипотезы мнящихся быть мудрыми ученыхъ мужей, но въ дѣйствительности обюродѣвшихъ, такъ какъ ихъ гипотезы, ничего не уясняя, только удаляли отъ истины. Словомъ *Богъ*, бытописатель показалъ, что міръ имѣетъ причину своего бытія не самъ въ себѣ, но въ Богѣ, какъ единственномъ виновникѣ его бытія. Словомъ *сотвори* показываетъ, что міръ не образованъ только, какъ думали нѣкоторые, изъ совѣчной Богу матеріи, но *сотворенъ*, какъ не существовавшій прежде этого акта творческой мысли Божіей. Словомъ *въ началѣ* показываетъ, что міръ получилъ начало своего бытія въ опредѣленный Богомъ моментъ, слѣдовательно было время, когда его не было, не только въ той формѣ, въ какой онъ представляется нашему взору теперь, но и въ первоначальныхъ своихъ элементахъ, еще не имѣвшихъ опредѣленной формы. Изъ этихъ трехъ великихъ истинъ св. Василиій выводитъ четвертую—евангельскую истину о кончинѣ міра. «Начавшееся, говоритъ онъ, со временемъ по всей необходимости и окончится во времени..... Гдѣ подлежатъ поврежденіямъ и переименованіямъ части, тамъ и цѣлое необходимо потерпитъ нѣкогда одинакія видоизмѣненія съ собственными своими частями». О геометрахъ, математикахъ и астрономахъ, старающихся проникнуть въ недосызаемыя глубины земли и измѣрить воз-

ромъ неизмѣримую высоту міроваго пространства, но нигдѣ не видящихъ Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, говоритъ, что они *осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце, и глаголющіеся быти мудри, обожородиша* (Рим. 1, 21—22)..... и безъ сомнѣнія, излишество мірской мудрости принесетъ для нихъ нѣкогда приращеніе тяжкаго осужденія за то, что, съ такою осмотрительностію вникая въ пустые предметы, произвольно слѣпотствовали въ уразумѣніи истины. Они, вымѣрившіе разстояніе звѣздъ, описавшіе звѣзды всегда видимыя и сѣверныя, а также звѣзды, находящіяся около южнаго полюса, и живущимъ тамъ видимыя, а намъ (т. е. жителямъ сѣвернаго полушарія) неизвѣстныя, раздѣлившіе на тысячу частей и сѣверную широту и зодіакальный кругъ, съ точностію наблюдавшіе возвращеніе звѣздъ, ихъ стоянія, склоненія и общее движеніе къ прежнимъ мѣстамъ, а также время, въ какое каждая изъ планетъ совершаетъ свой періодъ, — они не нашли одного изъ всѣхъ способа, какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной и праведнаго Судію, воздающаго каждому достойно по дѣламъ, и какъ вмѣстить въ умъ вытекающую изъ понятія о судѣ мысль о скончаніи; потому что міру необходимо измѣниться, если и состояніе душъ перейдетъ въ другой родъ жизни. Ибо какъ настоящая жизнь имѣетъ качества, сродныя сему міру; такъ и будущее существованіе нашихъ душъ получитъ жребій, свойственный своему состоянію. Но они до того нерасположены внимать симъ истинамъ, что даже громкимъ смѣхомъ встрѣчаютъ насъ, которые возвѣщаемъ кончину сего міра и вѣчное паки бытіе».

Спрашиваютъ: неужели творческое могущество ограничилось только твореніемъ одной земли или, по крайней мѣрѣ, одной солнечной системы, о тѣлахъ которой упоминаетъ Моисей? «Нѣтъ, отвѣчаетъ св. Василиій, сотворенное есть са-

мая малая часть Зиждителя могущества. Какъ горшечникъ, съ одинаковымъ искусствомъ сдѣлавшій тысячи сосудовъ, не истощилъ тѣмъ ни искусства, ни силы: такъ и Создатель этой вселенной, имѣя творческую силу, не для одного только міра достаточную, но въ безконечное число кратъ превосходящую, все величіе видимаго привелъ въ бытіе *однимъ мановеніемъ воли*».

Но было ли что либо до сотворенія этого видимаго міра?—спрашиваютъ любопытные. «Было нѣчто, какъ вѣроятно, и прежде сего міра, отвѣчаетъ св. Василій; но сіе, хотя и постижимо для нашего разумѣнія, однакоже не введено въ повѣствованіе (Моисея), какъ несоотвѣтствующее силамъ новообучаемыхъ и младенцевъ разумомъ. Еще ранѣе бытія міра, было нѣкоторое состояніе, приличное премірнымъ силамъ, превысшее времени, вѣчное, присно продолжающееся. Въ немъ-то Творецъ и Зиждитель всяческихъ совершилъ созданія—мысленный свѣтъ, приличный блаженству любящихъ Господа, разумныя и видимыя природы и все украшеніе умосозерцаемыхъ тварей, превосходящихъ наше разумѣніе, такъ что нельзя изобрѣсти для нихъ и наименованій. Онѣ-то наполняютъ собою сущность невидимаго міра..... А когда уже стало нужно присоединить къ существующему и сей міръ—главнымъ образомъ училище и мѣсто образованія душъ человѣческихъ, а потомъ и вообще мѣсто-пребываніе для всего подлежащаго рожденію и разрушенію; тогда произведено сродное міру и находящимся въ немъ животнымъ и растеніямъ, преемство времени, всегда поспѣшающее и протекающее, и нигдѣ не превышающее своего теченія».

Древніе мыслители, какъ не знавшіе Бога, совершенно устранили Бога отъ участія въ твореніи міра, приписывая матеріи самобытное существованіе и самообразовательную силу. Новѣйшіе же, каковы нѣкоторые изъ гео-

логовъ и астрономовъ, не рѣшаясь спуститься на такую степень безсмыслія, ограничиваютъ однако же всемогущество творческой силы Божіей, опредѣляя періодъ творенія не днями, какъ повѣствуетъ Библія, но десятками тысящелѣтій. Но св. Василій говоритъ: поелику дѣйствіе творенія мгновенно и не подлежитъ времени, то и сказано *въ началѣ сотвори*; потому что начало есть нѣчто несостоящее изъ частей и непротяженное..... Итакъ, чтобы мы уразумѣли вмѣстѣ, что міръ сотворенъ хотѣніемъ Божиимъ не во времени, сказано: *въ началѣ сотвори*. Въ означеніе сего древніе толкователи, яснѣе выражая мысль, сказали: *вкратцѣ сотвори Богъ, то есть: вдругъ и мгновенно*».

Объяснивъ то, какъ земля держится въ пустомъ пространствѣ, не смѣшиваясь ни съ воздухомъ, ни водою, и не измѣняя своего положенія по отношенію къ другимъ планетамъ, говоритъ: «если въ сказанномъ доселѣ кажется тебѣ что нибудь правдоподобнымъ, то обратись съ удивленіемъ къ Божіей премудрости, которая такъ сіе устроила. Ибо изумленіе предъ великими предметами не уменьшается, когда открытъ способъ, какимъ произошло что нибудь необычайное. А если и не открытъ, то простота вѣры да будетъ крѣпче доказательствъ отъ ума».

Бесѣда 2. Въ этой бесѣдѣ показываетъ, что прежде, нежели міръ получилъ бытіе во внѣ и слѣдѣлся видимымъ, онъ уже существовалъ въ мысли Божіей со всѣми подробностями своего послѣдующаго бытія. Для осуществленія этого пока еще въ идеѣ существовавшаго міра, Онъ создалъ потребную для этого матерію и матерія далъ силы, необходимыя для достиженія предположенной цѣли. «Богъ, говоритъ св. Василій, прежде нежели существовало что нибудь изъ видимаго нынѣ, положилъ въ умѣ и подвигшись привести въ бытіе не сущее, вмѣстѣ и помыслилъ, какимъ долженъ быть міръ,

и произвелъ матерію, соотвѣтствующую формѣ міра. Для неба отдѣлилъ Онъ естество приличное небу, и въ форму земли вложилъ сущность, свойственную землѣ и для нея потребную. Огню же, водѣ, воздуху и формы далъ, какія хотѣлъ, и сущность ихъ привелъ, какъ требовало умопредставленіе каждой изъ творимыхъ вещей. И цѣлый міръ, состоящій изъ разнородныхъ частей, связалъ Онъ какимъ-то неразрывнымъ союзомъ любви въ единое общеніе и въ одну гармонію; такъ что части, по положенію своему, весьма удаленныя одна отъ другой, кажутся соединенными посредствомъ симпатіи (силы тяготѣнія или магнетизма). Посему, да прекратятъ свои баснословныя построенія тѣ, которые, при помощи собственныхъ умствованій, измѣряютъ могущество, непостижимое для разумѣнія и вовсе неизреченное на человѣческомъ языкѣ».

Все въ мірѣ, какъ получило начало бытія отъ Бога, такъ и самыя силы, сообщенныя Богомъ природѣ, проявляли себя во внѣ не по случайному столкновенію между собою, но по повелѣнію творческаго слова Божія: *да будетъ*. «Земля, говоритъ св. Василій, по силѣ, вложенной въ нее Создателемъ, хотя готова была породить все сіе (т. е. разные сорта хлѣба, травы и цвѣты), однакоже ожидала приличнаго времени, чтобы, по Божію повелѣнію, произвести на свѣтъ свои рожденія».

Бесѣда 3-я. Въ началѣ бесѣды св. Василій говоритъ: «увеселивъ вчера ваши души, по мѣрѣ возможности, собесѣдованіемъ о словесахъ Божіихъ, опять собрались мы нынѣ на другой день, чтобы обозрѣть чудеса дѣла втораго дня. Такъ какъ это было утро и день будничный: увидѣвъ въ храмѣ Божіемъ разныхъ ремесленниковъ, пришедшихъ въ оный какъ для молитвы, такъ и для слушанія его поученій, но которымъ предстоитъ еще необходимый трудъ для снѣ-

*

сканія себѣ и своему семейству пропитанія, св. Василій ободряетъ ихъ усердіе своимъ словомъ, показывая, что время, посвященное ими Богу, не пропадетъ безплодно для нихъ. Не сокрыто отъ меня и то, что среди насъ стоятъ многіе ремесленники, которые, занимаясь художественными рукодѣльями, съ трудомъ добываютъ себѣ пропитаніе дневною работою; и они-то обѣщаютъ у меня слово, чтобы не на долго отвлекаться отъ работы. Что же скажу имъ? То, что часть времени, данная въ займъ Богу, не пропадаетъ, но вознаграждается Имъ съ великимъ прибыткомъ. Ибо всѣ тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ къ дѣлу, благоустроить Господь предпочитающимъ духовное, подавъ въ дѣлахъ ихъ и крѣпость тѣла, и усердіе души, и удобство къ сбыту работъ, и благоуспѣшность въ цѣлой жизни. Но хотя бы въ настоящей жизни плоды трудовъ вашихъ и не соотвѣтствовали вашимъ надеждамъ; по крайней мѣрѣ, для послѣдующаго вѣка доброе сокровище-ученіе Духа. Посему отложи изъ сердца всякое житейское попеченіе, и весь соберись теперь самъ въ себя. Ибо мало пользы, если тѣломъ ты здѣсь, а сердце твое занято земнымъ сокровищемъ». Какой назидательный примѣръ представляютъ эти ремесленники и для настоящаго времени, не только своимъ собратіямъ по ремеслу, но и людямъ болѣе обезпеченнымъ средствами къ жизни! Какъ много находится такихъ людей, которые, подъ предлогомъ многосложныхъ занятій и заботъ въ продолженіе наступающаго дня, не только отказываются отъ ежедневнаго посѣщенія храма Божія, но и отъ домашней внимательной молитвы, забывая слово Премудраго: *всѣ труждается зиждущій, аще не Господь созиждетъ!* И что же бываетъ плодомъ такой многопопечительной дѣятельности, въ основу которой не хотѣли испросить отъ Бога благословенія? Большою частію бываетъ или неуспѣхъ въ

дѣлѣ, или вредное для души и тѣла употребленіе полученныхъ плодовъ. Конецъ же всему позднее раскаяніе, а иногда съ ропотомъ на Бога, Котораго не хотѣли въ свое время призвать себѣ на помощь.

Остановивъ вниманіе на словахъ: *рече Богъ*, св. Василій спрашиваетъ: какъ говорить Богъ? Такъ же ли, какъ и мы? Нѣтъ, отвѣчаетъ самъ на вопросъ: Божіе хотѣніе и первое устремленіе мысленнаго движенія есть уже Божіе слово».

Потомъ, обращая вниманіе на то, что въ началѣ сказано было: *сотвори Богъ небо и землю*, такъ, говоритъ онъ, Писаніе могло бы сказать и далѣе: *сотвори свѣтъ*, а потомъ: *сотвори твердь*.—Но такъ какъ сказано: *рече Богъ*, то этимъ Писаніе заставляетъ предполагать, что былъ нѣкто слушающій глаголь Божій и приводящій въ исполненіе повелѣнія Божіи.—Этимъ оборотомъ рѣчи, говоритъ св. Василій, «Писаніе какъ бы окольною дорогою и постепенно приближаетъ насъ къ мысли объ Единородномъ. Но для естества безтѣлеснаго и въ этомъ случаѣ не было нужды въ словѣ, произносимомъ посредствомъ голоса, потому что Содѣйствующему самыя мысли могли быть переданы. Ибо какая нужда въ словѣ тѣмъ, которые могутъ другъ другу сообщать изволенія свои мысленно?»—«Для того, замѣчаетъ далѣе и употребленъ этотъ образъ разглагольствія, чтобы возбудить умъ нашъ къ изслѣдованіямъ о Лицѣ, къ которому изречены слова.

Объясняя слова: *и видѣ Богъ, яко добро*, св. Василій говорить, что Богъ одобряетъ каждую часть своего творенія не какъ человѣкъ, которому нравится, и на котораго производитъ пріятное впечатлѣніе виѣшняя форма предмета, но какъ великій художникъ, видящій въ каждой отдѣльной части своего творенія способность и силу къ достиженію общей цѣли, предположенной для всего вообще міра. «Создаемое

Богомъ, говоритъ онъ, не очамъ Божиимъ доставляетъ пріятность; и одобреніе красоты у Бога не таково, какъ у насъ. Для Него прекрасно то, что совершенно по закону искусства, направлено къ благопотребному концу. Посему-то Предположившій явственную цѣль создаемаго одобрялъ творимое по частямъ, соображаясь съ Своими художническими законами, поколику оно служило къ достиженію конца.—Когда рука лежитъ сама по себѣ, а глазъ особо, и каждый членъ статуи положенъ отдѣльно, тогда не для всякаго покажутся они прекрасными. А если все поставлено на своемъ мѣстѣ, то красота соразмѣрности, часто и съ перваго взгляда, усматривается даже невѣждою. Но художникъ и прежде сложенія знаетъ красоту каждой части, и хвалитъ ее отдѣльно, возводя мысль свою къ концу. Подобнымъ художникомъ, одобряющимъ каждое свое произведеніе порознь, изображается теперь и Богъ. Но Онъ воспишетъ приличную похвалу и цѣлому міру вмѣстѣ взятому, когда будетъ онъ сотворенъ».

Но какъ началъ свою бесѣду св. Василиій внимательностію къ ремесленникамъ, пришедшимъ въ храмъ для слушанія его поученій: такъ и оканчиваетъ оную обращеніемъ своего слова къ нимъ же. «Да прекратится у насъ слово о второмъ днѣ, чтобы трудолюбивымъ слушателямъ осталось времени изслѣдывать слышанное, и что полезно, то удержать въ памяти, и посредствомъ тщательнаго размышленія, какъ бы посредствомъ нѣкотораго переваренія, приуготовить къ изнесенію изъ себя служащаго на пользу, и чтобы снискивающимъ пропитаніе трудами имѣть досугъ кончить свои попеченія въ остающееся свободнымъ время, и съ душею, чистою отъ заботъ, прійти на вечерній пиръ слова». Какая удивительная неутомимость въ проповѣданіи слова Божія въ великомъ учителѣ истины! Утромъ произнесена была бесѣда, къ

вечеру уже готовится другая! Но какая, достойная великаго учителя, ревность къ слушанію его слова въ его ученикахъ! Не смотря на предстоящіе имъ труды для снисканія дневнаго пропитанія, спѣшатъ къ слушанію его слова и рано утромъ, и поздно вечеромъ.

Эту бесѣду св. Василій заключилъ благожеланіемъ всѣмъ, какъ присутствовавшимъ въ храмѣ, такъ и тѣмъ, которые не довольствуются, при воззрѣніи на этотъ видимый міръ, воспринятіемъ однихъ впечатлѣній отъ виѣшнихъ предметовъ, но желаютъ отъ видимаго восходить мыслію и къ невидимому чувственными очами Творцу вселенной. «Богъ, создавшій великое, да дастъ вамъ во всемъ разумѣніе истины Его, чтобы вы изъ видимаго познавали невидимое, изъ величія и красоты тварей собирали подобающее понятіе о Сотворшемъ насъ. *Невидимая бо Ею отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и приносящая сила Ею и Божество* (Рим. 1, 20). Да дастъ вамъ и въ землѣ, и въ воздухѣ, и въ небѣ, и въ водѣ, и въ ночи, и во днѣ, и во всемъ видимомъ собирать ясныя напоминанія о Благодѣтелѣ. Ибо не оставимъ никакого времени грѣхамъ, не уступимъ мѣста врагу въ сердцахъ своихъ, если чрезъ непрестанное памятованіе будемъ вселять въ себѣ Бога, Которому всякая слава, и поклоненіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ».

Бесѣда 4-я. Въ началѣ этой бесѣды, чтобы возбудить вниманіе присутствовавшихъ во храмѣ къ слушанію повѣствованія о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ, и отклонить предлогъ къ отреченію отъ сего, спасительнаго для души, дѣла утомительностію продолжительныхъ бесѣдъ, указываетъ, что находятся люди, которые не утомляются насыщать, съ ранняго утра до поздняго вечера, свои взоры и зловредными для души представленіями. Эта-то неутомимость неблагомыслящихъ людей показываетъ, что человѣкъ много имѣетъ

силы для дѣла, которое любить; если же утомляется продолжительною церковною службою, или церковною проповѣдію, то потому только, что или не созналъ еще пользы для своей души отъ этого дѣла, и не сѣмѣлъ развить въ себѣ любви къ нему. «Есть города, говоритъ онъ, въ которыхъ жители, съ глубокаго утра до самаго вечера, насыщаютъ взоры всякаго рода представленіями чудесниковъ, и сколько ни слушаютъ какихъ-нибудь нескромныхъ и неблагочинныхъ пѣсень, отъ которыхъ въ душахъ необходимо заражается много безстыдства, однако не могутъ ихъ наслушаться. Даже многіе почитаютъ такихъ людей счастливыми, потому что они, оставивъ торговлю на рынкахъ или занятія искусствами, необходимыми для жизни, въ праздности и забавахъ проводятъ опредѣленное имъ время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрѣлищами, для присутствующихъ въ немъ, служить общимъ и народнымъ училищемъ распутства, и что самые стройные звуки свирѣлей и блудническія пѣсни, напечатлѣвшись въ душахъ слушателей, не къ иному чему побуждаютъ всѣхъ, какъ только къ безчинству. А страстные охотники до конскихъ ристалищъ и во снѣ состязаются о коняхъ, перепрягаютъ колесницы, перемѣняютъ возничихъ, и вообще, даже въ сонныхъ мечтаніяхъ не покидаютъ дневнаго безумія. Итакъ, мы ли, которыхъ Господь, великій Чудотворецъ и Художникъ создалъ теперь, чтобы явить намъ дѣла Свои, мы ли отяготимся созерцаніемъ, или облѣнимся выслушать словеса Духа? Не обступимъ ли, напротивъ того, сію великую и полную разнообразія художническую хранину Божія созиданія, и, востекши каждый своею мыслию къ временамъ давнимъ, не будемъ ли разсматривать украшеніе вселенной?»

И рече Богъ: да соберется вода... въ собраніе едино. «Можетъ быть, говоритъ св. Василій, иной спроситъ: почему

принадлежащее водѣ по природѣ, то есть силу стремиться въ низъ по скату, Писаніе приписываетъ повелѣнію Зиждителя?» Въ другихъ словахъ, но и нынѣ задаютъ тотъ же вопросъ. Говорятъ: когда, вслѣдствіе вулканическихъ изверженій и передвиженія огненной, расплавленной массы, находящейся внутри земли, образовались горы и глубокія впадины на поверхности земной коры: тогда естественно, по силѣ тяготѣнія, воды, покрывавшія доселѣ всю поверхность земли, должны были стечь въ низменности и котловины, а возвышенныя мѣста осушиться, безъ особаго на то повелѣнія Зиждителя». Къ чему же слово: *да соберется*? «Отвѣствуемъ, говорить св. Василій: тебѣ извѣстны стали движенія воды послѣ повелѣнія Владыки. Теперь она вездѣ растекается, непостоянна, по природѣ стремится въ покатыя и вогнутыя мѣста, но какую силу она имѣла прежде, нежели, вслѣдствіе сего повелѣнія, произошло въ ней такое стремленіе къ движенію, сего самъ ты не знаешь, и не могъ слышать отъ какого либо очевидца..... Если воды текутъ, то сіе по Божію повелѣнію; и если море заключено внутри своихъ предѣловъ, то сіе есть слѣдствіе перваго законоположенія..... Глаголь Божій творитъ самое естество, и повелѣніе, данное тогда твари, опредѣлило порядокъ сотвореннаго и на послѣдующее время». Что же такое, послѣ сего опредѣленія, силы природы, которымъ естество-испытатели, непознавшіе Бога въ природѣ, придаютъ столь могущественную и зиждительную силу? Силы природы суть не болѣе и не менѣе, какъ продолженіе дѣйствія того же всемогущаго и зиждительнаго слова Творца вселенной, которое произнесъ Онъ въ началѣ: *да будетъ* и проч. Нѣкоторое подобіе къ уясненію дѣйствія творческаго слова Божія можно находить и въ дѣйствіяхъ человѣческихъ. Царь сказалъ слово, чтобы извѣстные корпуса войскъ, въ извѣстные сроки года, передвигались съ

одного пункта его царства на другой, и, по прошествіи нѣ котораго промежутка времени, возвращались на прежній пунктъ. Пока слово царское не будетъ отмѣнено или измѣнено имъ же самимъ, войска и будутъ передвигаться по назначенію. Кто передвигаетъ войска съ мѣста на мѣсто? Простякъ, обращающій вниманіе только на посредствующія орудія, конечно, скажетъ, что пѣхоту передвигаютъ собственные ноги пѣхотинцевъ, а кавалерію лошади. Но человѣкъ, способный восходить мыслію къ первоначальной причинѣ движенія войскъ, несомнѣнно скажетъ, что войска передвигаетъ царское слово. Такъ человѣкъ, неспособный поднять мыслію къ первоначальной и верховной Причинѣ всего живущаго, двигающаго и двигающагося, всѣ видимыя явленія природы приписываетъ, какъ главнѣйшимъ и единственнымъ факторамъ, силѣ тяготѣнія, силѣ упругости, силѣ химическаго сродства, или чему либо подобному. Но человѣкъ, поднятый вѣрою къ сознанію верховной Причины, говоритъ, что все въ мірѣ производитъ Богъ, и безъ Него ни чего не происходитъ, ни даже самаго мѣлчайшаго, какъ паденія волоса съ головы. И потому съ молитвою обращается не къ посредствующимъ причинамъ нѣкоторыхъ событій въ нашей жизни, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, но къ верховной причинѣ-Богу.

Продолжая выяснять ту мысль, что все на землѣ, при первоначальномъ твореніи, происходило не въ слѣдствіе извѣстныхъ нынѣ силъ природы, но единственно по дѣйствию творческаго слова Божія, обращаетъ вниманіе на слѣдующія мѣста Писанія: *и да явится суша*. «Не сказалъ Богъ: да явится земля; чтобы не показать ее еще не устроенною, грязною, смѣшанною съ водою, не получившею свойственнаго ей образа и надлежащей силы, а вмѣстѣ, чтобы причину осушенія земли не приписали мы солнцу,—Создатель произвелъ

сухость земли до сотворенія солнца. Вникни же въ смыслъ написаннаго; не только излишекъ водъ стекъ съ земли, но даже вода, смѣшанная съ землею во глубинѣ, вышла изъ нея (т. е. изъ земли, отъ чего и произошла суша), повинуваясь непреложному повелѣнію Владыки». И нетысящелѣтія требовались для этого, какъ нынѣ думаютъ нѣкоторые, но за творческимъ словомъ Божиимъ тотчасъ же слѣдовало исполненіе. *И рече Богъ: да явится суша, и бысть тако.*

Обращая опять вниманіе на слова: *и видѣ Богъ яко добро*, говоритъ: «Писаніе показываетъ не то, что Богу открылся какой то пріятный видъ моря. Ибо Творецъ не очами разсматриваетъ красоту тварей, но съ неизреченною премудростію созерцаетъ происходящее. Усладительно, правда, зрѣлище—море бѣлѣющее, когда царствуетъ на немъ постоянная тишина; усладительно также, когда хребетъ его, зыблемый тихими вѣтрами, представляется зрителямъ въ пурпурномъ или лазурномъ цвѣтѣ, когда оно не ударяетъ сильно въ смежную сушу, но какъ бы лобзаетъ ее въ мирныхъ объятіяхъ: однако не должно думать, чтобы, по словамъ Писанія, и Богу въ такомъ же смыслѣ казалось море прекраснымъ и пріятнымъ; напротивъ того, въ Писаніи красота опредѣляется относительно къ мірозданію».

«Итакъ, море прекрасно предъ Богомъ, потому что влага изъ него идетъ по земнымъ глубинамъ; оно прекрасно также и потому, что служитъ пріемникомъ рѣкъ, принимаетъ въ себя отсюду потоки, и не выступаетъ изъ своихъ предѣловъ. Прекрасно и потому, что служитъ началомъ и источникомъ воздушныхъ водъ, когда нагрѣвается лучами солнечными, и отлагаетъ отъ себя, посредствомъ испаренія, тонкія частицы воды, которыя, будучи привлечены въ горнее пространство, и потомъ охлаждены, какъ возвысившіяся далѣе, нежели куда простираются лучи, отраженные землею поверх-

ностью, при возрастающемъ холодѣ, дѣлаются дождемъ и утучняютъ землю..... Море прекрасно предъ Богомъ и въ другомъ отношеніи; потому что ограничиваетъ собою острова, и служитъ имъ вмѣстѣ и украшеніемъ и огражденіемъ; а еще и потому, что приводитъ собою въ связь самыя отдаленныя другъ отъ друга части твердой земли, доставляя безпрепятственное сообщеніе мореплавателямъ, чрезъ которыхъ снабжаетъ насъ свѣдѣніями о неизвѣстномъ, обогащаетъ купцовъ, удобно удовлетворяетъ нашимъ жизненнымъ потребностямъ, доставляетъ возможность изобилующимъ сбывать излишнее, а нуждающимся вознаграждать свои недостатки.» Далѣе показываетъ, что всей красоты моря, въ какой оно явилось очамъ Творца, опредѣляющаго достоинство части по отношенію къ цѣлому, и описать не возможно.

Бесѣда 5. Въ этой бесѣдѣ св. Василій подтверждаетъ прежде высказанную мысль, что въ началѣ творенія міра все возникало къ бытію не въ слѣдствіе извѣстныхъ нынѣ силъ природы, а единственно въ слѣдствіе творческаго слова Божія. И самыя силы природы возникли къ бытію и дѣятельности въ слѣдствіе того же творческаго слова Божія, вмѣстѣ съ тѣми предметами, на которые они могли имѣть вліяніе, и сами по себѣ составляютъ не причину бытія тварей, но только способъ обнаруженія въ послѣдующія времена однажды произнесеннаго Богомъ творческаго слова. Все въ послѣдующія времена начало проявляться въ такихъ формахъ и при такихъ виѣшнихъ пособіяхъ, какія предначертаны были въ планѣ Божественномъ еще до сотворенія какой либо твари. Травка, возникающая въ настоящее время отъ сѣмени, порожденнаго первоначальною былинкою по повелѣнію творческаго слова Божія: *да прораститъ земля быліе травное, стьющее стѣмя по роду*, — для первоначальнаго своего возник-

новенія изъ земли сѣменемъ для себя имѣло творческое слово Божіе: *да прораститъ земля быліе*.—И послѣдующій порядокъ возникновенія совершеннѣйшихъ растений не тотъ былъ, какой указываютъ близорукіе современные естествоиспытатели. Не папоротники и водоросли возникли прежде, а потомъ уже, чрезъ нѣсколько тысячелѣтій, когда воздухъ очистился отъ чрезмѣрнаго количества водяныхъ паровъ, наполнявшихъ атмосферу, и лучи солнечные получили свободный доступъ къ землѣ, появились и величественныя пальмы. Нѣтъ, все на землѣ возникло немедленно по произнесеніи творческаго слова Божія: *да произраститъ земля быліе травное, стѣющее сѣмя по роду, и древо плодовитое, творящее плодъ по роду*, не дожидаясь даже появленія на тверди небесной свѣтящаго и согрѣвающего свѣтила небеснаго—солнца. Единственнымъ закономъ и единственною силою для первоначальнаго возникновенія всѣхъ родовъ растений, покрывшихъ землю, было обнаруженіе воли Божественной въ словѣ: *да прораститъ*. Потомъ уже, когда возникло все царство растительное по мановенію воли Божественной, начало продолжать свое существованіе по способу, указанному самимъ же Богомъ.—«Послѣ того, какъ земля, сложивъ съ себя бремя воды, говоритъ св. Василій, успокоилась, весьма прилично ей дано повелѣніе произращать сперва траву, потомъ дерева, что, какъ видимъ, совершается еще и нынѣ. Ибо тогдашній глаголъ и первое оное повелѣніе сдѣлалось какъ бы естественнымъ нѣкоторымъ закономъ, и осталось въ землѣ и на послѣдующія времена, сообщая ей силу рождать и приносить плоды..... Земля должна сама собою произвести прозябеніе, не имѣя нужды ни въ какомъ постороннемъ содѣйствіи. Поелику нѣкоторые думаютъ, что причина произрастающаго изъ земли—въ солнцѣ, которое притяженіемъ теплоты извлекаетъ на поверхность земли

таящуюся въ глубинѣ силу, то земля украшается прежде солнца, чтобы заблуждающіе перестали поклоняться солнцу, и признавать, будто оно даетъ причину жизни. Посему, если убѣдятся, что вся земля украшена до сотворенія солнца, то уменьшать безмѣрное къ нему удивленіе, разсудивъ, что оно по бытію позднѣе травы и зелени..... Земля, соблюдая законы Создателя, начавъ съ ростка, въ краткое мгновеніе времени прошла всѣ виды возрастанія, и тотчасъ довела прозябенія до совершенства. Луга наполнились изобильною травою; плодоносныя равнины, воздымаясь отъ жатвъ, въ колебаніи класовъ, сохранили подобіе волнующагося моря. Всякая зелень и всякій родъ овощей, все, что растетъ кустарникомъ, и что приноситъ стручковые плоды, во всемъ изобиліи явились тогда на землѣ. Ибо ничто тогда не останавливало произрастанія; неопытность земледѣльцевъ, неблагоприятность воздуха и какая либо другая причина не дѣлала вреда возникнувшему. Осужденіе еще не препятствовало плодородію земли: все сіе было прежде грѣха, за который осуждены мы въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ. Сказано: *да прораститъ древо плодовитое*. По сему глаголу сгустились кустарники, выбѣжали изъ земли всѣ деревья, обыкновенно достигающія чрезвычайной высоты—ели, кипарисы, кедры, пегги; всѣ мелкія деревья сдѣлались вдругъ вѣтвистыми и густыми; явились употребляемыя для вѣнцовъ растенія—розы, мирты и лавры. Ничего этого прежде не было на землѣ, и все въ одно мгновеніе времени пришло въ бытіе, съ принадлежащимъ каждому свойствомъ, самыми явными разностями отличное отъ растеній инородныхъ, и узнаваемое по свойственному для каждого признаку».

«*Да прораститъ земля*. Краткое сіе повелѣніе тотчасъ стало великою природою и художественнымъ словомъ, быстрѣе нашей мысли, производя безчисленные свойства ра-

стеній. Тоже повелѣніе, и до нынѣ дѣйствуя въ землѣ, побуждаетъ ее, по истеченіи каждаго года, обнаруживать силу свою, какую она имѣетъ къ произведенію травъ, сѣмянъ и деревъ. Какъ кубарь, по силѣ перваго даннаго ему удара, совершаетъ послѣдующія обращенія, когда описываетъ круги, соблюдая въ себѣ средоточіе неколеблемымъ, такъ и послѣдовательный порядокъ природы, получивъ начало съ первымъ повелѣніемъ, простирается на все послѣдующее время, пока не достигнетъ общаго скончанія вселенной. Къ нему будемъ поспѣшать и мы всѣ, плодонося добрыя дѣла и преисполняясь ими, да *насаждени въ дому Господни, во дворѣхъ Бога нашего процвѣтемъ* (Пс. 91, 14) о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ».

Показавъ пользу всѣхъ растений для человѣка или для животныхъ, назначенныхъ для пользованія человѣку, обращаетъ вниманіе и на то, что между растеніями есть не мало и такихъ, которыя приносятъ вредъ человѣку. «Итакъ, что же? спрашиваетъ св. Василій. Ужели откажемся приносить благодареніе за полезное, и станемъ обвинять Создателя за разрушительное для нашей жизни? А не разсудимъ того, что не все создано для нашего чрева. Напротивъ того, какъ назначенное намъ въ пищу у насъ подъ руками и всякому извѣстно: такъ каждая сотворенная вещь въ цѣломъ твореніи выполняетъ какой нибудь свой особенный законъ. Поелику воловья кровь для тебя ядъ, то ужели по сему самому надлежало или не творить сего животного, или сотворить вола безкровнымъ, хотя сила его для столькихъ потребъ нужна намъ въ жизни! Но тебѣ довольно живущаго въ тебѣ разума, чтобы предохранить себя отъ вреднаго. Если овцы и козы умѣютъ избѣгать злотворнаго для ихъ жизни, посредствомъ одного чувства различая вредное: то скажи мнѣ, ужели трудно уклониться отъ ядовитаго тебѣ, у котораго есть и разумъ,

и врачебная наука, указывающая полезное, и опыт предшественниковъ, внушающій убѣгать вреднаго? Но изъ сего ничто не сотворено напрасно и безъ пользы. Ибо оно или служить пищею какому либо животному, или съ помощію врачебной науки открывается годнымъ для насъ самихъ, служа къ облегченію какихъ-нибудь недуговъ. Скворцы питаются болиголовомъ, и по устройству своего тѣла не терпятъ вреда отъ яда; чемерица служитъ пищею перепеламъ, и они по своему сложенію остаются невредимыми. Но сіи же самыя растенія и намъ иногда бываютъ полезны. Мандрагорою врачи наводятъ сонъ, и опиумомъ успокоиваютъ жестокія боли въ тѣлѣ. А нѣкоторые болиголовомъ усмиряли ярость вождѣлннй, чемерицею же искореняли многія застарѣлыя болѣзни. Посему, за что думалъ ты обвинять Творца, то самое обратилось для тебя въ побужденіе къ большей благодарности».

Показавъ ту пользу, какую растительное царство приносить человѣку по отношенію къ его тѣлу, указываетъ и на то, что благоразумный и размышляющій человѣкъ, при воззрѣніи на это царство, много можетъ извлечь полезныхъ уроковъ и для своей души. «Мнѣ желательнѣе, говоритъ св. Василій, тверже укоренить въ тебѣ удивленіе къ твари, чтобы ты, гдѣ находишься, и какой родъ растеній ни встрѣчаешь, всегда возобновлялъ въ себѣ ясное воспоминаніе о Творцѣ. Посему, во-первыхъ, когда видишь на травѣ зелень и цвѣтъ, приводи себѣ на мысль человѣческое естество, припоминая изображеніе мудраго Псаіи: *всяка плоть, яко сльно, и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный* (Ис. 40, 6). Кратковременность жизни, непродолжительность радостей и веселій человѣческаго благоденствія нашли себѣ у Пророка самое приличное уподобленіе. Сего дня цвѣтеть тѣлесно, утучнѣть отъ наслажденій, сообразно съ цвѣту-

щимъ возрастомъ имѣетъ свѣжую доброцѣдность, бодръ, развязенъ, неудержимъ въ стремленіи; а на утро онъ же самый жалокъ, или увянувъ отъ времени, или ослабѣвъ отъ болѣзни. Иной обращаетъ на себя взоры изобиліемъ богатства; вокругъ его множество льстецовъ, сопровожденіе притворныхъ друзей, уловляющихъ его благосклонность; множество сродниковъ, которые носятъ на себѣ личину; многочисленный рой слугъ, то заботящихся о его пищѣ, то исполняющихъ другія его потребности, которыхъ влачить онъ за собою, выходя изъ дому и возвращаясь домой, и тѣмъ возбуждаетъ зависть встрѣчающихся. Присовокупивъ къ богатству какую либо гражданскую власть, или почести отъ царей, или управленіе народомъ, или начальство надъ войскомъ, жезлоносцевъ, которые здѣсь и тамъ вселяютъ въ подначальныхъ сильный ужасъ, побои, описаніе имущества, взятіе подъ стражу, темницы, что все увеличиваетъ въ подчиненныхъ нестерпимый страхъ. И что же послѣ сего! Одна ночь, или горячка, или боль въ боку, или воспаление легкихъ, похитивъ сего человѣка изъ среды людей, сводитъ съ позорища, и мѣсто его дѣйствія вдругъ дѣлается опустѣвшимъ, и эта слава оказывается ничѣмъ, какъ сновидѣніе. Посему-то составилось у Пророка уподобленіе человѣческой славы самому слабому цвѣтку».

Упомянувъ о томъ, что на пшеничномъ колосѣ иногда вырастаетъ *куколь*, наростъ, не только бесполезный для питанія, но и даже вредный для здоровья, говоритъ: «подобные наросты на здоровомъ колосѣ изображаютъ собою тѣхъ, которые искажаютъ ученіе Господне, не изучили Писанія, какъ должно, и повреждены ученіемъ лукаваго, но присоединяются къ здоровому тѣлу Церкви, чтобы непримѣтно сообщить свое поврежденіе незараженнымъ».

Указавъ на то, какъ воздѣлываются виноградники, и

какъ растеть виноградная лоза, св. Василиій говоритъ: «достаточно для тебя и одного взора, и разумный взглядъ на виноградную лозу внушитъ тебѣ, о чемъ напоминаетъ природа. Ибо помнишь, конечно, объ уподобленіи Господа, Который называетъ Себя *лозою*, и Отца *дѣлателемъ*, каждаго же изъ насъ именуетъ *розью*, чрезъ вѣру насажденною въ Церкви, и побуждаетъ насъ къ многоплодію, чтобы не преданы мы были огню по осужденіи за бесплодность (Іоан. 15, 16). И Онъ не престаётъ вездѣ уподоблять человѣческія души винограднымъ лозамъ. Ибо сказано: *виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ*. И: *лозу насадихъ и оградахъ отраженіемъ* (Ис. 5, 1-2). Очевидно, что подъ виноградомъ разумѣтъ человѣческія души, для которыхъ соградилъ огражденіе—оплотъ заповѣдей и охраненіе отъ Ангеловъ. Ибо *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его* (Пс. 33, 8). Потомъ какъ бы и окопъ сдѣлалъ около насъ, положивъ въ Церкви первѣ апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей (1 Кор. 12, 28). Примѣрами же древнихъ и блаженныхъ мужей возводя мысли наши на высоту, не оставилъ ихъ поверженными долу и достойными попраіія. Онъ хочетъ также, чтобы мы, какъ бы нѣкоторыми завивками, соплетались съ ближними объятіями любви, и упокоивались въ нихъ, и, всегда стремясь къ горнему, какъ вьющіяся виноградныя вѣтви, старались уравниваться съ вершинами самыхъ высокихъ. Онъ требуетъ еще, чтобы мы терпѣли, когда окапываютъ насъ. А душа окапывается чрезъ отложеніе мірскихъ заботъ, которыя составляютъ бремя для нашихъ сердецъ. Посему, отложившій плотскую любовь и привязанность къ богатству, и признавшій презрѣннымъ и смѣшнымъ пристрастіе къ здѣшней бѣдственной славѣ, какъ бы окопался и обновился въ силахъ, свергнувъ съ себя напрасное бремя земнаго мудро-

ванія. Не должно же, по слову притчи, разрастаться въ вѣтви, то - есть жить на показъ, и домогаться похвалы за вмѣшность; но надобно быть благоплоднымъ, предоставляя истинному Земледѣлю показаніе дѣлъ».

Замѣтивъ, что кислые гранаты и горкій миндаль, когда стволъ у корня будетъ провернуть, и въ самую середину сердцевины впущенъ сочный клинъ изъ певга, перемѣняютъ горькій свой сокъ на пріятный, говоритъ: «да не отчаевается въ себѣ никто изъ провождающихъ жизнь во грѣхѣхъ, зная, что какъ земледѣліе измѣняетъ качество растеній, такъ попечительность души о добродѣтели можетъ одержать верхъ надъ всякими недугами».

Припомнивъ примѣръ изъ дѣятельности садовниковъ, которые, для укрѣпленія силъ и лучшаго оплодотворенія садовыхъ смоковницъ, вмѣстѣ съ ними сажаютъ и дикія, св. Василій говоритъ: «о чемъ же дастъ тебѣ разумѣть эта загадка природы? О томъ, что мы часто и у людей, чуждыхъ вѣры, должны заимствовать себѣ побужденіе къ показанію добрыхъ дѣлъ. Если видишь, что живущій въ язычествѣ, или отторгнутый отъ Церкви какою либо превратною ересію, цѣломудренъ по жизни, и во всемъ прочемъ старается о нравственномъ благочиніи; то тѣмъ паче ты напрягай свое стараніе уподобиться плодоносной смоковницѣ, которая собираетъ силы изъ приближенныхъ къ ней дикихъ смоковницъ, перестаетъ иставать и тщательнѣе питаетъ свой плодъ».

Бесѣда 6-я. Въ этой бесѣдѣ кратко упомянувъ о томъ, что всему предшествовали небо и земля, послѣ нихъ сотворенъ свѣтъ, различены ночь и день; потомъ опять твердь и явленіе суши; потомъ вода совокуплена въ постоянное и опредѣленное собраніе; земля наполнилась собственными порожденіями, произрастивъ безчисленныя роды травъ и обогатившись растеніями всякаго рода, св. Василій, замѣчаетъ, что

солнца и луны еще не было, «дабы невѣдущіе Бога не именовали солнца начальникомъ и отцемъ свѣта, и не почитали его зиждителемъ земныхъ произрастеній. Посему насталь четвертый день, и тогда *рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй*..... Указывается и потребность, по которой сотворены свѣтила. Сказано: *освѣщати землю*. Если сотвореніе свѣта предшествовало, то почему говорится, что и солнце теперь сотворено также *освѣщати*? Тогда произведено было самое естество свѣта, а теперь приготавливается это солнечное тѣло, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свѣту».

Такое объясненіе св. Василия Великаго согласно и съ новѣйшими открытіями естествоиспытателей. Новѣйшія изслѣдованія естествоиспытателей показали, что причина свѣта заключается не въ свѣтилахъ небесныхъ, кажушихся намъ разливающими свой свѣтъ повсюду, но въ эфирѣ—тончайшей матеріи, разлитой по всему міровому пространству, и именно въ опредѣленномъ количествѣ колебаній этой тончайшей матеріи въ секунду. Слѣдственно, когда сотворена была Богомъ свѣтовая матерія: тогда, для освѣщенія земли днемъ, нужно было только возбудить до извѣстной степени дѣятельность этой свѣтовой матеріи. И причиною, возбуждавшею дѣятельность этой свѣтовой матеріи днемъ, и приводившею ее въ спокойное состояніе ночью, было творческое слово Создавшаго оную. Но Богъ, создавши однажды что либо, созданному Имъ давалъ опредѣленные законы для продолженія своего существованія въ послѣдующее время. Такъ, произведши на землѣ въ началѣ всѣ растенія однимъ своимъ творческимъ словомъ, далъ этимъ растеніямъ законъ продолжать свое дальнѣйшее существованіе чрезъ осямененіе. — Объясненіе св. Василия, что солнечное тѣло создано для того, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свѣту, также со-

гласно съ новѣйшими открытіями астрономовъ. По ихъ наблюденіямъ оказалось, что солнце есть темное тѣло, какъ и всѣ другія планеты, но окружено со всѣхъ сторонъ густою массою свѣтовой матеріи. Это-та свѣтовая матерія, разлитая прежде повсюду, по повелѣнію Божію, главнымъ образомъ сосредоточилась около солнца, и солнцу, создавшимъ оное Богомъ, какъ главному сосредоточію свѣтовой матеріи, повелѣно во всѣ послѣдующія времена, до скончанія міра, быть *въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта.*

Далѣе, въ этой бесѣдѣ св. Василій объясняетъ, какую пользу приносятъ землѣ солнце и луна, какъ они служатъ иногда признакомъ разныхъ переменъ въ атмосферѣ, а вмѣстѣ съ этимъ обличаетъ заблужденія еллинскихъ мудрецовъ, которые такое большое значеніе придали вліянію небесныхъ свѣтилъ на землю, что поставляли въ зависимость отъ нихъ, не только благоденствіе и несчастныя приключенія въ жизни человѣка, но и самыя нравственныя расположенія его души.

Бесѣда 7-я. Въ этой бесѣдѣ говорится о возникновеніи царства живыхъ существъ: птицъ, рыбъ и всякаго рода пресмыкающихся.—Современные естествоиспытатели, измѣряющіе непостижимое для ума человѣческаго всемогущество Божіе своимъ безсиліемъ и порядкомъ дѣйствія извѣстныхъ нынѣ силъ природы, порожденныхъ Богомъ же, и дѣйствующихъ въ томъ порядкѣ, какой имъ указанъ Имъ же, говорятъ, что Творцемъ создана была одна животная клѣточка, изъ которой, въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, чрезъ постоянное усовершенствованіе, развились уже совершеннѣйшіе организмы. Кто не увидитъ въ такомъ умствованіи одной игры словъ съ совершеннымъ отсутствіемъ здоровой мысли! По мнѣнію такихъ мыслителей, силы природы столько могущественны, что могли изъ микроскопическаго инфузорія, или безформеннаго слизняка, хотя чрезъ очень длинный про-

межутокъ времени, произвести корову, лошадь, обезьяну и наконецъ человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь безсильны, что не могли даже произвести и одной животной клѣточки. — И такъ, ложь сама себя уничтожаетъ, слѣдовательно не стоитъ труда разоблачать ее въ подробностяхъ.

Мы, какъ ученики воплощенной Истины—Господа нашего І. Христа, послушаемъ лучше повѣствованіе пророка Моисея о твореніи живыхъ существъ, и просвѣщеннаго Духомъ Божиимъ св. Василия Великаго.

И рече Богъ, говорить пророкъ Моисей: да произведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по тверди небесный, по роду (Быт. 1, 20). «Вышло повелѣніе, говорить св. Василій, и тотчасъ рѣки производятъ, и озера раждаютъ свойственныя себѣ и естественныя породы; и море чревоболѣзнуетъ всякаго вида плавающими животными. Гдѣ только ни была вода, въ болотахъ и тинистыхъ мѣстахъ,—она не остается бездѣйственною и неучаствующею въ размноженіи тварей. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что изъ воды возникли жабы, мошки и комары. Видимое нынѣ служить доказательствомъ и прошедшаго. Такъ, всякая вода спѣшила исполнить повелѣніе Зиждителя; дѣятельная и самодвижная жизнь тварей немедленно явлена великою и неизреченною Божіею силою, потому что повелѣніемъ Божиимъ сообщена водамъ способность живораждать Гласъ повелѣнія кратокъ, или лучше сказать, это не гласъ, а только мановеніе и устремленіе воли: но мысль, заключающаяся въ повелѣніи, столько же многообъемлюща, сколько есть различій и сходствъ у рыбъ и всѣхъ пресмыкающихся»

«Да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду. Теперь повелѣваетъ произойти начаткамъ каждой породы, и какъ бы нѣкоторымъ сѣменамъ естества, а множество живыхъ тва-

рей сокрыто въ послѣдующемъ преемствѣ, когда нужно имъ будетъ расти и множиться.»

Вотъ повѣствованіе о твореніи первоначальныхъ живыхъ существъ, сколько естественное и понятное для ума человѣческаго, столько же и соотвѣтствующее всемогуществу Творца. Всѣ живыя и чувствующія твари, еще до пробужденія своего къ бытію, существовали въ мысли Божіей, и когда воля Божія подвиглась къ осуществленію Его мысли, все немедленно появилось на свѣтъ, и тогда уже данъ былъ законъ Творцемъ о способѣ продолженія рода каждой твари, и мѣстѣ жизни и средствахъ питанія. И каждая тварь, справедливо признаваемая неспособною къ размышленію, во всей точности исполняетъ божественный законъ, повинувшись первому всемогущему слову Зиждителя. Не будемъ уже говорить о птицахъ, перелетающихъ тысячи верстъ въ страны, удобныя для ихъ питанія и дѣторожденія, безъ всякаго опредѣленія ихъ пути поверстными знаками, и иногда возвращающихся на тѣ же самыя мѣста и гнѣзда, гдѣ они вывели своихъ дѣтей въ прошедшее лѣто. Не будемъ говорить и о рыбахъ, въ опредѣленные сроки, безъ всякаго открытаго повелѣнія, передвигающихся огромными массами въ мѣста болѣе способныя для ихъ питанія и продолженія своего рода. Каждое насѣкомое знаетъ, какъ ему продолжить свой родъ, гдѣ положить зародышъ будущаго потомства, какъ охраниться отъ вредныхъ вліяній погоды, и чѣмъ пропитать будущихъ своихъ рожденій до развитія въ нихъ способности для поддержанія своего бытія собственными силами. Кто ихъ всему этому научилъ? Никто, конечно, кромѣ Бога, изрекшаго однажды на всегда: *раститесь и множитесь, и наполняйте воды, яже въ моряхъ: и птицы да умножатся на земли* (Быт. 1,22).

Все въ твореніяхъ Божіихъ, на что ни взглянешь, и малое

и великое, все напоминает о премудрости и благодати божественной; и человекъ благонамѣренный и размышляющій всегда съумѣетъ изъ разсматриванія тварей извлечь назиданіе для своей души. Этими-то уроками природы св. Василій пользуется, чтобы не только удовлетворить любопытству съ жадностію внимавшихъ его слову слушателей, но и научить ихъ пользоваться разными явленіями природы для назиданія своихъ душъ.

Обративъ вниманіе на то, что рыбы для дѣторожденія и болѣе удобнаго воспитанія своихъ юныхъ порожденій въ прѣсныхъ водахъ, большими массами передвигаются изъ соленыхъ водъ морей въ болѣе прѣсныя воды заливовъ и рѣкъ, спрашиваетъ: «кто же ихъ движетъ? какое царское повелѣніе, какіе указы прибитые на площади извѣщаютъ о наступившемъ срокѣ? Кто у нихъ проводники? Видишь, какъ Божіе распоряженіе все замѣняетъ собою и доходитъ до самыхъ малыхъ тварей!—Рыба не прекословитъ Божію закону, а мы человекѣ не соблюдаемъ спасительныхъ наставленій. Не презирай рыбъ потому, что они совершенно безгласны и неразумны: но бойся, чтобы не сдѣлаться тебѣ неразумнѣе и рыбъ чрезъ противленіе постановленію Творца.....Если неразумныя твари догадливы и искусны въ попеченіи о собственномъ своемъ спасеніи, и если рыба знаетъ, что ей избрать, и чего ей бѣгать; что скажемъ мы, отличенные разумомъ, наставленные закономъ, побуждаемые обѣтованіями, умудренные Духомъ, и при всемъ томъ распоряжающіе своими дѣлами неразумнѣе рыбъ? Ибо онѣ умѣютъ промыслять нѣсколько о будущемъ, а мы, отринувъ надежду на будущее, губимъ жизнь въ сиютскомъ састолюбіи. Рыба мѣняетъ столько морей, чтобы найти какое-нибудь удобство; что же скажешь ты, провождающій жизнь въ праздности? Праздность начало злыхъ дѣлъ. Никто да не извиняется невѣдѣ-

ніемъ. Въ насъ вложенъ природный разумъ, который учить присвоить себѣ доброе, а удалять отъ себя вредное».

«Не могу умолчать, говорить еще св. Василій, о лукавствѣ и вороватости полипа, который всякій разъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому легко пристааетъ; почему многія рыбы, безъ опасенія плавая, приближаются къ полипу, точно какъ къ камню, и дѣлаются готовою добычею хитреца. Таковы правомъ тѣ, которые угождаютъ всякой преобладающей власти, каждый разъ соображаются съ обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намѣренія, удобно дѣлаются то-тѣмъ, то другимъ, съ цѣломудренными уважаютъ цѣломудріе, съ невоздержными невоздержны, въ угодность всякому перемѣняютъ расположенія. Отъ такихъ людей не легко уклониться и спастись отъ наносимаго ими вреда; потому что задуманное ими лукавство закрыто личною дружбы. Людей такого нрава Господь называетъ волками хищными, которые являются въ одеждахъ овчихъ (Матѣ. 7, 15). Бѣгай на все изворотливаго и многоличнаго нрава; домогайся истины, искренности и простоты. Змѣя пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведникъ не лукавъ: посему *вселяетъ Господь единомысленныя въ домъ* (Пс. 67, 7).

Въ заключеніе бесѣды св. Василій говоритъ: «здѣсь принуждаютъ меня положить конецъ слову и *тѣлесная немощь и вечернее время*, хотя для любителей слушанія и могъ бы я присовокупить еще много достоудивительнаго о морскихъ произведеніяхъ..... Но спасшись изъ глубинъ прибѣгнемъ на твердую землю ⁽¹⁾. Ибо чудеса мірозданія, одно за другимъ подавляя насъ собою, какъ бы подобно волнамъ, частыми и непрерывными притоками, держали слово наше погружен-

(1) Въ этой бесѣдѣ говорилъ о водныхъ животныхъ, а въ слѣдующей предполагаетъ говорить о птицахъ.

нымъ въ водахъ; хотя и то будетъ удивительно, если мысль наша не встрѣтитъ на твердой землѣ еще большихъ чудесъ и, по примѣру Іоны, не побѣжитъ опять къ морю. Но мнѣ кажется, что слово мое, увлекшись тысячами чудесъ, забыло соразмѣрность, и подверглось одной участи съ плавающими по морю, которые, не имѣя непремѣнныхъ знаковъ къ измѣренію своего движенія, часто не знаютъ, далеко ли уплыли. Тоже, кажется мнѣ, случилось и съ нами; пока слово обтекало твореніе, мы и непочувствовали множества нами сказаннаго. Но хотя честное сіе собраніе и имѣетъ охоту къ слушанію, и для слуха рабовъ пріятно повѣствованіе о чудесахъ Владычныхъ; однакоже, здѣсь введя слово въ пристань подождемъ дня, чтобы пересказать остальное. Возстанемъ же всѣ, возблагодаримъ за сказанное, и помолимся объ исполненіи оставшагося. Да будетъ у васъ и во время принятія пищи предметомъ застольныхъ бесѣдъ какъ то, чего коснулось слово *утромъ*, такъ и то, что излагало оно *вечеромъ*; въ мысляхъ о семъ застигнутые сномъ, и почивая да насладитесь дневнымъ веселіемъ, чтобы можно было сказать вамъ о себѣ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. пѣсн. 5, 2), день и ночь поучаясь въ законѣ Господа».

Обратимъ снова вниманіе, какъ на неутомимость вдохновеннаго проповѣдника, который, не смотря на тѣлесную немощь и истощенность силъ физическихъ, побуждаемый неутомимою ревностію духа, утромъ и вечеромъ назидалъ свою паству словомъ, такъ и на усердіе къ его слову въ слушающихъ, которые, не смотря на дневные труды и заботы, утромъ и вечеромъ являлись въ храмъ Господень. Примемъ же къ свѣдѣнію только, но и къ исполненію слова св. Василія о томъ, чтобы предметомъ нашихъ бесѣдъ за столомъ было то, что коснулось нашего слуха въ храмѣ Божіемъ, или изъ службы церковной, или изъ произнесеннаго пастыремъ церк-

ви поученія. Нынѣ, къ великому прискорбію, предметомъ разговора за столомъ и послѣ стола, по большей части, бываютъ пересуды разныхъ лицъ, знаемыхъ и незнаемыхъ, сплетни и безчинный смѣхъ, такъ что вступившему въ такое общество людей трудно бываетъ опредѣлять, христіанское ли это общество или языческое.

Бесѣда 8-я. Въ этой бесѣдѣ св. Василій подтверждаетъ прежде высказанную мысль, что все пришло къ бытію вдругъ въ полномъ совершенствѣ своего развитія, а потомъ уже каждый родъ живыхъ существъ долженъ былъ продолжать свое существованіе указаннымъ отъ Бога способомъ.

И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, и четвероногая, и гады, и зѣри земли по роду: и бысть тако (Быт. 1, 24).—«Когда сказалъ: да изведетъ, не значить, что земля износитъ уже находившееся въ ней, но Давшій повелѣніе даровалъ землѣ и силу извести. Ибо когда земля услышала: да произраститъ быліе травное и древо плодовитое: не скрытую какую нибудь въ ней траву извела изъ себя, не таившіеся гдѣ-нибудь въ низу въ нѣдрахъ ея пальмы, или дубъ, или кипарисъ, пустила на свою поверхность; но Божіе слово созидаетъ естество тварей. *Да прораститъ земля:* изринетъ не то, что имѣетъ, но да пріобрѣтетъ то, что не имѣетъ, поколику Богъ даруетъ силу дѣйствовать. Такъ и теперь: да изведетъ земля душу живу, не ту, которая уже въ ней, но ту, которая дана ей Богомъ чрезъ самое сіе повелѣніе».

Далѣе въ этой бесѣдѣ св. Василій показываетъ, какъ прервосходство въ организаціи птицъ надъ рыбами, такъ и въ дарованіи имъ большей степени развитости въ инстинктивномъ пониманіи средствъ къ удовлетворенію своихъ естественныхъ нуждъ. Въмѣстѣ съ симъ показываетъ, что какъ нтицы, такъ и животныя, употребляютъ тѣ только средства и спосо-

бы къ поддержанію своего существованія, какія указаны имъ Богомъ, не измѣняя ихъ на другіе, что показываетъ въ нихъ, какъ безусловную и вмѣстѣ безсознательную покорность волѣ Божіей, такъ и неспособность къ самоусовершенствованію, каковое преимущество дано только человѣку.

Бесѣда 9-я. Въ этой бесѣдѣ, сравнивая устройство тѣла четвероногихъ животныхъ съ устройствомъ человѣка, и обращая слово свое къ предстоявшимъ въ церкви, говоритъ: «твоя голова поднята къ небу, очи твои взираютъ горѣ. Поэтому, хотя ты иногда безчестишь себя плотскими страстями, работая чреву и низшему чрева, *приложившись скотамъ немысленнымъ и уподобившись имъ* (Пс. 48, 13); однакоже, тебѣ прилично иное попеченіе—*высиихъ искати, идѣже есть Христосъ* (Колос. 3, 1), мыслію своею быть выше земнаго. А какой данъ тебѣ видъ, такъ располагай и своею жизнію. *Житіе* свое имѣй *на небесяхъ* (Филип. 3, 20). Истинное отечество твое—горній Іерусалимъ; граждане и соотечественники твои—*первородные написанные на небесяхъ* (Евр. 12, 20).

Нѣкоторые неразумные мыслители, рассматривая видимую природу, вмѣсто того, чтобы благоговѣть предъ премудрымъ и преблагимъ Творцомъ, стараются обвинить Творца за сотвореніе ядовитыхъ насѣкомыхъ и свирѣпыхъ животныхъ, наносящихъ не рѣдко вредъ человѣку. Но св. Василій показываетъ такимъ кощуннымъ мыслителямъ, произносящимъ хулу на Святаго, что если звѣри, вмѣсто покорности человѣку, какъ назначено было въ началѣ, нападаютъ на него и наносятъ вредъ ему: то причиною этому не Богъ, а самъ человѣкъ, противленіемъ своимъ Богу возмущившій противъ себя и всю тварь. Но и теперь человѣкъ, когда достигаетъ чистоты и святости, въ какой находился первозданный человѣкъ до своего паденія, остается не только невре-

димымъ со стороны ядовитыхъ змѣй, но и полновластнымъ владыкою самыхъ свирѣпыхъ звѣрей, какъ показываютъ примѣры многихъ святыхъ. — «Никто не ставь въ вину Творцу», говоритъ св. Василій, «что Онъ произвелъ животныхъ ядовитыхъ, разрушительныхъ и враждебныхъ нашей жизни. Иначе станетъ кто вѣбудъ винить и пѣстуна, что онъ удобо-подвижность юности приводитъ въ порядокъ ударами, и бичами уцѣломудриваетъ продерзость. Звѣри дѣлаются и доказательствомъ вѣры. Вѣришь ли Господу, сказавшему: *на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змія* (Пс. 90, 13)? И по вѣрѣ имѣешь ты власть попирать змѣй и скорпіоновъ. Развѣ не знаешь, что эхидна, прикоснувшаяся къ Павлу, когда онъ собиралъ хворостъ, не сдѣлала ему никакого вреда, потому что Святый нашелся исполненнымъ вѣры (Дѣян. 28, 3—6). А если не имѣешь вѣры, то бойся не звѣря, а своего паче невѣрія, чрезъ которое сдѣлалъ ты себя отъ всего удоборазрушаемымъ».

Бесѣды на Псалмы.

Бесѣды на Псалмы произнесены были св. Василиемъ въ церкви, и эти бесѣды также говорены были ежедневно, какъ видно изъ бесѣды на окончаніе 14 псалма. Мы имѣемъ въ настоящее время его бесѣды не на всѣ Псалмы; но есть основаніе думать, что ихъ было болѣе: такъ, въ бесѣдѣ на Псаломъ 14, упоминается о другой бесѣдѣ на тотъ же Псаломъ, говоренной наканунѣ, которой мы не имѣемъ. Въ концѣ бесѣды на первый Псаломъ общаетъ продолженіе оной, но этого продолженія, однакоже, не имѣется въ числѣ оставшихся бесѣдъ на Псалмы.

Предоставляя желающимъ для уясненія себѣ смысла Псалмовъ прочитать всѣ бесѣды св. Василія, мы для ознакомле-

нія съ ними нашихъ читателей, укажемъ только на нѣкоторыя мѣста, могущія послужить лучшимъ руководствомъ нравственныхъ дѣйствій и для современныхъ христіанъ.

Въ бесѣдѣ на первый Псаломъ св. Василій прежде всего раскрываетъ ту всеобъемлющую пользу, какую приносятъ они читающимъ или поющимъ ихъ. «Книга Псалмовъ, говоритъ онъ, объемлетъ въ себѣ полезное изъ всѣхъ (священныхъ) книгъ. Она пророчествуетъ о будущемъ, приводитъ на память событія, даетъ законы для жизни, предлагаетъ правила для дѣятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрыхъ ученій, и тщательно отыскиваетъ, что каждому на пользу. Она врачуетъ и застарѣлыя раны души, и недавно уязвленному подаетъ скорое исцѣленіе, и болѣзненное восстанавливаетъ, и неповрежденное поддерживаетъ; вообще же, сколько можно, истребляетъ страсти, какія въ жизни человѣческой подъ разными видами господствуютъ надъ душами. И при семъ производитъ она въ человѣкѣ какое-то тихое услажденіе и удовольствіе, которое дѣлаетъ разсудокъ цѣломудреннымъ Если бы кто, какъ звѣрь, разсвирѣпѣлъ отъ гнѣва: какъ скоро усладитъ слухъ его Псаломъ,—пойдетъ прочь, немедленно укротивъ въ себѣ свирѣпость души сладкопѣніемъ.—Псаломъ—тишина душъ, раздаятель мира; онъ утишаетъ мятежные и волнующіеся помыслы; онъ смягчаетъ раздражительность души и уцѣломудриваетъ неводержимость Псаломъ—убѣжище отъ демоновъ, вступленіе подъ защиту Ангеловъ, оружіе въ почныхъ страхованіяхъ, упокоеніе отъ дневныхъ трудовъ, безопасность для младенцевъ, украшеніе въ цвѣтущемъ возрастѣ, утѣшеніе старцамъ, самое приличное убранство для женъ. Псаломъ населяетъ пустыни, уцѣломудриваетъ торжища».

Блаженъ мужъ, иже не иде (не ходилъ) на совѣтъ нече-

стивыхъ. Обращая вниманіе на слово: не иде, св. Василій говоритъ: «кто еще въ живыхъ, того нельзя назвать блаженнымъ, по неизвѣстности окончанія жизни; но кто исполнилъ возложенныя на него обязанности и заключилъ жизнь неукоризненнымъ концемъ: того безопасно уже назвать блаженнымъ. Почему же блажени ходящіе въ законѣ Господни (Пс. 118, 1)? Здѣсь Писаніе называетъ блаженными неходившихъ, но еще ходящихъ въ законѣ. Это потому, что дѣлающіе добро за самое дѣло достойны одобренія; а избѣгающіе зла заслуживаютъ похвалу не тогда, какъ они разъ или два уклонятся отъ грѣха, но тогда, какъ возмогутъ навсегда избѣжать искушенія во злѣ».

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Всякое сомнѣніе о бытіи Божіемъ, судѣ Божіемъ и промыслѣ Божественномъ назвавъ совѣтомъ нечестивыхъ, св. Василій говоритъ: «посему блаженъ, кто не далъ въ себѣ мѣста сомнѣнію о Богѣ, кто не впалъ въ малодушіе при видѣ настоящаго (т. е. превратности жизни и неравенства иногда въ раздѣлѣ внѣшняго благосостоянія между праведными и нечестивыми), но ожидаетъ чаемаго, кто о Создавшемъ насъ не возымѣлъ недовѣрчивой мысли».

«Блаженъ и тотъ, кто не сталъ на пути грѣшныхъ. Путемъ называется жизнь; потому что каждый изъ рожденныхъ поспѣшаетъ къ концу. Какъ сидящіе на кораблѣ безъ всякаго усилія несутся вѣтромъ къ пристани, и хотя сами того не чувствуютъ, однакоже бѣгъ корабля приближаетъ ихъ къ цѣли: такъ и мы, съ протекающимъ временемъ жизни нашей, какъ бы нѣкоторымъ непрерывнымъ и непрестаннымъ движеніемъ въ незамѣтномъ теченіи жизни, увлекается каждый къ своему предѣлу. Напримѣръ: ты спишь? а время утекаетъ отъ тебя. Ты бодрствуешь, и мысль твоя занята? но вмѣстѣ и жизнь тратится, хотя и убѣгаетъ это отъ

нашего чувства. Всѣ мы человѣки бѣжимъ по какому-то поприщу, и каждый изъ насъ спѣшитъ къ своей цѣли, поэтому всѣ мы въ пути. И такимъ образомъ можешь составить себѣ понятіе о семъ пути. Ты путникъ въ этой жизни; все проходитъ мимо; все остается позади тебя; видишь на пути растеніе, или траву, или воду, или другое что достойное твоего зрѣнія: полюбовался недолго, и пошелъ дальше. Опять встрѣчаешь камни, пропасти, утесы, скалы, пни, а иногда звѣрей, пресмыкающихся гадовъ, терніе, или иное что непріятное: поскорбѣлъ недолго и потомъ оставилъ. Такова жизнь; она не имѣетъ ни удовольствій постоянныхъ, ни скорбей продолжительныхъ».

«Что же значитъ *не ста*? Человѣкъ, находясь въ первомъ возрастѣ, еще ни пороченъ, ни добродѣтеленъ, потому что сей возрастъ не способенъ ни къ тому, ни къ другому состоянію. Но когда разумъ въ насъ созрѣлъ, тогда сбывается написанное: *пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ* (Рим. 7, 9—10). Ибо возникаютъ лукавые помыслы, раждающіеся въ душахъ нашихъ отъ плотскихъ страстей. Дѣйствительно, заповѣдь пришла, то есть пріобрѣтено познаніе добра, и если она не преодолюетъ худаго помысла, но попуститъ разсудку поработиться страстямъ; то грѣхъ ожилъ, умеръ же умъ, сдѣлавшись мертвъ чрезъ грѣхопаденіе. Посему блаженъ, кто не закоснѣлъ *на пути грѣшныхъ*, но благимъ разумомъ востекъ въ жизнь благочестивую».

«Два есть пути, одинъ другому противоположные—путь широкій и пространный, и путь тѣсный и скорбный. Два также путевода, и каждый изъ нихъ старается обратить къ себѣ. На пути гладкомъ и покатоу путеводитель обманчивъ; это лукавый демонъ, и онъ посредствомъ удовольствій увлечъ слѣдующихъ за нимъ въ погибель: а на пути не

гладкомъ и крутомъ путеводителемъ добрый Ангелъ, и онъ чрезъ многотрудность добродѣтели ведетъ слѣдующихъ за нимъ къ блаженному концу. Пока каждый изъ насъ младенецъ, и гоняется за тѣмъ, что услаждаетъ въ настоящемъ, до тѣхъ поръ ни мало не заботится онъ о будущемъ. Но ставъ уже мужемъ, когда понятія усовершеншились, онъ какъ бы видитъ, что жизнь передъ нимъ дѣлится, и ведетъ, то къ добродѣтели, то къ пороку; и часто обращая на нихъ душевное око, различаетъ, что свойственно добродѣтели и пороку. Жизнь грѣшниковъ показываетъ въ себѣ всѣ наслажденія настоящаго вѣка. Путь спасаемыхъ сколько общаетъ благъ будущихъ, столько представляетъ трудовъ въ настоящемъ. А жизнь снотолубивая и невоздержная предлагаетъ не ожидаемое впоследствии, но настоящее уже наслажденіе. Посему всякая душа приходитъ въ круженіе и не можетъ устоять среди помысловъ. Когда приведетъ себѣ на мысль вѣчное, избираетъ добродѣтель; когда же обратитъ взоръ на настоящее, предпочитаетъ удовольствіе. Здѣсь видитъ прохладу для плоти, а тамъ ея порабощеніе; здѣсь пїянство, а тамъ постъ; здѣсь не обузданный смѣхъ, а тамъ обильныя слезы; здѣсь пляски, а тамъ молитву; здѣсь свирѣли, а тамъ воздыханія; здѣсь блудъ, а тамъ дѣвство. Поелику же истинное благо удобопостижимо разумомъ только чрезъ вѣру, а сладость грѣха у насъ подъ руками: то блаженъ, кто не увлекся въ погибель приманками удовольствія, но съ терпѣніемъ ожидаетъ надежды спасенія, и при выборѣ того или другаго пути, не вступилъ на путь, ведущій ко злу».

И на стадалищи губителей не следе. Подъ сѣдалищемъ, говоритъ св. Василій, рузумѣется неподвижное и постоянное коснѣніе въ одобреніи грѣха. Сего должно остерегаться намъ, потому что ревностное коснѣніе во грѣхѣ производитъ въ душахъ нѣкоторый неисправимый навѣкъ. Ибо застарѣвшая-

ся душевная страсть, или временемъ утвержденное помышленіе о грѣхѣхъ, съ трудомъ врачуются, или дѣлаются и совершенно неисцѣльными, когда навыки, какъ всего чаще случается, переходятъ въ природу. Посему должно желать, чтобы намъ даже и не прикасаться къ злу. А другой путь—тотчасъ по искушеніи бѣжать его, какъ удара наносимаго стрѣлкою, по написанному у Соломона о злой женѣ: *ниже настави ока своего къ ней, но отскочи, не замедли* (Притч. 9, 18). И теперь знаю такихъ, которые въ юности попользались въ плотскія страсти, и до самой сѣдины, по привычкѣ къ злу, пребываютъ во грѣхахъ. Какъ свиньи, валяясь въ тинѣ, непрестанно болѣе и болѣе облипаютъ грязью: такъ и эти люди, чрезъ сластолюбіе, съ каждымъ днемъ, покрываютъ себя новымъ позоромъ. Итакъ, блаженное дѣло—и не помышлять о злѣ. Если же, уловленный врагомъ, принялъ ты въ душу совѣты нечестія, не стой во грѣхѣхъ. А если и тому подвергся, не утверждайся во злѣ. Посему, не сиди на *сѣдалищи губителей*».

«Если ты понялъ, какое сѣдалище разумѣть Писаніе, а именно, называетъ такъ продолжительное пребываніе во злѣ; то изслѣдуй, кого оно именуетъ губителями. О моровой язвѣ люди свѣдущіе въ этомъ говорятъ, что она если прикоснется къ одному человѣку или скоту, чрезъ сообщеніе распространяется на всѣхъ приближающихся. Таково свойство этой болѣзни, что всѣ другъ отъ друга наполняются тою же немощію. Таковы и дѣлатели беззаконія. Ибо, передавая другъ другу болѣзнь, всѣ вмѣстѣ страдаютъ недугомъ, и вмѣстѣ погибаютъ. Не случилось ли тебѣ видѣть, какъ блудники сидятъ на торжищахъ, осмѣиваютъ цѣломудренныхъ, рассказываютъ свои срамныя дѣла, свои занятія, достойныя тьмы, и перечисляютъ случаи своего безчестія, какъ подвиги, или другія какія доблести. Это—губители, которые старают-

ся собственный свой порокъ передать всѣмъ, и усиливаются сдѣлать многихъ себѣ подобными, чтобы избѣжать поношенія, когда пороки будутъ общими. Огонь, коснувшись удобовозгораемаго вещества, не можетъ не обхватить всего этого вещества, особенно если подуетъ сильный вѣтеръ, который переноситъ пламень съ одного мѣста на другое. Такъ и грѣхъ, прикоснувшись къ одному человѣку, не можетъ не перейти ко всѣмъ приближающимся, когда раздуваютъ его лукавые духи. Такъ духъ блуда не ограничивается тѣмъ, чтобы подвергнуть безчестию одного, но тотчасъ присоединяются товарищи: пиры, пьянство, срамныя повѣсти и непотребная женщина, которая вмѣстѣ пьетъ, одному улыбается, другаго соблазняетъ, и всѣхъ располагаетъ къ тому же грѣху. Ужели мала эта зараза, маловажно распространеніе зла..... Итакъ, не сиди *на сѣдалищи губителей*, не участвуй въ собраніи людей, повреждающихъ нравственность и пагубныхъ, не оставайся въ обществѣ совѣтниковъ на зло!»

Въ концѣ бесѣды говоритъ: «мнѣ трудно продолжать служеніе слову, потому что по врожденной немощи недостаетъ у меня голоса», и потому обѣщаетъ продолженіе оной въ послѣдующее время.

Бесѣда на Псаломъ 7. Спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя, и избави мя, да не когда похититъ яко левъ душу мою.— Объяснивъ эти слова, св.Василій обращаетъ вниманіе на то, что и Божіихъ подвижниковъ врагъ не оставляетъ безъ испытанія даже при самомъ исходѣ ихъ изъ сей жизни. «Думаю, говоритъ онъ, что о мужественныхъ Божіихъ подвижникахъ, которые чрезъ всю свою жизнь довольно боролись съ невидимыми врагами, когда избѣжать всѣхъ ихъ гоненій, находясь при концѣ жизни, князь вѣка сего извѣдываетъ, чтобы удержать ихъ у себя, если найдутся на нихъ раны,

*

полученныя во время борьбы, или какія нибудь пятна и отпечатки грѣха.

Аесли будутъ найдены неузвѣнными и незапятнанными, то, какъ непобѣдимые, какъ свободные, будутъ упокоены Христомъ. Посему Пророкъ молится о будущей и настоящей жизни».

Бесѣда на 28 Псаломъ.—*Принесите Господеву славу и честь.* Св. Василій объясняетъ, какъ и чѣмъ мы можемъ прославлять Бога, а вмѣстѣ показываетъ и то, что, увлекаясь грѣховнымъ какимъ-либо расположеніемъ, мы содѣйствуемъ къ прославленію врага нашихъ душъ—діавола, за что и подвергнемся вмѣстѣ съ нимъ осужденію. «А что грѣхъ нашъ, говоритъ онъ, обращается въ славу тому, кто внушаетъ его намъ, уразумѣй это изъ подобія. Два военачальника вступаютъ въ сраженіе. Когда побѣждаетъ одно войско,—предводитель его пріобрѣтаетъ славу; а когда одерживаетъ верхъ противное войско,—вся честь принадлежитъ полководцу сего другаго войска. Такъ въ добрыхъ дѣлахъ твоихъ прославляется Господь, а въ противныхъ—противникъ. Не представляй, что враги далеко; и на военачальниковъ смотри не издали, но обрати взоръ на себя самага, и найдешь совершенную вѣрность подобія. Ибо когда умъ борется съ страстію, и своимъ усиленіемъ и внимательностію одерживаетъ верхъ: тогда торжествуетъ онъ побѣду надъ страстію, и успѣхомъ своимъ какъ бы увѣнчиваетъ самага Бога; а когда, ослабѣвъ, поддается сластолюбію, тогда, сдѣлавшись рабомъ и плѣнникомъ грѣховъ, доставляетъ врагу случай къ похвалѣбѣ, превозношенію и высокомерію». Но прославленіе Бога добрыми дѣлами не остается безплоднымъ и для насъ самихъ. «Кто здѣсь добрыми дѣлами приноситъ славу и честь Господу, тотъ самъ себѣ сокровиществуетъ славу и честь во время праведнаго воздаянія Судіи».

Разбирая слова: *гласъ Господень на водахъ*, св. Василій обращаетъ вниманіе на то, что такое *гласъ*, и какъ *гласъ* Господень, т. е. воля Божія, выраженная на понятныхъ для насъ словахъ, сообщалась Пророкамъ. Такъ ли, какъ мы сообщаемъ свою мысль другому лицу, т. е. чрезъ сотрясеніе воздуха, находящагося между нами и другимъ лицомъ, производя впечатлѣніе на слуховой его органъ, или инымъ какимъ либо способомъ. — Св. Василій не допускаетъ этой посредствующей причины — сотрясенія воздуха, при сообщеніи воли Божіей Пророкамъ. Воздухъ, какъ посредствующая причина къ сообщенію нашихъ мыслей другому лицу, необходимъ только для нашихъ душъ, обложенныхъ плотію, и потому способныхъ входить въ общеніе съ душею другаго человѣка только при посредствѣ тѣлесныхъ органовъ и воздуха, находящагося между говорящими. Но Богъ, какъ чистѣйшій Духъ, можетъ сообщать свою волю людямъ освященнымъ Его благодатію, и назначаемымъ быть орудіями къ выполненію Его особой воли, входя въ непосредственное общеніе съ ихъ умною силою. Къ уясненію этого непосредственнаго общенія Бога съ святыми мужами, св. Василій обращаетъ вниманіе на сновидѣнія. Въ сонныхъ видѣніяхъ мы слышимъ звуки и опредѣленные слова безъ сотрясенія внѣшняго воздуха, и слышанныя въ сонныхъ видѣніяхъ слова мы ясно припоминаемъ и въ бодрственномъ состояніи, съ такою же отчетливостію и убѣдительностію въ дѣйствительности слышаннаго, какъ бы мы слышали на яву. Это показываетъ «что въ душѣ можно возбуждать разныя представленія звуковъ и словъ безъ посредства воздуха и внѣшнихъ органовъ». Что такое *гласъ Господень*? — Гласъ сей, говоритъ св. Василій, совершенно инаго рода, и слышащимъ его представляетъ себя владычественное (т. е. умъ) въ томъ человѣкѣ, которому Богъ хочетъ явить собственный Свой гласъ; такъ что представленіе сіе имѣетъ сходство съ тѣмъ, что

бываетъ не рѣдко во снѣ. Ибо, какъ безъ сотрясенія воздуха, вслѣдствіе представленій бывающихъ во снѣ, удерживаемъ въ памяти нѣкоторыя слова и звуки, не чрезъ слухъ принявъ голосъ, потому что онъ напечатлѣнъ въ самомъ сердцѣ нашемъ; такъ чѣмъ-то подобнымъ сему должно представлять и тотъ гласъ, который бываетъ къ Пророкамъ отъ Бога».

Гласъ Господа пресѣцающаю пламень огня. Выясняя эти слова, св. Василій показываетъ, что нераздѣлимая, видимому, свойства огня—сжигать и освѣщать, Господь силою своею можетъ отдѣлять одно отъ другаго, иногда оставляя во огнѣ одну жгучесть безъ свѣта, а иногда свѣтъ безъ силы сжигающей. «Пламень огня, говоритъ онъ, былъ пресѣченъ и въ Вавилонѣ, какъ видимъ изъ исторіи трехъ отроковъ, когда печь разливала его на сорокъ девять лактей и пожигала всѣхъ стоящихъ около (Дан. 3, 47); пресѣченный же повелѣніемъ Божиимъ пламень принявъ въ себя духъ и доставилъ отрокамъ самое пріятное дуновение и прохладу, такъ что они находились въ спокойномъ состояніи, какъ бы подъ древесною тѣнію. Ибо сказано: *бысть, яко духъ росы шумящъ* (Дан. 3, 50). И гораздо удивительнѣе пресѣченіе огненного естества, нежели раздѣленіе на части Чернаго моря. Но гласъ Господень пресѣкаетъ естественную неразрывность и связность огня. Хотя по человѣческимъ понятіямъ огонь кажется неразсѣкаемымъ и недѣлимымъ; однакоже, по повелѣнію Божию, онъ пресѣкается и раздѣляется. Думаю же, что огонь, уготованный въ наказаніе діаволу и аггеламъ его, пресѣкается гласомъ Господнимъ на тотъ конецъ, чтобы изъ двухъ силъ, свойственныхъ огню, а именно, силы сжигать и силы освѣщать, грозное и карательное въ огнѣ предоставлено было достойнымъ созженія, а свѣтоносное и свѣтозарное отдѣлено было въ отраду веселящимся. Посему, *гласъ Господа, пресѣцающаго и раздѣляющаго пламень огня*, нуженъ для того, чтобы огнемъ

наказанія стало несвѣтлое, а свѣтомъ упокоенія осталось несожигающее».

И въ храмъ Его всякій глаголетъ славу. Пользуясь ясно-стію этихъ словъ, св. Василій дѣлаетъ наставленіе, какъ должно стоять въ храмѣ, и вмѣстѣ обличаетъ неблагочинно стоящихъ. «Да слышать слова Псалма, говорить онъ, и да стыдятся тѣ, которые предаются многоглаголанію. Что говорить Псаломъ? Кто во храмѣ Божіемъ, тотъ не злословитъ и возвѣщаетъ не суету, не что либо исполненное срама; но во храмъ Его всякій глаголетъ славу. Здѣсь стоятъ святыя Ангелы и записываютъ твои слова; здѣсь самъ Господь, и назираетъ расположеніе входящихъ. Молитва каждого открыта предъ Богомъ. Ему открыто, кто по расположенію, кто разумно проситъ небснаго, кто только для вида, одними краями устъ выговариваетъ слова, а сердце его далеко отстоитъ отъ Бога; кто хотя и молится, но проситъ здоровья тѣлеснаго, плотскаго богатства, человѣческой славы. Ни о чемъ же подобномъ не должно молиться, какъ научаетъ Псаломъ: но во храмъ Его всякій глаголетъ славу. *Небеса повѣдаютъ славу Божію* (Пс. 18, 2). Занятіе Ангеловъ славословить Бога. Для всего небснаго воинства одно дѣло—возсылать славу Создателю. Всякая тварь, и безмолвная и вѣщающая, и премірная и земная, славить Создавшаго. А жалкіе люди, оставивъ дома и стекшись въ храмы, чтобы получить тамъ нѣкоторую пользу, не преклоняютъ слуха къ словамъ Божіимъ, не приходятъ въ сознаніе своей природы. Не скорбятъ о томъ, что ими обладаетъ грѣхъ, не скорбятъ приводя себѣ на память грѣхи свои, не трепещутъ суда, но съ улыбкою простирая другъ къ другу руки, домъ молитвы дѣлаютъ мѣстомъ длинныхъ бесѣдъ, не внимая Псалму, который свидѣтельствуетъ и говоритъ, что въ храмъ Божіемъ всякій глаголетъ славу. А ты не только самъ не глаголешь

славы, но и другому служишь препятствіемъ, обращая его вниманіе на себя, и своимъ шумомъ заглушая ученіе Духа. Смотри, вмѣсто того, чтобы получить награду за славословіе, не выйди отсюда осужденнымъ вмѣстѣ съ хулящими имя Божіе. У тебя есть Псаломъ, есть пророчество, евангельскія заповѣди, апостольскія проповѣди. Пусть поетъ языкъ; пусть умъ изъясняетъ смыслъ сказаннаго, чтобы воспѣть тебѣ духомъ, воспѣть же и умомъ. Богъ не требуетъ, но хочетъ, чтобы ты сталъ достоинъ прославленія. Посему, *еже спетъ человекъ, тожде и поженетъ* (Галат. 6, 7). Посѣй славословіе, чтобы пожать тебѣ вѣнцы, и почести, и похвалы въ царствѣ небесномъ».

Беспда на 32 Псаломъ.—Радуйтесь праведніи о Господь. Для уясненія того, какъ велика радость праведныхъ, возлюбившихъ Господа и совершенно предавшихъ водительству Его святой воли, показываетъ, что эта радость, если только и мгновенно, какъ бы нѣкимъ свѣтомъ, озарить душу грѣшника, для показанія ему того, какого великаго блага онъ лишается, оставаясь въ плѣну у грѣха, то и грѣшникъ въ эту благодатную минуту готовъ бываетъ оставить все, что услаждало его доселѣ, чтобы только не лишиться этого высокаго наслажденія. «Если когда въ сердцѣ твоемъ, говоритъ св. Василій, какъ бы ниспадшій свѣтъ произвелъ внезапную мысль о Богѣ, и озарилъ твою душу, такъ что ты возлюбилъ Бога, и презрѣлъ міръ и все тѣлесное; то изъ сего слабого и малаго подобія познай полное состояніе праведныхъ, которые равномерно и непрерывно возрастаютъ въ веселіи о Богѣ. Тебя по временамъ и рѣдко посѣщаетъ сія радость, по смотрѣнію Божію, чтобы малое ея внушеніе приводило тебѣ на память, чего ты лишился; а въ праведникѣ постоянно божественное и небесное веселіе, потому что въ немъ несомнѣнно обитаетъ Духъ: первый же плодъ Духа

есть *любы, радость, миръ* (Гал. 5, 22). Итакъ, *радуйтесь праведнѣи о Господѣ*. Господь для праведныхъ есть какъ бы вѣстилище, вступившему въ которое, по всей необходимости, должно благодушествовать и веселиться. И праведный дѣлается мѣстомъ для Господа, пріемлющимъ Его въ себя. А грѣшникъ даетъ въ себѣ мѣсто діаволу, не внимая говорящему: ниже дадите *мѣста діаволу*» (Ефес. 4, 27).

Бесѣда на 33 Псаломъ.—*Да услышатъ кротцыи, и возвеселятся.* Кроткими называются, говоритъ св. Василій,—укротившіе свои нравы, освободившіеся отъ всякой страсти, въ чьихъ душахъ не поселено никакого мятежа.... Кротость есть величайшая изъ добродѣтелей, потому причислена и къ блаженствамъ. Ибо сказано: *блажени кротцыи, яко тѣмъ насладятъ землю* (Матѣ. 5, 5). Земля сія—небесный Іерусалимъ—не бываетъ добычею состязующихся, но предоставлена въ наслѣдіе долготерпѣливымъ и кроткимъ».

Возвеличьте Господа со мною.—«Приличный себѣ ликъ собираетъ Пророкъ къ прославленію Господа. Не пріобщайся ко мнѣ ни мятежный, ни смущенный, ни распаляющій душу плотскими страстями: но вы—кроткіе, вы, которые пріобрѣли твердость и постоянство души, отрясли лѣньность и сонливость въ исполненіе своихъ обязанностей,—*вы возвеличьте Господа со мною*. Возвеличиваетъ же Господа тотъ, кто великимъ умомъ, твердымъ и возвышеннымъ духомъ терпитъ искушенія за благочестіе; и потомъ, кто великимъ умомъ, и въ самыхъ глубокихъ умозрѣніяхъ, разсматриваетъ величіе творенія, чтобы въ величіи и красотѣ тварей созерцать ихъ Рододѣлателя (Прем. Солом. 13, 15). Ибо чѣмъ кто болѣе углубляется въ законы, по которымъ устроена, и по которымъ управляется вселенная: тѣмъ яснѣе созерцаетъ велелѣпоту Господню, и по мѣрѣ силъ возвеличиваетъ Господа. Поелику же одного ума и размышленій од-

ного чело́вѣка ниско́лько недоста́точно къ уразумѣнію величія Божія: то Пророкъ всѣхъ вмѣстѣ кроткихъ пріемлетъ въ общеніе сего дѣла. Посему должно совершенно упразднить себя отъ вѣшнихъ мятелей, произвести совершенное безмолвіе въ потаенной хранилѣ совѣтовъ сердца, и потомъ приступить къ созерцанію истины. Послушай исповѣдующагося во грѣхѣхъ, что онъ говоритъ? *Смятеся отъ ярости око мое* (Пс. 6, 8). Не только же гнѣвъ, но и пожеланіе, и робость, и зависть приводятъ въ смятеніе око души, и вообще всѣ страсти приводятъ въ замѣшательство и смятеніе душевную прозорливость. И какъ не возможно мутнымъ окомъ принять вѣрное впечатлѣніе отъ видимаго предмета; такъ не возможно съ возмущеннымъ сердцемъ приступить къ познанію истины». Изъ этого-то источника, то есть, омраченія ока ума страстями, происходитъ ослѣпленіе многихъ естествоиспытателей, которые, удивляясь величію творенія Божія, не видятъ однакоже самаго Творца.

Ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ. Показавъ чрезвычайную силу Ангела Господня, равняющуюся дѣлу воинству, св. Василій замѣчаетъ однако же, что Ангелъ Господень является для охраненія только боящихся Господа. Ангелъ, говоритъ онъ, не отступитъ отъ всѣхъ увѣровавшихъ въ Господа, если только не отгонимъ его сами худыми дѣлами. Ибо, какъ пчелъ отгоняетъ дымъ, а голубей смрадъ, такъ и хранителя нашей жизни—Ангела, отдаляетъ многоплачевный и смердящій грѣхъ. Если имѣешь въ душѣ дѣла достойныя Ангельскаго храненія, и обитаетъ въ тебѣ умъ обогащенный умозрѣніями истины: то по богатству неоцѣненныхъ дѣлъ добродѣтели, Богъ необходимо приставитъ къ тебѣ стражей и хранителей, и оградитъ тебя охраненіемъ Ангеловъ. Смотри же, какова природа Ангеловъ! Одинъ Ангелъ равняется дѣлу

воинству и многочисленному ополченію. Итакъ, въ величіи твоего хранителя Господь даруетъ тебѣ ополченіе, а въ крѣпости Ангела какъ бы ограждаетъ тебя отъсюду его защитыю».

Бойтеся Господа вси святіи Ею, яко нпсть лишенія боящимся Ею. Выясняя эти слова, св. Василиій говоритъ, что тѣ, которые ограждаютъ себя отъ увлеченія чѣмъ-либо грѣховнымъ—страхомъ Божиимъ, не потерпятъ лишенія ни въ одной изъ добродѣтелей, служащихъ необходимою принадлежностью совершенства человѣка. Какъ у пригвожденныхъ гвоздями, говоритъ онъ, члены остаются неподвижны и бездѣйственны; такъ и объятые въ душѣ Божиимъ страхомъ избѣгаютъ всякаго страстнаго обуреванія грѣховъ. Посему, *нпсть лишенія боящемуся*; то-есть, удерживаемый страхомъ отъ всякаго неприличнаго поступка, не лишень силъ ни для какой добродѣтели, но совершенъ, и не имѣетъ недостатка ни въ одномъ изъ совершенствъ, свойственныхъ человѣческой природѣ. Какъ по тѣлу не совершенъ тотъ, у кого не достаетъ какого-либо необходимаго члена, но въ томъ самомъ и несовершенъ, чего недостаетъ ему: такъ нерадѣющій и о единой заповѣди, чрезъ неисполненіе, бываетъ уже несовершенъ, по причинѣ сего недостатка. А кто усвоилъ себѣ совершенный страхъ и всего боится изъ богобоязности: тотъ ни въ чемъ не согрѣшитъ, потому что ничего не презираетъ; и онъ не потерпитъ лишенія, потому что во всякомъ случаѣ непрестанно съ нимъ страхъ».

И ненавидящїи праведнаго преирпшатъ. Св. Василиій, объясняя эти слова, показываетъ, что ненавидящіе праведника самую свою ненавистію къ нему, обличаютъ свою грѣховность: если бы ихъ дѣла не были лукавы, то они не боялись бы свѣта благочестивой жизни праведника, и не стали бы ненавидѣть его, какъ молчаливаго, но постоянного обличі-

теля ихъ злыхъ дѣлъ самою противоположностью его жизни. Кромѣ того, ненавидящіе праведника прегрѣшаютъ, какъ противъ самаго праведника, оказывая ему несправедливость и вмѣстѣ неблагодарность за его поучительную для всѣхъ жизнь, такъ и противъ самаго Бога, нанося Ему оскорбленіе въ лицѣ вѣрныхъ Его слугъ, и ненавидя праведника за то именно, что онъ служитъ Богу, а не діаволу вмѣстѣ съ ними, ненавидящими въ праведникѣ праведныя его дѣла. «Они ненавидятъ праведника, потому что сами живутъ во грѣхахъ, а нравы праведника, какъ прямизна правила (линейки), обличаютъ ихъ при сличеніи съ совершеннымъ. И поелику живутъ во грѣхахъ; то, страшась обличенія, ненавистно обращаются съ праведникомъ. А поелику ненавидятъ его; то обременяютъ себя новыми грѣхами».

Бесѣда на 45 Псаломъ. Богъ намъ приближище и сила, помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зло. Каждый человекъ имѣетъ нужду въ помощи, потому что постоянно встрѣчаетъ много скорбей и трудностей, какъ по причинѣ немощи своего естества, такъ по навѣту діавола чрезъ порабощенныхъ ему грѣхомъ людей. Спокойствіе своей души человекъ обрѣтаетъ только тогда, когда все свое упованіе возложить на Бога и совершенно предается водительство Его святой и премудрой воли. «Но хотя всѣ согласны въ томъ, говоритъ св. Василій, что приближище наше въ Богѣ; однако-же врагъ вводитъ людей во многія заблужденія и затрудненія при избраніи Спасителя. Ибо уловляетъ ихъ въ засаду, какъ непріятель, и уловленныхъ опять обольщаетъ мыслию—прибѣгать къ нему, какъ къ хранителю». И врагъ нашихъ душъ—діаволъ разные способы употребляетъ къ отвлеченію насъ отъ Бога: или внушаетъ намъ просить у Бога бесполезнаго для насъ, или, въ случаѣ неисполненія Богомъ нашихъ, вредныхъ для насъ, просьбъ, побуждаетъ

возложить упованіе на людей, какъ лучшихъ помощниковъ въ тѣхъ нуждахъ, которымъ Богъ не хотѣлъ удовлетво- рить». Напримѣръ: боленъ ли кто? Избѣгая тягостей болѣз- ни, молится онъ о здоровьѣ.—Потерялъ ли деньги? Скор- бить объ утратѣ. Но часто и болѣзнь полезна, когда она вразумитъ грѣшника; и здоровье вредно, когда пользующе- муся имъ послужить пособіемъ ко грѣху. Такъ и деньги инымъ обратились въ средство къ распутству; а нищета уцѣломудрила многихъ, имѣвшихъ худыя стремленія. И— такъ, не убѣгай, чего не должно, и не прибѣгай, къ кому не должно. Но пусть будетъ у тебя одно избѣгаемое— грѣхъ, и одно прибѣжище въ несчастіяхъ—Богъ. Не пола- гайтесь на князей; не превозносите невѣрнымъ богат- ствомъ; не гордитесь тѣлесною силою; не гонитесь за блес- комъ человѣческой славы. Ничто это не спасетъ; все это временно, все обманчиво; одно прибѣжище—Богъ. *Прок- лять челоѡкъъ, иже надѣется на челоѡка* (Іер. 17, 5) или что либо челоѡческое».

Упразнитесь и уразумѣйте, яко Азъ есмь Богъ. Уясняя эти слова, св. Василій показываетъ, что, для познанія Бога необходимо имѣть сердце свободнымъ отъ всѣхъ грѣхов- ныхъ расположеній и привязанностей, и умъ неразвлекае- мый пустыми и безплодными умозрѣніями. «Пока мы зани- маемся, говоритъ онъ, предметами внѣ Бога,—не можемъ вмѣстить въ себѣ познанія о Богѣ. Ибо кто, заботясь о мір- скомъ и погрузившись въ плотскую разсѣянность, можетъ внимать ученію о Богѣ и имѣть довольно тщательности для столь важныхъ умозрѣній? Не видишь ли, что слово падши въ терніе, бываетъ подавлено терніемъ (Матѣ. 13, 22)? А терніе—плотскія удовольствія, богатство, слава, житейскія заботы. Ищущій познанія о Богѣ долженъ будетъ стать внѣ всего этого, и приведя въ себѣ въ бездѣйствіе страсти, вос-

принимать познаніе о Богѣ. Ибо въ душу, затѣсненную предварительно занявшими ее помыслами, какъ войдетъ понятіе о Богѣ? Зналъ и Фараонъ, что только праздному свойственно искать Бога, почему и укоряетъ Израиля: *праздни, праздни есте, и млаолете*: Господу Богу нашему помолимся (Исх. 5, 17). Но какъ хороша и полезна для предающагося праздности та праздность, которая производитъ въ насъ безмолвіе, нужное для принятія спасительныхъ ученій; такъ худа праздность Аѳинянъ, которые *ни во чтоже упражняхуся, развѣ млаолати что или слышати новое* (Дѣян. 17, 21). Сей праздности подражаютъ нѣкоторые и нынѣ, употребляя свободное время въ жизни на изобрѣтеніе какого-нибудь непрестанно новаго ученія. Такая праздность пріятна лукавымъ и нечистымъ духамъ. Сказано: *егда нечистый духъ изыдетъ отъ челоуѣка: речетъ возвращуся въ мѣсто, отнюду же изыдохъ: и пришедъ, обрящетъ домъ оный празденъ и пометенъ* (Матѳ. 12, 43, 44). Посему, праздность наша да не откроетъ входа противнику, а напротивъ того не будемъ оставлять празднымъ внутренній нашъ домъ, вселивъ въ себя предварительно Христа Духомъ! Пророкъ говоритъ: *упразднитесь* отъ развлекающихъ васъ враговъ, чтобы въ безмолвіи созерцать вамъ ученіе истины. Посему и говоритъ: *всякъ, иже не отречется всею своею имѣніа, не можетъ быть Мой ученикъ* (Лук. 14, 33). Итакъ, должно упраздниться отъ дѣлъ супружескихъ, чтобы заняться молитвою, упраздниться отъ попеченій о богатствѣ, отъ пожеланія земной славы отъ наслажденія удовольствіями, отъ зависти и всякаго злаго дѣла противъ нашего ближняго, чтобы, когда душа наша въ тишинѣ и не возмущается никакою страстію; въ ней, какъ въ зеркалѣ, было чисто и не омрачено Божіе озареніе».

Бесѣда на 48 Псаломъ. Надѣющіися на силу свою и о

множество богатства своего хвалящися. Братъ не избавитъ: избавитъ ли человекъ? не дастъ Богу измѣны за ся, и цѣну избавленія души своея. Въ этихъ словахъ св. Василій видитъ указаніе на то, что для искупленія себя отъ осужденія за грѣхъ человекъ не можетъ отыскать никакихъ средствъ ни самъ въ себѣ, ни въ другомъ человекѣ». Человекъ, говоритъ онъ, и за собственные грѣхи не можетъ дать Богу умиловительной жертвы. Какъ же возмозетъ сдѣлать это за другаго?—Кромѣ того, что каждый человекъ подлежитъ уже осужденію за первородный грѣхъ, никто по немощи естества своего не можетъ не допустить, въ продолженіи своей жизни на землѣ, какого либо произвольнаго грѣха. Но допустивъ хотя одинъ грѣхъ, онъ уже преступникъ закона и слѣд. подлежитъ осужденію. А такъ какъ для того, чтобы вступить въ общеніе съ Богомъ, нужно быть совершенно чистымъ отъ всякаго грѣха: поэтому, чтобы изгладить пятно, наложенное на душу грѣхомъ, человекъ, неимѣющій въ себѣ силы сдѣлать не существующимъ то, что уже совершено однажды, долженъ, по крайней мѣрѣ, совершить такое доброе дѣло сверхъ своихъ обязанностей, которое бы могло закрыть грѣховное пятно на душѣ. Но что же человекъ можетъ сдѣлать сверхъ своихъ обязанностей? Всѣ силы души и тѣла человека каждое мгновеніе его жизни принадлежать Богу и должны быть посвящены на служеніе Ему. Изъ этого ясно видно, что человекъ не имѣетъ ни силъ, ни времени для того, чтобы сдѣлать что либо сверхъ своихъ обязанностей для заглаженія однажды допущеннаго грѣха. Если же человекъ самъ себя не можетъ искупить отъ осужденія за грѣхъ: то само собою ясно, что онъ еще менѣе можетъ сдѣлать для искупленія другаго человека. Доказательствомъ этому служить примѣръ Моисея. «Моисей, говоритъ св. Василій, не освободилъ народа отъ грѣха, но

только умолилъ Бога не карать за грѣхъ. Онъ и за себя не могъ дать *измѣны*, когда впалъ въ прегрѣшеніе и послѣ столь многихъ и великихъ чудесъ и знаменій, какія видѣлъ, произнесъ слово сомнѣнія: *послушайте мене непокоривые, еда изъ камени сею изведемъ вамъ воду?* Посему и Господь за сіе слово рече къ Моисею и Аарону: *понеже не въровасте Мя освятити предъ сынами израильскими сею, ради не введете вы сонма сею въ землю, юже дахъ имъ* (Чис. 20, 10—12)».

Въ комъ же искать искупленія за наши грѣхи, если ни мы сами, ни другой какой либо праведникъ, подобный намъ по естеству, ничего не можетъ сдѣлать для нашего спасенія?» Не брата нищ, говорятъ св. Василиій, для своего искупленія, но того, кто превосходитъ тебя естествомъ, не—простаго человѣка, но Богочеловѣка І. Христа, который единъ можетъ дать Богу *измѣну* за всѣхъ насъ, потому что Его *предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его* (Рим. 3, 25)».

И живъ будетъ до конца, не узритъ паубы, егда увидитъ премудрыя умирающія. Изъясняя эти слова Псалма, св. Василиій возвращается къ мысли объ искупленіи человѣка кровію Господа нашего Іисуса Христа. «Кто избавленъ Богомъ, давшимъ за него *измѣну*, тотъ *утрудился* въ вѣкѣ семь (употребляя и съ своей стороны усилія, чтобы снова не подпасть рабству грѣха), а потомъ *живъ будетъ до конца. Онъ и не узритъ паубы, егда не увидитъ премудрыя умирающія.* Кто путь тѣсный и многотрудный предпочелъ пути гладкому и покойному, тотъ во время Божія посѣщенія, когда неувѣровавшіе словесамъ Божиимъ и ходящіе по желаніямъ своего суетнаго сердца отведены будутъ на вѣчную казнь, *не узритъ вѣчной паубы* непрекращающагося злостраданія. А мудрыми пророкъ называетъ или сильныхъ въ хитрости, о которыхъ говоритъ Іеремія, что *мудри суть, еже*

творити злая, благо же творити не познаша (Іерем. 4, 22), — или разумѣть подѣ мудрыми и учениковѣ князей вѣка сего престающихъ (1 Кор. 2, 6), которые *малоюющеся быти мудри обьюродѣша* (Рим. 1, 22). Почему премудрость міра сего буйство у Бога есть (1 Кор. 3, 19). И поелику сія премудрость дѣлаетъ глупыми: то Богъ говоритъ, что *Онъ погубитъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвернетъ* (1 Кор. 11, 19) (Иса. 29, 14). Посему правдоподобіе лжеименнаго вѣдѣнія для убѣждающихся въ нихъ служить причиною смерти. И таковой смерти не узритъ искупленный Тѣмъ, кто благоволилъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ.»

И человекъ въ чести сый не разумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ.

Человѣкъ при самомъ твореніи своемъ удостоенъ былъ такой великой чести, какой ни одно изъ твореній Божіихъ. Ему дана была организація тѣла его самая совершенная и вполне соответствующая потребностямъ его души. Душа его сотворена по образу Божію, то есть, ей даны такія свойства, которыми она дѣлалась богоподобною, а именно: ей дано безсмертіе, ей данъ разумъ, способный понимать и сознать не только самое себя, окружающія творенія, но и самаго Творца — какъ чрезъ разсматриваніе сотвореннаго Богомъ, такъ и чрезъ непосредственное благодатное общеніе съ Нимъ; ей дана власть не только надъ всѣми живыми тварями, но, до нѣкоторой степени надъ самыми силами природы. Кромѣ сего, человѣку сообщены нравственныя силы, дающія ему возможность чрезъ упражненіе ихъ уподобляться Богу и въ другихъ Его совершенствахъ, какъ то: въ святости, милосердіи, благодати, долготерпѣніи. Но что же человекъ, понявъ ли свое высокое достоинство, воспользовался ли своими преимуществами? Нѣтъ; «человѣкъ, говоритъ св.

Василій, превознесенный такою честію, *не разумѣ*, но переставъ подражать Богу и уподобляться Создателю, содѣлавшись рабомъ плотскихъ страстей, *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ. То какъ конь женонеистовъ ржѣтъ къ женѣ искреннюю своею* (Іерем. 5, 8), то какъ хищный волкъ устремляется на чужое (Іерем. 22, 27), а иногда чрезъ козни противъ брата своего въ лукавствѣ уподобляется *лисицѣ* (Іезек. 18, 4). Но подлинно, это избытокъ несмысленности и скотскаго неразумія, если созданный по образу Творца не сознаетъ первоначальнаго своего устройства, не хочетъ уразумѣть всего Божія о немъ домогательства и по оному заключить о собственномъ своемъ достоинствѣ; но до того забываетъ все это, что, отвергнувъ образъ Небеснаго, воспріимлетъ образъ перстнаго. И чтобы онъ не пребылъ во грѣхѣ, ради него *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), и до того смирило Себя, что явило послушаніе свое даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. 2, 8). Если не помнишь первоначальнаго своего происхожденія; то составъ понятіе о своемъ достоинствѣ по возданной за тебя цѣнѣ. Посмотри, что дано взамѣнъ тебя, и познай, чего ты стоишь. Ты купленъ многоцѣнною кровію Христовою; не будь же рабомъ грѣха; уразумѣй себѣ цѣну, чтобы не уподобиться *скотомъ несмысленнымъ.*»

Не убойся, егда разбогатѣетъ человекъ, или егда умножится слава дому ею. Разбирая эти слова псалма, св. Василій показываетъ, что не слѣдуетъ праведнику, угнетенному скорбями, унывать и колебаться вѣрою въ промыслъ Божественный, видя разбогатѣвшаго и окруженнаго славою нечестивца; конецъ земной жизни и особенно загробная участь каждаго разъясняютъ недоумѣнія малодушныхъ и невѣрующихъ, показавъ горестное тамъ состояніе нечестив-

цевъ богатыхъ и блаженство страдавшихъ праведниковъ.— «Когда видишь, говоритъ св. Василій, что неправедный богатъ, а праведный бѣденъ, не убойся самъ въ себѣ. Не смущайся мыслию, будто уже вовсе нѣтъ Божія промысла, надзирающаго дѣла человѣческія, или хотя и есть Божій надзоръ, но онъ не простирается до мѣстъ надземныхъ, чтобы приникать и въ наши дѣла.... Поелику между *языками* и и земнородными многіе думаютъ подобнымъ сему образомъ, и изъ видимаго неравенства въ раздѣлѣ житейскихъ благъ заключаютъ, что міръ оставленъ безъ промысла; то къ нимъ обращаетъ рѣчь псаломъ, успокоивая невѣжественное волненіе ихъ мыслей.... *Внегда же умрети*, говоритъ пророкъ, не возьметъ богатый съ собою всего своего богатства; а едва возьметъ одежду для прикрытія своего срама, и ту—если угодно будетъ слугамъ, снаряжающимъ его къ погребенію. Счастливъ онъ, если получить въ удѣлъ не много земли, которую изъ жалости дадутъ ему погребающіе, и тѣ сдѣлаютъ для него это изъ уваженія къ общему человѣческому естеству, не ему принося даръ, но оказывая честь человѣчеству. Посему не малодушествуй, смотря на настоящее, но ожидай той блаженной и нескончаемой жизни: ибо тогда увидишь, что праведнику служить во благо и нищета, и безславіе и лишеніе наслажденій. И не смущайся, видя что нынѣ мнимыя блага раздѣляются какъ бы неправедно. Ибо услышишь, какъ будетъ сказано богатому: *воспріалъ еси благая твоя въ животъ твоемъ*; а бѣдному, что онъ *принялъ злая въ жизни своей* (Лук. 16, 25). Почему справедливо одинъ утѣшается, а другой страдаетъ.

Бесѣда на 59-й Псаломъ. Въ началѣ этой бесѣды св. Василій объясняетъ предстоящимъ, что онъ, не смотря на болѣзненное свое состояніе и немощъ своихъ силъ, побуждается къ собесѣдованію съ ними усердіемъ ихъ къ нему.

*

«Когда смотрю на ваше усердіе слушать, говорить онъ, и на немощь силъ своихъ: приходитъ на мысль изображеніе уже подросшаго младенца, который еще не отнять отъ груди, и тревожитъ матерній сосокъ, изсушенный болѣзнію. Мать знаетъ, что у ней пересохли источники молока, но привлекаемая и безпokoенная младенцемъ, даетъ ему сосцы не съ намѣреніемъ наплатить его, но чтобы прекратить его плачь. Такъ, хотя и мои силы изсушены долговременными и различными тѣлесными недугами, однакожъ готовъ я предложить вамъ, если не наслажденіе значительное, то нѣкоторое удовлетвореніе; потому что преизбытокъ высшей любви удовольствуется и тѣмъ, если и однимъ моимъ гласомъ утолится ваше влеченіе ко мнѣ.

Объяснивъ Псаломъ, въ концѣ бесѣды, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ: убѣдимъ себя, братія, во время искушенія прибѣгать не къ человѣческимъ надеждамъ, и не здѣсь на землѣ искать себѣ помощи, но совершать моленія со слезами и воздыханіями, съ прилежною молитвою, съ напряженнымъ бдѣніемъ; ибо тотъ получаетъ помощь отъ скорби, кто человѣческую помощь презираетъ, какъ суетную, и утверждаетъ въ надеждѣ на могущаго спасти насъ, утверждаются же о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ.

Бесѣда на 61 Псаломъ. Упомянувъ о томъ, что тоже названіе носитъ и 38-й Псаломъ, какъ и разбираемый, говоритъ св. Василій: «тотъ и другой Псаломъ преимущественно разсуждаетъ о терпѣніи, которымъ укрощается душевная раздражительность, а по истребленіи всякаго высокомерія усовершается смиреніе. Ибо трудно представить, чтобы человѣкъ, который не терпитъ быть ниже всѣхъ и послѣднимъ, могъ когда нибудь или укоряемый удержаться отъ гнѣва, или во время скорби препобѣдить искушенія долготерпѣніемъ. А кто преуспѣлъ въ высшемъ смиреніи, тотъ, слыша

укоризны, поелику самъ себя сознаетъ еще болѣе достойнымъ униженія, не смутится душею отъ того, что безчестять его словами. Но если назовутъ его бѣднымъ,—знаетъ, что онъ дѣйствительно нищъ во всемъ и скуденъ, и всякій день имѣетъ нужду въ подаваніи отъ Господа. Если назовутъ его человѣкомъ низкаго происхожденія и неизвѣстнымъ въ свѣтѣ; у него давно напечатлѣно въ сердцѣ, что онъ созданъ изъ персти.... Чтобы душа, покорившись мудрованію плоти (превозношенію и высокому мнѣнію о своихъ достоинствахъ), не предалась гнѣву и скорби, говоритъ онъ (смирennemудрый): для чего дѣлаю рабою негодныхъ страстей душу, которой Творецъ ея поручилъ управлять тѣломъ и тѣлесными страстями? Посему должно владѣть страстями, работать же Богу. Ибо не возможно, чтобы въ душѣ царствовали грѣхъ и Богъ; напротивъ того, должно надъ порокомъ брать верхъ, и покоряться Владыкѣ всяческихъ, *отъ того бо спасеніе мое.*

Св. Василій, изъясняя слова: *усты своими благословляху, и сердцемъ своимъ кленяху*,—показываетъ, какъ люди, покорившіе себя внушеніямъ діавола, извращаютъ самыя понятія о безнравственныхъ поступкахъ человѣка. Шутливаго, говоритъ онъ, такіе люди называютъ забавнымъ; скверно-слова—знающимъ обхожденіе; чрезъ мѣру взыскательнаго и гнѣвливаго именуютъ человѣкомъ, незаслуживающимъ презрѣнія; скупаго и необщительнаго хвалятъ за расчетливость, расточительнаго—за щедрость, блудника и распутнаго—за умѣнье наслаждаться и за развязность; вообще, всякій порокъ прикрываютъ именемъ соприкосновенной добродѣтели. Такіе люди благословляютъ, а сердцемъ кленутъ, потому что своими похвалами навлекаютъ проклятіе на жизнь хвалимыхъ, подвергая ихъ вѣчному осужденію за то самое, за что одобряютъ ихъ».

О Божь спасеніе мое и слава моя. Принимая эти слова Псалмопѣвца, какъ урокъ для всѣхъ, считающихъ для себя за честь и славу именоваться и быть рабами Божиими, св. Василій говорить: «блаженъ, кто не восхищается никакою житейскою выотою, но Бога имѣетъ славою своею, кто хвалится о Христѣ, и можетъ сказать съ Апостоломъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Христовѣ* (Гал. 6, 14)! Но нынѣ многіе хвалятся тѣломъ своимъ: таковы упражняющіеся въ борьбахъ, или вообще, цвѣтущіе свѣжестью возраста. Многіе хвалятся мужествомъ на войнѣ, почитая добродѣтелию даже убійство единоплеменниковъ; потому что воинская доблесть и памятники, воздвигаемые полководцамъ городами, соразмѣряются съ количествомъ убійствъ. Одни славятся сооружеиіемъ городскихъ стѣнъ, другіе устройствомъ водопроводовъ и постройкой большихъ зданій для упражненія въ борьбахъ.... Другой славится богатствомъ, а иной—тѣмъ, что онъ сильный и непреодолимый витія, или знатокъ въ мірской мудрости. О славѣ всѣхъ такихъ людей надобно сожалѣть; а ублажать тѣхъ, которые поставляютъ своею славою Бога. Если иной высоко ставитъ, что онъ служитъ при царѣ, и почтенъ отъ него великою честью: то сколько же ты долженъ ставить себѣ въ честь, что ты рабъ Великаго Царя, призванъ Имъ въ тѣсное общеніе, пріимъ Духъ обѣтованія, чтобы, запечатлѣвшись Имъ, содѣлаться сыномъ Божиимъ»!

Бесѣда на 114 Псаломъ. Изъ начала этой бесѣды можно видѣть какъ неутомимую дѣятельность св. Василія при всей немощи его силъ тѣлесныхъ, такъ и поразительную ревность христіанъ къ слушанію его поученій. Въ церкви св. Мучениковъ, въ которой онъ обыкновенно говорилъ свои бесѣды на Псалмы, съ полуночи собрались православные христіане, какъ для участія въ богослуженіи церковномъ, такъ и для

слушанія бесѣды св. Василия. Но такъ какъ ему, по обстоятельствамъ служебнымъ, пришлось заняться богослуженіемъ и проповѣданіемъ слова Божія въ другой церкви, отстоявшей отъ этой на большое разстояніе: поэтому онъ могъ придти въ церковь Мучениковъ не прежде, какъ къ полудню. Пришедшіе въ церковь съ полуночи, не разошлись по окончаніи службы, но терпѣливо ожидали св. Василия, до полудня. И чтобы не проводить времени праздно и въ пустыхъ разговорахъ, они пѣли Псаломъ.—Св. Василій, взошедши на кафедру, объяснилъ предстоявшимъ причину своего замедленія; и такъ какъ самъ былъ слишкомъ истомленъ, какъ трудомъ, такъ и болѣзненною немощію тѣла, сказалъ имъ: воздайте со мною благодареніе Благодѣтелю, Который эту видимую немощь моего тѣла поддерѣпляетъ Своею невидимою силою. Но, чтобы не огорчить васъ, удерживая долго, кратко побесѣдую изъ Псалма, который засталъ я васъ поющими.»

Яко приклони ухо свое мнѣ. Богъ, какъ сердцеѣдецъ, можетъ узнавать просимое и по движеніямъ сердца, и потому не имѣетъ нужды ни въ голосъ со стороны человѣка, ни въ приближенія своего слуха для слышанія слабыхъ воплей молящагося. Но этими словами, говоритъ св. Василій, Псалмопѣвецъ выражаетъ только чрезвычайную и нѣжную внимательность со стороны Бога къ слабымъ и робкимъ воплямъ смиреннаго и кающагося грѣшника. Подобіе взято изъ примѣра человѣколюбиваго врача, который приклоняетъ слухъ свой къ больному, отъ изнеможенія силъ не могущему говорить внятно, чтобы вблизи узнать нужды страждущаго.

Толкованіе на 16 главъ пророка Исаіи.

При толкованіи историческаго смысла первыхъ главъ пророка Исаіи св. Василій пользовался каждымъ почти стихомъ разбираемой главы, чтобы сдѣлать назидательное и полезное приложеніе къ своимъ слушателямъ. Иначе, конечно, и не могло быть, потому что церковная кафедра не то, что школьная кафедра. Въ церкви большая часть предстоящихъ состоитъ изъ такихъ лицъ, которыя желаютъ и способны назидаться удобовразумительнымъ словомъ Пастыря церкви, но мало или вовсе не подготовлены къ тому, чтобы выслушивать научныя и сухія объясненія какихъ либо историческихъ мѣстъ св. Писанія.

Авторитетъ говорящаго не рѣдко замѣняетъ собою самыя сильныя доказательства какой либо истины. Для многихъ достаточно бываетъ знать, кто сказалъ извѣстную мысль: и они уже не потребуютъ никакихъ доказательствъ для признанія ея полезности и назидательности. Это по отношенію къ уму. Но что касается вліянія на сердце, то авторитетъ лица говорящаго не рѣдко бываетъ сильнѣе всѣхъ доказательствъ.—Какъ бы ни убѣдительно была рѣчь говорящаго, но если къ нему самому не имѣютъ слушатели ни довѣрія, ни особаго уваженія: то его слово слабо повліяетъ на ихъ сердце, и не расположитъ ихъ направить свою дѣятельность согласно внушеніямъ его слова.—Но слово св. Василія, отношенію къ современникамъ, соединяло въ себѣ и силу по убѣдительности и могущественное вліяніе авторитета лица, и глубоко уважаемаго и искренно любимаго.—Для насъ авторитетъ св. Василія великаго еще несравненно выше, нежели для его современниковъ, потому что мы на него смотримъ, не какъ только на благочестиваго мужа и ревностнаго пастыря, но какъ на прославленнаго уже

самимъ Богомъ великаго Свѣтильника Церкви. И его слово должно вліять на наши души гораздо сильнѣе, нежели на современниковъ, потому что мы смотримъ на его слово не какъ только на плодъ великой учености и глубокаго размышленія о предметѣ, но какъ на плодъ души, освященной и умудренной самимъ Духомъ Святымъ. Его слово дѣлается для насъ обязательнымъ не по силѣ своей убѣдительности и неотразимости представляемыхъ въ подтвержденіе его доказательствъ, но потому, что оно слово св. Василія великаго. Чтобы это многоплодное слово св. Василія не осталось безполезнымъ для нашихъ читателей, мы заимствуемъ изъ его толкованій на пророка Исаію хотя нѣкоторыя мысли, принимая при этомъ въ соображеніе духовныя нужды современныхъ намъ христіанъ.

Будите мудри, яко змїя (Матѳ. 10, 16). Змѣя благо- разумно и смышленно совлекаетъ съ себя старость. Ибо когда ей нужно скинуть съ себя кожу, вползаетъ въ тѣсное мѣсто, гдѣ было бы отсюду тѣло ея сжато; и такимъ образомъ, протѣсняясь чрезъ него, скидаетъ съ себя старость. Такъ можетъ быть, слово сіе и отъ насъ требуетъ, чтобы, идя тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, совлекались мы ветхаго челоуѣка, и облекались въ новаго, и чтобы юность *наша обновлялась, яко орля* (Пс. 102, 5). ⁽¹⁾.

old serpent skin

Почему разнымъ лицамъ сообщаются разныя дарованія Духа Святаго и не въ одинаковой степени?

Показавъ, что для приуготовленія себя къ принятію Духа необходимы не только обузданіе страстей, но также и своя мѣра расположенія къ вѣрѣ, и польза самаго приѣмлющаго благодать и современныхъ ему слушателей, или тѣхъ, которые въ послѣдствіи будутъ пользоваться пророками, св. Ва-

(1) Стр. 3—4.

силій говорить: выше человѣческой природы—объяснять причину, по которой Духъ Божій различно дѣйствуетъ въ достойныхъ,—и одному ввѣряется пророчество, и притомъ до извѣстной степени; другой получаетъ дарованія изцѣлений и тѣ въ опредѣленной мѣрѣ, а иной дѣйствія большихъ или меньшихъ силъ. Ибо знаетъ сіе Тотъ одинъ, Кто вникаетъ въ душевныя достоинства каждаго, и каждому, по незримымъ мѣрамъ правосудія, удѣляетъ, чего онъ достоинъ. ⁽¹⁾.

Что нужно для того, чтобы содѣлаться способнымъ къ воспріятію особыхъ откровеній Духа Святаго, и какъ сообщаются эти откровенія?

Чистыя и просвѣтленныя души, содѣлавшись какъ бы зеркаломъ Божія дѣйствованія, показывали въ себѣ ясное, неслитное, непотемнѣнное плотскими страстями изображеніе. Ибо Духъ Святой пребываетъ во всѣхъ, но собственно силу свою обнаруживаетъ въ тѣхъ, которые чисты отъ страстей, а не въ тѣхъ, у кого владычественное души (т. е. умъ) омрачено грѣховными нечистотами. Кромѣ же чистоты, надлежитъ имъ показывать въ себѣ равенство благоустроеннаго состоянія. Ибо чистъ не тотъ, кто неровно ведетъ себя въ отношеніи къ цѣломудрію, но тотъ, кто мудрованіе плоти подчинилъ Духу. Какъ изображенія лицъ видимъ не во всякомъ веществѣ, а только въ гладкихъ и прозрачныхъ веществахъ: такъ и дѣйствіе Духа отражается не во всякой душѣ, а только въ душахъ, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего *стропотнаго* и ничего *развращеннаго* (Притч. 8, 8). Снѣгъ блеститъ, но не показываетъ въ себѣ образа тѣхъ, которые въ него смотрятъ; потому что шероховатъ и составленъ изъ смерзшейся пѣны. Молоко бѣло, но не принимаетъ въ се-

⁽¹⁾ Стр. 5—6.

бя образовъ, потому что и въ немъ есть какіе—то мелкіе пузырьки. А въ водѣ, по причинѣ ея гладкости, видѣнъ даже черный образъ. Такъ точно и неровность жизни не способна къ принятію въ себя Божія дѣйствія. Посему, когда душа, посвятивъ себя всякому подвигу добродѣтели, сильною любовію къ Богу постоянно сохраняетъ въ себѣ впечатлѣнное въ ней памятованіе о Богѣ, и такимъ образомъ содѣлываетъ Бога какъ бы живущимъ въ себѣ: тогда, отъ сильного стремленія и неизреченной любви къ Богу, ставъ богодухновенною, содѣлывается она достойною пророческаго дара; потому что Богъ даетъ божественную силу и отверзаетъ душевныя очи для уразумѣнія видѣній, какія сообщить Ему угодно. Посему пророки назывались прежде *прозорливцами* (1 Цар. 9, 9); ибо видѣли будущее, какъ настоящее. Но къ легчайшейму уразумѣнію пророческаго возбужденія могутъ служить намъ представленія, бывающія во снѣ. Какъ во снѣ мы видимъ разные образы и слышимъ разные звуки и слова безъ дѣйствія на наши органы чувства виѣшнихъ предметовъ: такъ и умъ божественныхъ и блаженныхъ мужей, отпечатлѣвая въ себѣ образы, иногда въ бодрственномъ состояніи, а иногда во снѣ, исполняется божественныхъ словесъ и видѣній, между тѣмъ какъ не приражаются къ нему, посредствомъ очей, образы видимыхъ предметовъ, и не принимаетъ онъ ушами сотрясеній воздуха, производимыхъ звучащими орудіями. Ибо не чѣмъ-либо совнѣ подлежащимъ зрѣнію были престолъ высокій и превознесенный, и Сидящій на немъ, Котораго видѣлъ Исаія (Иса. 6, 1). Также не челоѣкообразенъ былъ *отъ чреслъ въ верхъ* подобный илектору и отъ чреслъ до низу огневидный, описываемый у Іезекііля (8, 2). Но умъ пророковъ созерцалъ сіи

предметы высшею силою, тогда какъ духъ въ гаданіяхъ показывалъ имъ Божіе естество. ⁽¹⁾

Если для полученія особыхъ озареній отъ Духа Святаго нужна чистота жизни: то почему же сообщены были даръ предвѣденія Фараону и Навуходносору, и даръ пророчества Валааму и Каіафѣ?—Потому что, правя состояніемъ мірскихъ дѣлъ и имѣя вліяніе на другихъ людей, должны были предвидѣть для возбужденія вѣры въ другихъ. Здѣсь причиною (предвѣдѣнія и пророчества)—не чистота души, не просвѣтленіе ума, который созерцаетъ Бога и въ Немъ почерпаетъ силу, но домостроительно сообщенное имъ слово, не по достоинству, а по требованію времени ⁽²⁾.

Пророки сознавали ли то, что говорили, или приходили въ нѣкій родъ изступленія, такъ что служили только орудіями для пророческаго Духа?

Противно обѣтованію Божію наитія-богодуховеннаго дѣлать изступленнымъ, такъ чтобы онъ, когда исполняется божественныхъ наставленій, выходилъ изъ свойственнаго ему разума, и когда приноситъ пользу другимъ, самъ не получалъ никакой пользы отъ собственныхъ своихъ словъ. И вообще, сообразно ли сколько нибудь съ разумомъ, чтобы Духъ премудрости дѣлалъ человѣка подобнымъ лишенному ума, Духъ вѣдѣнія уничтожалъ въ немъ разумность? Но свѣтъ не производитъ слѣпоты, а напротивъ того, возбуждаетъ данную отъ природы силу зрѣнія: и Духъ не производитъ въ душахъ омраченія; а напротивъ того, возбуждаетъ умъ, очищенный отъ грѣховныхъ сквернъ, къ созерцанію мысленнаго. ⁽³⁾

⁽¹⁾ 1, Стр. 6—8.

⁽²⁾ Тамъ же.

⁽³⁾ Стр. 9.

О гибельныхъ послѣдствіяхъ небрежности, о постоянномъ усовершенствованіи себя въ духовной жизни.

Какъ усовершеншующійся простирается въ предняя, такъ согрѣшающій отступаетъ назадъ, удаляясь отъ Господа, и чрезъ это губя себя. Ибо сказано: *се удаляющіи себе отъ Тебе погибнутъ* (Пс. 72, 27). Посему такъ будемъ жить, чтобы прошедшее никогда не было лучше будущаго, или настоящаго. Сіе запрещаетъ и Екклесіастъ: *да не речеши, яко дніе преждніе быша блази наче сихъ; яко не въ мудрости вопросилъ еси о семъ* (Екл. 7, 11). Ибо если предыдущіе дни лучше послѣдующихъ, то намъ будетъ сказано: напрасно вы столько потерпѣли, добрыя дѣла обративъ въ ничто послѣдующимъ нерадѣніемъ. Ибо Іезекіиль говоритъ: *аще совертитися праведникъ отъ правды своея, и сотворитъ неправду по вѣсѣмъ беззаконіемъ, яже сотворилъ беззаконникъ, вся правды ея, яже сотворилъ есть, не помянутся: въ преступленіи своемъ, имже преступи, и во грѣсѣхъ своихъ, ими же согрѣши, въ нихъ умретъ* (Іезек. 18, 24). ⁽¹⁾

Посмотри на инаго юношу, который съ дѣтства воспитанъ въ честной жизни, тщательно ходитъ въ домъ молитвенный, не нерадитъ по силамъ дѣлать добро, помнитъ вѣчный судъ, съ ласковою пріемлетъ слово ученія; а потомъ пополнился онъ въ блудъ: какъ въ немъ за утратою цѣломудрія и лишеніемъ плодовъ слѣдуетъ уже совершенное низверженіе! Лукавая совѣсть не ведетъ уже его въ мѣсто молитвы; потому что онъ не устоялъ въ числѣ вѣрныхъ, но отпалъ. Онъ не становится вмѣстѣ съ плачущими; потому что стыдится. Съ сего времени лѣнивъ онъ къ молитвѣ, выдумываетъ мнимые предлоги въ отвѣтъ спрашивающимъ. Онъ говоритъ: меня понуждаетъ такой-то, не могу ждать Божественной служ-

⁽¹⁾ Стр. 25.

бы, и опять по такой-то причинѣ, какую случилось ему выдумать, уходитъ изъ храма прежде молитвы вѣрныхъ; потомъ отъ постепеннаго навыка рождается мысль объ отступничествѣ, и онъ доходитъ до совершенной гибели. Вообще, лукавымъ силамъ свойственно, какъ скоро лишать насъ плодовъ правды, дотолѣ не удаляться отъ насъ, пока не опутаютъ заблужденіями разума ⁽¹⁾.

Убоимся и мы стать безплодными, чтобы не остаться безъ Божія призрѣнія. Стражъ нашъ есть Духъ Святый. Когда душа приноситъ плоды достойные вѣчныхъ житницъ; Духъ пребываетъ съ нею, охраняетъ ее и отражаетъ козни *уединеннаго дивія* (Пс. 79, 14). Но когда произращаетъ гроздь желчи и приноситъ гроздь горести (Втор. 32, 32); тогда Духъ оставляетъ безплодную душу, и она попирается звѣроправными помыслами и скотскими пожеланіями всякаго рода. ⁽²⁾

Ктому не стерплю грѣховъ вашихъ. Объясняя эти слова изъ пророчества Исаи, св. Василій показываетъ, что не приноситъ пользы кающемуся отпущеніе грѣховъ, при совершеніи таинства покаянія, если грѣшникъ снова возвращается къ тѣмъ же грѣхамъ. «Не тотъ исповѣдуетъ грѣхъ свой, кто сказалъ: согрѣшилъ я, и потомъ остается во грѣхѣ; но тотъ, кто, по слову Псалма (Пс. 35, 3), обрѣлъ грѣхъ свой и возненавидѣлъ. Какую пользу принесетъ больному попеченіе врача, когда страждущій болѣзнію крѣпко держится того, что разрушительно для жизни? Такъ, нѣтъ никакой пользы отъ прощенія неправдъ дѣлающему еще неправду, и отъ извиненія въ распутствѣ продолжающему жить распутно.—Но въ какомъ случаѣ отпускаются ду-

⁽¹⁾ Стр. 30—31.

⁽²⁾ Стр. 31—32.

шевные грѣхи? Когда добродѣтель, возобладавъ душою и всецѣло оградивъ ее своими уроками, произведетъ въ ней отвращеніе отъ противоположнаго расположенія, такъ что душа, имѣя случай къ любостыжанію, добровольно стремится уважать равенство, и хотя удобно было бы сдѣлать неправду, даже безъ свидѣтелей, избѣгаетъ сего, какъ величайшаго зла. Кто такъ расположенъ, въ слѣдствіе своего навыка, тому могутъ быть отпущены прежнія неправды. Подобно сему и цѣломудріе, когда душа пріобрѣтаетъ въ немъ навыкъ и постоянство, заглаживаетъ прежнее распутство. Цѣломудреннымъ же называемъ не того, въ комъ неводержимыя пожеланія ослабѣли отъ старости, или отъ болѣзни, или отъ другаго какого-либо случая. Ибо въ такомъ человѣкѣ, хотя грѣхъ еще и живетъ, но дѣятельности его препятствуетъ немощь членовъ. А цѣломудріе есть истинная, съ сознаніемъ соединенная сила, глубоко отпечатлѣвшаяся въ душѣ и уничтожающая оставшіеся слѣды срамныхъ движеній. Кто такъ уврачевалъ себя, принявъ расположеніе противное грѣховному, для того полезна и благодать прощенія..... Премудрый Домостроитель нашей жизни хочетъ, чтобы жившій во грѣхахъ, и потомъ дающій обѣтъ встать къ здоровой жизни, положилъ конецъ прошедшему, и послѣ содѣянныхъ грѣховъ сдѣлалъ нѣкоторое начало, какъ бы обновившись въ жизни чрезъ покаяніе. А кто напрестанно даетъ обѣщанія, и непрестанно нарушаетъ ихъ, того, какъ совершенно отчаяннаго, Онъ лишаетъ своего человѣколюбія.» ⁽¹⁾

Измыйтесь и чисти будете, отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима (1, 16). По изъясненіи буквального смысла этихъ словъ, дѣлая приложеніе къ хри-

⁽¹⁾ Стр. 58—59.

стіанамъ, св. Василій показываєть, что для оправданія предъ Богомъ недостаточно того, чтобы только омыться водами Крещенія, но нужно еще собственнымъ произволеніемъ отринуть всякое лукавое дѣло, и научиться совершать добрыя дѣла съ вѣрою во всевѣдѣніе Божіе, и притомъ совершать добрыя дѣла, руководясь не собственными произвольными соображеніями, но евангельскою заповѣдію.— «Ужели для меня достаточно измыться, и получивъ прощеніе въ прежнихъ дѣлахъ, остаться въ покоѣ? Или нужно и другое что-нибудь? *Отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима.* Ибо очищеніе чрезъ омовеніе зависитъ отъ человеколюбія Господня, а отложеніе лукавства есть дѣло собственной нашей тщательности. Но чтобы мы, понадѣявшись на одну благодать омовенія, не оставили исполненія заповѣдей, для сего совокупляетъ въ едино цѣлый объемъ жизни. *Отымите лукавства отъ сердець вашихъ*, какъ бы искорените лукавыя помышленія во владычественной силѣ души, чтобы не отражалось ни слова, ни дѣла худаго. *Предъ очима моима.* Поелику и тѣ, которые внѣ вѣры, хранятъ многія изъ правилъ честной жизни, напримѣръ, воздержность въ супружескомъ обращеніи и въ пріятностяхъ пищи, также постоянство и безмятежность права: то не удовольствовался, сказавъ: *отымите лукавства*, но присовокупилъ *предъ очима моима*; потому что ни одно дѣло не можетъ быть совершенно надлежащимъ образомъ безъ благочестивой вѣры во Христа. Или, поелику Отецъ *видитъ въ тайнѣ* (Матѣ. 6, 6), то слова: *предъ очима моима*, значать: на всякомъ мѣстѣ видимомъ Богу; чтобы мы отъяли лукавство не только въ дѣлахъ, но и въ помышленіяхъ. А сіе пріобрѣтается посредствомъ совершенной любви; потому что *любь*, по слову Павлову, *не мыслитъ зла* (Кор. 13, 5).»⁽¹⁾

⁽¹⁾ Стр. 64—65.

Далѣ св. Василій показываетъ, что добрыя дѣла должны быть совершаемы согласно съ закономъ: иначе и добрыя, повидимому, дѣла, подобно врачевнымъ травамъ, принятымъ безъ соображенія съ требованіями врачевной науки, характера болѣзни и свойства самыхъ травъ, могутъ, вмѣсто пользы, принести вредъ. Такъ напр. милостыня сама по себѣ доброе дѣло, но если она совершается на показъ, чтобы только заслужить похвалу отъ людей: то она, вмѣсто пользы, принесетъ осужденіе за тщеславіе.

Взыщите суда (1, 17). «Поелику все подвергнется изслѣдованію и суду..... то надобно, чтобы разумъ, какъ судья, занявъ въ насъ самое высшее мѣсто, всякій разъ рассуждалъ и изслѣдовалъ, что должно говорить и что дѣлать, и по тщательномъ рассужденіи соизволялъ на дѣла и уступалъ стремленіямъ души. Сіе-то говорить и Павелъ: *аще бо быхомъ себѣ рассуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. 11, 13)» (1).

Избавите обидимаго. «Обиды бываютъ двоякія: инымъ нанесена обида въ тѣлесномъ, напримѣръ въ имѣніи и въ чемъ нибудь другомъ внѣшнемъ, а у другихъ терпитъ обиду самая душа. Но намъ безъ всякаго различенія повелѣвается избавлять обидимаго. Надобно знать, что мы обязаны имѣть большее попеченіе о тѣхъ, въ которыхъ терпитъ вредъ самое главное. Кто подпалъ власти діавола и держится у него въ плѣну: того должны мы со всѣмъ тщаніемъ освободить отъ діавола, и привести его разумъ въ послушаніе Христово. Но надобно прилагать попеченіе и о томъ, чтобы нуждающихся избавлять отъ тѣлесныхъ обидъ, когда, подпавъ власти хищниковъ и притѣснителей, увлекаются ихъ насиліемъ, какъ потокомъ. А если мы не въ состояніи избавить,

(1) Стр. 66.

то словами утѣшенія подкрѣпимъ въ нихъ терпѣніе къ перенесенію трудностей, не щадя ничего отъ насъ зависящаго. Если же и въ семь не достигнемъ желаемаго: то, по крайней мѣрѣ, окажемъ состраданіе по братолюбію» (¹).

Судите сиру. Объясняя эти слова, кромѣ изъясненія буквального смысла, и духовно, св. Василій говоритъ: «поелику Богъ называется Отцемъ увѣровавшихъ во Христа и возлюбившихъ жизнь сообразную съ евангеліемъ: то, если кто чрезъ преступленіе закона сдѣлалъ себя чуждымъ Богу и какъ бы осиротѣлъ, лишившись Его о себѣ промышленія, потщись правдивымъ и разумнымъ судомъ снова ввести его въ свойство съ Богомъ, и не снисходя къ нему безразсудно, и не употребляя безжалостнаго отлученія. Но судите ему, предлагая полезные способы покаянія» (²).

И приидите и истязимся, глаголетъ Господь (1, 18). Въ книгѣ пророчествъ Исаіи Господь представляется какъ бы вступающимъ въ разсужденіе съ людьми объ ихъ поступкахъ, чтобы, по окончаніи суда, ни осужденный не имѣлъ права считать себя несправедливо обвиненнымъ, ни оправданнаго не имѣли права считать безъ заслуги помилованнымъ». Да и прилично, говоритъ св. Василій, чтобы судъ Божій былъ не насильственный, а напротивъ того, имѣлъ болѣе общаго съ тѣми судами, какіе бываютъ у людей, и подсудимымъ давалъ мѣсто къ оправданію, чтобы человѣкъ, видя дѣло свое приведеннымъ въ ясность, и при наказаніи подтвердилъ неопровержимые суды Божіи, согласившись, что наказаніе положено на него по всей справедливости, а также и при помилованіи усматривалъ, что прощеніе дано ему по закону и въ порядкѣ. Писаніе же представляетъ сіе олице-

(¹) Стр. 67.

(²) Тамъ же.

творенно не потому, что Судія каждому изъ насъ будетъ предлагать вопросы, или давать отвѣты судимому, но чтобы внушить намъ заботливость, и чтобы мы не забыли подумать о своемъ оправданіи. Вѣроятно же, что какою-то несказанною силою, во мгновение времени, всѣ дѣла нашей жизни, какъ на картинѣ, напечатлѣются въ памяти нашей души..... И книги, упоминаемыя у Давіила (Дан. 7, 10), что онѣ означаютъ, какъ не возбужденіе Господомъ въ памяти человѣческой образовъ всего содѣланнаго, чтобы каждый вспомнилъ свои дѣла, и чтобы мы видѣли, за что подвергаемся наказанію» (1)?

Невѣріе есть матеръ пороковъ. «Ибо вѣрующій, что Богъ вездѣ, присутствуетъ при всякомъ событіи, пристойтъ при каждомъ дѣйствіи, видитъ совѣты сердечные, допустить ли въ себя дурную мысль, или совершить ли злое дѣло? Напротивъ того, въ предположеніи, что Богъ или не взираетъ на нихъ, или не заботится о происходящемъ, люди устремляются къ дѣламъ нечестивымъ» (2).

Корчемницы твои мѣшаютъ вино съ водою. Объяснивъ буквальное значеніе этихъ словъ, и указавъ на корчемство, какъ на зло, которое, между прочимъ, было причиною гнѣва Божія на древній Израиль, св. Василій переходитъ къ духовному смыслу этихъ словъ. «Есть, говоритъ онъ, вино веселящее сердце человѣка, то-есть, умъ и владычественное въ душѣ; это—ученія писаній, чрезъ святыхъ Апостоловъ и Пророковъ преподанныя намъ отъ виночерпія—Духа въ вѣчное веселіе. Многіе, корчемствуя ими, разжижаютъ слово водою, примѣшивая собственную мысль, ко вреду слушающихъ. Ибо, служа ихъ удовольствіямъ и угождая льстивыми рѣча-

(1) Стр. 69—70.

(2) Стр. 74.

ми, питають ихъ страсти на ихъ же погибель. Ослабляя, что въ Писаніи строго, сильно и съ пользою обуздываетъ, и къ погибели слушающихъ допуская какое-то невѣжественное челоуѣколюбіе, безразсудное извиненіе грѣховъ и иное подобное, направляющееся многимъ, болѣе и болѣе разслабляютъ они души сластолюбцевъ» (¹).

Желаніе — воспользоваться совѣтомъ отъ другаго — есть плодъ смиренномудрія. «Вообще, совѣтъ есть священное какое-то дѣло, единеніе воли, плодъ любви, доказательство смиренномудрія. Ибо странное киченіе—думать, что ни въ комъ не имѣешь нужды, но внимать только себѣ самому, какъ единственно способному присовѣтовать лучшее. А ты медлишь предаться тѣмъ, которые преподають, что нужно, и стыдишься признаться, что они благоразумнѣе насъ въ жизни. Притомъ, кто въ ожиданіи совѣтника даетъ мѣсто и собственнымъ разсужденіямъ, тотъ въ продолжительнѣйшее время, съ трудомъ только и вниманіемъ, нападаетъ на слѣдъ того, что нужно» (²).

Кто пытается въ душѣ какую либо грѣховную страсть, тотъ идолопоклонникъ и плѣнникъ діавола. «Всякій сластолюбецъ, чему бы изъ запрещеннаго порабощенъ ни былъ, обоготворивъ это, какъ идола, ставитъ въ скверномъ храмѣ, то есть, въ сердцѣ своемъ, неотступно пребываетъ при немъ своею мыслію и носить въ себѣ образы вождѣлѣваемаго. Такъ богатолюбецъ, тамъ имѣя сердце, гдѣ его сокровище, служитъ идолу любостяжательности; чревоугодникъ, порабощенный вождѣлѣніями снѣдей, имѣетъ богомъ чрево свое» (³). Но подчиняясь какой либо страсти, «мы бываемъ какъ бы

(¹) Стр. 76.

(²) Стр. 87.

(³) Стр. 89.

узниками грѣха, и отводимся лукавымъ въ плѣнъ для того, чтобы представить *уды наша рабы беззаконію въ беззаконіе*» (Рим. 6, 19) ⁽¹⁾.

И судити будетъ посредь языкъ (2, 4). Здѣсь показывается, что наказаніе народамъ чуждымъ благочестія различно, а не одно и то же. Поколику они утратили познаніе о Богѣ, всѣ достойны мученій и казней. Поколику же есть разность въ образѣ ихъ жизни, *въ страстяхъ безчестія* (Рим. 1, 6) и въ лукавствѣ противъ ближняго,—потребенъ судъ надъ язычниками для разобранія грѣховъ ихъ противъ ближняго» ⁽²⁾.

Презрѣніе къ другимъ служить началомъ гордыни, а злорѣчіе есть порожденіе гордости. Но всѣ, подчинившіеся какому либо изъ сихъ грѣховъ, подвергнутся осужденію вмѣстѣ съ діаволомъ (1 Тим. 3, 6), и *царствія Божія* не наслѣдуютъ (1 Кор. 6, 10). «Если кто *распордѣлся въ судъ* впалъ *діаволь* (1 Тим. 3, 6); то и осужденъ будетъ вмѣстѣ съ началовождемъ и какъ бы зиждителемъ гордыни; ибо Господь *гордымъ противится* (1 Петр. 5, 5). Началомъ гордыни бываетъ обыкновенно презорство. Кто презираетъ и считаетъ за ничто другихъ, и однихъ признаетъ бѣдными, другихъ людьми низкаго происхожденія, иныхъ же невѣждами: тотъ, въ слѣдствіе такого презорства, доходитъ до того, что почитаетъ себя одного мудрымъ, благоразумнымъ, благороднымъ, богатымъ, сильнымъ; и презрѣніе служитъ для него началомъ гордыни. Ибо гордиться значитъ прилагать усиліе стать выше другихъ; а чтобы достигнуть сего, чловѣкъ уничижаетъ ближняго, превозноситъ же себя самаго. И презорство есть начало гордыни, и гордыня—злое порожд-

⁽¹⁾ Стр. 86.

⁽²⁾ Стр. 101.

деніе презорства. Посему и отмщеніе на всякаго досадителя и горделиваго (Ис. 2, 12); потому что сродные грѣхи и наказываются подобнымъ образомъ. Итакъ, славный день Господень принесетъ съ собою отмщеніе *на всякаю досадителя и горделиваго*. Но мы бѣдныя, каждый день предаваясь симъ порокамъ, и не разумѣемъ, какъ зло грѣшимъ. *Досадители* (т. е. злорѣчивые) *царствія Божія не наслѣдуютъ* (1 Кор. 6, 10). А мы предаемся злорѣчію и злословію, не разумѣемъ, что слова, которыя теперь произношу, станутъ противъ меня въ день суда, пресѣкутъ мнѣ путь, и сдѣлаются какъ бы стѣною, чрезъ которую нельзя перейти. . . . Конечно, возможно высокому нынѣ, если захочетъ, снизойти до смиренія смиренныхъ; и есть опасность, что смиренный нынѣ будетъ приведенъ въ возношеніе гордыхъ. Ибо самая мысль о себѣ, что дошелъ до высоты смиренія, служить поводомъ къ возношенію, и превозноситься надъ тѣмъ, кто, повидимому, великій грѣшникъ, есть уже страшная гордыня, какую допустилъ въ себѣ фарисей предъ мытаремъ»⁽¹⁾. .

И смиритъ Богъ начальныя дщери (2, 17). Объясняя эти слова пророчества, св. Василиій говоритъ: «слова сіи, и сами по себѣ взятыя, заключаютъ въ себѣ полезное и замѣчательное для народа, потому что обуздываютъ жизнь нецѣломудренныхъ женщинъ, которыя и въ наружности, и во взглядахъ, и въ поступи, и въ одеждѣ, выказываютъ наклонность къ любодѣянію. Когда, высоко думая о красотѣ тѣлесной, превозносятся онѣ предъ прочими, прибѣгаютъ къ пустой пышности и надмѣваются тѣмъ, что скоро увядаетъ и исчезаетъ: тогда высоко носятъ голову, чтобы лица ихъ всѣмъ были видимы. Женщина честная и благонравная,

(1) Стр. 117—118.

отъ стыдливости потупляясь въ землю, имѣть лице наклоненное внизъ, а имѣющая въ виду—сѣтями красоты уловить многихъ, *ходитъ высокою выею. И помизаніемъ очесъ.* Это укоризна женщинѣ, которая дышетъ любовью; она смотритъ любопытнымъ окомъ, вольность сердца выказываетъ во взглядѣ, улыбается, вызываетъ взорами на блудъ, разливаетъ изъ глазъ какой-то тлетворный ядъ, нѣчто подобное тому, что рассказываютъ о василискѣ, который, какъ говорятъ, однимъ взглядомъ умерщвляетъ, на кого посмотреть» ⁽¹⁾.

Горе привлекающимъ грѣхи, яко ужемъ должимъ; и яко иа юнчина ремнемъ беззаконія (Ѣ, 18). «Грѣша, готовимъ мы себѣ узы и уже (веревки), которыми связываемся, потому что, по мѣрѣ множества и важности грѣховъ, соплетаемъ для душъ своихъ узы или большія или меньшія, отъ которыхъ, по слову Іереміи, стали мы узниками (Плач. Іер. 3, 34). Посему, кѣмъ обладаетъ плотское мудрованіе, тѣ обложены земными узами, и по праведному опредѣленію Судіи, связанные ими по рукамъ и по ногамъ, осуждены и ввергаются *въ тму кромлшнюю* (Матѣ. 22, 13). Они связаны по рукамъ, то есть въ дѣятельности, и по ногамъ, то есть въ путяхъ своихъ. Ибо, дѣйствительно, каждый опутывается цѣпями собственныхъ своихъ грѣховъ, такъ что каждый изъ членовъ, дѣйствовавшихъ при совершеніи грѣховъ, въ наказаніе за сіе связывается особенными узами. Посему Пророкъ говоритъ: *горе привлекающимъ грѣхи, яко ужемъ должимъ*, то есть тѣмъ, которые къ первому паденію присоединяютъ второе, третье, и такъ далѣе, нечестія, неправды и распутства. Но впадшимъ въ грѣхи, вмѣсто того, чтобы приумножать ихъ и присовокуплять одно зло

⁽¹⁾ Стр. 160.

къ другому, надлежало по первомъ опутаніи себя зломъ загладить грѣхи свои. Хотя природѣ человѣческой не возможно не грѣшить, а потому, *нѣсть праведенъ на землѣ, иже сотворитъ благое, и не согрѣшитъ* (Екл. 7, 21); однакоже возможно, согрѣшивъ по опрометчивости или по увлеченію отъ злокозненнаго, тотчасъ измѣниться, покаяться и не собирать зла къ злу. И какъ тѣ, которые вьютъ веревки, когда одна изъ свиваемыхъ вервей подходитъ къ концу, берутъ другую, ею удлиняя и увеличивая прежнюю; такъ и погружающіеся въ глубину золь, прежде нежели кончатъ первый грѣхъ, начинаютъ второй, и къ этому опять присоединяютъ новый. И такимъ образомъ цѣлая жизнь, проходя у нихъ во грѣхахъ, уподобляется какой-то длинной непрестанно свиваемой веревкѣ, въ которой прошедшее связано, и непрестанно наступающее вновь смыкается въ нѣчто подобное предшествовавшему. Посему Пророкъ говоритъ: *иже привлекающимъ грѣхъ, яко ужемъ долгимъ*» (1).

Горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни (ѿ, 21). «Это можно сказать о людяхъ, которые о себѣ думаютъ, что они мудры и разумны, не будучи таковыми. Но можно сказать и о тѣхъ, которые дѣйствительно имѣютъ даръ разумѣнія и вѣдѣнія, но не сообщаютъ его другимъ; ибо *премудрость сокровена, и сокровище не явлено, кая польза есть въ обоихъ* (Сир. 20, 30)? Таковыя *предъ собою разумни*, а не предъ другими, какъ и скрывшіе талантъ въ себѣ (Матѣ. 25, 25). Но неразуменъ и предъ Богомъ, кто не употребляетъ вѣдѣнія во славу Божию. А есть, кажется, и третье значеніе сихъ словъ: мудрые и разумные тѣ, которые созданы отъ Бога таковыми и сознаютъ въ

(1) Стр. 228—230.

себѣ даръ Его: но не въ Богѣ полагають причину смысленности и вмѣняють ее въ заслугу себѣ самимъ; они-то въ самихъ себѣ мудры и предъ собою разумны. Имъ-то кстати будетъ сказать: что имаша, еяже нѣси пріять? Аще же и пріять еси, что хвалишиися, яко не пріемъ?» (1 Кор. 4, 7) ⁽¹⁾.

Горе крѣпкимъ вашимъ, вино пьющимъ, и вельможамъ, растворяющимъ сикеръ (5, 22). Показавъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ можетъ приводить особенно начальствующихъ лицъ опьяненіе виномъ, св. Василій говоритъ далѣе, что опьяненіе и вмѣстѣ съ симъ омраченіе ума и извращеніе дѣятельности можетъ производить не одно только вино, но и всякая страсть: «ибо славолюбіе и любоначалье—страшное опьяненіе. А также страшное опьяненіе—зависть, лицемеріе и злословіе ближняго. Упившаяся ими душа забываетъ мудрость» ⁽²⁾.

Какой умъ можно назвать великимъ? «Тотъ умъ въ дѣйствительности великъ, который созерцаетъ великое, способенъ проникать въ Творческіе законы, и изъ нихъ уразумѣвать красоту премудрости Художника всяческихъ. Великъ, кто способенъ проникать въ домостроительство всего совершаемаго Богомъ и въ Промыслъ Его, простирающійся на самыя малѣйшія твари, и изъ сего усматривать праведные суды Божіи. Великъ умъ, который въ Ангелахъ и Силахъ и всякой премірной славѣ познаетъ Царя славы и Господа силъ. А кто ублажаетъ и возвышаетъ самъ себя, того гораздо справедливѣе было бы назвать мнимымъ мудрецомъ и суемудрымъ, нежели великимъ по уму» ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Стр. 239.

⁽²⁾ Стр. 243.

⁽³⁾ Стр. 337.

Кто подчиняется какой-либо страсти, тотъ дѣлается ягрушкою діавола. «О бѣсахъ, которые внушаютъ намъ различные грѣхи, говорится, что они *воспляютъ*, потому что пляска есть разнообразное движеніе членовъ. И поелику пляшущіе являются на позорище, или въ той или въ другой личинѣ, то подобно сему и бѣсы, вмѣсто личинъ, употребляютъ насъ, и пляша, представляютъ то гнѣвливаго, то похотливаго, то преданнаго плотскимъ удовольствіямъ, то лжеца. Такъ даемъ въ себѣ мѣсто различнымъ дѣйствіямъ бѣсовъ, и по ихъ волѣ измѣняемъ сердце свое и тѣлесные члены. Посему, когда видишь, что человѣкъ, то предается неумѣренному смѣху, то сокрушенъ печалію, самъ себя терзаетъ въ слезахъ, стenanіяхъ и вопляхъ: то заключаай, что въ немъ пляшетъ кто-то, принимающій на себя то одинъ, то другой видъ. И вводится ли въ лицедѣйствіе то сребролюбіе, то тщеславіе, то гордыня: во всякомъ случаѣ издѣвается надъ родомъ человѣческимъ тотъ, кто ликуетъ и пляшетъ въ душахъ, удобоподвижныхъ и удобопреклонныхъ ко грѣху» (1).

Какія изъ *словъ* и *бесѣдъ* св. Василія на *разные случаи* относятся ко времени его пресвитерскаго служенія, и какія говорилъ онъ, бывши уже Епископомъ,—съ точностію опредѣлить трудно. Для опредѣленія времени его поученій, нужно имѣть въ виду: противъ какихъ заблужденій св. Василій говоритъ, или дѣлаетъ замѣчанія въ своихъ бесѣдахъ? Тѣ бесѣды, въ которыхъ говорится о духоборцахъ или македоніанахъ, принадлежать къ позднѣйшему времени, то есть, ко времени его епископскаго служенія. Напротивъ, тѣ поученія, въ которыхъ не встрѣчается намекъ на лжеученія македоніанъ, могутъ быть отнесены ко времени

(1) Стр. 393.

пресвитерскаго служенія. Но такъ какъ св. Василій и во время епископскаго своего служенія, могъ говорить о разныхъ нравственныхъ предметахъ, не касаясь еретическихъ ученій, поэтому въ настоящей главѣ мы рассмотримъ только тѣ изъ его поученій, которыя съ достовѣрностію могутъ быть отнесены къ пресвитерскому служенію. А такихъ поученій немного, а именно: 8-е, 9-е и 12-е, изъ коихъ на 12-е поученіе мы уже обращали свое вниманіе въ 3-й главѣ, какъ сказанное въ началѣ пресвитерскаго служенія св. Василия, по назначенію самаго Архіепископа.

Теперь мы рассмотримъ его 9-е поученіе, въ которомъ рѣшаются разные возраженія вольномыслящихъ людей, подражатели которымъ находятся и въ настоящее время. 8-е его поученіе замѣчательно по особой силѣ краснорѣчія, живости изложенія и благотворности его послѣдствій.

Выяснивъ изъ ученія Псалмовъ, что праведники болѣе всѣхъ терпѣли скорбей, и однако же, соблюдая въ душѣ духъ смиренія и совершенной покорности водѣ божественной, никогда не позволяли себѣ роптать на Бога, но, видя въ этихъ скорбяхъ попечительность Божію объ ихъ духовномъ усовершенствованіи, всегда благодушно переносили ихъ,—св. Василій показываетъ далѣе, что если люди зломыслящіе, при встрѣчѣ съ скорбями, и позволяютъ себѣ роптать на Бога, и доходятъ иногда даже до невѣрія въ Него, то причиною этому бываетъ разслабленіе ихъ воли въ добрѣ и отсутствіе смиреннаго сознанія своей грѣховности, требующей врачеванія со стороны попечительнаго о людяхъ Промысла Божественнаго.

«Люди зломыслящіе, говоритъ онъ, едва встрѣтятъ хотя малое огорченіе въ жизни, не перенося затруднительности

обстоятельствъ, тотчасъ начинаютъ колебаться въ мысляхъ: имѣетъ ли Богъ попеченіе о здѣшнемъ мірѣ, назираетъ ли за дѣлами cadaго, воздаетъ ли каждому должное? Потомъ, когда видятъ, что непріятное ихъ положеніе все еще продолжается, утверждаютъ въ себѣ лукавое мнѣніе, и рѣшительно говорятъ въ сердцѣ своемъ, что нѣтъ Бога. *Рече безуменъ въ сердце своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. 13,1). А кто вложилъ себѣ это въ умъ, тотъ уже безъ осторожности вдается во всякій грѣхъ. Ибо, ежели нѣтъ назирающаго, нѣтъ воздающаго каждому по достоинству того, что сдѣлано въ жизни: то воспрепятствуетъ ли что притѣснять нищаго, убивать сиротъ, умерщвлять вдову и пришельца, отваживаться на всякое нечестивое дѣло, осквернять себя нечистыми и мерзкими страстями, всякими скотскими вожденіями? Посему, какъ слѣдствіе мысли, что нѣтъ Бога, Пророкъ присовокупилъ: *растлѣша и омерзѣша въ начинаніяхъ*. Ибо невозможно совратиться съ праваго пути тому, кто не болѣзнуетъ въ душѣ забвеніемъ Бога. Почему язычники преданы въ неискусекъ умъ, и творятъ неподобная (Рим. 1, 28)? Не потому ли, что сказали: *нѣсть Богъ*? Почему они впали въ страсти безчестія, и жены ихъ измѣниша естественную подобу въ преестественную, и мужи на мужехъ студъ содѣвають (26, 27)? Не потому ли, что измѣниша славу нетлѣнную Бога въ подобіе скотовъ и четвероногъ и гадъ?» (23).

«Поэтому, какъ дѣйствительно лишенный ума и смысла, безуменъ тотъ, кто говоритъ: *нѣсть Богъ*. Но близокъ къ нему и нimalo не уступаетъ ему въ безсмысліи и тотъ, кто говоритъ, что Богъ—виновникъ зла. Я полагаю, что грѣхъ ихъ равно тяжекъ: потому что оба равнымъ образомъ отрицаютъ Бога благаго, одинъ говоря, что Бога нѣтъ, а другой утверждая, что Онъ не благъ. Ибо если Богъ—виновникъ

зла, то очевидно не благъ. А поэтому въ томъ и другомъ случаѣ отрицается Богъ».

«Отъ чего же, говорятъ, болѣзни? Отъ чего безвременная смерть? Отъ чего истребленіе городовъ, кораблекрушенія, войны, голодные времена? Это есть зло, продолжаютъ, и между тѣмъ все это Божіе произведеніе. Поэтому, кого же инаго, кромѣ Бога, признаемъ виновникомъ происходящаго? Итакъ, поелику коснулись мы сего часто повторяемаго вопроса; то, возводя слово къ какому нибудь всѣми принятому началу и тщательно разобравъ предложенный предметъ, попытаемся сдѣлать на него внятное и несбивчивое объясненіе».

«Предварительно должны мы утвердить въ мысляхъ своихъ одно слѣдующее: поелику мы творенія благаго Бога и состоимъ во власти Того, Кто устрояетъ все до насъ касающееся, и важное и маловажное: то не можемъ ничего потерпѣть безъ воли Божіей, и если что терпимъ, оно не вредно, или не таково, чтобъ можно было примыслить что-либо лучшее. Ибо, хотя смерть отъ Бога, однако же, безъ сомнѣнія, смерть не зло; развѣ кто назоветъ зломъ смерть грѣшника, потому что для него переходеніе отсюда бываетъ началомъ мученій во адѣ. Но опять не Богъ причиной золь во адѣ, а мы сами; потому что началомъ и корнемъ грѣха—отъ насъ зависящее, наша свобода. Удержавшись отъ зла, могли бы мы не терпѣть ничего бѣдственнаго. Но поелику уловлены сластолюбіемъ въ грѣхъ, то можемъ ли представить какое благовидное доказательство, что мы не сами для себя сдѣлались виновниками горести?»

«Поэтому, иное зло только въ нашемъ ощущеніи, а иное зло въ собственной своей природѣ. Зло само въ себѣ зависить отъ насъ, таковы: неправда, распутство, неразуміе, робость, зависть, убійство, отравы, лживыя дѣла, и всѣ

однородные съ ними недостатки, которые, оскверняя душу, созданную по образу Сотворшаго, обыкновенно помрачают ея красоту. Еще зломъ называемъ, что для насъ трудно и болѣзненно для ощущенія: тѣлесную болѣзнь, тѣлесныя раны, недостатокъ необходимаго, безславіе, ущербъ имѣнія, потерю родныхъ. Между тѣмъ, каждое изъ сихъ бѣдствій мудрый и благій Владыка посылаетъ намъ къ нашей же пользѣ. Богатство отнимаетъ у тѣхъ, которые употребляютъ его худо, и тѣмъ сокрушаетъ оружіе ихъ неправды. Болѣзнь насылаетъ тѣмъ, кому полезнѣе имѣть связанные члены, нежели безпрепятственно устремляться на грѣхъ. Смерть насылаетъ на тѣхъ, которые достигли предѣла жизни, какой отъ начала положенъ въ праведномъ судѣ Бога, издавѣка предусмотрѣвшаго, что полезно для каждаго изъ насъ».

«А голодъ, засухи, дожди суть общія какія-то язвы для цѣлыхъ городовъ и народовъ, которыми наказывается зло, преступившее мѣру. Посему, какъ врачъ, хотя производитъ въ тѣлѣ труды и страданія, однако же благодѣтеленъ, потому что борется съ болѣзнію, а не съ больнымъ; такъ благъ и Богъ, Который частными наказаніями устрояетъ спасеніе цѣлаго. Ты не ставишь въ вину врачу, что онъ иное въ тѣлѣ рѣжетъ, другое прижигаетъ, а другое совершенно отнимаетъ; напротивъ того, даешь ему деньги, называешь его спасителемъ, потому что остановилъ болѣзнь въ небольшой части тѣла, пока страданіе не разлилось во всемъ тѣлѣ. А когда видишь, что отъ землетрясенія обрушился на жителей городъ, или что въ морѣ съ людьми разбился корабль: не боишься подвигнуть хульный языкъ на истиннаго Врача и Спасителя. Но тебѣ надлежело разумѣть, что въ болѣзняхъ умѣренныхъ и излечимыхъ люди получаютъ пользу отъ одного объ нихъ попеченія; а когда оказывается, что страданіе не уступаетъ врачебнымъ средствамъ, тогда необходимымъ дѣ-

лается отдѣленіе поврежденнаго, чтобы болѣзнь, распростра-
нясь на соприкосновенныя съ нимъ мѣста, не перешла въ
главные члены. Посему, какъ въ рѣзаніи и прижиганіи не ви-
новать врачъ, а виновна болѣзнь, такъ и истребленія горо-
довъ, имѣя началомъ чрезмѣрность грѣховъ, освобождаютъ
Бога отъ всякой укоризны».

Указавъ далѣе на нѣкоторые мѣста св. Писанія, въ кото-
рыхъ Богъ представляется какъ бы виновникомъ смерти и
разныхъ бѣдствій, постигающихъ человѣка, говоритъ, что
всѣ эти мѣста могутъ представляться такими только для лю-
дей, неспособныхъ понимать истинный смыслъ Писанія. «Но
для разумѣвющаго смыслъ Писанія ни одно изъ сихъ мѣстъ
не заключаетъ въ себѣ обвиненія Богу, что Онъ виновникъ
и творецъ зла».

Обращая особенное вниманіе на слова: *творяй миръ и
зиждай злая* (Пс. 45, 7), говоритъ: «особенно творитъ миръ
въ тебѣ, когда добрымъ ученіемъ умиротворяетъ умъ твой, и
усмиряетъ страсти, возстающія на душу. *Зиждай злая*, то
есть, преобразуетъ зло и ведетъ къ лучшему, чтобы оно, пе-
реставъ быть зломъ, приняло въ себя свойство добра
Сверхъ того, если подъ словомъ *миръ* будешь разумѣть осво-
божденіе отъ войнъ, а зломъ назовешь трудности, сопровож-
дающія воюющихъ, дальніе походы, труды, бѣднія, безпо-
койства, пролитіе пота, раны, убійства, взятіе городовъ, по-
рабощенія, отведеніе въ плѣнъ, жалкій видъ плѣнныхъ, и во-
обще всѣ скорбныя послѣдствія войнъ: то утверждаю, что сіе
бываетъ по праведному суду Божию; Богъ въ войнахъ насы-
ляетъ казни на достойныхъ наказанія. Или тебѣ хотѣлось бы,
чтобы Содомъ не былъ сожженъ послѣ беззаконныхъ его
дѣлъ? чтобы Іерусалимъ не былъ разрушенъ и храмъ опу-
стошенъ, послѣ ужаснаго неистовства іудеевъ противъ Госпо-
да? Но какъ же иначе справедливо было совершиться сему,

какъ не руками римлянъ, которымъ предали Господа нашего враги жизни своей іудеи? Поэтому иногда справедливость требуетъ, чтобы зло, порождаемое войною, насылаемо было на достойныхъ того»

«Посему болѣзни въ городахъ и народахъ, сухость въ воздухѣ, безплодіе земли, и бѣдствія, встрѣчающіяся съ каждымъ въ жизни, пресѣкаютъ возрастаніе грѣха. И всякое зло такого рода посылается отъ Бога, чтобы предотвратить порожденіе истинныхъ золъ. Ибо и тѣлесныя страданія и внѣшнія бѣдствія измышлены къ обузданію грѣха. Итакъ, Богъ истребляетъ зло, а не отъ Бога зло. И врачъ истребляетъ болѣзнь, а не влагаетъ ее въ тѣло. Разрушеніе же городовъ, землетрясенія, наводненія, гибель воинствъ, кораблекрушенія, всякое истребленіе многихъ людей, случающееся отъ земли, или моря, или воздуха, или огня, или какой бы то ни было причины, бываютъ для того, чтобы уцѣломудрить оставшихся; потому что Богъ всенародные пороки уцѣломудриваетъ всенародными казнями. Посему въ собственномъ смыслѣ зло, то есть, грѣхъ, это зло, наиболѣе достойное сего наименованія, зависитъ отъ нашего произволенія, потому что въ нашей волѣ или удержаться отъ порока, или быть порочнымъ. А изъ прочихъ золъ,—иныя, какъ подвиги, бываютъ нужны къ показанію мужества, напримѣръ, Іову лишеніе дѣтей, истребленіе всего богатства въ одно мгновеніе времени и пораженіе гнойными струпами; а иныя посылаются, какъ врачевство отъ грѣховъ, напримѣръ, Давиду домашній позоръ служить наказаніемъ за незаконное вожделѣніе. И еще знаемъ страшныя казни другаго рода, посылаемыя праведнымъ судомъ Божиимъ, чтобы поползновенныхъ на грѣхъ содѣлать цѣломудренными. Напримѣръ Дааванъ и Авиронъ были пожраны землею въ разверстыя подъ ними бездны и пропасти. Ибо здѣсь таковымъ родомъ наказанія не сами они

приводились къ исправленію (возможно ли это для сошедшихъ во адъ?), но примѣромъ своимъ сдѣлали цѣломудренными прочихъ. Такъ и Фараонъ потопленъ былъ со всѣмъ войскомъ. Такъ истреблены и прежніе жители Палестины».

Посему, хотя Апостолъ называетъ таковыхъ въ одномъ мѣстѣ *сосудами гнѣва совершенными въ погибель* (Рим. 9, 22), однакоже не должны мы думать, что устройство Фараона было чѣмъ нибудь худо (въ такомъ случаѣ вина справедливо пала бы на устроившаго), а напротивъ того, когда слышишь о сосудахъ, разумѣй, что каждый изъ насъ сотворенъ на что либо полезное. И какъ въ большомъ домѣ одинъ сосудъ золотой, другой серебряный, иной глиняный, а иной деревянный, а произволъ каждаго изъ насъ имѣетъ сходство съ веществами сосудовъ, человѣкъ чистый по нравственности и нековарный есть сосудъ золотой, а низшій его по достоинству сосудъ серебряный, мудрствующій же земное и годный къ сокрушенію—сосудъ глиняный, а удобно оскверняющійся грѣхомъ и дѣлающійся пищею для вѣчнаго огня—сосудъ деревянный; такъ и сосудомъ гнѣва бываетъ тотъ, кто въ себѣ, какъ въ сосудѣ, вмѣстилъ всѣ внушенія діавола, и по происшедшему въ немъ отъ порчи зловонію не можетъ быть взятъ въ какое нибудь употребленіе, но достоинъ одного истребленія и погибели. Поелику же надобно было его сокрушить; то разумный и мудрый Домостроитель душъ устроилъ, чтобы онъ содѣлался знаменитымъ и для всѣхъ извѣстнымъ, а чрезъ сіе, когда самъ по чрезмѣрной порочности сталъ неисцѣленъ, своимъ бѣдствіемъ принесъ пользу другимъ. Ожесточилъ же его Богъ, своимъ долготерпѣніемъ и замедленіемъ въ наказаніи давъ усилиться его грѣху, чтобы открылась на немъ правда суда Божія, когда лукавство его возрасло до крайняго предѣла. Почему, начавъ съ меньшихъ язвъ, и непрестанно умножая и усиливая казни, не смягчилъ его упорства, но

нашелъ, что онъ и Божіе долготерпѣніе презираетъ и насылаемыя на него бѣдствія переноситъ, какъ вѣчто привычное. Даже и послѣ этого не предалъ его смерти, пока онъ самъ себя не потопилъ, въ киченіи сердца своего отважившись идти путемъ праведныхъ, и возмечтавъ, что Черное море, какъ для народа Божія, такъ и для него будетъ проходимо».

«Итакъ, наученный сему Богомъ, получивъ понятіе о раздѣльныхъ видахъ зла, зная, что такое зло дѣйствительное, именно грѣхъ, котораго конецъ погибель, и что такое зло мнимое, болѣзненное для ощущенія, но имѣющее силу добра, какъ на-примѣръ злостраданія, насылаемыя къ обузданію грѣха, которыхъ плоды—вѣчное спасеніе душъ, перестань огорчаться распоряженіями Божія домостроительства, и вообще не почитай Бога виновнымъ въ существованіи зла, и не представляй себѣ, будто бы зло имѣетъ особенную свою самостоятельность»

«Но зло однако же существуетъ. Откуда же, говорятъ, зло, если оно и не безначально и не сотворено? Въмѣсто отвѣта, св. Василій спрашиваетъ: откуда болѣзнь? и въ объясненіе этого вопроса, говоритъ, что болѣзнь не есть что либо самостоятельное, но есть слѣдствіе уклоненія отъ правильного образа жизни. Для примѣра представляетъ животное. Животному дано тѣло здоровое, и пока оно пользуется сродною себѣ пищею, оно не терпитъ никакихъ страданій. Но какъ скоро приметъ какую либо пищу не сродную и не полезную его натурѣ, оно начинаетъ страдать. Итакъ, болѣзнь есть слѣдствіе неправильнаго образа жизни, и слѣд. не Богъ сотворилъ болѣзнь, а Онъ сотворилъ только тѣло и въ началѣ здоровое. Такъ нужно разсуждать и по отношенію ко грѣху, сдѣлавшемуся причиною разныхъ страданій для человѣка. «Богъ сотворилъ душу, а не грѣхъ. Повредилась же душа,

уклонившись отъ того, что ей естественно. А что было для нея преимущественнымъ благомъ? Пребываніе съ Богомъ и единеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Отпавъ отъ Него, она стала страдать различными и многовидными недугами. Почему же въ ней есть общая пріемлемость зла? по причинѣ свободного стремленія, всего болѣе приличнаго разумной природѣ. Не будучи связана никакою необходимостью, получивъ отъ Творца жизнь свободную, какъ сотворенная по образу Божію, она разумѣтъ доброе, умѣтъ имъ наслаждаться, одарена свободой и силой,—пребывая въ созерцаніи прекраснаго и въ наслажденіи умопредставляемымъ,—соблюдать жизнь, какая ей естественна; но имѣтъ также свободу и уклониться иногда отъ прекраснаго. А сіе бываетъ съ нею, когда, пресытившись блаженнымъ наслажденіемъ, и какъ бы въ отягченіи какою-то дремотою ниспавъ съ высоты горняго, входитъ въ общеніе съ плотію для гнусныхъ наслажденій сластолюбіемъ».

Далѣе показываетъ св. Василій, что и смерть не есть твореніе Божіе, а есть только неизбѣжное слѣдствіе удаленія человѣка отъ Бога, какъ источника жизни. Какъ человѣкъ, находясь вблизи свѣтильника возженнаго, пребываетъ во свѣтѣ; но по мѣрѣ того, на сколько удаляется отъ этого источника свѣта, на столько погружается въ тьму. Такъ и по отношенію къ Богу, источнику жизни и свѣта. Чѣмъ болѣе человѣкъ приближается къ Богу, собственнымъ произволеніемъ и любовію къ Нему, тѣмъ большею полнотою жизни и свѣта пользуется; но чѣмъ болѣе отдаляется отъ Него, тѣмъ болѣе погружается въ мракъ и смерть. Слѣд. причиною нравственнаго омраченія и смерти, какъ духовной, такъ и тѣлесной, служитъ не Богъ, а самъ человѣкъ дурнымъ направленіемъ своей воли, ума и сердца. Пока Адамъ пребывалъ въ духовномъ общеніи съ Богомъ, до тѣхъ поръ онъ наслаж-

*

дался всѣми благами духовными и тѣлесными, и никакое чувство скорби и страданія не прикасалось къ нему. Но когда онъ умопредставляемой красотѣ Бога предпочелъ показавшееся пріятнымъ для плотскихъ очей, и выше духовныхъ наслажденій поставилъ наполненіе чрева, «онъ сталъ внѣ блаженной жизни, содѣлавшись злымъ не по необходимости, но по безразсудству. Поэтому онъ, какъ согрѣшилъ по причинѣ худаго произволенія, такъ умеръ по причинѣ грѣха. Въ какой мѣрѣ удалился отъ жизни, въ такой приблизился къ смерти; потому что Богъ жизнь; а лишеніе жизни смерть. Поэтому Адамъ самъ себя уготовалъ смерть чрезъ удаленіе отъ Бога, по написанному: *яко се удаляющіи себе отъ Тебе, погибнутъ* (Пс. 72, 27)».

«Такъ, не Богъ сотворилъ смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавымъ соизволеніемъ. Богъ не воспрепятствовалъ нашему разрушенію, чтобъ самаго недуга не сохратить въ насъ безсмертнымъ»

«Но говорятъ: почему въ самомъ устройствѣ не дано намъ безгрѣшности, такъ что нельзя было бы согрѣшить, хотя бы и хотѣли?—Потому же, почему и ты не тогда признаешь служителей исправными, когда держишь ихъ связанными, но когда видишь что добровольно предъ тобою выполняютъ свои обязанности. Поэтому и Богу угодно не вынужденное, но совершаемое добродѣтельно. Добродѣтель же происходитъ отъ произволенія, а не отъ необходимости; а произволеніе зависитъ отъ того, что въ насъ, и что въ насъ, то свободно. Посему, кто порицаетъ Творца, что не устроилъ насъ по естеству безгрѣшными, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ предпочитаетъ природѣ разумной неразумную, природѣ, одаренной произволеніемъ и самодѣятельностію, неподвижную и неимѣющую никакихъ стремленій». «Посему перестанемъ поправлять Премудраго. Перестанемъ доискиваться того, что

было бы лучше Имъ сотвореннаго. Хотя сокрыты отъ насъ причины частныхъ Его распоряженій; однако же утвердимъ въ душахъ своихъ слѣдующее положеніе: отъ Благаго не бываетъ никакого зла».

«Къ сему вопросу, по связи понятій приходитъ другой и о діаволѣ. Откуда діаволь, если зло не отъ Бога? Что скажемъ на сіе? То, что и на сей вопросъ достаточно намъ того же разсужденія, какое представлено о лукавствѣ въ человѣкѣ. Ибо почему лукавъ человѣкъ? По собственному своему произволению. Почему злъ діаволь? По той же причинѣ; потому что и онъ имѣлъ свободную жизнь, и ему дана была власть, или пребывать съ Богомъ, или удалиться отъ Благаго. Гавріиль-Ангель и всегда предстоить Богу. Сатана-Ангель, и совершенно ниспалъ изъ собственного своего чина. И перваго соблюло въ горнихъ произволеніе, и послѣдняго низринула свобода воли. И первый могъ стать отступникомъ, и послѣдній могъ не отпасть. Но одного спасла ненасытимая любовь къ Богу, а другаго сдѣлало отверженнымъ удаленіе отъ Бога. И это, отчужденіе отъ Бога, есть зло Такъ діаволь лукавъ, имѣя лукавство отъ произволенія, а не природа его противоположна добру. Поэтому, отъ чего у него брань съ нами? Отъ того, что, ставъ вмѣстѣлищемъ всякаго порока, принялъ въ себя и болѣзнь зависти, и позавидовалъ нашей чести. Для него несносна была наша безпечальная жизнь въ раю. Коварствомъ же и хитростями обманулъ человѣка, и употребивъ средствомъ къ обману то самое вождѣніе, какое имѣлъ человѣкъ уподобляться Богу, показалъ онъ древо, и обѣщалъ, что чрезъ вкушеніе сего плода человѣкъ станетъ подобенъ Богу. Ибо сказалъ: *аще съѣстьте, будете яко бози, вѣдѣюще доброе и лукавое* (Быт. 3,5). Поэтому не созданъ онъ былъ нашимъ врагомъ, но завистію приведенъ съ нами во вражду. Ибо видя, что самъ низринуть изъ Ангеловъ, не

могъ равнодушно смотрѣть, какъ земнородный чрезъ преуспѣяніе возвышается до ангельскаго достоинства»

Но говорятъ: для чего въ раю было древо, съ помощію котораго діаволъ могъ успѣть въ злоумышленіи противъ насъ? Ибо если бы не было у него обманчивой приманки, то какъ бы ввелъ насъ въ смерть чрезъ преслушаніе?—«Оно было для того, что нужна была заповѣдь для испытанія нашего послушанія. Для того было растеніе, приносившее красивые плоды, чтобы мы, въ уклоненіи отъ пріятнаго показавъ превосходство воздержанія, по праву удостоились вѣнцовъ за терпѣніе. За вкушеніемъ же послѣдовало не только преслушаніе заповѣди, но и познаніе наготы. Ибо сказано: *ядоста, и отверзошася очи ихъ и разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. 3, 6—7). А наготы знать не надлежало, чтобы умъ человека, придумывая себѣ одежды и защиту отъ наготы, не развлекался заботою о восполненіи недостающаго, и чтобы вообще попеченіемъ о плоти не былъ онъ отвлекаемъ отъ внимательнаго устремленія къ Богу».

Св. Василій, обильно питая души своей паствы вдохновеннымъ свыше и назидательнымъ словомъ, не оставлялъ въ нуждѣ безъ пищи и ихъ тѣла. 368-й годъ представилъ ему случай во всей полнотѣ проявить свою благотворительность и нѣжную попечительность о нуждахъ своей паствы. — Зима была чрезвычайно холодная и безъ снѣгу, вслѣдствіе чего весь посѣянный съ осени хлѣбъ вымерзъ. Съ наступленія весны, и въ продолженіе всего лѣта небо было безоблачно, ясно, зной палящаго солнца до того былъ силенъ, что земля растрескалась, и лучъ солнечный свободно проникалъ въ глубины разсѣлинъ. Но при такомъ изнурительномъ для всего живущаго зноѣ солнечномъ, въ продолженіи всей весны и лѣта, земля не оросилась ни одною каплею дождя. Слѣдствіемъ всего этого было то, что всѣ травы погорѣли, хлѣбъ

ныя сѣмена, посѣянные весною, или не взошли, или при самомъ появленіи своемъ засохли, и взоръ человѣческій нигдѣ не встрѣчалъ зелени, которая бы засвидѣтельствовала о продолжающейся еще жизни растительнаго царства на землѣ. Обильные и неизсыхающіе источники оскудѣли, потоки большихъ рѣкъ до того изсякли, что по нимъ могли переходить малыя дѣти. Небольшія же рѣки и ручьи совершенно пересохли, такъ что многія мѣстности не могли доставить жителямъ и одной капли воды для утоленія палившей ихъ жажды ⁽¹⁾. Къ довершенію бѣдствій города и окрестныхъ мѣстъ служило то, что подвоза хлѣба изъ другихъ странъ не было никакой возможности сдѣлать, такъ какъ Каппадокійская область не имѣла никакого воднаго сообщенія съ моремъ, а сухопутная подвозка хлѣба была немыслима по чрезвычайной дороговизнѣ оной. «Всего же несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ, говоритъ св. Григорій Б., безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ, извлекаютъ прибытокъ изъ скудости, собираютъ жатву съ бѣдствій, не внимаютъ тому, что *милуяй нища взаимъ даетъ* Господу (Притч. 19,7), что *продай нищницу скупо отъ народа проклятъ* (Притч. 11,26), не слышать ни обѣщаній человѣколюбивымъ, ни угрозъ безчеловѣчнымъ» ⁽²⁾. «Земледѣльцы, говоритъ св. Василій, сидя на нивахъ и сложивъ руки на колѣнахъ (обыкновенное положеніе сѣтующихъ, оплакивающихъ напрасно потерянные труды свои), посмотрятъ на малолѣтнихъ дѣтей, и начнутъ рыдать; устремятъ взоры на женъ, и зальются слезами; потрогаютъ и пощупаютъ сухіе листы взошедшихъ стеблей, и громко зарыдають, какъ отцы, потерявшіе сыновей, достигшихъ цвѣту-

⁽¹⁾ В. В. Сл. 8, стр. 122.

⁽²⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 91.

щаго возраста» ⁽¹⁾. По городу ходили голодные, исхудалые, обезсиленные, съ блѣдными безжизненными лицами, со впалыми и тусклыми глазами мужчины, женщины и дѣти, ища себѣ помощи у богатыхъ, а иные не имѣя уже силъ переступить за порогъ своего дома, изнывали въ жестокихъ мукахъ голодной смерти.

Столь раздирающая душу картина народныхъ страданій не могла, конечно, не возбудить чувства сострадательности къ страждущему народу въ столь доблестномъ Пастырѣ, каковъ св. Василій. Прежде всего его паства имѣла нужду въ его словѣ, для вразумленія однихъ, и для утѣшенія другихъ. Въ словѣ своемъ, сказанномъ по этому случаю, раскрывъ со всею полнотою и поразительностію картину народнаго бѣдствія, какъ опытный врачъ духовный, указываетъ прежде всего на причину болѣзни, безъ устраненія которой не возможно радикальное исцѣленіе больного. Показавъ прежде, какъ приносили покаяніе Ниневитяне, и какими подвигами устранили угрожавшую имъ казнь отъ Бога, говоритъ: «таковъ образъ мыслей и рабовъ благосознательныхъ! Таково покаяніе одержимыхъ грѣхами! А мы грѣхъ совершаемъ со всѣмъ усиліемъ, за покаяніе же принимаемся нерадиво и лѣниво. Кто у насъ молясь, проливаетъ слезы, чтобъ благовременно получить дождь и орошеніе? Кто, чтобъ загладить грѣхи, въ подражаніе блаженному Давиду, *омочилъ ложе слезами* (Пс. 6,7)? Кто омылъ ноги страннымъ и отеръ путешественную пыль, чтобъ умиловить Бога, во время испросивъ окончанія засухи? Кто напиталъ лишившагося отца дѣтище, чтобы и Богъ напиталъ теперь для насъ плоды, подобно сиротѣ, побитые неблагораствореніемъ вѣтровъ? Кто призрѣлъ вдову, стѣсненную трудностію пропитанія, чтобы те-

⁽¹⁾ В. В. Сл. 8, стр. 123.

перъ въ награду себѣ получить необходимую пищу? Раздери несправедное писаніе, чтобъ чрезъ это разрѣшенъ былъ твой грѣхъ; изгладь обязательство платить тяжелый ростъ, чтобъ земля раждала обычное ей. Поелику у тебя мѣдъ, и золото, и все нераждающее раждаетъ вопреки природѣ: то земля, по природѣ способная къ рожденію, дѣлается твердою, и въ наказаніе живущихъ на ней осуждена на безплодіе».

Потомъ, обращаясь къ богатымъ капиталистамъ, показываетъ имъ, что и золото не спасетъ ихъ, не только отъ вѣчной казни, но и отъ временной, если Богъ, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, продлитъ наказаніе на болѣе продолжительный срокъ. «Пусть покажутъ читатели любостыжанія, собирающіе до прензбытка богатство, какая сила или польза ихъ сокровищъ, если разгнѣванный Богъ еще долѣе продлитъ наказаніе? Вскорѣ желтѣе золота сдѣлаются тѣ, которые копятъ его, если не будетъ у нихъ хлѣба, вчера и за день презираемаго по удобству имѣть его въ обиліи. Представь, что нѣтъ продающаго, что хлѣба не стало въ житницахъ. Какая тогда польза въ тяжелыхъ мѣшкахъ съ деньгами? Скажи мнѣ: не вмѣстѣ ли съ ними будешь зарыть въ землю? Не земля ли золото? не бесполезное ли брѣніе будетъ лежать подлѣ брѣнія тѣла? Все пріобрѣлъ ты, но нѣтъ у тебя одного необходимаго—возможности пропитать себя самаго. Изъ всего твоего богатства сдѣлай хотя одно облако; придумай способъ произвести нѣсколько дождевыхъ капель; побуди землю къ плодородію; прекрати бѣдствіе своимъ гордымъ и величавымъ богатствомъ. Можетъ быть, призовешь на помощь кого либо изъ мужей благоговѣйныхъ, чтобы тебѣ своими молитвами, какъ Ілія Оесвитянинъ, даровалъ облегченіе бѣдствій чловѣкъ бѣдный, не имѣющій у себя ни собственности, ни обуви, ни жилища, ни теплаго угла, ни другихъ пособій жизни, прикрытый однимъ хитомъ, какъ Ілія милотію, воспи-

таникъ молитвы, сотрапезникъ воздержанія. И если получишь просимую у такого человѣка помощь, не посмѣешься ли тогда надъ богатствомъ, требующимъ многихъ заботъ? Не плюнешь ли на золото? И серебро, которое прежде называлъ всесильнымъ и прелюбезнымъ, не бросишь ли, какъ нечистоту, узнавъ, что оно слабый помощникъ въ нуждѣ?» ⁽¹⁾.

Описавъ страшный видъ изнуренныхъ голодомъ, св. Василій показываетъ преступность равнодушія богачей, которые проходятъ мимо такихъ страдальцевъ, не обращая на нихъ вниманія. «Какихъ же достоинъ наказаній, кто проходитъ мимо человѣка съ такимъ изможденнымъ тѣломъ? Что еще можно прибавить къ такой жестокости? Не стоитъ ли онъ того, чтобы причислить его къ лютымъ звѣрямъ, признавъ злодѣемъ и человекоубійцею? Кто имѣетъ возможность уврачевать зло, но добровольно и по любостыжательности откладываетъ сіе, того по справедливости можно осудить наравнѣ съ убійцами» ⁽²⁾.

Показавъ далѣе красоту добродѣтели—милосердія къ бѣднымъ, и легкость пріобрѣтенія вѣчнаго спасенія чрезъ эту добродѣтель, св. Василій убѣждаетъ богатыхъ людей воспользоваться настоящимъ бѣдственнымъ временемъ для пріобрѣтенія блаженной вѣчности. «Самое время призываетъ тебя къ матери заповѣдей (т. е. къ милосердію); позаботься особенно, чтобъ не пропало для тебя даромъ это время торжища и купли; потому что время течетъ и не возвращается къ медлительному; дни спѣшатъ и обѣгаютъ лѣниваго. И какъ нельзя остановить теченія рѣки, развѣ кто, захвативъ при первой встрѣчѣ и первомъ порывѣ, воспользуется водою, какъ должно: такъ не возможно удержать и време-

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 128—129.

⁽²⁾ Тамъ же стр. 136.

ни, которое понуждается впередъ безостановочнымъ круго-
вращеніемъ; прошедшаго нельзя возвратить назадъ, раз-
вѣ кто уловить наступающее. Поэтому и заповѣдь, какъ
нѣчто бѣгущее, держи и исполняй; взявъ, со всѣхъ сторонъ
сжимай въ своихъ объятіяхъ. Дай малое и приобрѣти мно-
гое. Разрѣши первообразный грѣхъ подаваніемъ пищи. Ибо
какъ Адамъ худымъ вкушеніемъ передалъ намъ грѣхъ, такъ
мы загладимъ сіе зловерное вкушеніе, если удовлетворимъ
нуждѣ и голоду брата..... Много имѣешь примѣровъ брато-
любія и въ ветхомъ и въ новомъ заветѣ. Если видишь алчу-
щаго старца, призови и напитаи, какъ Іосифъ Іакова. Если
находишь врага въ крайности, къ обдержавшему тебя гнѣву
не прилагай мщенія, но напитаи его, какъ Іосифъ прода-
вшихъ его братьевъ. Если встрѣтишь человѣка юнаго, подав-
леннаго трудами, прослезись, какъ Іосифъ надъ Веніамин-
номъ, сыномъ старости. Можетъ быть и тебя искушаетъ лю-
бостыжательность, какъ Іосифа госпожа, и тебя влечетъ за
одежду, чтобъ пренебрегъ ты заповѣдь и возлюбилъ болѣе
эту златолюбицу и міролюбицу, нежели Господне повелѣніе.
Когда приходитъ къ тебѣ помыслъ, враждующій противъ оной
заповѣди, увлекающій цѣломудренный умъ въ сребролюбіе,
привуждающій пераждѣть о братолюбіи, и удерживающій
при первомъ, и ты свергни съ себя одежды, удались съ гнѣ-
вомъ, блюди вѣрность ко Господу, какъ Іосифъ къ Пентеф-
рію. Снабжай скудость хотя одинъ годъ, какъ онъ снабжалъ
семь лѣтъ. Не всѣмъ жертвуй сластолюбію; дай нѣчто и ду-
шѣ. Представь, что у тебя двѣ дочери: здѣшнее благополу-
чіе и жизнь на небесахъ. Если не хочешь всего отдать луч-
шей, то по крайней мѣрѣ по равну раздѣли—и невоздерж-
ной и цѣломудренной. Смотри, чтобы, когда надобно будетъ
тебѣ предстать ко Христу и явиться предъ лицемъ Судіи, не
оказалась слишкомъ богатою здѣшняя жизнь, а обнаженною

и одѣтою въ рубище другая—жизнь добродѣтельная, имѣющая видъ и названіе невѣсты. Поэтому не представъ Жениху невѣсты безобразною и неукрашенною, чтобъ Онъ воззрѣвъ, не отвратилъ лица, и видя не возненавидѣлъ и не отрекся отъ союза съ нею; но облеки ее въ приличное убранство, соблюди благообразною до предназначеннаго времени брака, чтобъ и она съ мудрыми дѣвами возжгла свѣтильникъ, имѣя неугасимый огонь вѣдѣнія и не оскудѣвая елеемъ заслугъ, чтобъ самымъ дѣломъ подтвердилось богодухновенное пророчество, чтобъ и душѣ твоей приличествовало сказанное: *предста царица одесную Тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преукрашена.....* Промыслий о настоящемъ и о будущемъ, и не утрать послѣдняго ради гнусной корысти (¹)».

Внушивъ богатымъ людямъ щедродательность къ бѣднымъ, особенно въ то бѣдственное для всѣхъ время, убѣждаетъ и бѣдныхъ людей переносить постигшую ихъ скорбь съ благопокорностію наказующей десницѣ Божіей, и тѣмъ показать, что они не лѣстивые рабы, выражающіе расположеніе и преданность Ему только въ счастливые дни жизни, а въ скорби готовые отступить отъ Него съ ропотомъ на Его распоряженія. Вмѣстѣ съ симъ, примѣрами многихъ святыхъ старается подкрѣпить въ нихъ надежду на помощь благаго Бога, не посылающаго искушеній вѣрнымъ своимъ рабамъ выше силъ.

Какое было состояніе души и тѣла самаго св. Василія въ это бѣдственное для всѣхъ время, это можемъ видѣть изъ его писемъ къ Евсеію, Епископу Самосатскому (²). Въ одномъ изъ этихъ писемъ св. Василій пишетъ: «не буду говорить о болѣзняхъ, слѣдовавшихъ одна за другою, о неудобствахъ зим-

(¹) Тамъ же стр. 137—140.

(²) В. В. письмо 27 и 30.

няго времени, о непрерывности дѣлъ, какъ объ извѣстномъ, о чемъ и прежде доносилъ уже твоему совершенству. А теперь и единственное утѣшеніе, какое имѣлъ въ жизни, разумѣю мать мою, и оно отнято у меня по грѣхамъ моимъ. И не смѣйся надо мной, что въ такихъ лѣтахъ жалуюсь на сиротство, напротивъ того извини меня, что не могу терпѣливо перенести разлуку съ такою душою, которой равныхъ по достоинствамъ не вижу въ оставшихся. Поэтому опять возвратились ко мнѣ недуги, опять лежу на одрѣ, въ совершенномъ изнеможеніи оскудѣвающихъ силъ, и только съ часу на часъ ожидаю неминуемаго конца жизни». Таково было состояніе души и тѣла св. Василія, когда городъ и вся страна изнывала, изнуряемая голодомъ.—Но едва онъ освободился отъ изнурявшихъ его собственныхъ недуговъ, поспѣшилъ на помощь къ страждущему народу.—Слово его, произнесенное по сему случаю въ храмѣ, не осталось безплоднымъ: въ бѣдныхъ оно подкрѣпило упованіе на помощь Божию и терпѣніе въ скорбяхъ, богатыхъ подвигло къ щедрой благотворительности. Но и самъ св. Василій свою попечительность о бѣдныхъ не ограничилъ только своимъ словомъ, но употребилъ въ пользу бѣдныхъ оставшееся по смерти его блаженной матери, Еммеліи, имѣніе. Кромѣ сего онъ оказалъ дѣятельное участіе въ пропитаніи изнуренныхъ голодомъ. «Отверзши хранилища имущихъ, какъ повѣствуетъ св. Григорій Богословъ, словомъ и увѣщаніями, совершаетъ сказанное въ Писаніи, *раздробляетъ алчущимъ пищу* (Пс. 57, 8), *насыщаетъ нищія хлѣбомъ* (Пс. 131, 15), *препитываетъ я въ гладъ* (Пс. 32, 19), *и души алчущія исполняетъ благо* (Пс. 106, 9). И какимъ при томъ образомъ? Ибо и это не мало увеличиваетъ его заслугу. Онъ собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ голодомъ, а иныхъ даже едва дышавшихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій

возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служенію самаго Христа, Который, препоясавшись лентіемъ, не погнушался умытъ ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ напитуанію присоединивъ честь, и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ ⁽¹⁾».

«Много есть и другихъ доказательствъ Василіевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смѣлость Василія предъ начальниками, какъ вообще предъ всѣми, такъ и предъ самыми сильными въ городѣ; его рѣшенія распрей не безъ довѣрія принимаемыя, а по произнесеніи его устами, чрезъ употребленіе обратившіяся въ законъ; его предстательства нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ (потому что и это покоря людей добрымъ расположеніемъ, пользуется не рѣдко души); препитаніе нищихъ, страннопріимство, попеченіе о дѣвахъ, писанные и неписанные уставы для монашествующихъ, чиноположенія молитвъ, благоукрашеніе олтаря, и иное, чѣмъ только Божій воистину человекъ и дѣйствующій по Богу можетъ пользоваться народъ ⁽²⁾».

Во всѣхъ этихъ доблестныхъ дѣйствіяхъ св. Василія можно убѣдиться отчасти и изъ его писемъ, а частію изъ свидѣтельствъ другихъ историковъ церковныхъ.

Право суда надъ тяжущимися, въ случаѣ согласія тяжущихся сторонъ, Константиномъ Великимъ предоставлено было собственно Епископамъ, которыхъ опредѣленія были почитаемы

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 92.

⁽²⁾ Тамъ же стр. 90.

на равнѣ съ царскими опредѣленіями; на свѣтскія же власти, въ такомъ случаѣ, возлагалась обязанность приводить только въ исполненіе ихъ опредѣленія ⁽¹⁾. Но Епископы иногда раздѣляли это право суда съ довѣренными лицами изъ клира ⁽²⁾. А такъ какъ на св. Василия, по чрезвычайной довѣренности къ нему Архіепископа, лежали всѣ обязанности епископскія, по этому онъ пользовался и правомъ суда надъ тяжущимися, привлекая къ своему суду тяжущихся своимъ безпристрастіемъ въ судѣ и искреннимъ благожеланіемъ обѣимъ сторонамъ.

Доказательствомъ участія св. Василия въ положеніи притѣсненныхъ людьми сильными служатъ многія изъ его писемъ, писанныхъ имъ во время его пресвитерства.—Въ письмѣ къ Софронію Магистру проситъ вступить за родителя св. Григорія Богослова, и избавить его отъ хлопотъ по судебнымъ мѣстамъ; потому что по смерти Кесарія, который, умирая, отказалъ свое имѣніе бѣднымъ, когда имѣніе сіе, частію было расхищено, частію издержано родителями Кесаріевыми на бѣдныхъ и на уплату долговъ, объявлены новые иски отъ людей, которымъ будто бы Кесарій состоялъ должнымъ. «Извѣдалъ невзгоды жизни сей, писалъ онъ, и боголюбивѣйшій братъ нашъ, епископъ Григорій. Ибо и онъ на ряду со всѣми терпитъ безпокойства, непрестанными оскорбленіями поражаемый, какъ бы неожиданными какими ударами. Люди, не боящіеся Бога, а можетъ быть, и вынуждаемые великостію бѣдствій, нападаютъ на него подъ предлогомъ, что Кесарій бралъ у нихъ деньги. Убытокъ ему не тяжель; потому что издавна научился онъ ни во что ставить богатство. Но, поелику имущество Кесаріево было въ рукахъ у служителей и у людей, которые по нравамъ ни чѣмъ

⁽¹⁾ Созоментъ. Ц. И. 1, 9.

⁽²⁾ Сократъ. Ц. И. 7, 37.

не лучше служителей, и съ полною свободою раздѣливъ между собою самыя дорогія вещи, соблюли совершенную малость; то родители Кесаріевы, получивъ немногое изъ достоянія Кесаріева и почитая сіе никому непринадлежащимъ, вскорѣ истратили это на нуждающихся—какъ по собственному своему изволенію, такъ и по словамъ покойнаго; потому что, какъ сказываютъ, Кесарій умирая говорилъ: хочу, чтобы все мое досталось нищимъ.—Почему, какъ исполнители Кесаріева приказанія, вскорѣ распорядились они имѣніемъ въ общую пользу; и теперь Григорію предстоятъ съ одной стороны христіанская нищета, а съ другой стороны хлопоты ходить по судебнымъ мѣстамъ».

«Поэтому пришла мнѣ мысль довести все сіе до свѣдѣнія твоей достохвальной правоты, чтобы ты, изъ уваженія къ мужу, котораго давно знаешь, во славу Господа, Который на Себя пріемлетъ сдѣланное рабамъ Его, и изъ уваженія ко мнѣ, одному изъ избранныхъ твоихъ друзей, переговорилъ о семъ, что нужно, съ сокровище-хранителемъ, и по великому своему благоразумію придумалъ способъ къ освобожденію Григорія отъ этихъ оскорбительныхъ и несносныхъ безпокойствъ. Безъ сомнѣнія же нѣтъ и человѣка, который бы такъ мало зналъ Григорія, что сталъ бы подозрѣвать его въ чемъ либо неприличномъ, напримѣръ въ томъ, что изъ пристрастія къ деньгамъ выдумываетъ онъ подобныя вещи. Ибо готово доказательство его безпристрастія. Охотно уступаетъ онъ казнѣ остатки Кесаріева имѣнія, только бы спаслось оно, и ходатай по казеннымъ имуществамъ самъ имѣлъ дѣло съ объявляющими свои притязанія, и самъ потребовалъ бы у нихъ доказательствъ; потому что мы не способны къ такимъ дѣламъ. Ибо совершенству твоему не трудно узнать, что, пока было можно, никто не отходилъ отъ Григорія, не достигнувъ желаемого, но всякій безъ труда получалъ, что

требовалъ; почему многіе жалѣли даже, что сначала не просили бѣльшаго. Сіе-то особенно и произвело, что многіе стали нападать на него. Смотря на примѣръ предупредившихъ, и прочіе начали одинъ за другимъ объявлять ложные свои иски. Потому просимъ твою степенность воспротивиться всему этому, и непрерывный рядъ золъ, подобный какому-то потоку, остановить и пресѣчь. Самъ ты знаешь, какъ помочь дѣлу, не дожидаясь, чтобы стали учить тебя этому мы, которые по неопытности въ житейскихъ дѣлахъ, не знаемъ даже и того, какъ избавиться отъ бѣды. Поэтому самъ будь и совѣтникомъ и заступникомъ, избрѣти по великому своему благоразумію и самый способъ вспомошествованія ⁽¹⁾».

Въ письмѣ къ Авгурію просить о томъ же дѣлѣ по Кесаріеву наслѣдству ⁽²⁾.

Еще въ одномъ письмѣ ходатайствуетъ за близкаго ему человѣка, по имени Леонтія, и просить о домѣ сего Леонтія имѣть такое же попеченіе, какъ бы и объ его собственномъ. «О многомъ для меня важномъ писалъ я уже къ тебѣ; но о большемъ числѣ дѣлъ буду еще писать. Ибо не возможно, чтобы и нуждающихся не стало, и мы отреклись оказывать посильную милость. Никто ко мнѣ такъ не близокъ, и никто не можетъ меня столько утѣшить своею въ чемъ либо благоуспѣшностію, какъ достопочтеннѣйшій братъ Леонтій. Прійми домъ его такъ, какъ принялъ бы меня самаго, не въ той нищетѣ, въ какой живу теперь, по милости Божіей, но когда бы жилъ и въ изобиліи и владѣлъ полями. Очевидно, что ты не довелъ бы меня до бѣдности, но сохранилъ бы, что у меня есть, или приумножилъ мое изобиліе. Посему прошу тебя поступить также и съ упомянутымъ домомъ этого человѣка.

⁽¹⁾ В. В. письмо 32.

⁽²⁾ Его же письмо 33.

За все же будетъ тебѣ отъ меня обычная награда—молитвы къ святому Богу за труды, какіе принимаешь на себя, будучи столько добръ, благосклоненъ и предупредителенъ къ просьбамъ нуждающихся ⁽¹⁾».

Въ другомъ письмѣ просить объ одномъ пресвитерѣ, своемъ совоспитанникѣ, трудами котораго питался и св. Василій, чтобы при новомъ уравниніи податей не дѣлать на него новыхъ налоговъ. «Пресвитеръ этого мѣстечка, о чемъ, думаю, давно уже извѣстно твоему благородію,—мой совоспитанникъ. Посему нужно ли мнѣ говорить что иное для убѣжденія твоей милости—воззрѣть на него дружелюбно и помочь ему въ дѣлахъ? Ибо, если любишь меня, какъ и вѣроятно любишь; то, безъ сомнѣнія, всѣми мѣрами постарайся успокоить и тѣхъ, кого считаю за одно съ собою. Итакъ, о чемъ же прошу? О томъ, чтобы оставалась за нимъ прежняя подать. Ибо не мало трудится онъ, услуживая мнѣ къ пропитанію; потому что, какъ самъ ты знаешь, не имѣю у себя ничего собственнаго, но довольствуюсь тѣмъ, что есть у друзей и родныхъ. Посему на домъ сего брата смотри какъ на мой, или лучше сказать, какъ на свой собственный; а за оказанное ему благодѣяніе пошлетъ Богъ тебѣ, дому и всему роду твоему обычную помощь ⁽²⁾».

Живя въ городѣ, св. Василій не оставлялъ однакоже подвиговъ иноческой жизни ⁽³⁾, и, не оставляя попеченія о монастыряхъ, имъ основанныхъ въ Понтѣ, учреждалъ обители общежитія въ самомъ городѣ Кесаріи. Это видно изъ письма св. Василія къ настоятелю основаннаго имъ прежде монастыря, къ которому онъ препроводилъ одного, желавшаго

⁽¹⁾ Его же письмо 35.

⁽²⁾ Его же письмо 36.

⁽³⁾ Григор. Нисс. въ жиз. св. Макария.

посвятить себя на служеніе Богу въ монастырѣ, находившемся въ самомъ городѣ Кесаріи. «Нѣкто, писалъ св. Василиій къ этому настоятелю, какъ самъ онъ говоритъ, познавъ суету сего міра, и извѣдавъ, что всѣ пріятности этой жизни подвержены здѣсь превратностямъ, и приготавливаютъ только вещество вѣчному огню, а сами скоро проходятъ, пришелъ ко мнѣ, въ намѣреніи удалиться отъ этой трудной и многоплачевной жизни, оставить плотскія удовольствія, и впредь идти путемъ, ведущимъ въ обители Господни. Потому, если дѣйствительно твердо возжелалъ онъ сего подлинно блаженнаго житія, и возымѣлъ въ душѣ своей прекрасную и похвальную любовь, возлюбивъ Господа Бога нашего всѣмъ сердцемъ, всею крѣпостію и всею мыслию: то необходимо, чтобы ваше благочестіе показало ему трудности и неудобопроходимости тѣснаго и узкаго пути, но и утвердило его въ надеждѣ благъ, пока еще невидимыхъ, уготованныхъ же, по обѣтованію, достойнымъ Господа. Пиша по сей причинѣ, умоляю несравненное ваше о Христѣ совершенство наставить его, сколько возможно; и пусть безъ меня совершитъ онъ отреченіе въ благоугожденіе Богу, и будетъ наставленъ въ начальныхъ правилахъ, какъ установлено и письменно изложено святыми отцами, а также пусть будетъ ему предложено все, относящееся къ подвижнической строгости; и такимъ образомъ введенъ онъ будетъ въ сей родъ жизни, и по своему изволенію воспріавъ на себя подвиги ради благочестія, подклонившись подъ благое иго Господне, устроая жизнь свою въ подражаніе насъ ради Обнищавшему и плоть Носившему, и стремясь къ цѣли, къ почести вышняго званія, сподобится похвалы отъ Господа. Ему и здѣсь хотѣлось пріять вѣнецъ любви по Богу, но я отлагалъ сіе до времени, желая вмѣстѣ съ вашимъ благочестіемъ умаститъ его на таковыя подвиги, и одного изъ васъ, кого самъ онъ изыщеть, по-

*

ставить ему наставникомъ подвижничества, чтобы прекрасно руководствовалъ, и своимъ усиленнымъ и блаженнымъ раченіемъ содѣлалъ его борцемъ достойнымъ одобренія, разящимъ и низлагающимъ міродержителя тьмы вѣка сего и духовъ злобы, съ которыми у насъ брань, по слову блаженнаго Апостола (Ефес. 6, 12). Поэтому, что я намѣревался сдѣлать вмѣстѣ съ вами, то ваша о Христѣ любовь да содѣлаетъ и безъ меня ⁽¹⁾».

Обители общежитія, учрежденныя въ городѣ, руководя во многихъ случаяхъ и недоумѣніяхъ устнымъ словомъ, начерталъ для нихъ и письменно образецъ совершенной жизни въ одномъ посланіи. Такъ какъ это посланіе можетъ быть прекраснымъ руководствомъ въ жизни духовной не только для современныхъ иноковъ и инокинь, но какъ основанное на ученіи Евангельскомъ, во многомъ и вообще для всѣхъ христіанъ: поэтому мы предложимъ его вниманію нашихъ читателей. «Въ богодухновенномъ Писаніи, пишетъ св. Василій, много правилъ, которыя обязаны наблюдать возревновавшіе о благоугожденіи Богу. Но я почелъ необходимымъ сдѣлать краткое напominаніе по указанію самаго богодухновеннаго Писанія, пока о тѣхъ только обязанностяхъ, о которыхъ у васъ теперь предложенъ вопросъ. И поелику свидѣтельство о каждой обязанности найти въ писаніи не трудно, то оставляю сіе тѣмъ, которые упражняются въ чтеніи Писанія, и сами въ состояніи напомнить даже другимъ слѣдующее».

Христіанинъ долженъ имѣть образъ мыслей достойный небеснаго званія, и жить достойно евангелія Христова. Христіанину не должно разсѣиваться и чѣмъ либо отвлекаться отъ памятованія о Богѣ, о волѣ и судахъ Его. Христіанинъ, ставъ во всемъ выше оправданія по закону, не долженъ воздавать зломъ за зло; не долженъ гнѣваться. Онъ долженъ

(1) В. В. письмо 23.

быть долготерпѣливымъ, переносить все, чтобы то ни было; а кто дѣлаетъ неправду, того обличать благовременно, не съ страстнымъ движеніемъ, чтобы отомстить за себя, но съ желаніемъ исправить брата, по заповѣди Господней. Объ отсутствующемъ братѣ ничего не долженъ онъ говорить съ намѣреніемъ очернить; это есть клевета, хотя бы сказанное было и справедливо. Надобно отвращаться отъ человѣка, который наговариваетъ на брата. Не должно говорить шуточного. Не должно смѣяться и терпѣть смѣхотворцевъ. Не должно празднословить и говорить что нибудь такое, что не служить ни къ пользѣ слушающихъ, ни къ необходимому и дозволенному намъ Богомъ употребленію; почему занимающіеся работою должны, сколько можно, стараться, чтобы работа производилась въ безмолвіи, и чтобы самыя даже добрыя рѣчи вели у нихъ тѣ, кому по испытаніи поручено устроить слово къ созиданію вѣры, да не будетъ оскорбляемъ Духъ Святый Божій. Никто изъ пришлыхъ не долженъ самовольно подходить къ кому либо изъ братій, или разговаривать съ нимъ, пока приставленные смотрѣть за общимъ во всемъ благочиніемъ не разсудятъ, угодно ли сіе Богу къ общей пользѣ».

«Не должно поработаться виноу, желать вкушенія мяса, и вообще быть сластолюбивымъ въ разсужденіи явствъ или питія; потому что подвизающійся воздерживается во всемъ. Даннаго каждому въ употребленіе не должно почитать собственностію, или припрятывать; но съ заботливостію надобно смотрѣть на все сіе, какъ на принадлежащее Владыкѣ, и не проходить безъ вниманія даже мимо того, что по случаю брошено, или оставлено въ небрежности».

«Никто не долженъ быть господиномъ даже себѣ самому; но каждый, какъ отданный Богомъ въ услуженіе единомышленнымъ братіямъ, сообразно съ симъ обязанъ и разсуждать

обо всемъ и дѣлать все, впрочемъ пребывая въ собственномъ своемъ чинѣ. Не должно роптать ни при недостаткѣ потребнаго, ни при утомленіи отъ дѣлъ, потому что судять о каждомъ тѣ, кому предоставлена на сіе власть».

«Не должно позволять себѣ ни крика, ни другого какого вида, или движенія, которыми показываются раздражительность, или уклоненіе отъ несомнѣнной увѣренности въ Божіемъ присутствіи. Голосъ должно соразмѣрять съ потребностію. Не должно отвѣчать кому либо, или дѣлать что нибудь, дерзко или презрительно, но надобно показывать во всемъ скромность, и во всемъ почтительность. Не должно съ умысломъ мигать глазомъ, или употреблять другой какой знакъ, или движеніе члена, которыя оскорбляютъ брата, или выражаютъ презрѣніе.»

«Не должно стараться о нарядности въ одеждѣ или въ обуви: это—суетность. Къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребностей должно пользоваться не дорогимъ. Ничего не должно издерживать сверхъ потребности и для пышности: это—злоупотребленіе».

«Не должно искать чести и домогаться первенства. Каждый долженъ предпочитать себѣ всѣхъ. Не должно быть не покорнымъ».

«Не должно въ праздности ѣсть хлѣбъ тому, кто способенъ работать; а занявшійся исполненіемъ чего либо во славу Христову долженъ принуждать себя къ ревности въ дѣлѣ, по мѣрѣ силъ. Каждый долженъ, съ одобренія настоятелей, съ разумомъ и убѣжденіемъ такъ дѣлать все, не исключая вкушенія пищи и питія, какъ бы дѣлалъ сіе во славу Божию. Не должно отъ одного дѣла переходить къ другому безъ одобренія тѣхъ, кто приставленъ распоряжаться симъ, развѣ неминуемая нужда позоветъ кого вдругъ на помощь обезсиленному. Каждый обязанъ пребывать въ томъ,

къ чему приставленъ, а не долженъ, преступая мѣру собственной обязанности, приниматься за непорученное ему, развѣ имѣющіе власть распоряжаться симъ признають кого нуждающимся въ его помощи. Въ одной рабочей не надобно никому быть изъ другой рабочей. Не должно ничего дѣлать изъ соперничества, или по ссорѣ съ кѣмъ нибудь».

«Не должно завидовать доброй славѣ другаго, и радоваться чьему либо недостатку. Въ любви Христовой надобно скорбѣть и сокрушаться о недостаткахъ брата, радоваться же его преспѣванію. Не должно равнодушно смотрѣть на согрѣшающихъ, или умалчивать о нихъ. Обличающій долженъ обличать со всякимъ сердобоіемъ, въ страхѣ Божіемъ, и въ намѣреніи обратить грѣшника. Обличаемый или получающій выговоръ долженъ принимать сіе охотно, признавая, что въ исправленіи состоитъ собственная его польза. Когда обвиняють кого, никто другой при обвиняемомъ, или при другихъ, не долженъ дѣлать возраженій обвиняющему. А если кому обвиненіе кажется неосновательнымъ: то долженъ повести слово съ обвинителемъ наединѣ, и убѣдить его, или самъ убѣдиться. Каждый, сколько есть у него силъ, долженъ врачевать того, кто имѣетъ что нибудь противъ него. На согрѣшившаго и покаявшагося не должно помнить зла, а надобно простить ему отъ сердца».

«Кто говоритъ, что покался во грѣхѣхъ: тотъ долженъ не только сокрушаться о томъ, въ чемъ согрѣшилъ, но и принести достойные плоды покаянія. Кто вразумленъ былъ касательно прежнихъ своихъ грѣховъ и сподобился получить отпущеніе оныхъ: тотъ, если грѣшитъ опять, уготовляетъ себѣ судъ гнѣва строжайшій прежняго. Кто по первомъ и второмъ увѣщаніи остается въ своемъ прегрѣшеніи: о томъ надобно объявить настоятелю, и тогда, получивъ выговоръ при многихъ, прійдетъ, можетъ быть, въ стыдъ. А если и въ та-

комъ случаѣ не исправится, надобно уже отсѣчь его, какъ соблазнъ, и смотрѣть на него, какъ на язычника и мытаря, для приведенія въ безопасность ревностно трудящихся въ прохожденіи послушанія, по сказанному, что при паденіи нечестивыхъ приходятъ въ страхъ праведные. Не должно и плакать о немъ, какъ о членѣ, отсѣченномъ отъ тѣла».

«Не должно допускать, чтобы соянце заходило въ гнѣвъ брата; иначе ночь можетъ разлучить обоихъ, и оставить имъ неизбѣжное осужденіе въ день суда. Не должно отлагать времени своего исправленія; потому что утренній день не въренъ для насъ: многіе, замысливъ многое, не дожили до утренняго дня».

«Не должно даваться въ обманъ пресыщенному чреву, отъ котораго бываютъ ночныя мечтанія. Не должно развлекаться непомѣрною работою, и преступать предѣлы умѣренности, по сказанному Апостоломъ: *имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8); потому что обиліе сверхъ потребности вызываетъ любостяжательность; а любостяжательность осуждается, какъ идолопоклонство (Кол. 3, 5). Не должно быть сребролюбивымъ, и на ненужное собирать сокровища, какихъ не надобно. Приходящій къ Богу долженъ возлюбить нищету во всемъ; и быть пригвожденъ страхомъ Божиимъ, подобно сказавшему: *пригвозди страху твоему плоти моя: отъ судьбъ бо Твоихъ убоюся* (Пс. 118, 120)».

«Да даруетъ же вамъ Господь, со всѣмъ убѣжденіемъ принять сказанное, во славу Божию явить плоды, достойные Духа, по благоволенію Бога и содѣйствіемъ Господа нашего Иисуса Христа». ⁽¹⁾

Бываютъ такіе подвижники, которые, будучи увлечены по-

⁽¹⁾ В. В. письмо 22.

рывами благочестивыхъ чувствъ, съ перваго же раза опредѣляютъ себя на всевозможныя трудности подвижнической жизни, думая, такъ сказать, однимъ скачкомъ достигнуть верха совершенства. Но таковыя подвижники, по гордости не желающіе воспользоваться совѣтами болѣе опытныхъ въ подвижнической жизни людей, большею частію плачевно оканчиваютъ свою жизнь, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются такимъ преткновеніямъ и паденіямъ, которыя налагаютъ мрачную тѣнь на всю ихъ подвижническую жизнь.—Желая таковыхъ, горячихъ, но неблагоразумныхъ подвижниковъ, охранить отъ вредныхъ для нихъ послѣдствій, мы находимъ нужнымъ ознакомить ихъ съ письмомъ св. Василя къ ученику Хилону, въ которомъ онъ вразумляетъ его, что въ добродѣтельной жизни недостаточно одно доброе начало, а нужно постоянное и непрерывное преспѣваніе, предлагаетъ многія правила жизни уединенной, совѣтуетъ не вдругъ устремляться на верхъ совершенства, но соблюдать въ подвигахъ постепенность, и предостерегаетъ не оставлять пустыни подъ благовиднымъ предлогомъ добродѣтельнаго житія въ мірѣ и посѣщенія духовныхъ собраний.

«Виновникомъ спасительнаго дѣла буду для тебя, искренній братъ мой, писалъ ему св. Василій, если охотно пріймешь отъ меня совѣтъ о томъ, что тебѣ дѣлать, особливо въ такихъ случаяхъ, о которыхъ самъ ты просилъ подать тебѣ совѣтъ. У многихъ, можетъ быть, доставало смѣлости начать уединенную жизнь, но не многіе, вѣроятно, потрудились довершить ее, какъ должно. И безъ сомнѣнія, конецъ дѣла—не въ одномъ намѣреніи, а въ концѣ—плодъ трудовъ. Поэтому ни малой нѣтъ пользы, если кто не поспѣшаетъ къ концу намѣренія, но ограничиваетъ монашескую жизнь однимъ только началомъ, а что всего смѣшнѣе, оставляетъ еще собственное свое намѣреніе, за что посторонніе обвиня-

ють его въ недостаткѣ мужества и разсудительности. О такихъ и Господь говоритъ: *кто хотяи домъ создати, не прежде ли съдѣ разчитетъ имѣніе, аще имать, еже есть на совершеніе: да не, когда положитъ основаніе, и не возможетъ совершити, начнутъ ругатися ему мимоходящій, глаголюще, яко человекъ сей основаніе положи, и не може совершити* (Лук. 14, 28—30)? Посему за началомъ пусть слѣдуетъ усердіе къ успѣху въ добромъ дѣлѣ. Пбо и мужественнѣйшій подвижникъ Павелъ, желая, чтобы не обезпечивали себя прежними добрыми дѣлами, но ежедневно преуспѣвали болѣе и болѣе, говоритъ: *задняя забывая, въ предняя же простираяся къ намѣренному юню, къ почести вышняго званія* (Флипп. 3. 13—14). Такова и цѣлая жизнь человѣческая: она не довольствуется предшествовавшимъ, но питается не столько прошедшимъ, сколько будущимъ. Что пользы человеку во вчерашней сытости чрева, если нынѣ при возродившемся голодѣ не находишь свойственнаго утѣшенія снѣдѣй? Такъ и душѣ не пользуется вчерашнее доброе дѣло, если въ сей день оставлено исполненіе правды. Ибо сказано: «какимъ найду тебя, такимъ и признаю».

«Поэтому напраснымъ дѣлается трудъ праведника и неукоризненнымъ нравъ грѣшника послѣ происшедшей съ ними перемѣны, когда одинъ отъ лучшаго перейдетъ къ худшему, а другой отъ худшаго къ лучшему. Это можно услышать и у Іезекііа, который учитъ, какъ отъ лица Господня. Пбо говоритъ онъ: если праведникъ совратившись прегрѣшитъ, *не помяну правды, яже сотворилъ есть предъ симъ, но во грѣхъ своемъ умретъ* (Іезек. 18, 24). А тоже самое говоритъ и о грѣшникѣ: если обратившись *сотворитъ правду, жизнью поживетъ въ ней* (27, 28). Гдѣ столь многочисленные труды раба Моисея, какъ скоро минутное прекословіе воспрепятствовало ему взойти въ

землю обѣтованія? Къ чему послужило Гіезію обращеніе съ Елисеємъ, когда по сребролюбію навлекъ онъ на себя проказу? Что было пользы и Соломону во множествѣ мудрости и въ такой предшествовавшей любви къ Богу, когда въ послѣдствіи отъ женоненствства впалъ онъ въ идолослуженіе? Да и блаженнаго Давида не неукоризненнымъ содѣлала разсѣянность за прегрѣшеніе съ женою Уріи. Къ приведенію въ безопасность жительствовающаго по Богу достаточно видѣть и ниспаденіе изъ лучшаго въ худшее *Иуды, который* столько времени былъ ученикомъ Христовымъ, а потомъ, продавъ Учителя за малое вознагражденіе, приобрѣлъ тѣмъ себѣ удавку. Поэтому да будетъ извѣстно тебѣ, братъ, что не тотъ совершенъ, кто хорошо началъ, но тотъ благонисусенъ предъ Богомъ, кто хорошо даетъ въ дѣлѣ отчетъ. Посему, братъ, не давай *сна очима, и дреманія въждама* своимъ (Пс. 131, 4), пока не спасешься, какъ серна отъ тенетъ, и какъ птица отъ сѣтей! Ибо смотри, ты идешь среди сѣтей и ходишь поверхъ высокой стѣны, откуда упасть не безопасно.»

«Посему не вдругъ простирайся на самый верхъ подвижничества, наипаче же не полагайся самъ на себя, чтобы не пасть тебѣ съ высоты подвижнической жизни по неопытности. Ибо лучше постепенное преспѣваніе. По-немногу отнимай у себя житейскія наслажденія, истребляя всѣ свои навыки, чтобы противодѣйствіемъ своимъ вдругъ привести въ раздраженіе всякое желаніе наслажденій, не возставить противъ себя толпу искушеній. Когда возмешь верхъ надъ пристрастіемъ къ одному удовольствію, тогда вступай въ борьбу съ пристрастіемъ къ другому; и такимъ образомъ благовременно преодолѣешь всякую склонность къ наслажденію. Ибо именованіе удовольствія одно, но роды удовольствій различны. Поэтому, братъ, прежде всего будь терпѣ-

ливъ во всякомъ искушеніи. А сколь ~~много~~различными искушеніями испытывается вѣрный, то мірскими потерями, то обвиненіями, обоганіями, непокорностію, оговорами, гоненіями! Все это и подобное сему служитъ къ испытанію вѣрнаго.»

«Сверхъ того будь безмолвенъ, не опрометчивъ въ словѣ, не спорливъ, не упоренъ, не тщеславенъ, не все перетолковывай; но люби вѣрность, будь не многорѣчивъ, всегда готовъ не учить, но учиться. Не любопытствуй о жизни мірской: изъ этого не будетъ тебѣ никакой пользы. Ибо сказано: *да не возмолуютъ уста моя дѣль человеческихъ* (Пс. 16, 4). Кто съ пріятностію говоритъ о дѣлахъ людей грѣшныхъ, тотъ съ готовностію пробуждаетъ въ себѣ страсть къ удовольствіямъ. Но желай лучше узнать жизнь праведныхъ; ибо въ этомъ найдешь для себя пользу. Не будь охотникъ показываться въ люди, обходя селенія и дома; но бѣгай ихъ, какъ сѣтей для души. А если кто изъ великаго благоговѣнія убѣждаетъ тебя подъ разными предлогами войти къ нему въ домъ: то таковой пусть научится вѣрѣ сотника, который Иисуса, поспѣшавшаго къ нему для исцѣленія, удерживалъ отъ сего, говоря: *Господи, нѣсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши, но токмо рцы слово, и исцѣлитъ отрокъ мой* (Мат. 8, 8). Когда же Иисусъ сказалъ ему: *иди, якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ: исцѣль отрокъ въ той часъ* (13). Посему, да будетъ извѣстно тебѣ, братъ, что не присутствіемъ Христовымъ, но вѣрою просящаго, освобожденъ больной отъ недуга. Такъ и нынѣ, въ какомъ мѣстѣ ни помолишься, если больной увѣруетъ, что помогутъ ему молитвы твои, все исполнится по желанію его.»

«Не паче Господа люби близкихъ тебѣ. Ибо сказано: *иже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мат. 10, 36). Что же значить Господня заповѣдь?

Сказано: *аще кто не возметъ крестъ свой, и не послѣдуетъ Ми, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 9, 23. 14, 27). Если ты со Христомъ умеръ для сродниковъ своихъ по плоти, то для чего хочешь опять жить съ ними? А если для сродниковъ своихъ опять создаешь то, что разорилъ для Христа; то самъ себя дѣлаешь преступникомъ: поэтому для сродниковъ своихъ не оставляй мѣста своего; ибо, оставляя мѣсто, оставляешь, можетъ быть, и нравы свои.»

«Не люби многолюдства, селеній и городовъ; но будь пустыннолюбецъ, всегда неразсѣянно пребывая самъ въ себѣ, признавая своимъ дѣломъ молитву и псалмопѣніе. Не пренебрегай чтеніемъ; особливо читай Новый Завѣтъ, такъ какъ отъ чтенія Ветхаго Завѣта не рѣдко бываетъ вредъ, не потому что въ немъ написано вредное, но потому что немощенъ умъ претерпѣвающихъ вредъ. Ибо всякій хлѣбъ питателенъ, но слабымъ онъ вреденъ. Такъ *всяко писаніе богодухновенно и полезно* (2 Тим. 3, 16); и въ немъ нѣтъ ничего нечистаго, а нечисто развѣ тому, кто признаетъ нечистымъ. Ты же *вся искушай: добрая держи, отъ всякаго вида злаго отребайся* (1 Сол. 5, 21—22). *Вся бо лѣтъ суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 6, 12).»

«Поэтому со всѣми, съ кѣмъ имѣешь дѣло, будь ко всѣмъ непреткновененъ, разуменъ, братолюбивъ, привѣтливъ, смиренномудръ, не удаляйся отъ цѣли страннолюбія для дорогихъ яствъ, но, довольствуясь настоящимъ, ни отъ кого не бери ничего сверхъ ежедневного потребнаго для монашеской жизни, и особливо бѣгай золота, какъ навѣтника души, отца грѣху, служителя діаволу. Не дѣлай себя виновнымъ въ богатолобіи подъ предлогомъ служенія нищимъ. А если кто принесетъ тебѣ деньги для бѣдныхъ, узнавъ, кто скуденъ, посовѣтуй тому самому, у кого есть деньги, отпести ихъ къ неимущимъ, чтобы пріятіемъ отъ него денегъ не

осквернить тебѣ своей совѣсти. Бѣгай удовольствій, люби воздержность, и тѣло упражняй въ трудахъ, а душу приучай къ искушеніямъ. Разлученіе души и тѣла признавая освобожденіемъ отъ всякаго зла, ожидай наслажденія вѣчными благами, причастниками котораго сдѣлались всѣ святые.»

Къ пресвитерскимъ трудамъ св. Василия св. Григорій Богословъ причисляетъ *чиноположеніе молитвъ*. Но подъ этимъ прежде всего нужно разумѣть Литургію, извѣстную подъ именемъ Литургіи Василия Великаго.—Что св. Василий писалъ литургію, въ этомъ несомнѣнно увѣряютъ: а) Проклъ Патріархъ Константинопольскій (434—447), который говоритъ, что св. Василий, желая уврачевать немощь человѣческую, изъ-за продолжительности служенія отказывавшуюся посѣщать богослуженіе, сократилъ древній чинъ литургіи; б) Петръ діаконъ, извѣстный по своему сочиненію о воплощеніи, говоритъ: молитвы литургіи Василия повторяетъ весь востокъ; в) Леонтій Византійскій (VII вѣка) въ 3-й книгѣ противъ Несторія; г) Соборъ Трульскій и 7-й Вселенскій Соборъ.—Кромѣ чина Литургіи, св. Василий преобразовалъ чинъ утренняго и вечерняго богослуженія и писалъ молитвы. О томъ, въ какомъ порядкѣ совершалось утреннее богослуженіе при св. Василиѣ, можно видѣть изъ его посланія къ Неокесарійцамъ; а сколь благолѣпно совершалось богослуженіе, это можно видѣть изъ того, что оно поразительно подѣйствовало на самаго Императора Валента, о чемъ мы будемъ еще имѣть случай говорить.

Св. Василию принадлежатъ еще молитвы на разные случаи, каковыя и нынѣ читаются въ кругѣ дневнаго служенія, а именно: двѣ молитвы полунощныя: одна: Господи Вседержителю, а другая: Тя благословимъ; двѣ молитвы междочасія 1-го часа: Боже вѣчный, безначальный и Посылаяй свѣтъ, и идетъ; молитва въ концѣ 6-го часа: Боже и Госпо-

ди силъ, а другая въ концѣ 9-го часа: Владыко, Господи. Молитва вечерни: Благословенъ еси Господи. Еще есть и другія молитвы: двѣ предъ причащеніемъ и одна по причащеніи; одна при Елеосвященіи; двѣ запретительныя надъ страждущимъ; двѣ по оскверненіи, одна за ненавидящихъ и любящихъ. Еще одна молитва: Возсіай въ сердцахъ нашихъ, Человѣколюбче,—которая читается послѣ 11-й каѳизмы, и въ числѣ утреннихъ молитвъ служебника.

Имъ же составлены молитвы, читаемыя въ день Пятидесятницы послѣ литургіи на вечернѣ, и постановлено стоять на колѣнахъ, во время чтенія этихъ молитвъ, съ чувствомъ благоговѣнія для засвидѣтельствованія о божественной власти Духа Святаго. Въ первой молитвѣ его вѣрные исповѣдуютъ себя безотвѣтными предъ судомъ правды Божіей,—но уповая на милость Бога Отца и сплу искупительной жертвы, принесенной Сыномъ, дерзаютъ умолять Милосерднаго о прощеніи грѣховъ; въ глубокомъ сокрушеніи сердца просятъ Господа, чтобы Онъ самъ своею силою защищалъ отъ насилія враговъ духовныхъ и всѣхъ собралъ бы подъ свой кровъ. Въ другой молитвѣ, вспоминая объ изліяніи даровъ Духа Святаго на Апостоловъ, просятъ Ходатая, пріившаго власть посылать Утѣшителя, чтобы Онъ ниспослалъ имъ Духа премудрости, Духа страха Божія, да не прельщаясь красными міра, всею душою будутъ желать воспріятія вѣчныхъ благъ. — Въ третьей молитвѣ, вспоминая объ усопшихъ отцахъ, братьяхъ и сестрахъ, умоляютъ имѣющаго власть надъ жизнію и смертію, да молитвы Церкви Его подадутъ миръ и упокоеніе имѣющимъ нужду въ оныхъ. Къ симъ тремъ молитвамъ присовокупляются еще обыкновенныя вечернія молитвы св. Василія о безгрѣшномъ препровожденіи вечера и ночи.

Церковь по внѣшнему своему управленію дѣлится на

разные отдѣлы и носить разныя названія; такъ были церкви: Кесарійская, Антіохійская, Александрійская и другія; но въ дѣйствительности Церковь, какъ имѣющая одну Главу, Господа нашего Иисуса Христа, и питающаяся повсюду одними и тѣми же благодатными токами Духа Святаго, едина, а отдѣльныя, по внѣшнему управленію, Церкви составляютъ только части одной Вселенской Церкви. Такъ смотрѣлъ на это и св. Василій Великій, и потому, хотя Церковь Кесарійская пользовалась относительнымъ спокойствіемъ и не терпѣла большаго зла отъ аріанъ, онъ не могъ смотрѣть спокойно на нестроенія и бѣдствія другихъ Церквей. Хотя попеченіе о другихъ Церквахъ не входило въ кругъ его пресвитерскихъ обязанностей, а немощъ тѣлесная могла его совершенно освобождать отъ этой заботы; но св. Василій, возбуждаемый духомъ ревности о благѣ всей Вселенской Церкви, спѣшилъ на помощь туда, гдѣ чувствовалось страданіе. Хотя его благія намѣренія и не всегда достигали своей цѣли по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла божественнаго, но онъ сознавалъ себя обязаннымъ дѣлать то, что сознавалъ полезнымъ, и за свои благія намѣренія и стремленія, конечно, получилъ отъ Господа заслуженную награду. Если онъ, не только во время своего пресвитерскаго служенія, но даже и епископскаго, и не успѣлъ достигнуть совершеннаго низложенія аріанъ и водворенія мира во всей Восточной Церкви: но его ревностное стремленіе къ этой цѣли, при всемъ томъ, остается неоцѣнимою заслугою для Вселенской Церкви. Поддерживаемый имъ духъ борьбы въ православныхъ пастыряхъ и пасомыхъ противъ аріанскаго нечестія, сохранилъ въ Православной Церкви духъ неповрежденной жизни; такъ что, когда наступило назначенное Богомъ время низложенія и совершеннаго пораженія аріанъ, Православная Церковь оказалась не неисцѣльно больною,

но исполненною крѣпости и силъ духовныхъ, и могла продолжать дальнѣйшее свое существованіе во всемъ цвѣтѣ и плодотворности для тѣхъ, которые вступали въ ея ограду.

15.164.377
Прослѣдимъ кратко дѣятельность св. Василія по отношенію ко всей Восточной Церкви, не для оцѣнки его дѣйствій, но для того, чтобы показать, въ какомъ печальномъ состояніи находилась тогда эта Церковь. Намъ уже извѣстно, что Валентъ, Императоръ Восточной Римской Имперіи, какъ аріанинъ, одинаково враждебно относился, какъ къ православнымъ, такъ и къ полуаріанамъ. Вслѣдствіе этого, полуаріане стремились соединиться съ православными, а св. Василиій спѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Полуаріанскіе епископы Геллеспонта и Виѳаніи, вмѣстѣ съ православными, собрались на Соборъ въ Лампсакъ ⁽¹⁾, чтобы уничтожить постановленія аріанъ, утвержденныхъ на Соборѣ Константинопольскомъ (360 г.) и возстановить низложенныхъ ими Епископовъ. Св. Василиій, бывши въ это время еще пресвитеромъ, хотя не былъ самъ лично на этомъ Соборѣ; но когда православные Епископы, собравшіеся въ Евсиноѣ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Лампсакъ, пригласили его къ себѣ для совѣщаній о вѣрѣ ⁽²⁾, онъ старался утвердить Евстаѳіа Севастійскаго и другихъ съ нимъ Епископовъ твердыми разсужденіями въ православномъ ученіи о догматѣ, подвергавшемся пререканіямъ, т. е. о единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцемъ. Плодомъ этого Собора было опредѣленіе о возвращеніи къ своимъ Церквямъ тѣхъ Епископовъ, которые, по навѣтамъ аріанъ, были сосланы въ ссылку за непризнаніе символа Константинопольскаго,

⁽¹⁾ Созоменъ, Ц. И. 6, 7.

⁽²⁾ В. В., письмо 215.

составленнаго аріанами. Хотя опредѣленіе Лампсакскаго Собора и не было приведено въ исполненіе вслѣдствіе противодѣйствія Валента, но уже послужило поводомъ къ сближенію полу-аріанъ съ православными; такъ какъ полу-аріане хотя и не выбросили слова *подобный* изъ символа, но признавали нужнымъ это слово только для отличія вѣстасей, не отвергая единосущности Сына Божія съ Богомъ Отцемъ.

Такъ какъ еретики, столь много наносившіе зла православному, почерпали свою силу главнымъ образомъ во внѣшней опорѣ, именно—въ покровительствѣ имъ Императора Валента, поэтому и православнымъ, кромѣ единодушія и непоколебимой твердости въ исповѣданіи православной вѣры, для противодѣйствія внѣшней силѣ нужно было противопоставить также внѣшнюю силу. Это св. Василій, всѣми силами заботившійся о доставленіи торжества православію, хорошо понималъ; и потому употреблялъ стараніе расположить въ свою пользу Валентиніана, Императора восточной и западной имперіи, которому Валентъ былъ только соправителемъ, но подчиненнымъ ему въ своихъ дѣйствіяхъ. Надежда на Валентиніана основывалась на томъ, что онъ держался православнаго ученія, хотя и не преслѣдовалъ исповѣдниковъ другихъ вѣроученій ⁽¹⁾. Для успѣшнаго же дѣйствія на Императора, нужно было войти въ общеніе съ Западною Церковію, которая тогда, пользуясь покровительствомъ православнаго Императора, наслаждалась миромъ. Съ этою цѣлію отправлено было отъ Восточной Церкви посольство къ Ливерію, главному Епископу Римской Церкви, состоявшее изъ трехъ Епископовъ, Евстаѳія Севастійскаго, Сильвана Тарсійскаго и Теофила Костовальскаго, снабженныхъ письмами и отъ другихъ восточныхъ Епископовъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Созоменъ. Ц. II. 6, 6.

⁽²⁾ Сократъ, Ц. II. 4, 12.

300. 375. Хотя это посольство и не имѣло желаннаго успѣха, такъ какъ посланные не застали Императора, но тѣмъ не менѣе давало надежду на благопріятный исходъ въ будущемъ, такъ какъ чрезъ это посольство положено было начало къ общенію съ Западною Церковію. Мысль о соединеніи съ Западомъ, для водворенія мира, давно уже была въ душѣ Василія, какъ онъ писалъ къ св. Аѳанасію, Архіепископу Александрійскому. И самъ я, писалъ онъ, даже при скудномъ своемъ разумѣніи о дѣлахъ, давно знаю, что пособію нашимъ церквямъ одно извѣстное средство—единодушіе съ нами западныхъ епископовъ ⁽¹⁾. Какъ много сочувствія выражали мысли св. Василія и прочіе восточные епископы, видно изъ того, что посланіе Ливерія и другихъ западныхъ епископовъ съ особымъ удовольствіемъ принято было на Соборѣ Тианскомъ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Евсевія Архіепископа Кесарійскаго ⁽²⁾, съ коимъ былъ, конечно, и св. Василій, какъ неизмѣнный его сотрудникъ въ дѣлахъ церковныхъ.—Для водворенія единомыслія между всѣми восточными церквами предположено было составить Соборъ въ Тарсѣ, но распоряженія православныхъ Епископовъ были остановлены Валентомъ, который воспрепятствовалъ имъ собираться туда.

Единомысліе Епископовъ есть основа благосостоянія Церкви, особенно при обуреваніи оной со стороны враговъ; поэтому св. Василій старался входить въ письменное общеніе съ многими предстоятелями частныхъ Церквей, даже съ такими, которые по недоразумѣнію враждебно относились къ нему, чтобы поддержать единомысліе и совокупность противодѣйствія еретикамъ.—На мѣсто Василія, Епископа Анкир-

⁽¹⁾ В. В. письмо 62.

⁽²⁾ Созоменъ. Ц. II. 6, 12.

скаго, несправедливо удаленнаго еретиками, возведенъ былъ Аѳанасій, который выказывалъ явное нерасположеніе къ св. Василю, и предъ всѣми порицалъ его за то, будто-бы онъ пишетъ и сочиняетъ что-то зловредное. Св. Василій, забывъ личное оскорбленіе, спѣшилъ уврачевать его душу искреннимъ объясненіемъ. Нѣкоторые, пришедшіе къ намъ изъ Анкира, извѣстили меня, что ты, любезная глава, не съ пріятностію, и не по обыкновенію своему воспоминаешь обо мнѣ. Но меня, какъ извѣстно тебѣ, не поражаетъ ничто человеческое, и всякая переменна не неожиданна для человѣка, который давно извѣдалъ немощь естества и удобство изъ одной крайности переходить въ другую. Поэтому не ставлю того въ велико, если измѣнилось нѣчто въ нашихъ отношеніяхъ, и вмѣсто прежней себѣ чести слышу теперь укоризны и оскорбленія. Показалось же мнѣ дѣйствительно страннымъ и необычайнымъ твое ко мнѣ до того измѣнившееся расположеніе, что гнѣваешься и досадуешь на меня, даже, какъ говорятъ слышавшіе, грозить мнѣ чѣмъ-то. Угрозамъ этимъ, скажу правду, много я смѣялся. И совершенно сталъ бы я ребенкомъ, если бы убоялся подобныхъ страхованій. Страшнымъ же и много озабочивающимъ почелъ я то, что твоя во всемъ точность, которая, какъ былъ я увѣренъ, соблюдена къ утѣшенію Церквей, быть опорой правой вѣры и сѣменемъ древней и истинной любви, столько заимствовала изъ настоящаго положенія дѣлъ, что хулы какихъ ни есть людей для тебя важнѣе дознаннаго обо мнѣ долговременнымъ опытомъ, и ты безъ доказательствъ увлекаешься въ нелѣпныя подозрѣнія. Что еще говорю: въ подозрѣнія! Кто негодуетъ и грозитъ, какъ сказываютъ это о тебѣ, тотъ, повидимому, обнаруживаетъ въ гнѣвѣ не подозрѣвающего, но ясно и неоспоримо уже увѣрившагося.—Но, какъ сказалъ я, причину сего приписываю настоящему времени. Ибо

великій ли былъ трудъ, чудный мой, переговорить со мною, о чемъ бы то ни было, въ краткомъ письмѣ какъ бы одному на одинъ, или, если не захотѣлъ подобнаго дѣла довѣрить письму, позвать меня къ себѣ? А если необходимо должно было вывести дѣло наружу, и неудержимость гнѣва не давала времени къ отсрочкѣ; то можно было къ объясненію со мною употребить посредникомъ кого либо одного изъ людей близкихъ и обыкшихъ хранить тайну. Но теперь кому изъ приходящихъ къ намъ, по какой бы то ни было нуждѣ, не разглашаютъ, будто бы пишу и слагаю что-то зловредное? А какъ утверждаютъ пересказывающіе рѣчи твои слово въ слово, тобою употреблено это самое реченіе.

Предположивъ, что его ввело въ заблужденіе какое либо еретическое сочиненіе съ подписью его имени, чтобы чрезъ клевету ослабить его авторитетъ учительскій, св. Василій говоритъ въ заключеніе письма: самъ ты разрѣшишь мое недоумѣніе, если сообразишь ясно сказать имя того, кто ввелъ тебя въ огорченіе противъ меня ⁽¹⁾. Плодомъ этого письма было то, что Аѳанасій, епископъ анкирскій, до конца жизни своей былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ св. Васи́ліемъ. И когда Аѳанасій окончилъ дни свои (что случилось вскорѣ послѣ сего письма), св. Василій писалъ между прочемъ Анкирской Церкви: палъ мужъ, который въ подлинномъ смыслѣ былъ столпомъ и утвержденіемъ Церкви; лучше же сказать, онъ удаляется отъ насъ, восхищенный къ блаженной жизни... Не стало совѣтовъ ума, подлинно движимаго Богомъ. О, сколько разъ (обвиняю въ этомъ самъ себя) приходило мнѣ на мысль вознегодовать на сего мужа, что, всецѣло предавшись желанію *разрѣшиться и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23), не предпочелъ онъ пребыть ради насъ во плоти ⁽²⁾!

⁽¹⁾ В. В. письмо 25.

⁽²⁾ Его же письмо 29.

Изъ оставшихся и сохранившихся до насъ писемъ св. Василія видно, что онъ, бывши еще пресвитеромъ, со многими Епископами имѣлъ переписку; особенно же въ близкихъ и дружественныхъ сношеніяхъ былъ съ Евсеіемъ, Епископомъ Самосатскимъ, которому повѣрялъ всѣ свои скорби и радости. Находясь даже почти на смертномъ одрѣ, онъ писалъ ему: лежу на одрѣ, въ совершенномъ изнеможеніи оскудѣвающихъ силъ, и только съ часу на часъ ожидаю неминуемаго конца жизни.—А Церкви почти въ такомъ же положеніи, какъ и мое тѣло; не видно никакой доброй надежды; дѣла непрестанно клонятся къ худшему⁽¹⁾.—Но часъ смерти для него Промысломъ Божественнымъ отдаленъ былъ еще на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ Господь, видящій и будущее какъ настоящее, видѣлъ, что онъ при своей благочестивой ревности о благѣ Церкви, еще много можетъ принести пользы ей своими талантами и примѣромъ святой жизни.

ГЛАВА V.

Не успѣлъ еще св. Василій совершенно освободиться отъ собственныхъ тѣлесныхъ недуговъ, какъ настали для него скорби и труды съ другой стороны. Въ этомъ же 370 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, скончался Евсеій, Архіепископъ Кесарійскій, и предстоялъ трудъ избрать достойнаго архипастыря, въ которомъ была особая нужда для отраженія нападений аріанъ, поддерживаемыхъ покровительствомъ Императора. Св. Василій, для лучшаго успѣха въ этомъ, а можетъ быть, и имѣя въ виду указать избирателямъ на св. Григорія Богослова, какъ достойнѣйшаго избранія на архіепископскій

⁽¹⁾ Его же письмо 30.

престолъ, письменно просилъ его придти къ нему, сколь возможно, скорѣе. Но справедливо предполагая, что св. Григорій не согласится придти къ нему въ такое время, зная, какъ много непріятнаго происходитъ при избраніи епископовъ, св. Василій писалъ ему, что онъ боленъ, и, находясь при послѣднемъ издыханіи, желаетъ его видѣть, чтобы передать ему свою послѣднюю волю. Святый Григорій, до глубины сердца огорченный такимъ извѣстіемъ, немедленно оставилъ Назіанзъ и отправился въ Кесарію. Но узнавъ на пути, что туда собираются съ разныхъ мѣстъ епископы для избранія новаго Архіепископа, понялъ намѣреніе своего друга, и съ половины пути возвратился назадъ. Изъ Назіанза же написалъ ему, что онъ не только не одобряетъ его поступка, но и самому желаетъ уклониться отъ избранія, чтобы избѣжать клеветы и нареканій отъ неблагонамѣренныхъ людей. Когда я узналъ, писалъ онъ между прочимъ святому Василю, что въ городъ собираются епископы, остановился на пути, и дивился, во первыхъ, тому, какъ не позаботился ты о благоприличіи, и не остерегся языка людей, которые всего скорѣе взводятъ клеветы на простодушныхъ; во вторыхъ, какъ думаешь, что не одно и тоже прилично и тебѣ и мнѣ, которыхъ въ началѣ такъ сдружилъ Богъ, что и жизнь, и ученіе и все у насъ общее; а въ третьихъ,—какъ подумалъ, что тутъ будутъ выставять на видъ людей благоговѣйныхъ, а не сильныхъ въ городѣ и любимыхъ народомъ? По симъ-то причинамъ поворотилъ я корму, и ѣду назадъ. Да и тебѣ самому, если угодно, желаю избѣжать настоящихъ мятелей и худыхъ подозрѣній; а твое благоговѣніе тогда увижу, когда устроится дѣла, и позволить мнѣ время ⁽¹⁾.

Съ этого времени св. Григорій и его отецъ рѣшились и

(1) Гр. Б. письмо 33.

съ своей стороны употребить усиліе къ тому, чтобы на архіепископскій престолъ Кесаріи возведенъ былъ св. Василій, какъ достойнѣйшій изъ всѣхъ, которыхъ могли имѣть въ виду при избраніи на это мѣсто, и какъ болѣе всѣхъ способный поддержать высокое достоинство Кесарійской Церкви и чистоту ученія православной вѣры, и защитить ее отъ растлѣнія тѣмъ глетворнымъ духомъ ученія, который аріане внесли уже почти во всѣ другія Церкви. Народъ и клиръ, въ это время, въ церкви Кесарійской распался на разныя партіи, и каждая партія представляла своего кандидата, и всѣ въ дѣлѣ руководились разными побужденіями. Одни, при избраніи Архіепископа, имѣли въ виду только благо Церкви, другіе руководились въ этомъ дѣлѣ связями родственными или дружественными, или другими какими-либо своекорыстными цѣлями, а нѣкоторые, въ горделивомъ мнѣніи о своихъ личныхъ достоинствахъ, думали только о себѣ. Враги же православной Церкви—еретики, пользуясь безразсудными и своекорыстными цѣлями православныхъ избирателей, стремились возвести на Кесарійскій престолъ одного изъ своихъ единомысленниковъ. Вообще споры были тѣмъ безразсуднѣе, чѣмъ жарче. Пбо не безызвѣстно было, говорить св. Григорій Богословъ, кто преимуществуетъ предъ всѣми, какъ солнце предъ звѣздами. Каждый видѣлъ это ясно, особенно всѣ nocturnissimе и безпристрастнѣйшіе изъ гражданъ, всѣ принадлежавшіе алтарю, и наши назорен (т. е. монашествующіе), на которыхъ однихъ, по крайней мѣрѣ болѣею частію, должны были бы лежать подобныя избранія, въ какомъ случаѣ Церковь не терпѣла бы никакого зла: тогда какъ избранія сіи зависятъ отъ людей богатыхъ и спльных, и еще болѣе отъ буйства и безразсудства черни, даже между чернію отъ людей самыхъ послѣднихъ. Почему можно теперь думать, что народныя начальства благоуст-

роениѣ нашего (т. е. духовнаго) начальства, которому приписывается божественная благодать ⁽¹⁾, и что въ подобныхъ дѣлахъ лучший правитель страхъ, а не разумъ. Ибо кто изъ благомыслящихъ сталъ бы искать другаго, миновавъ тебя, священная и божественная глава ⁽²⁾, тебя, написаннаго на рукахъ Господнихъ (Пс. 19, 16), несвязаннаго брачными узами, нестяжателя безплотнаго и почти безкровнаго, въ знаніи словесъ перваго по Словѣ, между любомудрыми мудраго, между мірскими премірнаго друга моего и сотрудника (выражусь даже болѣе), соучастника души моей, вмѣстѣ со мною жившаго и учившагося ⁽³⁾.

Какъ только собрались всѣ лица высшаго духовенства, имѣвшія право на участіе въ избраніи новаго Архіепископа, немедленно приступили къ самому дѣлу. Многіе изъ благонамѣренныхъ гражданъ города Кесаріи, собравшись, написали Епископу Назіанзскому, отцу св. Григорія Богослова, извѣщая его о кончинѣ ихъ архіепископа Евсевія, и прося его совѣта, какъ имъ поступить въ этомъ случаѣ, и кого избрать на мѣсто почившаго архипастыря. Святый Григорій—отецъ, будучи обремененъ годами, приближавшимися уже къ столѣтію, и болѣзнію, не могъ самъ явиться къ нимъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ избраніи архіепископа, но убѣждалъ ихъ, чтобы они дѣйствовали въ этомъ случаѣ, руководясь одною мыслію о благѣ Церкви, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ земныхъ цѣлей, понимая, какое важное значеніе имѣетъ Епископъ для своей Церкви, особенно въ тогдашнія смутныя обстоятельства, угрожавшія весьма большою опасностію чистотѣ вѣры. Сожалѣя, что, по своему болѣз-

(1) Это замѣчаніе великаго Святителя не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію и настоящему времени, стремящемуся къ выборному началу.

(2) Т. е. Св. Василия Великаго.

(3) Гр. Б. Сл. 18, стр. 137.

ненному состоянію, не можетъ самъ прибыть къ нимъ, писалъ: но буду содѣйствовать сколько возможно отсутствующему. Я увѣренъ, что есть и другіе достойные предстоятельствовать у васъ, потому что городъ вашъ обширенъ и издревле былъ управляемъ хорошо и мужами высокими; но никого изъ уважаемыхъ вами не могу предпочесть боголюбивѣйшему сыну нашему, пресвитеру Василю—мужу (говоря это предъ свидѣтелемъ Богомъ), и въ жизни и въ ученіи достигшему чистоты болѣе всякаго другаго, (а что всего важнѣе) тѣмъ и другимъ способнаго противостать нынѣшнему времени и преобладающему языкоболію еретиковъ. Пишу это и священствующимъ, и монашествующимъ, облеченнымъ и правительственною и совѣтодательною властію, а также и всему народу. Если будетъ на это ваше согласіе, и верхъ одержитъ мой голосъ, столько здравый и правый, какъ произносимый съ самимъ Богомъ; то духовно присутствую, и буду присутствовать съ вами, лучше же сказать, возлагаю уже руку и дерзаю духомъ. А въ противномъ случаѣ, если не будетъ на сіе согласія, и подобныя дѣла будутъ судить по собратствамъ и родствамъ, и рука мятежной толпы опять нарушитъ правоту суда, дѣлайте, что вамъ самимъ угодно, а я отъ этого прочь. Но Григорій—отецъ, или правильнѣе сказать, его сынъ, св. Григорій Богословъ, дѣйствовавшій отъ имени отца, не остановился на семъ, но поспѣшилъ также написать Евсеію, Епископу Самосатскому, котораго вліяніе въ Кесаріи на дѣла могло имѣть большое значеніе, убѣждая его употребить въ дѣлѣ избранія св. Василя на архіепископскій престолъ твердость и настойчивость, чѣмъ онъ окажетъ весьма большую услугу Церкви, за что и получить награду отъ Бога. Вообще, Григорій, отецъ Григорія Богослова, ревнуя о благѣ Церкви, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы избранъ былъ св. Василій.

Епископы, собравшіеся въ Кесаріи, для избранія Архієпископа, изъ которыхъ многіе держались аріанскаго ученія, имѣя въ виду своихъ кандидатовъ на это мѣсто, опасались, чтобы Епископъ Назіанзскій своимъ присутствіемъ не помѣшалъ выполненію ихъ намѣреній, и потому, приглашая его прибыть въ Кесарію, не назначили ни времени, къ которому онъ долженъ былъ прибыть, ни цѣли, для которой его приглашали. Св. Григорій, отвѣчая на ихъ письмо, показаль имъ, что онъ понимаетъ ихъ намѣреніе, но терпѣливо переноситъ оскорбленіе, наносимое ихъ лукавствомъ. «Каково же мое мнѣніе, въ заключеніе писалъ имъ, объясню вамъ. Другіе предлагаютъ, конечно, другихъ, каждый по своимъ правамъ и изъ своихъ выгодъ, что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ. А я не могу (и несправедливо было бы) предпочесть кого либо досточестнѣйшему сыну нашему сопресвитеру Василию. Ибо кого изъ извѣстныхъ намъ найдемъ или по жизни заслуживающимъ большее одобреніе, или въ словѣ болѣе сильнымъ, и во всѣхъ отношеніяхъ украшеннымъ лѣпотою добродѣтели? Если тѣлесная немощь его будетъ предлогомъ, то помните, что выбираете не борца, но учителя. . . . Если пріймете этотъ голосъ, то готовъ быть у васъ, и содѣйствовать вамъ, или духовно, или тѣлесно. А если путешествіе предлагается мнѣ съ условіемъ, и разногласія готовы одержать верхъ надъ правдою; то я радъ, что презрѣнъ вами. Это вашимъ будетъ дѣломъ; обо мнѣ же помолитесь» (1).

Когда св. Григорій, Епископъ Назіанзскій, послалъ такой отвѣтъ на письмо Епископовъ, собравшихся въ Кесаріи, изнемогалъ подъ тяжестію девяностошести-лѣтней жизни своей, и къ тому же, одержимъ будучи болѣзнію, лежалъ поч-

1) Гр. В. письмо 35.

ти безъ движенія въ постелѣ. Но когда узналъ, что, для законнаго избранія Василя на архіепископскій престолъ, не достаётъ одного голоса, то, не смотря на то, что самъ былъ удрученъ старостію и болѣзнію, говоритъ его сынъ св. Григорій Богословъ, «отрывается отъ болѣзненнаго одра, съ бодростію юноши идетъ, или, лучше сказать, съ полумертвымъ и едва дышущимъ тѣломъ приносится въ городъ, увѣренный, что если постигнетъ его смерть, то попечительность сія составитъ для него прекрасную погребальную ризу. И здѣсь совершается нѣчто чудное, но не невѣроятное: онъ укрѣпляется трудомъ, кнѣбѣтъ усердіемъ, распоряжается, примиряетъ, возводитъ на престолъ; возвращается назадъ, и носилы, на которыхъ онъ былъ несенъ, служатъ ему не гробомъ, но Божиимъ кивотомъ» ⁽¹⁾. Два Григорія, отецъ и сынъ, такимъ образомъ торжествовали побѣду надъ завистниками и врагами Василя, возведеніемъ котораго въ санъ архіепископскій обезпечивалось охраненіе чистоты ученія православной христіанской вѣры. И эту радость свою поспѣшилъ заявить святому Василю святой Григорій Богословъ. «Какъ скоро узналъ я, писалъ онъ къ нему, что ты возведенъ на высокій престолъ, Духъ побѣдилъ, свѣтильникъ, и прежде не темно свѣтившій, поставленъ на свѣщникѣ и у всѣхъ въ виду; признаюсь, обрадовался этому, видя, что общее, дѣло Церкви было въ другомъ положеніи и имѣло нужду въ такомъ руководствѣ» ⁽²⁾. Святой Аѳанасій, Архіепископъ Александрійскій, услышавъ о избраніи св. Василя, сильно возрадовался, и вмѣстѣ дивился тому, что нѣкоторые не хотѣли избрать сего достойнѣйшаго мужа, котораго всякой Церкви должно было желать себѣ въ Епископа. Св. Аѳана-

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 18. Стр. 139.

⁽²⁾ Гр. Б. письмо 38.

сій, въ радости своей, тогда же предрекъ о побѣдахъ, которыя св. Василій одержитъ надъ господствующею ересью ⁽¹⁾.

Но радовался ли самъ св. Василій своему возвышенію? Смотря на санъ Святительскій, какъ на служеніе, требующее отъ него высшей чистоты жизни и труда, превышающаго его немощныя тѣлесныя силы, имѣя при томъ въ виду многочисленный полкъ враговъ, съ которыми нужно было бороться до крови, онъ не могъ, конечно, испытывать другихъ чувствъ, кромѣ страха и скорби. Но какъ доблестный служитель Христовъ, онъ радовался подобно доблестному воину, идущему подъ выстрѣлы непріятеля и утѣшающемуся мыслію, что своею кровію избавитъ родную страну отъ нашествія варваровъ, попирающихъ и разоряющихъ ее Святому Василю предстоялъ великій трудъ: ему нужно было, въ одно и тоже время: и созидать разслабленныя души своей паствы, и отражать нападенія враговъ и своихъ и всей Церкви. Такъ какъ возведеніе Василя Великаго на архіепископскій престолъ совершилось вопреки желанію многихъ епископовъ и многихъ нравственно разслабленныхъ душъ, пороки которыхъ онъ строго обличалъ въ своихъ поученіяхъ: потому естественно онъ имѣлъ у себя много враговъ. И эти многочисленные враги не упускали случая вредить ему, или явнымъ сопротивленіемъ его власти и распоряженіямъ, или злою клеветою противъ него. Руководясь такими враждебными чувствами противъ св. Василя, они слѣдили за каждымъ его словомъ и дѣйствіемъ, и, все перетолковывая въ дурную сторону, поносили его, какъ человѣка гордаго и властолюбиваго, и склоннаго, но своимъ понятіямъ и ученію, къ ереси, не щадя своего языка и совѣсти, старались такое мнѣніе о немъ распространять повсюду. При такой-то грустной внут-

(1) Св. Аванасій Алаксаид. Письмо къ Ант.

ренней и виѣшней обстановкѣ ему нужно было начать служеніе Церкви! Но послѣдуемъ за нимъ, чтобы видѣть его въ его дѣлахъ, и изъ нихъ извлечь для себя назиданіе и руководство для жизни.

Чтобы понять обширность дѣятельности св. Василя, покажемъ сначала обширность власти Архіепископа Кесарійскаго. Св. Василій имѣлъ въ своей Кесарійской епархіи до пятидесяти хореепископовъ, которые облегчали его трудъ въ надзорѣ и направленіи дѣйствій сельскаго духовенства. Но кромѣ своей епархіи, Архіепископъ Кесарійскій, пользуясь правами митрополита, управлялъ епархіями цѣлой области Каппадокійской, коихъ числомъ было восемь. Сверхъ того, онъ, какъ Екзархъ сѣверовосточной половины Малой Азіи, завѣдывалъ и другими митрополіями. Отъ него зависѣли Галатія, Понтъ, Малая Арменія; даже и въ Великой Арменіи онъ рукополагалъ первенствующаго Епископа ⁽¹⁾. Первые три митрополіи св. Василя иногда обозрѣвалъ и собиралъ ихъ Епископовъ на Соборы.

Принявъ помазаніе отъ Духа Святаго чрезъ рукоположеніе Святителей, св. Архіепископъ Кесарійскій скоро проявилъ, что онъ одинаково былъ надѣленъ отъ Духа Святаго, какъ даромъ премудрости и разума (1 Кор. 12, 8), такъ и даромъ *управленія* (ст. 28). Среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ онъ показывалъ такую несокрушимую твердость воли, которая свидѣтельствовала о необыкновенномъ величіи его духа. Во всѣхъ его распоряженіяхъ видна рѣшительность, но, впрочемъ, обдумавшая уже средства, потребныя для достиженія предположенной цѣли, и—осторожность, предусматривающая возможные случайности. Его рѣшенія побѣдѣ или дѣламъ были столько мудры и справедливы, что

(1) З. В. письма 66, 93, 121, 244, 258.

становились правиломъ, при рѣшеніи подобныхъ дѣлъ, не только для окружавшихъ его и его современниковъ, но и для потомства. Но не отказывая нуждающимся въ разрѣшеніи ихъ недоумѣній, онъ однакоже и самъ, стремясь только къ истинному и полезному, руководясь духомъ смиренія, входилъ въ совѣщанія о значительныхъ дѣлахъ съ мужами опытными и дѣйствующими по Духу Христову. Любовь къ Богу и ревность о благѣ Церкви были главною цѣлю его жизни, въ жертву которой онъ приносилъ всю свою жизнь, изнуренную болѣзнями тѣлесными, множествомъ огорченій душевныхъ и подвигами духовнаго любомудрія. Употребивъ все свое имѣніе въ пользу бѣдныхъ во время еще своего пресвитерства, св. Василій, и будучи Архіепископомъ, не находилъ нужнымъ имѣть болѣе того, что признавалъ потребнымъ для каждаго монаха. «Что же было когда у Василія, спрашиваетъ св. Григорій Б., кромѣ тѣла и необходимыхъ покрововъ для плоти? Его богатство—ничего у себя не имѣть, и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній» ⁽¹⁾. Воздержаніе св. Василія соотвѣтствовало его нестяжательности. «Достойны удивленія воздержаніе и довольство малымъ; похвально не отдаваться во власть сластолюбію и не раболѣпствовать несносному и низкому властелину—чреву. Кто же до такой степени былъ почти невкушающимъ пищи и (не много будетъ сказать) безплотнымъ? Многотеніе и пресыщеніе отринулъ онъ, предоставивъ людямъ, которые уподобляются безсловеснымъ и ведутъ жизнь рабскую и пресмыкающуюся. А самъ не находилъ великаго ни въ чемъ томъ, что пройдя чрезъ гортань, имѣетъ равное достоинство; но пока былъ живъ, поддерживалъ жизнь самымъ необхо-

⁽¹⁾ Гр. Б. 43, стр. 116.

димымъ, и одну зналъ роскошь—не имѣть и вида роскоши, но взирать на крины и на птицъ, у которыхъ и красота безыскусственна и пища вездѣ готова Отъ сего-то у Василя одинъ былъ хитонъ, одна была верхняя ветхая риза; и сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе; самою вкусною вечерію и снѣдію служили хлѣбъ и соль—новаго рода приправа, и трезвенное и неоскудѣвающее питіе, какое и не трудившимся приносятъ источники» ⁽¹⁾. Наружный видъ св. Василя соотвѣтствовалъ его внутренней подвижнической жизни. Станомъ онъ былъ прямъ, носъ имѣлъ прямой, волосы съ просѣдью, борода длинная и съ сѣдинами. Блѣдность лица, отращеніе на немъ волосъ, тихость походки, медленность въ рѣчахъ, необычайная задумчивость и углубленіе въ себя, были такими чертами въ святомъ Василиѣ, которымъ многіе, хотя по наружности, старались подражать ⁽²⁾. При всей своей видимой суровости и постоянной сосредоточенности въ самомъ себѣ, въ обществѣ близкихъ къ нему лицъ онъ былъ привѣтливъ и назидательно шутливъ.» Кто былъ, говоритъ св. Григорій о своемъ святомъ другѣ, столько пріятенъ въ собраніяхъ, какъ извѣстно сіе мнѣ, который всего чаще имѣлъ случай видѣть его? кто могъ увлекательнѣе его бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, а похвалы до потачки, но и въ похвалѣ и выговорѣ избѣгать неумѣренности, пользоваться ими съ разсужденіемъ, наблюдая время ⁽³⁾?»

Высшій правитель какого бы то ни было учрежденія или общества, какою бы ни обладалъ проницательностію ума и силою воли, не много успѣетъ въ достиженіи предположен-

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 117—118.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 135. Баронія Ann. ad. 378.

⁽³⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 123.

ныхъ имъ благихъ цѣлей, если въ своихъ сослуживцахъ, естественныхъ орудіяхъ къ исполненію его благихъ предначертаній, всегда будетъ встрѣчать или равнодушіе, или даже противодѣйствіе. Ему нужна мудрость, не раздражая уязвленнаго самолюбія подчиненныхъ лицъ и не унижая своего достоинства льстивою угодливостью имъ, пробудить и направить ихъ силы къ дѣятельности, согласной съ его указаніями. Св. Василій, вступивъ на Архіепископскій престолъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, обладая однакоже высшими естественными и благодатными дарами, умѣлъ и сокрушить гордость сильныхъ враговъ православія, и привлечь къ себѣ сердца тѣхъ изъ подчиненныхъ ему лицъ, которые, выразивъ противодѣйствіе его избранію по незнакомству съ его высокими душевными достоинствами, способны однако же были, не ослѣпляясь страстями властолюбія и честолюбія, цѣнить истинное добро въ другихъ. Но прежде, нежели достигъ этого св. Василій, ему нужно было вытерпѣть много скорби и непріятностей. Недовольные избраніемъ св. Василія Епископы, какъ только удалились изъ Кесаріи Григорій Назіанзскій и Евсевій Самосатскій, снова явились въ Кесарію, причинили много огорченій новопоставленному Архіепископу и произвели раздѣленіе въ Церкви каппадокійской. «Послѣ твоего отбытія, писалъ св. Василій Евсевію, Епископу Самосатскому, — пришедшіе по слѣдамъ твоимъ, много наговорили и надѣлали непріятностей, и наконецъ удалились, утвердивъ у насъ раздѣленіе. Поэтому будетъ ли что лучше, и оставятъ ли они свою злобу, никому не извѣстно, кромѣ единого Бога. Таково настоящее положеніе дѣлъ!»⁽¹⁾ Въ числѣ неблагорасположенныхъ къ св. Василию оказался и его дядя, Епископъ Григорій. Его нерас-

⁽¹⁾ В. В. письмо 44.

положеніе для св. Василія тѣмъ было чувствительнѣе и прискорбнѣе, что онъ питалъ къ нему издавна искреннее и родственное расположеніе, и еще болѣе потому, что происшедшее разъединеніе между ними подавало поводъ многимъ неблагонамѣреннымъ людямъ къ злорѣчію и клеветамъ, и производило раздѣленіе между городами и цѣлыми Церквами. Желая положить конецъ соблазну, и понимая то, что смиренномудріе лучше всего укрощаетъ вражду безъ причины враждующихъ, св. Василій рѣшился первый написать къ своему дядѣ. Въ этомъ письмѣ, выразивъ ему, что онъ признаетъ его нерасположеніе, какъ праведное наказаніе отъ Бога за прежніе вѣдомые и невѣдомые грѣхи, проситъ его назначить свиданіе, чтобы искреннимъ объясненіемъ положить конецъ прискорбному разъединенію и устранить этимъ соблазнъ для другихъ: «если есть какое утѣшеніе о Христѣ, писалъ св. Василій дядѣ своему, и какое общеніе Духа, и ежели есть сколько нибудь сердоболія и сострадательности; то исполни мою просьбу, прекрати все приводившее въ уныніе, положи нѣкоторое начало тому, что веселило бы на будущее время, самъ води другихъ къ лучшему, а не за другимъ слѣдуй, куда не должно; потому что и тѣлесныя черты нельзя признать другому такъ собственно принадлежащими, какъ душѣ твоей принадлежитъ миръ и кротость. Такому же человѣку прилично привлекать къ себѣ другихъ и дѣлать, чтобы всѣ приближающіеся къ тебѣ исполнялись кротостію твоего нрава, какъ благовоніемъ нѣкаго мѣра. Ибо, если и есть теперь нѣчто противоборствующее, то въ скоромъ времени и оно познаетъ благо мира. Но пока отъ несогласія имѣютъ мѣсто клеветы, по необходимости непрестанно растутъ худыя подозрѣнія. . . Если и погрѣшаю въ чемъ; то вразумляемый исправлюсь. Сіе же не возможно безъ свиданія. А если не сдѣлалъ я несправедливости; то за

что меня ненавидят? И сіе-то представляю въ собственное свое оправданіе.»

«Но что скажутъ о себѣ Церкви, которыя не на добро себѣ участвуютъ въ нашемъ несогласіи, объ этомъ лучше молчать. Ибо веду слово не для того, чтобы оскорбить, но чтобы положить конецъ оскорбительному. Отъ твоего же благоразумія ничто, конечно, не сокрыто; напротивъ того, и самъ въ умѣ своемъ изобрѣтешь и другимъ скажешь нѣчто такое, что гораздо важнѣе и совершеннѣе придуманнаго мною; потому что прежде меня видѣлъ ты вредъ, какой терпятъ Церкви, и больше моего скорбишь о томъ, издавна наученный Господомъ не презирать никого изъ меньшихъ. Теперь же вредъ ограничивается не однимъ или двумя, но цѣлые города и народы участвуютъ въ нашихъ несчастіяхъ. Ибо нужно ли и говорить о той молвѣ, какая идетъ о насъ въ странахъ отдаленныхъ? Потому прилично твоему великодушію уступить любоприятельность другимъ, лучше же сказать если возможно, истребить ее и въ ихъ душѣ, а самому препобѣдить огорчительное терпѣніемъ. Ибо мстить свойственно всякому прогнѣванному: а стать выше самаго гнѣва—это свойственно тебѣ одному, и развѣ тому, кто близокъ къ тебѣ по добродѣтели. Не скажу еще того, что негодующій на меня изливаетъ гнѣвъ свой на человѣка, не сдѣлавшаго никакой несправедливости. Поэтому или прибытіемъ своимъ, или письмомъ, или приглашеніемъ къ себѣ, или какимъ тебѣ угодно способомъ утѣшь мою душу» (1).

Негодующій на меня, говоритъ св. Василій въ этомъ письмѣ, негодуетъ на человѣка, не сдѣлавшаго никакой несправедливости. Это, кажется, хорошо понимали и враги его; потому что, не находя въ немъ дѣйствительной вины къ

(1) В. В. письмо 55.

своему неудовольствію на него, старались только клеветать на него, чтобы оправдать свой гнѣвъ на него предъ другими. Но письмо св. Василя къ дядѣ положило начало къ сближенію его съ нимъ, а потомъ привлекло къ нему сердца и прочихъ его недоброжелателей. «Каждый, говоритъ св. Григорій, приносить свое извиненіе, и сколько прежде оказывалъ вражды, столько теперь благорасположенія и преуспѣнія въ добродѣтели, въ которой одной и находилъ для себя самое сильное оправданіе. И только развѣ неизлечимо поврежденный былъ пренебреженъ и отринутъ, чтобы самъ въ себѣ сокрушился и потребился, какъ ржа пропадаетъ вмѣстѣ съ желѣзомъ» ⁽¹⁾.

Показывая въ себѣ примѣръ всякой добродѣтели, рачительности объ исполненіи своихъ обязанностей, попечительности о бѣдныхъ, неутомимости въ проповѣданіи слова Божія, св. Василий требовалъ и отъ подчиненныхъ ему Епископовъ и пресвитеровъ соответствующихъ ихъ сану совершенствъ и чистоты жизни, чтобы они не разрушали соблазнительнымъ примѣромъ своей жизни то, что думали создать своимъ пастырскимъ словомъ. Узнавъ, что нѣкоторые изъ Епископовъ съ рукополагаемыхъ берутъ деньги, и вмѣсто сокрушенія о своемъ незаконномъ дѣлѣ, стараются оправдать его тѣмъ, что берутъ деньги не до посвященія, а послѣ посвященія, слѣд. какъ бы произвольный даръ за трудъ, св. Василий, обличивъ ихъ грѣхъ, угрожалъ отлученіемъ отъ алтаря, если бы впредь повторились такіа нечестивыя дѣла. «Гнусность дѣла, о которомъ пишу, говорилъ св. Василий въ окружномъ письмѣ къ хорепископамъ, какъ исполнило мою душу скорбію, потому что всѣми это заподозрѣно и оглашено, такъ доселѣ еще кажется мнѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ.

⁽¹⁾ Гр. Б. См. 43, стр. 97.

Поэтому и письмо о семъ, кто сознаетъ за собою дѣло, пусть прійметъ какъ врачевство, а кто не сознаетъ,—какъ предостереженіе; человѣкъ же холодный (каковыхъ не желаю и найти между вами),—какъ свидѣтельство противъ себя. Но что же это такое, о чемъ говорю я? Сказываютъ, будто бы нѣкоторые изъ васъ берутъ деньги съ рукополагаемыхъ, прикрываютъ же сіе именемъ благочестія. Но это и хуже всего. Ибо, если кто дѣлаетъ зло подѣ личиною добра, то онъ достоинъ сугубаго наказанія, такъ какъ дѣлаетъ, что само по себѣ не хорошо, къ совершенію же худаго, какъ сказалъ бы иной, пользуется добрымъ содѣйственникомъ. Если этотъ слухъ справедливъ; то пусть впередъ этого не будетъ, и зло будетъ поправлено: ибо тому, кто беретъ деньги, необходимо сказать тоже, что сказано было Апостолами хотѣвшему на серебро купить причастіе Святаго Духа: *серебро твое съ тобою да будетъ въ погибель* (Дѣян. 2, 20). Легче еще грѣшитъ тотъ, кто по неопытности желаетъ купить даръ Божій, нежели тотъ, кто продаетъ его. Ибо это дѣйствительная продажа; и если торгуешь тѣмъ, что самъ получилъ даромъ; то, какъ проданный сатанѣ, лишенъ будешь дарованія; потому что вводишь корчемство въ духовномъ и въ Церкви, гдѣ намъ ввѣрены Тѣло и Кровь Христовы. Этому такъ не должно быть. Какая же употребляется отговорка? Скажу и это. Думаютъ, будто бы не грѣшатъ, потому что берутъ не до рукоположенія, но по рукоположеніи. Но когда ни взять, все значить взять. Поэтому умоляю васъ, оставьте этотъ доходъ, лучше же сказать, этотъ входъ въ геенну, и оскверняя руки такими дарами, не дѣлайте себя недостойными совершать чистыя таинства. Но извините меня. Сперва, какъ не повѣрившій, а потомъ, какъ увѣренный, угрожаю вамъ: если кто послѣ этого моего письма сдѣлаетъ что либо подобное, то да удалится отъ здѣшнихъ

алтарей, и пусть ищетъ себѣ мѣста тамъ, гдѣ, покупая даръ Божій, можетъ перепродавать его. А мы и Церкви Божіи такового обычая не имамы (1 Кор. 11, 16). Присовокупивъ одно слово, кончу тѣмъ рѣчь. Это дѣлается по сребролюбію; а сребролюбіе есть корень всѣмъ злымъ (1 Тим. 3, 5). Поэтому, ради небольшого количества сребра, не предпочитайте идоловъ Христу, и не дѣлайтесь новыми подражателями Иуды, за подарокъ вторично продавая единожды за насъ Распятаго» (¹).

Замѣченъ былъ св. Василиемъ и другой безпорядокъ, державшійся особенно при сельскихъ церквахъ, находившихся подъ ближайшимъ надзоромъ хорепископовъ, который также онъ поспѣшилъ уничтожить. — Пресвитеры не рѣдко людей недостойныхъ, но близкихъ къ нимъ по родству, или знакомству, чтобы укрыть ихъ отъ военной службы, принимали въ число церковнослужителей. Хорепископы, по небрежности о своихъ обязанностяхъ, смотрѣли на это дѣло равнодушно, и, вопреки давнишнему обычаю, о вновь принятыхъ въ число церковнослужителей мірянахъ не доносили Архіепископу. Слѣдствіемъ этого безпорядка было то, что и въ пресвитеры возводимы были люди недостойные, такъ какъ по древнему обычаю, для полученія пресвитерскаго сана, нужно было пройти и низшія ступени службы церковной. Желая положить конецъ этому злу, по своимъ послѣдствіямъ весьма важному, св. Василий написалъ слѣдующее окружное письмо къ хорепископамъ, свидѣтельствующее о томъ, что ничто не ускользало отъ вниманія доблестнаго Архипастыря, и не оставалось неисправимымъ, что требовало исправленія. «Очень прискорбно мнѣ, писалъ св. Василий, что отеческія правила уже не дѣйствуютъ, и всякая стро-

(¹) В. В. письмо 49.

гость изъ Церквей изгнана. Боюсь же, чтобы съ этою постоянно возрастающею холодностію и дѣла Церкви не пришли въ совершенное замѣшательство. По обыкновенію, издревле утвердившемуся въ Церквахъ Божіихъ, принимая служителей церковныхъ не иначе, какъ по строгомъ во всемъ испытаніи, развѣдывали все ихъ поведеніе: не злоязычны ли они, не пьяницы ли, не склонны ли къ ссорамъ, обуздываютъ ли свою юность такъ, что въ состояніи отправлять касающееся до святыни, безъ которой никто не узритъ Господа. И сіе разыскивали пресвитеры вмѣстѣ съ живущими при нихъ діаконами: доносили же о семъ хорепископамъ, которые, собравъ голоса отъ свидѣтельствующихъ по истинѣ, и доведя до свѣдѣнія Епископа, такимъ образомъ причисляли служителя къ чину священнослужащихъ. А нынѣ, во первыхъ, взяли вы на себя все полномочіе, отстранивъ меня и не принимая на себя труда доносить мнѣ; а потомъ, нерадя сами о дѣлѣ, позволяли пресвитерамъ и діаконамъ вводить въ Церковь людей недостойныхъ, жизни неизвѣданной, кого пожелаютъ они, по пристрастію, или по родству, или по какимъ дружескимъ связямъ. Поэтому въ каждомъ селеніи много считается служителей, но нѣтъ ни одного достойнаго служить алтарю, какъ сами о томъ свидѣствуете, терпя недостатокъ въ людяхъ при избраніяхъ. Итакъ, поелику вижу, что дѣло доходитъ уже до крайности, особливо теперь, когда многіе, боясь набора въ военную службу, приписываются въ церковнослужители: то доведенъ я необходимостію возобновить отеческія правила; и пишу къ вамъ, прося выслать мнѣ списокъ церковнослужителей въ каждомъ селеніи, съ означеніемъ, кѣмъ кто опредѣленъ, и какого рода жизни. Но и сами у себя заведите списокъ, чтобы сличить ваши записи съ хранящимися у меня, и чтобы никому не возможно было приписать себя, когда захочетъ.

Такимъ образомъ, если иные опредѣлены пресвитерами послѣ перваго распредѣленія, то да будутъ исключены въ число мірянъ; ваше же изслѣдованіе о нихъ да прострется далѣе, и если которые окажутся достойными, то да будутъ приняты по вашему приговору. Очистите Церковь, удаливъ изъ нея недостойныхъ, а потомъ изслѣдуйте, кто достоинъ, и таковыхъ пріймите, но не вносите въ списокъ, не донесѣ мнѣ, или знайте, что принятый въ церковнослужители безъ моего вѣдома останется міряниномъ» ⁽¹⁾.

Причиною всѣхъ непріятностей, испытанныхъ св. Василиемъ со стороны епископовъ и другихъ низшихъ лицъ, были гнѣвъ и зависть. Побѣдивъ всѣхъ своихъ враговъ мудростію своихъ разсужденій и дѣйствій, кротостію и долготерпѣніемъ, понимая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ много зла производятъ въ жизни общественной и семейной гнѣвъ и зависть, онъ восхотѣлъ преподавать спасительное врачество отъ сихъ недуговъ всей своей паствѣ,—врачество, какъ исцѣляющее уже зараженныхъ, такъ и предохраняющее еще не испытавшихъ на себѣ гибельныхъ послѣдствій сихъ болѣзней душевныхъ. Двѣ его бесѣды; *на гнѣвливыхъ и о зависти*, такія спасительныя врачества, которыя не утратили своей цѣлительной силы въ продолженіи пятнадцати столѣтій, и не утратятъ, конечно, никогда. Такъ какъ рѣдкій и изъ современныхъ людей не испытываетъ на себѣ этихъ недуговъ душевныхъ, именуемыхъ гнѣвомъ и завистію: поэтому обратимъ должное вниманіе на эти бесѣды св. Василия, дабы извлечь изъ нихъ для себя пользу, указанную богопросвѣщенною мудростію вселенскаго Учителя.

Въ началѣ бесѣды на гнѣвливыхъ св. Василиій говоритъ: «слышимъ, какъ ясно выражено въ притчахъ, что *гнѣвъ у-*

(1) Его же письмо 50.

битъ и разумныя (Притч. 15, 1); слышимъ также апостольское увѣщаніе: *всякъ гнѣвъ и ярость и кличъ да возмется отъ васъ, со всякою злобою* (Ефес. 4, 31); слышимъ, что и Господь говоритъ: *гнѣваяся на брата своего всуе повиненъ есть суду*: а теперь, когда на опытъ извѣдали мы страсть сію,—страсть не въ насъ самихъ открывшуюся, но со внѣ, подобно какой-то неожиданной бурѣ, къ намъ приразившуюся, теперь наконецъ узнали мы, какого удивленія достойны Божественныя предписанія. Давъ мѣсто гнѣву, какъ свободный путь стремительному потоку, и въ спокойномъ состояніи наблюдая неблагообразное смятеніе одержимыхъ сею страстію, на самомъ дѣлѣ узнали мы вѣрность изреченія, что мужъ ярый неблагообразенъ» (Притч. 11, 25).

«Эта страсть, какъ скоро однажды отринетъ внушенія разсудка и овладѣетъ душою, дѣлаетъ уже человѣка совершеннымъ звѣремъ и не дозволяетъ ему быть человѣкомъ, лишивъ его помощи разума. Что въ ядовитыхъ животныхъ ядъ, то въ сердитыхъ раздраженіе. Они бѣсятся какъ псы, бросаются какъ скорпіоны, угрызаютъ какъ змѣи. Такъ и Писаніе обладаемыхъ этою страстію называетъ именами тѣхъ звѣрей, которымъ они уподобляются своимъ порокомъ. Оно именуетъ ихъ псами нѣмыми (Пс. 56, 10), змѣями, порожденіями эхиднинными (Матѳ. 23, 33). И за готовность взаимно губить другъ друга и вредить единоплеменнымъ, справедливо причислить ихъ къ звѣрямъ и ядовитымъ животнымъ, у которыхъ отъ природы непримиримая ненависть къ людямъ. Отъ раздражительности языкъ бываетъ необузданъ, уста не замыкаются; неводержныя руки, обиды, упреки, злорѣчіе, удары и многое другое, что едва ли кто и перечтетъ,—вотъ порожденіе гнѣва и раздражительности. Отъ раздражительности и мечъ изощряется, рука человѣческая отваживается на смерть человѣка. Отъ нея и

братья не узнавали другъ друга, родители и дѣти забывали узы природы. Разгнѣванные сначала не знаютъ сами себя, а потомъ не знаютъ также и всѣхъ близкихъ. Какъ горные потоки, стекая въ мѣста низменныя, увлекаютъ съ собою все встрѣчающееся: такъ насильственные и неудержимыя стремленія разгнѣванныхъ поражаютъ всѣхъ одинаково. Раздраженные не уважаютъ ни сѣдины, ни добродѣтельной жизни, ни родственной связи, ни прежнихъ милостей, ни всего прочаго, что имѣетъ какую либо цѣну. Раздраженіе есть какое-то кратковременное бѣшенство. Раздраженные часто ввергаютъ сами себя въ явное зло; стараясь отмстить другимъ, не радятъ о себѣ. Воспоминаніемъ объ оскорбителяхъ уязвимые, какъ жаломъ, въ порывахъ и скачкахъ своего гнѣва до тѣхъ поръ они не успокоиваются, пока сами не сдѣлаютъ какого зла огорчившему, или при случаѣ не потерпятъ чего худаго и сами, какъ и не рѣдко стремительно упадающее болѣе терпитъ, нежели причиняетъ вреда, разбиваясь о то, къ чему приразилось.»

Показавъ безобразіе души разгнѣваннаго, св. Василій показываетъ далѣе безобразіе и его наружнаго вида, когда онъ, «размахивая руками, топая ногами, издавая неистовые звуки безсвязныхъ ругательныхъ словъ, уподобляется человѣку, одержимому бѣсомъ, отъ котораго разгнѣванный не отличается ни наружнымъ видомъ, ни душевнымъ расположеніемъ».

Когда человѣкъ находится въ спокойномъ состояніи духа, онъ не можетъ не видѣть жалкаго состоянія души раздраженнаго человѣка, и безобразія его наружнаго вида. Этимъ-то жалкимъ состояніемъ человѣка раздраженнаго св. Василій убѣждаетъ не доводить себя до такого же состоянія, котораго не можетъ не осуждать въ другомъ. Допустить себя до раздражительности значитъ допустить въ себѣ тотъ же

порокъ, который за минуту осуждалъ въ другомъ. «Не вра-
чуйте зла зломъ, говоритъ онъ, не старайтесь превзойти
другъ друга въ бѣдствіяхъ. Въ недобрыхъ борьбахъ злосча-
стиѣ тотъ, кто побѣдилъ; потому что съ побѣды приноситъ
больше грѣха. Не будь собирателемъ худой дани, и еще
болѣе лукавымъ воздаятелемъ лукаваго долга. Обидѣлъ тебя
разгнѣванный? Останови зло молчаніемъ. А ты, гнѣвъ-его,
какъ потокъ, принявъ въ собственное свое сердце, подра-
жаешь вѣтрамъ, которые противнымъ своимъ дуновеніемъ
отбрасываютъ назадъ, что принесено. Не бери врага въ
учителя себѣ; не ревнуй о томъ, что ненавидишь. Не будь
для гнѣвнаго какъ бы зеркаломъ, показывая въ себѣ его
образъ. Онъ багровъ; а ты развѣ не покраснѣлся? У него
глаза налились кровью; но скажи мнѣ, и въ твоихъ глазахъ
видна ли тишина? Его голосъ суровъ; но и твой кротокъ ли?
Пустынное эхо не отзывается говорящему съ такой полнотой,
съ какою обиды возвращаются укорителю? Справедливѣе же
сказать: эхо повторяетъ, что скажешь самъ ты, а укоризна
возвращается съ прибавкой. Ибо что говорятъ другъ другу
ругатели? Одинъ скажетъ: ты подлѣ и подлаго рода; другой
отвѣтитъ: а ты рабъ у рабовъ. Одинъ назоветъ нищимъ,
другой бродягой; одинъ невѣждой, другой—глупцомъ, и
такъ далѣе, пока не станетъ уже обидныхъ словъ, какъ
стрѣлъ въ колчанѣ. А потомъ, когда разстрѣяны языкомъ
всѣ укоризны, переходятъ уже къ ищенію самымъ дѣломъ.
Ибо раздраженіе возбуждаетъ ссору, ссора рождаетъ укоризны,
укоризны рожаютъ драку, драка—раны, и отъ ранъ нерѣдко
бываетъ и смерть».

Непривыкшіе владѣть собою говорятъ: не возможно не
оскорбляться, когда оскорбляютъ разными поносными сло-
вами; это выше силъ человѣческихъ.—Но отъ чего же,
можно сказать таковому въ отвѣтъ, ты сдѣлался бессиль-

нымъ? Конечно отъ того, что допустилъ прежде разслабить себя самолюбіемъ и чрезмѣрною гордостью. Если бы ты обладалъ христіанскимъ смиреніемъ и сознаніемъ дѣйствительнаго своего нравственнаго безсилія: тогда самыя оскорбительныя слова почелъ бы не болѣе, какъ выраженіемъ того, что въ тебѣ дѣйствительно сокрыто.» Но обратимся опять къ св. Василию, чтобы получить отъ него совѣтъ, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ нужно дѣйствовать, и какъ разсуждать. «Остановимъ зло, говоритъ онъ, въ первомъ его началѣ, всѣми мѣрами истребляя въ душѣ гнѣвъ. Въ такомъ случаѣ будемъ въ состояніи вмѣстѣ съ этою страстію подѣлаться, какъ бы въ корнѣ и въ началѣ, большую часть худаго. Укорилъ онъ тебя? а ты благословляй. Билъ? а ты терпи. Презираетъ и за ничто почитаетъ онъ тебя? а ты приведи себѣ на мысль, что изъ земли ты составленъ, и въ землю опять разрѣшишься. Кто ограждаетъ себя такими разсужденіями, тотъ найдетъ, что всякое безчестіе меньше дѣйствительности. Чрезъ это и врагу невозможнымъ сдѣлаешь мщеніе, показавъ, что не уязвляютъ тебя укоризны, и себѣ предуготовишь великій вѣнецъ терпѣнія, когда бѣшенство другаго обратишь въ поводъ къ собственному своему любовію. Поэтому, если послушаешься меня, то къ обиднымъ словамъ другаго отъ себя прибавь нѣчто. Онъ называлъ тебя подлымъ, безславнымъ, нигдѣ ничего незначащимъ? А ты назови себя землею и пепломъ. Ты не честишь отца нашего Авраама, который такъ себя называетъ (Быт. 18, 27). Онъ называлъ тебя невѣждою, нищимъ, человѣкомъ ничего нестоющимъ? А ты, говоря словами Давида, скажи о себѣ, что ты *червь и ведешь начало отъ иноищъ* (Пс. 21, 7). Присовокупи къ сему прекрасный поступокъ Моисея. Укоренный Аарономъ и Маріамой, не жаловаться на нихъ сталъ онъ Богу, но молиться за нихъ. Чѣмъ ученикомъ желаешь

ты лучше быть? Мужей ли богоугодныхъ и блаженныхъ, или людей, исполненныхъ духомъ лукавства?»

Далѣе св. Василій указываетъ на размышленіе о нравственномъ достоинствѣ слова, готоваго вылетѣть изъ устъ при первомъ движеніи гнѣва, какъ на средство умирить свой возмущенный духъ, и вмѣстѣ отмстить врагу, показавъ ему долготерпѣніемъ свою неуязвимость отъ его стрѣлъ. «Когда смущаетъ тебя, говоритъ онъ, искушеніе сказать укоризненное слово, представь, что долженъ ты рѣшить о себѣ: приблизиться ли тебѣ къ Богу долготерпѣніемъ, или чрезъ гнѣвъ передаться на сторону противника? Дай время своимъ помысламъ избрать благую часть. И врагу, или окажешь нѣкоторую пользу примѣромъ кротости, или сильнѣе отмеришь презрѣніемъ. Можетъ ли что быть для него болѣзненнымъ, какъ видѣть, что врагъ его выше обидѣ? Не теряй благоразумія, и не попускай, чтобы обидчики могли приблизиться къ тебѣ. Пусть онъ безъ пользы на тебя лаетъ, и надрываетъ самъ себя. Кто бьетъ не чувствующаго боли, тотъ самъ себя наказываетъ, потому что и врагу не отмщаетъ, и своего раздраженія не успокоиваетъ; и кто оскорбляетъ человѣка словами не трогающагося укоризнами, тотъ не можетъ найти удовлетворенія своей страсти, а напротивъ того, какъ сказалъ я, разрывается съ досады».

Самолюбивые, но неразумные, въ свое оправданіе говорятъ: я бы еще стерпѣлъ обиду, если бы онъ сказалъ мнѣ одинъ на одинъ, но онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе при постороннихъ лицахъ. Такого оскорбленія я уже не могу сносить.—Но почему же?... Если постороннія лица—добрые и благоразумные люди; ты при нихъ-то и покажи, что ты заслуживаешь лучшаго мнѣнія, и что врагъ твой, паносящій тебѣ оскорбленіе, несправедливъ. Если же ты на укоризну врага отвѣтишь укоризною, то этимъ только покажешь, что ты не выше его, и слѣд. нѣкоторымъ

образомъ оправдаешь его поступокъ. Какъ присутствующіе, говоритъ св. Василій въ одобреніе обиженнаго, назовутъ вскорѣ cadaго изъ васъ? Его ругателемъ, а тебя великодушнымъ; его сердитымъ и несноснымъ, а тебя долготерпѣливымъ и кроткимъ. Онъ будетъ жалѣть о томъ, что говорилъ, а ты никогда не будешь раскаяваться въ добродѣтели. Нужно ли говорить много? Ему укоризны его заградили царствіе небесное. Ибо *досадители царствія Божія не наследуютъ* (2 Кор. 6, 10). А тебѣ молчаніе уготовало царство. Ибо *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Матѣ. 10, 22). А если отмщаешь и на укоризны отвѣчаешь укоризнами: что скажешь въ свое оправданіе? То, что раздражилъ тебя начавшій ссору? Но достойно ли это какого извиненія? Блудникъ, который слагаетъ вину на блудницу, что она побудила его ко грѣху, не меньшему за это подвергается осужденію. Нѣтъ и вѣнцовъ, гдѣ нѣтъ противоборниковъ; нѣтъ и пораженій, гдѣ нѣтъ противниковъ. Выслушай, что говоритъ Давидъ: *внегда востати грѣшнику предо мною, не раздражался, не отмщалъ я, но онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ блязъ* (Пс. 32, 2—3). А ты самъ огорчаешься укоризною, какъ чѣмъ-то худымъ, но опять и подражаешь ей, какъ чему-то добромъ. И вотъ сталъ виновенъ въ томъ же, что осуждаешь. Или въ чужой порокъ всматриваешься внимательно, а что гнуснаго въ тебѣ, то ставишь ни во что? Обида развѣ не худое дѣло? Бѣгай же подражанія. А того, что началъ ссору другой, конечно, недостаточно къ извиненію. Поэтому, какъ самъ себя увѣряю, справедливѣе противнику твоему негодовать на тебя за то, что не видѣлъ отъ тебя уцѣломудривающаго примѣра. Видя, какъ безобразенъ разгнѣванный, ты не остерегся отъ подражанія ему, напротивъ того, самъ негодуешь, самъ раздражаешься, самъ гнѣваешься, и страсть твоя служитъ извиненіемъ предупре-

дившему тебя. Ибо тѣмъ, что дѣлаешь, и его освобождаешь отъ вины и себя самого обвиняешь. Если раздраженіе не хорошо, почему не уклонился ты отъ худаго? А если заслуживаетъ оно снисхожденіе; почему негодуешь на раздраженнаго? Поэтому, если ты и не первый сталъ мстить, это ни мало тебѣ не поможетъ. Въ подвигахъ, за которые увѣнчиваютъ, вѣнчается не начавшій борьбу, но побѣдитель. Потому и осуждается не только предначавшій худое дѣло, но и тотъ, кто за лукавымъ вождемъ послѣдовалъ въ грѣхъ».

Далѣе за симъ св. Василій показываетъ, что и обижаться укоризнами раздраженнаго человѣка не бываетъ причины. Онъ или лжетъ, своими укоризнами указывая въ тебѣ такіе недостатки, которыхъ въ тебѣ нѣтъ, и такимъ образомъ показываетъ только или свою слѣпоту, или злонамѣренность; слѣд. во всякомъ случаѣ выражаетъ только свое несовершенство и нравственное безобразіе; или указываетъ тебѣ на тѣ недостатки, которыми ты въ дѣйствительности обладаешь, слѣд. представляетъ тебѣ случай и побужденіе заняться ихъ устраниеніемъ, и въ такомъ случаѣ заслуживаетъ признательности, а не отвѣтной брани.

Такъ какъ причиною скорби, производимой въ насъ укоризнами другаго, всегда бываетъ живущая въ насъ гордость, и поражаемые ею высокое мнѣніе о себѣ и пренебреженіе къ другимъ: поэтому св. Василій, желая сдѣлать насъ невозмутимыми, совѣтуетъ уничтожить основныя причины скорби, поражаемой укоризнами. «Истреби въ себѣ двѣ мысли, говоритъ онъ: не признавай себя достойнымъ чего либо великаго, и не думай, чтобы другой какой человѣкъ былъ многимъ ниже тебя по достоинству. Въ такомъ случаѣ наносимыя намъ безчестія никогда не приведутъ насъ въ раздраженіе. Ужасно, если человѣкъ облагодѣтельствованный, обязанный величайшими милостями, при небла-

годарности своей, наносить своему благодѣтелю обиду и безчестіе. Ужасно это; но здѣсь больше вреда тому, кто дѣлаетъ, а не кто терпитъ. Пусть онъ обижаешь; но ты не обижай. Слова его да будутъ для тебя упражненіемъ въ любомудріи. Если они не трогаютъ тебя; это значить, что ты неуязвимъ. А если и страждетъ нѣсколько душа, удержи прискорбное внутри себя. Ибо сказано: *во мнѣ смятеся сердце мое* (Пс. 142, 4), то есть, страсть не выказалась наружу, но усмирилась, подобно волнѣ разбившейся внутри береговъ. Успокой свое лающее и разсвирѣѣвшее сердце. Пусть страсти твои устыдятся присутствія въ тебѣ разума, какъ рѣзвыя дѣти стыдятся пришествія достопочтеннаго мужа. — Поэтому, какъ избѣжимъ вреда, причиняемаго нашею гнѣвлимостью?—Такъ, если внушимъ своей раздражительности не предупреждать разсудка, но прежде всего позаботимся, чтобы она никогда не шла впередъ мысли..... Раздражительная сила души пригодна намъ еще для многихъ дѣлъ добродѣтели, когда она, подобно какому-то воину, сложившему оружіе предъ вождемъ, съ готовностью подаетъ помощь, гдѣ приказано, и споборствуетъ разуму противъ грѣха..... Поэтому, что Творецъ далъ намъ ко спасенію, того не будемъ обращать для себя въ поводъ ко грѣху. Въ такомъ случаѣ и раздражительность, приводимая въ дѣйствіе, когда должно и сколько должно, производить мужество, терпѣніе и воздержаніе; а если дѣйствуетъ вопреки здравому разуму, обращается въ бѣшенство» (¹).

Указавъ далѣе на ветхозавѣтныхъ ревнителей правды Божественной, каковы Моисей, Финеесъ и Ілія пророкъ, которые, гнѣваясь на нечестіе, не согрѣшали своимъ гнѣвомъ, совѣтуетъ однакоже быть снисходительнымъ къ раз-

(¹) В. В. бесѣда 10-я.

драженному брату, какъ невольному орудію врага нашихъ душъ, и даже сожалѣть о немъ, представляя вѣчную гибель его души, если не освободится отъ грѣха до исхода изъ сей жизни.

Бесѣда о зависти. Вообще мало обращаютъ вниманія люди на эту страсть, и завистливаго не считаютъ въ числѣ особенно порочныхъ людей, и потому рѣдко преслѣдуютъ его своимъ судомъ и осужденіемъ. Но въ дѣйствительности зависть есть величайшее зло. Зависть, какъ всякая страсть, отчуждая человѣка отъ Бога, подчиняетъ его вліянію и власти діавола; кромѣ того, завистливый человѣкъ, по свойству и состоянію своей души, стоитъ даже ниже человѣка мстительнаго и грабительнаго. Мстительный человѣкъ питаетъ зло въ душѣ только къ тому человѣку, который сдѣлалъ ему зло, слѣдственно въ его поступкѣ, по ложному пониманію дѣла и обязанностей любви къ ближнему, сокрывается чувство самосохраненія; мстительный человѣкъ какъ бы только желаетъ оградить себя отъ зла на будущее время отражая зло зломъ, и свою злобу ограничиваетъ только однимъ лицомъ, причинившимъ ему вредъ. Но завистливый питаетъ въ душѣ зло ко всѣмъ, которые чѣмъ либо превосходятъ его, даже къ тѣмъ, которые дѣлаютъ ему добро. Грабитель скорѣе удовлетворитъ своей алчности, ограбивъ одного или двухъ богатыхъ людей, а завистливый никогда не удовлетворится, пока не увидитъ всѣхъ ниже себя во всѣхъ отношеніяхъ. Завистливый человѣкъ менѣе обращаетъ на себя вниманія потому только, что онъ менѣе причиняетъ другимъ зла, по своему безсилію и крайней осторожности; но самъ въ себѣ разсматриваемый, безъ отношенія къ другимъ, онъ есть существо, всецѣло проникнутое однимъ зломъ ко всѣмъ, чѣмъ либо превосходящимъ его.

Св. Василій Великій, желая охранить людей отъ этой губительной страсти, отъ этой ржавчины, истребляющей въ душѣ все доброе, прежде всего показываетъ, откуда ведетъ свое начало эта страсть, и чѣмъ поддерживается въ душѣ человѣка. «Богъ благъ, говоритъ онъ, и подаетъ блага достойнымъ; діаволъ лукавъ и способствуетъ въ грѣхахъ всякаго рода. И какъ за благимъ слѣдуетъ беззавистность, такъ за діаволомъ всюду ходитъ зависть. Будемъ же остерегаться этой страсти—зависти, чтобъ не стать намъ сообщниками въ дѣлахъ сопротивника, и въ послѣдствіи не подвергнуться одному съ нимъ осужденію. Если разгорѣвшійся *въ судъ* впадаетъ *діаволъ* (1 Тим. 3, 6), то завистливому какъ избѣжать наказанія, уготованнаго діаволу?»

«Другой страсти, болѣе нагубной, чѣмъ зависть, и не зарождается въ душахъ человѣческихъ. Она менѣе вредитъ постороннимъ, но первое и домашнее зло для того, кто имѣетъ ее. Какъ ржавчина изъѣдаетъ желѣзо, такъ зависть душу, въ которой живетъ она. Лучше же сказать, какъ обь эхиднахъ говорятъ, что онѣ рождаются, прогрызая рождающую ихъ утробу, такъ и зависть обыкновенно пожираетъ душу, которая ею мучится».

«Зависть есть скорбь о благополучіи ближняго. Поэтому у завистливаго никогда нѣтъ недостатка въ печаляхъ и огорченіяхъ. Урожай ли на полѣ у ближняго? домъ ли изобилуетъ всѣми житейскими потребностями? или нѣтъ у него недостатка въ радостяхъ? Все это пища болѣзни, все увеличиваетъ страданія завистливаго. Поэтому ни мало не разнится онъ съ человѣкомъ, который ничѣмъ не покрытъ, и въ котораго всѣ мечутъ стрѣлы. Мужественъ ли кто, или хорошо сложенъ тѣломъ? Это поражаетъ завистливаго. Красивъ ли другой лицомъ? Это новый ударъ завистнику. Такой-то превосходитъ многихъ душевными преимуществами».

ми, обращаетъ на себя взоры и возбуждаетъ соревнованіе своимъ благоразуміемъ и сплюю слова; другой богатъ, славится щедростію подаваній и общительностію съ нуждающимися, ему много похвалъ отъ облагодѣтельствованныхъ. Все это удары и раны, наносимыя въ самое сердце завистнику».

«Завистливый несчастіе всякаго одержимаго какимъ либо тяжкимъ тѣлеснымъ недугомъ и истаевающимъ отъ какой либо душевной скорби. Таковые страдальцы могутъ по крайней мѣрѣ высказать свою скорбь другому, и получить отъ него или дѣйствительную помощь къ облегченію своихъ страданій, или услышать отрадное для души слово участія въ его скорби. Но завистливый, самъ хорошо понимая преступность своей страсти, никому не осмѣливается высказать своей душевной скорби, и ядъ сокрытый въ душѣ, не имѣя возможности излиться наружу, истлѣваетъ прежде всего душу завистника. Но всего мучительнѣе въ этой болѣзни, говоритъ св. Василій, что завистливый не можетъ открыть ея. Хотя потупляетъ онъ глаза, ходитъ унылый, смущенный, жалуется, погибъ во злѣ; однакоже, когда спросятъ о страданіи, стыдится сдѣлать гласнымъ свое несчастіе и сказать: я человекъ завистливый и злой; меня сокрушаютъ совершенства друга; сѣтую о благодушіи брата; не могу видѣть чужихъ совершенствъ; напротивъ того, благоденствіе ближняго считаю для себя несчастіемъ. Такъ надлежало бы сказать ему, если бы захотѣлъ говорить правду. Но поелику не рѣшается высказать сего, то въ глубинѣ удерживаетъ болѣзнь, которая гложетъ и снѣдаетъ его внутренности. Поэтому не принимаетъ онъ врачующаго болѣзнь, не можетъ найти никакого врачевства, избавляющаго отъ страданій, хотя Писанія полны такихъ цѣлительныхъ средствъ. Напротівъ, онъ ждетъ одного утѣшенія въ бѣдствіи

*

видѣть паденіе кого либо изъ возбуждающихъ его зависть. Одинъ предѣлъ ненависти—увидѣть, что внушавшій зависть изъ счастливаго сталъ несчастнымъ, и возбуждавшій соревнованіе сдѣлался жалкимъ. Тогда примиряется и дѣлается другомъ, когда видитъ плачущимъ, встрѣчаетъ печальнымъ. Съ веселящимся не веселится вмѣстѣ, но съ сѣтующимъ проливаетъ слезы. И если оплакиваетъ переверотъ жизни, по которому человѣкъ изъ такого счастья впалъ въ такое несчастіе, то не изъ человѣколюбія, не изъ сострадательности хвалить прежнее его состояніе, но чтобы болѣе тягостнымъ сдѣлать для него бѣдствіе. По смерти сына, хвалить его, превозноситъ тысячами похвалъ, что онъ былъ и прекрасенъ и понятенъ къ ученію и способенъ ко всему: а еслибъ младенецъ былъ живъ, языкъ не вымолвилъ бы о немъ добраго слова. Какъ скоро видитъ, что многіе съ нимъ вмѣстѣ начинаютъ хвалить, опять перемѣняется, опять начинаетъ завидовать умершему. Дивится богатству по разореніи. Тѣлесную красоту или силу и здоровье хвалить и превозноситъ уже послѣ болѣзней. И вообще, онъ врагъ того, что есть, и другъ того, что погибло. Что же можетъ быть пагубнѣе этой болѣзни? Это порча жизни, поруганіе природы, вражда противъ того, что дано намъ отъ Бога, противленіе Богу. Что виновника зла-демона вооружило на брань противъ человѣка? Не зависть ли? Завистию явно изобличилъ себя богоборецъ, когда вознегодовалъ на Бога за щедрые дары Его къ человѣку, но отмстилъ человѣку, потому что не могъ мстить Богу. Тоже дѣлающимъ оказывается и Каинъ—первый ученикъ діавола, научившійся у него и зависти и убійству—этимъ сродственнымъ между собою беззаконіямъ, которыя сочеталъ и Павелъ, сказавъ: *исполненныхъ зависти, убійства* (Рим. 1, 29). Что же сдѣлалъ Каинъ? Видѣлъ честь отъ Бога, и воспламенился ревностію

истребилъ отмѣченнаго честію, чтобы оскорбить Почтившаго. Не имѣя силъ къ богоборству впалъ въ братоубійство. Будемъ же избѣгать сего недуга, который дѣлается учителемъ богоборства, матерью челоуѣкоубійства, нарушеніемъ естественнаго порядка, забвеніемъ родства, бѣдствіемъ самымъ неописаннымъ».

Упомянувъ далѣе о томъ, какъ зависть, возбужденная въ Саулъ прекрасными качествами души Давида и тѣмъ добромъ, которое онъ дѣлалъ ему, побуждала его къ враждѣ и преслѣдованію кроткаго юноши, св. Василій говоритъ: «зависть есть самый непреодолимый родъ вражды. Другихъ недоброжелателей дѣлають нѣсколько кроткими благотвореніа. Завистливаго же и злонравнаго еще болѣе раздражаетъ сдѣланное ему добро. Чѣмъ больше видитъ онъ себѣ благодѣяній, тѣмъ сильнѣе негодуеть, печалится и огорчается. Онъ болѣе оскорбляется силою благодѣтеля, нежели чувствуетъ благодарность за сдѣланное для него. Какого звѣря не превосходятъ завистливые жестокостію своихъ нравовъ! Не превышаютъ ли свирѣпостію самаго неукротимаго изъ нихъ? Псы, если ихъ кормятъ, дѣлаются кроткими; львы, когда за ними ходятъ, становятся ручными. Но завистливые еще болѣе свирѣпѣють, когда оказываютъ имъ услуги».

«Что содѣлало рабомъ благороднаго Іосифа? Не зависть ли братьевъ? Потому и достойно удивленія неразуміе этого недуга. Убоявшись исполненія сповъ, продали брата въ рабство. Но если они справедливы, можно ли сдѣлать, чтобы предвѣщаемое ими вовсе не исполнилось? А если сонныя видѣнія лживы, въ чемъ завидуете обманувшемуся? Но вотъ по Божію смотрѣнію, мудрость ихъ обращается въ ничто. Чѣмъ думали воспрепятствовать исполненію предвѣщанія, тѣмъ самымъ, какъ оказалось, проложили путь событію. Если бы не проданъ былъ Іосифъ, то не пришелъ бы въ

Египетъ, не подпалъ бы, по своему цѣломудрію навѣтамъ похотливой жены, не былъ бы заключенъ въ темницу, не свелъ бы знакомства съ служителями Фараоновыми, не сталъ бы толковать сновъ, не получилъ бы за это начальства надъ Египтомъ, и не поклонились бы ему братья, пришедшіе къ нему по недостатку въ хлѣбъ».

Обратись мыслію къ величайшей зависти, оказавшейся въ самомъ важномъ случаѣ, какая по неистовству іудеевъ была къ Спасителю! За что завистовали? За чудеса. А что это были за чудодѣйствія? Спасеніе нуждающихся. Алчущіе были питаемы, и на Питающаго воздвигнута брань. Мертвые были воскрешаемы, и Животворящій сталъ предметомъ зависти. Демоны были изгоняемы, и на Повелѣвающаго демонами злоумышляли. Прокаженные очищались, хромы начинали ходить, глухіе слышать, слѣпые видѣть; и Благодѣтеля изгоняли. На послѣдокъ предали смерти Даровавшаго жизнь, били бичами Освободителя человѣковъ, осудили Судію міра. Такъ на все простерлась злоба зависти. Этимъ однимъ оружіемъ отъ сложенія міра и до окончанія вѣка, всѣхъ уязвляетъ и низлагаетъ истребитель жизни нашей діаволъ, который радуется нашей гибели; самъ палъ отъ зависти, и насъ низлагаетъ съ собою тою же страстію».

Раскрывъ, какъ велико зло-зависть сама въ себѣ и къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ можетъ приводить, св. Василій совѣтуетъ избѣгать всякаго общенія съ *мужемъ завистливымъ* (Притч. 2, 3. 6), чтобы не сдѣлаться предметомъ его козней и зложеланій. Въ зависти, этомъ великомъ злѣ, св. Василій видитъ только одно добро, что она, прежде нежели успѣетъ причинить вредъ другому, мучитъ самаго обладателя ею. То развѣ одно похвалить кто, говорить онъ, въ этомъ злѣ, что чѣмъ сильнѣе оно дѣйствуетъ въ человѣкѣ, тѣмъ тягостнѣе имѣющему его въ себѣ. Стрѣлы, брошенныя

сильно, когда попадаютъ во что нибудь твердое и упорное, отлетаютъ назадъ къ тому, кто ихъ пустилъ; такъ и движенія зависти, не дѣлая вреда предмету зависти, наносятъ удары завистнику. Кто огорчаясь совершенствами ближняго, уменьшилъ ихъ чрезъ это? Между тѣмъ, снѣдаемый скорбію онъ изнуряетъ самъ себя».

Указывая на предразсудокъ старыхъ женщинъ, что отъ взора завистника можетъ исхудать цвѣтущее красотою тѣло юноши, говорить: «я отвергаю такое разсужденіе..... но утверждаю, что ненавистники добра демоны, когда находятъ въ людяхъ демонамъ свойственныя произволенія, употребляютъ всѣ мѣры воспользоваться ими для собственнаго своего намѣренія, почему и глаза завистливыхъ употребляютъ на служеніе собственной своей волѣ. Поэтому, ужели не приходишь въ ужасъ, дѣлая себя служителемъ губительнаго демона и допустишь въ себя зло, отъ котораго сдѣлаешься не врагомъ обидѣвшихъ тебя, но врагомъ благаго и беззавистнаго Бога? Убѣжимъ отъ нестерпимаго зла. Оно внушеніе змія, изобрѣтеніе демоновъ, посѣвъ врага, залогъ мученія, препятствіе благочестію, путь въ геенну, лишеніе царствія».

Но вотъ вопросъ: какъ узнать завистника, чтобы уклониться отъ общенія съ нимъ, когда онъ, какъ уже сказано, старается скрыть свою болѣзнь отъ посторонняго взора? Страсть какая бы то ни была, достигши извѣстной степени развитія, волей или неволей, проявляется и во взорахъ и въ словѣ обладаемаго ею, и отъ наблюдательнаго взора посторонняго лица не можетъ долго скрываться. Святый Василій, какъ много пострадавшій отъ коварства и злобы завистниковъ, и имѣвшій потому возможность наблюдать за разными проявленіями зависти въ своихъ недоброжелателяхъ, указываетъ и признаки, по которымъ можно узнавать завист-

ника. «Завистливыхъ, говоритъ онъ, можно узнавать нѣсколько и по самому лицу. Глаза у нихъ сухи и тусклы, щеки впалы, брови навислы, душа возмущена страстію, не имѣетъ вѣрнаго сужденія о предметахъ. У нихъ непохвальны ни добродѣтельный поступокъ, ни сила слова, украшенная важностію и пріятностію, ни все прочее достойное соревнованія и вниманія. Какъ коршуны, пролетая многіе дуга, множество мѣстъ пріятныхъ и благоухающихъ, стремятся къ чему либо зловонному и какъ мухи, минуя здоровое, поспѣшаютъ на гной: такъ завистливые не смотрятъ на свѣтлость жизни, на величіе заслугъ, нападаютъ же на одно гнилое. И если случится въ чемъ проступиться (какъ часто бываетъ съ людьми), они разглашаютъ это, хотятъ, чтобы по одному этому узнавали человѣка, какъ и недобрые живописцы лице изображаемаго ими на картинѣ отмѣчаютъ искривленнымъ носомъ или какимъ либо рубцомъ, или другимъ недостаткомъ природнымъ, либо происшедшимъ въ слѣдствіе болѣзни. Они искусны сдѣлать презрѣннымъ и похвальное, перетолковать въ худую сторону, и оклеветать добродѣтель, представивъ ее въ видѣ порока съ ней смежнаго: мужественнаго называютъ дерзкимъ, цѣломудреннаго нечувствительнымъ, справедливаго жестокимъ, благоразумнаго коварнымъ. Кто любитъ великолѣпіе, на того клеветаютъ, что у него грубый вкусъ; о щедромъ говорятъ, что расточителенъ, и о бережливомъ опять, что онъ скупъ. И вообще, всякій видъ добродѣтели не остается у нихъ безъ такого имени, которое заимствовано отъ противоположнаго порока».

Но указать на болѣзнь, показать даже опасность ея для жизни—не много еще значить. Чрезъ это только можетъ усилиться тягостное состояніе больного, но не уврачуется онъ отъ того. Долгъ добраго врача и показать опасность болѣзни, чтобы въ больномъ пробудить желаніе къ уврачеванію себя,

и вмѣстѣ преподавать дѣйствительныя средства къ уврачеванію отъ опаснаго недуга. Святый Василій добрый врачъ, и потому показавъ гибель для души отъ смертоносной язвы, именуемой завистью, преподаетъ вмѣстѣ дѣйствительнѣйшія средства къ уврачеванію отъ оной уже зараженныхъ, и къ предохраненію отъ заразы еще здоровыхъ. «Что же? Какъ можемъ, спрашиваетъ онъ, или никогда не страдать сею болѣзнію, или подпавъ ей избѣжать ее? Во первыхъ, можемъ если изъ человѣческаго не будемъ ничего почитать великимъ и чрезвычайнымъ, ни то, что люди называютъ богатствомъ, ни увядающей славы, ни тѣлеснаго здравія, потому что не въ преходящихъ вещахъ поставляемъ для себя благо, но призваны мы къ причастію благъ вѣчныхъ и истинныхъ. Поэтому недостойны еще нашего соревнованія богатый ради его богатства, властелинъ ради величія его сана, мудрый ради обилія въ словѣ. Это—орудія добродѣтели для тѣхъ, которые пользуются ими хорошо, но сами въ себѣ не заключаютъ блаженства. Потому жалокъ, кто пользуется симъ худо, подобно человѣку, который взявъ мечъ для отмщенія врагамъ, добровольно имъ ранитъ самъ себя. А если кто распоряжается настоящими благами хорошо и какъ должно, если остается онъ только приставникомъ даруемаго отъ Бога, и не для собственнаго наслажденія собираетъ сокровища; то справедливость требуетъ хвалить и любить такового за братолюбіе и общительность нрава. Опять, кто отличается благоразуміемъ, почтенъ отъ Бога даромъ слова, кто истолкователь священныхъ словесъ; не завидуй такому, (и не желай), чтобы умолкъ когда нибудь пророкъ священнаго слова, если, по благодати Духа, сопровождаютъ его какое либо одобреніе и похвала слушателей. Твое это благо, тебѣ чрезъ брата посылается даръ ученія, если хочешь принять его. При томъ, никто не заграждаетъ источника ключевой воды,

никто не закрываетъ взоровъ отъ сіяющаго солнца, никто не завидуетъ имъ, но всякій желаетъ и самъ насладиться съ другими. Почему же, когда духовное слово точится въ Церкви, и благочестивое сердце изливаетъ струю дарованій Духа, не преклоняешь съ веселіемъ слуха, не приемишь съ благодарностью пользы, а напротивъ того рукоплесканіе слушателей угрызаетъ тебя, и ты желалъ бы, чтобъ не было ни того, кто получаетъ пользу, ни того, кто хвалить? Какое извиненіе будетъ имѣть это предъ Судіею сердець нашихъ? Правда, что душевное благо надобно почитать прекраснымъ по природѣ; но если кто превосходитъ другихъ богатствомъ, не низко думаетъ о могуществѣ и тѣлесномъ здоровьѣ, впрочемъ, что имѣеть, пользуется тѣмъ хорошо: то и его должно любить и почитать, какъ человѣка, обладающаго общими орудіями жизни, если только распоряжается онъ ими, какъ должно, щедръ въ подаваніи денегъ нуждающимся, собственными руками служить немощнымъ, все же прочее, что ни имѣеть, не болѣе почитаетъ своею собственностію, какъ и собственностію всякаго нуждающагося. А кто не съ такимъ расположеніемъ принимаетъ сіи блага, того должно признавать болѣе жалкимъ, нежели достойнымъ зависти, если у него больше случаевъ быть худымъ. Ибо это значитъ погибать съ большими пособіями и усиліями. Если богатство служить напутствіемъ къ неправдѣ, то жалокъ богачъ. А если оно служить къ добродѣтели, то нѣтъ мѣста зависти, потому что польза богатства дѣлается общою для всѣхъ, развѣ кто въ избыткѣ лукавства станетъ завидовать и собственнымъ своимъ благамъ. Вообще же, если прозришь разсудкомъ выше человѣческаго и устремишь взоръ къ истинно прекрасному и похвальному: то очень будешь далекъ отъ того, чтобъ достойнымъ ублаженія и соревонованія признать что нибудь тѣльное и земное. А кто таковъ, и

не поражается мірскими величіями, къ тому никогда не можетъ приблизиться зависть».

«Но если непременно желаешь славы, хочешь быть виднѣе многихъ и не терпишь быть вторымъ (ибо и это бываетъ поводомъ къ зависти); то честолюбіе твое, подобно какому-то потоку, направь къ приобрѣтенію добродѣтели. Ни подъ какимъ видомъ не желай разбогатѣть всякимъ способомъ и заслужить одобреніе чѣмъ либо мірскимъ. Ибо это не въ твоей волѣ. Но будь справедливъ, цѣломудренъ, благоразуменъ, мужественъ, терпѣливъ въ страданіяхъ за благочестіе. Такимъ образомъ спасешь себя, и при большихъ благахъ приобрѣтешь большую знаменитость; потому что добродѣтель отъ насъ зависитъ, и можетъ быть приобрѣтаема трудолюбивымъ; а большое имѣніе, тѣлесная красота, и высота сана не отъ насъ зависятъ. Поэтому, если добродѣтель есть высшее и достаточное благо, и по общему всѣхъ признанію имѣетъ предпочтеніе: то къ ней должны мы стремиться,—къ добродѣтели, которой не можетъ быть въ душѣ, не очищенной какъ отъ прочихъ страстей, такъ особенно отъ зависти».

Попечительность св. Василія о клирѣ не ограничилась только предписаніями хорепископамъ; но заботясь о возвышеніи нравственного состоянія всего вообще духовенства, онъ входилъ и въ непосредственныя сношенія съ пресвитерами, внушая имъ не только ничего не допускать въ своихъ дѣйствіяхъ неприличнаго ихъ сану, но и не допускать даже такихъ дѣйствій, которыми бы пользуясь люди неблагонамѣренныя, могли разглашать неблагопріятные толки въ соблазнъ многимъ простымъ и легковѣрнымъ душамъ. Пресвитерами позволялось быть и лицамъ не женатымъ, которые, впрочемъ, принимали на себя обязательство никогда уже не вступать въ супружескую жизнь, но оставаться дѣв-

ственниками. Изъ таковыхъ пресвитеровъ, нѣкоторые для веденія по дому хозяйства, или подъ видомъ веденія хозяйства, имѣли въ своемъ домѣ постороннихъ женщинъ. И въ Кесарійской епархіи оказался таковой пресвитеръ, которому св. Василій, на основаніи правила Никейскаго собора, внушалъ удалить изъ своего дома женщину. Пресвитеръ же, вмѣсто безпрекословнаго повиновенія своему Архіепископу усиливался только отклонить отъ себя обвиненіе въ грѣховной связи съ нею указаніемъ на свои преклонныя лѣта. Но св. Василій, простирая свою заботливость не на него одного, но имѣя въ виду немощную совѣсть и тѣхъ, которымъ его поступокъ могъ подавать поводъ къ соблазну, написалъ ему заслуживающее вниманія письмо. «Со всѣмъ терпѣніемъ читалъ я твое письмо, и дивился, писалъ св. Василій пресвитеру, почему, когда могъ ты коротко и легко оправдываться въ дѣлѣ, намѣреваешься оставаться при томъ, въ чемъ обвиненъ, и стараешься многословіемъ уврачевать неисцѣлимое. Не мы первые, и не мы одни, Перигорій, узаконили, чтобъ женщины не жили вмѣстѣ съ мужчинами. Но прочти правило, изданное святыми отцами нашими на Никейскомъ соборѣ, которое явно запретило имѣть синизаковъ. Безбрачная жизнь тѣмъ и почтенна, что мужчина удаляется отъ сожительства съ женщиною. Почему, если кто, неся на себѣ обѣтъ по имени, на дѣлѣ поступаетъ, какъ живущіе съ женами: то явно, что онъ только въ наименованіи домогается чести дѣвства, но не воздерживается отъ неблагопристойныхъ удовольствій. Тебѣ тѣмъ съ большимъ удобствомъ надлежало уступить моему требованію, что какъ говоришь, свободенъ ты отъ всякой плотской страсти. Да я не думаю, чтобы семидесятилѣтній сталъ жить вмѣстѣ съ женщиною по страсти, и опредѣленное мною опредѣлено не потому, что дѣлается что либо непотребное, но потому, что научены мы

Апостоломъ не полагати претыканія брату въ соблазнъ (Рим. 14, 15). Знаю, что дѣлаемое одними разумно, для другихъ служить поводомъ ко грѣху. По этой причинѣ, слѣдуя постановленію св. отцовъ, повелѣлъ я тебѣ разлучиться съ сею женщиною. Для чего же винишь хореепископа и упоминаешь о давней враждѣ? Для чего жалуешься на меня, будто бы охотно склоняю слухъ къ принятію клеветы, а не на себя самого, которому трудно отстать отъ привычки къ женщинѣ? Поэтому удали ее изъ своего дому, и помѣсти въ монастырь. Пусть она живетъ съ дѣвами, а тебѣ прислуживаютъ мужчины, чтобы имя Божіе не было хулимо васъ ради. А пока такъ поступаешь, не принесутъ тебѣ пользы тысячи отговорокъ, какія дѣлаешь въ письмахъ, но кончишь жизнь празднымъ и отдашь отчетъ Господу съ своей праздности. А если не исправившись осмѣлишься удерживать при себѣ священство, то будешь анаѣма всему народу; и кто пріиметъ тебя, тѣ будутъ провозглашены отлученными во всей Церкви» ⁽¹⁾.

При такой попечительности св. Василия о клирѣ своей Церкви, духовенство кесарійское, въ большей части своихъ представителей, поднялось на такую степень нравственного совершенства, что посторонніе епископы и города просили его пресвитеровъ и для своихъ церквей, а нѣкоторыхъ даже и возводили на епископскія кафедры, какъ можно видѣть изъ писемъ св. Василия. Мы находимъ не лишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ письмами св. Василия, касающимися этого предмета, чтобы дать понятіе о томъ, каково было кесарійское духовенство, и какихъ пресвитеровъ св. Василий признавалъ достойными епископскаго сана. Епископъ Иннокентій, чувствуя приближеніе къ смерти, просилъ св. Ва-

⁽¹⁾ В. В. письмо 51.

силія принять на себя попеченіе о его Церкви, или прислать ему какого либо пресвитера, который бы достоинъ былъ быть его преемникомъ. Св. Василій, въ отвѣтъ на его письмо, писалъ: «сколько радъ я былъ, получивъ письмо любви твоей, столько же опечалился, что наложилъ ты на меня бремя заботы, превышающей силы мои. Ибо какъ буду въ состояніи изъ такого отдаленія съ успѣхомъ распорядиться такимъ множествомъ дѣлъ? Пока Церковь имѣетъ еще васъ, она поконится, какъ бы на собственныхъ своихъ опорахъ. А если Господь устроить что нибудь о вашей жизни, то кого равночестнаго вамъ здѣсь могу послать для попеченія о братіи? Чего требовалъ ты въ письмѣ, это дѣло прекрасное и благоразумное: желаешь при жизни знать, кто будетъ по тебѣ управлять избраннымъ стадомъ Господнимъ; и блаженный Моисей желалъ знать это, и узналъ. Но поелику городъ великъ и знатенъ, и трудъ твой пресловутъ у многихъ, времена же трудныя, по причинѣ непрестанныхъ бурь и волненій, воздвигающихся на Церковь, потребенъ кормчій сильный: то почелъ я не безопаснымъ для души свой распорядиться симъ дѣломъ неосмотрительно, особливо припоминая писанное тобою, что станешь противъ меня предъ Господомъ, и будешь судиться со мною за нерадѣніе о Церквяхъ. Итакъ, чтобы не вступить съ тобою въ судъ, и лучше найти въ тебѣ сообщника къ оправданію моему предъ Христомъ, обозрѣвъ весь сонмъ градскихъ пресвитеровъ, избралъ я честиѣйшій сосудъ, воспитанника блаженнаго Гермогена, который на великомъ Соборѣ написалъ великое и непререкаемое исповѣданіе вѣры, много уже лѣтъ пресвитерствующаго въ церкви, постояннаго нравомъ, свѣдущаго въ церковныхъ правилахъ, строгаго въ вѣрѣ, *до нынѣ пребывающаго въ воздержаніи и подвижничествѣ*, хотя непрерывность суровой его жизни измождала уже тѣло его,

человѣка бѣднаго, у котораго нѣтъ никакихъ прибытковъ въ этомъ мірѣ, почему и хлѣба не имѣеть въ достаткѣ, но трудами рукъ, вмѣстѣ съ братіями, съ нимъ живущими, добывается пропитаніе. Его-то рѣшаюсь послать. Итакъ, если тебѣ нуженъ такой человѣкъ, а не другой кто моложе лѣтами, и годный только для одного, чтобы послать куда и исправить житейскія potreбы; то благоволи скорѣе написать при первомъ случаѣ, чтобы послалъ я къ тебѣ сего мужа, подлинно Божія избранника, способнаго къ дѣлу, почтеннаго для собесѣдующихъ съ нимъ и съ кротостію вразумляющаго противомыслящихъ» ⁽¹⁾.

По просьбѣ жителей города Саталы, препровождая къ нимъ на каеэдру епископскую мужа, украшеннаго всѣми доблестными качествами, потребными для достойнаго прохожденія епископскаго служенія, просить и ихъ «своею услужливостію ему утѣшить его сердце, что бы забыть ему родину, забыть родныхъ, забыть народъ, столько же привязанный къ его покровительству, сколько недавно рожденный младенецъ привязанъ къ матернимъ сосцамъ» ⁽²⁾.

Что св. Василій, бывши еще пресвитеромъ, вводилъ по немногу въ церковное богослуженіе, то привелъ въ совершенный порядокъ, взошедши на каеэдру архіепископскую. Чтобы духъ предстоящихъ во храмѣ не утомлялся однообразнымъ чтеніемъ псалмовъ, св. Василиемъ введено пѣніе ихъ всѣмъ народомъ, и это придавало особенную торжественность богослуженію и давало вмѣстѣ силы народу пребывать въ церкви по нѣскольку часовъ безъ всякаго утомленія. На особыя времена дня и ночи, какъ можемъ видѣть изъ его посланія къ Неокесарійцамъ, назначались особые

⁽¹⁾ В. В. письмо 77.

⁽²⁾ Его же письмо 98.

псалмы, смѣняемые особо составленными св. Василиемъ молитвами. Порядокъ богослуженія утренняго и вечерняго, равно какъ и литургія, составленная св. Василиемъ, скоро вошли въ употребленіе во всѣхъ церквахъ на Востокѣ.— Если бы и нынѣ, вмѣсто пѣнія разныхъ пѣсенъ, распаляющихъ только юношескія страсти, приучали дѣтей, съ ранняго возраста, пѣть псалмы, и, вмѣстѣ съ обученіемъ ихъ разнымъ языкамъ, старались знакомить ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ: то и нынѣ и юноши и зрѣлые мужи, не стали бы тяготиться кажущеюся продолжительностію церковной службы. А за отсутствіемъ этихъ добрыхъ правилъ, многіе, послѣ шестидневнаго праздномыслія, соединеннаго съ суетною, или прямо вредною для нравственности дѣятельностію, неохотно пришедши въ храмъ Господень въ воскресный день, съ нетерпѣніемъ ждутъ окончанія церковной службы, и причину ихъ разслабленія духовныхъ силъ стараются отыскивать не въ оскудѣніи въ ихъ душахъ духа благочестія, а въ непонятности церковнослужебнаго языка. Сколько времени употребляется юношами и дѣвами на изученіе иностранныхъ языковъ, которые не приносятъ никакой пользы ихъ душамъ, а по большей части только служатъ удовлетвореніемъ суетности и тщеславію! Если бы, хотя десятую долю этого времени, употребляли на изученіе церковно-славянскаго языка: то служба церковная и всѣ молитвословія не казались бы кимваломъ звяцающимъ, не сообщающимъ душѣ ни мысли благой, ни благочестиваго чувства.

Какъ ни благотворны были для народа всѣ нововведенія св. Василия въ церковномъ богослуженіи, но и въ его время нашлись люди неблагонамѣренные, которые, желая прикрыть нечестіе своихъ убѣжденій и дѣйствій, выставляли поводомъ къ прекращенію съ нимъ общенія его нововведенія

въ церковной службѣ. Изъ собственныхъ писаній св. Василія видно, что кесарійскій Пастырь имѣлъ въ свое время дѣло съ Неокесарійцами такое же непріятное, какое наши пастыри вынуждены имѣть съ мнимыми ревнителями старыхъ обрядовъ. Неокесарійцы не хотѣли сообщаться съ главною своею Церковію,—Церковію кесарійскою, именно за то, что св. Василій ввелъ въ богослуженіе кесарійской Церкви особый чинъ. Въ письмѣ къ неокесарійцамъ св. Василій, вразумляя ихъ, объясняетъ, что антифонное пѣніе, употребляемое по его распоряженію, извѣстно во многихъ Церквахъ, что въ Неокесарійской Церкви довольно есть такого, чего не было прежде, именно—введены молебствія, что наконецъ предметъ соблазна ихъ вовсе не такъ важенъ, чтобы надлежало для него разрывать узы братской любви. «Если спрашиваютъ ихъ, писалъ онъ, о причинѣ непримиримой вражды ихъ, они отвѣчаютъ: псалмы и образъ пѣнія измѣнены у васъ противъ давняго обыкновенія, и другое подобное выставляютъ, чего надлежало бы имъ стыдиться Смотрите, продолжалъ мудрый пастырь, не оцѣживаете ли вы комара, занимаясь тонкими изслѣдованіями звуковъ голоса, употребляемыхъ въ псалмопѣніи, и между тѣмъ нарушая важнѣйшія заповѣди!» Указавъ Неокесарійцамъ на то, что и у нихъ есть новостъ, св. Василій далѣе говорить: «не обвиненіе вамъ говорю; потому что желалъ бы, чтобы всѣ вы жили въ слезахъ и непрестанномъ покаяніи. И мы не иное что дѣлаемъ, какъ молебуемъ о грѣхахъ нашихъ, съ тѣмъ только различіемъ, что умилостивляемъ нашего Бога не человеческими реченіями, какъ вы, но словами Духа Святаго» ⁽¹⁾.

Такъ мудрый кесарійскій Пастырь разсуждалъ о старомъ

⁽¹⁾ В. В. письмо 199.

и новомъ обрядѣ! Такъ вразумлялъ онъ тѣхъ людей, которые за обряды, за буквы готовы расторгать союзъ Церкви, потерять законъ любви, самый святой законъ христіанства. О! когда бы наши любители «старыхъ обрядовъ» чаще повторяли слова мудраго Пастыря, или лучше самаго Христа Спасителя: смотрите, не оцѣживаете ли вы комара! Они познали бы духъ истинной, святой старины; они бы поняли, что древнѣе всего въ Церкви Христовой любовь, а не обрядъ, и что обряды вводила въ Церковь мудрая любовь, вникающая въ нужды человѣческія какъ общія, такъ и принадлежащія тому или другому времени; они бы увидѣли, что и учрежденія, одобренныя примѣромъ такого учителя, каковъ св. Григорій, епископъ Неокесарійскій и чудотворецъ, не признаны св. Василиемъ за непремѣнныя и неизмѣнныя. Между тѣмъ, какъ опасно изъ-за обрядовъ отклоняться отъ союза съ Церковію: пусть узнаютъ это именуемые «любители старины» изъ примѣра Неокесарійцевъ. Неокесарійцы и не замѣчали тайной причины, понуждающей людей хитрыхъ вооружать ихъ противъ новыхъ установленій великаго Пастыря. Но мудрый Василій зналъ этихъ людей. Въ слѣдующемъ году послѣ перваго письма къ Неокесарійцамъ, возвращаясь съ помѣстнаго Собора, св. Василій остановился для отдохновенія въ одной обители, близкой по мѣсту къ Неокесаріи и находившейся подъ управленіемъ брата его по плоти, блаженнаго Петра. Неокесарійцы, услышавъ объ этомъ, пришли въ волненіе; хитрые люди, опасаясь за себя, поспѣшили разгласить между ними, что Василій силою хочетъ вводить у нихъ новый церковный чинъ. Въ письмѣ св. Василій, объяснивъ Неокесарійцамъ случай и причину, по которымъ остановился онъ въ обители, открылъ имъ глаза на людей смущающихъ ихъ: онъ показалъ имъ, что это никто другіе, какъ осужденные Церковію Савелліане; а симъ

послѣднимъ писалъ, что если не прекратятъ они волненій, онъ предъ всею Церковію предастъ ихъ позору и потомъ неизбѣжному суду Божию ⁽¹⁾. Такъ и нынѣ такъ называемыхъ любителей старины смущаютъ и увлекаютъ въ пагубу или вожди слѣпые, не способные благоразумно разсуждать ни о какомъ предметѣ, или по большей части, люди неблагонамѣренные, ищущіе въ простотѣ умовъ и сердець народа случай къ удовлетворенію своихъ разнообразныхъ страстей. И, о! если бы они могли понять, какъ быстро они стремятся къ гибели, допустивъ въ своихъ служебныхъ обрядахъ, подъ видомъ охраненія старины, все новое, чего не знала Церковь никогда, и что ведетъ только къ отчужденію отъ Бога и къ растлѣнію нравственному!

ГЛАВА VI.

Умиротворивъ враждовавшихъ противъ него епископовъ, возвысивъ до возможной степени совершенства нравственность духовенства, давъ благолѣпнымъ храмамъ величественное и въ высшей степени поучительное церковное богослуженіе, «св. Василій, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ, замышляетъ въ умѣ нѣчто большее и возвышеннѣйшее. Другіе смотрятъ только у себя подъ ногами, разсчитываютъ, какъ бы свое только было въ безопасности (если это истинная безопасность), далѣе же не простираются, и не могутъ подумать или привести въ исполненіе ничего великаго и смѣлаго: но онъ, хотя во всемъ другомъ соблюдалъ умѣренность, въ этомъ же не знаетъ умѣренности; напротивъ того, высоко поднявъ голову, и озирая окрестъ душевнымъ

⁽¹⁾ В. В. письмо 202.

окомъ, объемлетъ всю вселенную, куда только пронеслось спасительное слово» ⁽¹⁾.—Что же усмотрѣлъ св. Василій, обозрѣвъ вокругъ себя и простерши свой взоръ за предѣлы своей Кесарійской собственной Церкви? Его взору представилась мрачная картина. Онъ, къ великому прискорбію своего сердца, ревнующаго о славѣ Божіей и спасеніи ближнихъ, усмотрѣлъ, что «пренебрегаются ученія отцовъ, уничтожаются апостольскія преданія; въ Церквахъ получаютъ силу изобрѣтенія нововводителей; люди только хитрословятъ, а не богословствуютъ; мірская мудрость беретъ первенство, отринувъ похвалу креста; пастыри изгоняются, а на мѣсто ихъ вводятся волцы тяжцы, расточающіе стадо Христово (Дѣян. 20. 29); молитвенные дома стоятъ пусты безъ присутствующихъ, а пустыни наполняются сѣтующими; сѣтуютъ старцы, сравнивая древнее съ настоящимъ, а еще болѣе достойны сожалѣнія юноши, не знающіе, чего они лишены» ⁽²⁾. «И не одна Церковь въ опасности, даже не двѣ или три Церкви подвергаются жестокой этой бурѣ: почти отъ предѣловъ Плирика до Фиваиды свирѣпствуетъ зловредная ересь, которой лукавыя сѣмена брошены сперва злоименнымъ Аріемъ, глубоко же укорененные многими, которые послѣ Арія прилежно воздѣлывали нечестіе, произрастали теперь глетворные плоды. Догматы благочестія извращены, уставы Церкви нарушены; любоначаліе людей, не боящихся Господа, кидается за начальственными должностями, и предѣтельство въ-явь уже предлагается въ награду за нечестіе; почему, кто произносилъ болѣе тяжкія хулы, тотъ предпочтительнѣе другихъ избирается на епископство въ народѣ; исчезла сановитость священническая; мало людей, пасущихъ

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 97—98.

⁽²⁾ В. В. письмо 86.

стадо Господне разумно, сбереженное для бѣдныхъ честолюбцы непрестанно тратятъ на свои удовольствія и на раздачу подарковъ; не видно точнаго исполненія церковныхъ правилъ; много стало свободы—грѣшить: ибо достигающіе начальства человѣческимъ усердіемъ въ благодарность за сіе самое усердіе воздають тѣмъ, что все дозволяютъ въ угодность грѣшашимъ. Погибъ праведный судъ; всякій ходитъ по волѣ сердца своего; порокъ не знаетъ себѣ мѣры; народъ не слушаетъ увѣщаній; въ предстоятеляхъ не достаетъ дерзновенія; потому что пріобрѣтшіе себѣ власть чрезъ людей стали рабами оказавшихъ имъ милость. У иныхъ придумано уже и оружіе для междоусобной брани, именнно защита православія, и прикрывая частныя свои вражды, выставляютъ на видъ, что враждуютъ за благочестіе. А другіе, отклоняя отъ себя обличеніе въ самыхъ гнусныхъ дѣлахъ, доводятъ народъ до неистовства, поощряя къ взаимнымъ спорамъ, чтобы общими бѣдствіями прикрыть свое худое состояніе. Поэтому брань сія непримирима; сдѣлавшіе худое страшатся общаго мира; потому что онъ обнаружитъ *тайная* ихъ *срама*. Сверхъ этого невѣрные смѣются, маловѣрные колеблются; вѣра сомнительна, невѣдѣніе проливается въ душѣ, потому что злонамѣренно искажающіе ученіе поддѣлываются подъ истину. Молчатъ уста благочестивыхъ, развязанъ всякій хульный языкъ, святое осквернено; здравомыслящіе въ народѣ бѣгутъ отъ молитвенныхъ домовъ, какъ отъ училищъ нечестія, и по пустынямъ со стенаніями и слезами подъемлютъ руки къ небесному Владыкѣ..... народъ съ женами, дѣтьми и даже старцами, внѣ городскихъ стѣнъ, подъ открытымъ небомъ совершаютъ молитвы, съ великимъ терпѣніемъ перенося страданія отъ воздушныхъ перемѣнъ, и ожидая себѣ помощи отъ Господа. Какой плачь соотвѣст-

вень симъ бѣдствіямъ? Какіе источники слезъ будутъ достаточны для столькихъ несчастій?» (¹).

Что же св. Василій, при созерцаніи этой поразительной картины бѣдствій всѣхъ Церквей, ограничивается ли одними слезами о страждущихъ и тайною молитвою къ Богу объ избавленіи ихъ отъ облегающихъ скорбей? Нѣтъ, говоритъ его святой другъ, примѣчая это Василій не признаетъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки, у Него искать прекращенія обдержавшихъ золь, а самому между тѣмъ почивать: напротивъ того, онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность и отъ себя привнести нѣчто и оказать какую-нибудь помощь. Ибо что горестиѣ сего бѣдствія? И о чемъ болѣе должно заботиться взирающему горѣ? Когда одинъ дѣлаетъ хорошо или худо: сіе ничего не предвѣщаетъ для цѣлаго общества. Когда цѣлое въ хорошемъ или худомъ положеніи; тогда по необходимости и каждый членъ общества приходитъ въ подобное же состояніе. Сіе-то представлялъ и имѣлъ въ виду и сей попечитель и представитель общаго блага. И поелику, какъ думаетъ Соломонъ заедино съ самою истинною, *моль костюмъ сердце чувственно* (Притч. 14, 30), и беззаботный бываетъ благодушенъ, а сострадательный—скорбенъ, неотступный помысль сушитъ его сердце: то Василій приходилъ въ содроганіе, скорбѣлъ, уязвлялся, былъ въ положеніи то Іоны, то Давида, *отрицашеся души* (Іон. 4, 8), не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ (Пс. 131, 4), заботами изнурялъ остатокъ плотей, пока не находилъ уврачеванія злу. Онъ взыскуетъ Божеской или и человѣческой помощи, только бы остановить общій пожаръ и разсѣять облегающую насъ тму».

Итакъ, изобрѣтаетъ слѣдующее одно весьма спасительное

(¹) В. В. письмо 88.

средство. «Сколько могъ, углубившись въ себя самаго и затворившись съ Духомъ, напрягаетъ всѣ силы человѣческаго разума, перечитываетъ всѣ глубины Писанія, и ученіе благочестія предастъ письмени. Дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется и препирается съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость, и тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ устъ, а тѣхъ, которые находились вдали, поражаетъ стрѣлами писменъ, не менѣе достойныхъ уваженія, какъ и начертанія на скрижаляхъ..... Но было у него и другое средство. Поелику, какъ дѣло безъ слова, такъ и дѣло безъ исполненія, равно не совершенны; то онъ присовокупляетъ къ слову и содѣйствіе самыхъ дѣлъ. Къ однимъ идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, обличаетъ, запрещаетъ (2 Тим. 4, 2), угрожаетъ, укоряетъ, защищаетъ народы, города, людей частныхъ, придумываетъ всѣ роды спасенія, всѣмъ врачуетъ» (1).

При произнесеніи поученій св. Васи́лемъ обыкновенно присутствовали въ храмѣ и православные и еретики, и друзья его и враги, одни для того, чтобы почерпнуть въ его поученіяхъ назиданіе для себя, другіе для того, чтобы уловить какое либо слово, чтобы клеветать на него, и чрезъ клевету ослаблять спасительную силу его слова на вѣрныхъ. Изъ картины бѣдствій церковныхъ, начертанной св. Васи́лемъ, мы видѣли уже, что движущими причинами всему злу служили разнообразныя страсти, или гордость ума, или властолюбіе, или честолюбіе, или стремленіе въ общихъ смутахъ скрыть свою порочную жизнь. Но причиною зарожденія всѣхъ пагубныхъ страстей и развитія ихъ обыкновенно служить отсутствіе въ душѣ смиренномудрія и невнима-

(1) Гр. Б. Сл. 43, стр. 98—100.

тельность къ самому себѣ, къ внутреннимъ расположеніямъ своей души. Чтобы уврачевать зло въ самомъ корнѣ, св. Василій нашелъ нужнымъ сказать два поученія, вполне заслуживающія и нашего вниманія: поученіе о смиренномудріи и на слова Писанія: *внемли себѣ* (Втор. 15, 9).

Въ поученіи о *смиренномудріи* св. Василій прежде всего показываетъ, что стремленіе къ славѣ есть стремленіе, вложенное въ нашу душу самимъ Богомъ. И Богъ, вложивъ это стремленіе въ душу человѣка, указалъ и на то, что можетъ служить къ истинному прославленію его, а такъ же открылъ путь къ этой славѣ и далъ средства къ достиженію оной. Но человѣкъ, внявъ болѣе гласу врага Божія—дѣвола, не захотѣхъ идти медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ къ славѣ, а захотѣлъ исхитить ее у Бога быстро и насильственно, объявивъ, такъ сказать, войну самому Богу чрезъ противленіе Его открытой заповѣди. Но ложь злаго совѣтника скоро открылась. Человѣкъ, лишившись чрезъ противленіе заповѣди Божіей и той славы, которою уже былъ облеченъ по благодати Божіей, скоро позналъ свою безславную наготу, и самъ устыдился ея. Богъ однакоже, по безконечному своему милосердію, попытался было обратить падшаго человѣка къ долгу повиновенія, чтобы возвратить ему утраченную имъ славу; но оказалось, что человѣкъ такъ уже глубоко палъ, что не способенъ былъ воспользоваться и милосердіемъ Божіимъ, и потому изгнанъ былъ изъ рая.—Дѣволъ, зная, что созданное Богомъ однажды не уничтожается, и потому опасаясь, чтобы человѣкъ, неволью подчиняясь прирожденному стремленію къ славѣ, не возвратился къ Богу, какъ единственному источнику истинной славы, указалъ ему на призраки славы, которыми хотѣлъ, хотя на время, утолить его внутреннюю жажду истинной славы. Человѣкъ, разъ допустивъ омрачиться своему уму страстями, утратилъ позна-

ніе объ истинной славѣ, а потому и доселѣ гоняется только за призраками, хотя и постоянно чувствуетъ неудовлетворенность своего желанія.

Св. Василій въ своей бесѣдѣ о смиренномудріи положилъ разоблачить пустоту этихъ призраковъ, чтобы, сокрушивъ кумиры гордости человѣческой, водворить въ душѣ падшаго человѣка смиренномудріе, какъ единственно вѣрный путь къ достиженію истинной славы. «Діаволъ, низложившій человѣка надеждою ложной славы, говоритъ св. Василій, не престаеетъ поощрять его тѣми же побужденіями, и изобрѣтаетъ для сего тысячи козней. Представляетъ ему чѣмъ-то важнымъ, если обложится онъ деньгами, чтобы тѣмъ величаться и о томъ заботиться, что ни мало не ведетъ къ славѣ, а великія приносятъ опасности; потому что пріобрѣтеніе денегъ—начало любостяжанія, а обладаніе ими не ведетъ къ доброй славѣ, но понапрасну ослѣпляетъ, попусту надмеваетъ и производитъ въ душѣ болѣзнь, подобную опухоли. Толщина опухшихъ тѣлъ и не здорова и не полезна, а напротивъ того болѣзненна и вредна, въ ней начало опасности, скрытая причина гибели. Тоже самое и гордость въ душѣ. И не отъ однихъ денегъ рождается въ человѣкѣ превозношеніе: люди превозносятся не одною пышностію снѣдей и одеждъ, пріобрѣтаемыхъ за деньги, не тѣмъ однимъ, что устрояютъ сверхъ нужды дорогіе и роскошныя столы; облакаются въ ненужныя одежды, созидаютъ огромныя дома, испещренныя украшеніями, вводятъ за собою множество сопровождающихъ слугъ и безчисленныя толпы ласкателей; но они, забывая свою природу, величаются чинами..... Человѣка дѣлаетъ также дерзкимъ сила рукъ, скорость ногъ, благообразіе тѣла, хотя все это истребляетъ болѣзнь, истощаетъ время..... И что, по видимому, гораздо важнѣе и прочнѣе другихъ, у человѣка находящихся благъ,—

мудрость и благоразуміе, и это ведетъ къ суетному превозношенію, доставляетъ высоту не истинную: потому что и сіи блага вмѣняются ни во что, какъ скоро нѣтъ премудрости, которая у Бога. Ибо самому діаволу не удастся ухищреніе противъ человѣка: что измышлялъ онъ противъ человѣка, то, самъ того не зная, устроилъ противъ себя, не столько повредивъ тому, кого надѣялся отдалить отъ Бога и отъ вѣчной жизни, сколько измѣнивъ себѣ тѣмъ, что отпалъ отъ Бога и осужденъ на вѣчную смерть. И поставивъ сѣть Господу, самъ онъ уловленъ ею, распятъ на крестѣ, на которомъ думалъ Его распять, умеръ тою смертію, которою надѣялся умертвить Господа. Если же и князь міра, первый, величайшій и невидимый наставникъ мірской мудрости, уловляется собственными ухищреніями, впадая въ крайнее неразуміе: то тѣмъ паче ученики и ревнители его, хотя бы тысячекратно умудрялись, *малоющися быти мудри, обзюродѣша* (Рим. 1, 22). Ухищряется Фараонъ на погибель Израиля: но ухищреніе его непримѣтно разрушается, отъ чего и не ожидалъ. Младенецъ, по его повелѣнію преданный на смерть, тайно воспитанъ въ собственномъ его домѣ, сокрушилъ силу его и цѣлаго народа, и избавилъ израильтянъ. Убійца Авимелехъ, незаконнорожденный сынъ Гедеоновъ, умертвившій семьдесятъ законныхъ сыновъ и думавшій, что нашелъ мудрое средство—прочно овладѣть царствомъ, сокрушается, правда, споспѣшниковъ своихъ въ убійствѣ, но и самъ сокрушается ими и погибаетъ, наконецъ, отъ женской руки и отъ удара камнемъ. И всѣ іудеи придумали противъ Господа пагубное намѣреніе, разсуждая сами съ собою: *аще оставимъ тако, вси уваруютъ въ Него: и придутъ Римляне, и возмутъ мѣсто и языкъ нашъ* (Іоан. 11, 48). Отъ этого намѣренія дошедши до христуубійства въ той же мысли, что спасаютъ народъ и страну,

погубили его тѣмъ самымъ, чѣмъ намѣревались спасти, и изъ страны изгнаны, и стали чужды и законовъ и богослуженія. И вообще изъ тысячи примѣровъ можно уразумѣть, что преимущество человѣческой мудрости непрочно и болѣе маловажно и низко, нежели велико и высоко».

Потомъ показавъ, что все, что только имѣемъ, не только внѣшнія блага или естественныя способности души, но и благодатные дары Духа Святаго, суть дары милосердія Божія, а нашу собственность составляетъ только грѣхъ, какъ произведеніе нашей злой воли,—внушаетъ хранить глубокое смиреніе съ чувствомъ благодарности къ Богу за дары Его благодати, чтобы не лишиться того, что имѣемъ, оставшись съ одною своею собственностію—грѣхомъ и осужденіемъ за оный.—Указавъ далѣе на то, что и пламенно любившему своего Учителя апостолу Петру попущено за самонадѣянность дойти до отреченія, выставивъ еще примѣръ фарисея, осужденнаго за самооправданіе и мытаря, оправданнаго за самоосужденіе, говоритъ: и ты никогда не превозносись ни предъ кѣмъ, даже и предъ великими грѣшниками. Смирennemудріе часто спасаетъ и того, кто сдѣлалъ многіе и великіе грѣхи. Не оправдывай себя паче другаго, чтобъ, оправдавшись по собственному приговору, не быть осужденнымъ по приговору Божію.

Даже и въ такомъ случаѣ, если бы человѣкъ дѣйствительно имѣлъ живую вѣру и дѣятельность, соотвѣтствующую обязанностямъ христіанина, то и въ такомъ случаѣ св. Василій внушаетъ только благодарить Господа за сдѣланное при Его благодатномъ содѣйствіи, но не превозноситься предъ ближнимъ, напоминая себѣ чаще о своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ. «Полагаешь ли, что тобою сдѣлано нѣчто доброе? Благодари Бога, говоритъ онъ, не превозносись предъ ближнимъ. Сказано: *дѣло свое да искушаетъ кійждо,*

и тогда въ себѣ точію хваленіе да имать, а не во иномъ (Гал. 6, 4). Ибо какую пользу сдѣлалъ ты ближнему тѣмъ, что исповѣдалъ вѣру, или терпѣливо несъ труды поста, или претерпѣлъ изгнаніе за имя Христово? Не другому отъ этого выгода, а тебѣ. Бойся уподобленія въ паденіи діаволу, который, вознесшись предъ человѣкомъ, палъ низложенный человѣкомъ, и преданъ въ поправіе поправному. Подобно сему и паденіе израильтянъ: превознесшись предъ язычниками, какъ предъ нечестивыми, дѣйствительно стали они нечисты. И правда ихъ стала, якоже портъ нечистый (Ис. 64, 6), а беззаконіе и нечестіе язычниковъ заглажены вѣрою. Однимъ словомъ, помни истинную притчу: *гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. 3, 34; Петр. 5, 5). Пмѣй у себя подъ руками изреченіе Господне: *всякъ смиряйся вознесется, а возносяйся смирится* (Лук. 14, 11). Не будь несправедливымъ судіею самого себя, испытывай себя, не лѣстя себѣ, и если думаешь, что есть въ тебѣ нѣчто доброе, не это одно выставляя на видъ, паденія же намѣренно забывая, не величаясь заслугою, какую сдѣлалъ сегодня, извиняя же себя въ томъ, что дѣлалъ худаго за день и давно. Напротивъ того, когда надмеваетъ тебя настоящее, приводи себѣ на память давнее, и избавишься отъ глупой надутости. И если увидишь ближняго въ грѣхѣ: не на это одно смотри, но размысли, что сдѣлалъ, или дѣлаетъ онъ, хорошаго, и не рѣдко, испытавъ вообще, а не въ частности судя, найдешь, что онъ лучше тебя. И Богъ испытываетъ человѣка не въ частности, Азъ, говоритъ Онъ, *дѣла и помысленія ихъ яряду собрати*. (Ис. 66, 18).

Указавъ за симъ на то, что Господь І. Христосъ училъ смиренію не только словомъ, но и дѣломъ, такъ что вся Его жизнь отъ яслей до креста была проповѣдію смиренія,

совѣтуеть желающему себѣ спасенія оставить пагубное надменіе гордыни и усвоить себѣ спасительное смиренномудріе, ни чѣмъ не пренебрегать, что можетъ служить къ утвержденію въ душѣ смиренномудрія и быть проявленіемъ живущаго уже въ душѣ смиренія. «Да будутъ у тебя и наружный видъ, говоритъ онъ, и одежда, и поступь, и сѣдальще, и составъ пищи, и приготовленіе постели, и домъ, и всѣ домашніе сосуды доведены до того, чтобъ въ этомъ не было излишествъ; и слово, и пѣснь, и обращеніе съ ближнимъ да будутъ направлены болѣе къ скромности, нежели къ надменію. Да не будетъ у тебя софистическихъ прикрасъ въ словѣ, чрезмѣрнаго сладкогласія въ пѣніи, рѣчей горделивыхъ и рѣшительныхъ, но во всемъ отсѣкай величавость. Будь добръ съ другомъ, кротокъ съ слугою, непамятозлобивъ на дерзкихъ, челоуѣколюбивъ къ смиреннымъ, утѣшай злосчастныхъ, посѣщай болѣзнуюющихъ, совершенно никого не презирай, привѣтствуй съ пріятностію; отвѣчай съ свѣтымъ лицемъ, ко всѣмъ будь благосклоненъ, доступенъ, не пускайся въ похвалы себѣ самому, не вынуждай и другихъ говорить о тебѣ, не принимай неприличнаго слова, прикрывай, сколько можно, свои преимущества, и въ грѣхахъ самъ себя обвиняй, и не жди обвиненія отъ другихъ. чтобъ тебѣ, по примѣру праведнаго, быть себе *самаго солаюльникомъ въ первословіи* (Притч. 18, 17); чтобъ уподобиться Іову, который не посрамился народнаго множества, *еже повѣдати предъ ними паденіе свое* (Іов. 31, 34). Не будь тяжель въ выговорахъ, обличай не скоро и не съ страстнымъ движеніемъ; ибо это признакъ высокоумія, не осуждай за маловажное, какъ будто самъ ты строгій праведникъ. Впадшихъ въ погрѣшность принимай, исправляй ихъ духовно, какъ даетъ совѣтъ Апостолъ: *блудый себе, да не и ты искушенъ будеши* (Гал. 6, 1). Столько прилагай стараніе

не быть прославленнымъ отъ людей, сколько другіе стараются быть прославленными, если только помнишь, что Христосъ называетъ ущербомъ награды, получае́мой отъ Бога, произвольное выказываніе себя предъ людьми и дѣланіе добра съ тѣмъ, чтобъ видѣли это люди. Ибо о такихъ сказано: *воспріемлютъ мзду свою* (Матѣ. 6, 2). Поэтому не дѣлай себѣ ущерба, желая быть на виду у людей. Поелику Богъ—великій зритель: ищи славы предъ Богомъ; потому что Онъ воздастъ славную награду. Но ты удостоенъ первенства, люди оказываютъ къ тебѣ вниманіе и прославляютъ тебя? Будь равенъ подчиненнымъ, какъ сказано: *не яко обладая причту* (1. Петр. 5, 3); не подражай мірскимъ начальникамъ; ибо кто хочетъ быть первымъ, тому Господь повелѣлъ быть рабомъ всѣхъ (Марк. 10, 44). Кратко сказать: такъ стремись къ смиренномудрію, какъ любитель его; возлюби смиренномудріе, и прославитъ тебя. Такимъ образомъ прекрасно будешь восходить къ истинной славѣ,—къ славѣ у Ангеловъ, къ славѣ предъ Богомъ; Христосъ признаетъ тебя предъ Ангелами ученикомъ Своимъ, и прославитъ тебя, если будешь подражателемъ Его смиренномудрія. Ибо Онъ говоритъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ* (Матѣ. 11, 29)» ⁽¹⁾.

Въ началѣ бесѣды на слова: *внемли себѣ*, св. Василій, показавъ необходимость въ словѣ, какъ воплощеніи мысли, проявляющейся въ душѣ, по недоступности оной безъ слова пониманію другаго, говоритъ: «поэтому мысль наша, какъ скоро получить знаменующій ее звукъ, перенесясь въ словѣ, какъ въ ладѣ, и переплывъ чрезъ воздухъ, отъ говорящаго переходитъ къ слушающему. И если найдетъ глубокую

¹⁾ В. В. Слово 20.

тишину и безмолвіе; то слово укрывается въ слухѣ поучающихъ какъ въ спокойной и безмятежной пристани. Если же въ слушателяхъ, подобно жестокой бурѣ, возстанетъ смятеніе; слово, разсѣявшись въ воздухѣ, претерпитъ кораблекрушеніе».

Чтобы не послѣдовало подобнаго крушенія и съ словомъ св. Василія, содержащимъ много полезнаго для внимающихъ ему, приглашаетъ слушающихъ доставить его слову тишину своимъ молчаніемъ; такъ какъ слово истины уловляется съ трудомъ и легко можетъ ускользнуть отъ невнимательныхъ.

Выясняя слова: *внемли себѣ*, говоритъ, что этими словами требуется вниманіе не къ дѣйствіямъ только тѣлеснымъ, которыя, какъ требующія для своего совершенія нѣкотораго времени, удобнаго случая, трудовъ, помощниковъ и другихъ пособій, не могутъ остаться незамѣченными; но главнымъ образомъ къ движеніямъ помысловъ сердечныхъ, которые проявляются мгновенно, совершаются безъ труда, составляютъ безъ усилій и во всякое время. И какъ можетъ совершаться грѣхъ въ душѣ человѣка, объясняетъ это примѣромъ. «Иногда, говоритъ онъ, человѣкъ угрюмый, величающійся честностію, нося наружно личину цѣломудрія и нерѣдко даже сидя среди тѣхъ, которые ублажаютъ его за добродѣтель, въ невидимомъ движеніи сердца уносится мыслию на мѣсто грѣха. Онъ видитъ въ представленіи предметъ своихъ желаній, воображаетъ какую нибудь неблагопрістойную бесѣду, и въ сокровенной хранилѣ сердца, живо и вполнѣ начертавъ ясное въ себѣ самомъ удовольствіе, совершаетъ внутренно грѣхъ, не имѣющій свидѣтелей и остающійся для всѣхъ неизвѣстнымъ, пока не придетъ Тотъ, Кто открываетъ тайная тмы и объявляетъ совѣты сердечныя (1 Кор. 4, 5)».

Такъ какъ грѣхъ, совершенный только въ сердцѣ, хотя и

не осуществленный на дѣлѣ по недостатку благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ, приноситъ столько же вреда душѣ, какъ и самое грѣховное дѣло: поэтому св. Василій убѣждаетъ остерегаться отъ грѣховныхъ помысловъ и страстныхъ движеній сердца, чтобы не стать ниже животныхъ, которыя, при приѣмѣ естественной для нихъ пищи, руководясь однимъ инстинктомъ, умѣютъ отличать полезную для нихъ траву отъ вредной. «Всякое живое существо, говоритъ онъ, отъ устроившаго все Бога, имѣетъ въ себѣ побужденія къ охраненію своего собственнаго состава. И если прилежно станешь изучать: то найдешь, что большая часть безсловесныхъ не учась имѣютъ отвращеніе отъ вреднаго, и опять, по какому-то естественному влеченію спѣшатъ къ наслажденію полезнымъ. Потому и намъ обучающій насъ Богъ далъ сію великую заповѣдь, чтобы въ пособіи разума нашли мы то, что у нихъ есть отъ природы; и чтобы то, что безсловесными дѣлается безъ размышленія, у насъ совершалось со вниманіемъ, при непрестанномъ напряженіи разсудка, и мы были исправными хранителями данныхъ намъ отъ Бога побужденій, бѣгая грѣха, какъ безсловесные избѣгаютъ ядовитаго въ снѣдахъ, и гонясь за правдою, какъ и они отыскиваютъ въ травѣ питательное. Поэтому *внемли себѣ*, чтобы могъ ты различать вредное отъ спасительнаго».

Объяснивъ далѣе, что слова *внемли себѣ* относятся не къ тѣлеснымъ очамъ, внимательно всматривающимся въ видимые предметы, но къ умной силѣ души, погружающейся въ созерцаніе безплотнаго, говоритъ: «итакъ, *внемли себѣ*, то есть, осмотри себя со всѣхъ сторонъ и для охраненія себя содержи неусыпнымъ душевное око. *Посредь спятей минувши* (Сир. 9, 18); врагомъ во многихъ мѣстахъ поставлены скрытыя тенета. Поэтому все осматривай, *до спасешися яко серна отъ тенетъ, и яко птица отъ сѣти* (Притч. 6, 5).

Серна неуволима тенетами, по остротѣ зрѣнія. А птица, когда она внимательна, по легкости крыльевъ, становится выше злоухищренія ловца. Поэтому смотри, не окажись худшимъ безсловесныхъ въ охраненіи себя самаго, и запутавшись въ сѣтяхъ, не сдѣлайся добычею діавола, будучи живъ уловленъ отъ него въ свою его волю (Тим. 2, 26).—Итакъ *внемли себѣ*, то есть, внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себѣ; ибо иное—мы сами; иное—принадлежащее намъ, а иное—что около насъ. Душа и умъ—это мы, поколику сотворены по образу Создавшаго; тѣло и приобретаемыя посредствомъ него ощущенія—это наше; около же насъ—имущества, искусства и прочія удобства жизни. Поэтому, что значить слово сіе? Не плоти внемли, не за плотскими благами гонись всѣми мѣрами, то есть, за здравіемъ, красотою, наслажденіемъ, удовольствіями и долголѣтіемъ; уважай не деньги, не славу, не владычество; не то почитай великимъ, что служить для временной жизни, и въ попеченіи о семъ не будь нерадивъ о преимущественной своей жизни. Но *внемли себѣ*, то есть, душѣ своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностію предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей порокомъ, очистить ее отъ всякаго грѣховнаго срама, украсить же и просвѣтить ее всякою красотою добродѣтели. Испытай себя самаго, кто ты; познай свою природу; познай, что тѣло твое смертно, а душа безсмертна; что жизнь наша двояка: одна, свойственная плоти, скоропреходяща, а другая, сродная душѣ, не допускаетъ предѣла. Поэтому *внемли себѣ*, не останавливайся на смертномъ, какъ на вѣчномъ, и не презирай вѣчнаго, какъ преходящаго. Не радѣй о плоти, потому что проходитъ; заботься о душѣ, существѣ безсмертномъ. Со всевозможнымъ тщаніемъ вникай въ себя самаго, чтобы умѣть тому и другому дать полезное: плоти—пропитаніе и покровы, а душѣ—

догматы благочестія, благопристойное образованіе, упражненіе въ добродѣтели, исправленіе страстей, чтобы не утучнять тебѣ тѣла, не стараться о множествѣ. Но поелику *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть; сія же другъ другу противятся* (Гал. 5, 17); то смотри, чтобы тебѣ, прилѣпившись къ плоти, не уступить большаго владычества худшему. Какъ при взвѣшаніи на вѣсахъ, если обременить одну чашку, то непременно сдѣлаешь легкою другую противоположную ей, такъ бываетъ съ тѣломъ и душою: избыточество въ одномъ дѣлаетъ необходимымъ оскудѣніе въ другомъ. Когда тѣло въ добромъ состояніи и не обременено тучностію, тогда ему необходимо быть слабымъ и недостаточнымъ для свойственныхъ ему дѣйствованій. А когда душа благоустроена и размышленіемъ о благахъ возвышена до свойственнаго ей величія, тогда слѣдствіемъ сего бываетъ увяданіе тѣлесныхъ силъ».

Въ болѣзняхъ врачи совѣтуютъ больнымъ быть внимательными къ себѣ самимъ и не пренебрегать ничѣмъ служащимъ къ уврачеванію, и лекарства употребляютъ, смотря по состоянію болѣзни, или болѣе сильныя или менѣе крѣпкія. «Поэтому и ты, говоритъ св. Василій, *внемли себѣ*, чтобы по мѣрѣ прегрѣшенія получить тебѣ пособіе отъ врачеванія. Грѣхъ твой великъ и тяжелъ? Тебѣ нужны долгая исповѣдь, горькія слезы, усиленное бодрствованіе, непрерывный постъ. Грѣхопаденіе легко и сносно? Пусть уравниется съ нимъ и покаяніе. Только *внемли себѣ*, чтобы знать тебѣ здравіе и болѣзнь души. Ибо многіе отъ чрезмѣрнаго нерадѣнія, впадъ въ великія и неисцѣльныя болѣзни, не знаютъ даже и того, что они больны».

Показавъ необходимость вниманія для всѣхъ, кому ввѣрено какое либо дѣло служенія въ дому Божіемъ, внушаетъ вниманіе къ себѣ особенно тѣмъ, которые любятъ болѣе обращать вниманіе на недостатки другихъ, чѣмъ на свои.

«Перестань, говоритъ св. Василій, со тщаніемъ наблюдать пороки въ другомъ, не давай занятія помысламъ испытывать чужія немощи, но *себѣ внемли*, то есть обрати душевное око на собственное изслѣдованіе себя самого. Ибо многіе по слову Господню, чувятъ *сучецъ, иже въ оцѣ брата, бревна же, еже есть во оцѣ ихъ, не видятъ* (Матѣ. 73). Поэтому не переставай изслѣдывать себя самого, точно ли ведешь ты жизнь по заповѣди не преставай судить себя самаго: не согрѣшилъ ли ты въ чемъ помышленіемъ? не поползнулъ ли на что языкъ, предваряя мысль? не совершенно ли въ дѣлахъ рукъ твоихъ, что нибудь необдуманное? И если найдешь много прегрѣшеній въ жизни своей (а найдешь, безъ сомнѣнія по тому, что ты человѣкъ): то скажи словами мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лук. 18, 13)».

Слова: *внемли себѣ*, совѣтуетъ имѣть постоянно въ мысли, какъ добраго совѣтника въ жизни, и тому, кто благоденствуетъ, живетъ свѣтло и у котораго жизнь несется попутнымъ вѣтромъ, и тому, кто угнетенъ несчастными обстоятельствами. Эти многозначительныя слова первого спасутъ отъ непомерной гордости, а второму съ отчаянія не попустятъ впасть въ малодушное уныніе. «Гордишься ты богатствомъ, величаешься предками, восхищаешься отечествомъ, красотою тѣлесною, воздаваемыми отъ всѣхъ почестями? Внемли себѣ, что ты смертецъ, что *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 9). Посмотри на тѣхъ, которые прежде тебя жили въ подобной знатности. Гдѣ облеченные гражданскимъ могуществомъ? Гдѣ непреодолимые витіи? Гдѣ распоряжавшіе народными собраніями, знаменитые содержатели коней, военачальники, сатрапы, властители? Не все ли прахъ? Немалое ли число костей осталось памятникомъ ихъ жизни? Загляни въ гробы: можешь ли различить, кто слуга и кто господинъ, кто бѣдный и кто богатый? Отличи, если есть у

*

тебя возможность, узника отъ царя, крѣпкаго отъ немощнаго, благообразнаго отъ безобразнаго. Поэтому, помня свою природу, никогда не превознесешь. Будешь же помнить себя, если *внемлешь себя*».

Обращая слово къ человѣку низкаго рода, бѣдняку, немощному и приходящему въ трепетъ предъ всякимъ, обладающимъ властію и могуществомъ, св. Василій говоритъ: «не отчаявайся въ себѣ и не теряй вовсе доброй надежды отъ того, что въ настоящемъ нѣтъ для тебя ничего завиднаго, но возведи душу свою къ благамъ, какія даны уже тебѣ отъ Бога и какія пообѣтованію уготованы въ послѣдствіи. И—такъ, во-первыхъ, ты человѣкъ одинъ изъ жпвыхъ на землѣ тварей, богосозданъ. Ужели разсуждающему цѣломудренно, для высшей степени благодушія, недостаточно и сего-быть созданнымъ собственными руками все устроившаго Бога? недостаточно и того, что совершенный по образу Создавшаго тебя, доброю жизнію можешь достигнуть равночестія съ Ангелами? Ты получилъ разумную душу, которою уразумѣваешь Бога, принимаешь разсудкомъ въ природу существъ, пожинаешь сладчайшій плодъ мудрости..... Земля и море не служатъ ли твоей жизни? Воздухъ, небо и сонмы звѣздъ не показываютъ ли тебѣ своего стройнаго чина? Почему же малодушествуешь отъ того, что у тебя нѣтъ среброуздаго коня? Но есть у тебя солнце, которое въ самомъ быстромъ своемъ теченіи въ продолженіи всего дня носитъ предъ тобою свѣтильникъ. У тебя нѣтъ блещущаго золота и серебра? Но есть луна, которая озаряетъ тебя своимъ въ тысячу разъ бѣльшимъ свѣтомъ. Не входишь ты въ златокованія колесницы? Но есть у тебя ноги—это собственная и природная твоя колесница. Для чего ты ублажаешь людей, которые накопили полный карманъ, и, чтобъ перейти съ мѣста на мѣсто, имѣютъ нужду въ чужихъ ногахъ? Не спишь ты на ложѣ

изъ слоновой кости? Но имѣешь у себя землю, которая дороже многихъ словъ, имѣешь сладкое на ней упокоеніе, скорый и безмятежный сонъ. Не лежишь ты подъ золотою кровлею? Но имѣешь надъ собою небо сіяющее неизреченными красотою звѣздъ. Но это еще человѣческое, а есть и другое, болѣе важное. Для тебя Богъ между человѣками, для тебя раздаяніе даровъ Святаго Духа, разрушеніе смерти, надежда воскресенія, Божіи повелѣнія, усовершенствующія жизнь твою, восхожденіе къ Богу съ помощію заповѣдей, уготованное царство небесное, вѣнцы правды, готовые для неуклоняющихся отъ подвиговъ добродѣтели!»

Эта великая заповѣдь: *внемли себѣ*, не только охраняетъ отъ гордости и унынія, но подаетъ силы къ уврачеванію и другихъ страстей. «Напримѣръ, гнѣвъ овладѣлъ твоимъ разсудкомъ, и раздражительность вовлекла тебя въ неприличныя рѣчи, въ жестокіе и звѣрскіе поступки? Если *внемлешь себѣ*, и усмиришь гнѣвъ, какъ упрямаго и нетерпящаго узды молодого коня, поражая его, какъ бичемъ, ударомъ сего слова; то удержишь и языкъ, не возложишь и рукъ на огорчившаго. Опять, худыя пожеланія, распаля твою душѣ, ввергають ее въ неудержимыя и нечистыя стремленія? Если *внемлешь себѣ* и помнишь, что это, въ настоящемъ для тебя сладостное, будетъ имѣть горькій конецъ, это, нынѣ отъ удовольствія происходящее въ нашемъ тѣлѣ, щекотаніе породить ядовитаго червя, который будетъ насъ безконечно мучить въ гееннѣ, и что это разженіе плоти будетъ матерью вѣчнаго огня: то удовольствія, обращенныя въ бѣгство, тотчасъ исчезнуть, и въ душѣ произойдетъ какая-то чудная внутренняя тишина и безмолвіе, подобно тому, какъ въ присутствіи цѣломудренной госпожи умолкаетъ шумъ рѣзвыхъ служанокъ. Поэтому *внемли себѣ* и знай, что госпожа—разумная и духовная сила души, а служанки—сила страстная и неразумная, и что

первой по природѣ принадлежить господство, а послѣднія должны повиноваться и покоряться разуму. Итакъ, не попускай, чтобы когда нибудь порабощенный умъ сталъ слугою страстей, и опять, не позволяй страстямъ возставать противъ разума и присвоить себѣ владычество души».

«Вообще же точное наблюденіе себя самаго даетъ тебѣ достаточное руководство и къ познанію Бога. Ибо, если *внемлешь себѣ*, то не будешь имѣть нужды искать слѣдовъ Зиждителя въ устройствѣ вселенной, но въ себѣ самомъ, какъ бы въ маломъ какомъ-то мірѣ, усмотришь великую премудрость Создателя. Изъ безплотности находящейся въ тебѣ души уразумѣвай, что и Богъ безплотенъ, Знай, что Онъ не ограниченъ мѣстомъ, потому что и твой умъ не имѣетъ особеннаго пребыванія въ какомъ нибудь мѣстѣ, находится же въ мѣстѣ по причинѣ соединенія съ тѣломъ. Вѣруй, что Богъ невидимъ, познавъ собственную свою душу, потому что и она непостижима тѣлесными очами. Она не имѣетъ ни цвѣта, ни вида, ни объемлется какою либо тѣлесною чертою, но узнается только по дѣйствіямъ. Потому и въ разсужденіи Бога не домогайся наблюденія съ помощію очей, но оставивъ вѣру уму, имѣй о Богѣ умственное понятіе. Дивись Художнику, какъ силу души твоей привязалъ Онъ къ тѣлу, такъ что, простираясь до его оконечностей, наиболѣе отдаленные между собою члены приводитъ въ согласіе и общеніе. Разсмотри, какая сила сообщается тѣлу душею, и какое сочувствіе возвращается отъ тѣла душѣ; какъ тѣло пріемлетъ жизнь отъ души, и душа пріемлетъ болѣзненные ощущенія отъ тѣла; какія въ ней сокровищницы для изучаемаго; отъ чего знаніе прежнихъ наукъ не помрачается присовокупленіемъ изучаемаго вновь, но припоминовенія сохраняются неслитными и нераздѣльными, будучи начертаны во владычественномъ души, какъ бы на мѣдномъ какомъ столпѣ; какъ

душа, поползнувшаяся въ плотскія страсти, губить собственную свою красоту, и бакъ опять, очистившись отъ грѣхознаго срама, чрезъ добродѣтель, восходитъ до уподобленія Творцу».

Къ познанію премудрости и благости Творца можетъ вести не вниканіе только въ силы и свойства души, но и разсматриваніе устройства самага тѣла. «*Внемли*, если угодно тебѣ, по разсмотрѣніи души, и устройству тѣла; и подивись, какое приличное виталище устроилъ разумной душѣ наилучшій Художникъ. Изъ всѣхъ животныхъ одному человѣку далъ Онъ прямое положеніе тѣла, чтобы по самому наружному виду могъ ты разумѣть, что жизнь твоя ведетъ начало свыше. Всѣ четвероногія смотрятъ въ землю и потуплены къ чреву; а у человѣка взоръ отверстъ къ небу, чтобы не предавался чреву и плотскимъ страстямъ, но имѣлъ всецѣлое стремленіе къ горнему шествію. Потомъ, помѣстивъ голову на самомъ верху тѣла, Богъ водрузилъ въ ней наиболѣе достойныя чувства. Тамъ зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе; всѣ они размѣщены вблизи другъ отъ друга. И при такомъ стѣсненіи ихъ въ маломъ пространствѣ, ни одно не препятствуетъ дѣйствованію сосѣдняго съ нимъ чувства. Глаза заняли самую высшую стражбу, чтобы ни одна часть тѣла не преграждала имъ свѣта и, чтобы, находясь подъ небольшимъ прикрытіемъ бровей, они могли прямо устремляться съ горней высоты. Опять, слухъ открыть не по прямой чертѣ, но звуки, носящіеся въ воздухѣ, принимаетъ въ извѣтый ходъ. И высочайшая премудрость видна въ томъ, что и голосъ проходитъ безпрепятственно, или лучше сказать, звучить, преломляясь въ изгибахъ, и ничто отъиѣ приходящее не можетъ быть препятствіемъ ощущенію. Изучи природу языка, какъ онъ нѣженъ и гибокъ и по разнообразію движеній достаточенъ для всякой потребности слова. Зубы суть вмѣстѣ и

орудія голоса, доставляя крѣпкую опору языку, и вмѣстѣ служатъ при вкушеніи пищи; одни разсѣкають, другіе измелчаютъ ее. И такимъ образомъ, рассматривая все съ надлежащимъ разсужденіемъ, и изучая втягиваніе воздуха легкими, сохраненіе теплоты въ сердцѣ, орудія пищеваренія, проводники крови, во всемъ этомъ усмотришь неизслѣдимую премудрость своего Творца, такъ что и самъ ты скажешь съ пророкомъ: *удивися разумъ Твой отъ мене* (Пс. 138, 6)» (1).

Положивъ въ основу жизни духовной смиренномудріе и внимательность къ внутренней жизни души, св. Василій не удовольствовался симъ. Но такъ какъ время его было время споровъ и пререканій о возвышенныхъ предметахъ христіанской вѣры: то онъ, для предохраненія своей паствы и всѣхъ послѣдователей истины православнаго ученія отъ еретическихъ заблужденій, усиливавшихся поколебать основной камень нашего спасенія—божество Сына Божія, нашелъ нужнымъ сказать еще три бесѣды: о вѣрѣ, на слова: *въ началѣ бѣ Слово*, и противъ Савеліанъ, Арія и Аномеевъ.

Еретики, по гордости ума своего, присвоивали себѣ право съ точностію опредѣлять словами свойства Божества, вслѣдствіе чего и впадали въ заблужденіе. Св. Василій, желая предохранить своихъ пасомыхъ отъ еретическихъ заблужденій, въ началѣ бесѣды о *вѣрѣ* доказываетъ необходимость вѣры самою недоступностію предмета нашей вѣры—Тріипостаснаго Бога не только для выраженія его сущности или свойствъ словами, но и даже для пониманія. «Непрестанно памятовать о Богѣ, говоритъ онъ,—благочестно, и въ этомъ благолюбивая душа не знаетъ сытости; но описывать словомъ божественное—дерзко; потому что и мысль далеко не

(1) Том. 4, бесѣд. 3.

досязаетъ достоинства предмета и слово не ясно изображаетъ представляемое мыслію. А поэтому, если и мысль наша во многомъ ниже великости предмета, а слово ниже и самой мысли; то какъ же не быть необходимымъ молчанію, чтобы иначе и это чудо богословія не оказалось у насъ близкимъ къ опасности отъ низости реченій? Посему, хотя во всѣхъ разумныхъ существахъ природою всѣяно желаніе славить Бога: однако же говорить о Немъ по достоинству всѣ равно недостаточны: превосходимъ мы другъ друга ревностію въ благочестіи; но никто не ослѣпнетъ до такой степени, чтобы сталъ почитать себя достигшимъ самой высоты разумѣнія. Напротивъ того, чѣмъ кто болѣе, повидимому, преуспѣетъ въ вѣдѣніи, тѣмъ болѣе восчувствуетъ свою немощь. Таковъ былъ Авраамъ, таковъ былъ Моисей.»

Но уступая неуголимой жаждѣ Церкви слушать о предметахъ богословія, вмѣняетъ себѣ въ необходимость говорить о Богѣ, сколько силы дозволяютъ, не присвоивая однакоже себѣ смѣлости говорить о Богѣ, что такое Онъ Самъ въ Себѣ. «Скажемъ о Богѣ, говорить онъ, не каковъ Онъ Самъ въ Себѣ, но сколько намъ о Немъ говорить можно. Какъ потому, что не можемъ объять глазами всего пространства между небомъ и землею, не отказываемся уже и столько смотрѣть на него, сколько можемъ: такъ и теперь въ немногія реченія заключимъ благочестіе, величію же Естества уступимъ побѣду надъ всякимъ словомъ. Ибо и ангельскіе языки, каковы бы они ни были, и архангельскіе, даже въ совокупномъ соединеніи со всею умною природою, не могутъ изразить и малѣйшей части, не только что сравниться съ цѣлымъ».

И чтобы показать дѣйствительную непостижимость Естества Божественнаго, говорить: для того только, чтобы созерцать Бога, нужно отрѣшиться отъ всего земнаго, стать

выше звѣздъ небесныхъ, подняться выше ангельскихъ чиновъ. «Миновавъ все сіе, оставивъ ниже своихъ помысловъ всю тварь, возводя умъ за предѣлы сего, представъ въ мысли Божіе естество неподвижное, непревратное, неизмѣнное, безстрастное, простое, несложное, нераздѣльное, свѣтъ непреступный, силу неизреченную, величину безпредѣльную, славу лучезарную, доброту вожделѣнную, красоту неизмѣримую, которая сильно поражаетъ уязвленную душу, но не можетъ по достоинству изображена быть словомъ».

Указавъ далѣе на общія и личныя свойства Лицъ Святыя Троицы, обращаетъ вниманіе на нѣкоторые евангельскія выраженія по отношенію къ Сыну Божію, и убѣждаетъ не соблазняться ими и не искать въ нихъ, подобно нечестивымъ еретикамъ, повода къ униженію Его предъ Богомъ Отцемъ. «А что, домостроительствуя спасеніе людей, явившись намъ во плоти, говорятъ Онъ относительно къ тѣлесному устроенію, называя Себя посланнымъ (Іоан. 5, 36), не могущимъ *о Себѣ творити ничесоже* (30), пріявшимъ заповѣдь (10, 18) и тому подобное: то сіе не подаетъ тебѣ повода къ униженію Единороднаго; потому что снисхожденіе къ твоей немощи не должно быть умаленіемъ достоинства Сильнаго. Напротивъ того, естество разумѣй боголѣпно, а уничижительныя реченія принимай въ отношеніи къ домостроительству».

Доказавъ разными мѣстами св. Писанія Божеское достоинство Святаго Духа, съ особенною подробностію говоритъ о Его благодатныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ человѣку. «Какъ солнце, освѣщая тѣла, и въ различныхъ видахъ имѣя ихъ своими причастниками, не умаляется отъ множества причащающихся: такъ и Духъ, всѣмъ сообщая свою благодать, пребываетъ неумаленнымъ и нераздѣльнымъ. Всѣхъ

просвѣщаетъ къ познанію Бога, вдохновляетъ пророковъ, умудряетъ законодателей, совершаетъ священниковъ, укрѣпляетъ царей, приводитъ въ благоустройство праведныхъ, украшаетъ цѣломудренныхъ, сообщаетъ дарованіе исцѣленій, оживотворяетъ мертвыхъ, разрѣшаетъ узниковъ, усыновляетъ чуждыхъ. Производитъ сіе чрезъ рожденіе свыше. Если возметъ мытаря вѣрующаго, дѣлаетъ его евангелистомъ (Матѣ. 9, 9). Если будетъ въ рыбарѣ, совершаетъ его богословомъ (14, 19). Если найдетъ гонителя кающагося, содѣлываетъ его Апостоломъ языковъ, проповѣдникомъ вѣры, сосудомъ избраннымъ (Дѣян. 9, 15). Имъ немощные крѣпкн, бѣдные богатѣютъ. Имъ невѣжды словомъ мудрѣе мудрыхъ. Павелъ немощенъ, но присутствіемъ Духа *главотяжи пота тѣла его* сообщаютъ исцѣленіе приѣмлющимъ (Дѣян. 19, 20). И самъ Петръ былъ обложенъ немощнымъ тѣломъ, но по обитающей въ немъ благодати Духа, тѣнь, падавшая отъ тѣла его, прогоняла болѣзни страждущихъ (Дѣян. 5, 15). Бѣдны были Петръ и Іоаннъ, потому что не имѣли *злата и сребра*: но подавали здравіе, которое драгоценнѣе многихъ золотыхъ монетъ. Ибо хромыи, отъ многихъ получая золотыя монеты, оставался еще нищимъ; но пріавъ благодать отъ Петра, пересталъ нищенствовать, *скача, какъ елень, и хваля Бога* (Дѣян. 3, 6—8). Іоаннъ не зналъ мірской мудрости, но силою Духа провѣщавалъ глаголы, въ которые не можетъ проникать никакая мудрость. Духъ и на небѣ пребываетъ, и землю наполняетъ; вездѣ присутствуетъ, и ничѣмъ не объемлется. Всецѣло обитаетъ въ каждомъ, и всецѣло пребываетъ съ Богомъ. Не служебно преподаетъ дары, но полновластно раздѣляетъ дарованія; ибо сказано *раздѣляетъ властію, коемуждо якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11). Хотя посылается по домостроительству, но дѣйствуетъ свободно.—Будемъ молиться, чтобы пребывалъ Онъ въ душахъ

нашихъ, и ни въ какое время не оставлялъ насъ, по благодати Господа нашего Иисуса Христа» (1).

Бесѣда св. Василія на слова: *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1), направлена была, какъ видно изъ ея содержанія, противъ аріанъ, которые, толкуя рожденіе Сына Божія отъ Бога Отца по понятіямъ человѣческимъ, усиливались доказать Его появленіе къ бытію во времени, и этимъ самымъ старались лишить Его одного изъ Божескихъ свойствъ—безначальности, а вмѣстѣ съ этимъ низвести Его на степень твари, хотя и совершеннѣйшей всего созданнаго.

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово. Показавъ, что глубинѣ мысли, содержащейся въ этихъ краткихъ словахъ, дивились и обладающіе мірскою мудростію, спрашиваетъ: «что же будемъ дѣлать мы, ученики Духа? Мимоходомъ ли выслушаемъ, и такое только сдѣлаемъ заключеніе, что есть въ нихъ нѣкоторая небольшая сила? Ибо кто столько страдаетъ безчувственностію, чтобы не поразиться такою красотою мысли и столько непостижимою глубиною догматовъ, и не пожелать истиннаго ихъ уразумѣнія?»

Но пробудивъ такимъ образомъ желаніе проникнуть въ глубину тайны, сокрытой въ этихъ словахъ, показываетъ, что слишкомъ усиленное стремленіе уяснить ее себѣ, вмѣсто пользы, можетъ нанести вредъ мысли, какъ и усиленное желаніе разсмотрѣть солнце приносить только вредъ зрѣнію, не уясняя самаго предмета наблюденія. «Удивляться прекрасному, говорить св. Василій, не трудно; пріобрѣсти же точное понятіе о томъ, что приводитъ въ удивленіе, сіе трудно и неудободостижимо. Ибо нѣтъ человѣка, который бы не превозносилъ похвалами и сего чувственнаго солнца, съ

(1) Томъ 4, бесѣд. 15.

услажденіемъ смотря на его величину, красоту, соразмѣрность его лучей и всеозаряющій свѣтъ. Впрочемъ, если поупорствуетъ съ большимъ усиліемъ устремить свои взоры на солнечный кругъ, не только не увидитъ желаемого, но повредитъ и погубитъ вѣрность зрѣнія. Чему-то подобному, какъ думаю, подвергнется мысль, усиливающаяся произвести подробное изслѣдованіе сихъ реченій: *въ началѣ бѣ Слово*. Кто составитъ соотвѣтственное предмету понятію о началѣ? Какая сила реченій окажется способною равносильно выразить представляемое въ умѣ?»

«Намѣревающийся передать намъ богословіе о Сынѣ Божіемъ положилъ слову своему не другое какое начало, какъ начало всяческихъ. Духъ Святой зналъ возстающихъ на славу Единороднаго; предувѣдалъ тѣхъ, которые будутъ предлагать намъ лжеумствованія, изобрѣтаемые ими къ погибели слушателей, а именно: «если Сынъ рожденъ, то не былъ; и прежде нежели рожденъ, Его небыло: и изъ небытія пришелъ въ самостоятельность». Подобное сему произносятся языки, изощренные сладкорѣчіемъ, паче всякаго меча обоюду остраго. Поэтому, чтобы никто не могъ сказать подобное сему, Духъ Святой, предваривъ евангелиемъ, сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово*. Если удержишь сіе изреченіе: не потерпишь ничего опаснаго отъ людей злонамѣренныхъ. Ибо, если скажетъ кто: «ежели Сынъ рожденъ, то не былъ», ты отвѣчай: *въ началѣ бѣ*. Но какъ же былъ прежде, нежели рожденъ? говоритъ онъ. Ты не отступай отъ этого: *бѣ*; не оставляй сего: *въ началѣ*. У начала не возможно представить какой нибудь крайній предѣлъ; ничего не найдется, что было бы вѣдъ начала».

Уясняя далѣе эту мысль, св. Василій говоритъ: подъ словомъ *начало*, о которомъ говоритъ Евангелистъ, не должно разумѣть такой пунктъ во времени, съ котораго получаетъ

начало бытія своего какой бы то ни было предметъ, занимающій извѣстное пространство въ видимомъ мірѣ; но должно разумѣть такой моментъ въ безпредѣльной вѣчности, ранѣе котораго ничто не существовало. «Если станешь усиливаться представленіемъ ума перейти за сіе начало, говоритъ онъ, то найдешь, что оно само идетъ впередъ тебя, и встрѣчается твоимъ помысломъ. Дай уму своему идти, сколько хочешь, и простирается выше и выше; потомъ найдешь, что умъ, послѣ тысячекратныхъ скитаній и послѣ напрасныхъ усилій, опять возвращается къ самому себѣ, потому что не можетъ дойти до того, чтобы начало осталось ниже его. Поэтому всегда оказывается, что начало простирается далѣе мыслимаго и обширнѣе его».

Въ самомъ наименованіи Единороднаго Сына Божія—*Словомъ*, св. Василій видитъ указаніе на то, что рожденіе Его совѣчно безначальному бытію Бога Отца.—Какъ слово наше появляется въ самый моментъ пробужденія мысли въ умѣ, и самая мысль тогда только дѣлается доступною нашему сознанію, когда воплотится во внутреннемъ словѣ; такъ и Божественное Слово получило начало своего бытія въ первый моментъ движенія Высочайшаго Ума божественнаго, породившаго это Слово, и слѣд. совѣчно Ему. «Гдѣ хули-тель? Гдѣ языкъ христорбный, говорящій:—было нѣкогда, когда Онъ не былъ?—Слушай, что говоритъ евангеліе: *въ началѣ бы*. А если былъ въ началѣ, то когда же не былъ? Нечестіе ли ихъ оплакивать мнѣ, или съ отвращеніемъ смотрѣть на ихъ невѣжество? Но прежде, нежели рожденъ, Его не было? Поэтому знаешь, когда рожденъ, а потому и можешь это *прежде* относить ко времени? Ибо реченіе: *прежде нежели*, употребительно о времени; оно предполагаетъ давность одного предъ другимъ. А есть ли сообразность, чтобы Творецъ времени имѣлъ рожденіе, подлежащее именованіямъ,

употребляемымъ о времени? Итакъ: *въ началъ бѣ*. Если не отступишь отъ сего: *бѣ*, то лукавой хулѣ не дашь никакого доступа. Ибо находящіеся на морѣ, когда держатся качаясь, на двухъ якоряхъ, презирають бурю: такъ и ты, если душа твоя будетъ укрыта подъ защитою сихъ реченій, посмѣешься этому лукавому смятенію, какое духи злобы производять въ мірѣ, приводя въ колебаніе вѣру многихъ».

Въ словахъ: *и Слово бѣ у Бога*, св. Василій также видитъ неопровержимое доказательство присущности Упостаси Сына божескаго свойства—безпредѣльности. «Гдѣ было Слово? Не въ мѣстѣ, потому что не объемлется мѣстомъ безпредѣльное. Гдѣ же было? У *Бога*.—Отецъ не вмѣстѣ, и Сынъ не въ какомъ либо объемѣ, и не въ извѣстномъ очертаніи заключенъ; но какъ безконеченъ Отецъ, такъ безконеченъ и Сынъ. Что ни представишь умомъ, куда ни поступишь духомъ своимъ; найдешь, что все исполнено Богомъ; найдешь, что по всюду сораспростерта Упостась Сына». Вникая глубже въ каждое реченіе выше указанныхъ словъ Евангелиста, св. Василій разомъ наноситъ ударъ двумъ ересямъ. «Подивись точности каждаго реченія: не сказалъ: въ Богѣ было Слово; но: *у Бога*, чтобы изобразить отличительное свойство Упостаси. Не сказалъ: въ Богѣ, чтобы не подать повода къ сліянію Упостаси. Ибо лукава и эта хула, когда стараются все смѣшать, говорятъ, что одно подлежащее—Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ; но одному предмету даны различныя наименованія. Лукаво это нечестіе; его не менѣе должно бѣгать, какъ и тѣхъ, которые хульно утверждаютъ, что Сынъ Божій по сущности неподобенъ Богу и Отцу» (¹).

Въ началѣ бесѣды противъ аріанъ и савелліанъ показываетъ, что діаволъ, пораженный силою распятаго на крестѣ

(¹) Томъ 4, Ст. 16.

Господа І. Христа, не могли удержать людей во мракѣ языческаго многобожія и іудейской вражды противъ Христа, воздвигъ еретиковъ—Арія и Савеллія, которые, прикрываясь именемъ христіанъ, влекли своимъ нечестивымъ ученіемъ уже просвѣщенныхъ свѣтомъ евангельскаго ученія снова къ іудейскому отреченію и языческому многобожію. «Іудейство, говоритъ св. Василій, враждуетъ съ язычествомъ, а то и другое враждуетъ съ христіанствомъ, какъ Египтяне и Ассиріане были и врагами другъ другу и Израилю, какъ и въ порокѣ находимъ, что робость и дерзость противоположны и одна другой и мужеству. Подобная какая-то брань съ двухъ сторонъ облежить и правое исповѣданіе, а именно—съ одной стороны отъ Савеллія,—съ другой отъ проповѣдающихъ неподобосущіе.—Но мы, какъ бѣжали язычниковъ, удалились отъ лукаваго идолослуженія, и многобожіе ихъ признали безбожіемъ, такъ бѣжали и хулы іудеевъ, отрицающихъ Сына Божія, устранившись оной угрозы: *уже отвержется Мене предъ челоѣпки, отвергнуса ея и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесахъ* (Матѣ. 10, 33). Поэтому бѣжимъ, какъ и должно, еще тѣхъ, которые изобрѣтаютъ нѣчто сродное съ язычествомъ и іудействомъ, вопреки слову истины. Поелику мудрый въ злоторствѣ діаволъ видѣлъ, что христіане чуждаются іудеевъ и язычниковъ, и что самая племя ихъ располагаютъ насъ къ враждѣ съ ними: то, придавъ наше пмя тѣмъ и другимъ, старается такимъ образомъ снова ввести іудейское отреченіе и языческое многобожіе».

Опровергнувъ, на основаніи слова Божія, лживое и нечестивое ученіе аріанъ и савелліанъ, и изложивъ православное ученіе о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, св. Василій приступилъ къ изложенію ученія о Духѣ Святомъ. Но приступая къ изложенію этого ученія, прежде всего показываетъ, кто его слушатели. Это были не простые ученики, готовые съ

покорностію и довѣріемъ принять слово своего Архипастыря, но скорѣе строгіе и не всегда благонамѣренные судіи, ищущіе въ словѣ своего Пастыря не назиданія для себя, а случая къ обвиненію его.—«Давно замѣчаю, говоритъ св. Василій своимъ слушателямъ, что вы не довольны словомъ, и кажется, почти уже слышу упрекъ, почему, останавливаясь на томъ, что всѣ исповѣдуютъ, не касаюсь весьма извѣстныхъ вопросовъ, потому что нынѣ у всякаго слухъ возбужденъ къ слышанію ученія о Святомъ Духѣ. А я всего болѣе желалъ бы, какъ самъ принялъ просто, какъ самъ повѣрилъ безхитростно, такъ и передать слушающимъ, не давая отчета всегда въ одномъ и томъ же, но имѣя такихъ учениковъ, которые убѣдились однимъ исповѣданіемъ. Поелику же окружаете меня болѣе какъ судіи, нежели какъ ученики, и желаете подвергнуть меня испытанію, а не сами ищете заимствовать что нибудь: то для меня необходимо, чтобы, какъ въ судилищѣ, изслѣдованіе продолжилось, и какъ мнѣ непрестанно давали вопросы, такъ и я могъ сказать, что мною принято. А вамъ совѣтую всѣми мѣрами домогаться услышать отъ меня, не что вамъ пріятно, но что благоугодно Богу, согласно съ Писаніемъ и не противорѣчитъ отцамъ» ⁽¹⁾. Согласно съ этимъ заявленіемъ, св. Василій и изложилъ ученіе о Св. Духѣ на основаніи св. Писанія и ученія предшествовавшихъ святыхъ Отцевъ, не входя въ тонкіе споры съ совопросниками, лашенными благодатнаго озаренія отъ Духа святаго. Для вразумленія только такихъ совопросниковъ св. Василій показалъ имъ, откуда происходитъ ихъ спорливость противъ общепринятаго ученія, и въ какомъ состояніи находятся ихъ души. «Какъ скоро, говоритъ онъ имъ, сказалъ ты о Духѣ, чего не долженъ, гово-

⁽¹⁾ Томъ 4, стр. 24.

рить; въ тебѣ обозначилось уже, что оставленъ ты Духомъ. Какъ сомкнувшій глаза имѣть въ себѣ свою тму; такъ отлучившійся отъ Духа, ставъ внѣ просвѣщающаго, объемлется душевною слѣпотою ⁽¹⁾».

Но не долго впрочемъ св. Василій уклонялся отъ неприятныхъ преній съ такъ называемыми духоборцами или македоніанами, отвергавшими божественное достоинство Духа Святаго. Когда достаточно уже было выяснено и доказано св. Василиемъ Божественное достоинство Сына Божія, и еретики не могли уже колебать православныхъ своими лжеученіями, возникла новая ересь, усиливавшаяся поколебать вѣру въ Божество Духа Святаго. Эта ересь воспринята была всѣми аріанами, какъ уже лишенными благодати искупленія за невѣріе въ Божество Сына Божія, а также многими и изъ полу-аріанъ. Полу-аріане допускаемы были до участія въ молитвахъ церковныхъ вмѣстѣ съ православными. «За правое ученіе, за единеніе и собожественность во Святой Троицѣ, св. Василій, какъ говоритъ Григорій Богословъ, охотно согласился бы не только лишиться престоловъ, которыхъ не домогался и въ началѣ, но даже бѣжать ихъ, и самую смерть, и прежде смерти мученія, встрѣтилъ бы онъ, какъ приобрѣтеніе, а не какъ бѣдствіе»..... Между тѣмъ онъ (руководясь ревностію, исполненною мудрости) вмѣнилъ себѣ въ необходимость отложить не на долгое время брани, потерпѣть владычество еретиковъ, пока не наступитъ время свободы, и не придастъ дерзновенія языку. Еретики, условившись изгнать св. Василия изъ города, если онъ прямо назоветъ Святаго Духа—Богомъ, и придать расхищенію всю его паству, прислушивались къ каждому его поученію, вникали въ каждое его слово, ища повода къ выполненію сво-

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 385.

его звѣрскаго намѣренія. «Но Василій иными реченіями Писанія и несомнѣнными свидѣтельствами, имѣющими такую же силу, а также неотразимостію умозаключеній, столько стѣснилъ прекословившихъ, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выраженіями, что и доказываетъ особенную силу его слова и благоразуміе. Тоже доказываетъ и слово, какое онъ написалъ о семъ (т. е. о Св. Духѣ). Между тѣмъ Василій медилъ до времени употребить собственное реченіе (т. е. Богъ), прося у самаго Духа и у искреннихъ поборниковъ Духа не огорчаться его осмотрительностію; потому что, когда время поколебало благочестіе, стоя за одно реченіе, можно неумѣренностію все погубить. И поборникамъ Духа нѣтъ никакого вреда отъ малаго измѣненія въ реченіяхъ, когда подъ другими словами узнаютъ они тѣ же понятія, потому что спасеніе наше не столько въ словахъ, сколько въ дѣлахъ..... Напротивъ того, величайшій вредъ будетъ для цѣлаго, если Церковію будутъ владѣть еретики. А что Василій, преимущественно предъ всѣми, исповѣдывалъ Духа Богомъ, сіе доказывается тѣмъ, что онъ многократно, если только представлялся случай, проповѣдывалъ сіе всенародно, а также и наединѣ съ ревностію свидѣтельствовалъ предъ тѣми, которые спрашивали. Но еще яснѣе выразилъ сіе въ словахъ ко мнѣ, предъ которымъ въ бесѣдѣ о такихъ предметахъ у него не было ничего сокровеннаго. И не просто подтверждалъ онъ это, но, что рѣдко дѣлывалъ прежде, присовокуплялъ самыя страшныя на себя заклинанія, что, если не будетъ чтить Духа единосущнымъ и равночестнымъ Отцу и Сыну, то да лишенъ будетъ самаго Духа..... Когда, по тѣснотѣ времени, налагалъ онъ на себя осторожность; тогда предоставлялъ свободу мнѣ, котораго, какъ почтеннаго неизвѣстностію, никто не сталъ бы судить и изгонять изъ отечества, — предоставлялъ съ

*

тѣмъ, чтобы наше благовѣствованіе было твердо при его осторожности и моемъ дерзновеніи» (¹).

Итакъ, св. Василій, руководясь мудрою ревностію, съ непоколебимою силою защищалъ и неопровержимо доказалъ Божественность Духа Святаго, не называя Его однакоже прямо Богомъ. Такой способъ ученія, вынужденный несчастными обстоятельствами, хотя заграждалъ уста еретикамъ и разрушалъ всѣ ихъ козни, но не нравился нѣкоторымъ неразумнымъ ревнителямъ православія. Святому Григорію Богослову случилось быть въ одномъ многочисленномъ обществѣ, гдѣ расположенные къ св. Василию превозносили его за его высокую ученость, святость жизни и мудрую распорядительность въ управленіи дѣлами церковными; но были и такіе, которые старались внушить присутствовавшимъ дурное мнѣніе о немъ, увѣряя, что онъ нечистиво мыслить о св. Духѣ. Св. Григорій старался защитить своего друга; но не успѣвъ исправить понятія злонамѣренныхъ людей, самъ подвергся отъ нихъ осужденію. Но такъ какъ злое, по растлѣнію сердца человѣческаго, скорѣе воспринимается людьми, нежели доброе; поэтому многіе и изъ расположенныхъ къ св. Василию выразили нѣкоторое довѣріе къ словамъ злорѣчиваго человѣка. Св. Григорій почелъ нужнымъ сообщить о всемъ этомъ своему другу. Это извѣстіе огорчило св. Василия, не потому, чтобы онъ придавалъ большое значеніе клеветамъ, но потому, что по легковѣрію и близкіе къ нему, не смотря на его прежнія ученія и устные бесѣды, свидѣтельствующія о правотѣ его мыслей и святой ревности о православіи, увлекаются злорѣчіемъ людей неблагонамѣренныхъ ко вреду своей души. Такъ какъ первый, породившій клевету на него, былъ грубый и невѣжественный монахъ, недавно

(¹) Гр. Б. Сл. 43, стр. 126—128.

еще вступившій въ монастырь, то Св. Василій, въ отвѣтномъ письмѣ св. Григорію, увѣривъ его въ неизмѣнности своей любви къ нему, между прочимъ писалъ: если же человѣкъ, недавно принявшій на себя трудъ приникнуть въ жизнь христіанскую, а потомъ возмечтавшій, что принесетъ ему нѣкоторую честь столкновение со мною, слагаетъ, чего не слыхалъ, и рассказываетъ, что не вырази́мъ: то и сіе не удивительно. А удивительно и странно то, что между самыми искренними ко мнѣ у васъ братіями находятъ слушателей для такихъ разсказовъ, даже не только слушателей, но, какъ видно, и учениковъ. Точно, при другихъ обстоятельствахъ было бы это странно, что подобный человѣкъ учить и что очерняетъ онъ меня; но эти несчастныя времена научили меня ничѣмъ не оскорбляться. Ибо давно по грѣхамъ моимъ привыкъ я встрѣчать и большее сего безчестіе». Такъ какъ клеветамъ злорѣчиваго монаха повѣрили и другіе назіанзскіе монахи, то св. Василій увѣдомляетъ своего друга, что онъ еще ничего не писалъ для успокоенія и вразумленія ихъ, да и не находитъ это нужнымъ. «Ибо, пишетъ онъ, кого не убѣдило продолжительное время, тѣхъ убѣдить ли краткое письмо? Если же достаточно и прежняго, то пусть почтенны будутъ бреднями слова клеветниковъ. По крайней мѣрѣ, если необузданнымъ устами и необученнымъ сердцамъ дозволимъ говорить, что захотятъ, а сами будемъ имѣть готовый слухъ къ принятію сего: то пусть не только мы принимаемъ чужія рѣчи, но и другіе принимаютъ наши».

«Причиною же сему то, о прекращеніи чего давно уже просилъ я и о чемъ нынѣ утомившись молчу, именно, что мы съ тобою не видимся другъ съ другомъ. Ибо если бы по старымъ условіямъ и ради лежащаго на насъ попеченія о Церквахъ, большую часть года проводили мы вмѣстѣ; то не имѣли бы къ намъ доступа клеветники. Но ты, если угодно,

оставь ихъ въ покоѣ; самъ же склонись на мою просьбу, раздѣли мой трудъ въ подлежащемъ подвигѣ, и выступи со мною противъ ополчившагося на меня. Ибо, если явишься, остановишь его стремленіе, разсыплешь собравшихся на ниспроверженіе благоустройства въ отечествѣ, какъ скоро дашь имъ о себѣ знать, что самъ ты по благодати Божіей предводительствуешь нашимъ соборомъ; и заградишь всякія несправедныя уста глаголющихъ на Бога беззаконіе. Если будетъ это, то сами дѣла покажутъ, кто твой послѣдователь въ прекрасномъ, и кто храмлетъ, и по робости измѣняетъ слову истины. А если дѣло Церкви будетъ предано, то не велика для меня важность убѣдить словами тѣхъ, которые столько же оказываютъ ко мнѣ уваженія, сколько оказали бы люди, не научившіеся еще полагать мѣру себѣ самимъ. Ибо вскорѣ, по благодати Божіей, свидѣтельство самыхъ дѣлъ изобличитъ клевету; потому что ожидаю за слово истины пострадать, можетъ быть, и больше что нибудь, а если не такъ, то, безъ сомнѣнія, быть изгнаннымъ изъ Церкви и отечества. Если же ожидаемое не исполнится, то не далекъ судъ Христовъ. Посему, если желаешь свиданія ради Церквей, готовъ я придти къ тебѣ, куда ни позовешь; а если желаешь того, чтобы отразилъ я клеветы, то нѣтъ у меня времени отвѣчать теперь на это» ⁽¹⁾.

Св. Василій, готовясь доказать правоту своего ученія и непоколебимую преданность вѣрѣ отцевъ самымъ дѣломъ, и ожидая оправданія для себя отъ самаго Бога на судѣ Его, не хотѣлъ защищаться отъ стрѣлъ клеветника. Но такъ какъ клевета, не уязвляя самого св. Василия, наносила вредъ малодушнымъ и легковѣрнымъ, и, изъ Назіанза перенесшись въ Кесарію, возмутила миръ тамошнихъ ипоковъ, то св.

⁽¹⁾ В. В. письмо 67.

Аѳанасій Александрійскій нашелъ нужнымъ сказать слово въ оправданіе св. Василія. И это нужно было «не въ защищеніе его славы, какъ говорить св. Григорій (Василій выше всѣхъ обвинителей, если бы и нашлись еще какіе), но въ предостереженіе тѣхъ», которые, внявъ слову клеветника, утрачивали довѣріе къ своему Архипастырю, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивали способность извлекать пользу для своихъ душъ изъ его устныхъ и письменныхъ бесѣдъ. Въ посланіи къ пресвитерамъ Іоанну и Антіоху, св. Аѳанасій Александрійскій, отвѣчая на ихъ письмо, говоритъ: «весьма подивился я дерзости осмѣливающихся говорить противъ возлюбленнаго нашего, истиннаго раба Божія, Епископа Василія. Такія пустыя рѣчи могутъ только обличить ихъ, что не любятъ они исповѣданія отцевъ.» Въ посланіи къ пресвитеру Палладію еще пространнѣе говоритъ о томъ же. «Что доводишь до моего свѣдѣнія, писалъ онъ ему, о кесарійскихъ монахахъ, то извѣстно уже мнѣ, и именно, что они негодуютъ и противятся Епископу, возлюбленному нашему Василю. Хвалю тебя за то, что даешь о семъ знать, а имъ высказалъ я, что слѣдовало, и именно, чтобы какъ чада послушны были отцу и не противорѣчили въ томъ, что онъ признаетъ лучшимъ..... Если твердо увѣрены, какъ и всѣ мы увѣрены, что онъ — похвала Церкви, подвизается паче за истину, и учитъ имѣющихъ въ томъ нужду; то надобно не противоборствовать таковому, а паче одобрять благую его совѣсть. Ибо изъ разсказаннаго мнѣ возлюбленнымъ Діаніемъ открывается, что негодуютъ они напрасно. Василій, какъ твердо увѣренъ я, немощнымъ бываетъ немощенъ, да немощныя пріобрѣщаетъ (1 Кор. 9, 22). И возлюбленные наши, взирая на цѣль и смотрѣніе его — соблюсти истину, да прославятъ Господа, давшаго Каппадокіи таковаго Епископа, какого желаетъ имѣть и всякая страна. Посему и

291.300

ты, возлюбленный, соблаговоли объявить имъ, чтобы, какъ писалъ я, были покорны ему. Это и ихъ покажетъ признательными отцу, это и въ Церквахъ сохранить миръ» (¹).

Клеветники и люди злорѣчивые! Поймите изъ приведеннаго примѣра, какъ много вы зла дѣлаете своимъ языкомъ! Вы—самыя вѣрныя орудія діавола! Діаволъ, отецъ лжи и врагъ истины, не могъ поколебать православія кесарійской Церкви и вѣрности своему святому Архипастырю даже и при содѣйствіи ожесточенной злобы еретиковъ. Но вотъ явилось достойное діавольской злобы орудіе—клеветникъ, произнесъ онъ хулу на Святаго, люди злорѣчивые понесли эту хулу въ разные концы обширной области кесарійской, и доселѣ искренно преданные своему Архипастырю, подчинившись по легковѣрію вліянію клеветы, возстали противъ своего отца, заградили свой слухъ для слышанія его спасительнаго ученія, и ихъ сердца должны истлѣвать отъ помысловъ осужденія и самоопинія. Но кѣмъ порождено это зло? Клеветникомъ. Зло, порождаемое клеветникомъ такъ велико, что превосходитъ зло всякаго другаго нечестивца. Пусть онъ раскается въ своемъ грѣхѣ, но онъ не можетъ уничтожить гибельныхъ послѣдствій своего грѣха, и зло порожденное въ душахъ другихъ его клеветою, всею своею тяжестію ляжетъ на его совѣсть и принесетъ для собственной его души плодъ по роду своему. Помыслите объ этомъ и удержите слово въ себѣ самихъ, пока зрѣлымъ разсужденіемъ не дойдете до убѣжденія, что ваше слово принесетъ пользу и вамъ и слушающимъ васъ.

(¹) Аѳ. Алек. Томъ 3, стр. 414—416.

ГЛАВА VIII.

151. 164. 283.

Св. Василій, отказавшись опровергать слишкомъ явную клевету людей злонамѣренныхъ, которые, подѣ видомъ ревности о православной истинѣ, только наносили ей тяжкій вредъ, готовился доказать на самомъ дѣлѣ правоту своего вѣроученія и непоколебимую преданность вѣрѣ отцовъ. Случай къ этому не замедлилъ представиться. Валентъ, имѣвшій за шесть лѣтъ предъ симъ неудачное покушеніе ввести въ Кесарію Каппадійскую ересь Арія, по случаю похода своего въ Сирію, рѣшился непремѣнно исполнить свое намѣреніе. Мужественный Архипастырь кесарійской Церкви, посвятившій всю свою жизнь на служеніе Богу и Его святой Церкви, не могъ страшиться никакихъ угрозъ со стороны враговъ. Вѣруя словамъ Господа, что *и врата ада не одолѣютъ ей*, онъ убѣжденъ былъ, что не долго продолжится торжество враговъ Церкви и сила Божія скоро поразитъ ихъ. Но паства его, со всѣми подчиненными ему пастырями, имѣла причины страшиться приближенія нечестиваго Императора. Извѣстно уже было, что изъ всѣхъ почти окрестныхъ Церквей, и большихъ и малыхъ, изгнаны были православные епископы и сосланы въ ссылку, а мѣсто ихъ заняли аріанскіе епископы; многіе изъ низшихъ членовъ православной паствы предаваемы были разнаго рода мученіямъ, а нерѣдко лишаемы были жизни или предаваемы были сожженію. Но такъ какъ насильственные мѣры со стороны аріанъ, доставляя имъ внѣшнее преимущество не покоряли умовъ ихъ лжеученію, а нерѣдко сопровождались смутами и открытымъ возстаніемъ народа: поэтому аріане и всѣ властители, покровительствовавшіе ихъ нечестію, употребляли сначала убѣжденія и лъстивыя обѣщанія. Имѣя это въ виду, св. Ва-

151

силій старался въ разныхъ городахъ поставлять епископами людей достойныхъ по жизни и способныхъ вести съ еретиками богословскую борьбу, такъ чтобы они могли охранить свою православную паству отъ обольщенія мнимою основательностію еретическаго ученія. Съ этою-то цѣлію св. Василій, имѣя въ виду скорое прибытіе въ Кесарію Императора Валента, приглашалъ къ себѣ своего друга, св. Григорія, который въ это время возведенъ уже былъ въ санъ пресвитера. Къ этому же времени относится и посвященіе въ Епископа Григорія, брата Василіева. И прежде св. Василій приглашалъ своего брата къ соучастію въ трудахъ епископскаго служенія. При началѣ своего вступленія на архіепископскій престолъ, онъ между прочимъ писалъ ему: «тебѣ какъ брату..... слѣдовало бы въ настоящее время позаботиться объ иномъ; потому что вступилъ я въ такую жизнь, которая, превышая мои силы, сокрушаетъ тѣло и тяготитъ душу..... по этой причинѣ долженъ бы ты былъ теперь прійти ко мнѣ и раздѣлить со мною дѣла: ибо сказано: *братія въ нуждахъ полезны да будутъ* (Притч. 14, 17). Теперь же, по вниманію къ нуждамъ церковнымъ, поставилъ его противъ воли его самого, по соглашенію съ прочими Епископами, Епископомъ города Ниссы, въ каппадокійской области, находившагося въ десяти миляхъ отъ Кесаріи, города незначительнаго, но сдѣлавшагося извѣстнымъ потому только, что имѣлъ столь замѣчательнаго Епископа, каковъ былъ св. Григорій Нисскій ⁽¹⁾. Прежде самъ св. Василій наставлялъ своего брата въ предметахъ спора между еретиками и православными ⁽²⁾, теперь же хотѣлъ видѣть его сподобникомъ православія противъ еретиковъ. И что св. Григорій Нисскій

⁽¹⁾ В. В. письмо 217.

⁽²⁾ Его же письмо 38.

могъ быть ему помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, это доказываютъ написанныя имъ обширныя сочиненія о разныхъ догматическихъ предметахъ, свидѣтельствующія, какъ о его глубокомъ знаніи св. Писанія, такъ и ученія предшествовавшихъ св. Отцевъ.

Святой Григорій Богословъ замедлилъ немного своимъ прибытіемъ въ Кесарію, потому что услышалъ, что Императоръ Валентъ имѣлъ намѣреніе придти прежде въ Назіанзъ, чтобы принудить этотъ городъ, вмѣстѣ съ Епископомъ, къ принятію еретическаго ученія аріанъ, а потомъ уже идти въ Кесарію. Для этой цѣли злочестивый царь употреблялъ ласкательства, убѣжденія, угрозы и самое насиліе. Для охраненія чистоты вѣры православной и для отраженія всѣхъ хитросплетенныхъ возраженій еретиковъ, предводителейъ Императоромъ, св. Григорій нашелъ нужнымъ остаться на нѣкоторое время въ Назіанзѣ. И его пребываніе въ Назіанзѣ не осталось безполезнымъ. Восхваляя мужество своего отца, говоритъ св. Григорій: «ревностно возсталъ онъ противъ еретиковъ, когда, ополчившись на насъ вмѣстѣ съ нечестивымъ царемъ и поработивъ почти уже всѣхъ, думали и насъ совратить и пріобщить къ другимъ. И здѣсь оказалъ онъ намъ не малую помощь, какъ самъ, такъ, можетъ быть, и чрезъ меня, котораго онъ, какъ молодого пса не худой породы, для упражненія въ благочестіи выводилъ противъ сихъ лютыхъ звѣрей ⁽¹⁾.»

Но какъ только Валентъ удалился изъ Назіанза, св. Григорій поспѣшилъ на помощь къ своему другу Василию. Въ слѣдъ за нимъ прибылъ въ Кесарію и Валентъ съ многочисленною свитою, сопровождаемый аріанскими епископами, въ полной надеждѣ скоро побѣдить и покорить себѣ св. Ва-

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 18, стр. 140.

силія, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ епископовъ, находившихся въ Каппадокійской области, склонить къ принятію аріанскаго ученія. «Опять пришелъ къ намъ, говоритъ св. Григорій, христорборный царь и утѣснитель вѣры, и чѣмъ съ сильнѣйшимъ противникомъ долженъ онъ былъ имѣть дѣло, тѣмъ съ вѣщимъ пришелъ нечестіемъ и съ ополченіемъ воспламененнымъ болѣе прежняго, подражая тому нечистому и лукавому духу, который, оставивъ челоуѣка и скитавшись, возвращается къ нему, чтобы, какъ сказано въ Евангеліи (Лук. 11, 24—26), вселиться съ большимъ числомъ духовъ. Его-то ученикомъ дѣлается царь, чтобы вмѣстѣ и загладить первое свое пораженіе, и присовокупить что-нибудь къ прежнимъ ухищреніямъ». ⁽¹⁾ Но когда царь, обойдя прочія стороны, устремился, съ намѣреніемъ поработить, на сію незыблемую и неуязвимую мать Церкви, на сію единственно еще остававшуюся животворную искру истины: тогда въ первый разъ почувствовалъ безуспѣшность своего замысла; ибо онъ былъ отраженъ, какъ стрѣла ударившаяся въ твердыню, и отскочилъ, какъ порванная вервь. Такого встрѣтилъ онъ предстоятеля Церкви! И къ такому приравнявшись утесу, сокрушился ⁽²⁾!»

Дѣйствительно, св. Василій, поддерживаемый св. Григоріемъ, высказалъ такую неустрашимость, такое величіе и крѣпость духа, что ничто не могло ни утешить его, ни поколебать его вѣры. Префектъ Модестъ, челоуѣкъ жестокой, властолюбивый, исполненный ненависти къ православнымъ, готовый на всякое преступленіе для исполненія воли царя, съ единственною цѣлью своею преступною угодливостію удержать за собою власть, прибылъ въ Кесарію нѣсколько

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43 стр. 100.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 102.

прежде Валента съ полномочіемъ отъ царя, или убѣдить св. Василия къ принятію аріанскаго ученія, или принудить, въ случаѣ же его сопротивленія—сослать въ заточеніе. «Къ сему-то правителю, говоритъ св. Григорій, который скрежеталъ зубами на Церковь, принималъ на себя львиный образъ, рыкалъ, какъ левъ, и для многихъ былъ неприступенъ,—вводится, или лучше сказать, самъ входитъ доблестный Василій, какъ призванный на празднество, а не на судъ. Какъ пересказать мнѣ достойнымъ образомъ или дерзость правителя, или благоразумное сопротивленіе ему Василия! Для чегò тебѣ, сказалъ префектъ (назвавъ Василия по имени, ибо не удостоилъ назвать его Епископомъ), хочется съ дерзостію противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ?—Доблестный мужъ возразилъ: въ чемъ и какое мое высокоуміе? не могу понять сего.—Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили. Не сего требуетъ царь мой, отвѣчаетъ Василій: не могу поклониться твари, будучи самъ Божія тварь, и имѣя повелѣніе быть богомъ.—Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающіе это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи?—Вы правители, отвѣчалъ Василій, и не отрицаю, что правители знаменитые, однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и вы Божія тварь); впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подвластныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не внѣшнимъ достоинствомъ лицъ, а вѣрою.—Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Василиемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти?—Нѣтъ,

что ни будетъ, и чего ни потерплю.—Даже хотя бы потерялъ одно изъ многого, что состоитъ въ моей волѣ?—Что же такое? объясни мнѣ это.—Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть.—Если можешь, угрожай инымъ; а это ни мало насъ не трогаетъ.—Какъ же это и почему? спросилъ правитель.—Потому, отвѣчаетъ Василій, что не подлежитъ описанію имуществъ, кто ничего у себя не имѣетъ; развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю, потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, въ которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинутъ, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я пресельникомъ и пришельцемъ (Пс. 38, 13). А истязанія что возьмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе преподшлетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частию себя самого я уже умеръ, и къ Которому давно поспѣшаю.—Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривалъ предо мною.—Можетъ быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ Епископомъ: иначе, безъ сомнѣнія имѣя дѣло о подобномъ предметѣ, слышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, правитель, мы скромнѣе и смиреннѣе всякаго,—это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было, не поднимаемъ брови; а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзаютъ возставать: тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечъ, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ. Сверхъ этого, оскорбляй, грози, дѣлай все, что тебѣ угодно, пользуйся своею властію.

Пусть слышитъ о семъ царь, что ты не покоришь себѣ насъ, и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать ⁽¹⁾».

Когда св. Василій все кончилъ, Модестъ, понявъ, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, уже не съ угрозами, а съ нѣкоторымъ уваженіемъ началъ склонять его лѣстивыми словами. «Не почитай за маловажное, говорилъ онъ Василю, — что великій Императоръ хочетъ соединиться съ твоею паствою. Согласись называться и его учителемъ, и не противься его волѣ. Онъ хочетъ немногого, только чтобы исключено было изъ Символа слово: *Единосущный*. — Конечно, отвѣчалъ Василій, желаніе Императора вступить въ общеніе съ Церковію весьма важное дѣло: ибо важно спасеніе души; но допустить исключеніе изъ Символа хотя бы и одного слова, или прибавить что либо къ нему, или даже переимѣнить въ немъ порядокъ, никакъ не согласусь ⁽²⁾. — Послѣ сего, отпуская Василю, Модестъ совѣтовалъ ему еще подумать о предложеніи. Но Василій отвѣчалъ: я и нынѣ и завтра таковъ же ⁽³⁾.

Отпустивъ св. Василю, Модестъ, волнуемый разнообразными чувствами, и тяжелымъ чувствомъ униженной гордости, и чувствомъ удивленія къ высокимъ доблестямъ христіанскаго пастыря, предсталъ уже прибывшему тогда въ Кесарію Императору, и съ полною откровенностію высказалъ ему результатъ перваго покушенія на св. Василю. «Мы побѣждены, царь, — сказалъ незнавшій доселѣ никакихъ преградъ своей необузданной волѣ царедворецъ, — настоятелемъ сей Церкви: это мужъ, который выше угрозъ, тверже дово-

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 104—105.

⁽²⁾ Григ. Нисс. противъ Евномія кн. 1.

⁽³⁾ Сократъ. 4, 26. Феодоритъ 5, 29.

довъ, сильнѣе убѣжденій. Надобно подвергнуть искушенію другихъ, не столько мужественныхъ, а его или открытою силою должно принудить, или и не ждать, чтобы уступилъ онъ угрозамъ ⁽¹⁾.» Такія слова высшаго сановника, выражавшія похвалу святому Василию, какъ христіанскому пастырю (и врагъ дивится доблестямъ противника) обезоружили Валента, и онъ сожалѣлъ даже, что вступилъ съ нимъ въ борьбу. Но, какъ желѣзо, хотя и умягчается въ огнѣ, но все остается желѣзомъ и возвращаетъ свою крѣпость и грубость, когда выйдетъ изъ огня; такъ и Валентъ, хотя и пораженъ былъ сначала, превосходными доблестями св. Василия, не хотѣлъ однакоже вступить съ нимъ въ общеніе, руководясь ложнымъ стыдомъ показаться побѣжденнымъ. Царедворцы гордые и самонадѣянные, желая успокоить смущеннаго своего повелителя, испросили у него позволенія вступить съ Василиемъ въ богословскій споръ о предметахъ вѣры, надѣясь посрамить его на этомъ поприщѣ, и, если возможно, отторгнуть отъ него его почитателей. И въ этомъ дѣлѣ они возлагали надежду на Демосѳена, главнаго царскаго повара, который тщеславною болтливостью предъ невѣжественными царедворцами о предметахъ вѣры успѣлъ себѣ снискать авторитетъ ученаго богослова. Для преній назначенъ былъ день, въ который въ присутствіи многихъ царедворцевъ и самаго Модеста, началъ дѣлать возраженія противъ православной вѣры этотъ тщеславный Демосѳенъ. Св. Василій, спокойно выслушавъ его, въ короткихъ словахъ испровергалъ всѣ его возраженія, такъ что самые царедворцы не могли не видѣть несостоятельности ихъ мнимаго мудреца. Но пораженіе, претерпѣваемое Демосѳеномъ, только сильнѣе возбуждало его уязвленное самолюбіе. Онъ горячилъ

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 106.

и, бросая слова безъ связи, сдѣлалъ наконецъ грубую ошибку противъ грамматики. Св. Василій, усмѣхнувшись, сказалъ: наконецъ есть у насъ и Демосеенъ неграмотный. Эти слова такъ озлобили его, что онъ началъ изрыгать разные ругательства и грозилъ св. Василю убить своимъ поварскимъ ножомъ. Но св. Василій спокойно отвѣчалъ ему: твое дѣло судить о кушаньяхъ, а не объ ученіи Божественномъ, для котораго у тебя совѣтъ нѣтъ ни смысла, ни вкуса ⁽¹⁾. Такъ покушеніе могущественнаго влaстителя побѣдить Кесарійскаго Архіепископа вторично было ниспровергнуто! Тяжело и жалко было видѣть, говорить св. Григорій, что повелитель многихъ народовъ, удостоенный великой славы, покорившій всѣхъ окрестъ себя державъ нечестія, ниспровергнувшій всѣ преграды, оказался побѣжденнымъ отъ единого мужа и единого города, сдѣлался посмѣшищемъ, какъ самъ примѣчалъ, не только для руководствующихъ имъ поборниковъ безбожія, но и для всѣхъ людей» ⁽²⁾.

Нравственная сила св. Архипастыря, проявившая себя такъ осязательно, пробудила въ Валентѣ желаніе поговорить съ нимъ лично, и для этого искалъ удобнаго случая. И случай къ этому представился скоро. Насталъ праздникъ Богоявленія Господня (въ 372 году). Такъ какъ въ Кесаріи не было аріанскихъ храмовъ, поэтому Императоръ, со всею своею свитою, отправился слушать литургію въ православную церковь, гдѣ свершалъ служеніе св. Василій. «Когда вступилъ онъ внутрь храма, и слухъ его, какъ громомъ, пораженъ былъ начавшимся псалмопѣніемъ (такъ какъ въ псалмопѣніи участвовалъ весь народъ); когда увидѣлъ онъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго не столько человѣческое,

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 45, стр. 103. Гр. Нис. противъ Евн. кн. 1. Θεοδορίτῃ 4, 19.

⁽²⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 100.

сколько ангельское благолѣпіе, и впереди всѣхъ въ прямомъ положеніи стоялъ Василій, какимъ въ словѣ Божіемъ описывается Самуилъ (1 Цар. 7, 10), не восклоняющійся ни гѣломъ, ни взоромъ, ни мыслию (какъ будто бы въ храмѣ не произошло ничего новаго), но пригвожденный (скажу такъ) къ Богу и престолу, а окружающіе его стояли въ какомъ-то страхѣ и благоговѣніи; когда, говорю, царь увидѣлъ все сіе, и не находилъ примѣра, къ которому бы могъ примѣнить видимое: тогда пришелъ онъ въ изнеможеніе какъ человекъ, и взоръ и душа его отъ изумленія покрываются мракомъ и приходятъ въ круженіе. Но сіе не было еще примѣтнымъ для многихъ. Когда же надобно было царю принести къ божественной трапезѣ дары, приготовленные собственными его руками, и по обычаю никто до нихъ не касался (неизвѣстно было, приметъ ли ихъ Василій); тогда обнаруживается его немощь. Онъ колеблется на ногахъ, и если бы одинъ изъ служителей алтаря, подавъ руку, не поддерживалъ колеблющагося, то онъ могъ бы упасть» ⁽¹⁾. Но въ это время царь не могъ говорить съ Святителемъ. Полагая, что смущеніе его не было замѣтно, царь рѣшился въ другой разъ придти въ церковь, чтобы показать свою готовность вступить въ общеніе съ православными христіанами, а еще болѣе для того, чтобы лично поговорить съ святымъ Василиемъ, чего давно желалъ. Въ это время св. Василій былъ въ самомъ алтарѣ, который былъ отдѣленъ отъ прочихъ частей храма занавѣсами. Сюда-то вошелъ царь съ сопровождавшими его чинами, гдѣ также находился и св. Григорій вмѣстѣ съ другими лицами. Святый Василій говоритъ царю съ такимъ одушевленіемъ, что, говоритъ св. Григорій, мы слышали тогда не человѣческіе, а Божіе глаголы. И слова св. Василия такъ по-

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 107.

дѣйствовали на Императора, что онъ рѣшился прекратить гоненія на православную Церковь, и готовъ былъ дать свободу богослуженія всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Но какъ Фараону Богъ попускалъ ожесточаться сердцемъ противъ Израилтянъ, не смотря на особыя знаменія покровительства Божія надъ ними, такъ Господь попустилъ ожесточаться сердцемъ противъ св. Василія и Валенту, чтобы проявленіемъ особаго покровительства ему заявить потомству, что злые гибнутъ не отъ недостатка попечительности Божіей о ихъ вразумленіи, но отъ ихъ собственнаго упорства во злѣ. Не прошло еще нѣсколькихъ дней, какъ Валентъ удивлялся доблестямъ православнаго Архипастыря Кесарійской Церкви и съ умиленіемъ слушалъ его облагодатствованное слово: но вотъ придворные льстецы, дышавшіе злобою противъ святаго Василія, успѣли снова пробудить царскую гордость и убѣдить его въ необходимости изгнанія св. Василія изъ города, чтобы и другіе, по примѣру его, не вздумали сопротивляться царской власти, и не возвратились бы отъ нечестія, которому уже покорены, къ истинному благочестію. Къ великому утѣшенію аріанскихъ епископовъ и всѣхъ нечестивыхъ царедворцевъ, царь принялъ ихъ злой совѣтъ и бумага объ изгнаніи и заточеніи Святителя Христова подписана. Для избѣжанія только возмущенія народнаго, привести въ исполненіе приговоръ положено ночью, предъ разсвѣтомъ другаго дня. Враги торжествовали, а православные всѣ, и особенно друзья св. Василія были въ чрезвычайномъ уныніи, такъ какъ ни откуда нельзя было ожидать помощи. Наступила ночь, повозка для отъѣзда была готова, друзья окружали св. Василія, съ трепетомъ ожидая минуты, долженствующей ихъ разлучить, можетъ быть, навсегда съ свѣтильникомъ православія не только для Кесарійской Церкви, но и для всей Восточной. Св. Василій, приказавъ взять

*

слугѣ только записную книжку, спокойно ожидалъ повелѣнія двинутся въ тернистый путь, который долженствовалъ его привести къ вѣчной славѣ на небеси. Сознывая хорошо, что дѣйствительнымъ зломъ на землѣ должно считать только грѣхъ, лишающій насъ общенія съ Богомъ,—источникомъ всякаго блаженства, онъ старался успокоить своихъ унылыхъ друзей представленіемъ того, что внѣшнія злостраданія должно считать не несчастіемъ въ жизни, но проявленіемъ особенной благодати Божіей, по которой Господь своимъ вѣрнымъ ученикамъ въ злостраданіяхъ представляетъ только случай заявить Ему свою неизмѣнную любовь и преданность. Но сѣтующіе друзья, зная его непоколебимую преданность Промыслу Божественному и его всегдашнюю готовность пожертвовать для славы Божіей и блага Церкви своею жизнію, какъ онъ уже и пожертвовалъ своимъ здоровьемъ и спокойствіемъ, были больше озабочены будущею судьбою Церкви, которой столпомъ и утвержденіемъ былъ доселѣ св. Василій. Но св. Василию, для разсѣянія тревожныхъ опасеній сѣтующихъ, достаточно было указать на то, что глава церкви есть Самъ Христосъ, животворный источникъ спасительной благодати, и что во внѣшнихъ орудіяхъ своей попечительности о Церкви Онъ никогда не можетъ имѣть недостатка. Если же Господу угодно будетъ сохранить и его для сѣтующей Церкви, то Онъ силенъ и это сдѣлать и, подобно Исааку возвращенному Аврааму уже съ жертвенника, удержать и его на мѣстѣ прежняго служенія.

Но вотъ, явился и посланный отъ царя, впрочемъ православный христіанинъ и питавшій въ душѣ къ Василию искреннее расположеніе. Сердца сѣтующихъ друзей Василія не много успокоились. Если и не отрицено опредѣленіе царя, думали они, то по крайней мѣрѣ исполнено будетъ безъ особенныхъ жестокостей. Но посланный возвѣстилъ св. Василию

то, чего никто и ожидать не могъ, что хотя и согласно было съ вѣрою Святителя. Всѣ услышали, что шестилѣтній сынъ царя, Галатъ, при наступленіи ночи внезапно заболѣлъ. Врачи, къ которымъ обращались за помощью, признали состояніе больного безнадежнымъ. Просили молитвъ аріанскихъ епископовъ, но и ихъ молитвы оказались также безсильными. Царь и царица въ отчаяніи. Но такъ какъ царица видѣла сонъ, въ которомъ ей объяснено было, что болѣзнь отрока постигла за оскорбленіе, нанесенное Кесарійскому Святителю, потому и выразила желаніе, чтобы св. Василій пришелъ къ царю и помолился объ исцѣленіи отрока. Св. Василій съ поспѣшностію пошелъ къ царю-еретику, чтобы показать ему, что истинные ученики Христа не помнятъ зла, но, по примѣру Отца небеснаго, который солнце свое сіяетъ на благія и злыя, готовы дѣлать добро всѣмъ, кто имѣетъ нужду въ ономъ. Съ первымъ появленіемъ св. Василія во дворцѣ отрокъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Это ободрило надежду царя и укрѣпило вѣру его въ молитвы православнаго Святителя. Но св. Василій обѣщалъ царю полное выздоровленіе отрока въ такомъ только случаѣ, если онъ отдастъ его крестить православному священнику и будетъ воспитывать въ православной вѣрѣ. Такъ какъ у Валента одинъ былъ сынъ, поэтому онъ безъ размышленія согласился на всѣ условія, лишь бы только сынъ былъ живъ. Чудодѣйственная молитва вознесена была къ Богу Жизнодавцу святымъ Василиемъ, и отрокъ выздоровѣлъ. Царь, исполненный радости, въ награду св. Василию далъ значительныя средства на поддержку больницы, которой основаніе уже положено было попечительнымъ о бѣдныхъ Святителемъ ⁽¹⁾. Но Валентъ не сдержалъ своего обѣщанія, отдалъ

(1) Гр. Б. Сл. 43, стр. 109. Евремъ Сир. пох. сл. Василию. Феодоритъ 4, 26.

сына крестить аріанскому епископу, и сынъ вскорѣ затѣмъ умеръ.

Въ скоромъ времени послѣ сего, говоритъ св. Григорій, «случилось тоже и съ областнымъ начальникомъ (Модестомъ), который грозилъ еще недавно св. Василию истязаніями и самою смертію. Постигшая болѣзнь и его подклоняетъ подъ руку святаго. Для благоразумныхъ наказаніе дѣйствительно бываетъ урокомъ; для нихъ злостраданіе нерѣдко лучше благоденствія. Правитель страдалъ, плакалъ, жаловался, посылалъ къ Василию, умолялъ его, взывалъ къ нему: ты удовлетворенъ; подай спасеніе!» И онъ получилъ просимое, какъ самъ сознавался и увѣрялъ многихъ, не знавшихъ о семъ, потому что не переставалъ удивляться дѣламъ Васи́лиевымъ и пересказывать о нихъ ⁽¹⁾.» Съ сего времени префектъ имѣлъ глубокое уваженіе къ св. Василию, и св. Василий пользуясь его расположеніемъ, при его содѣйствіи многимъ сдѣлалъ добро. Такъ онъ просилъ Модеста объ освобожденіи священнослужителей отъ обложенія податью, которую, по новому узаконенію, предполагалось съ нихъ взимать». Освященныхъ Богу нашему, пресвитеровъ и діаконъ, писалъ св. Василій Модесту, старая перепись не обложила податьми. Но тѣ, которые производятъ перепись нынѣ, поелику не получили предписанія отъ твоей высокой власти, и ихъ внесли въ перепись, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ, по самымъ лѣтамъ своимъ имѣющимъ право на освобожденіе. Посему просимъ оставить намъ этотъ памятникъ своего благодѣянія, чтобы на все предбудущее время сохранилась у насъ добрая о тебѣ память, и по древнему закону обложенія податьми уступить намъ священнослужителей..... Это и твоему высокопородію соблюдетъ безсмертную славу доб-

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 109.

рыхъ дѣлъ, и царскому дому приуготовить многихъ молитвенниковъ..... ⁽¹⁾. Получивъ просимое для священнослужителей, просилъ его о подобной милости и для жителей горы Товра ⁽²⁾. Просилъ также его о снисхожденіи къ одному изъ его друзей, которому, по навѣту неблагонамѣренныхъ людей, предстояла нужда предстать къ нему на судъ. Ходатайствовалъ также предъ нимъ и о многихъ другихъ лицахъ ⁽³⁾.

При первомъ объясненіи съ Модестомъ св. Василій заявилъ ему, что онъ готовъ смириться и преклонить главу предъ всякимъ, кто не возстаетъ на чтимаго имъ Бога. Это подтверждается отчасти и приведенными письмами, въ которыхъ св. Василій въ почтительныхъ выраженіяхъ высказываетъ къ нему покорность, какъ облеченному законною властію. Но когда нужно было защищать невинно угнѣтаемыхъ и преслѣдуемыхъ высокими особами: тогда онъ во всей полнотѣ проявлялъ свое величіе и неустрашимость духа, и не боялся показать высокимъ особамъ низость ихъ дѣйствій. Въ городѣ была одна знатная вдова, недавно лишившаяся мужа. Съ удивительною красотою она обладала и прекрасною душею, и потому никому уже болѣе не хотѣла принадлежать, но рѣшилась посвятить себя на служеніе Богу въ какой либо обители инокинь. Но товарищъ намѣстника Понтіійской области, уязвленный страстію къ ней, неотступно преслѣдовалъ ее, употреблялъ всѣ усилія, чтобы хотя насильственно принудить вступить ее съ нимъ въ бракъ. Но она, не находя ни въ комъ защиты отъ его преслѣдованій, прибѣгла къ покровительству святаго и мужественнаго Кесарійскаго Архіепископа. Св. Василій принялъ въ ней уча-

⁽¹⁾ В. В. письмо 100.

⁽²⁾ Его же письмо 106.

⁽³⁾ Его же письмо 107, 271, 272, 273.

стіе, далъ слово защищать ее отъ всѣхъ преслѣдователей, и въ тоже время тайно препроводилъ ее въ монастырь своей сестры Макрины. Страстный поклонникъ чужой красоты обратился за помощью къ намѣстнику. Намѣстникъ, гордясь своимъ родствомъ съ Императорскимъ домомъ, такъ какъ былъ дядею Императрицы, обѣщалъ исполнить его желаніе. И вслѣдъ за симъ послалъ къ св. Василию съ требованіемъ, чтобы онъ немедленно выдалъ извѣстную женщину. Но свя- тый Угодникъ Божій отказался исполнить желаніе угодника и раба низкихъ страстей. Гордый правитель области, при- выкнувшій встрѣчать отъ всѣхъ лстивую угодливость, отказъ св. Василия счелъ для себя величайшимъ оскорбленіемъ, и потому рѣшился отмстить Святителю. И чтобы осрамить его предъ народомъ и показать, что онъ защищаетъ молодую женщину, не какъ добрый пастырь овцу преслѣдуемую хищнымъ волкомъ, а какъ рабъ собственной страсти, при- казалъ подвѣдомственнымъ себѣ чиновникамъ обыскать спальню Архіепископа. Но этимъ месть его не кончилась. Намѣстникъ потребовалъ св. Василия къ себѣ на судъ. По- смотри, говоритъ св. Григорій, на новую борьбу подви- жника и гонителя. Одинъ приказывалъ Василию совлечь съ себя верхнее рубище. Другой говоритъ: если хочешь, сниму предъ тобою и хитонъ. Одинъ грозилъ побоями безплотному; другой преклонялъ уже выю. Одинъ грозилъ строгать ког- тями; другой отвѣчаетъ: окажешь мнѣ услугу такими терза- ніями, уврачуешь мою печень, которая, какъ видишь, много беспокоитъ меня. Такъ они препирались между собою. Но городъ, какъ скоро узналъ о несчастіи и общей для всѣхъ опасности (такое оскорбленіе почиталъ всякій опасностью для себя), весь приходитъ въ волненіе и воспаляется; какъ рой пчелъ, встревоженный дымомъ, другъ отъ друга воз- буждаются и приходятъ въ смятеніе всѣ сословія, всѣ возра-

сты, а болѣе всѣхъ оружейники и царскіе ткачи, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ, по причинѣ свободы, какою пользуются, бываютъ раздражительнѣе и дѣйствуютъ смѣлѣе. Все для каждого стало оружіемъ, случилось ли что подъ руками по ремеслу, или встрѣтилось что другое: пламенники въ рукахъ, у кого занесенные камни, у кого поднятыя палки; у всѣхъ одно направленіе, одинъ голосъ и общая ревность. Гнѣвъ—страшный воинъ и военачальникъ. При такомъ воспламененіи умовъ и женщины не остались безоружными (у нихъ ткацкія берда служили вмѣсто копій), и одушевляемая ревностію перестали уже быть женщинами, напротивъ того сомонадѣянность превратила ихъ въ мужчинъ. Коротко сказать: думали, что, расторгнувъ на части правителя, раздѣлять между собою благочестіе. И тотъ у нихъ былъ благочестивѣе, кто первый бы наложилъ руки на умысливаго такую дерзость противъ Василя. Что же строгій и дерзкій судія?—Сталъ жалкимъ, бѣднымъ, самымъ смиреннымъ просителемъ: но явился сей безъ крови мученикъ, безъ ранъ вѣнценосецъ, и удержавъ силою народъ, обуздываемый уваженіемъ, спасъ своего просителя и оскорбителя». (¹).

«Съ сего времени, говорить св. Григорій, брань отъ міра прекратилась и возымѣла отъ Бога правый конецъ, достойный Василювой вѣры (²). Но скорби св. Василя не прекратились; и такъ какъ св. Василій съ св. Григоріемъ такъ тѣсно были связаны между собою взаимною любовію, какъ душа съ тѣломъ: то скорбь, вновь испытанная св. Василемъ, не менѣе болѣзненно отразилась и на св. Григоріи. Поводомъ къ этой скорби послужило повелѣніе о раздѣленіи Кесарійской области, въ гражданскомъ управленіи, на двѣ части. Кеса-

(¹) Гр. Б. Сл. 43, стр. 111, 112.

(²) Тамъ же.

рія осталась главнымъ городомъ одной половины Кесарійской области; а главнымъ городомъ второй половины назначень былъ городъ Тіана. Это новое распоряженіе было большимъ бѣдствіемъ и для самого города Кесаріи. Высшія правительственныя учрежденія и учебныя заведенія были переведены въ другой уже городъ; съ этимъ вмѣстѣ городъ по необходимости долженъ былъ постепенно погружаться во мракъ невѣжества, безпорядки въ городѣ увеличивались, городъ бѣднѣлъ, освѣщеніе улицъ въ ночное время прекратилось, вслѣдствіе чего не только благосостояніе жителей, но и самая жизнь ихъ подвергались опасности отъ людей злонравныхъ, пользующихся отсутствіемъ свѣта и бдительнаго надзора властей. Жители пришли въ уныніе, и не находя въ себѣ силъ отворотить постигшее ихъ бѣдствіе, прибѣгли за помощію къ своему попечительному Архіепископу. Онъ, дѣйствительно, принялъ живое участіе въ ихъ скорби, и писалъ къ своимъ вліятельнымъ друзьямъ ⁽¹⁾, но его ходатайство не имѣло большаго успѣха. Измѣненіе перваго распоряженія послѣдовало только въ томъ, что вмѣсто города Поданда, находившагося въ невыгодной для здоровья мѣстности, главнымъ городомъ второй половины Каппадокійской области назначень былъ городъ Тіана.

Но это новое распоряженіе принесло св. Василю еще болѣе скорби и неудобствъ въ церковномъ отношеніи. Властолюбивый епископъ города Тіаны, Анѳимъ, пользуясь раздѣленіемъ Кесарійской области въ гражданскомъ отношеніи, вознамѣрился отдѣлится отъ святаго Василя и образовать отдѣльную архіепископію. Съ этою цѣлію сталъ привлекать на свою сторону провинціальныхъ епископовъ, чего не трудно было ему достигнуть. Многіе епископы питали чувство

⁽¹⁾ В. В. письмо 70, 71, 72,

нерасположенія къ святому Василю, отчасти потому, что онъ избранъ былъ вопреки желанію многихъ изъ нихъ, отчасти по недостатку сочувствія къ его строго-православному духу, а отчасти изъ зависти къ его личнымъ высокимъ достоинствамъ, которыми онъ столько превосходилъ ихъ, что они казались стоявшими какъ бы въ тѣни. Вслѣдствіе сего произошло въ Церкви разстройство и безпорядки, и миръ Церкви былъ нарушенъ. Св. Василиій, ограждая права и интересы своей архіепископіи, продолжалъ употреблять усилія къ сохраненію своей Церкви въ цѣлости. Но властолюбіе Анеѣма простерлось до того, что онъ насильно сталъ отторгать отъ Кесарійской Церкви разныя доходныя статьи; тѣхъ хорепископовъ, которые оставались вѣрными святому Василю, низвергалъ и замѣнялъ ихъ другими лицами, преданными ему; нѣкоторыя изъ церквей отнималъ вооруженною силою. Находя такое положеніе дѣлъ вреднымъ для блага Церкви, св. Василиій рѣшился отказаться отъ другой половины Каппадокійской области и обратить все вниманіе на оставшіяся въ его распоряженіи церкви. Чтобы возвысить внутреннее благосостояніе паствы, а вмѣстѣ, сколько возможно, охранить достоинство своей архіепископіи, онъ нашелъ нужнымъ въ большей части городовъ, оставшихся въ Кесарійской собственно области, поставить новыхъ епископовъ, такъ что и теперь имѣлъ у себя до пятидесяти подчиненныхъ ему хорепископовъ.

На границѣ Кесарійской архіепископіи и вновь образовавшейся архіепископіи Тіаны находился незначительный городокъ Сасимы. Св. Василиій признавалъ своего друга св. Григорія способнымъ и достойнымъ быть правителемъ даже вселенской Церкви. Но такъ какъ это не возможно, то св. Василиій сначала хотѣлъ сдѣлать его епископомъ незначительнаго городка Сасимы, чтобы онъ не самъ заимствовалъ

уваженіе отъ занимаемаго имъ мѣста, но доставлялъ своимъ личнымъ достоинствомъ уваженіе незначительному мѣсту. Ибо въ подлинномъ смыслѣ великъ тотъ, кто не только достаточенъ для великихъ дѣлъ, но силою своею и малое дѣлаетъ великимъ ⁽¹⁾. Св. Григорій, предпочитая долю смиреннаго инока, сначала не рѣшался принять на себя высокое званіе епископа; но потомъ, для выраженія покорности волѣ своего Архіепископа и желанію своего престарѣлаго родителя, подклонился подъ ихъ святительскія руки. Но ему впрочемъ не случилось даже и однажды быть въ Сасимахъ, такъ какъ Анеимъ противопоставилъ его вступленію въ городъ вооруженную силу; и потому онъ, и при жизни отца и по смерти его, управлялъ Назіанскою церковію, пока не призванъ былъ Промысломъ Божественнымъ къ высшему служенію Константинопольской Церкви. Какъ душа святаго Василія жаждала мира церковнаго и какою глубиною смиренія обладалъ онъ, это показываетъ его письмо къ совѣтодательному собранію въ Тіанѣ, которому предоставлялъ рѣшить споръ между имъ и Анеимомъ относительно распредѣленія границъ двухъ архіепископій—Кесарійской и Тіанской. «Открывающій глубины и *объявляющій сокровища сердца* (1 К. 45) Господь далъ и смиреннымъ разумѣніе ухищреній, какъ думаютъ иные, неудоборазумѣваемыхъ. Поэтому ничто для меня не тайно, и не сокрыто все, что ни сдѣлано. Но впрочемъ, я не вижу и не слышу ничего другаго, кромѣ одного—мира Божія, и того, что ведетъ къ нему. Хотя другіе и сильны, и велики, и сами въ себѣ увѣрены, но я ничего не значу, ничего не стою, почему никогда не возьму на себя столько, чтобы почестъ себя имѣющимъ довольно силъ одному и самому собой преодолѣть

⁽¹⁾ В. В. письмо 94.

трудность дѣлъ, но твердо знаю, что гораздо болѣе имѣю нужды во вспомооществованіи каждаго изъ братіи, нежели сколько одна рука нуждается въ пособіи другой; потому что и самымъ устройствомъ тѣла нашего Господь научилъ насъ необходимости общенія. Ибо когда разсматриваю эти самыя члены свои, и вижу, что ни одинъ не достаточенъ самъ по себѣ для дѣйствованія: тогда могу ли подумать, что я самъ по себѣ достаточенъ для отправленія дѣлъ житейскихъ? Нога не ходила бы твердо, если бы вмѣстѣ съ нею не подпирала бы тѣло другая; глазъ не видѣлъ бы правильно, если бы не имѣлъ себѣ сообщникомъ другаго и не согласно съ нимъ устремлялся на видимые предметы. Вѣрнѣ слухъ, который принимаетъ звуки обоими путями; крѣпче схватываешь вещь при взаимномъ общеніи перстовъ. И однимъ словомъ— не вижу, чтобы какое естественное и свободное дѣйствіе совершалось безъ единодушія тѣхъ, которые принадлежатъ къ тому же роду; потому что и самая молитва, когда нѣтъ согласія въ молящихся, бываетъ гораздо безсиленнѣе самой себя, и Господь обѣщалъ быть посреди двоиныхъ или троиныхъ, призывающихъ Его въ единодушіи (Матѣ. 18, 20). Но и самое домостроительство принялъ на себя Господь, чтобы *умиротворить кровію креста Своею, аще ли земная, аще ли небесная* (Колос. 1, 20). А по всему этому желаю въ мирѣ пребывать остальные дни свои; прошу, чтобы съ миромъ было успеніе мое. Поэтому рѣшился я для мира не избѣгать, какого бы то ни было, труда, не отказываться говорить и дѣлать что либо унижительное, не брать въ расчетъ дальность пути, не бояться какихъ либо другихъ безпокойствъ, только бы сподобиться наградъ, обѣщанныхъ миротворцамъ. Если кто слѣдуетъ моему въ этомъ руководству, то сіе всего лучше и составляетъ конецъ моихъ желаній. А если кто повлечетъ

въ противоположную сторону, то и въ этомъ случаѣ не отступлю отъ своего рѣшенія. Но въ день воздаянія всякой самъ узнаетъ плоды своего дѣланія» ⁽¹⁾.

Попеченіе о бѣдныхъ, призрѣніе безпомощныхъ больныхъ было предметомъ заботливости св. Василія еще до его пресвитерства. Но когда онъ возведенъ былъ на степень Архіепископа: то, устроивъ повозможности мирныя отношенія къ виѣшнимъ властямъ и къ епископамъ, устремилъ преимущественное вниманіе на устройство прочнаго и покойнаго пріюта для больныхъ и безпріютныхъ бѣдняковъ, а также страннопріимный домъ для странниковъ. Къ устройству такого пріюта особенно располагали его пораженные проказою, отъ общенія съ которыми отказывались не только чужіе, но и самые близкіе родные. Это обширное зданіе устроено было въ предмѣстіи города Кесаріи. Здѣсь была устроена великолѣпная церковь, помѣщеніе для Архіепископа, для временнаго пребыванія высшихъ гражданскихъ начальниковъ, посѣщавшихъ Кесарію. Въ больницѣ устроены были особыя отдѣленія для разныхъ больныхъ, для врачей, для принявшихъ на себя попеченіе о больныхъ. Въ богадѣльнѣ также устроены были разныя и удобныя помѣщенія для множества безпріютныхъ нищихъ и увѣчныхъ. Такъ какъ для всѣхъ живущихъ въ этихъ богоугодныхъ заведеніяхъ требовалась одежда, разнообразная пища и многое другое, потребное для столь обширнаго хозяйства: поэтому, для удовлетворенія всѣмъ этимъ нуждамъ, устроены были свои разныя мастерскія и ремесленныя заведенія. Всѣ въ совокупности эти постройки были такъ обширны, что представлялись другимъ обширнымъ и великолѣпно украшеннымъ городомъ. И эти благодѣтельныя учрежденія

⁽¹⁾ В. В. письмо 93.

св. Васи́лія не тѣлесное только успокоеніе приносили нуждавшимся въ оныхъ и не находившимъ успокоенія въ этихъ зданіяхъ, но и душевную пользу. Больнымъ внушаемо было терпѣніе страданій тѣлесныхъ ради Господа, безъ воли котораго ничего не происходитъ въ нашей жизни; въ наслаждавшихся тѣлеснымъ упокоеніемъ старались пробудить чувство благодарности къ Богу за Его милосердое попеченіе о нихъ. Тѣмъ, которые заботились заслужить себѣ блаженство на небѣ дѣлами милосердія, представлялся удобный случай достигнуть этой цѣли или посильными приношеніями въ пользу больныхъ и увѣчныхъ изъ своего достоянія, или самымъ служеніемъ имъ. «Отойди нѣсколько отъ города, посмотри на новый городъ, говоритъ св. Григорій, указывая на страннопріимный домъ, построенный св. Васи́ліемъ близъ Кесаріи,—на сіе хранилище благочестія, на сію общую сокровищевлагательницу избыточествующихъ, въ которую, по увѣщаніямъ Васи́лія, вносятся не только избытки богатаго, но даже и послѣднія достоянія, и здѣсь ни моли до себя не допускаютъ, ни татей не радуютъ, но спасаются и отъ нападеній зависти, и отъ разрушительнаго времени. Здѣсь учится любомудрію болѣзнь, ублажается несчастіе, испытывается сострадательность». Упомянувъ далѣе о разныхъ знаменитыхъ древнихъ постройкахъ царей, удивляющихъ собою любопытныхъ, продолжаетъ: «для меня гораздо удивительнѣе сей краткій путь ко спасенію, сіе самое удобное восхожденіе къ небу. Теперь нѣтъ уже предъ нашими взорами тяжкаго и жалкаго зрѣлища; не лежатъ предъ нами люди еще до смерти умершіе и омертвѣвшіе большею частію своихъ тѣлесныхъ членовъ, гонимые изъ городовъ, изъ домовъ, съ торжищъ, отъ водъ, отъ людей наиболѣе имъ любезныхъ, узнаваемыхъ только по именамъ, а не по тѣлеснымъ чертамъ. Ихъ не кладутъ

товарищи и домашніе при мѣстахъ народныхъ собраній и сходбищъ, чтобъ возбуждали своею болѣзнію не столько жалость, сколько отвращеніе, слагая жалобныя пѣсни, если у кого остается еще голосъ..... Василій преимущественно предъ всѣми убѣждалъ, чтобы мы, какъ люди, не презирали людей, безчеловѣчіемъ къ страждущимъ не безчестили Христа—единую всѣхъ Главу; но чрезъ бѣдствія другихъ благоустроили собственное свое спасеніе, и имѣя нужду въ милосердіи, свое милосердіе давали въ заимъ Богу. Посему этотъ благородный, рожденный отъ благородныхъ и сіяющій славою, мужъ не гнушался и лобзаніемъ устъ чтить болѣзнь, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ..... чтобы научить своимъ любомудріемъ—не оставлять безъ услугъ страждущія тѣла. Это было и многовѣщее, и безмолвное увѣщаніе» ⁽¹⁾. Но такъ какъ, не смотря на чрезвычайную обширность этого зданія, не могли въ немъ вмѣщаться всѣ больные и увѣчные всей области: поэтому, по предложенію св. Василія, учреждены были богадѣльни хорепископами въ разныхъ мѣстахъ его архіепископіи ⁽²⁾. Заведеніе, учрежденное св. Василіемъ, долго и по смерти его процвѣтало, и въ память своего основателя названо было *Василиадою* ⁽³⁾.

Когда предпринято было св. Василіемъ устройство этого благотѣтельнаго заведенія, тогда богатые люди охотно помогали ему въ этомъ богатыми пожертвованіями отъ себя. Но когда ощутилась необходимость въ постоянномъ продолженіи этихъ пожертвованій и на будущее время, чтобы возведенныя обширныя зданія не оставались безплодными

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 119—121. В. В. письмо 90 и 143.

⁽²⁾ В. В. письмо 137, 138.

⁽³⁾ Созоменъ. 6, 34.

для тѣхъ, для которыхъ они предназначались; тогда капиталисты и вообще люди обладавшіе богатыми средствами къ жизни, заботясь болѣе объ удовлетвореніи своихъ прихотей и дурныхъ привычекъ, или, по ложному пониманію о значеніи для земной жизни богатства, прилагая излишнюю заботу объ увеличеніи своихъ капиталовъ, отказывались отъ дальнѣйшихъ пожертвованій, по крайней мѣрѣ, въ такомъ количествѣ, какое потребно было для удовлетворенія всѣхъ нуждъ собранныхъ страдальцевъ. Поэтому, для возбужденія въ нихъ чувства милосердія къ нищей братіи, потребовалось живое и сильное слово. Святый Василій, понимая силу и убѣдительность краснорѣчія своего друга, св. Григорія, пригласилъ его къ себѣ съ цѣлію, при его содѣйствіи, расположить богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. И св. Григорій, дѣйствительно, не замедлилъ прибыть къ нему, и въ церкви, находившейся при богадѣльнѣ произнесъ слово: *о любви къ бѣднымъ*. Въ этомъ словѣ, чтобы расположить слушателей къ снисканію одного изъ главныхъ совершенствъ христіанина—нищелюбія, онъ не упустилъ изъ вниманія ничего, что могутъ сказать въ похвалу благотворительности разумъ, совѣсть и слово Божіе.

Боговдохновенный Псалмопѣвецъ говоритъ: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Псал. 33, 15). Руководясь этимъ порядкомъ въ устройствѣ благоугодной Богу жизни, св. Василій, чтобы расположить свою паству къ спасительной для души благотворительности больнымъ и увѣчнымъ, призрѣннымъ въ его богадѣльнѣ, нашелъ нужнымъ прежде отворатить ее отъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, которыя, принося только пагубу душѣ, требуютъ однако же для удовлетворенія своего большихъ издержекъ. Потомъ уже обратилъ вниманіе на страсть обогащенія, которая дѣлая увлеченныхъ ею безсмысленными рабами своей страсти съ

забвеніемъ о высококомъ назначеніи своей души, доводитъ и ихъ сердце до совершенной безчувственности и презрительной невнимательности къ тяжкимъ страданіямъ несчастныхъ своихъ братій о Христѣ.

По шрошествіи великаго поста, на Святой недѣлѣ, когда особенно слѣдовало бы выказать духовную радость о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа и привести плоды, долженствовавшіе показать, что не бесполезно для душъ прошла Святая Четыредесятница, многіе, какъ бы вырвавшись изъ оковъ, съ неистовымъ стремленіемъ предавались пьянству и неизбѣжно всегда связанному съ нимъ распутству. Въ праздникъ Свѣтлой недѣли такимъ образомъ храмы Божіи посѣщались только истинно благочестивыми христіанами, и потому св. Василій молчалъ, чтобы не оскорблять ихъ слуха, безъ пользы для виновныхъ, представленіемъ безобразной картины ослѣпленія ума неводержныхъ и развращенія ихъ воли. Но когда кончились празднества, онъ нашелъ нужнымъ представить на судъ всѣхъ безобразіе пировавшихъ.

Въ началѣ своей бесѣды: *на упивающихся*, св. Василій говоритъ: «вчерашня зрѣлища побуждаютъ меня къ слову; но опять и удерживаетъ мое стремленіе, притупляетъ мое усердіе бесполезность прежнихъ трудовъ. И земледѣлецъ, когда не возшли у него первыя сѣмена, не съ такимъ радѣніемъ начинаетъ сѣять на тѣхъ же пашняхъ въ другой разъ. Если послѣ столькихъ увѣщаній, которыя неопустительно дѣлалъ я, вразумляя васъ въ предшествовавшее время, и которыхъ не прекращалъ въ теченіе этихъ семи недѣль поста, возвѣщая вамъ евангеліе благодати Божіей,—не было пользы; то съ какими надеждами буду говорить нынѣ?».

«О, сколько ночей напрасно проводили вы въ бдѣніи! Сколько дней напрасно собирались вы сюда! И, о если бы еще

напрасно! Ибо кто, преуспѣвъ въ добрыхъ дѣлахъ, снова возвратился потомъ къ прежнему обычаю, тотъ не только потерялъ награду понесенныхъ трудовъ, но даже достоинъ тягчайшаго осужденія; потому что, вкусивъ добраго Божія глагола и удостоившись вѣдѣнія тайнъ, все это утратилъ, уловленный кратковременнымъ удовольствіемъ. Ибо сказано: *малый достоинъ милости: сильніи же сильніи истязани будутъ* (Прем. 6, 6). Одинъ вечеръ, одно прираженіе врага разрушили и въ ничто обратили весь этотъ трудъ».

«Поэтому, какому быть теперь усердію къ дѣлу? И я бы умолялъ (знайте это), если бы не устрашалъ меня примѣръ Іереміи, который, когда не хотѣлъ говорить непокорному народу, испыталъ на себѣ имъ самимъ описанное, а именно, что былъ у него огонь во внутренности, и разслабѣлъ онъ отсюда, и не могъ носить (Іер. 20, 9)».

«Невоздержныя жены, забывъ страхъ Божій, презрѣвъ вѣчный огонь, въ томъ самый день, когда, ради воспоминаемаго воскресенія, надлежало имъ сидѣть въ домахъ и имѣть въ мысли онъ день, въ который отверзутся небеса, явится же намъ съ небесъ Судія, и трубы Божіи, и воскресеніе мертвыхъ, и праведный судъ, и воздаяніе каждому по дѣламъ его,—вмѣсто того, чтобы о семъ вести бесѣду, очищать сердца свои отъ лукавыхъ помышленій, стирать слезами прежніе грѣхи, и уготовляться къ срѣтенію Христа въ великій день Его явленія,—сринувъ съ себя иго служенія Христова, сбросивъ съ себя покровы благоприличія, презрѣвъ Бога, презрѣвъ Ангеловъ Его, безстыдно выставя себя на показъ всякому мужескому взору, распустивъ волосы, влача за собою одежды, и виѣстѣ играя ногами, съ наглымъ взоромъ, съ разливающимся смѣхомъ, неистово предаваясь пляскѣ, привлекая къ себѣ всю похотливость молодыхъ людей, составилъ лики за городомъ при гробахъ

*

мучениковъ, освященныя мѣста сіе содѣлали мѣстомъ собст-
веннаго своего позора, осквернили воздухъ любодѣйными
пѣснями, осквернили землю, нечистыми ногами попирая
ее во время пляски; себя самихъ выставивъ, какъ зрѣлище,
толпѣ юношей, ставъ подлинно безстыдными, совершенно
изступленными, не оставивъ же и возможности превзойти
ихъ въ неистовствѣ».

«Какъ умолчу объ этомъ? Какъ и оплачу, сколько дол-
жно? Вино было у насъ причиною гибели сихъ душъ,—вино,
по дару Божію данное цѣломудреннымъ къ облегченію въ
немощи, но содѣлавшееся нынѣ для невоздержныхъ оружі-
емъ невоздержанія. Пьянство,—этотъ добровольно накликае-
мый бѣсъ,—чрезъ сластолюбіе вторгающійся въ душу, пьян-
ство—матерь порока, противленіе добродѣтели, дѣлаетъ
мужественнаго робкимъ, цѣломудреннаго похотливымъ, не
знаетъ правды, отнимаетъ благоразуміе. Какъ вода враждеб-
на огню, такъ неумѣренность въ винѣ угашаетъ разсудокъ.
Поэтому медлилъ я нѣсколько говорить противъ пьянства, не
потому, что это зло мало и можетъ быть оставлено безъ
вниманія, но потому, что никакой пользы не принесло бы
слово. Если пьяный не владѣетъ умомъ и омраченъ: то дѣ-
лающій ему выговоръ напрасно тратитъ слова для неслу-
шающаго. Поэтому кому же сталъ бы я говорить, если имѣ-
ющій нужду въ увѣщаніи не слышитъ того, что говорятъ, а
цѣломудренный и трезвый чистъ отъ этой страсти, и ему
не нужна помощь слова?

Засимъ св. Василій представляетъ ужасную картину
опьянѣвшаго человѣка. Онъ дѣлается безмысленнымъ, какъ
животное, въ словахъ нѣтъ связи, дерзокъ и неистовъ въ
гнѣвѣ, какъ звѣрь, въ стремленіи къ удовлетворенію гнус-
ныхъ плотскихъ страстей бываетъ неудержимъ всякаго
животнаго, голова на плечахъ не держится, руками раз-

махиваетъ, какъ кукла, ноги отказываются служить, и онъ полумертвый валяется въ грязи, едва показывая признаки жизни, и въ такомъ состояніи уже не уподобляется *скотомъ несмысленнымъ*, а становится уже ниже и ихъ. Въ концѣ этой печальной картины, св. Василій говоритъ: «упивающіеся достойны плача, потому что піяницы царствія Божія не наслѣдуютъ (1 Кор. 6, 10)».

Люди образованные и гордящіеся своимъ высокимъ званіемъ и состояніемъ, можетъ быть, скажутъ: это пороки грубой и невѣжественной толпы народной, и все сказанное къ намъ-де не относится. Но посмотримъ, на сколько выше вы стоите грубой и невѣжественной толпы, когда предаетесь влеченію тѣхъ же страстей. Св. Василій не обѣдился описать и ваши наслажденія въ томъ же родѣ. «Едва начинается день, говоритъ онъ, украшаютъ мѣста своихъ пиршествъ испещренными коврами и цвѣтными завѣсами, выказываютъ рачительность и тщательность въ приготовленіи сосудовъ для питья, разставляютъ сосуды прохлаждающіе, чаши и фіалы, какъ бы на показъ и для зрѣлища; какъ будто разнообразіе сосудовъ можетъ утаить отъ нихъ пресыщеніе, а обмѣнъ и передача чашъ—доставить достаточное промедленіе во время питья. Бываютъ же при этомъ какіе-то князья вечеринокъ, главные виночерпій и учредители пира, въ безпорядкѣ придуманъ порядокъ, и въ неблагочинномъ дѣлѣ—устройство, чтобы, какъ мірскимъ властямъ придаютъ важность оруженосцы, такъ и пьянство, подобно царицѣ, окружалось слугами, и избыткомъ усердія закрывался позоръ его. Сверхъ того вѣнки и цвѣты, благовонныя масти и куренія и тысячи придуманныхъ постороннихъ увеселеній доставляютъ большее развлеченіе гибнущимъ. Потомъ съ продолженіемъ пиршества начинаются вызовы, кто больше выпьетъ, состязанія и подвиги между помогающими чести

превзойти другъ друга въ пьянствѣ. И законодателемъ этихъ подвиговъ у нихъ діаволь, а наградою за побѣду грѣхъ. Ибо кто больше вливаетъ въ себя цѣльнаго вина, тотъ получаетъ отъ другихъ побѣдные вѣнки. Подлинно *слава въ студи ихъ* (Филип. 3, 19). Состязуются другъ съ другомъ, и сами себѣ отмщають. Какое слово можетъ слѣдить за гнусностію происходящаго? Все исполнено неразумія, все полно смятенія! Побѣжденные упиваются, упиваются и побѣдители, а прислужники смѣются; руки отказались служить, уста не принимаютъ, чрево расторгается, но зло не престаётъ. Бѣдное тѣло, лишившись естественной силы, разслабѣло, не выдерживая насилія неумѣренности».

Жалкое зрѣлище для очей христіанскихъ! Того, кто цвѣтетъ возрастомъ, полонъ тѣлесныхъ силъ, отличенъ въ воинскихъ спискахъ, того лежащаго переносить домой; онъ не можетъ стоять прямо и идти на своихъ ногахъ. Кто долженъ быть страшенъ врагамъ, тотъ дѣлается поводомъ къ смѣху дѣтямъ на торжищѣ. Онъ низложенъ безъ меча, убитъ безъ враговъ. Человѣкъ вооруженный, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, сталъ добычею вина, готовъ потерпѣть отъ враговъ, что имъ угодно. Пьянство—утрата разсудка, истощеніе силъ, безвременная старость, кратковременная смерть. Упившіеся—что иное, какъ не языческіе идолы? *Очи имутъ и не видятъ: уши имутъ и не слышатъ* (Пс. 113, 13, 14); руки разслабѣли; ноги обмерли. Кто зло умыслилъ это? Кто виновникъ сихъ золъ? Кто растворилъ намъ этотъ ядъ неистовства? Человѣкъ! изъ ширшества сдѣлалъ ты битву. Выкидываешь юношей, выводимыхъ подъ руки, какъ бы раненыхъ съ поля сраженія, цвѣтъ юности умертвивъ виномъ. Зовешь къ себѣ какъ другъ на ужинъ, а выкидываешь отъ себя замертво, угасивъ въ немъ жизнь виномъ».

Когда, по мнѣнію другихъ, пресыщены виномъ, тогда

начинають пить, и пьють подобно скотамъ, какъ бы изъ явившагося вдругъ источника, въ которомъ открылось столько же ключей, сколько возлежащихъ. Ибо въ продолженіе пиршества входитъ къ нимъ юноша, мужественный по сложенію плечъ, еще непьяный, неся огромный фіалъ прохладеннаго вина. Оттолкнувъ ихъ виночерпія, становится онъ на средину, и чрезъ изогнутыя трубки поровну дѣлитъ пирующимъ опьянѣніе. Вотъ новая мѣра неумѣренности, чтобы равномѣрно другъ съ другомъ предаваясь неводержности, никому не превзойти другаго въ питьѣ. Ибо, раздѣливъ между собою трубки, и каждый взявъ обращенную къ нему, подобно быкамъ, какъ бы изъ какого водоема, не переводя дыханія, пьють, поспѣвая столько втянуть въ гортань, сколько прохлаждающій сосудъ даетъ имъ сверху чрезъ серебряные винопроводы. Склонивъ взоръ на бѣдное свое чрево, вымѣривъ величину выпиваемаго сосуда. Смотри не на сосудъ, скоро ли его опорожнишь, но на собственное свое чрево, потому что оно уже наполнено».

Поэтому *юре востающимъ завтра и сикеръ юнящимъ, ждущимъ вечера* и день проводящимъ въ упоеніи; потому что нѣтъ уже у нихъ времени на дѣла Господни взирать, и о дѣлахъ рукъ Его помышлять. *Вино бо сожжетъ я.* Жаръ, производимый виномъ, сообщаясь плоти, дѣлается поджегою для разженныхъ стрѣлъ врага. Вино потопляетъ разсудокъ и умъ, и возбуждаетъ подобно рою пчелъ страсти и сластолюбіе. Какая колесница, влекомая молодыми конями, такъ безчинно несется, сринувъ съ себя возницу? Всякій корабль, не управляемый кормчимъ и несомый по волнамъ, куда случится, не безопаснѣ ли упивающагося? Послѣ подобныхъ бѣдъ, мужчины и женщины, составивъ вмѣстѣ общіе лики, и предавъ души винолюбивому демону, язвятъ другъ друга жалами страстей. Съ обѣихъ сторонъ смѣхи, срамныя пѣсни,

любодѣйныя положенія тѣла возбуждающія къ похотливости».

Итакъ, показавъ пропасть, въ которую сами себя низвергаютъ невоздержные, св. Василій указываетъ и средство къ возвращенію на путь спасенія. Да уврачуесть, говоритъ онъ, постъ пьянство; псаломъ—срамныя пѣсни; слезы да будутъ врачествомъ смѣха. Вмѣсто пляски преклони колѣна; вмѣсто рукоплесканій ударяй въ грудь; а нарядность въ одеждѣ да замѣнитъ смиреніе. И паче всего милостыни да искупятъ тебя отъ грѣха. Ибо *избавленіе мужа, свое ему богатство* (Притч. 13, 8): прійми многихъ несчастныхъ въ общеніе молитвы, да будетъ тебѣ отпущено измышленіе порока» ⁽¹⁾.

Разбирая притчу о лукавомъ домовладыкѣ, который, вмѣсто того, чтобы избытокъ своихъ благъ раздать бѣднымъ, у которыхъ нѣтъ ничего ни въ житницахъ, ни самыхъ житницъ, произнесъ приговоръ подъ своими житницами: *разорю житницы моя* (Лук. 18, 12), за которымъ послѣдовалъ небесный приговоръ о разлученіи его души отъ тѣла, св. Василій спрашиваетъ: «для чегожъ *улюбзися нива* у человѣка, который не хотѣлъ сдѣлать ничего добраго изъ сего урожая? — Чтобы тѣмъ въ большей мѣрѣ открылось Божіе долготерпѣніе, когда даже до такой степени простерлась благодѣтельность Божія; потому что Богъ *дождитъ на праведныя и на неправедныя, и солнце свое сіяетъ на злыя и блжнныя* (Матѣ. 5, 45). Но таковая благодѣтельность Божія навлекаетъ большее наказаніе на лукавующихъ. Богъ послалъ дожди на землю, воздѣланную руками любостыжательными; Богъ далъ солнце, чтобы согрѣть сѣмена и умножить плоды посредствомъ урожая Что же присовокупилъ человѣкъ отъ себя? Злой нравъ, чело-
вѣко-

⁽¹⁾ В. В. Томъ 4, бесѣда 14.

ненавидѣніе, скупость. Симъ воздалъ онъ Благодарѣтелю. Не помнилъ онъ общей природы, не думалъ, что избытки должно раздѣлять неимущимъ, не обратилъ вниманія на заповѣдь: *раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой* (Иса. 58,7). Не услышаны имъ всѣ пророки, всѣ вопіющіе учителя; ломались у него житницы, затѣсенныя множествомъ положеннаго въ нихъ, а скупое сердце было не полно. Непрестанно прикладывая къ старому новое и ежегодными прибавленіями увеличивая обиліе, впалъ онъ въ это неразрѣшимое затрудненіе, по любостыжательности не соглашаясь высыпать старое, и по множеству не находя мѣста, гдѣ положить новое. *Что сотворю?...* Онъ сѣтуетъ подобно бѣднякамъ, и не то же ли самое слышимъ отъ него, что и отъ человѣка, стѣсненнаго нищетою? *Что сотворю?* Откуда возьму пропитаніе? Откуда возьму одежду? То же говоритъ и богатый, мучится въ сердцѣ, снѣдаемый заботою. Что веселитъ другихъ, отъ того сохнетъ любостыжательный: не радуется его, что все у него въ домѣ наполнено; но текущее къ нему и льющееся чрезъ края хранилищъ богатство уязвляетъ душу его опасеніемъ, чтобы не перепало чего нибудь постороннимъ, и чтобы это не обратилось въ источникъ какого либо добра для нуждающихся. И мнѣ кажется, что болѣзнь души его подобна болѣзни людей прожорливыхъ, которые скорѣе согласятся надорвать себя многояденіемъ, нежели подѣлиться остатками съ нуждающимися».

Показавъ далѣе любостыжательному, что Господь надѣлилъ его множествомъ благъ земныхъ не для наполненія только его чрева, но избралъ его быть только раздаятелемъ Божіихъ даровъ неимущимъ, говоритъ: «вмѣсто того, чтобы разорять старыя житницы и созидать новыя для наполненія ихъ новыми дарами благодати Божіей, слѣдовало бы сказать: наполню души алчущихъ, отворю свои житницы, созову

всѣхъ нуждающихся. Буду подражать Іосифу, проповѣдуя челоѣколюбіе; произнесу великодушное слово: всѣ, у кого нѣтъ хлѣба, приходите ко мнѣ; какъ изъ общихъ источниковъ пріобщись дарованной Богомъ благодати каждый, сколько кому нужно..... Подражай землѣ, челоѣкъ: приноси плоды, какъ она, чтобъ не оказаться тебѣ хуже неодушевленной твари. Она возрастила плоды не для своего наслажденія, но на служеніе тебѣ. А ты, если и явишь плодъ благодѣянія, то соберешь его самъ для себя; потому что благодѣтельность добрыхъ дѣлъ возвращается къ дающимъ. Подаль ты алчущему? И поданное тобою дѣлается твоею собственностію, возвратившись къ тебѣ съ приращеніемъ. Какъ хлѣбное зерно, упавъ въ землю, обращается въ прибыль бросившаго: такъ хлѣбъ, поверженный алчущему, въ послѣдствіи приноситъ стократную пользу. Поэтому цѣль земледѣлія да будетъ для тебя началомъ небеснаго сѣянія; ибо сказано: *спѣйте себѣ въ правду* (Ос. 10, 12)».

«Для чего же ты беспокоишься? Для чего мучишь себя, усиливаясь заключить богатство свое въ глину и кирпичъ? *Лучше имя доброе, нежели богатство мною* (Притч. 22, 1). А если уважаешь деньги, почитая за честь имѣть ихъ; то смотри, сколько дороже для славы именоваться отцемъ тысячи дѣтей, чѣмъ имѣть въ кошелькѣ тысячи монетъ? Деньги, и нехотя, оставишь здѣсь, а славу добрыхъ дѣлъ принесешь съ собою ко Господу, когда предъ общимъ Судіею окружить тебя цѣлый народъ, и будутъ именовать своимъ кормителемъ, благодѣтелемъ, и станутъ приписывать тебѣ всѣ имена челоѣколюбія. И ты скупъ на издержки, когда можешь достигнуть такой славы! У тебя приписать будетъ Богъ, хвалить тебя будутъ Ангелы, ублажать станутъ всѣ люди, сколько ихъ ни было отъ созданія міра. Вѣчная слава, вѣнецъ правды, царство небесное будутъ тебѣ наградою за

доброе распоряженіе симъ тлѣннымъ имуществомъ. Но ты ни о чемъ этомъ не заботишься; стараясь о настоящемъ, презираешь чаемое. Итакъ, назначь богатство на разные употребленія, поставляя великолѣпіе и славу въ издержкахъ на нуждающихся. Пусть и о тебѣ будетъ сказано: *расточи, даде убоимъ, правда ея пребываетъ во вѣкъ* (Пс. 111,9). Не дорожись, медля продажей до наступленія нужды; не выжидай скудости въ хлѣбѣ, чтобъ отворить свои житницы: ибо *продай пшеницу скупо, отъ народа проклятъ* (Притч. 11,26). Не жди голода для золота, ни общей скудости для собственного своего обилія. Не корчемствуй людскими бѣдствіями; гнѣва Божія не обращай въ случай къ умноженію у себя денегъ. Не раздирай ранъ у тѣхъ, которые биты бичами».

Представивъ глазамъ любостяжательныхъ богачей страшную нужду бѣдняковъ и ихъ отчаяніе отъ безнадёжности продлить свое существованіе еще на нѣсколько дней, показываетъ имъ, какъ должны быть жестоки ихъ сердца, когда въ нихъ не только не пробуждается чувство состраданія къ бѣдствіямъ собрата, но и думаютъ извлечь самыя выгоды для себя изъ бѣдствія страждущихъ. Тѣмъ, которые стараются оправдать свою безчеловѣчную любостяжательность надеждою долгой жизни и необходимостью жить прилично своему званію и состоянію, указываетъ на евангельскаго богача, который при видѣ только зрѣющихъ колосевъ на полѣ, говоритъ своей душѣ: *яждь, нѣй, веселись*, не помышляя о судѣ Божіемъ на небѣ, который въ первую же ночь послѣ такого рѣшенія совершился надъ нимъ. Поэтому тѣмъ, которые недугуютъ тою же болѣзнію, но надъ которыми, по долготерпѣнію Божію, еще не совершился судъ Божій, св. Василий говоритъ: «всюду да будетъ предъ тобою примѣръ осуждаемаго богача, который, охраняя настоящее, безпокоясь объ ожидаемомъ, и не зная навѣрно, проживетъ ли завтра, се-

годня уже грѣшитъ и на завтрашній день. Не приходилъ еще проситель, а онъ предварительно показаль уже свою жестокость; не собралъ еще плодовъ, а заслужилъ уже осужденіе за любостяжательность. Земля готовила ему богатый пиръ, заранѣе показывая на нивахъ обильную жатву, открывая на виноградныхъ лозахъ множество гроздовъ, предлагая маслину, точащую плодъ, обѣщая всякое наслажденіе въ древесныхъ плодахъ; а онъ былъ негостепріименъ и безплоденъ. Еще не собралъ, и завидуетъ уже нуждающимся. А сколько опасностей до собранія плодовъ? И градъ иногда побиваетъ, и зной похищаль почти изъ рукъ, и вода, неблагоприятно излившаяся изъ облаковъ, портила плоды. Почему же не молишься Господу, чтобы довершилъ милость, но предварительно дѣлаешь себя недостойнымъ принять, что имѣешь уже въ виду? Ты втайнѣ говоришь самъ съ собою; но слова твои оцѣниваются на небѣ. Потому оттуда приходитъ къ тебѣ и отвѣтъ. Что же говоритъ богатый? *Душе, имаша многа блага лежаща; яждь, пей, веселися* ежедневно. Какое безуміе! Если бы у тебя была душа свиньи: чѣмъ инымъ, кромѣ этого, порадовалъ бы ты ее? Столько ты скотоподобенъ, до того несвѣдущъ въ душевныхъ благахъ, что предлагаешь души плотскія снѣди! Что принимаетъ въ себя чрево, то назначаетъ ты души. Если въ души есть добродѣтель, ежели исполнена она благихъ дѣлъ, ежели близка къ Богу; то имѣетъ *многа блага*, и пусть веселится прекраснымъ душевнымъ веселіемъ. Но поелику мыслишь ты земное, чрево у тебя богомъ, весь ты сталъ плотскимъ, поработился страстямъ; то выслушай приличное тебѣ наименованіе, которое далъ тебѣ ни кто либо изъ людей, а самъ Господь: *безумне! въ сію ночь душу твою истязутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ?* Такое осмѣяніе безразсудства тягостиѣ вѣчнаго наказанія!»

«Тотъ, кто въ скоромъ времени будетъ похищенъ, что

предпринимаетъ? *Разорю житницы моя, и большія созижду.* Прекрасно дѣлаешь, сказалъ бы я ему; потому что сокровищницы неправды того и стоять, чтобы ихъ разорить. Разрушь своими собственными руками, что худо тобой построено; разломай хлѣбные закромы, отъ которыхъ никто никогда не отходилъ съ утѣшеніемъ. Уничтожь все зданіе, которое охраняетъ любостяжательность; сломай кровли, разбери стѣны, открой солнцу покрытую плесенью пшеницу, освободи изъ-подъ стражи заключенное въ узы богатство, отвори всѣмъ на показъ темныя убѣжища мамоны».

«*Разорю житницы моя и большія созижду.* А если и ихъ наполнишь, что тогда придумаешь? Ужели будешь опять разорять, и опять строить? Но что безуміе этого—бесконечно трудиться, тщательно созидать и прилежно разорять? Ежели хочешь, есть у тебя житницы,—это дома бѣдныхъ. Скрывай себѣ сокровище на небеси (Матѳ. 6, 20). Что тамъ положено, того ни червь не поядаетъ, ни тля не изводитъ, ни разбойники не расхищаютъ».

«Но тогда буду удѣлять нуждающимся, когда наполню вторыя житницы. Долгія лѣта жизни ты назначилъ себѣ. Смотри, чтобъ не предварилъ тебя поспѣшающій срокъ. Это обѣщаніе показываетъ не доброту, а лукавство; потому что обѣщаешь не съ тѣмъ, чтобъ давать впослѣдствіи, но чтобъ отказать на сей разъ. Что нынѣ препятствуетъ подаянію? Бѣднаго ли нѣтъ? Житницы ли не полны? Награда ли не готова? Заповѣдь ли не ясна? Но голодный чахнетъ; нагій цѣпенѣетъ; должникъ притѣсненъ: а ты откладываешь милостынею до завтра! Послушай Соломона: *не рцы: отиждь возвратися, и завтра дамъ: не вѣси бо, что породитъ находящій день* (Притч. 3, 28)» ⁽¹⁾.

Въ бесѣдѣ къ обогащающимся св. Василій показываетъ,

⁽¹⁾ В. В. Том. 4, Ст. 6.

какіе ничтожныя предлоги къ своему оправданію придумываютъ люди богатые, когда отказываются помогать бѣднымъ. Всѣ нужды, которыя они придумываютъ, скорѣе служатъ къ ихъ обвиненію, показывая, что они тратятъ тысячи на такія потребности, безъ которыхъ легко можетъ обойтись каждый человѣкъ, сколько нибудь разумно обсуждающій свои дѣйствія. «Послушай, какія у нихъ распоряженія: эта часть, говорятъ, пойдетъ въ употребленіе, а эта отложится въ запасъ; и часть, назначенная на покрытіе нуждъ, пусть превыситъ предѣлы необходимости: вотъ это послужитъ на домашніе расходы, а это отдѣлится на то, чтобъ показать себя людямъ; этого станетъ на пышность въ дорогѣ, а это сдѣлаетъ, чтобъ, сидя дома, жить свѣтло и знатно. — А мнѣ остается только дивиться такой выдумкѣ излишествъ. У нихъ тысячи колесницъ; на однѣхъ возятъ всякую рухлядь, другія покрыты мѣдью и серебромъ, и на нихъ ѣздятъ сами. У нихъ множество коней, и имъ, какъ людямъ, ведутъ родословныя, уважая за благородство отцевъ: одни возятъ этихъ сластолюбцевъ по городу, другіе участвуютъ съ ними въ охотѣ, нѣкоторые объѣзжены для дороги. Узды, подпруги, хомуты— всѣ серебряныя, всѣ осыпаны золотомъ; попоны изъ багряницы украшаютъ коней, какъ жениховъ. У нихъ множество муловъ, раздѣленныхъ по цвѣту; возникіе ихъ смѣняють другъ друга, одни впереди, другіе сзади. У нихъ неисчетное множество другихъ домашнихъ слугъ, чтобы стало для пышности всякаго рода, управители, ключники, землепашцы, обученные всякому ремеслу, и необходимому и изобрѣтенному для наслажденія и роскоши; повара, хлѣбопеки, виночерпій, охотники, ваятели, живописцы, учредители удовольствій всякаго рода. У нихъ стада верблюдовъ, то перевозящихъ тяжести, то пасущихся, табуны лошадей, гурты быковъ, овецъ и свиней; при нихъ свои пастухи; у нихъ своя земля доста-

точная для прокормленія, и еще приумножающая богатство полученными съ нея доходами. У нихъ бани въ городѣ, бани по деревнямъ. Дома сіяютъ мраморами всякаго рода, — одинъ изъ фригійскаго камня, другой изъ лакедемонской или фессалійской плиты; и одни дома согрѣваютъ зимой, другіе прохлаждаютъ лѣтомъ, полы испещрены разноцвѣтными камнями, потолки вызолочены; гдѣ нѣтъ на стѣнахъ мрамора, тамъ украшено живописными цвѣтами».

Но если таковому расточительному мужу попадется и жена, любящая роскошь и щегольство: то еще вдвое увеличивается расходъ. «Прихоти она воспламеняетъ, и сластолюбіе увеличиваетъ, и раздражаетъ суетныя положенія», придумывая какія-то драгоценныя камни, жемчуги, изумруды, яхонты, употребляя золото, то кованое, то тканое и усиливая болѣзнь глупостями всякаго рода: потому что не по временамъ только занимаются этимъ женщины, но дни и ночи проводятъ въ заботахъ о семъ. И тысячи какихъ-то ласкателей, угождая ихъ пожеланіямъ, приводятъ красильщиковъ, серебрянниковъ, муроваровъ, ткачей, набойщиковъ. Ни на минуту не даютъ вздохнуть мужу, муча его непрестанными своими приказами. На удовлетвореніе женскихъ пожеланій нестанетъ никакого богатства, хотя бы оно текло рѣками, когда имъ захочется имѣть у себя привозимое отъ варваровъ муро, какъ масло съ рынка, морскіе цвѣты, раковины, морское перо, и въ большемъ еще количествѣ, нежели овечью шерсть. А золото, служа оправой драгоценнымъ камнямъ, составляетъ у нихъ уборъ то на челѣ, то на шеѣ, то въ поясахъ, или оковываетъ собою руки и ноги. Ибо златолюбивымъ женщинамъ пріятно носить на рукахъ оковы, только бы оковывало ихъ золото. Поэтому, когда позаботиться о душѣ человѣку, который услуживаетъ женскимъ пожеланіямъ? Какъ отъ бурь и непогодъ тонуть непрочные корабли, такъ

отъ худыхъ наклонностей женъ гибнуть немощныя души ихъ сожителей. А богатство, расточаемое на столько предметовъ и мужемъ и женою, которые превосходятъ другъ друга въ изобрѣтеніи суетныхъ тратъ, естественнымъ образомъ не имѣть уже никакого случая перейти къ постороннимъ. Если слышишь: *продаждь жмѣніе твое и даждь нищимъ*, чтобъ имѣть напутіе къ вѣчному блаженству: отходишь скорбя. Если же скажутъ: отдай деньги роскошнымъ женщинамъ, отдай каменотесамъ, столярамъ, мозаикамъ, живописцамъ; ты радуешься, какъ приобретающій нѣчто драгоценнѣйшее денегъ».

Обращая взоръ себялюбивыхъ и жестокосердыхъ къ бѣднымъ богачей на развалины прежнихъ роскошныхъ домовъ, чтобы показать суетность ихъ теперешнихъ заботъ и вмѣстѣ гибельность для ихъ душъ, св. Василій говоритъ: «не видишь ли этихъ стѣнъ, разрушенныхъ временемъ, и которыхъ остатки, подобно какимъ-то курганамъ, возвышаются по всему городу? Когда воздвигали ихъ, сколько было въ городѣ бѣдныхъ, которыхъ тогдашніе богачи презрѣли, заботясь объ этихъ зданіяхъ? Гдѣжь сіи пышныя постройки? Гдѣ возбуждавшій соревнованіе такимъ великолѣпіемъ? Не обращено ли все въ кучу и не истреблено ли, подобно тому, что дѣти для забавы вылѣпливаютъ изъ песку; а строитель не въ адѣ ли раскаявается, что заботился о суетномъ? Старайся имѣть великую душу; а стѣны, малы ли, или велики, той же удовлетворяютъ нуждѣ. Когда вхожу случайно въ домъ человѣка глупаго и не кстати богатаго, и вижу, что домъ испещренъ всякаго рода цвѣтами: тогда узнаю, что у этого человѣка нѣтъ другихъ драгоценностей, кромѣ видимыхъ, что онъ украшаетъ бездушныя вещи, а душа у него не украшена. Скажи мнѣ, къ какому выгнѣннѣйшему употребленію служатъ серебряныя ложа и серебряные столы, постели

ли и сѣдалища изъ слоновой кости, между тѣмъ какъ ради ихъ богатство не переходитъ къ бѣднымъ, хотя они тысячами стоятъ у дверей и оглашаютъ ихъ всякимъ жалобнымъ голосомъ?»

Но богачи въ самомъ множествѣ бѣдныхъ стараются отыскать для себя поводъ къ уклоненію отъ пособія имъ. Говорятъ: бѣдныхъ слишкомъ много, и всѣмъ не возможно помочь; и потому проходятъ безъ вниманія всѣхъ, не оказывая пособія никому. Св. Василій такимъ говоритъ: твой языкъ подтверждаетъ это клятвою, но рука обличаетъ въ противномъ; она безмолвно разглашаетъ твою ложь, сія дорогимъ камнемъ въ персти. Одинъ твой перстень сколько человѣкъ можетъ освободить отъ долговъ? сколько поправить падающихъ домовъ? Одинъ сундукъ твой съ одеждами можетъ одѣть цѣлый народъ, цѣпенѣющій отъ холода. Но ты съ ожесточеніемъ отсылаешь бѣднаго ни съ чѣмъ, не страшась праведнаго воздаянія отъ Судіи: ты не помиловалъ, и не будешь помилованъ; не отворилъ дома, и не будешь допущенъ въ царствіе, не далъ хлѣба и не получишь жизни вѣчной».

Показавъ далѣе, что любостяжательный не только мучить себя самую ненасытностью своихъ желаній, при всемъ изобиліи земныхъ благъ уязвляясь постоянною скорбію о томъ, что онъ не достигъ еще того, что имѣютъ одинъ или два превышающіе его богачи, не только дѣлается неспособнымъ вознестись къ Богу съ чувствомъ благодарности за полученные блага и выразить свою признательность къ Нему пособіемъ своимъ обратіямъ по вѣрѣ, лишеннымъ даже необходимого къ существованію, но самая любостяжательность его доводитъ его до многихъ неправдъ и преступленій. «Ничто, говоритъ св. Василій, не противится силѣ богатства, все преклоняется предъ его самовластіемъ, все трепещетъ его владычества; потому что всякій изъ обиженныхъ болѣе думаетъ о томъ, какъ бы еще не потерпѣть какого зла, нежели

о томъ, какъ бы отмстить за претерпѣнное. Богатый приводитъ пары воловъ, пашетъ, сѣетъ, жнетъ на землѣ, ему не принадлежащей. Если станешь противорѣчить, — тебѣ удары. Если станешь жаловаться: обвинять тебя въ оскорбленіи, осудятъ, будешь сидѣть въ тюрьмѣ; готовы клеветники, которые доведутъ тебя до опасности лишиться жизни. Радъ будешь и еще что нибудь отдать, только бы освободиться отъ тяжбы».

«Желалъ бы я, чтобъ отдохнулъ ты немного отъ дѣлъ неправды, далъ время своему разсудку размыслить, къ какому концу стремится попеченіе объ этомъ. Есть у тебя такое-то число десятинъ обработанной земли, и еще такое же число земли, заросшей лѣсомъ, горы, равнины, овраги, рѣки, луга. Чтожъ послѣ сего? Не всего ли три локтя земли ожидаютъ тебя? Не достаточно ли будетъ тяжести немногихъ камней, чтобъ охранять жалкую плоть? Для чего трудишься? Для чего поступаешь незаконно? Для чего собираешь своими руками безплодное? И, о если бы еще только безплодное, а не пищу для вѣчнаго огня! Отрезвишься ли когда нибудь отъ сего упоенія? Будешь ли имѣть здравый разсудокъ? Придешь ли въ себя самого? Представишь ли предъ своими очами Христово судилище? Чѣмъ оправдишься, когда обиженные станутъ вокругъ тебя и возопіютъ на тебя праведному Судіи? Какихъ наймешь себѣ ходатаевъ? Какихъ представишь свидѣтелей? Какъ увѣришь Судію, не поддающагося никакому обману? Тамъ нѣтъ витій, нѣтъ убѣдительнаго краснорѣчія, которое бы могло скрыть истину предъ Судіею. Туда не сопровождаютъ ни лъстецы, ни деньги, ни величіе сана. Предстанешь одинъ безъ друзей, одинъ безъ помощниковъ, не защищаемый, не оправдываемый, постыженный, печальный, унылый, всѣми оставленный, не смѣющий отверсть устъ. Куда ни обратишь взоръ, вездѣ увидишь ясныя изображенія злыхъ дѣлъ: здѣсь слезы

сироты, тамъ степенія вдовицы, а съ другой стороны бѣдныя тобой избитые, слуги, которыхъ ты мучилъ, сосѣди, которыхъ раздражалъ. Все возстанетъ противъ тебя, лукавый сонмъ злыхъ твоихъ дѣяній окружитъ тебя. Ибо какъ за тѣломъ тѣнь, такъ за душою слѣдуютъ грѣхи, явственно изображающіе ея дѣла. Поэтому, тамъ нѣтъ мѣста заpiresательству, но заграждаются уста самыя безстыдныя; потому что сами о себѣ свидѣлствуютъ дѣла каждаго, не голосъ издавая, но являясь такими, какъ были нами содѣланы. Какъ изображу предъ твоими взорами сей ужасъ? Если только слушаешь меня, если только принимаешь сіе къ сердцу: то помни тотъ день, въ который *открывается гниль Божій съ небесе (Рим. 1, 18), помни славное пришествіе Христова, когда встанутъ сотворшіи блага въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая, въ воскресеніе суда (Іоан. 5, 29).* Тогда вѣчный стыдъ грѣшникамъ и огня ревность поясти хотящая сопротивныя (Евр. 10, 27). Пусть это огорчаетъ тебя, но да не огорчаетъ заповѣдь. Какъ мнѣ подѣйствовать на тебя? Что сказать тебѣ? Ужели не желаешь царствія? не боишься геенны? Гдѣ сыщется врачеваніе для души твоей? Если ужасное не устрашаетъ, радостное не возбуждаетъ: то каменному говорю я сердцу».

Указавъ на природу золота и другихъ драгоценныхъ камней, разясняетъ, какъ безславно для людей, разумныхъ существъ, находить для себя славу въ блескѣ золота или камней, которые нисколько не измѣняютъ ихъ личныя достоинствъ и никогда не приносятъ истинныхъ благъ, а не рѣдко служатъ поводомъ къ многимъ порокамъ и увеличенію страданій не только частной жизни человѣка, но и цѣлыхъ обществъ и народовъ. «Какой любитель нарядовъ, говоритъ св. Василій, могъ прибавить хотя одинъ день своей жизни? Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болѣзнь ра-

*

ди денегъ? Долго ли быть золоту силками для душъ, удою смерти, приманкою грѣха? Долго ли богатству служить предлогомъ къ войнамъ, ковать оружія, изощрять мечи? Ради его родные не знаютъ естественныхъ узъ, братья смотрятъ другъ на друга убійствомъ. Ради богатства пустыни питаютъ въ себѣ убійць, море-разбойниковъ, города ябедниковъ. Кто отецъ лжи? Кто виновникъ ложныхъ подписей? Кто породилъ влятвопреступленіе? Не богатство ли? Не стараніе ли о богатствѣ? Что съ вами дѣлается, люди? Кто вашу собственность обратилъ въ средство уловлять васъ? Имѣніе дано намъ въ пособіе жизни, а не въ напутіе къ злу, на искупленіе души, а не въ поводъ къ гибели».

Любостяжательные, не имѣя другаго благовиднаго предлога къ оправданію своихъ неправдъ и жестокосердія къ бѣднымъ, думаютъ укрыться за дѣтьми отъ позора и заслуженнаго осужденія. Говорятъ: у насъ дѣти, надобно имъ оставить состояніе, чтобы они могли жить прилично своему званію и своему положенію въ свѣтѣ.—«Это, говоритъ св. Василій, благовидный предлогъ любостяжательности; ссылаетесь на дѣтей, а удовлетворяете собственному сердцу. Не вини невиннаго; у него свой есть Владыка, свой Домостроитель; отъ другаго получилъ онъ жизнь, отъ Него ожидаетъ средствъ къ жизни. Развѣ не для вступившихъ въ браки написаны евангелія? *Аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ* (Матѣ. 19, 21). Ужели, когда у Господа просилъ ты благочадія, когда молился, чтобы быть тебѣ отцемъ дѣтей, присовокуплялъ въ молитвахъ это: дай мнѣ дѣтей, чтобы преслужать заповѣди Твои; дай мнѣ дѣтей, чтобы не достигнуть небеснаго царства? Кто жъ будетъ поручителемъ за произволеніе сына, что употребитъ данное, какъ должно? Богатство многимъ послужило къ распутству. Не слышишь ли, что говоритъ Еккле-

сіясть: *видѣхъ тяжкій недугъ, богатство хранимо отъ стяжателя во зло ему* (Еккл. 5, 12); еще: *оставляю его человеку, будущему по мнѣ: и кто вѣсть, мудръ ли будетъ, или безуменъ* (Еккл. 2, 18, 15)? Итакъ, смотри, чтобъ тебѣ, съ многими трудами собравъ богатство, не приготовить для другихъ удобства ко грѣхамъ, и потомъ не понести двойнаго наказанія,—и за то, что самъ дѣлалъ неправду, и за то, что другаго снабдилъ къ тому средствами. Душа не ближе ли тебѣ всѣхъ дѣтей? Не въ ближайшемъ ли она съ тобою свойствѣ, нежели все прочее? Ей первый дай лучшую часть наслѣдія, ей доставь богатыя средства къ вѣчной жизни, и тогда уже дѣли имѣніе дѣтямъ. Дѣти, и ничего не наслѣдовавъ отъ родителей, не рѣдко наживали себѣ дома; но кто сжалятся надъ душею, если она тобою оставлена?»

Это говорено было отцамъ. Но что же скажутъ въ свое оправданіе бездѣтныя собиратели богатствъ? «Не продаю имѣнія, говоритъ такой, не даю нищимъ, по причинѣ необходимыхъ нуждъ въ жизни.—Слѣдовательно, отвѣчаетъ ему св. Василій, не Господь—твой Учитель; не евангеліе служить правиломъ для твоей жизни. Но самъ ты даешь себѣ законы. Смотри же, въ какую опасность впадаешь, разсуждая такъ! Если Господь приписалъ намъ сіе, какъ необходимое, а ты отвергаешь, какъ невозможное; то не иное что утверждаешь, а то, что ты разумнѣе Законодателя».

Любостяжательный, не отвергая совершенно обязанности закона Божественнаго и для себя, но желая совмѣститъ исполненіе воли Божіей съ удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ прихотей и страстей, говоритъ: насладившись богатствомъ въ продолженіе всей жизни, по смерти сдѣлаю бѣдныхъ наслѣдниками своего имѣнія, письменно и въ завѣщаніяхъ объявивъ ихъ владѣтелями всего моего.—«Когда не будешь

уже, отвѣчаетъ такъ разсуждающему св. Василій, въ кругу людей, тогда сдѣлаешься челоуѣколюбивымъ. Когда увижу тебя мертвецомъ, тогда назову братолюбцемъ. Великая тебѣ благодарность за щедролубіе, что, лежа въ гробницѣ и разрѣшившись въ землю, сталъ ты не бережливъ на расходы и великодушенъ! Скажи мнѣ, за какое время потребуешь награды? За время ли жизни, или за время смерти? Но пока былъ ты живъ, тратилъ жизнь на удовольствія, погружался въ роскошь; тебѣ несносно было и взглянуть на бѣдныхъ; а у умершаго какая дѣятельность? На какую награду имѣютъ право поступки его? Покажи дѣла, и требуй воздаянія. Никто не торгуетъ, когда срокъ торга кончился; никто не увѣнчивается, если пришелъ по окончаніи борьбы; никто не показываетъ своего мужества послѣ брани. Поэтому, какъ очевидно, и послѣ жизни не возможно стать благочестивымъ. Общаешься дѣлать благодѣянія чернилами и на письмѣхъ? А кто скажетъ тебѣ время отшествія? Кто поручится, какая будетъ твоя кончина? Сколько людей были похищены изъ жизни въ сильныхъ припадкахъ, такъ что отъ страданія не могли произнести и одного слова? Какъ многихъ горячка дѣлала не владѣющими умомъ! Для чего же ждешь времени, въ которое, какъ часто случается, не будешь господиномъ своихъ помысловъ? Глубокая ночь, тяжелая болѣзнь, а помощника нѣтъ; простирающій замыслы на наслѣдство готовъ все устроить въ свою пользу, и твои намѣренія сдѣлаетъ неисполнимыми. Тогда-то, озрѣвшись туда и сюда, и увидя окружающую тебя пустоту, почувствуешь, наконецъ, свое безразсудство; тогда-то вздохнешь о своемъ неразуміи, что до такого времени отлагалъ ты исполненіе заповѣди, когда и языкъ ослабѣваетъ, и дрожащая рука трясется уже отъ предсмертныхъ содроганій, и ты ни на словахъ, ни на письмѣхъ не можешь объявить своей воли».

Но нѣкоторые даже и въ завѣщаніяхъ въ пользу бѣдныхъ руководствуются не любовію къ Богу и ближнимъ, а чувствомъ нерасположенія къ роднымъ, которые имѣли бы право на ихъ имѣніе. Таковымъ св. Василій говоритъ: «во время жизни, себя самого ты предпочиталъ заповѣди, а по смерти и разрушенія предпочитаешь заповѣдь врагамъ;—говоришь, чтобъ не досталось такому-то, пусть возьметъ Господь. Чѣмъ же назвать это,—мщеніемъ ли врагамъ, или любовію къ ближнимъ? Прочитай свое завѣщаніе. Хотѣлось бы мнѣ еще пожить и насладиться своимъ имуществомъ.—Слѣдственно благодарность смерти, а не тебѣ: если бы ты былъ безсмертенъ, то не вспомнилъ бы о заповѣдяхъ. *Не льститея, Богу поручаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 7). Мертвое не приводится къ олтарю; приноси жертву живую. Кто приноситъ избытки, тотъ не пріемлется: а ты, что осталось въ избыткѣ послѣ цѣлой жизни, то приносишь Благодарителю. Если остатками трапезы не смѣешь угощать знаменитыхъ людей, то какъ же осмѣливаешься остатками умилоствовать Бога? ⁽¹⁾».

Въ заключеніе совѣтуетъ богатымъ, на основаніи ихъ собственной и сильной любви къ богатству, ничего не оставлять здѣсь на землѣ, но все брать съ собою, къ чему подають самый удобный случай руки бѣдныхъ, больныхъ и увѣчныхъ.

Эти два предшествующія слова св. Василія къ людямъ любостяжательнымъ не только принесли желаемый плодъ, по отношенію къ его богадѣльнѣ, и вообще ко всѣмъ бѣднымъ, но и не уменьшили любви обличаемыхъ къ провозвѣстнику спасительной истины. Въ началѣ своей бесѣды о томъ, что не должно прилѣпляться къ житейскому, св. Василій говоритъ: «обращая на васъ при всякомъ разѣ язвительное жало слова, думалъ я, возлюбленные, что покажусь вамъ нѣсколь-

⁽¹⁾ В. В. томъ 4. Сл. 7.

ко досаднымъ, потому что обнаруживаю какую-то излишнюю смѣлость, неприличную человѣку пришлому и неизъятому отъ подобныхъ же обвиненій: но вы обличеніями возбуждены къ благорасположенности, и раны, наносимыя мимъ языкомъ, обратили въ поводъ воспламениться большею любовію. И это не удивительно; потому что вы мудры въ духовномъ. *Обличай премудра, и возлюбитъ тя* (Притч. 9, 8), говоритъ гдѣ-то въ своихъ писаніяхъ Соломонъ. Посему и теперь, братіе, приступаю къ тому же увѣщанію, желая, какъ бы то ни было, отвести васъ отъ сѣтей діавола».

Показываетъ далѣе, что діаволъ ежедневно сильную и постоянную ведетъ съ нами брань. Онъ, обладая могучею силою, могъ бы, конечно, всѣхъ людей безъ замедленія низринуть на крайнюю степень развращенія и невѣрія, и вѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ подвергнуть вѣчному осужденію, чтобы тѣмъ только показать Богу, противъ Котораго самъ возсталъ, свою силу и свою злобу, хотя безъ улучшенія своей личной судьбы. Но Господь, по своему безконечному милосердію къ роду человѣческому, связалъ его самого неразрѣшимыми узами, чтобы онъ не могъ сдѣлать насилія ни одному человѣку, если человѣкъ, по любви къ Господу, противится его искушеніямъ. По этому-то діаволъ, при всей своей злобѣ, можетъ наносить вредъ человѣку только разными ухищреніями, но всегда, подобно разбойнику скрывающемуся при пути, старается остаться незамѣченнымъ, такъ чтобы вадшій не могъ подмѣтитъ его козни, а считалъ свое паденіе естественнымъ слѣдствіемъ своей только неосторожности и невнимательности. Цѣль же при этомъ у врага состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, не замѣчая его козней, и постоянно падалъ, и разбивался, пока не нанесетъ себѣ смертельной раны. «Поэтому, говоритъ св. Василій, если желаешь безопасно пройти лежащій путь жизни, представь Христу и душу и

тѣло свободными отъ стыда, имѣть на себѣ язвы (свидѣтельствующія о нашей храброй и упорной борьбѣ со врагомъ), и получить побѣдныя вѣнцы: то должны мы обратить всюду бодрственные душевные очи, на все пріятное смотрѣть подозрительно, безъ замедленія пробѣгать это мимо и ни къ чему не прилѣпляться мыслию,—хотя бы казалось, что золото лежить разсыпано кучами и готово перейти въ руки желающимъ; ибо сказано: *богатство шце твечеть, не прилажайте сердца* (Це. 61, 11), хотя бы земля произращала наслажденія всякаго рода и предлагала многоцѣнные кровы: *наше бо житіе на небесахъ есть, отконудуже и Спасителя ждемъ Христа* (Фил. 3, 20); хотябы предстояли пляси, пиры, пьянство, оглашаемые свирѣлями уживы; ибо сказано: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2); хотя бы представлялась красота тѣлъ, въ которыхъ живутъ порочныя души; ибо премудрый говоритъ: *отъ лица жены, яко отъ лица змиина бѣжи* (Сирах. 21, 2. 25, 18);—хотя бы предлагались господство и самовластіе, толпы тѣлохранителей или льстецовъ, даже высокій и свѣтлый престолъ, подчиняющій намъ народы и города въ добровольное рабство; ибо *всяка плоть, яко трава, и всякая слава человѣча, яко цвѣтъ травный, измие трава и цвѣтъ ея отпаде* (1 Петр. 1, 24). Подъ всѣмъ этимъ, столько пріятнымъ, сидитъ общій врагъ, выжидая, не совратимся ли когда съ праваго пути, прельщенные видимымъ, и не уклонимся ли къ его засадѣ. И весьма опасно, если когда нибудь подойдя къ сему неосторожно и не почтя вредною пріятность наслажденія, проглотимъ въ первомъ вкушеніи сокрытую уду коварства, а потомъ чрезъ нее, волею или неволею, сдѣлаемся привязанными къ такимъ вещамъ, и непримѣтно увлечемся сластолюбіемъ на страшное перепутье къ этому разбойнику, то есть, въ смерть».

Показавъ, что всѣ земныя блага, каковы бы они ни были и въ чемъ бы ни состояли, не стоятъ того, чтобы привязываться къ нимъ сердцемъ уже потому, что и они насъ оставляютъ иногда внезапно, вслѣдствіе какихъ либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и мы ихъ оставляемъ по неволѣ при смерти, хотя бы и не желали съ ними разлучаться, унося съ собою только позднее раскаяніе о несправедномъ приобрѣтеніи ихъ или несогласномъ съ закономъ Божиимъ пользованіи ими,—внушаетъ «сколько возможно болѣе заботиться о душѣ, и употреблять всѣ мѣры къ соблюденію ея чистою, а на плоть, истаеваетъ ли она голодомъ, или борется съ стужей и тепломъ, или страждетъ отъ болѣзней, или терпитъ отъ кого либо насиліе, мало обращать вниманія, при всякой скорби взывая и говоря словами Апостола: *аще и внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). И видя, приближеніе опасностей, угрожающихъ жизни, не окажемся въ такомъ случаѣ боязливыми, но съ упованіемъ скажемъ сами себѣ: *вѣры, яко аще земная наша хранина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ* (Кор. 5, 1).—Если же кто хочетъ пощадить и тѣло, какъ единственное достояніе, необходимое душѣ, и содѣйствующее ей въ земной жизни: то не много займется его нуждами, чтобъ только поддержать его и чрезъ умѣренное попеченіе сохранить здоровымъ на служеніе душѣ, а не давать ему воли скакать отъ пресыщенія. Если же увидить, что оно распадается пожеланіемъ большаго и выходящаго за предѣлы полезнаго, возопіетъ ему, узаконяя словомъ Павловымъ: *ничтоже внесохомъ въ міръ сей лавъ, яко ниже изнести что можемъ: имѣюще же пищу и одѣяніе сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 7—8). Сіе непрестанно повторяя и взывая тѣлу, содѣлаемъ его покорнымъ и всегда легкимъ для небес-

наго шествія, лучше же сказать: приобрѣтемъ въ немъ со-трудника въ подлежащихъ подвигахъ».

Сдѣлавъ такого рода внушеніе, убѣждаетъ обладателей большимъ богатствомъ удѣлить излишекъ бѣднымъ, чтобы чрезъ то сохранить его для вѣчности. Указывая же вмѣстѣ съ симъ на то, какъ они злоупотребляютъ своимъ достояніемъ, выражаетъ опасеніе, чтобы они не подверглись гораздо большому наказанію, нежели какому подвергся богачъ, жившій по вся дни свѣтло, но не обращавшій никакого вниманія на лежавшаго у его воротъ Лазаря. «Боюсь, говоритъ св. Василій, вспоминая богача томившагося во адѣ, что поразятъ насъ словами еще болѣе сихъ горькими, потому что мы, какъ сами знаете, превосходимъ этого богача лукавствомъ. Не потому, что совершенно скупы на богатство, проходимъ мы мимо лежащихъ братій; не потому, что бережемъ имѣніе дѣтямъ или другимъ роднымъ, заграждаемъ слухъ, когда просятъ у насъ: напротивъ того, расточаемъ на худшее, и щедрость свою обращаемъ на поощреніе къ пороку людей, преданныхъ оному. У многихъ при столѣ сколько собрано мужей и женъ! Одни забавляютъ дающаго пирь срамными словами; другіе нескромными взорами и тѣлодвиженіями воспламеняютъ огонь невоздержности; иные колкими шутками другъ надъ другомъ стараются разсмѣшить призавшаго, а другіе обманываютъ его ложными похвалами. И не ту одну они получаютъ выгоду, что угощены пышно, но уходятъ съ полными руками всякихъ даровъ, и узнаютъ чрезъ насъ, что гораздо полезнѣе для нихъ пускаться на подобныя симъ дѣла и въ этомъ упражняться, а не въ добродѣтеляхъ. А если сталъ предъ нами нищій, который едва можетъ говорить отъ холода: отвращаемся отъ того, кто одного съ нами естества, гнушаемся имъ, поспѣшно бѣжимъ прочь, какъ бы страшась, что, пошедши медленнѣе, сдѣлаемся участ-

никами въ томъ же бѣдствіи. И если онъ, стыдясь своего несчастія, потупляетъ взоры въ землю: говоримъ, что промышляетъ лицемѣріемъ. Если понуждаемый жестокимъ голодомъ смотритъ на насъ смѣло: опять называемъ безстыднымъ и наглымъ. Если, по случаю, покрыть твердою одеждою, которую кто нибудь ему подалъ: гонимъ его отъ себя, какъ ненасытнаго, и клянемся, что нищета его притворная. А если прикрыть согнившими рубищами: опять гонимъ прочь за зловоніе, и хотя къ просьбамъ своимъ присовокупляетъ онъ имя Творца, хотя непрестанно заклиняетъ, чтобъ и мы подверглись подобнымъ страданіямъ, никакъ не можетъ переимѣнить нашего безжалостнаго рѣшенія. За сіе-то боюсь тягчайшаго геенскаго огня въ сравненіи съ онымъ богатствомъ ⁽¹⁾».

Г л а в а VІІІ.

Умиротворивъ Епископовъ, недовольныхъ его занятіемъ Архіепископскаго престола въ Кесаріи, утвердивъ мирныя отношенія съ Анонимомъ, епископомъ Тіанскимъ, хотя и съ пожертвованіемъ половины своихъ владѣній, побѣдивъ, и въ нѣкоторой степени, преклонивъ на свою сторону враждовавшихъ противъ него Императора и перваго при немъ вельможу—Модеста, доставивъ покойный пріютъ множеству бѣдныхъ больныхъ и увѣчныхъ, устроивъ много мужескихъ и женскихъ обителей, дававшихъ пріютъ ревнителямъ благочестія, возвысивъ нравственное состояніе своей паствы и утвердивъ ее въ непоколебимой преданности православной вѣрѣ, что оставалось св. Василию, какъ не радоваться о мо-

⁽¹⁾ В. В., томъ 4, Сл. 21.

гущественномъ содѣйствіи благодати Божественной всѣмъ его благимъ предпріятіямъ? Казалось бы такъ. Но не таковъ судъ Божій. Сказано: *мною скорби праведнымъ* (Пс. 33, 20). И этотъ судъ Божій особенно долженъ былъ совершиться надъ св. Василиемъ, который, при первомъ вступленіи въ иноческую жизнь, самъ себя лишилъ всѣхъ земныхъ радостей, на которыя имѣлъ право, и которыми могъ пользоваться, какъ украшенный блистательными способностями и высокимъ образованіемъ, и вмѣстѣ какъ наслѣдникъ богатыхъ имѣній, остававшихся въ его распоряженіи по смерти родителей. Раздавъ все свое имѣніе бѣднымъ, посвятивъ всѣ свои силы душевныя и тѣлесныя на служеніе Богу и Его святой Церкви, св. Василий жаждалъ только одной славы на небѣ, и преблагій Господь, милосерднымъ окомъ призирая на его святое желаніе, не хотѣлъ убавить и одного луча изъ того блеска славы, которая ожидала его на небеси, и потому попустилъ ему испить чашу горести до дна.

Враги были всѣ усмирены; но діаволъ, дышущій непримиримою злобою противъ всѣхъ истинныхъ служителей Божіихъ, воздвигъ святому Василию коварнаго и непримиримаго врага въ одномъ человѣкѣ, на котораго онъ смотрѣлъ доселѣ какъ на своего истиннаго друга.—Еще въ первые дни жизни своей въ пустыни св. Василій вошелъ въ тѣсное дружество съ Евстаѳіемъ, епископомъ Севастійскимъ, который былъ тогда начальникомъ аскетовъ въ Понтійской области. Вниманіе св. Василия привлекъ къ себѣ Евстаѳій своимъ наружнымъ постническимъ видомъ и мнимую бдительностію надъ чистотою не только словъ, но и помысловъ сердечныхъ. И такъ какъ онъ казался искреннимъ другомъ, поэтому св. Василій ввѣрился ему во всемъ. Но Евстаѳій въ дѣйствительности былъ лицемеръ, преслѣдовавшій только свои выгоды, и къ тому же былъ еретикъ.—Когда св. Василій былъ воз-

веденъ на степень Архіепископа, то Евстаѳій, стараясь для своихъ выгодъ, поддержать съ св. Василиемъ дружественныя отношенія, и даже, гдѣ нужно, управлять имъ, прислалъ къ нему, какъ искренній другъ къ своему другу, двухъ изъ своихъ аскетовъ, съ тѣмъ, чтобы они, живя съ нимъ вмѣстѣ, помогали ему совѣтомъ и дѣломъ. Св. Василій безъ всякихъ подозрѣній принялъ ихъ какъ друзей, и благодарилъ за нихъ Евстаѳія. Многіе же другіе, особенно Епископы знали Евстаѳія, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, и не довольны были дружествомъ съ нимъ св. Василія, и не ожидали ничего добраго отъ присланныхъ къ нему для услугъ аскетовъ. Но св. Василій, довѣрившись слишкомъ благочестивой наружности Евстаѳія, оказывалъ полную довѣренность присланнымъ отъ него аскетамъ. Аскеты же, какъ достойные ученики своего учителя, о всѣхъ дѣлахъ св. Василія доносили Евстаѳію, и потомъ, тайно ушедши отъ св. Василія, распространяли въ народѣ самыя невѣроятныя и оскорбительныя для него клеветы.—Чистая и святая душа св. Василія, скорбя о коварствѣ лицемѣрныхъ аскетовъ и соблазнѣ въ народѣ, произведенномъ ихъ побѣгомъ, не хотѣла однакоже подозрѣвать въ ихъ нечестіи ихъ учителя—Евстаѳія. И потому онъ писалъ Евстаѳію, какъ еще другу, чтобы онъ разслѣдовалъ ихъ поступки, и не вѣрялся ихъ клеветамъ, дабы они не могли охладить взаимной ихъ между собою любви ⁽¹⁾.

Но Θεодотъ, епископъ Никопольскій, митрополитъ всей Арменіи, въ области котораго находился и Евстаѳій Севастійскій, зналъ его хорошо, и потому предупреждалъ св. Василія, чтобы онъ прекратилъ съ нимъ общеніе, какъ съ еретикомъ. Св. Василій скорбѣлъ за мнимаго своего друга, но не хотѣлъ еще довѣриться взводимымъ на него обвиненіямъ.

⁽¹⁾ В. В. письмо 114.

Для рѣшенія вопроса, должно ли оставаться въ общеніи съ Евстаѳіемъ, Θεодотъ Никопольскій приглашалъ св. Василия въ Фергамъ на праздникъ Мучениковъ. Св. Василій, на пути въ Арменію рѣшилъ заѣхать къ Евстаѳію, чтобы достовѣрнѣе убѣдиться въ образѣ его мыслей относительно предметовъ вѣры, и о всемъ сообщить Θεодоту для постановленія общаго рѣшенія. Изъ разговора съ Евстаѳіемъ св. Василій могъ убѣдиться, что обвиненія не неосновательны. Но проведши съ Евстаѳіемъ цѣлыхъ два дня въ разсужденіяхъ, св. Василию показалось, что онъ успѣлъ привести его въ единомысліе съ собою, и потому предполагалъ предложить Θεодоту потребовать только отъ Евстаѳія подписи православнаго сѣмвола для удостовѣренія въ правотѣ его мыслей. Но Θεодотъ, узнавши о томъ, что св. Василій былъ у Евстаѳія, и не зная цѣли его посѣщенія, такъ огорченъ былъ этимъ, что не хотѣлъ болѣе приглашать Василия къ предстоявшему празднеству, подозрѣвая его самаго въ неправомысліи вмѣстѣ съ Евстаѳіемъ. Св. Василій, узнавъ объ этомъ, отложилъ свое путешествіе въ Арменію, и съ половины пути возвратился въ Кесарію ⁽¹⁾.

Получивъ повелѣніе отъ Императора, чрезъ военачальника Терентія, устроить дѣла армянскихъ Церквей, вмѣстѣ съ Митрополитомъ никопольскимъ Θεодотомъ, и дать имъ епископовъ, св. Василій снова отправился въ Арменію. При свиданіи съ Θεодотомъ, старался объяснить ему, какъ цѣль его свиданія съ Евстаѳіемъ, такъ и послѣдствія бесѣды. Но Θεодотъ напротивъ открылъ ему, что Евстаѳій, послѣ совѣщаній съ нимъ, хвалился предъ учениками своими, что ни въ чемъ ему не уступилъ, и что касательно вѣры ни въ чемъ съ нимъ не согласенъ. Св. Василій и послѣ этого не

⁽¹⁾ В. В. письмо 95.

рѣшился прервать общеніе съ Евстаѳіемъ, какъ съ еретикомъ, и потому для разрѣшенія недоумѣнія положено было предложить Евстаѳію исповѣданіе вѣры для подписанія. Это исповѣданіе содержало въ себѣ, кромѣ сѣмвала Никейскаго, дополнительное опредѣленіе ученія церковнаго о Духѣ Святомъ, и прямое осужденіе лжеученій Маркелла и Савеллія. Св. Василій принялъ на себя трудъ передать его для подписанія Евстаѳію. Но Θεодотъ, не смотря на это, оставался неизмѣненъ въ своемъ мнѣніи относительно Евстаѳія, и продолжалъ питать нерасположеніе къ св. Василю, и не хотѣлъ даже имѣть съ нимъ общенія въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, а также отказался идти съ нимъ въ городъ Саталу, для устроенія дѣлъ тамошней Церкви ⁽¹⁾. Изнуренный отдаленнымъ путешествіемъ, еще болѣе огорченный враждою Θεодота, св. Василій принужденъ былъ снова возвратиться въ Кесарію, не достигнувъ желанной цѣли примиренія. Съ пути онъ, между прочимъ, писалъ своему другу Евсевію, епископу Самосатскому: «обстоятельства, о которыхъ, каковы бы ни были и сколько бы меня ни огорчали, ничего не скажу самъ, однажды на всегда рѣшившись забывать все непріятное, расскажетъ—твоему благочестію мой содіаконъ. А тѣло у меня совершенно отказалось служить; даже и малѣйшаго движенія не могу переносить безъ боли» ⁽²⁾. Съ удовольствіемъ отдалъ бы и жизнь свою, писалъ св. Василій къ тому же Евсевію, только бы угасить пламень ненависти, возженный лукавымъ» ⁽³⁾. Руководясь этимъ чувствомъ миролюбія, св. Василій снова отправился къ Евстаѳію для подписи исповѣданія вѣры. Евстаѳій подписалъ. Св. Ва-

⁽¹⁾ Тамъ же.

⁽²⁾ В. В. письмо 96.

⁽³⁾ Его же письмо 123.

силій успокоился и назначилъ мѣсто для новаго собора, на который долженъ былъ явиться и Евстаѳій для утвержденія мира съ прочими Епископами, чуждавшимися общенія съ нимъ. Но Евстаѳій не явился на соборъ, и никого не прислалъ для заявленія о причинахъ своего отсутствія; а сообщники его прямо обвиняли св. Василия, будто онъ проповѣдуетъ новую вѣру, и ни за что не согласились допустить своего Епископа до общенія съ нимъ. На сторону Евстаѳія перешелъ и Епископъ каставальскій Теофилъ. Такимъ образомъ, не дождавшись Евстаѳія, св. Василий съ стыдомъ и съ скорбію въ сердцѣ долженъ былъ распустить собраніе ⁽¹⁾. Вскорѣ Евстаѳій показалъ себя вполне, къ великой скорби защищавшихъ его и къ утѣшенію враговъ православія. Онъ удалился въ Киликію, гдѣ господствовало аріанство, и тамъ издалъ исповѣданіе вѣры, какое прилично было бы написать одному развѣ Арію и самому близкому изъ учениковъ его ⁽²⁾. Это поразило сердце св. Василия сильною скорбію, и онъ прекратилъ съ нимъ всякое общеніе. Но Евстаѳій къ нечестію присоединилъ еще крайнюю и непримиримую злобу къ св. Василию, который такъ много выражалъ къ нему самой искренней и дружественной любви, и такъ много заботился объ охраненіи его чести. Къ нечестію присовокупивъ злобу, Евстаѳій говорилъ, что не онъ отчужденъ отъ общенія съ св. Василиемъ, а самъ отчуждаетъ его отъ общенія съ собою, потому будто бы, что Василий находится въ общеніи съ еретикомъ Аполлинаріемъ, и приводилъ въ доказательство письмо Василиево къ Аполлинарію, писанное назадъ тому двадцать лѣтъ, когда онъ былъ еще міряномъ. Кроме сего, обвинялъ еще Василия въ томъ, будто онъ проповѣдуетъ новое

⁽¹⁾ В. В. письмо 236.

⁽²⁾ Его же письмо 125.

ученіе о Духѣ Святомъ, когда исповѣдуетъ Его равночестнымъ Отцу и Сыну ⁽¹⁾. Не довольствуясь симъ, Евстаѣій не только въ Каппадокіи, но и по всему Понту, Галатіи, Вифиніи даже до Геллеспонта распространялъ враждебныя письма, въ которыхъ обвинялъ Василия въ такихъ порокахъ, какіе могли быть приписаны только самому нечестивому человѣку ⁽²⁾. Все это вмѣстѣ сколь сильною скорбію поразило душу св. Василия, видно изъ его писемъ къ Патрофилу и Олимпію. Писалъ онъ Патрофилу, епископу церкви въ Егеехъ: «пораженный такимъ страшнымъ и внезапнымъ переворотомъ, не могъ я и отвѣчать. Сердце у меня стало связано, языкъ разслабѣлъ, рука онѣмѣла, и впалъ я въ немощь души немужественной; едва не дошелъ я до человѣконенавидѣнія; мнѣ казалось, что всякій нравъ подозрителенъ, что въ природѣ человѣческой нѣтъ блага—любви, но есть благовидное слово, служащее какою-то прикрасой для употребляющихъ его, а на самомъ дѣлѣ въ сердцѣ человѣка нѣтъ сего расположенія. . . . что надобно предположить о другихъ, которымъ не давалъ я такихъ залоговъ дружбы. . . . Перебирая это самъ съ собою въ душѣ своей и непрестанно обращая въ сердцѣ, или, лучше сказать, отвращаясь отъ этого сердцемъ (такъ воспоминаніе о семъ грызетъ и терзаетъ меня), не отвѣчалъ я на это письмо, умолчавъ не изъ презрѣнія (не подумай этого, братъ; потому что не передъ людьми оправдываюсь, но говорю о Христѣ предъ Богомъ), но отъ недоумѣнія и затруднительности, не находя, что сказать соотвѣтственное печали. Пока находился я въ такомъ состояніи, застигло меня другое письмо, писанное къ какому-то Дазису; въ самомъ же дѣлѣ разосланное ко всѣмъ,

⁽¹⁾ В. В. письмо 218.

⁽²⁾ Его же письмо 114, 216, 236.

что доказывается столь быстрымъ его распространеніемъ, что въ нѣсколько дней разсѣялось оно по всему Понту и прошло въ Галатію. А иные говорятъ, что вѣстники такихъ добрыхъ слуховъ, обошедши Виѣниію, дошли до самаго Геллеспонта. Что же писано было противъ меня къ Дазису? . . . Въ немъ увидишь, что меня обвиняютъ въ коварствѣ и лживости, въ разстройствѣ Церквей, въ пагубѣ душъ. Всему этому судія—Господь» ⁽¹⁾. «И какъ мнѣ было не выйти почти изъ ума, писалъ св. Василій къ Олимпію, прочитавъ письмо къ благоговѣйнѣйшему брату Дазису, исполненное тысячами оскорбленій, несносныхъ обвиненій и нападеній на меня, какъ будто уличень я въ самыхъ опасныхъ замыслахъ противъ Церквей? . . . Сперва скорбѣлъ я душою, *яко умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ* (Пс. 11, 1); но потомъ убоялся самъ за себя, не стражду ли сверхъ прочихъ грѣховъ, и грѣхомъ чловѣконенавидѣнія, заключая, что ни въ комъ уже нѣтъ вѣрности, когда таковыми оказались ко мнѣ и къ самой истинѣ люди, которымъ довѣрялъ я и въ самомъ важнѣйшемъ» ⁽²⁾. Предавая всю свою сѣборбъ, всѣ клеветы противъ него, и все зло, порожденное сими клеветами на судъ Божій, св. Василій не хотѣлъ и оправдываться, ожидая праведнаго суда отъ Бога. Но злоумышленія враговъ не остались безъ вредныхъ послѣдствій для его здоровья, и безъ того всегда слабаго ⁽³⁾. Въ половинѣ 373 года, онъ такъ сильно заболѣлъ, что въ Каппадокіи разнесся слухъ о его смерти, и Епископы съѣхались въ Кесарію для избранія новаго Архіепископа. Въ отвѣтъ на приглашеніе Евсевія, епископа Самосатскаго, пріѣхать

⁽¹⁾ В. В. письмо 236.

⁽²⁾ Его же письмо 126.

⁽³⁾ Его же письмо 136.

въ Сирію для устройства тамошнихъ церковныхъ дѣлъ св. Василій писалъ: «въ какое, думаешь, состояніе пришла душа моя, когда получилъ я письмо твоего благочестія? Ибо, смотря на расположеніе, выраженное въ письмѣ, устремился я тотчасъ прямо летѣть къ Сиріанамъ: смотря же на тѣлесную немощь, которою былъ связанъ, чувствовалъ, что нѣтъ у меня силъ не только летѣть, но и поворотиться на одрѣ.—Пятьдесятый день проводилъ уже я въ болѣзни, когда пришелъ ко мнѣ возлюбленный и ревностнѣйшій братъ нашъ, содіаконъ Елпидій. Много изнуренъ я былъ горячкою, которая, по недостатку питательнаго для нея вещества, обвившись около сухой этой плоти, какъ около обожженной свѣтильни, производила сухотку и медлительную болѣзнь. А потомъ, старая моя рана, поразивъ собою эту печень, произвела во мнѣ отвращеніе отъ пищи, отняла отъ очей моихъ сонъ, держала меня въ предѣлахъ между жизнію и смертію, дозволяя жить въ той только мѣрѣ, чтобы чувствовать непріятности жизни. По этому-то пользовался я самородно-теплыми водами, и принималъ нѣкоторыя пособія отъ врачей» (¹). Но воды не много, вѣроятно, принесли ему пользы, потому что св. Василій писалъ: «цѣлый ужъ мѣсяцъ лечусь водами самородно-теплыми, чтобы получить отъ сего какуюнибудь пользу. Но напрасно, видно, тружусь въ пустынѣ, или даже многимъ кажусь достойнымъ смѣха, не слушая пословицы, которая говоритъ, что мертвымъ не доставитъ пользы и теплое» (²).

Но если св. Василій и заботился о поддержаніи своего здоровья, то не для того, чтобы продолжительнѣе пользо-

(¹) В. В. письмо 133.

(²) Его же письмо 132.

ваться радостями и наслажденіями земными, а для того, чтобы еще послужить благу Церкви, хотя и зналъ, что его, кромѣ тяжкихъ огорченій, ничто не ожидаетъ впереди. Въ письмѣ къ Патрофилу писалъ онъ: «изнемогши отъ весьма сильной горячки и приблизившись къ самымъ вратамъ смерти, потомъ воззванный къ жизни Божиимъ человеколюбіемъ, не съ радостію смотрѣлъ я на возвращеніе силъ моихъ, разсуждая, на какія опять иду бѣдствія. И придумывалъ самъ въ себѣ, не предназначено ли въ глубинѣ премудрости Божіей что нибудь такое, для чего даны еще мнѣ дни жизни во плоти? Когда же узналъ объ этомъ (т. е. о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ пишетъ ему), заключилъ, что угодно Господу, чтобы увидѣлъ я Церкви успокоенными отъ волненія, которое претерпѣли они предъ этимъ, по случаю отдѣленія тѣхъ, которымъ было все повѣрено за ихъ лицемѣрную честность. Или, можетъ быть, Господу угодно укрѣпить душу мою и сдѣлать болѣе трезвенною для послѣдующаго времени, чтобы не обращала она вниманія на людей, но соображалась съ евангельскими заповѣдями, которыя не перемѣняются ни со временемъ, ни съ обстоятельствами дѣлъ человѣческихъ, но всегда тѣ же, и какъ произнесены не лживыми и блаженными устами, такъ и останутся вѣчно. А люди подобны облакамъ, которыя съ перемѣною вѣтровъ носятся туда и сюда по воздуху» ⁽¹⁾.

Молчалъ св. Василиій, и долго молчалъ, когда клеветы уязвляли только его честь; но когда увидѣлъ, что клеветы нарушаютъ миръ между православными и подрываютъ въ нихъ довѣріе къ его спасительному слову, и чрезъ то дѣлаютъ ихъ менѣе преданными истинѣ православнаго ученія и болѣе доступными для лжи еретическихъ мудро-

⁽¹⁾ В. В. письмо 236.

ваній: то онъ, возревновавъ уже о благѣ своей паствы, многимъ написалъ письма, раскрывъ во всей полнотѣ, какъ нечестіе клеветниковъ, такъ и лживость и злонамѣренность всѣхъ выдумокъ. Но мы обратимъ вниманіе только на начало одного изъ его писемъ, написанныхъ въ обличеніе лжи его клеветниковъ, въ которомъ онъ высказываетъ причины, побудившія его прекратить молчаніе и говорить въ защиту себя. «*Время, сказано, молчать, и время лаюлати* (Еккл. 3, 7); это слово Екклесиаста. Потому и теперь, говоритъ св. Василій, такъ какъ довольно уже было времени молчанія, благовременно отверсть уста. къ обнаруженію истины того, что не всѣ знаютъ. Ибо и великій Іовъ много времени переносилъ бѣдствія въ молчаніи, доказывая мужество симъ самымъ терпѣніемъ неудобопереносимыхъ страданій. Но послѣ того, какъ уже достаточно подвизался въ молчаніи, и въ глубинѣ сердца скрывалъ болѣзненное ощущеніе, отверзъ наконецъ уста и проглаголалъ то, что всякому извѣстно. Такъ и я въ сіи три года молчанія соревновалъ похвалѣ пророка, который говоритъ: *быхъ яко человекъ не слышай, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія* (Пс. 37, 15). Почему во глубинѣ сердца своего заключалъ болѣзнь, причиненную мнѣ клеветою. Ибо дѣйствительно клевета унижаетъ мужа, и клевета вводитъ въ заблужденіе убогаго. Итакъ, хотя столько зла отъ клеветы, что низводитъ съ высоты и совершеннаго (ибо сіе разумѣетъ Писаніе подъ именемъ мужа), и вводитъ въ заблужденіе убогаго, то есть, скуднаго вѣдѣніемъ высокихъ догматовъ (какъ представляется это пророку, который говоритъ: *негли убози суть, и потому не послушаютъ, пойду къ державнымъ* (Іерем. 5, 4), называя убогими скудныхъ разумѣніемъ; и здѣсь очевидно притча говоритъ, что вводятся въ заблужденіе и колеблются еще не усовершенствовавшіеся по внутреннему челоуѣку, и недо-

стигшіе совершенной мѣры возраста): однако же думалъ я, что надобно въ молчаніи переносить огорченія, ожидая какой нибудь перемѣны на лучшее отъ самыхъ дѣлъ. Ибо полагалъ, что сказано это о мнѣ не по какой либо злобѣ, но по незнанію истины. Поелику же съ теченіемъ времени и вражда возрастаетъ, и они не раскаяваются въ томъ, что говорили сначала, и нисколько не заботятся уврачевать прошедшее, но продолжаютъ свое дѣло и стремятся къ цѣли, какую предположили себѣ въ началѣ преогорчать жизнь мою, ухищряясь запятнать меня во мнѣніи братіи: то молчаніе кажется мнѣ уже не безопаснымъ. Напротивъ того, пришло мнѣ на мысль слово Исаіи, который говоритъ: *молчахъ, еда и всегда умолчу и потерплю? Терпѣхъ, яко раждающая* (Ис. 42, 14). О, еслибы и мнѣ получить какую нибудь награду за молчаніе и приобрѣсти сколько нибудь силы къ обличенію, чтобы, обличивъ, иссушить этотъ горькій потокъ излитой на меня лжи, и прійти въ состояніе сказать: *потокъ преиде душа наша; и аще не Господь бы былъ въ насъ, внигда возстати челоукомъ на ны, убо живыхъ пожерли быша насъ, убо вода потопила бы насъ* (Пс. 123, 2—4)».

Страданія св. Василия не окончились однако же его борьбою съ Евстаѳіемъ. Куда только проникалъ какой либо видъ нечестія, тамъ всегда возбуждалась пенависть и вражда противъ св. Василия, какъ ревностнаго защитника православія и неустрашимаго обличителя всякаго нечестія. Клеветы противъ св. Василия пронеслись далеко и достигли наконецъ и приморскихъ Епископовъ, которые, по отдаленности ихъ мѣста отъ Кесаріи, не имѣли почти никакого общенія съ Кесарійскимъ Архіепископомъ, хотя и находились въ нѣкоторой зависимости отъ него, и не хотѣли принимать никакого участія въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ Восточной Церкви. Такъ какъ зло легко воспринимается всѣми, у которыхъ

оскудѣла въ сердцѣ любовь къ ближнему и страхъ Божій; по этой причинѣ и приморскіе Епископы, забывъ великіе труды св. Василя въ пользу Церкви, оставивъ безъ вниманія его ученія, служившія свѣтомъ для всей Восточной Церкви, объятай мракомъ еретическихъ умствованій, вмѣнивъ ни во что его высокую подвижническую жизнь, легко поддались вліянію клеветниковъ и осуждали его, не давъ себѣ труда провѣрить ихъ злорѣчіе собственнымъ изслѣдованіемъ дѣла или здравымъ разсужденіемъ. Миръ всегда есть высокое благо и особенно цѣнное въ то время обуреваній святой Церкви со стороны еретиковъ, поддерживаемыхъ могущественною свѣтскою властію. Поэтому для соблюденія мира съ ними св. Василій, не могши самъ прибыть для личныхъ объясненій съ ними, писалъ имъ, чтобы они не подчинялись клеветѣ злобныхъ людей и не обвиняли его, не выслушавъ его оправданій противъ клеветниковъ. Для этого онъ предлагалъ имъ, или самимъ придти къ нему, или ему назначить мѣсто для объясненій съ ними, представляя имъ на видъ то, что вражда приноситъ прежде всего зло тому, кто питаетъ его въ своемъ сердцѣ. «Сильное у меня было стремленіе, писалъ имъ св. Василій, видѣться съ вами, но всегда встрѣчалось какое нибудь препятствіе, останавливавшее меня въ исполненіи этого желанія. Меня удерживали или тѣлесная болѣзнь (о которой, конечно, и вамъ извѣстно, что она не отлучна со мною, съ ранняго возраста и до этой старости, вмѣстѣ росла и учитъ меня, по праведному суду все устрояющаго Бога), или заботы о Церквахъ, или состязаніе съ возстающими противъ слова истины. Посему доселѣ провожу время въ великой скорби и печали, сознавая, что недостаетъ у меня вашего соучастія. Ибо отъ самаго Бога, Который для того воспріялъ на себя пришествіе во плоти, чтобы, показавъ примѣръ, какъ должны мы поступать, привести въ порядокъ

жизнь нашу, и собственнымъ гласомъ возвѣстивъ намъ евангеліе царствія, отъ Него научившись, что *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга* (Іоан. 13, 34—35), и что Господь, намѣреваясь довершить свое во плоти домостроительство, въ предпутный даръ своимъ ученикамъ оставилъ миръ свой, сказавъ: *миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27)—не могу самъ себя увѣрить, что, безъ взаимной любви съ другими и безъ старанія, по мѣрѣ силъ моихъ, пребывать въ мирѣ со всѣми, можно мнѣ достойнымъ образомъ именоваться рабомъ Іисуса Христа».

«Много времени ждалъ я, не будетъ ли мнѣ какого посѣщенія и отъ вашей любви. Не безъизвѣстно вамъ, что поставленъ я у всѣхъ на виду; подобно подводнымъ камнямъ, выдающимся изъ моря, на себя принимаю ярость еретическихъ волнъ, и онѣ, разбиваясь о меня, не затопляютъ того, что за мною. А когда говорю: на себя, не человѣческой приписываю это силѣ, но благодати Бога, Который являетъ силу свою въ немощи человѣческой, какъ Пророкъ говоритъ отъ лица Господня: *Мене ли не убоитесь, иже положихъ песокъ предъпль морю* (Іерем. 5, 22)? Ибо Онъ, мощный, такую вещь, которая всего безсильнѣе и презрѣннѣе, пескомъ, связалъ великое и неудержимое море. Итакъ, поелику подобное нѣчто есть и въ моемъ положеніи: то слѣдовало, чтобы любовь ваша часто присылала какихъ либо близкихъ вамъ людей для посѣщенія меня утѣшеннаго, а еще чаще приходили бы ко мнѣ дружелюбныя ваши письма, то подкрѣпляющія меня въ усердіи, то исправляющія, если въ чемъ погрѣшаю. Ибо не отрицаюсь, что подверженъ я тысячамъ преткновеній, какъ человѣкъ, и какъ живущій во плоти».

«Но поелику въ предшествовавшее сему время, или по неусмотрѣнію того, что было прилично, не воздали вы, досто-

почтениѣйшія братія, должнаго мнѣ, или будучи предубѣждены чьими либо клеветами на меня, не почли меня достойнымъ дружелюбнаго посѣщенія: то вотъ самъ теперь я начинаю переписку, и признаю себя готовымъ предъ вами сложить съ себя взводимыя на меня вины, если только мои обидчики согласятся стать со мною лицомъ къ лицу предъ вашимъ благоговѣніемъ..... Если же прежде обличенія осуждаете меня, то я никакой, правда, не потерплю отъ сего обиды, кромѣ того, что утрачу, всего драгоцѣннѣйшее для меня достояніе—любовь къ вамъ; но вы и это самое потерпите, лишившись меня, и окажетесь противящимися евангелію, которое говоритъ: *егда законъ нашъ судитъ челоуѣку, аще не слышимъ отъ него прежде, и разумѣмъ, что творитъ* (Іоан. 7, 51)..... Если располагаете сами прибыть ко мнѣ, и лично изслѣдовать мои недуги, дѣйствительно ли они таковы, какъ вы о нихъ слышали, или погрѣшности мои представлены вамъ съ ложными прибавленіями, и отъ того кажутся очень тяжкими; то пусть и сіе будетъ. Съ отверстыми руками готовъ я ожидать вашего прибытія, и предать себя строгому вашему изслѣдованію, только бы всѣмъ этимъ управляла любовь. А если и у себя угодно вамъ назначить мѣсто, куда бы явившись, исполнилъ я лежащій на мнѣ долгъ посѣтить васъ, и доставилъ вамъ случай произвести надо мною возможное испытаніе, чтобы и предшествовавшее было уврачевано, и въ будущемъ не оставалось никакого мѣста клеветамъ: то пусть и сіе будетъ. Ибо нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что, хотя и немощна моя плоть, но пока дышу, обязанъ ничего не опускать къ созиданію Церквей Христовыхъ» (¹). Смирненіе св. Василія, его кротость, любовь и готовность подвергнуть себя ихъ суду, подѣйствовали на нихъ столько, что

(¹) В. В. письмо 193.

устыдились своей легковѣрности клеветникамъ, и, вспоминая о высокихъ заслугахъ Церкви св. Василия, пребыли съ нимъ въ общеніи мира и любви, такъ что св. Василій, отъ лица всей Церкви своей приглашалъ ихъ на праздникъ св. Мучениковъ ⁽¹⁾.

Но у св. Василия была другая сильная скорбь, и къ тому же менѣе удобная, какъ оказалось, для уврачеванія. Эту скорбь составляло отчужденіе отъ него жителей Неокесаріи. Онъ былъ воспитанъ въ сосѣдствѣ сего города; нѣкоторыхъ изъ Епископовъ онаго почиталъ своими учителями; Неокесарія прежде оказывала ему чрезвычайную почесть, когда онъ былъ еще міряниномъ; находилась въ тѣсной связи съ его Кесарійскою Церковію, въ ней жили и его родственники. Не смотря на все сіе, когда враги разсѣвали въ ней худые слухи о св. Василиѣ, съ такою жадностію слушали ихъ, что все старое было забыто. Главною причиною дурныхъ слуховъ о св. Василиѣ былъ Астарвій, тамошній Архіепископъ, который увлеченъ былъ ересью Савеллія. Святый Василій сдѣлалъ ему скромный выговоръ, и просилъ его объясниться съ нимъ для охраненія собственной его чести. Но Астарвій не явился къ нему, ни мало не перемѣнилъ своихъ мыслей, и старался только сколько возможно болѣе сдѣлать св. Василия ненавистнымъ своему народу, называя ученіе его мірскою мудростію ⁽²⁾. Истинною же причиною ненависти Астарвія къ св. Василию была зависть и опасеніе, чтобы онъ не обличилъ его въ савелліанской ереси ⁽³⁾.

Впрочемъ св. Василій не терялъ надежды къ миру. И въ семъ случаѣ онъ принялъ тотъ же способъ, какой употребилъ

⁽¹⁾ В. В. письмо 244.

⁽²⁾ Его же письмо 196.

⁽³⁾ Его же письмо 202.

въ отношеніи приморскихъ Епископовъ. Онъ написалъ къ Неокесарійцамъ письмо, въ которомъ, напомнивъ имъ о продолжительномъ съ ихъ стороны молчаніи, вслѣдствіе возбужденнаго въ ихъ сердцахъ гнѣва противъ него, показываетъ, что они не имѣютъ справедливаго предлога къ разрыву, напротивъ того, есть много важныхъ причинъ къ крайней между ними дружбѣ и къ единенію. И причинами, побуждающими къ мирнымъ отношеніямъ, выставяетъ прежде всего заповѣдь Господа: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга* (Іоан. 13, 34—35). Второстепенными, но не менѣе важными, причинами къ единенію и то, что, въ отроческомъ еще возрастѣ своемъ, онъ имѣлъ съ ними однихъ учителей таинъ Божіихъ и духовныхъ отцевъ, въ началѣ положившихъ основаніе Неокесарійской Церкви, разумѣя Григорія, Неокесарійскаго чудотворца, и всѣхъ, которые послѣ него вступая на престолъ епископскій, подобно нѣкіимъ звѣздамъ возсіявая одинъ послѣ другаго, шли по тѣмъ же слѣдамъ, и для желающихъ оставили явственныя знаменія небеснаго жительства. «Если же, говоритъ св. Василий и плотскаго родства презирать не должно, напротивъ того и оно много способствуетъ къ неразрывному союзу и общенію жизни; то у меня въ разсужденіи васъ есть и эти права».

Показавъ такимъ образомъ, причины побуждющія ихъ къ общенію съ нимъ, раскрываетъ далѣе неосновательность ихъ отчужденія отъ него, и указываетъ на истинную причину этого отчужденія. «Почему же, пишетъ онъ далѣе, почтеннѣйшій изъ городовъ, нѣтъ отъ тебя ни посланія кроткаго, ни привѣтливаго слова, напротивъ того, слухъ твой отверстъ для людей готовыхъ клеветать? Посему тѣмъ болѣе долженъ я воздыхать, чѣмъ болѣе вижу успѣха въ замышляемомъ ими. Дѣло клеветы имѣетъ у себя открытаго вожда (т. е.

ихъ Архієпископа Астарвія), который, будучи извѣстенъ по многимъ худымъ дѣламъ, всего болѣе отличается этимъ порокомъ, такъ что грѣхъ этотъ обратился ему въ имя. Но не погнѣвайтесь однако же на мое дерзновеніе: открывъ оба уха клеветущимъ на меня, безъ изслѣдованія принимаете къ сердцу все, и никто изъ васъ не хочетъ отличить лжи отъ истины. Кто затруднялся когда либо въ произнесеніи злыхъ обвиненій, не имѣя предъ собою противника? Кто обличаемъ былъ во лжи въ отсутствіе его самаго—оклеветаннаго? Какое слово не найдетъ вѣроятія слушающихъ, когда злословящій усиливается доказать, что дѣло было такъ, а злословившаго нѣтъ при этомъ, и онъ не слышитъ хулы? Самый обычай общегитія не учитъ ли насъ тому, что, если кто намѣренъ быть равнодушнымъ и безпристрастнымъ слушателемъ: то долженъ не вовсе увлекаться предупреждающимъ, но ожидать оправданія отъ обвиняемаго, чтобы такимъ образомъ, при сличеніи словъ того и другаго, открылась истина. *Праведный судъ судите* (Іоан. 7, 24): вотъ одно изъ повелѣній, самыхъ необходимыхъ для спасенія».

Уяснивъ такимъ образомъ для Неокесарійцевъ условія, необходимыя для произнесенія праведнаго суда надъ кѣмъ бы то ни было, показываетъ далѣе, что молчалъ доселѣ не по небреженію къ ихъ мнѣнію о себѣ, но потому, что, направляя свои дѣйствія къ прославленію имени Божія и благу ближнихъ, ожидалъ праведнаго суда для себя отъ Бога. Если же теперь и рѣшается писать къ нимъ: то не для того, чтобы снискать для себя доброе мнѣніе отъ людей, но для спасенія ихъ собственныхъ душъ отъ грѣха. «Поелику ложные навѣсты предварительно заняли собою слухъ вашъ, подвергается оклеветанію жизнь моя, подвергается оклеветанію и вѣра моя въ Бога: то зная, что клеветникъ нанеситъ вредъ тремъ вмѣстѣ лицамъ, ибо обижаетъ и оклеветаннаго, и къ кому об-

ращена рѣчь его, и себя самага, молчалъ я о своемъ вредѣ, не мнѣніемъ вашимъ о мнѣ, какъ знаете это, пренебрегая (ибо можно ли пренебрегать имъ мнѣ, который для того и пишу, и вступаю теперь въ эту борьбу, чтобы не повредить себѣ въ ономъ?), но видя, что изъ троихъ, претерпѣвающихъ вредъ, меньше всѣхъ терплю я. Ибо я лишаюсь васъ; у васъ же похищаютъ истину; а виновникъ этого и меня съ вами разлучаетъ и себя отчуждаетъ отъ Господа; потому что невозможно приблизиться къ Богу дѣлами запрещенными. Поэтому говорю сіе болѣе для васъ, нежели для себя; хочу васъ избавить отъ нестерпимаго вреда; ибо какое больше зло могъ бы потерпѣть тотъ, кто утратилъ самое драгоцѣнное-истину?»

Смиренно сознавая себя, что онъ еще далеко не достигъ того совершенства, чтобы считать себя безгрѣшнымъ по отношенію къ тѣмъ высшимъ требованіямъ евангельскаго ученія, которыми вмѣняется въ обязанность каждому христіанину имѣть не только плодотворность во всѣхъ дѣйствіяхъ, но и совершенную и постоянную чистоту въ движеніяхъ помысловъ и расположеній сердечныхъ, выясняетъ имъ однако же, что отзываться о комъ либо дурно заочно, не провѣряя своихъ словъ объясненіями обвиняемаго, значитъ, не обличать виновнаго, но только злорѣчить, и слѣдовательно подвергать себя самага осужденію отъ Бога. Если же они считаютъ себя въ правѣ обвинять его, какъ Архіепископа, въ невѣрномъ направленіи его ученія: то по любви къ истинѣ и истинной ревности о благѣ Церкви, пусть составятъ соборъ изъ людей благонамѣренныхъ и способныхъ правильно рассуждать о предметахъ духовныхъ, и тогда, если онъ окажется въ дѣйствительности виновнымъ въ томъ, въ чемъ стараются обвинить его заочно люди неблагонамѣренные, пусть извергнутъ его изъ лика святителей, и избавятъ Церковь

отъ зла, которое наносилъ онъ ей своимъ учениемъ. Но до тѣхъ поръ пусть помнятъ, что злорѣчіемъ они наносятъ вредъ только своей душѣ и съ довѣріемъ слушающимъ ихъ.

Продолжая свое прежнее слово къ Неокесарійцамъ, св. Василій далѣе говорить: «итакъ, что говорю я, братіе? Не то, что я безгрѣшенъ, что жизнь моя не исполнена тысячами проступковъ; ибо знаю себя, и не перестаю источать слезы о моихъ грѣхахъ, если бы только возможно мнѣ было умолюстить Бога моего и избѣжать угрожающаго наказанія; но кто судить дѣла мои, тотъ если утверждаетъ, что чисто око его, пусть ищетъ сучецъ и въ моемъ окѣ; ибо сознаюся, что имѣю нужду въ великомъ попеченіи о мнѣ людей здравыхъ. А если не говоритъ онъ этого о себѣ (тѣмъ же паче не скажетъ, чѣмъ болѣе онъ чистъ; потому что совершеннымъ свойственно не себя самихъ превозносить, иначе, безъ сомнѣнія, содѣлаются повинными въ высокомеріи фарисея, который, оправдывая себя, осуждалъ мытаря): то пусть вмѣстѣ со мною поищетъ врача, и да не судить *прежде времени, дондеже придетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя* (1 Кор. 4, 5); пусть помнитъ Сказавшаго: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. 7, 1), и: *не осуждайте, да не осуждени будете* (Лук. 6, 37). Вообще же, братіе, если прегрѣшенія мои удобоисцѣлимы; то почему не повинуется онъ учителю Церкви, который говоритъ: *обличи, запрети, умоли* (2. Тим. 4, 2)? Если же беззаконіе мое неисцѣльно; то почему не противустанетъ мнѣ въ лице, и почему, объявивъ противузаконные мои поступки, не избавитъ Церковь отъ вреда мною причиняемаго? Итакъ, не потерпите злословія, произнесеннаго на меня сквозь зубы. Ибо это могла бы сдѣлать и раба, служащая на мельницѣ; въ этомъ отличился

бы съ избыткомъ и всякій подлый человѣкъ, у котораго языкъ изощренъ на всякое злословіе. Но есть Епископы,— пусть они будутъ приглашены для выслушанія; есть клиръ въ каждой епархіи,— пусть будутъ собраны люди самые испытанные. Пусть свободно говорить желающій, но только бы это было обличеніе, а не злословіе. Пусть выведены будутъ на показъ тайны моего лукавства; и тогда не ненавистію меня преслѣдуютъ, но вразумятъ, какъ брата. Болѣе имѣю права отъ блаженныхъ и безгрѣшныхъ мужей ожидать сожалѣнія о себѣ грѣшникѣ, нежели негодованія на себя.

«Если же есть преткновеніе въ вѣрѣ: то пусть будетъ указано сочиненіе; пусть опять соберутся равнодушные и безпристрастные судіи, прочтено будетъ обвиненіе, рассмотрѣно, не по невѣдѣнію ли обвиняющаго болѣе представляется достойнымъ обвиненія сочиненіе, чѣмъ въ существѣ своемъ оно предосудительно. Ибо многое и хорошее не представляется хорошимъ у людей, не имѣющихъ въ умѣ своемъ вѣрнаго начала къ сужденію. И равновѣсныя тяжести кажутся неравными, когда вѣсовыя чашки не имѣютъ между собою равновѣсія. Даже и медъ для иныхъ казался горькимъ, если у нихъ чувство вкуса повреждено было болѣзнію. И глазъ въ нездоровомъ состояніи не видитъ многого дѣйствительнаго, представляетъ же многое такое, чего нѣтъ. Поэтому и при оцѣнкѣ сочиненій, какъ замѣчаю, бываетъ часто тоже, когда судія по способностямъ ниже писателя; потому что кто судить о сочиненіи, съ тѣмъ же почти запасомъ долженъ приступить къ дѣлу, какъ и написавшій оное. О дѣлахъ земледѣлія не способенъ судить, кто самъ не земледѣлецъ; не распознаетъ нестройнаго и стройнаго въ музыкальныхъ ладахъ, кто не имѣетъ свѣдѣнія о музыкѣ: по судію сочиненій тотчасъ дѣлается всякой, кто не можетъ указать учителя своего, и времени, когда обучался, и вообще не слыхалъ, ни малаго, ни

великаго о томъ, какъ сочинять ⁽¹⁾. А я примѣчаю, что и въ словахъ Духа не всякому позволительно приступать къ изслѣдованію сказаннаго, но только имѣющему духа разсужденія, какъ научилъ насъ Апостоль, который, говоря о раздѣленіи дарованій, сказалъ: *овому бо Духомъ дается слово премудрости: иному же слово разума о томъ же Духъ: другому же въра тѣмъ же Духомъ: другому же дѣйствія силъ, иному пророчество, другому разсужденія духовомъ* (1 Кор. 12, 8—10). Поэтому, если сочиненіе мое духовно, то намѣревающийся судить о немъ пусть докажетъ, что имѣетъ онъ дарованіе разсужденія о духовномъ. А если, какъ злословить онъ, это плодъ мудрости міра сего: то пусть покажетъ себя опытнымъ въ мірской мудрости; и тогда предоставляю ему голосъ въ судъ». Далѣе убѣждаетъ ихъ не вдаваться всякому нелѣпому слуху, но изслѣдовать дѣло съ тщательностію, чтобъ не погрѣшить по нерадѣнію противъ истины и противъ ближняго. Вмѣстѣ съ симъ выражаетъ полную готовность отвѣчать на всѣ ихъ вопросы и недоумѣнія, только бы спасти ихъ отъ грѣха осужденія. Въ доказательство чистоты и правоты своего ученія, между прочимъ представляетъ, и то, что съ нимъ находятся въ общеніи духовномъ и имѣютъ переписку всѣ православные Епископы, какъ то: Писидійскіе, Ликаонскіе, Маврійскіе, обѣихъ Фригій, Армянскіе, Македонскіе, Ахайскіе, Иллирійскіе, Галльскіе, Испанскіе, всей Италіи, Сицилійскіе, Африканскіе, изъ Египетскихъ всѣ соблюдающіе здравую вѣру и весь остатокъ Сирскихъ. Слѣдственно, кто чуждается общенія съ нимъ, тотъ по необходимости чуждается общенія и съ прочими Церквами, и такимъ образомъ самъ себя отлучаетъ отъ обще-

⁽¹⁾ Астарвій, архіепископъ Неокесарійскій, враждовавшій противъ св. Василія и возмущавшій противъ него свою паству, не обучался ни въ какомъ учебномъ заведеніи.

нія со всею православною Церковію. Въ заключеніе угрожаетъ имъ, если не исправятся въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, открыть предъ всею Церковію истинную причину ихъ уклоненія отъ общенія съ нимъ, то есть, ихъ уклоненіе къ еретическимъ ученіямъ, осуждаемымъ всею православною Церковію (¹).

Но это письмо св. Василія осталось безъ отвѣта. Опасаясь быть обличенными въ ереси, Неокесарійцы избѣгали всякихъ объясненій съ нимъ. Св. Василій въ другомъ письмѣ къ Неокесарійскимъ клирикамъ указалъ имъ истинную причину ихъ молчанія. Они, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, «всѣми мѣрами уклоняются отъ свиданія со мною. Для чего же? Не для того ли, что опасаются быть обличенными въ лукавыхъ ученіяхъ?»—Но Неокесарійскіе клирики, руководимые впадшимъ въ нечестіе своимъ Архипастыремъ, чтобы оправдать предъ народомъ свою злобу противъ св. Василія, выставляли на видъ, что они питаютъ къ нему неудовольствіе и чуждаются съ нимъ общенія за его нововведенія, именно: за устройство монашеской жизни и псалмопѣнія. Св. Василій показываетъ имъ, что жизни подвижнической положено начало не у него. «Обвиняютъ меня, говоритъ св. Василій, въ томъ, что есть у меня подвижники благочестія, отрeksiеся отъ міра и отъ всѣхъ житейскихъ попеченій..... А такіе люди носятъ мертвость Иисусову въ тѣлѣ своемъ, и взявъ крестъ свой, послѣдуютъ Богу.... И теперь, какъ слышу, такую добродѣтель имѣютъ нѣкоторые въ Египтѣ, а можетъ быть, и въ Палестинѣ; иные преспѣваютъ въ житіи Евангельскомъ; слышу также о нѣкоторыхъ совершенныхъ и блаженныхъ мужахъ и въ Месопотаміи. Мы же въ сравненіи съ совершенными еще дѣти. Но если и женщины желаютъ жить по евангельски, предпочитаютъ дѣвство браку, порабощаютъ мудрованіе плотское

(¹) В. В. письмо 196.

и живутъ въ ублажаемомъ плачѣ: то онѣ блаженны за сіе избраніе, въ какой бы землѣ ни находились. У насъ это въ маломъ еще видѣ, потому что изучаемъ только начатки и одно введеніе въ благочестіе..... Намъ бреваюсь же довести до вашего свѣдѣнія, что желаю имѣть у себя сонмы такихъ мужей и женъ, у которыхъ житіе на небесахъ, которые распяли плоть свою съ страстьми и похотьми, не заботятся о пищѣ и о одеждѣ; но ни чѣмъ неразвлекаемые и водруженные въ Богѣ, день и ночь пребываютъ въ молитвахъ, у которыхъ уста не глаголятъ дѣлъ человѣческихъ, но которые непрестанно поютъ пѣснопѣнія Богу нашему, дѣлая своими руками, чтобъ у нихъ было, чѣмъ подѣлиться съ нуждающимися».

Отвѣчая на другое обвиненіе относительно нововведеній въ церковномъ Богослуженіи, говоритъ имъ, что и они допустили у себя много новыхъ молитвословій, которыхъ не знала первенствующая Церковь, и вмѣстѣ объясняетъ имъ, что онъ напоминаетъ имъ объ этомъ не для обвиненія ихъ, но только, чтобы показать неосновательность ихъ обвиненій противъ себя. Что же касается вообще нововведеній въ церковномъ Богослуженіи, то говоритъ, что они всегда возможны и полезны, если служатъ къ созиданію души. Раскрывая далѣе порядокъ Богослуженія, совершаемаго въ Кесаріи, указываетъ, что тотъ же порядокъ Богослуженія усвоенъ и многими другими Церквами. «На обвиненіе въ пѣснопѣніяхъ, пишетъ св. Василій, которыми клеветники мои наиболѣе устрашаютъ людей простодушныхъ, могу сказать слѣдующее: утвердившіеся нынѣ обычаи во всѣхъ Церквахъ Божіихъ однообразны и согласны. Ибо народъ съ ночи у насъ бодрствуетъ въ молитвенномъ домѣ, въ трудѣ, въ скорби и въ слезахъ сокрушенія исповѣдуясь Богу, и оставъ на послѣдокъ по молитвахъ начинаютъ псалмопѣніе. И иногда, раздѣлившись на двѣ части, поютъ попере-

*

мѣнно одни за другими, чрезъ это вмѣстѣ и упрочивая поученіе въ словесахъ, и производя въ сердцахъ своихъ сокрушеніе и собранность. Потомъ опять, предоставивъ одному начать пѣніе, прочіе подпѣваютъ и такимъ образомъ проводя ночь въ разнообразномъ псалмопѣніи, прерываемомъ молитвами, на разсвѣтѣ уже дня всѣ сообща, какъ бы едиными устами и единымъ сердцемъ, возносятъ къ Господу псаломъ исповѣданія, каждый собственными своими словами говоритъ покаяніе. Если за это уже бѣгаете отъ насъ, то бѣгайте отъ Египтянъ, бѣгайте отъ обитателей той и другой Ливіи, Оливянъ, Палестинянъ, Аравитянъ, Финикіянъ, Сиріянъ и живущихъ при Ефратѣ, однимъ словомъ отъ всѣхъ, кто уважаетъ бдѣнія, молитвы и общія псалмопѣнія» (1).

Но и это письмо св. Василія, устраняющее всѣ видимые предлоги ко враждѣ противъ него, осталось безъ благотворныхъ послѣдствій; потому что истинною-то причиною вражды противъ него было не то, что говорили, но то, что старались скрыть. Однажды св. Василию случилось быть близъ Неокесаріи въ одной пустынной обители (въ которой начальствовалъ братъ его Петръ), для отдохновенія отъ непрестанныхъ и утомительныхъ трудовъ. Его близость къ Неокесаріи такой страхъ навела на начальниковъ и главныхъ провозвѣстниковъ нечестиваго Савелліева ученія, что всѣ оставили городъ и разбѣжались, показывая тѣмъ свое несокрушимое упорство въ нечестіи. Другихъ же слугъ нечестія подкупали и опьяняющими пиршествами склонили разглашать въ народѣ самыя нечестивыя, лживыя, и оскорбительныя выдумки противъ св. Василія, чтобы прикрыть только истинную причину своего бѣгства.—Св. Василій, понимая, что народъ увлекается нечестивыми ученіями своего Архипа-

(1) В. В. письмо 199.

стыря по неразумію и не способности отличать истину отъ лжи, а духовенство идетъ за нимъ въ слѣдъ или по чловѣкоугодничеству, или склоняемое къ тому корыстными видами, написалъ письмо къ Неокесарійскимъ ученымъ, которые способны были безпристрастнѣе относиться къ предметамъ спора. Въ этомъ письмѣ, раскрывъ предъ ними безобразные поступки вождей Неокесарійской Церкви, доказавъ нечестіе ихъ ученія, давно отвергнутаго и осужденнаго всею православною Церковію, убѣждалъ ихъ не примѣшиваться сему лжеученію. Въ заключеніе говорить имъ, что если они и вожди ихъ отрекутся отъ своихъ лжеученій: то цѣль его заботъ достигнута, и онъ забудетъ прошедшее, только бы уврачевано было настоящее. «Если же, писалъ онъ далѣе, останутся при томъ же, необходимо будетъ мнѣ возопить другимъ Церквамъ о вашемъ нечестіи, и постараться, чтобы отъ большаго числа Епископовъ пришли къ вамъ письма, которыя бы низложили это великое нечестіе, у васъ приготовляемое. Это или будетъ сколько нибудь полезно для нашей цѣли, или безъ сомнѣнія, настоящее засвидѣтельствованіе освободить насъ отъ вины на судѣ ⁽¹⁾». Такое отношеніе къ нему Неокесарійцевъ весьма непріятно подѣйствовало на его душу, и еще болѣе разстроило его здоровье. Возвратившись изъ дальнаго путешествія, писалъ онъ къ Амфилохію, пришелъ я съ разбитымъ тѣломъ и съ душою довольно огорченную ⁽²⁾».

При всемъ усиліи св. Василія умирить враждующихъ отразить враговъ Церкви, охранить чистоту вѣры, между православными, по попущенію Божію, враги мало уменьшались въ числѣ и силѣ; а друзья его и защитники православной истины, прошедши назначенный Богомъ путь земной жизни,

⁽¹⁾ В. В. письмо 202.

⁽²⁾ В. В. письмо 209.

отходили въ вѣчность для полученія заслуженныхъ отъ праведнаго Судіи наградъ. Св. Аѳанасій Александрійскій, который во многомъ помогалъ ему и въ нѣкоторыхъ случаяхъ защищалъ отъ нападенія враговъ, и въ которомъ одномъ св. Василій полагалъ надежду къ утвержденію мира церковнаго, отошелъ ко Господу. Не успѣлъ св. Василій освободиться отъ скорби о разлукѣ съ нимъ, его сердце поражено было вѣстію о жестокихъ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ противъ православныхъ въ Александріи. Желая поддержать духовное общеніе съ Александрійскою Церковію, св. Василій поспѣшилъ привѣтствовать преемника Аѳанасіева Петра, желая ему наслѣдовать отъ прежняго великаго и святаго Архипастыря и любовь къ нему, какою онъ пользовался отъ св. Аѳанасія «и попеченіе о живущей по всюду братіи съ тѣмъ же сердоболиемъ и съ тѣмъ же усердіемъ, какія и тотъ блаженный мужъ имѣлъ о всѣхъ по истинѣ любящихъ Бога ⁽¹⁾». Не оставилъ св. Василій безъ утѣшенія и скорбную Александрійскую паству. Но въ особомъ посланіи къ жителямъ Александріи, внушивъ имъ мужественно терпѣть озлобленія отъ враговъ по подражанію прежнимъ отцамъ, которые только этимъ путемъ могли достигнуть славы на небѣ, извиняется, что не могъ самъ лично явиться къ нимъ съ утѣшеніемъ, какъ по причинѣ болѣзни своей, такъ и по причинѣ враговъ, которые, какъ хищные волки, подстерегаютъ его, чтобы уловить удобное время для расхищенія овецъ Христовыхъ ⁽²⁾.

Смерть святаго Аѳанасія Александрійскаго лишила въ немъ для св. Василія главнаго сотрудника въ умиротвореніи Церкви Антиохійской, которая страдала и отъ нападенія

⁽¹⁾ В. В. письмо 128.

⁽²⁾ Его же письмо 134.

аріанъ, и отъ борьбы двухъ православныхъ архіепископовъ, Мелетія и Павлина. Павлинъ, какъ посвященный въ санъ Архіепископа послѣ Мелетія, не имѣлъ права на антiохійскій престолъ при жизни прежняго архіепископа, но, какъ поддерживаемый западными Епископами, усиливавшимися подчинить своему вліянію и Восточную Церковь, незаконно стремился къ власти, тѣмъ увеличивалъ бѣдствія Антіохійской Церкви. Къ большей скорби св. Василія и пресвитеръ Евагрій, мужъ ученый, доселѣ поддерживавшій вмѣстѣ съ св. Василіемъ права Мелетія, склонился на сторону Павлина.

Но этимъ не окончились скорби св. Василія. Вскорѣ за симъ скончался отецъ его друга, Епископъ Назіанскій Григорій, котораго онъ чтилъ и любилъ, какъ отца. Не смотря на немощъ своихъ тѣлесныхъ силъ, св. Василій посѣтилъ своего друга, св. Григорія Богослова.

За этою утратою не замедлила явиться другая, не менѣе тяжелая для сердца св. Василія. Его искренній другъ и совѣтникъ во всѣхъ дѣлахъ, св. Евсевій, Епископъ Самосатскій, по повелѣнію Валента, былъ сосланъ въ заточеніе.

Среди сихъ скорбей и лишеній св. Василій не былъ однакоже оставленъ Господомъ совершенно безутѣшнымъ. Его вѣра и терпѣніе имѣли нужду въ подкрѣпленіи примѣромъ мужественнаго подвижника за вѣру: и вотъ, по изволенію Господа, къ нему присланы были мощи св. Саввы Готескаго его родственникомъ, областнымъ начальникомъ на предѣлахъ Скиѳіи, Сораномъ ⁽¹⁾. А Асхолій, Епископъ Солунскій, въ особомъ посланіи, исполненномъ выраженій искренней любви и почтенія къ нему, живо описалъ всѣ страданія и все мужество за вѣру св. мученика Евтихія, котораго вмѣстѣ

⁽¹⁾ В. В. письмо 160.

прислалъ и св. мощи ⁽¹⁾. Читая посланіе Асхолія, св. Василій переносился мыслию въ первобытныя времена Церкви, твердой въ вѣрѣ и соединенной любовью. И вообще празднованіе въ честь св. мучениковъ св. Василій совершалъ всегда съ большимъ торжествомъ, почерпая въ ихъ мужественныхъ страданіяхъ за вѣру силы къ несенію скорбей, которыя окружали его самого отвсюду.

Обратимъ вниманіе хотя на одну изъ бесѣдъ св. Василия, сказанныхъ имъ въ честь св. мучениковъ. Въ началѣ бесѣды на день св. мученика Варлаама, св. Василій показываетъ, что въ прежнія времена смерть святыхъ чествовали сѣтованіемъ и слезами; но теперь, такъ какъ состояніе святыхъ въ загробной жизни, послѣ креста, измѣнилась, «мы уже не плачемъ, говоритъ онъ, сопровождаемъ смерть святыхъ, но въ восторженныхъ ликованіяхъ веселимся при ихъ гробахъ. Потому что смерть для праведныхъ—сонъ, вѣрнѣе же сказать, отшествіе къ лучшей жизни. Поэтому, закалаемые мученики, радуются; желаніе безконечной жизни умерщвляетъ въ нихъ ощущеніе болѣзней при закланіи. Мученикъ смотритъ не на опасности, но на вѣнцы; не ужасается ударовъ, но вычисляетъ награды, видитъ не исполнителей казни, бичующихъ здѣсь на землѣ, не представляетъ себѣ Ангеловъ, привѣтствующихъ съ неба; имѣетъ въ виду не кратковременныя опасности, но вѣчныя воздаянія». И за то, что искали небесной только славы, и здѣсь пользуются искреннимъ и одушевленнымъ прославленіемъ отъ всѣхъ истинныхъ поклонниковъ подвигоположника Христа. Ни одной знаменитости земной не продолжается слава такъ долго, и не чествуется его память съ такимъ торжествомъ, какъ чествуется память раба Божія, исполненнаго благодати Боже-

⁽¹⁾ Его же письмо 159.

ственной, хотя бы онъ при жизни не обладалъ ни могущественною властію, ни мудростію земною.

Указывая далѣе на происхожденіе и званіе св. Мученика, ежегодно собирающаго на свое празднество множество народа, показываетъ, какъ много превосходитъ всякаго гордящагося своимъ научнымъ образованіемъ и высокимъ происхожденіемъ,—человѣкъ простой по разуму, но просвѣщенный вѣрою и согрѣтый пламенною любовію къ Господу. Люди, просвѣщенные наукою, надѣленные даже не малымъ запасомъ богословскихъ свѣдѣній, но чуждые дѣятельной любви къ Господу, когда предстоитъ имъ подвигъ отречься отъ какой либо грѣховной привычки, прямо осуждаемой словомъ Божиимъ, или отказаться отъ какого либо удовольствія, препятствующаго къ достиженію какой либо добродѣтели, и прямо воспрещаемаго церковными постановленіями, всевозможными умствованіями стараются убѣдить себя въ излишествахъ такихъ подвиговъ, и въ возможности благоугождать Богу и безъ лишенія себя тѣхъ удовольствій, которыя, вслѣдствіе долговременной привычки, сдѣлались уже потребностью природы. Успокоивъ такими умствованіями себя, идутъ къ своей гибели, не чувствуя смущеній въ своей лукавой совѣсти. Но не такъ дѣйствуетъ живая вѣра человека простаго разумомъ, но крѣпкаго въ любви къ Господу: и эту истину доказываетъ своимъ примѣромъ св. мученикъ Варлаамъ. «Теперь благовременно намъ воскликнуть, говорить св. Василій: *идѣ премудръ, идѣ книжникъ, идѣ совѣтникъ вѣка сего* (1 Кор. 1, 20)? Сегодня у насъ непобѣдимымъ учителемъ благочестія—поселянинъ, котораго мучитель влекъ, какъ удобоуправляемую добычу, но въ которомъ, по испытаніи, узналъ непреодолимаго воина; надъ которымъ смѣялся за его неправильную рѣчь, и который устранилъ ангельскимъ мужествомъ: ибо нравы его не огрубѣли вмѣстѣ

съ орудіемъ слова, и разсудокъ не оказалъ въ себѣ тѣхъ же недостатковъ, какіе были у него въ слогахъ. Но сталъ онъ вторымъ Павломъ, съ Павломъ говоря: *еще и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. 11, 6). Бичующіе его исполнители казни приходили въ оцѣпненіе, а мученикъ оказывался возрастающимъ въ силахъ; ослабѣвали руки строгающихъ, но разсудокъ строгаемаго не преклонился; били, расторгали стройное сплетеніе жилъ, но крѣпость вѣры дѣлалась болѣе нерасторгаемою; исчезла плоть на изрытыхъ бокахъ, но цвѣло любомудріе разума; большая часть плоти омертвѣла, но мученикъ былъ бодръ, какъ не начинавшій еще подвиговъ.—Когда любовь къ благочестію поселится въ душѣ: тогда всѣ виды браней для нея смѣшны, и всѣ терзающіе ее за любимый предметъ болѣе улаживаютъ, нежели поражаютъ». Когда жестокіе мучители, испытавъ всѣ роды мученій надъ святымъ Мученикомъ, не могли его преклонить къ жертвоприношенію идоламъ, чтобы избавиться отъ стыда быть побѣжденными отъ непобѣдимаго мужества вѣрующаго поселянина, придумали особый родъ мученія. Возложивъ огонь на жертвенникъ, они велѣли мученику держать правую руку надъ нимъ, и въ руку вложили горящій ладонъ, чтобы онъ, не принеся жертвы идоламъ по произволенію, сбросилъ ладонъ на жертвенникъ хотя непроизвольно, не выдержавъ мученія отъ огня. Дѣйствительно, рука, обхваченная пламенемъ и сверху и снизу, прогорѣла до костей, но св. мученикъ не пошевелилъ ею, такъ что ладонъ весь сгорѣлъ на ладони.—Урокъ назидательный для тѣхъ, которые отказываются отъ соблюденія узаконенныхъ Церковію постовъ, или не хотятъ отречься отъ нѣкоторыхъ видовъ удовольствій, препятствующихъ соблюденію чистоты сердечной и твердости въ исполненіи воли Божественной!

При созерцаніи мужества и терпѣнія св. мучениковъ, св.

Василій вдохновлялся къ перенесенію скорбей, которыя его ожидали впереди, и которыя, при разслабѣвшихъ его силахъ тѣлесныхъ, болѣзненнѣе дѣйствовали и на его душу.

Въ Каппадокію назначенъ былъ новый намѣстникъ, префектъ Димосеенъ, покровитель аріанъ. По случаю его прибытія, такъ писалъ объ немъ св. Василій къ Евсевію, епископу Самосатскому: «прибылъ къ намъ намѣстникъ—это первое и величайшее изъ нашихъ золъ. Не знаю, еретикъ ли онъ по образу мыслей (а думаю, что не знаетъ никакого ученія, не имѣетъ ни какого усердія къ такимъ дѣламъ и не занимается ими; потому что, какъ вижу, день и ночь, душою и тѣломъ преданъ онъ другимъ занятіямъ), но по крайней мѣрѣ онъ любитель еретиковъ, и столько же ихъ любитъ, сколько насъ ненавидитъ ⁽¹⁾». При его-то содѣйствіи, аріане, по ложнымъ доносамъ, осудили и объявили низложеннымъ брата Василиева, Григорія епископа Нисскаго, и Василій, при всѣхъ усиліяхъ оправдать невиннаго брата, не имѣлъ успѣха ⁽²⁾.

Вскорѣ скончался Епископъ Никопольскій Θεодотъ, извѣстный ревнитель православія. Чтобы аріане не успѣли возвести на Никопольскій престолъ кого либо изъ своихъ, св. Василій убѣждалъ духовенство и жителей Колоніи уступить своего Епископа Евфросинія. Но колонійцы не соглашались исполнить его желаніе, и пока продолжался споръ и убѣжденія, аріане успѣли поставить епископомъ Никополя одного изъ своихъ единомышленниковъ ⁽³⁾. Итакъ, постоянное отторженіе православныхъ Церквей на сторону аріанъ поражало душу св. Василия постоянною скорбію.

⁽¹⁾ В. В. письмо 229.

⁽²⁾ В. В. письмо 217.

⁽³⁾ Его же письма 219—222.

Такъ какъ Императоръ Валентиніанъ, правитель Западной Имперіи, былъ православный христіанинъ и поддерживалъ въ своемъ государствѣ православіе: поэтому западные епископы, при его содѣйствіи, могли бы оказать помощь и къ умиротворенію восточныхъ Церквей. Стоило бы только расположить къ этому Валентиніана, и онъ могъ приказать Валенту прекратить гоненіе на православныхъ, такъ какъ онъ находился въ полной зависимости отъ него, какъ его помощникъ въ управленіи обширною имперіею. Св. Василій и держался этой мысли, и въ продолженіе своего Архіепископскаго служенія много употреблялъ усилій склонить западныхъ Епископовъ къ сочувствію бѣдственному состоянію восточныхъ Церквей. Но послѣ многократныхъ и многолѣтнихъ опытовъ пришелъ къ тому убѣжденію, что главою римской Церкви владѣетъ гордость, заносчивость и стремленіе къ владычеству, а за тѣмъ совершенное равнодушіе къ бѣдственному состоянію тѣхъ, которые не признаютъ его власти надъ собою ⁽¹⁾. Потому, когда другіе Восточные Епископы, видя постоянное поглощеніе православныхъ Церквей аріанами, просили его еще разъ испытать и отправить къ западнымъ Епископамъ общее письмо, съ объясненіемъ всѣхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ восточною Церковью, св. Василій далъ такой отвѣтъ: «люди надменнаго нрава, когда имъ угождаютъ, дѣлаются еще большими презрителями. Если умиласердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ надъ нами гнѣвъ Божій, какая будетъ намъ помощь отъ западной гордости? Они и не знаютъ дѣла, какъ оно есть, и не хотятъ его узнать.... Самъ я желалъ бы не въ видѣ общаго посланія написать къ ихъ верховному и не о дѣлахъ церковныхъ..... но о томъ, что

(1) В. В. письма 207, 208.

не должно нападать на людей, угнетенныхъ искушеніями, и признавать достоинствомъ гордость—этотъ грѣхъ, который и одинъ можетъ сдѣлать насъ врагами Богу ⁽¹⁾».

Но подчиняясь общему желанію всѣхъ восточныхъ Епископовъ, св. Василій, въ 376 году, написалъ снова два письма къ западнымъ Епископамъ. Въ этихъ письмахъ, живо изобразивъ бѣдствія, которыя терпятъ на Востокѣ православіе, со времени царствованія Валента уже тринадцатый годъ, просилъ ихъ довести о состояніи восточныхъ Церквей до свѣдѣнія западнаго Императора, и если сего нельзя сдѣлать, то по крайней мѣрѣ прислать кого нибудь для посѣщенія и утѣшенія скорбящихъ ⁽²⁾.

Послѣдствія этихъ писемъ показали, что св. Василій не обманулся въ безполезности сношеній съ Западомъ. Западные Епископы, не только не оказали ни какой помощи восточнымъ Церквамъ, и не только не обвинили, какъ бы слѣдовало, если бы они ревновали только о православной истинѣ, Павлина, поставленнаго ими, за его уклоненіе въ Маркеллову ересь, но и обвинили, собственно за нападеніе на него, въ ереси ревностныхъ защитниковъ православія, Мелетія, Архіепископа Антиохійскаго, и Евсевія, епископа Самосатскаго. ⁽³⁾. Какъ ни горестно было для святаго Василія извѣстіе о семъ, но онъ не терялъ упованія на милостивое попеченіе о Церквахъ Господа Іисуса Христа, и потому въ 378 году писалъ св. Евсевію, жившему въ изгнаніи, выражая твердую увѣренность свою, что милосердый Богъ, внимая слезамъ Церквей и вздохамъ, всѣми испускаемымъ, еще при жизни его, возвратитъ изгнанныхъ Епископовъ на

⁽¹⁾ В. В. письмо 231.

⁽²⁾ Его же письма 234—235.

⁽³⁾ В. В. письмо 258.

свои престолы. ⁽¹⁾. И упованіе его на Бога не посрамило. Въ Маѣ 378 года западнымъ Императоромъ Граціаномъ изданъ былъ указъ въ пользу православія, которымъ не дозволялось еретикамъ имѣть никакихъ церковныхъ собраній ни въ городахъ, ни внѣ городовъ. Хотя этотъ указъ, при жизни Валента, не могъ принести православнымъ всѣхъ благотворныхъ плодовъ, какихъ можно было отъ него ожидать; но тѣмъ не менѣе онъ не мало ободрилъ духъ православныхъ и утвердилъ ихъ надежды на лучшія времена. Впрочемъ Промыслъ Божественный, полагающій предѣлъ всему, и радостямъ и скорби, не замедлилъ послать страждущему православію полное утѣшеніе, а вмѣстѣ съ симъ нанести и конечное пораженіе еретикамъ. Въ Августѣ того же 378 года Валентъ погибъ въ войнѣ противъ Готѣвъ, а вмѣстѣ съ нимъ рушилось и господство аріанъ. Немедленно по смерти Валента Граціанъ повелѣлъ возвратить изъ заточенія всѣхъ исповѣдниковъ православія, и, изгнавъ изъ городовъ еретиковъ, возвести на кафедры церковныя православныхъ Епископовъ, которымъ они прежде принадлежали ⁽²⁾. Для исполненія этого указа Граціанъ отправилъ на Востокъ особаго чиновника Сапора. И св. Василій, изнуренный осмыслѣтнею, въ санѣ Архіепископа, борьбою съ еретиками, разслабленный постоянными и неутомимыми трудами, изможденный непрерывными болѣзнями, истощенный подвигами любомудрія, въ концѣ дней своего земнаго житія, имѣлъ еще утѣшеніе видѣть возвращенными на свои кафедры своихъ друзей, Мелетія и Евсевія. Ревностные Архипастыри немедленно занялись возстановленіемъ Церквей, пострадавшихъ отъ аріанъ, возводя на запустѣвшіе престолы

⁽¹⁾ Его же письмо 260.

⁽²⁾ Сократъ 5, 2. Сотомень кн. 7, Θεодоритъ 5, 2.

людей, доказывавшихъ и чистоту и твердость своего православія ⁽¹⁾. На эти церковныя кафедры возведены были многіе и изъ учениковъ св. Василія имъ самимъ, за нѣсколько дней до его кончины, которая послѣдовала 1 Января 379 года, на 51 году его жизни.

Св. Григорій Богословъ, не смотря на сильное свое желаніе проститься съ своимъ отходящимъ въ вѣчность другомъ, или хотя облобызать его священный прахъ, не могъ этого сдѣлать по причинѣ болѣзни, не дававшей ему никакой возможности оставить свой одръ ⁽²⁾. Но возвратившись изъ Константинополя, при первой возможности, онъ посѣтилъ его могилу, и почтилъ память своего друга надгробнымъ словомъ, въ которомъ пересказалъ всю его жизнь, отъ дня рожденія до его кончины. И потому мы выслушаемъ его повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ жизни Великаго Святителя, и о торжествѣ погребенія, при которомъ ясно высказались, какъ глубокое уваженіе къ нему Кесарійской паствы, такъ и искренняя любовь къ нему и признательность.

«Когда, теченіе скончавъ, говоритъ св. Григорій о своемъ святомъ другѣ, и вѣру соблюдши, возжелалъ онъ разрѣшиться, и наступило время къ принятію вѣнцевъ; когда услышалъ онъ не то повелѣніе: *взыди на юру, и скончайся* (Второз. 32, 49—50), но другое: скончайся и взыди къ намъ: тогда совершаетъ онъ чудо не меньшее описанныхъ. Будучи уже почти мертвъ и бездыханенъ, оставивъ большую часть жизни, оказывается онъ еще крѣпкимъ при произнесеніи исходной своей рѣчи, чтобы отойти отселѣ съ вѣщаніями благочестія, и на рукопокоположеніе искреннѣйшихъ своихъ слугъ подастъ руку и духъ, чтобы

⁽¹⁾ Θεοδοριτὴς 3, 4.

⁽²⁾ Γρ. Β. πῖσμο 70.

алтарь не лишень былъ его учениковъ и помощниковъ въ священствѣ».

«Коснѣтъ, правда, слово коснуться послѣдующаго, однакоже коснется, хотя говорить о семъ приличнѣе было бы другимъ, а не мнѣ, который (сколько ни учился любомудрію) не умѣю соблюсти любомудрія въ скорби, когда привожу себѣ на память общую потерю и скорбь, какая объяла тогда вселенную».

«Василій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ ликостоянію, къ которому съ давняго времени простиралъ свои взоры. Вокругъ него волновался весь городъ; не стерпима была потеря; жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе, думали удержать его душу, какъ будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горестъ дѣлала ихъ безразсудными), и всякій, если бы только возможно, готовъ былъ приложить ему что нибудь отъ своей жизни. Когда же всѣ ихъ усилія оказались напрасны (надлежало объясниться тому, что онъ человѣкъ), и когда, изрекши послѣднее слово: *въ руку Твою предаю духъ мой* (Пс. 30, 6), поемлемый Ангелами, радостно испустилъ онъ духъ, впрочемъ тайноводствовавъ прежде присутствовавшихъ, и усовершенствовавши своими наставленіями: тогда открывается чудо замѣчательнѣйшее изъ бывшихъ когда-либо. Святый былъ выносимъ, подѣмлемый руками святыхъ. Но каждый заботился о томъ, чтобы взяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священный одръ, или коснуться только (ибо что священнѣе и чище его тѣла?), или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ (какъ бы и оно доставляло пользу). Наполнены были торжища, переходы, вторыя и третьи жилья; тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ незнаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одръ и тѣс-

нили другъ друга. Псалмопѣнія заглушаемы были рыданіями; и любомудріе разрѣшилось горестію. Наши препирались съ посторонними, съ язычниками, съ іудеями, съ пришельцами, а они съ нами, о томъ, кто больше насладится зрѣлищемъ, и извлечетъ для себя бѣольшую пользу. Скажу въ заключеніе, что горестъ окончилась дѣйствительнымъ бѣдствіемъ: отъ тѣсноты, стремленія и волненія народнаго немалое число людей лишились жизни, и кончина ихъ была ублажаема, потому что преселились отсюда вмѣстѣ съ Василиемъ, и стали (какъ сказалъ бы иной усерднѣйшій) надгробными жертвами. Когда же тѣло съ трудомъ укрылось отъ хищныхъ рукъ (т. е. отъ рукъ усердныхъ читателей, не желавшихъ съ нимъ разстаться), и оставило позади себя сопровождающихъ, передается оно гробу отцевъ, и къ іереямъ прилагается архіерей, къ проповѣдникамъ—великій гласъ, оглашающій еще мой слухъ, къ мученикамъ—мученикъ. И теперь онъ на небесахъ, тамъ, какъ думаю, приносить за насъ жертвы и молится за народъ» ⁽¹⁾.

Ко всему сказанному о жизни св. Василия Великаго находимъ нужнымъ присовокупить, на основаніи сказаній св. Дмитрія Ростовскаго Чудотворца, объ особыхъ благодатныхъ дѣйствіяхъ Духа Святаго, проявленныхъ чрезъ св. Василия еще при жизни его на землѣ. Когда уже былъ св. Василий Великій Архіепископомъ: то во время совершенія имъ Божественной Литургіи, по освященіи даровъ, алтарь былъ осіяваемъ нѣкимъ особымъ небеснымъ свѣтомъ, и самого великаго Архіерея окружали нѣкіе свѣтоносные, въ бѣлыхъ одеждахъ, мужи, что служило яснымъ указаніемъ присутствія въ храмѣ Духа Святаго и сослуженія Ангельскаго. Это видѣніе явно было для многихъ благоговѣйныхъ

⁽¹⁾ Гр. Б. Сл. 43, стр. 136—138.

клириковъ, участвовавшихъ въ служеніи съ святымъ Архипастыремъ.

Одинъ еврей, изъ любопытства пришедши въ церковь, чтобы узнать, что совершается христіанами во время Литургіи, по особому Божію промышленію, во время преломленія освященнаго хлѣба, узрѣлъ въ рукахъ Святителя младенца, котораго онъ раздроблялъ на части. Желая еще болѣе удостовѣриться въ дѣйствительности видѣннаго имъ чуда, вмѣстѣ съ прочими христіанами, подошедши для пріобщенія св. Тайнъ, убѣдился еще болѣе въ дѣйствительности того, что христіанамъ преподается истинное тѣло и истинная кровь. Это чудесное преложеніе хлѣба и вина въ истинное Тѣло и въ истинную Кровь, при благодатномъ озареніи отъ Господа, дало ему возможность понять высоту христіанскаго Таинства, и на другой же день, со всѣмъ своимъ семействомъ, онъ принялъ отъ рукъ святительскихъ святое крещеніе, и былъ благоговѣйный христіанинъ.

Одна бѣдная женщина, обиженная княземъ, занимавшимся сборомъ податей, припада къ стопамъ Святителя и умоляла его, чтобы онъ написалъ къ этому князю и попросилъ у него милости для нея, увѣряя его, что князь его послушаетъ. Святитель далъ этой бѣдной женщинѣ письмо къ князю, въ которомъ написалъ: эта женщина сказала мнѣ, что мое писаніе имѣетъ большое значеніе предъ тобою; если это справедливо, то окажи ей милость, какую можешь. Князь отвѣтилъ ему: я желалъ бы, но не могу сдѣлать для нея ни какой милости. Святитель снова написалъ ему пророчески: если хотѣлъ сдѣлать добро, но не могъ, то это еще не бѣда; но если могъ, но не хотѣлъ, то самъ впадешь въ состояніе просящихъ милости. Въ скоромъ времени князь дѣйствительно подпалъ гнѣву царя и преданъ былъ суду. Защиты для себя онъ не находилъ ни у кого, потому и обра-

тился къ св. Василю, прося его защиты предъ царемъ, такъ какъ онъ много имѣлъ между высокими придворными чинами расположенныхъ къ себѣ лицъ. Святій Василій, для вразумленія его, напомнивъ ему о немилости его къ бѣдной женщинѣ, сталъ ходатайствовать за него, и онъ былъ освобожденъ отъ суда, съ возвращеніемъ ему прежнихъ должностей. Тогда князь позвалъ къ себѣ презрѣнную имъ прежде бѣдную женщину и наградилъ ее щедро.

Для воспоминанія о Духѣ Святѣмъ, явившимся надъ крестившимся въ водахъ Іорданскихъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, въ видѣ голубя, св. Василій повелѣлъ устроить изъ чистаго золота голубя, для храненія въ немъ св. Даровъ. Этотъ голубь повѣшенъ былъ надъ святою трапезою, и всегда, во время Литургіи, совершаемой святымъ Архипастыремъ, при призваніи Святаго Духа, трижды приходилъ въ сотрясеніе, что ощутительнымъ образомъ, предъ всѣми находившимися въ алтарѣ, свидѣтельствовало и присутствіе Св. Духа. Но въ одно время этого чудеснаго дѣйствія не совершалось. Св. Василій, съ удивленіемъ и скорбію обозрѣвъ прозорливымъ окомъ всѣхъ предстоявшихъ престолу, какъ бы отыскивая виновнаго въ отсутствіи видимаго знаменія явленія Св. Духа, усмотрѣлъ, что одинъ діаконъ, державшій рипиды, бросалъ нескромные взгляды на одну жену, стоявшую внѣ алтаря. Этому діакону тотчасъ же повелѣлъ выйти вонъ, и голубь пришелъ въ обычное движеніе.

Слава о великой духовной мудрости св. Василя, равно какъ и о его святости и великихъ подвигахъ благочестія, разносилась далеко за предѣлы Кесарійской области, и достигла, наконецъ, до слуха великаго въ Сиріи подвижника, извѣстнаго всему православному міру своими духовно-подвижническими сочиненіями, Ефрема Сүрина. Онъ услаж-

*

дался слухомъ о великихъ подвигахъ и святости жизни св. Василія Великаго, и благодарилъ Бога, воздвигшаго, въ столь трудныя времена для Церкви, столь великаго мужа, но по чрезвычайной дальности пути, соединеннаго съ великими трудностями, и по любви къ уединенію, не рѣшался придти въ Кесарію, чтобы лично насладиться его бесѣдою. Но Промыслъ Божественный, для пользы обоихъ святыхъ мужей, находилъ нужнымъ ихъ временно соединить между собою. Святый Ефремъ желалъ знать, каковъ св. Василій по суду Божію, чтобы въ его примѣрѣ найти для себя побужденіе къ высшему совершенствованію себя въ духовной жизни, и съ этимъ святымъ желаніемъ обратился къ самому сердцеѣдцу Богу. Принимая вниманіемъ къ благой цѣли желанія св. Ефрема, Богъ открылъ ему въ видѣніи, каковъ Василій. Ефремъ увидѣлъ огненный столпъ, восходившій отъ земли и касавшійся неба, и въ это время послышался гласъ: Ефремъ, каковъ этотъ столпъ, который ты видишь, таковъ есть Василій. Послѣ такого видѣнія Ефремъ возымѣлъ сильное желаніе увидѣть того, кого великимъ почиталъ и самъ не лживый судія—Богъ. Взявъ съ собою переводчика, такъ какъ самъ не зналъ греческаго языка, и потому не могъ бесѣдовать съ св. Василиемъ, отправился въ путь, и прибылъ въ Кесарію на канунъ праздника Богоявленія Господня. На самый праздникъ пришедши въ храмъ, сталъ на западной сторонѣ въ углу, и имѣлъ возможность и молиться уединенно, ни кѣмъ незамѣчаемый, и видѣть самого св. Василія при совершеніи Божественной Литургіи. Составивъ себѣ понятіе, что святой слуга Божій, не въ душѣ только долженъ быть смиреннымъ, но и быть таковымъ по наружному виду, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, св. Ефремъ соблазнился, когда увидѣлъ св. Василія облаченнымъ, со всѣми сослужащими ему, въ богатыя ризы, съ выраженіемъ вели-

чія и въ самыхъ его движеніяхъ. Но св. Василій, не видѣвши его еще ни разу, и не слышавши о его прибытіи, по откровенію отъ Господа сердецѣдца, прозрѣлъ его мысли, и послалъ своего архидіакона пригласить его въ алтарь. Св. Ефремъ удивился, услышавъ приглашеніе отъ Архіепископа и объяснилъ архидіакону, что онъ странникъ, недавно прибылъ въ городъ, неизвѣстенъ Архіепископу, и потому полагаетъ, что его приглашеніе относится къ кому либо другому. Архидіаконъ возвратился въ алтарь и сказалъ отвѣтъ св. Ефрема. Но св. Василій снова послалъ архидіакона сказать страннику Ефрему, что именно его требуетъ къ себѣ Архіепископъ. Тогда св. Ефремъ убѣдился, что св. Василій дѣйствительно мужъ святой и обладаетъ даромъ прозорливства. Но по глубокому смиренію не хотѣлъ однако же среди народа представляться ему, и потому просилъ позволенія явиться къ Архіепископу послѣ Литургіи. Бесѣдуя послѣ съ св. Василиемъ при посредствѣ переводчика, и чувствуя великое услажденіе въ душѣ отъ его бесѣды, сожалѣлъ, что не можетъ самъ непосредственно бесѣдовать съ нимъ. Вѣруя однако же въ силу молитвъ св. Василия, св. Ефремъ просилъ его, чтобы онъ помолился Богу о дарованіи ему дара говорить съ нимъ по-гречески. Св. Василій сказалъ, что слишкомъ многого просить отъ его немощи; но, прибавилъ, въ награду за великій трудъ, предпринятый тобою, помолимся Господу Богу, и уповаю, что Онъ, по вѣрѣ твоей, дастъ тебѣ просимое. И дѣйствительно, по окончаніи молитвы, св. Ефремъ получилъ способность самъ говорить по-гречески и понимать то, что говорилъ ему св. Василій. Въ благодарность за великое утѣшеніе, которое онъ получилъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, отъ бесѣды св. Василия, написалъ въ честь и память его похвальное слово,

которое сохранилось доселѣ въ числѣ твореній св. Ефрема Сүрина.

Въ Кесаріи былъ нѣкто еврей Іосифъ, который, занимаясь врачебнымъ искусствомъ, такую приобрѣлъ опытность, что, ощутивъ жилы больного, опредѣлялъ день и часъ смерти его. Святый Василій, провидя духомъ обращеніе его ко Христу, приглашалъ его къ себѣ иногда и убѣждалъ его оставить жидовскую вѣру. Но еврей на всѣ его убѣжденія всегда отвѣчалъ одно: хочу и умереть въ той вѣрѣ, въ которой родился. Когда св. Василій впалъ въ болѣзнь, отъ которой долженъ былъ и окончить дни свои, пригласилъ къ себѣ этого еврея, и спросилъ его: скоро ли я долженъ умереть? Еврей, ощутивъ его жилы, сказалъ, что очень скоро, не доживешь и до вечера. А если, сказалъ св. Василій, я проживу до шести часовъ утра, что тогда сдѣлаешь?—я готовъ самъ умереть, отвѣтилъ еврей. Св. Василій сказалъ: такъ, умрешь для грѣха, и будешь жить для Бога. Понимаю о чемъ говоришь, и клянусь, если доживешь до утра, то исполню твою волю,—съ твердостью отвѣтилъ еврей. Святый Василій помолился Господу Богу, чтобы онъ продлилъ его жизнь до утра ради спасенія души еврея. Когда настало утро, св. Василій послалъ за евреемъ. Еврей не хотѣлъ вѣрить слугѣ и поспѣшилъ самъ къ Святителю. Увидѣвъ его еще живымъ, воскликнулъ: воистину, великъ Богъ христіанскій, и нѣтъ инаго Бога, кромѣ Его; отрицаюсь богоненавистнаго жидовства и приступаю къ истинной христіанской вѣрѣ. Повели святый Отче немедленно преподавать св. крещеніе мнѣ и всему дому моему. Я самъ преподамъ тебѣ святое крещеніе моими руками, сказалъ ему св. Василій, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ церковь. Окрестивъ его и всѣхъ членовъ его семейства, и преподавъ имъ, по совершеніи Божественной Литургіи, святыхъ

Тайны, возвратился въ свой домъ. И здѣсь, преподавъ всѣмъ присутствовавшимъ слова назиданія и благословивъ всѣхъ, съ миромъ отошелъ ко Господу.

Конецъ.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
10	18	Васильевой	Василіевой
48	5	позется	познается
54	15	Емемлія	Еммелія
54	17	Измса	Ирса
55	1	Неокесаріи	и Неокесаріи
55	4	адвоката въ Неокесаріи	адвоката въ Кесаріи и учителя краснорѣчія въ Неокесаріи
61	7	Попліи	Пахоміи
64	19	отъ врага	и отъ врага
65	2	<i>слава</i>	<i>слово</i>
65	30	не достатковъ	недостатковъ
67	2	въ вновь	во вновь
97	24	и увеличеніемъ,	и увлеченіемъ,
104	25	содѣловаетъ	содѣлываетъ
109	28	не добросовѣстныхъ	недобросовѣстные
130	8	аріанецъ	аріанинъ
131	16	такъ	какъ
148	14	Аетіи,	Аэтіи,
184	4	и	или
194	12	<i>оградахъ</i>	<i>оградихъ</i>
245	24	тебя	себя
299	12	правамъ	правамъ
328	27	противноложнаго	противоположнаго

281.1

B2928

CALL NUMBER	
281.1 B2928	
VOL.	
YEAR	
COPY	
AUTHOR	
Agapit	
TITLE	
Zhizn' Sviatago Vasiliia	

10435913

MAY 7 - 1954

Digitized by Google

